2

БАРРИ ХЬЮАРТ

# ХРОНИКИ МАСТЕРА ЛИ И ДЕСЯТОГО БЫКА

Романы

Перевод с английского:
Александр Вироховский

ПРОЕКТ САМИЗДАТ
Выпуск №2

Barry Hughart

## The Story of the Stone

*Мастер Ли и Десятый Бык должны пройти по следам порока и смерти, который ведет из грязных винных лавок Пекина в туманные холмы сельского Китая, и дойти до ворот самого Неба. Настоятель скромного монастыря в Долине Скорби призвал их, чтобы расследовать жестокое убийство монаха и кражу загадочного манускрипта из библиотеки монастыря. Вскоре подозрение падает на бесчестного Смеющегося Принца Лиу Шень, правителя Долины Скорби, чьи чудовищные фантазии превратили его имя в легенду — но Смеющийся Принц умер семьсот пятьдесят лет назад. Столкнувшись с неразрешимой загадкой, Мастер Ли и Десятый Бык нанимают двух помощников: Лунного Мальчика, очень красивого (и очень сильного!) юношу, самого лучшего в Китае специалиста по звукам, и его возлюбленную Утреннюю Печаль, очаровательную юную проститутку, которая — единственная в Китае — может заставить Лунного Мальчика делать то, что от него хотят. Все четверо пускаются на поиски разгадки, встречая по дороге демонов, призраков и убийц. Тем не менее в результате они находят нечто еще более странное.*

*Путешествие Мастера Ли и Десятого Быка удивит, напугает и восхитит вас — путешествие по замечательному, полному загадок древнему Китаю, которого никогда не было... но который должен был быть!*

Barry Hughart

## Eight Skilled Gentlemen

*Третий роман Барри Хьюарта — еще одна жемчужина, продолжающая приключения достопочтенного Мастера Ли, престарелого мудреца «с легким изъяном в характере» и его верного помощника, Десятого Быка. На этот раз пара китайских сыщиков расследует убийство почтенного мандарина, совершенное чжи-мэй, вурдалаком, при свете дня. Небесный Мастер, самый уважаемый даос империи, просит своего старого друга, Мастера Ли, расследовать это дело. Однако сам Небесный Мастер становится главным подозреваемым, когда рассказывает, что убийца использовал огненный шар, а потом превратился в журавля. Теперь Мастеру Ли и Десятому Быку придется пройти через лесные деревни и кишащие бандитами степи, повстречаться с призраками, волшебниками, собаками-невестами, чудовищами, кукольниками, шаманками, магическими клетками для птиц и, конечно, с Восемью Умелыми Мужчинами, загадочными фигурами в масках, пришедшими из самого начала истории Китая и заключившими союз с восемью отвратительными демонами. Замечательно написанная и с юмором рассказанная история завершает цикл приключений Мастера Ли и Десятого Быка.*

# СОДЕРЖАНИЕ


История камня....6
Пролог....8
Первая Глава....14
Вторая Глава....19
Третья Глава....27
Четвертая Глава....36
Пятая Глава....43
Шестая Глава....49
Седьмая Глава....54
Восьмая Глава....59
Девятая Глава....67
Десятая Глава....78
Одиннадцатая Глава....89
Двенадцатая Глава....100
Тринадцатая Глава....109
Четырнадцатая Глава....116
Пятнадцатая Глава....127
Шестнадцатая Глава....135
Семнадцатая Глава....140
Восемнадцатая Глава....149
Девятнадцатая Глава....154
Двадцатая Глава....161
Двадцать Первая Глава....167
Двадцать Вторая Глава....174
Двадцать Третья Глава....181
Двадцать Четвертая Глава....188
Двадцать Пятая Глава....198
Двадцать Шестая Глава....206
Восемь умелых мужчин....215
Первая Глава....217
Вторая Глава....226
Третья Глава....234
Четвертая Глава....243
Пятая Глава....248
Шестая Глава....255
Седьмая Глава....262
Восьмая Глава....268
Девятая Глава....276
Десятая Глава....284
Одиннадцатая Глава....290
Двенадцатая Глава....294
Тринадцатая Глава....301
Четырнадцатая Глава....310
Пятнадцатая Глава....318
Шестнадцатая Глава....323
Семнадцатая Глава....332
Восемнадцатая Глава....337
Девятнадцатая Глава....342
Двадцатая Глава....349
Двадцать Первая Глава....357
Двадцать Вторая Глава....363
Двадцать Третья Глава....369
Двадцать Четвертая Глава....378
Двадцать Пятая Глава....385
Интервью Б. Хьюарта Дж. Кунцу....393
Примечания переводчика....395
Примечания к тексту....396
Об авторе....400

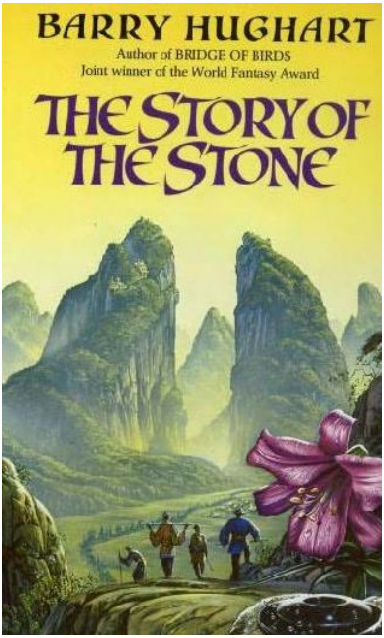
Barry Hughart /13.03.1934/

Хроники Мастера Ли и Десятого Быка
/The Chronicles of Master Li and Number Ten Ox/

- 1984 – Мост птиц / Bridge of Birds
- 1988 – История камня /
  The Story of the Stone
- 1990 – Восемь умелых мужчин /
  Eight Skilled Gentlemen

# ИСТОРИЯ КАМНЯ

Книга вторая




The Story of the Stone
© 1988, Barry Hughart
© 2010, А. Вироховский

# ПРОЛОГ

В день *Чен Ву* Мастер Ли сидел и рассеянно листал мои литературные упражнения, а я радовался тому, что за окном холодный дождь, заняться нечем и остается только пачкать бумагу чернилами. — Бык, — сказал он, — то, что ты пишешь воспоминания, чудесным образом улучшило твою каллиграфию, но содержание вызывает у меня сомнения. Почему ты пишешь только о тех редких случаях, когда нас кидало из одной опасности в другую?

Я героически удержался от ответа, «Потому что других не было».

— Когда ты разрешаешь себе вложить в рассказ слишком много чувств, в нем остается слишком мало мыслей. Кроме того, — ворчливо добавил он, — создается впечатление, что я жесток и нещепетилен, а я бываю таким только в тех случаях, когда это необходимо. Почему бы тебе не описать события, которые происходили прелестно и спокойно, даже лениво; почему ты выбираешь яростный поток, а не навевающий на философские размышления спокойный пруд?

Когда я попытался подумать об этом, то машинально потер себе нос пером с волосинками из мышиных усов. И добился только того, что чернила попали мне в ноздри.

— *Ши тоу чи*, — сказал Мастер Ли.

Я с удивлением посмотрел на него. — Вы хотите, чтобы я попытался объяснить весь этот ужасный беспорядок? — спросил я высоким сдавленным голосом. — Почтенный господин, вы очень хорошо знаете, что это почти разбило мне сердце, и я—

— *Ши тоу чи*, — повторил он.

— Но как я могу рассказать *Историю Камня*? — простонал я. — Во первых, я не знаю, где она начинается, во вторых я не уверен, что она закончилась, и в третьих, даже если бы я понял конец, это ничем не поможет мне, потому что я не понимаю начало.

Он долго молча глядел на меня, а потом сказал. — Мой мальчик, никогда больше не произноси такие фразы. Он них на лице высыпают прыщи и начинает дергаться глаз.

— Да, господин, — сказал я.

— Начни с начала, как ты понимаешь его, потом иди к середине, продолжай, дойди до конца и остановись, — сказал Мастер Ли, и отправился промочить горло, оставив меня полностью сбитым с толку.

Что я могу рассказать о деле с камнем? Наверняка я знаю только одно — день, когда нас вовлекли в него: двенадцатый день седьмой луны 3339 года Змеи (650 г. н. э). Я помню его, потому что проснулся с предчувствием, что сегодня должно произойти нечто неожиданное, и проверил календарь на благоприятные

дни, хотя беспокоился не за себя, а за Мастера Ли. В этом месяце он был в плохом настроении. Все дни напролет он только и делал, что валялся на соломенном тюфяке и рассеянно пил, а когда бывал трезвым, прикалывал на стену своей хижины карикатуры на правительственных чиновников и метал в них кинжалы. Он никогда не говорил со мной об этом, но я-то знал, что он стар, настолько стар, что невозможно в это поверить, и я думаю, что он боялся умереть раньше, чем произойдет что-нибудь интересное.

Мне все это не нравилось, но я не мог позволить себе подходящего предсказателя, и вынужден был опираться на *Та-Ши,* чтобы понять, влечет ли мое предчувствие радость или несчастье, а это означало, что я могу получить всего шесть возможных ответов: «великий мир и счастье», «маленькое терпение», «немедленная радость», «разочарование и ссоры», «маленькое счастье» и «потери и смерть». Я не осмелился испытывать терпение богов и пытаться получить два предсказания в день. В восьмой день седьмой луны я прочитал первое, что попалось на глаза, и мое сердце упало, когда я увидел «потери и смерть». На девятый день я опять попытался, и опять получил «потери и смерть». Мое сердце прыгнуло в сандалии и обратно, когда «потери и смерть» появилось и на десятый день. Перед рассветом одиннадцатого я отправился в монастырь Куан-ин[1], чтобы помолиться. Но даже милость богини не помогла. «Потери и смерть» пришли снова, я прочитал их в тени статуи богини в тот момент, когда солнце поднялось над стенами города, и тут же услышал горестные крики, несшиеся от переулка, в котором жил Мастер Ли, а потом ужасающий перезвон Облачного Гонга[2].

Я побежал назад, слепой от слез, и врезался в Шестого Минга, который полетел вверх тормашками, едва не сломав тонкие кончики жертвенного фимиама «Пальцы Будды», который он купил за большие деньги. Но ему было все равно. Я никогда не видел никого счастливее, и только тогда сообразил, что вой и Облачный Гонг несутся из его дома, а не из хижины Мастера Ли, потому что прадедушка Минг (самый противный домашний тиран на свете) в конце кон-

---

1 Китайская богиня милосердия (рис. А), защитница женщин.

«Госпожа, что приносит детей», она — самое почитаемое и популярное китайское божество, которое больше всего любят многие феминистки, неоязычницы и ведьмы. До XII века Куан Ин была известна, как мужчина бодхисатва Авалокитесвары, которого бог одарил совершенным просветлением, родившегося из слезы, пролитой Буддой над страданиями земными. Китайцы почитали его за способность любить и наделили его женскими качествами.

2 «Облачный гонг» — своеобразный китайский инструмент.

Состоит из деревянной рамы с десятью отверстиями (3+3+3+1), в которых свободно укреплены маленькие медные гонги — тарелочки одинаковых размеров, но не одинаково утолщающиеся к середине, отчего происходит разница 11 нотах звучания. Эти ноты делятся на пять так называемых «прямых» и пять «чистых». Инструмент держат одной рукой, а другой бьют молоточком по тарелочкам. Ему отводилось определенное место в обрядовой музыке.

цов испустил последний вздох. А Мастер Ли остался с нами, и даже настолько хорошо себя чувствовал, что пригласил несколько человек на вечеринку.

Это была самая неожиданная из всех неожиданных вечеринок. Господа для нее были набраны в ближайших винных лавках, а дамы из малопристойной труппы *Ян Пень*, которую я предпочитаю опере *Са Шу*, и все было хорошо, за исключением кота, принадлежавшего Мингу. Зверюгу привязали к гробу прадедушки, надеясь прогнать прочь злых духов, которые могли явиться за *по* (душой) человека, пока его *хань* (личность) судят в Аду. Я думаю, ничего хуже нельзя было придумать — собака, да, но все знают, что если кот прыгнет на гроб с покойником и останется там, то будут происходить самые ужасные дела. Вот и кот решил, что ему это не нравится, и начал выть во весь голос. И тут один из гостей, которого я не знал, парень с одутловатым лицом, предложил сыграть в «Выбрось Небо и Девять», а дамы подвыпили и решили заглушить вой кота совсем непристойной песней из классической, но не самой умной пьесы «Свадебный Танец Госпожи Лу», а тут еще на Пекин налетел ураган. Шквальный ветер завыл в контрапункт, и на крыше внезапно появилась дыра длиной в чи[3]. Я выудил упавшую солому из горшка с рисом, возложил приготовление еды на женщин, выбежал наружу и полез на крышу, чтобы заделать дыру.

Убедившись, что я не забыл солому, веревку, молоток и гвозди, я начал пробираться вдоль конька крыши к дыре. Дамы переводили дыхание, прежде чем начать новую песню, но ветер, кот и неуклюжие присказки игроков звучали в полный голос.

— *Красный молот шесть; будет легче месть*! — воскликнул игрок с одутловатым лицом, имея в виду, что он должен выбросить один и пять.

— *Ооооооооооооооооххх*, — стонал ветер.

— *Мяяяяяяяяяяяяяяяяяуу*, — выл кот.

— *Милости просим, Кривоногий Восемь*, *деньги-деньги-деньги*, — воскликнул игрок, выбросив три и пять.

Я залез еще дальше по коньку и попробовал встать на бамбуковое стропило. Оно выдержало, я достал веревку и стал измерять дыру. Прямо подо мной дамы завыли вторую песню, и я внезапно вспомнил, что не один важный мандарин отправился в могилу, случайно услышав песню в исполнении Ян Пень.

*Чашу пей, пока ты молод и красив как лик весны,*
*Жизнь пройдет и на помойке будешь побираться ты.*
*Там ты встретишь лишь старуху, с рожей серой и рябой.*
*Вислогрудую толстуху, что помчится за тобой.*
*От нее ты понесешься, как от беспощадных стрел,*
*Освещая носом полночь, проклиная свой удеееееееееееееееел!*

3 Чи — мера длины, равная 32 см.

Я решил, что еще два-три кувшинчика вина и они на самом деле полностью расслабятся. Этого бы я не хотел пропустить.

— *Ооооооооооооооооххх,* — стонал ветер.

— *Мяяяяяяяяяяяяяяяяяуу*, — выл кот.

— *Слышь мои слова*? — крикнул счастливый игрок. — *Тигра Голова! Деньги-деньги-деньги.*

Несмотря на непрекращающийся гвалт я все-таки расслышал крик сторожа: двойной час крысы[4]. Начался новый день, я механически схватил несколько гвоздей, сосчитал их, добавил номер месяца, дня и часа, и решил еще раз воспользоваться Та-Ши. Я быстро отсчитал верхние шесть суставов на трех средних пальцах левой руки и когда мой считающий палец остановился, в недоумении уставился на смертельный шестой сустав.

— Потери и смерть? — прошептал я.

Что все это может значить? Конечно пророчество уже осуществилось, прадедушка Минг умер и уже не встанет, или... Я торопливо соскользнул немного вниз и через окно дома Минга посмотрел на гроб, на котором все еще сидел проклятый кот. Крышка на месте, тогда почему я постоянно получаю предсказание смерти? Что-то очень плохо, и придет момент, когда я узнаю, что именно.

Только кот и ветер продолжали петь ночные серенады. В хижине было тихо. Ни писка. Я быстро поднялся к дыре и заглянул вниз, как раз во время, чтобы увидеть феноменальное везение игрока с одутловатым лицом, который у меня на глазах выбросил дубль пять, а потом еще шесть и пять. Вокруг его правой руки был обмотан бич погонщика ослов, задравшийся рукав позволял видеть кожаную повязку, обвившую запястье. Он опять взял кости в руки и ловко подменил на спрятанные за повязкой, потом бросил на пол, и я глупо заметил, что он опять выиграл: на меня смотрело «Небо», дубль шесть.

Но потом идиот решил попробовать нечто более опасное, чем фальшивые кости. Рукоятка бича погонщика оказалась рядом с левой рукой Мастера Ли, и обманщик увидел, что глаза Мастера сузились и стали похожи на острые льдинки. Незадачливый шулер сунул левую руку в складки одежды и неловко вытащил нож. Но, конечно, он был обречен. Я ударил крышу между двумя стропилами и, как бегемот, наступающий на маленькую льдину, свалился вниз прямо на левое плечо идиота — но слишком поздно. На мою ногу уже тек красный ручеек.

— Прости, Бык. Это грязное свиное отродье двинулось ко мне, — сказал Мастер Ли, с презрением глядя на труп.

Он имел в виду, что парень должен быть разрешить убить себя чисто и не должен был поворачиваться — в результате метательный нож Мастера Ли перерезал ему яремную вену. Убийство, вот единственное название для этого. Уже по тому, как парень держал нож, было ясно, что он любитель, и к тому же неу-

4 Двойной час крысы длится с 23.00 до часу ночи.

мелый, и конечно Мастер Ли знал, что я прыгну на болвана раньше, чем он сделает хотя бы шаг. Старик сокрушенно посмотрел на меня, широко развел руки и пожал плечами, а потом мы вместе отправились наружу за соломой. Просто удивительно, как много крови в теле человека! Нам потребовалось не меньше четырех охапок только для того, чтобы осушить лужу на полу.

По меньшей мере о гостях заботиться не пришлось. Они исчезли как плоды воображения, и уже через полчаса могли с полным основанием поклясться, что провели всю ночь на другой стороне Пекина в монастыре у Западного Моста, принося жертвы Чу Чуан Пену, покровителю мясников.

Мастер Ли опустился на колени рядом с телом. — Даже не представляю, кто это был, — прошептал он. — Увидел его в винной лавке, показался смутно знакомым, пригласил.

На теле никаких документов. В поясе невероятное число золотых монет. Мастер Ли проверил успевшие побелеть кончики пальцев, и увидел, что человек имел дело с металлами и кислотой, хотя никак не походил на алхимика. В потайном кармашке обнаружилась маленькая трубочка, сделанная из свиной кишки, в которой лежали крошечные гранулы какого-то сероватого вещества. Мастер Ли присвистнул.

— Да, Бык, бедняге не повезло, — сказал он. — Порошок Дьявольского Зонта, и, насколько я могу судить, совершенно чистый. Может быть и не самая лучшая вещь на свете, но один из самых дорогих и редких *линь-чин*, и такие грибы не растут рядом с Пекином уже сотни лет.

Он не нашел на теле больше ничего интересного. Кот Минга и ветер приветствовали меня, когда я вышел наружу, неся на плече мертвенно-бледное обескровленное тело. В холодном воздухе пахло дождем. Маленькие черные облака проносились по грозовому небу, звезды то загорались, то опять гасли, похожие на миллиарды светлячков, а луна, большой надутый желтый парус, равнодушно плыла по сине-черному океану к огромным облакам-скалам на западе, освещенным вспышками молний.

Никто не видел, как я скользнул в один из заброшенных туннелей контрабандистов, который начинался в переулке, шел под городской свалкой и заканчивался на берегу канала. Когда я вышел на свежий воздух, небо было почти полностью закрыто облаками, и я с трудом увидел мол и темную воду за ней. Рядом с молом валялись тяжелые камни. Я выбрал один, привязал его просмоленной веревкой к ногам трупа и без всплеска опустил тело в воду. Мгновение поколебавшись, оно пошло вниз, чтобы присоединиться к остальным*.

---

* *Значение этой фразы неясно, хотя можно предположить самое худшее. Надо помнить, что из два из пяти томов «Воспоминаний Десятого Быка» были сожжены Императорскими Цензорами, и хотя ходят слухи, что где-то есть копии, никто и никогда их не видел.*

Все, с делом покончено. Никто из нас не сказал ни слова, но я и Мастер Ли забыли о деле неудачливого шулера, и не намеревались о нем вспоминать. Крыша могла подождать до утра. Я устало плюхнулся на свой тюфяк. Мастер Ли собрал в кучу все кувшинчики с вином и сидел, слушая как дождь барабанит по крыше и серебряным душем падает на пол через дыру. У его ног уже образовалась маленькая лужа, и последнее, что я увидел, перед тем как закрыть глаза, был древний мудрец, задумчиво глядящий на свое отражение в дождевой воде, сверкавшей как зеркало в свете свечи.

Утром я проснулся точно зная, что случилось что-то странное. Мне показалось, что ночью с моих плеч свалилась огромная тяжесть, и хотя еще должно случиться что-то очень важное, на этот раз предсказания будут хорошими. Как если бы мгновенный гнев Мастера Ли и убийство был необходимым очищением, хотя я и не мог представить себе почему. Сам Мастер Ли мигал и стонал под тяжестью утреннего света, как обычно, и я поставил ему горячий компресс из настойки корней имбиря. Скорее всего он не почувствовал эффект очищения, потому что его лоб горел, как у больного.

В тот день утро выдалось туманное, шел мелкий дождь. В час козла Мастер Ли прыгнул на ноги, надел плащ и длиннополую шляпу, для защиты от дождя, и отправился в лавку Одноглазого Вонга — плохой знак, потому что он очень хорошо знал, что знаменитый букет вина Вонга происходит от раздавленных тараканов. И я проводил его до лавки и сел с ним за один стол, в полной уверенности, что к старому мудрецу приближается что-то очень важное.

Мастер Ли сидел, выглядя как шесть дзиней[5] Огненного Снадобья, готового взорваться, и это абсолютно все, что я точно знаю о странном деле, которое Мастер Ли назвал *Ши тоу чи*. Я не понимаю ничего из того, что последовало дальше, и могу только описать события, свидетелем которых был. Охотно допускаю, что пропустил какие-то подробности, которые могли бы сказать о том, что произошло на самом деле, что важно, а что нет.

*Начни с начала*, сказал Мастер Ли. *Иди к середине, продолжай, дойди до конца и остановись*. Это то, что я собираюсь сделать, и, возможно, добрый читатель потом напишет и объяснит мне все это.

5 Цзинь – мера веса, равная примерно 600 г.

## ¼²½¯-Ì °¸-¯-

Одноглазый Вонг и его любимая жена, Толстуха Фу, трудились изо всех сил, чтобы завоевать славу самого плохого винного магазина во всем Китае. На зависть всей империи дурная слава приводила к ним все новых и новых клиентов, и обычно в магазине находились самые разные люди: Бонзы и *Тао-Ши* обменивались грязными историями о взломщиках и головорезах; выдающиеся артисты и поэты флиртовали с хорошенькими мальчиками и девочками, а высокие правительственные чиновники играли в карты с сутенерами.

Видел я и знаменитых ученых, вернее их высокие лакированные шляпы, потому что они, стоя на коленях, играли в кости с грабителями могил. Вдоль одной из стен шел ряд занавешенных кабинок для аристократов, и время от времени наманикюренная рука отодвигала в сторону занавес из бус, чтобы полюбоваться жизнью низших слоев общества. Такие посетители всегда могли выкинуть что-нибудь неожиданное, и Одноглазый Вонг постоянно обходил магазин, держа в правой руке наполненный песком мешочек, а Толстуха Фу свистела, посылая ему послания.

Она знала всех важных гостей, и опасных, тоже. Когда Мастер Ли вошел, она просвистела немного нот из популярной песенки, героем которой он был:

*Огонь заморозит и рак засвистит*
*Когда Мастер Ли убивать прекратит.*

Как я уже говорил, я сидел и ждал, когда Мастер Ли взорвется, и, одновременно, когда исполнится мое предчувствие, и тут занавес одной из кабинок для аристократов отдернулся, и я понял, что это оно! Девушка, вышедшая наружу, была самой красивой из всех людей, которые я видел за всю свою жизнь. Конечно это была принцесса, и она пошла прямо к нашему столу. На ней был желтое пальто из какого-то экзотического материала и жилет, отороченный серебряным беличьим мехом. Ее длинное платье было сделана из бесценного сорта шелка, Белого Льда, который терял всю свою красоту после десяти минут под прямыми лучами солнца. Голубая шляпка, отороченная совершенными жемчужинами, голубые туфли, отделанные золотом. Не производя ни звука красавица плыла к нам как восхитительное облако.

Потом она подошла поближе, и поглядела на меня прекрасными и совершенно сумасшедшими глазами. Я подпрыгнул на месте и сел слева от Мастера Ли, чтобы не мешать его правой руке с ножом, но она на обратила на нас никакого внимания и проплыла мимо, окруженная ароматом дорогих духов. Но Мастер Ли успел заметить, что в ее безумных глазах вспыхивают крошечные огоньки, а зрачки чудовищно расширены.

— Шаровая Молния, — заметил он.

Мастер Ли имел в виду вызывающие галлюцинации грибы, настолько опасные, что власти даже запретили их продавать. Толстуха Фу, придя к тем же выводам, засвистела «Красные Ножи» и Одноглазый Вонг быстро пошел к красотке. Тем временем принцесса подошла к столу, за которым сидел раздувшийся от важности чиновник, выставивший напоказ свою шляпу со всеми девятью пуговицами своего ранга, и что-то вещал восхищенным мелким сошкам. Девушка улыбнулась, мое сердце замерло, я был не в силах вздохнуть. Нежная рука с узкими пальцами скользнула под платье. Мешочек Вонга ударил ее по затылку как раз в тот момент, когда острие кинжала уткнулось в шею мандарина. Она вздохнула, и с грацией падающего листа опустилась на грязный пол, а один из ученых оторвался от игры и недовольно взглянул на нее.

— Опять. Выставь ее наружу, Вонг, — сказал он.

— Один из тех дней, которые я с удовольствием пропустил бы, — мрачно сказал Одноглазый Вонг.

Чиновник уставился на прекрасное тело, понял, кто она такая и мгновенно позеленел. — Будда защити меня! — проныл он и с такой скоростью выскочил наружу, что оставил на столе свой кошелек. Мелкие сошки немедленно схватили его и поделили между собой. Вонг поднял принцессу и перенес к задней двери. Пара слуг в ливрее осторожно подняли ее, посадили в серебряные носилки и унесли.

— Слишком много для предчувствия, — пробормотал я самому себе.

Мастер Ли побагровел. — В какой век мы живем! — воскликнул он, тяжело дыша носом. — Бык, эта изысканная девушка не кто иная, как Госпожа Хоу, одна из трех лучших поэтов империи. В любую цивилизованную эпоху ее бы славили, любили и возносили до небес, но только не в наше время — время Нео-Конфуцианцев[6].

И он с такой силой ударил по столу, что кувшинчик с вином подпрыгнул в воздух, но я успел схватить его раньше, чем содержимое могло пролиться на одежду Мастера Ли и прожечь в ней дыры.

— Обман, Бык! — яростно воскликнул он. — Мы живем в стране, павшей настолько низко, что наиболее ценимые формы искусства — обман и подделка. Нео-Кофуцианцы не могут позволить себе признаться, что у женщины может быть талант, а именно они приказывают Императорским Цензорам, от которых зависит, выйдет книга в свет или нет. Они милостиво согласились опублико-

6 Неоконфуцианство – западное название для синкретической китайской философской системы, сформировавшейся в XI–XVI веках (со времён династии Сун до династии Мин, что отражено в китайском названии школы).

Эта система стала синтезом основных философских традиций, существовавших в Китае того времени, манифестацией китайской мысли. Она оказала сильное влияние на интеллектуальную жизнь Японии, Кореи и Вьетнама. Делая упор на конфуцианство, система неоконфуцианства интегрировала в себя также элементы даосизма и буддизма.

вать поэмы госпожи, но к ее изумлению она увидела, что там, где полагается быть имени автора, стоит «Приписывается Ян Вань-ли»[7]. И это действительно очень умно. Из фразы следует, что кто-то подделывается под классический мужской стиль, и они, официально классифицировав гениальный труд как подделку, на самом деле отобрали у Госпожи Хоу ее собственную личность. В результате она медленно убивает себя Шаровой Молнией, и очень быстро режет глотки Нео-Конфуцианцам, но их просто слишком много. И в конце концов они победят. Постепенно она убедится, что на самом деле вообще не существует, а ее поэмы стоят не больше прохудившегося чайника; они запретят ей выходить из дома и глава Нео-Конфуцианцев учтиво объявит все ее поэмы собственными.

Он одним глотком допил свое вино и дал знак Толстухе Фу принести еще.

— Мой мальчик, — мрачно сказал Мастер Ли. — Мы живем в последние дни когда-то великой цивилизации. Общество все больше разлагается, напоминает гниющую древесину, мы раскрашиваем ее ложью и золотим дурацким золотом, но придет день, поднимется ветер, сдует всю краску и там, где цвела империя, не останется ничего, и только стаи летучих мышей будут метаться вперед и назад над развалинами городов.

Он впал в депрессию, но я торжествовал. Теперь я точно знал, хотя и не мог объяснить почему, что мое предчувствие было совершенно правильно, просто я сосредоточился не на том человеке. И тут я расслышал другой голос, в котором звучали нотки ужаса — человека я не видел, но кто-то пробивался к нам через толпу, опять и опять распевая непонятные слова. Даже Мастер Ли оторвался от вина и посмотрел в том направлении.

— Интересно, — сказал он, слегка оживившись. — Не часто услышишь древний Санскрит. Матра Великого Пробуждения из Сутры Сердца: *Гате, гате, парагате, парасамгате, бодхи, сваха*!, что означает «О, переводящая за пределы, переводящая за пределы, уводящая за пределы пределов, уводящая за пределы пределов беспредельного к пробуждению, славься!». Никто не может объяснить,

---

7 Ян Вань-ли (1127—1206) — второе имя Тин-сю, псевдоним Чэн-чжай (Городская Келья), родом из Цзишуя (современный г.Цзи'ань провинции Цзянси).

В годы Шаосин (1131—1162) выдержал экзамен на степень цзиньши, служил министерским секретарем, «за прямоту» был разжалован и сослан местным чиновником. Исполняя обязанности сяньчэн'а (помощника уездного начальника) в юнчжоуском Линлине, близко сошелся с генералом Ти Чжан-цзюнем, национальным героем Китая, организатором освободительной борьбы против чжурчжэней. На политической почве нажил себе смертельного врага — всесильного временщика министра Хан То-чжоу. Подвергался преследованиям и в 1190 вынужден был выйти в отставку, вслед за тем заболел и умер. Один из крупнейших поэтов Китая; вместе с Ю Мао, Фан Чэн-да и Лу Ю был назван одним из «четырех великих периода Южной Сун». Поддерживал дружеские отношения со всеми ими. Выдающийся мастер пейзажных стихотворений, создавший собственный «стиль Городской Кельи». Кисти Ян Вань-ли принадлежали более 20 000 стихотворений (до наших дней сохранилась лишь часть), что считается, по-видимому, наиболее объемным творческим результатом за всю историю китайской литературы.

почему так происходит, но тот, кто повторяет эту матру снова и снова, немедленно успокаивается.

А потом мы увидели его, и я разочаровался. Я-то ожидал варвара, с диким взглядом безумных глаз, а это оказался обыкновенный бонза, буддийский священник. Маленький, бледный и испуганный до полусмерти, он с ужасом глядел вокруг себя. Наконец его глаза нашли Мастера Ли, расширились, стали похожи на блюдца, он стремительно метнулся к нам, упал на колени и начал энергично отбивать поклоны.

— Бл-бл-блпп-блппт, — сказал он, или что-то вроде этого.

— Если вы перестанете биться подбородком о пол с такой силой, как будто хотите проделать в нем дыру, я смогу лучше понять вас, — с доброй усмешкой заметил Мастер Ли. — Почему бы вам не встать и не попробовать снова?

Монах прыгнул на ноги и опять поклонился чуть ли не земли. — Имею ли я честь обращаться к великому и могущественному Мастеру Ли, всемирно известному ученому и единственному искателю правды во всем Китае?

Мастер Ли взмахом руки отмел комплимент. — Имя моего рода Ли, мое собственное имя Као, и в характере моем есть легкий изъян, — сказал он. — Это мой глубокоуважаемый бывший заказчик и нынешний помощник, Десятый Бык. Ну, что стряслось?

Монах попытался взять себя в руки. — Достопочтенный господин, я скромный настоятель незначительного монастыря в Долине Скорби. Вы слышали про нашу долину?

— А кто нет? — ответил Мастер Ли.

Например я.

— Многие столетия мы жили в мире и покое, но сейчас один из моих монахов был убит, и совершенно ужасным и невозможным способом, — сказал настоятель, тяжело вздохнув. — И еще кто-то взломал дверь в нашу библиотеку, а в то, что произошло с деревьями и цветами, невозможно поверить, пока не увидишь собственными глазами.

Он задрожал всем телом, и понадобилось какое-то время, прежде чем из него вышли новые слова.

— О мастер Ли, — прошептал он. — Смеющийся Принц восстал из могилы.

— Ну, он всегда говорил, что вернется, хотя ему и потребовалось для этого изрядное время, — невозмутимо ответил Мастер Ли. — Сколько времени аристократическое свиное отродье провело в могиле?

— Семьсот лет, и еще пятьдесят, — еле слышно прошептал настоятель.

Мастер Ли налил себе еще кружку вина. — Пунктуальность не входит в число добродетелей принцев, — заметил он. — Что заставляет вас думать, что этот негодяй вернулся к месту своих ребяческих игр?

— Его видели. Я сам видел, как он танцует и смеется под светом луны вместе со своими бандитами, и когда мы нашли тело бедного Брата Косоглазого, то по выражению на его лице сразу поняли, что здесь побывал Смеющийся Принц. В руке мертвеца мы нашли вот этот обрывок, бросились в библиотеку и поняли, что он из манускрипта, который украден.

Настоятель робко положил на стол клочок пергамента. Мастер Ли внимательно осмотрел его и примерз к стулу. На его лице не шевельнулся ни один мускул, но мое сердце забилось с перебоями. Я знал, что значит, когда Мастер Ли становится неподвижным, как камень, глаза почти скрываются за морщинами, а лицо напоминает рельефную карту Китая.

— Что-нибудь еще? — спокойно спросил Мастер Ли.

Маленький монах едва не упал в обморок. Он напряжения его глаза чуть не вылезли на лоб, и он заговорил сдавленным шепотом. — Звук. Не могу его описать. Половина всех монахов превратилась в студень, не услышала ничего. Те, кто слышал, были вынуждены пойти на звук. Мы все лишились воли. Звук привел нас к ужасной сцене, которую невозможно описать словами. И нам показалось, что этот звук шел прямо с Небес, хотя и действовал, как худшие огни Ада, и я сразу понял, что мне ничего не остается, как только пойти к величайшему разгадчику загадок во всей империи.

Мастер Ли перевернул обрывок и внимательно изучил обратную сторону. — Что вы знаете об украденном манускрипте? — спросил он.

Настоятель смешался. — Я не ученый. И не мог прочитать ни слова из него, — робко ответил он. — Брат Косоглазый, убитый монах, он был нашим библиотекарем, и говорил, что это древний, но не слишком ценный манускрипт. Так, какие-то комментарии к истории.

— Он был большой?

Настоятель изобразил руками свиток, десять цуней[8] в высоту и четверть цуня в ширину.

— И что случилось с телом Брата Косоглазого?

— В нашем погребе есть немного льда, так что я приказал положить туда тело, — сказал настоятель. — Достопочтенный Господин, мы бедный орден, но вы наверняка слышали о Князе Лиу Пао. Я написал ему, он обещал помощь, так что уверяю вас, он заплатит за все—

Мастер Ли поднял руку. — Быть может этого не потребуется, — сказал он. — Предположим я соглашусь вам помочь, возьму на себя все издержки, отдадите ли вы мне взамен фрагмент манускрипта?

— Согласен! — поспешно крикнул монах.

8 Цунь – мера длины, равная 3,2 см.

При одной мысли о том, что Мастер Ли берет на себя объяснение всех загадок, маленький настоятель сбросил с себя по меньшей мере двадцать лет жизни. Все было решено за несколько минут. Настоятель решил немедленно вернуться в монастырь, а Мастер Ли пообещал, что отправится в Долину Скорби завтра. У настоятеля из носа шла кровь — последствие ударов подбородком о пол — но лицо светилось от радости; он подпрыгнул и понесся к выходу, чтобы быстрее принести своим монахам радостные новости. Мастер Ли следил за ним, как добрый дедушка за внуком.

— Бык, что ты думаешь об этом? — спросил он.

Он имел в виду фрагмент и хорошо знал, что я не могу думать ничего. Я умею читать, но только самые простые иероглифы, а здесь была скоропись ученого, и очень древняя. Вместо ответа я пожал плечами.

— Это подделка, — счастливо сказал Мастер Ли. Его глаза с благоговением смотрели на клочок пергамента. — Это символ тысячелетия, символ нашего времени. Это настолько великая подделка, что вокруг нее надо построить храм с прихожанами, послушниками, гонгами и благовониями, и молиться монаху, убитому именно таким художественным образом, и никаким другим. Слава льду! — воскликнул Мастер Ли. — Если мы найдем в левом легком Брата Косоглазого навоз яка, а в правом вулканический пепел, и если обстриженные косички новых монахинь будут обернуты вокруг его кишок, а на печени будут вырезаны Семь Святотатств Цао Цао[9], это будет знак: мы на правильном пути. Мой мальчик, нам предстоит самая восхитительная аутопсия[10] в истории.

Я не был уверен, что любая аутопсия может быть восхитительной, но мне было все равно. В глазах мастера Ли зажегся знакомый огонь, и я почувствовал себя как старая боевая лошадь, которую опять позвали на поле боя. Я с трудом удержался от того, чтобы тихонько заржать и ударить о пол всеми четырьмя копытами.

## ВТОРАЯ ГЛАВА

Дождь почти прекратился и небо быстро прояснялось. Вторая половина дня обещала восхитительное зрелище, с высокими облаками над садящимся солнцем, и я полной грудью вдохнул свежий воздух, освобождаясь от зловонного запаха дешевого вина Вонга. От дождя улицы стали скользкими, и я пошел обратно в Мушиный Переулок, посадив мудреца к себе на спину, как делал все-

9 Цао Цао (второе имя — Мэн-дэ; известен также как Вэйский У-ди) (155—220), китайский поэт, полководец и государственный деятель. Отец Цао Пи и Цао Чжи. Будучи министром последнего императора династии Хань Сянь-ди (правил в 189—220), сосредоточил в своих руках всю власть, стал диктатором. Всю жизнь провёл в войнах.

10 Аутопсия — патолого-анатомическое или судебно-медицинское вскрытие трупа.

гда, когда идти было тяжело. Мастер Ли засунул свои маленькие ноги в карманы моей одежды, и весил не больше ребенка.

Улицы были почти пусты. И это меня более чем устраивало, потому что мы находились в части города, которая называлась Мост на Небеса и все закоулки которой обычно были переполнены плохо одетыми господами с украшенными шрамами лицами, беседовавших друг с другом на молчаливом языке Тайных Обществ: пальцы дрожали в рукавах их одежды. Кроме того Мост на Небеса был местом публичных казней, и говорили, что во время третьей стражи здесь можно увидеть ряды призраков, сидевших как на насесте на Стене Слез, находившейся сразу за эшафотами. (Обезглавливание не улучшало их характер. Если, услышав плач ребенка или жалобы несчастной женщины, участливые прохожие рисковали войти в тень, больше их никто не видел). Мост на Небеса заставлял меня нервничать, и я очень обрадовался тому, что мы повстречали только одного человека, бонзу, который, подчиняясь долгу, громко колотил по своей деревянной рыбе[11], хотя как раз сегодня милостыню обычно не собирали.

— Двойной час козла! — ревел он. — Правитель отменил свой пир, но каменные колокольчики все еще играют в Храме Конфуция! Западный Мост перекрыт, те, кто попытается проехать, будут наказаны! С востока приближается новый ураган, но западный горизонт чист!

Я оглянулся. — Он сумасшедший. Восток чист, все облака на западе.

Мастер Ли сильно сжал мои ребра и указал на восток. Оттуда приближался патруль Городской Стражи. Мастер Ли показал наверх, и я увидел несколько господ в лохмотьях, сидевших на крыше Денежной Биржи Менга. Бродяги махнули рукой бонзе и исчезли из вида, скрывшись за западной частью конька крыши.

— Мост на Небеса, — вздохнул я.

Когда мы проходили мимо бонзы, Мастер Ли бросил на него взгляд. — Алиби Ах Санг, из Чао-чи'инг, — задумчиво сказал он. — Пурпурные Цветы, что-то они затеяли...

Он замолчал, а потом внезапно хихикнул.

— Бык, чем пахнет воздух? — спросил он.

— Мокрой землей, сосновыми иголками, жирными поросятами, ослиным навозом, и еще ароматами из Дома Радости Мамаши Хо.

— Нет. Воздух пахнет судьбой, — счастливо сказал Мастер Ли. — Судьбой, которая приближается к нам изящной походкой груженого слона. Ты помнишь, о чем я говорил у Вонга прежде, чем нас прервали?

— Об обмане и подделке, достопочтенный господин, и еще что-то о падающей цивилизации, которую сдует ветер.

11 Деревянная рыба (муюй) – буддийский инструмент, представляющий собой полую деревянную голову рыбы, по которой бьют колотушкой.

— А еще последней ночью мне пришлось убить парня и обыскать его тело, и выяснилось, что его пальцы имели дело с совершенно особыми металлами и кислотами, а в кармане у него трубочка с Дьявольским Зонтом. Потом кто-то подмешал немного Шаровой Молнии в питье Госпожи Хоу и эта очаровательная девушка едва не перерезала горло мандарина, из ниоткуда появился монах с королевой всех подделок, а теперь несколько бандитов из Чао-чи'инг взламывают Денежную Биржу Менга. Каждый по отдельности и все вместе — это судьба, — сказал Мастер Ли, уверенно и загадочно. — Давай-ка сделаем крюк.

Пекин большой город, но далеко не такой красивый как, скажем, Чанъань[12], Лоян или Гуанчоу, но Парк Огненных Лошадей по настоящему великолепен, особенно после дождя, когда воздух наполнен запахом сосен, тополей, ив и робиний. Мастер Ли приказал мне идти к Глазу Спокойствия, это не самое мое любимое место. Маленькое круглое озеро в углу, облюбованное старыми грешниками, которые в последний момент решили раскаяться — место не слишком располагающее к разговору. По какой-то причине все эти чудаковатые старикашки считают, что дряхлость и святость — это одно и то же. Все их разговоры состоят из «гу-гу-гу», слюна течет из беззубых ртов, время от времени они с показной скромностью бросают взгляды на Небеса. Я думаю, что они пытаются доказать, насколько они безгрешны. И к тому же они все следуют примеру святого Чиан Тай Куна и сидят на скамейках с удочками в руках, тщательно поддерживая крючки на высоте трех чи над уровнем воды. (Чиан Тай Кун любил рыбачить, но отказывался забирать жизнь, и обычно говорил, что если рыба хочет выпрыгнуть и закончить жизнь самоубийством, это ее личное дело). Продавцы бойко торговали червями. Старые негодяи покупали полные корзины и кидали взгляд на небо, когда напоказ освобождали их. Откровенно говоря у меня всегда мурашки бежали по коже, когда я оказывался здесь.

Мастер Ли заставил меня обойти вокруг озера, пока не нашел того, кого искал. Потом он слез с моей спины и подошел к начинающему святому, который сильно напоминал жабу. На каждом ухе у него было по кожаной затычке, удерживавшихся на месте головной повязкой, и Мастер Ли не долго думая снял ее. Я взял одну из этих затычек, приложил к своему уху и какое-то время слушал замечательное *линн-линн-линн*, звук Золотых Колокольчиков, маленьких насекомых из Суцхоу, которые поют так сладко, что вдовы хранят их в маленьких клетках за своими подушками: пенье успокаивает и навевает серебряные сны.

Говорят, что Золотые Колокольчики внушают чистые мысли, и по лицу жабы можно было подумать, что это правда. Я вежливо поднял и передвинул парочку старикашек, так что Мастер Ли и я сели по бокам от старого гада.

— Гу—гу—гу? — спросил старикашка.

— Гу—гу—гу, — ответил я.

12 Чанъань – столица Китая во времена династии Тан.

Выпученные глаза гада медленно перешли на Мастера Ли.

— Я этого не делал, — сказал он.

— Десять свидетелей, — отозвался Мастер Ли.

— Лжецы. Все. Вы не сможете ничего доказать.

И гад опять перевел взгляд на висящий в воздухе крючок. Его рот был так упрямо сжат, что я решил, что даже Мастер Ли не сможет добыть из него ни единого слова.

— Ксянг, я завидую вам, — печально сказал Мастер Ли. — Вы смотрите на все неземным взором, можете повернуться спиной к жизни и отказаться от такого обычного человеческого удовольствия, как процветание своей семьи. Например ваш племянник. Как его зовут? Чен? Чоу Чен из Чао-чи'инг, многообещающий молодой человек. Я слышал, что он поднялся к самой вершине Чао-чи'инг, и подмял под себя продажу Дьявольского Зонтика и Шаровой Молнии.

Гад, не шевелясь, продолжал глядеть вперед.

— Я также слышал, что на вырученные деньги он купил себе кресло в совете Пурпурных Цветов. Такой молодой, и такой предусмотрительный! — В голосе Мастера Ли послышалось восхищение. — Я предсказываю, что парень далеко пойдет, и не в последнюю очередь потому, что он знает, как поступать со своими доходами. Последней ночью, к примеру, я встретил одного восхитительного юношу с полной трубкой Дьявольского Зонтика, пальцы которого были в странных металлических пятнах, которые получаются от чеканки монет, и я видел, как он постоянно толчется около Денежной Биржи Менга. Такой юноша должен знать множество ценных секретов — например, что это за здание — и вы знаете, что мы увидели, когда шли сюда? Банда Пурпурных Цветов собиралась взломать дверь Биржи, и я очень сомневаюсь, что они хотят что-нибудь украсть. Скорее они собираются привлечь внимание властей к некоторым странным вещам внутри.

Удочка в руках старого гада задрожала.

— Все знают, что Денежная Биржа Менга — только вывеска, за которой занимаются незаконными делами, — задумчиво продолжал Мастер Ли. — Говорят, что ее возглавляет Второй Помощник Министра Финансов, и можете ли вы представить, что мы сегодня видели у Одноглазого Вонга? Блестящий молодой человек, имеющий возможность доставать *линь-чин*, дал небольшую дозу Шаровой Молнии Госпоже Хоу, и прошептал несколько слов в ее изящное ушко — ну, вы же знаете Госпожу Хоу. А теперь угадайте, на кого она накинулась со своим маленьким кинжалом? На Второго Помощника Министра Финансов, который, как я подозреваю, в настоящее время является кем-то вроде императора контрабандистов. Я не очень удивлюсь, если у вашего юного племянника и его друзей будут большие неприятности, в том случае, конечно, если кто-нибудь другой еще раньше не отрубит им головы.

Гад уронил удочку в воду. — Ли Као, вы же конечно не сделаете этого, — жалобно сказал он. — Он еще совсем мальчик.

— И совершенно замечательный, как я вам говорил, — тепло заметил Мастер Ли.

— Немного невоспитанный, но кто из нас в молодости не был таким, — сказал гад. — Вы должны извинить его за ребяческие амбиции.

— Юность надо воспитывать, — учительским тоном сказал Мастер Ли. — Иногда даже набив рот трюфелями, обрызганными соевым творожным соусом.

— Ли Као, если вы работаете на Секретную Службу, я могу вам дать парочку полезных советов, — с надеждой сказал гад.

— Нет необходимости, — ответил Мастер Ли. — Мне нужны не отговорки, а мнение эксперта. — Он вынул фрагмент манускрипта и передал его старику. — Вы знаете кого-нибудь, кто мог сделать это?

Гад смотрел на клочок не больше пяти секунд, потом его глаза полезли на лоб, а челюсть отвисла.

— Великий Будда! — выдохнул он. — Знаю ли я кого-нибудь, кто может это сделать? Никто, кроме самих богов!

Он поднял фрагмент к свету, забыв обо всем остальном, и Мастер Ли воспользовался случаем, чтобы продолжить мое обучение.

— Бык, за всю историю было не больше десяти великих каллиграфов, чьи творения настолько ценны, что короли и императоры начинали войны только для того, чтобы получить их рукопись, — сказал он. — Невозможно ошибиться, увидев начертанные ими иероглифы, и знаток не может посмотреть на этот фрагмент без крика «Сыма Цянь!»[1] Ты конечно изучал его произведения в школе?

Конечно изучал, и я не собирался ударить в грязь лицом перед Мастером Ли. В школе я особенно любил историю. И мог прочитать наизусть: «Когда император вошел в Зал Благоухающей Добродетели, из темного угла налетел жестокий ветер, и выползла огромная змея, которая обвилась вокруг трона. Император потерял сознание, и в ту же ночь землетрясение сотрясло Лоян, волны хлынули на берег, а в болотах жалобно закричали цапли. На пятый день шестой луны длинная полоса черного тумана вплыла в Зал Наложниц, горячее и холодное стали неразличимы, курицы превратились в петухов, женщины в мужчин, и кровавые куски плоти упали с неба». Да, великолепный текст, как раз такой, который надо давать подрастающим мальчикам, и мы были достаточно взрослыми, чтобы читать самого великого из всех историков. И вот то, что Сыма Цянь сказал о том же самом предмете: «Династия Чжоу почти исчезла». Невероятно!

— Ничего не может быть труднее, чем подделать настоящего каллиграфа, а подделать великих просто невозможно, — объяснил Мастер Ли. — Личность автора сквозит в каждом взмахе кисти, и фальсификатор должен *стать* тем,

кого он подделывает. Кто-то совершил невозможное, подделав Сыма Цяня, но самое непонятное то, что он даже не стал скрывать, что это подделка.

— Господин? — не понял я.

— Ты бы написал имя своего отца, если бы не ссылался на него?

— Конечно нет, — ответил я, повергнутый в ужас самой мыслью о подобном святотатстве. — Это в высшей степени невежливо, и может даже навлечь на его дух нападение демонов.

— Совершенно верно, и тем не менее в фрагменте, который якобы написан Сыма Цянем, он не меньше трех раз упоминает незначительного правительственного чиновника по имени Тань. А этот Тань — его отец.

Это меня остановило. Даже ради спасения жизни я не смог бы вообразить, для чего фальсификатор создал манускрипт, который мгновенно разоблачает сам себя. И гад не смог.

— Это совершенно невероятно и глупо, — пробормотал он. — Вы видели весь манускрипт?

— Нет, — ответил Мастер Ли. — Насколько я понял, он сравнительно невелик, возможно комментарии к какой-нибудь истории.

Старый гад потер подбородок. — Пергамент подлинный, — задумчиво сказал он. — Когда обычно думаешь о подделке, думаешь о современной работе, но что если фальсификатор современник Сыма Цяня, а не наш? Ли Као, мы знаем, что Император У-ди приказал кастрировать Сыма Цяня, но точно ли мы знаем почему? Официальная версия всегда казалась мне сомнительной, а эта подделка настолько совершенна, что Сыме должно было потребоваться чертова уйма времени, чтобы доказать, что не он написал ее. Легко представить себе какого-нибудь коварного придворного, шепчущего императору, что его Великий Историограф и Астроном настолько нечестив, что даже пишет имя своего отца, а если в полном тексте есть какие-нибудь легкие намеки на трон —

В это мгновение его голос потонул в оглушительном реве. Один из негодяев, поглядев на достопочтенные морщины Мастера Ли и решив, что кто-то хочет похитить у него титул Самого-Святого-Из-Всех-Святых, три или четыре раза глубоко вздохнул и разинул рот в сторону Великой Звездной Реки.

— *Услышьте меня, Небеса, я возношу молитвы к шести сотням имен богов!* — проревел он. — *Я молюсь богам десяти направлений, и божествам промежуточных десяти направлений, и дополнительным звездам пяти направлений, честным воинам, мудрецам, и десяти исключительно добрым королям, а также богам солнца луны и девяти основных звезд.*

Продавцы тоже встрепенулись. — Черви на продажу, — закричали они.

— *Боги, которые сторожат Врата Неба*! — ревел святой. — *Тридцать шесть богов грома, охраняющие Врата, и двадцать восемь главных звезд зодиака, и боги, подчиняющие злых духов, бог-король Летающих Небес, и бог великой*

*долгой жизни Будды, боги из Тьен Кана и То Тзе, великие мудрецы Триграммы, боги ворот и боги кухни, божественные генералы, ответственные за месяц, неделю, день и час!*

— Черви, — кричали продавцы. — Пожалейте бедных беззащитных червей, несправедливо осужденных на жестокую смерть на крючке!

— *Боги девяти рек!* — еще громче вскричал сверхсвятой. — *Боги пяти гор и четырех углов! Я приношу молитвы вам, боги — покровители колодцев и канав, ручьев и холмов, лесов и озер, рек и двенадцати источников рек! Я молюсь богам-покровителям мест! Хуан чуан и его подчиненные! Боги мелких местных чиновников! Боги деревьев и бревен! Духи-офицеры и духи-солдаты под командованием священников. Духи-покровители татуировки, команд, свитков и правильного пути в религии!*

— Господин, подумай и твоих бедных седовласых бабушках, которые могли переродиться в червей! — воскликнул находчивый продавец.

— Парень! — крикнул Мастер Ли, и к моему удивлению купил корзину червей.

— *Я молюсь вам, боги четырех времен года и восьми фестивалей*! — воскликнул его святость. — *Я молюсь* —

Мастер Ли протянул руки, развел еще шире челюсти святого и отправил внутрь все содержимое корзины. На Глаз Спокойствия немедленно опустилась благословленная тишина. Гад держал подделку в цзуне от глаз.

— Подделка подделки, — пробормотал он. — Кто-то обводил все иероглифы, и совсем недавно. Болван слишком сильно нажал вот здесь и оставил след.

Он протянул манускрипт Мастеру Ли. — Тот, кто скопировал подделку, — любитель, — пренебрежительно сказал он. — Каприз безумного ученого, почему-то решившего развлечься, может стоить тысячи и миллионы, но тот, кто копирует, не должен быть безграмотным младенцем. Если этот идиот попытается продать свою копию не тому человеку, на его руках окажутся каменные кандалы, а он сам очень скоро окажется в компании хорошеньких рыб.

Меня внезапно затошнило, но если Мастер Ли и подумал о мертвом шулере на дне канала, то не подал виду.

— Очень интересно, — спокойно сказал он. — Ксянг, манускрипт скорее всего украден. Можно как-нибудь известить об этом бандитов?

— Ли Као, вы серьезно? Если бы коллекционер обронил хотя бы одно лишнее слово, через день у него были бы агенты императора. Во всем мире не существует другой такой подделки, — сказал гад. — И даже не пытайтесь искать того, кто это сделал. Нефритовый Император давно призвал его на Небеса, и сейчас он заведует посланиями богов.

Мастер Ли потер макушку и дернул себя за бороду.

— Последний вопрос. Я знаю некоторых людей, которые охотно убьют кого угодно, лишь бы приобрести подобный манускрипт, но убийство, с которым я имею дело на этот раз, кажется слишком вычурным. Вы знаете кого-нибудь, кто использует методы, подходящие только к самым худшим изыскам Китайской оперы?

— Только одного, — задумчиво ответил гад.

— Кто это?

— Вы, — сказал Ксянг. Потом повернулся ко мне. — Мальчик, ты понимаешь, что этот старый убийца наполнил своими жертвами уже целое кладбище? Сколько трупов он оставил за собой во время последнего странного происшествия с птицами?

— Двадцать, или, может быть, тридцать, — сказал я. — Но все только потому, что—

— Убирайтесь, — крикнул гад. — Убирайтесь, и дайте старому человеку помереть с достоинством.

— Старому? — сказал Мастер Ли. — Если бы мой старший внук не съел плохо приготовленного спинорога[13], ему было бы столько лет, как и вам.

— Проблема в том, что вы отказываетесь замечать свой возраст, — проворчал гад и процитировал Конфуция. — Человек, который так же стар, как и ты, но не собирается умирать, становится помехой. — Он опять повернулся ко мне. — Я, с другой стороны, умру со спокойным сердцем, уверенный в святости моей души. Мальчик, погляди на душу, которая освещает мир через мои глаза! Это чистейший божественный цветок.

Очень опасно играть с Мастером Ли в игру «кто больше процитирует». — Когда, потоптав цветы, я возвращаюсь домой, копыта моей лошади благоухают.

Гад побледнел. — Ли Као, нет необходимости искать оскорбление там, где его не было. Я ищу только Правильный Путь, который приведет меня в Благословленное Королевство Чистого Подобия. — Мысль о вновь найденной чистоте придала ему смелости. — Убирайся! — опять крикнул он. — Убирайся, ты, ходячее собрание старых костей, и забери с собой серный запах греха.

Он повернулся и посмотрел на меня.

— И, — добавил он, — забирай с собой этого здоровенного носильщика.

Мастер Ли встал и поклонился, я последовал его примеру, мы повернулись и пошли прочь по траве, сопровождаемые затухающим «гу-гу-гу».

13 Многие виды спинорогов ядовиты из-за тетродотоксина содержащегося в коже, брюшнине, печени и гонадах. Однако во многих странах мясо этих рыб высоко ценится.

# ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Долина Скорби находится совсем недалеко от Пекина, и спустя три дня я уже поднимался на нависающий над ней кряж. Было раннее утро. Я смахнул росу с большого плоского камня, мы уселись на него и стали ждать, когда туман рассеется. Именно тогда я сообразил, что Долина Скорби похожа на бокал с носиком, и этот носик — щель, ведущая на юг, в другие долины. Вьющаяся по стенкам бокала тропа заросла деревьями и цветами, для которых тут было настоящее раздолье — по моему их было даже слишком много. Никакой крестьянин в здравом уме не стал бы сажать цветы на пахотной земле, если можно вырастить что-нибудь другое, более полезное. Подозрительное расточительство сил и денег, и это заставляло меня нервничать.

— Крестьянам платят, чтобы они ничего не сеяли здесь, — сказал Мастер Ли, как если бы прочитал мои мысли. — Это называется Дорога Принца, и красивая длинная история рассказывает, откуда взялось такое название. — Он вытянул руку в сторону долины. — Бедная или богатая? — спросил он.

Я мысленно копнул ногой землю. — Ни то, ни другое. Земля, кажется, неплоха, но ее не много. На склонах холмов слишком много мела и камня, болото на западе засолилось. Небольшая деревня может процветать, но несколькими ртами больше — и начнется голод.

— Превосходно, — сказал Мастер Ли. — Первый владелец этой долины быстро понял, насколько тяжело здесь делать деньги, и упился до смерти. Первый, но не последний. Его наследники последовали этому восхитительному примеру, и каждые несколько лет крестьян приглашали на пир, сопровождавший очередные благородные похороны. Как ты думаешь, понравилось ли им, когда оказалось, что у некоего Князя Чоу железная печень, и он прожил тридцать лет?

Крестьяне везде одни и те же. — Они никогда не просили ему это, — уверенно сказал я. — Они рассказывали своим детям грязные истории о Бессердечном Чоу, Скупом Князе, а путники всегда могут точно сказать, где он похоронен, только увидев направление, в котором мочатся фермеры.

— И тут ты прав, хотя сегодня мало кто рассказывает о Скупом Чоу, — сказал Мастер Ли. — Кое-кто другой заменил его, и захватил весь рынок историй. Бык, одна из твоих наиболее подкупающих черт характера — способность держать рот на замке, когда ты умираешь от любопытства, и пришло время ответить на один из вопросов, которые ты хотел задать, но не задал. Кто такой Смеющийся Принц? Почему крестьяне, монахи и даже настоятель дрожат от ужаса при одной мысли о том, что он мог встать из мертвых?

Я устроился на камне поудобнее, и вот краткое изложение того, что я узнал о благородном господине, чей веселящийся дух навещает меня до сегодняшнего дня.

У императора У-ди был младший брат, Принц Лиу Шень, который всегда был головной болью для всех. Он глубоко постиг Путь Дао[14], но был недисциплинирован, и говорили, что его способности уступают только его лени. При дворе его небезобидные шутки держали в напряжении всю знать, но наконец и для него настало время сделать что-нибудь полезное. Когда вино наконец-то победило Князя Чоу, император послал своего бесполезного родственника управлять Долиной Головы Дракона, которая тогда еще не была Долиной Скорби. Крестьяне обрадовались такому веселому на вид господину, а староста должным образом ввел его в управление имением.

— Мои дорогие друзья, — сказал принц, очаровательно улыбнувшись. — Мои дорогие, дорогие друзья, я заклинаю вас сеять тыквы. Много-много тыкв.

И он пустился в пляс, напевая, — Много, много, много, много... тыкв!

Ну, принцам присущи странности, что поделаешь. Крестьяне посадили множество тыкв, молча спрашивая себя, где Принц Лиу Шень собирается найти свиней, которые бы их съели. Как оказалось, он не собирался использовать тыквы как еду. Высушенные семена тыквы-горлянки имеют замечательное свойство: они очень долго горят, испуская великолепный белый свет, и принц привез с собой экспертов, которые открыли значительные залежи соли под болотом на западе долины. Поместив семена тыквы в фонари, сделанные из рогов носорога, Принц Лиу Шень оказался в состоянии основать первую в мире соляную шахту, которая работала двадцать четыре часа в сутки.

Крестьян приковали к огромным горизонтальным колесам. Надсмотрщики с кнутами заставляли людей идти по кругу, и буры вгрызались в мягкую землю, уходя вниз на тысячу чи. Потом приготовили бамбуковые клети и веревки, буры заменили на лебедки, и начали поднимать наверх корзины с рассолом, который лили в большую трубу, бежавшую через всю долину к меловому участку на восточной стороне. Через дыры в земле струился газ, без запаха, но легко вспыхивавший. Рассол лили на железные противни и подогревали, получавшуюся соль отправляли на рынок. Днем и ночью бичи надсмотрщиков гнали крестьян по кругу, а Смеющийся Принц, сидя в шелковом паланкине, отпускал веселые шуточки и дружески махал рукой всем и каждому.

Наконец соль кончилась, но принц успел обнаружить узкую, но богатую жилу железной руды. Всех мужчин деревни разбили на бригады, которые, ско-

14 Даосизм (так же, как и конфуцианство) зародился в Китае в VI – V веке до н.э. Входит в Сань цзяо – одну из трех главных религий Китая. Основателем даосизма считается Лао-цзы.

ванные между собой, начали рыть бесконечные туннели, а женщин оставили прикованных к колесам. Теперь они надували гигантские кузнечные мехи, и не было мгновения, когда Смеющийся Принц не говорил о завоевании империи. Именно тогда его и назвали «Смеющийся Принц». Чувство юмора почти убило его, потому что он едва не помер от хохота, видя смешные прыжки женщин у колеса. Металл их цепей нагревался до красна, и в свое время «Танец Крестьянок Принца Лиу» потряс весь двор.

Смеющийся Принц обладал настоящим талантом ученого и разработал процесс, в ходе которого железную руду обрабатывали кислотой и другими материалами, после чего его железо становилось намного менее ломким, чем любое другое. Завод для производства кислоты располагался на вершинах восточных холмов, и ядовитые отходы текли вниз дымящимся ручьем, кружившем по всей долине. Мудрецы и ученые собирались вместе, чтобы понаблюдать за поразительными эффектами в том месте, где отходы стекали в болото. Вода в этом месте стала ярко желтой. Днем от нее шел пар и на поверхности появлялись пузыри, по ночам она испускала странный фиолетовый свет, а рыбы и лягушки всплывали кверху брюхом и ужасными мертвыми глазами смотрели на поднимающиеся в небо черный дым от кузниц. Потом умерли все деревья, не осталось ни одной птицы, а Смеющийся Принц отпустил замечательную шутку о запахе. Кое-кто протестовал, но все протесты прекращались, когда принц открывал книгу и показывал цифры доходов. Огромные цифры.

Но в один день случилось то, что никто не понял. Принц Лиу Чень внезапно потерял интерес к деньгам. Он вернулся к своей первой любви, и полностью поменял свои научные интересы. Теперь он собирался полностью изменить медицину.

— Я сброшу завесу невежества с искусства исцеления и выведу наружу каждый нерв и каждую ткань! — пообещал он.

Собравшиеся мудрецы и ученые пришли в ужас и даже решили протестовать, когда принц объяснил детали будущих экспериментов, но проглотили языки, когда он добавил, что нуждается в дополнительном материале для опытов. — Больше, больше, больше, больше, — пропел Смеющийся Принц, пускаясь в пляс. — Больше, больше, больше, больше и еще больше... материала! — Мудрецы и ученые переглянулись, и пустились танцевать вместе с ним.

Недалеко от его имения находился большой грот. Он переделал его в Медицинский Исследовательский Центр, и мудрецы, которые собрались, чтобы наблюдать за экспериментами, аплодировали и получали награды — а потом, оказавшись снаружи, валились на землю и их рвало желчью до судорог. Некоторые все-таки протестовали — и становились материалом следующих экспериментов. Принц, без всяких сомнений, лучше всех в мире умел вытягивать, сжимать, отрезать, окунать в кислоту, сжигать, ломать и изгибать — редко когда человече-

ское тело изучали так тщательно. Люди, которые радуются таким занятиям, не могут пребывать в одиночестве. Поэтому Смеющийся Принц собрал вокруг себя людей с таким же складом ума. Он назвал их Монахами Радости, одел в пеструю, как у шутов одежду, и они танцевали, пели и смеялись под луной, направляясь вместе с солдатами в деревню, чтобы отобрать крестьян для новых экспериментов.

Ибо Смеющийся Принц был безнадежно и смертельно безумен. Некоторые говорят, что в конце концов он надоел даже брату-императору, и тот послал ему желтый шарф: императорский приказ совершить самоубийство. Другие отрицают. В любом случае принц заболел. Его жег жар, он кричал и исходил потом, а когда на мгновение голова прояснялась, глядел из окна на развалины деревни и клялся, что вернется из гроба, чтобы довести дело до конца.

Потом он умер и его похоронили.

— И вот семьсот пятьдесят лет спустя в Долине Скорби увидели монахов, одетых в разноцветную одежду, — сказал Мастер Ли. — Брат Косоглазый зверски убит и, кажется, часть долины уничтожена, и способом вполне достойным Смеющегося Принца.

— *Уфф*, — сказал я.

— Действительно *уфф*, хотя в таких случаях поэтическое обещание почти всегда становится неприлично прозаическим, — с печалью в голосе сказал Мастер Ли. — Пошли посмотрим, что может нам рассказать тело Брата Косоглазого.

Монастырь был стар, даже очень стар, и для такой маленькой долине достаточно велик. Настоятель и монахи выбежали нам навстречу, образовав что-то вроде почетной стражи, и очень расстроились, когда Мастер Ли отказался от экскурсии. Мастер Ли отказался также осмотреть место преступления, утверждая, что неумно подходить к трупу с готовыми умозаключениями, и нас повели вниз, по длиной извилистой лестнице, в самый нижний этаж монастыря, в котором находился погреб.

Под потолком висели светильники. Комната была ярко освещена, предметы отбрасывали резкие тени, и у меня слегка закружилась голова от игры света и теней на теле, лежавшем на льду. Я остановился и почувствовал, что мне не хватает воздуха. Никогда в жизни я не видел такого ужаса на лице человека. Выпученные глаза и разинутый рот молчаливо кричали, что перед смертью он увидел самую ужасную дыру Ада.

Мастер Ли громко заметил, что выражение лица очень интересное, он знает три или четыре наркотика, которые могли бы вызвать его, но ни один из них не используется в Китае. Он засучил рукава и открыл свой ящичек для инструментов, их острия сверкнули как сосульки в холодном затхлом помещении. Настоятель, казалось, собирался упасть в обморок, как и его четверо по-

мощников, которые опасно покачнулись на ступеньках лестницы. Откровенно признаться, я так и не привык к этому зрелищу, но заставил мои глаза смотреть. Минуты шли, медленные как патока, текущая на морозе. Через десять минут Мастер Ли выпрямился, и свирепое выражение на его лице уже не было игрой света и тени.

— Собачье дерьмо, — сказал он.

Он опять наклонился над трупом, и его ножи зло задвигались.

— Никакого навоза яка и вулканического пепла, никаких косичек монахинь и Цао Цао, — пробормотал он. — Самый обыкновенный труп.

Он опять принялся за дело, и различные куски Брата Косоглазого полетели на лед.

— Наш ушедший друг недавно был в большом городе, — сказал Мастер Ли, констатируя факт. — И умер примерно через четыре часа после возвращения.

Настоятель нервно отступил назад, как если бы попал на сеанс магии. — Брат Косоглазый был в Чанъане, — прошептал он. — Он умер через несколько часов после возвращения.

— Он также играл в кости и позабыл о своих клятвах, — заметил Мастер Ли. — Но хотел бы я знать, как он мог позволить себе тысячелетние яйца?

— Никакой монах не может позволить себе даже одно тысячелетнее яйцо, — уныло сказал настоятель.

— Этот мог. И по меньшей мере три.

— Яйца, которые пролежали тысячу лет? — скептически спросил я.

— Обман, Бык! Обман и подделка, — с отвращением сказал Мастер Ли. — Гнилая действительность, раскрашенная и позолоченная ложью. Обыкновенные утиные яйца, обработанные известью. Известь просачивается через скорлупу и медленно смешивается с содержимым, и через восемь-десять недель яйцо выглядит так, как если бы ему действительно тысяча лет, и его продают за невероятную цену легковерным новым богатеям. На самом деле действительно очень вкусно. Некоторые варварские племена выращивают фрукты с таким же вкусом. Их называют авокадо. — Он бросил в ведро еще несколько отвратительных кусков. — Запор — послание богов для исследователя, — сказал он. — Настоятель, вы можете считать установленным, что в дополнении к яйцам Брат Косоглазый лакомился в Чанъане — потому что только в большом городе могут быть такие яйца — супом из карпа и моллюсков, омарами в соевом творожным соусе, маринованными гусиными ножками, тушенными вместе с черными древесными грибами, молочными поросятами с чесноком, а также конфетами, засахаренными фруктами и пикантными медовыми кексами. Я оцениваю стоимость его последней трапезы в три катти[15] серебра.

15 Катти – мера веса в Китае, Индии, составляющая 604,8 г.

Настоятель пошатнулся и едва не упал. — Проверьте книги! — крикнул он монахам. — Возьмите списки свечей и благовоний, сверьте их с запасами! И поищите, нет ли докладов о разбоях на дорогах!

— И пускай кто-нибудь проверит, не заказывал ли Брат Косоглазый огромное количество чернил для библиотеки, — сказал Мастер Ли. — Их еще называют Ресницами Будды. И пергамента Желтый Император.

Монахи галопом помчались по лестницам, настоятель поднял свою одежду и вытер ею лоб. Мастер Ли продемонстрировал еще один окровавленный кусок мяса.

— Бык, ты должен узнать побольше о физических науках, — сказал он. — Вот это селезенка. Не очень хорошая, хотя и работающая. А это очень опасно, потому что селезенка — то место, где сосредоточена настоящая вера.

Он отделил от тела еще один неприятный предмет и помахал им в воздухе.

— То же самое можно сказать и о сердце, вместилище морали, легких, вместилище добродетели, и почках, вместилище мудрости. Единственный первоклассный орган Брата Косоглазого — печень, вместилище любви, и я подозреваю, что в последнее время библиотекаря что-то мучило, очень сильно. Исключительно опасно идти по жизни, переполненным любовью, когда тебе не хватает мудрости, добродетели и морали.

— Увы, это точный портрет Брата Косоглазого, — вздохнул настоятель. — Он был великий грешник.

Образование — важное дело, но я покрепче закрыл глаза. Мастер Ли что-то пилил, и звук эхом отдавался от каменных стен. Когда я осмелился опять взглянуть, Мастер Ли уже убрал верхушку черепа и рылся в содержимом.

— Знаешь, Бык, — оживленно сказал он. — В дни моей юности я как-то раз был при дворе Мунча Хана, который только что уничтожил еще одну армию и по этому случаю устроил пир прямо на поле боя. Слугам пришлось стелить бесценные ковры прямо на трупы, и мы сидели на этих коврах. Прикатили дерево Мунчи, внутри которого пряталась пара парней с насосами — откровенно говоря я никогда не понимал, символом чего оно является. Само дерево было из серебра, листья из драгоценных камней, у основания четыре серебряных льва, лапы которых стояли на краях четырех серебряных бассейнов, и по сигналу из ртов львов полилось кобылье молоко. На вершине дерева извивались четыре змеи с глазами из драгоценных камней, и две из начали извергать крепкий кумыс, от которого твоя голова начинает приятно кружиться. Оставшиеся две извергали медовуху, напиток сделанный из перебродившего меда, и когда мы уже прилично опьянели, повара прикатили главное блюдо. Мозги убитых вражеских солдат. Очень вкусные, деликатес. Я загнал в угол одного повара, потому что никогда не знаешь, когда может пригодиться хороший рецепт, и он рассказал мне его. Действительно проще простого. Ты просто хватаешь кого-либо, отруба-

ешь макушку, вытаскиваешь мозги и тщательно промываешь в соленой воде. Потом добавляешь в них натертый чеснок, быстро обжариваешь на сковородке, засовываешь в свернутые капустные листья, добавляешь грибы и имбирь, и пару минут держишь на пару. Подавать с соусом турнепса.

Мастер Ли поднял мозги на свет.

— Не подходят для пира, — сказал он. — Туберкулез, хотя в самой ранней стадии. Сомневаюсь, что Брат Косоглазый ощущал что-нибудь кроме головной боли. И то очень редко. — Он опустил мозги на лед и повернулся к настоятелю. — Никакого следа яда, — сказал он. — И даже признака насилия. Никакой экзотической болезни из места, в котором он никак не мог быть. Короче говоря это не убийство. Брат Косоглазый умер от сердечного приступа.

Мудрец внимательно посмотрел на то, что осталось от тела. — Это может быть убийством только в том случае, если его испугали до смерти, но это чертовски трудно доказать. Настоятель, когда мы схватим парня, который украл манускрипт, вам придется обвинить его в воровстве, а не в убийстве. Мы должны быть способны предъявить точные доказательства кражи, и тогда будет имеет смысл договориться полюбовно. Как насчет починки прохудившейся крыши? Еще не бывало монастыря, в котором не собирались бы деньги на новую крышу, но починить ее не удавалось никому.

Настоятель, похоже, слегка взбодрился от этой мысли. Мастер Ли вымыл окровавленные руки, мы начали взбираться по лестнице, и настоятель объяснил, что в прошлом монастырь использовался как крепость против армии бандитов, и поэтому нижние этажи сделаны из гигантских каменных блоков, а на окнах решетки из толстых железных прутьев.

— Это произошло после третьей стражи, — сказал он. — Я проснулся, решив послушать, сможет ли Брат Пэнг хотя бы один раз правильно зазвонить в колокол, и тут я услышал ужасающий крик. Пока я бежал в библиотеку, ко мне присоединись другие монахи. Дверь обычно бывает открыта, но на этот раз она была закрыта изнутри. Я послал монахов за большим бревном.

Дверь была выбита, бревно лежало в коридоре. Мы вошли в большое квадратное помещение. Вдоль трех стен стояли столы, вдоль четвертой шли полки со свитками. Книги хранились в соседних помещениях. В центре стоял большой круглый рабочий стол библиотекаря, и настоятель показал отметки мелом, сделанные в тех местах, где нашли тело. Свитки, сказал он, очень древние, но абсолютно ничего не стоят: это просто записи платежей различным владельцам долины. Несколько раз на памяти живущих приезжали императорские чиновники и пытались найти какое-нибудь сокровище среди всего этого хлама, но так ничего и не нашли.

— Пока Брат Косоглазый не нашел что-то интересное, — пробормотал Мастер Ли.

— Его тело лежало вон там, больше в комнате не было никого, — продолжал настоятель. — С первого взгляды мы поняли, как сюда вошли, но войти именно так было совершенно невозможно.

Окно в боковой стене доходило почти до пола и открывалось в маленький сад. На окне была железная решетка с прутьями толщиной в руку, но четыре из них — по два с каждой стороны — были сжаты вместе, как мягкие свечки, и образовывался вход. Мастер Ли поднял брови, я подошел и поплевал на руки. Я попытался распрямить прутья и напряг все свои мышцы, но с тем же успехом мог пытаться распрямить согнутую сосну. Тяжело дыша, я отступил назад.

— Итак, — сказал Мастер Ли, сложив руки на груди и сузив глаза. — Вы все услышали крик. Побежали в библиотеку. Дверь оказалась заперта изнутри. Вы принесли бревно и вышибли дверь. Вошли и не увидели никого. За рабочим столом лежал библиотекарь с выражением ужаса на лице. Прутья решетки окна было согнуты вместе какой-то невероятной силой, и это дало возможность войти в комнату. И что потом?

Настоятель опять задрожал. — Достопочтенный господин, потом мы услышали звук. Или некоторые из нас, потому что другие вообще не услышали ничего. Это был самый замечательный звук в мире, и, одновременно, рвущий сердце. Нам стало плохо, мы заплакали, а потом побежали за ним. Мы ничего не могли поделать. Он звал нас.

Настоятель провел нас через окно в сад. Мастер Ли недовольно заворчал, увидев на земле отпечатки множества сандалий, которые затоптали любой возможный первоначальный след. Потом мы вышли через ворота, и я сообразил что мы находимся на Дороге Принца. Прелестное место, в котором деревья и цветы, которые я знал всю жизнь, росли вместе с такими, которых я никогда не встречал. Мастер Ли указал на один из цветков и объяснил, что это золотая бегония — во всем Китае их осталось не более трех-четырех экземпляров. Дорога Принца оказалась обширным садом, и особенно остро это почувствовалось в тот момент, когда мы остановились на верхушке кряжа — я посмотрел на долину и увидел зеленую линию, которая вилась среди противоположных холмов. Мастер Ли подтвердил мои мысли.

— Наследники Смеющегося Принца пришли в ужас, увидев разрушенную долину, — сказал он. — Они поклялись, что восстановят все, даже если для этого потребуется тысячи лет, и на Дороге Принца посадили деревья и цветы, чтобы скрыть шрамы, оставленные кислотой. На самом деле крестьяне Долины Скорби не пьянствуют с утра до вечера только потому, что у семьи Лиу много земли, но мало денег, хотя их большая часть и идет на Дорогу Принца и благотворительность.

Настоятель остановился на гребне невысокого холма.

— Мы прибежали сюда, — сказал он. — Я говорил, что луна светила невозможно ярко? И вот что мы увидели, совершенно отчетливо. Внизу, в том месте, откуда исходили звуки, плясали монахи, одетые в разноцветные, как у клоунов, одежды. Они смеялись и пели, освещенные светом звезд. В обычное время мы бы убежали, спасая свои жизни, но звук звал нас, и мы не могли не подчиниться. Мы подбежали ближе, и ясно увидели одежды клоунов, хотя лица были скрыты под капюшонами. Монахи, не прекращая танцевать, подходили к густому кустарнику и исчезали, один за другим. Вскоре чудесная мелодия прекратилась, и когда мы сами бросились к кустам, там не осталось ни одного монаха. Зато на их месте было кое-что другое.

Мы сошли вниз, прошли через кусты туда, куда вели следы, и, потрясенные, остановились. — Что б я превратился в Каменную Обезьяну[16], — тихо выругался Мастер Ли.

Смерть протянула ледяные пальцы на Дорогу Принца. В области примерно тридцать чи в ширину и в пять раз более длинную не осталось ничего живого. На мертвых деревьях не осталось ни одного листа, и, когда я сломал сук, из него не вытекло ни капельки сока. Цветы высохли. Кусты выглядели так, как если бы их обрызгали кислотой. Не осталось ни одной зеленой травинки, мы стояли на коричневых слипшихся комьях. Все это походило на кладбище, которое видишь в кошмарном сне, а линия между жизнью и смертью была настолько четкой, что по ней можно было провести ножом. В цуне от мертвого цветка благоухал живой, густая зеленая трава начиналась там, где обрывалась коричневая голая землю, и птицы пели в чи от того места, где не бегало ни одно насекомое.

Мастер Ли откинул назад голову и невесело засмеялся. — Невероятно, — сказал он. — Настоятель, мы с Быком возьмем образцы растений и почвы, и отвезем их в Чанъань для исследования. И пока мы не получим отчет о том, что вызвало все это, не стоит даже пытаться найти объяснение. Не волнуйтесь. Большинство из таких дел оказываются совершенно ясными и даже достаточно простыми, и я ожидаю, что закончу его через неделю-две.

Его уверенность подбодрила настоятеля, который указал на крышу на противоположном холме.

— Принц Лиу Пао вернулся, и жаждет увидеть вас, — сказал он. — Не могли бы вы вначале навестить его? Крестьяне...

Его голос прервался.

— ...ждут, что принц и гость из большого города найдут могилу Смеющегося Принца и убедятся, что негодяй не выходил из своего гроба? — закончил за него Мастер Ли.

---

16 Каменная обезьяна – Сунь Укун (рис. Е), китайский литературный персонаж, Царь Обезьян, известный по роману «Путешествие на Запад» У Чэнъэня. Сунь Укуна называют также «Каменной обезьяной» – так как он родился из камня.

Настоятель кивнул.

— Мы будем иметь честь навестить и живого принца и мертвого, — сказал Мастер Ли. — Я думаю, что у нас очень много работы, и, если вы нам укажите дорогу, сейчас нам лучше всего прогуляться туда, а потом в Чанъань.

Настоятель облегченно вздохнул, поняв, что ему не надо входить в могилу Смеющегося Принца, подробно рассказал, как ее найти, поклонился и затрусил обратно, бормоча что-то вроде «сорок-два котелка рыбы». Я собрал образцы растений и земли, и мы отправились в гости к аристократу, чьи нервы, как я надеялся, были сделаны из хорошего материала. Суеверия легко исчезают при свете дня, но когда ухают совы — это совсем другая история. Стоны ветра начинают походить на шепот призраков, лунный свет и листья порождают сумасшедших монахов, пляшущих по траве, а треск ступенек дома становится шагами давно умершего лунатика. Спальня Принца Лиу Пао находилась прямо над верхушкой могилы правителя-маньяка.

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Поместье было как раз такой величины, какую можно было ожидать от потомственного замка бывших владельцев долины, но очень мало из него все еще использовалось. Бывшие прекрасные сады заросли сорняками, повсюду я видел развалины обвалившихся строений. Полагаю я ожидал увидеть классическую сцену для ужасных историй, но ожидания рассеялись как дым, когда мы вошли в ворота и подошли к тому крылу особняка, которое выглядело обитаемым. Заросший естественной травой двор был вымощен камнем и гравием, а экран от злых духов оказался великолепной плитой из красного камня, поднятой на пьедестал из сандалового дерева. Мы обошли экран и прошли во внутренний двор, в котором нас окружил хоровод веселых ярких цветов, а ярко раскрашенные попугаи и какаду весело пели, приветствуя нас. Длинная, увитая лозами винограда веранда вела в дом, а куча широкополых крестьянских шляп предназначалась для тех посетителей, которые не любят птичий помет.

Оглядевшись вокруг я пришел к выводу, что единственной обитаемой комнатой должна быть кухня. Никакой подобострастный лакей не вышел встречать нас, но дверь оказалось открыта. Мы вошли в прихожую, которая в домах аристократов обычно называлась Залом Славы и Красоты, и вместо обычных огромных табличек, с начертанными на них иероглифами посмертных имен предков, увидели на стене скромную дощечку. Мастер Ли заметно обрадовался и чуть ли не замурлыкал. Он сказал, что классическое эссе одного из древних мудрецов, Чен Чи-ю, и это один из четырех столпов, на которых стоит наша цивилизация. Мое образование еще не дошло до столпов цивилизации, и

поскольку это были вполне современные иероглифы, я с большим интересом прочитал следующее:

*Домашний сад*

Внутри ворот есть тропа, и тропа должна извиваться. На повороте тропы есть наружный экран, и экран должен быть маленьким. За экраном есть терраса, и она должна быть приподнята. По краям террасы есть цветы, и цветы должны быть ярко окрашенными. За террасой есть стена, и стена должна быть низкой. Рядом со стеной есть сосна, и сосна должна быть старой. Под сосной есть камни, и камни должны быть необычными. Над камнями есть беседка, и беседка должна быть простой. За павильоном есть бамбук, и бамбук должен быть редким. За бамбуком есть дом, и дом должен быть уединенным. В стороне от дома есть дорога, и дорога должна быть незначительной. Там, где несколько дорог сходятся вместе, есть мост, и мост должен радовать взгляд. В конце моста есть деревья, и деревья должны быть высокими. В тени деревьев есть трава, и трава должна быть зеленой. В траве есть овраг, и овраг должен быть узким. В конце оврага есть источник, и источник должен булькать. Над источником есть холм, и холм должен быть сглаженным. Под холмом есть зал, и зал должен быть квадратным. Рядом с углом зала есть сад, и сад должен быть большим. В саду есть аист, и аист должен танцевать. Аист объявляет, что пришел гость, и гость не должен быть вульгарным. Когда гость прибывает, ему предлагают вино, и вино не должно быть отвергнуто. На пиру гость должен напиться, и пьяный гость не должен хотеть идти домой.

— Хотел бы я увидеть остальные три столпа, — сказал я. — Этот мне понравился.

— Мы дойдем до них, — пообещал Мастер Ли. Он прошел через зал в жилые комнаты, скромно обставленные удобной мебелью, и, приветствуя нас, из задней комнаты вышел хозяин дома.

Интересно, хоть кто-нибудь, кроме меня, смог бы принять принца за пыльное перо? Он был маленький и худой, на тонкой шее торчала вверх огромная голова, взъерошенные волосы, торчащие во все стороны, могли наполнить пару матрацев. Я слышал, что принц — знаменитый художник, и, действительно, пятна краски украшали его нос и подбородок. Из кармана торчали кисти, а любимая чашечка для смешивания красок висела на шее.

— Имя моего рода Лиу, мое собственное имя Пао, и я имею честь приветствовать знаменитого Мастера Ли! — крикнул он, порывисто поклонившись. Двигался он неловко, подпрыгивая и запинаясь на каждом шагу. В следующее мгновение он уже смотрел на меня, радостно улыбаясь. — Руки как бревна, ноги как стволы деревьев, шеи нет. Вы должны быть Десятым Быком. Какая радость повстречаться с вами!

Редко я встречал человека, который бы так понравился мне с первого взгляда. Я почувствовал себя совершенно свободно, и уже через несколько минут

забыл, что он — самый настоящий принц, а его пра-пра-и-еще-много-пра-дядя был Императором Китая. Мы сидели на террасе, из которой открывался замечательный вид на долину, пили чай и слушали как бурундуки ссорятся с длиннохвостыми попугаями.

— Говорят, что мой восставший из мертвых предок танцует при свете луны с сумасшедшими монахами, — сказал принц. — Такие истории я слышу постоянно, но на этот раз монахи сказали мне, что действительно произошло убийство. И я собственными глазами видел, что случилось на Дороге Принца. Да, видел, но до сих пор не верю.

— И тоже я не поверю, пока не найду рационального объяснения, — сказал Мастер Ли. — А об убийстве я знаю только одно: кто-то, очень сильный, вошел в библиотеку и украл манускрипт. Брат Косоглазый умер от сердечного приступа. Скорее всего его намеренно испугали до смерти, но мы не можем это доказать. Вы видели украденный манускрипт?

Принц отрицательно покачал головой. — Вот это из него, — сказал Мастер Ли, и протянул принцу обрывок пергамента. Принц, как и старый гад, стал внимательно разглядывать его, и через пять секунд глаза знаменитого художника стали как тарелки для супа.

— Будда, — прошептал он. — Кто бы не сделал его, я готов поклоняться ему как богу, но для чего он сделал подделку такой явной?

— Может быть мы никогда не узнаем это, — задумчиво ответил Мастер Ли. — Все остальное достаточно просто. Перебирая свитки в древней библиотеке, Брат Косоглазый наткнулся на поддельного Сыма Цяня. Не имеет значения, распознал он подделку или нет. Настоящая рукопись принесла бы ему небольшое состояние от историков, подделка — от коллекционеров подделок.

Мастер Ли печально кивнул.

— И Брат Косоглазый уступил искушению, но достойно сожаления, насколько плохо и неизящно он совершил преступление. Он попытался подделать подделку, обводя каждый иероглиф, а потом взял образец оригинала в Чанъань и договорился с коллекционером. Чтобы отвести подозрение от библиотекаря, коллекционер согласился подделать взлом. Глупый монах получил немного денег, которые потратил на изысканную еду, а потом вернулся в монастырь, чтобы выполнить свой план. Я догадываюсь, что он решил действовать обоими путями. Он хотел избавиться от угрызений совести и сохранить оригинал для библиотеки, и, одновременно, обмануть коллекционера, подсунув ему свою подделку. Он попытался надуть не того человека.

Мастер Ли повернулся ко мне. — Бык, чтобы согнуть те прутья нужны большие рычаги, которые не слишком шумят. Единственное, что надо было сделать Брату Косоглазому — откинуть засов и побежать за помощью, но он остался там, где был. А это означает, что у него был сообщник.

Он повернулся к принцу. — Я легко могу представить себе, как коллекционер вытаскивает нож и говорит, что поскольку добрый монах вообразил себя Сыма Цянем, для полного сходства его необходимо кастрировать. В любом случае Брат Косоглазый закричал и умер на месте от сильного испуга. Коллекционер вырывает оригинал из руку мертвого человека, а потом он и его сообщники убегают. Любой, кто хочет что-нибудь украсть в Долине Скорби, просто обязан одеться сумасшедшим монахом. Свидетели, скорее всего, только увидев их, кинутся бежать и не остановятся до Желтого Моря.

Принц выпил еще немного чая. Мастер Ли долил себе немного вина.

— Принц, ваш предок изрыл всю долину туннелями в поисках железа и Будда знает чего еще. Он залил тут все кислотами и загадочными жидкостями, которые сам изобрел. Предположим один из этих туннелей провалился. Нет ничего невозможного в том, что подземное эхо может произвести странный призывающий звук, и что хранилище древней кислоты — или чего-нибудь в этом роде — разрушилось, и она пролилась на Дорогу Принца. Откровенно говоря я не знаю ни одно вещество, способное сохранять свои свойства в течении семи столетий, но это не значит, что его нет, и мы узнаем это в академии Чанъаня. И мы найдем того, кто задумал воровство, — доверительно сказал Мастер Ли. — Вот доказать убийство действительно будет тяжело. Настоятель хочет новую крышу. У вас есть какие-нибудь возражения?

Принц указал на свою грудь. — У меня? Моя семья не претендует на эту долину с ужасных дней феодализма, которые так любят Нео-Конфуцианцы. Все что мы можем делать — разоряться, поддерживая Дорогу Принца, и еще кое-что в таком же духе.

Мастер Ли с недоумением посмотрел на него. — Я спрашиваю себя, как на все это смотрят крестьяне, — сказал он. — Ваша семья управляет долиной почти пять столетий, и когда речь идет о благосостоянии долины, они обращаются скорее к вам, чем к императору. И не просто обращаются за помощью, они требуют ее. Не слишком честно, учитывая то, что вы не получаете ни цяня[17] за аренду земли, ни часть урожая , но это то, что есть.

Принц Лиу Пао задумчиво поглядел на него. Потом перевел взгляд на мои мозолистые руки, большое грубое тело и простодушное лицо — все во мне выдавало обычного крестьянина.

— Десятый Бык?

Я даже вспыхнул от смущения. — Мастер Ли прав, Ваша Светлость, — сказал я. — Ничто не убедит их, что благосостояние Долины Скорби не лежит на семействе Лиу, и, по правде говоря, это вроде Дороги Принца. Крестьянам это не по карману.

Принц засмеялся и встал.

17 Цянь – мелкая серебряная монета.

— Похоже у меня нет выбора, придется соблюдать формальности, — сказал он. — А сейчас, как я понимаю, мы должны проверить, что мой чудовищный предок благополучно почивает в гробу, и знаменитый Мастер Ли это засвидетельствует.

— Да, — ответил Мастер Ли.

Принц взял ключ от склепа, вывел нас наружу, за ворота, и по извилистой тропинке привел к отвесному склону утеса. Когда мы подошли ближе, я заметил железную дверь, вделанную в камень и всю заросшую сорняками и чертополохом. Сама дверь была очень древней, но замок был новый и пальцы принца затрепетали, когда он вставлял ключ.

— Ночной кошмар детства, — сказал он, усмехаясь. — Видите ли, наследники Смеющегося Принца решили сохранить знаменитый грот точно таким, каким нашли его, и поместили внутрь семейные таблички. Каждый следующий принц должен молиться и приносить жертвы предкам внутри монумента злоупотребления властью. Из-за такого воспитания нам трудно даже оторвать крылья бабочке.

Я ожидал полную темноту, но в камне оказались бойницы, через которые лился зеленовато-желтый свет. Я решил, что знаменитый Медицинский Исследовательский Центр должен быть частью воспитания любого императора. Такое трудно забыть.

Длинный ряд железных столов шел вдоль одной из стен. На них лежали основные инструменты для научных исследований: тиски для больших пальцев, железные прутья, клещи для отрывания мужских тестикулов и разнообразные приборы для разрезания и долбления. В центре помещения все еще стояли древние столы для операций, под ними остались каменные канавки для удаления крови. Вдоль другой стены стояли мрачно выглядевшие машины непонятного назначения, а у третьей стены находилось нечто, что я понял: железные клетки, в которых держали крестьян. Отсюда крестьяне хорошо видели то, что происходило с их семьями. Но самая худшая вещь стояла у задней стены.

Это был естественный гладкий камень, похожий на огромную плиту из сланца и покрытый самыми различными записями, быть может результатами экспериментов, нарисованными с изумительной точностью. Загадочные математические формулы и примечания к ним, написанные древними иероглифами, и даже Мастеру Ли пришлось поломать голову, когда он переводил их для меня.

— Настоящий путь камня... Ложный путь камня... здесь самый сильный камень... Общая неудача камня... Три пути каменных веток... Камень не отвечает...

Это совсем не имело смысла, как и множество стрелок, указывавших на различные мрачные особенности экспериментов.

— Что он имел в виду, когда когда писал все эти заметки на камне и о камне? — спросил Мастер Ли.

— Никто не знает, но, похоже, им владела навязчивая, всепоглощающая мысль, — ответил принц

Он взял факел, висевший на стене, зажег его и повел нас в затененный угол. Там я увидел семейные таблички, и содрогнулся, представив себе маленьких мальчиков, которых приводили сюда молиться, и заставляли слушать мрачные истории о семейном проклятии. Таблички висели перед древним пустым алтарем. На стене над ним были высечены слова, и Мастер Ли перевел их для меня.

*В темноте чахнет драгоценный камень.*
*Когда его превосходительство околдует мир?*
*Тогда, когда кажущееся станет настоящим,*
*а настоящее станет кажущимся.*
*Когда ничто станет чем-то, а что-то станет ничем.*
*Камень развеет кажущееся и ничто,*
*И взберется к Воротам Великой Пустоты.*

Принц улыбнулся моему изумлению. — Я согласен, — сказал он. — Это напоминает самые туманные высказывания Даосизма, которые куда-то ведут по исчезающему пути, и мало чем отличается от полной чепухи.

Мастер Ли почесал голову. — Лао-цзы? — предположил он. — Его третий шаг к Небесам требовал умения услышать как растет камень внутри утеса, но он не взбирался к Воротам Великой Пустоты на криках жертв. — Он подмигнул мне. — Он ехал на осле.

В тенях алькова была одна, более темная, которая превратилась в узкий туннель, когда принц приблизился к ней с факелом в руке. В конце туннеля находилась еще одна железная дверь, но на ней не было ни замка, ни ручки. На стене висела большая бронзовая табличка, на которой была выгравирована карта Долины Скорби, а рядом с ней железный молоток на железной цепочке. Принц невесело улыбнулся.

— Ужасное чувство юмора, — кисло пробормотал он.

Принц поднял молоток и ударил по табличке, железная дверь молча распахнулась. Мы вошли в круглую комнату, на удивление пустую. Не было ничего из тошнотворного богатства, которое обычно отличает могилы тиранов. Только два каменных гроба, два бокала для жертвоприношений и маленький алтарь со свечами из ладана. Мастер Ли был поражен не меньше меня, а принц пожал плечами и раскинул руки, как если бы хотел сказать: сдаюсь.

— Мой предок — загадка от начала до конца, — сказал он. — Он собрал огромное богатство, но не потратил ни катти или ляна[18] серебра на место своего последнего покоя. Что он сделал с деньгами? Во всяком случае не передал никому из своей семьи, и нет никаких свидетельств, что их забрал его брат-император. Несколько столетий после смерти Смеющегося Принца наша семья чуть ли

18 Лян – мера веса, примерно 37,5 г.

все время охотилась на людей, которые рыли ямы по всей долине, и до сих пор жулики делают состояние на продаже поддельных карт с местами захоронений сокровищ. Саркофаг слева — остатки его главной жены, а мой предок спит в правом.

Мастер Ли кивнул мне. Я вышел вперед и проверил каменную крышку. Она весила по меньшей мере двадцать даней[19], но покоилась на гладких пазах, я уперся посильнее и надавил. Я почти сломал спину, прежде чем заставил ее двинуться, но потом она заскользила с болезненным скрипом камня о камень. Внутри оказалась мумия, завернутая в просмоленный холст. Часть повязок сползла, и обнажился кусок выбеленного черепа. Пустая глазница пристально смотрела на нас, и, откровенно признаюсь, я облегченно вздохнул, когда увидел, что в таком виде Смеющийся Принц точно не сможет смеяться и плясать при свете луны.

Мастер Ли наклонился над гробом и потом выпрямился, держа в руке маленький эмалированный ящик, похожий на коробочки для пилюль. Внутри ящичка не было ничего, кроме горстки серой пыли, но когда он почистил крышку, мы увидели изображение жабы, сидевшей на лиловой подушечке.

— Я слышал, что Смеющийся Принц был уверен, что вылечится от горячки, и это может объяснить, почему ему это не удалось, — задумчиво сказал Мастер Ли. — Уже в его время было известно, что похожие на слезы выделения некоторых жаб стимулируют работу сердца, и более эффективны, чем напиток из наперстянки, и Жабий Эликсир обычно прописывают для лечения нескольких тяжелых сердечных заболеваний. Как всегда любое увеличение дозы смертельно, и ящичек могли поместить в гроб для того, чтобы подчеркнуть, что он умер естественной смертью. А может быть наоборот, это знак, что император действительно послал ему желтый шарф, и Лиу Шень впрыгнул в подземный мир на спине жабы. Но сейчас все это не имеет никакого значения.

Больше в гробу не было ничего. В смерти, как и в жизни, жестокий повелитель Долины Скорби остался загадкой. Я водрузил крышку на место. Мы прошли обратно в туннель, и принц закрыл за собой дверь. Грот по-прежнему наводил ужас, но когда мы вышли наружу, я точно знал, что его зло умерло, как и сам Смеющийся Принц. Солнце заходило, окрасив небо багровым цветом, птицы пели последние песни, и над покрытой пурпурными тенями Долиной Скорби переливалась зеленовато-золотая дымка. Долина лежала под нами, прекрасная, как волшебная сказка, и намного более живая.

19 Дань – китайская мера веса, равная 59,6816 кг.

# ПЯТАЯ ГЛАВА

Не было никакого смысла отправляться в Чанъань с растением и образцами почвы ночью — кроме того был пятнадцатый день седьмой луны, и уши не обманули меня. Настоятель действительно прошептал «сорок-два котелка рыбы», и монастырь пах как Пирс Желтых Карпов. Из деревни доносились запахи риса, свинины, капусты, яиц и традиционных пирогов из баклажанов. Слово о том, что Смеющийся Принц спокойно спит в своей могиле, как огонь разлетелось по Долине Скорби, и теперь все было готово к празднику.

— Запомните мои слова, — мрачно сказал Брат Чан. — Сегодня кое-кто сломает ногу.

Мастер Ли вслушался в слабые звуки музыки, доносящиеся из деревни. — Крестьянские танцы могут быть достаточно буйными, — согласился он.

— Запах чесночного соуса! Завтра у каждого ребенка в долине будет болеть живот, — сказал Брат Шан.

— По меньшей мере неделю, — поддакнул Мастер Ли.

— Дюжины монахов забудут свои клятвы, — сказал Брат Шан, чье полное имя было Ву Шан и который был известен тем, что всегда вытаскивал короткую соломинку. (Ву Шан означает «Трудное Рождение»). На этот раз он один остался сторожить монастырь, а все остальные монахи отправились на праздник.

— И кто-нибудь, без сомнения, сунет зажженный факел в сарай, — зловеще предсказал Мастер Ли.

— Считайте, что им повезло, если хотя бы один дом останется стоять, — сказал Брат Шан, который воспрял духом. — Все семьи перессорятся между собой. Проломленные черепа и поломанные руки! Запомните мои слова: этот день будет отмечен черным в анналах долины.

Мы оставили бедного монаха жалеть самого себя — очень полезное занятие! — и спустились с холма в деревню. Пир Голодных Духов стал моим любимым праздником с того времени, когда я начал путешествовать с Мастером Ли, потому что сам почти превратился в голодного духа. (Эту честь, помимо всех остальных, получают те, кто умер в далеких печальных странах, или те, чьи тела были изувечены до неузнаваемости). К моему удивлению Мастер Ли был в превосходном настроении. Во время ужина в монастыре ему предложили вынести суждение о винах, изготавливаемых в долине, и я приготовился к самому худшему, когда он приблизился к сильно пахнувшим горшкам и пробормотал традиционную фразу «*Нин цзы хоу тьен*», что означает «*Я готов к смерти; я попробую это*». Тем не менее он сделал по маленькому глотку каждой едкой жидкости и похвалил все без исключения, хотя нескольких капель этих напитков, выплеснутых на землю, хватило, чтобы убить двух ящериц и три квадратных чи травы.

Настоятель сократил до минимума официальные молитвы и церемонии, и я был вне себя от счастья, когда в разгар веселья увидел, что приготовил Брат Шан. Сам он не мог присутствовать на празднике, но провел всю зиму, вырезая крошечные флейты из бамбука, и сейчас привязал их к хвостам монастырских голубей, которых послал полетать над деревней. Флейты запели известную непристойную песню «Домашний горшок Чу Чана», и настоятель сказал что-то о недисциплинированности и нечестивых негодяях, но беззлобно и улыбаясь во весь рот.

Начались танцы, вскоре должны были начать бороться, и я был очень разочарован, когда Мастер Ли решил ускользнуть и твердым шагом отправился в холмы, освещенные лунные светом. Ноги принесли его к разрушенной земле на Дороге Принца, и он простоял там несколько минут, ковыряя ногами землю и сцепив пальцы за спиной.

— Ну, Бык, — наконец сказал он, — расскажи мне, что неправильно в том анализе, который я дал Принцу Лиу Пао?

— Господин?

— Я попытался успокоить его. И хотел успокоить самого себя, — мрачно продолжал мудрец. — Да, совершенно ясно, что обманщики, одетые как клоуны похитили манускрипт и испугали монаха до смерти. Монахи слышали странный зовущий звук *именно тогда*, когда эти клоуны бежали с добычей; какая-то загадочная жидкость убила деревья и цветы *именно там*, где они ступали на землю. Если бы, как я сказал принцу, где-то обрушился туннель и вытекла старая кислота, получается совершенно невероятное совпадение, заслуживающее внимания лучших ученых, священников и теологов. А если это не совпадение, для чего негодяям устраивать все эти эффекты? Ради простой кражи манускрипта? Если такое им под силу, то они в состоянии забраться в Императорскую Сокровищницу или снять с самого Императора нижнюю одежду во время приема послов. Нет мой мальчик, все это не имеет ни малейшего смысла.

Конечно я ничего не сказал, но заметил, что старый мудрец наслаждается любым мгновением своего непонимания. Он боялся, что должен расследовать обыкновенную кражу, а теперь молился на тайну, которая могла поставить в тупик судей Ада. Он вытер воду с плоского камня, уселся на него и уставился на звезды. Прямо под нами на холме мы видели крошечные вспышки света, мелькавшие среди деревьев. У маленьких девочек уже развиты материнские инстинкты, и они очень серьезно воспринимают Пир Голодных Духов, кружа между стволами с фонарями, сделанными из скрученных листьев полыни и лотоса, в которые вставлена свеча. Я мог чувствовать, что духи тоже кружат вокруг нас, двигаясь к теплу тонких поющих голосов: Вы не одни, пели девочки, вы не забыты, мы заботимся и помним, наши собственные жизни не больше, чем пламя свечи:

*Хоу тзы-тен,*
*Хо е-тен,*
*Чин-ер тьен,*
*Мин-ер ко ен;*
*Гори мой фонарик,*
*Полынный фонарик.*
*Сегодня свети,*
*А завтра уйди.*

Я вытер глаза. Лунный свет освещал Левый Рог Дракона и старинное поместье Лиу, и я спросил себя, как мог Смеющийся Принц наслаждаться, мучая и убивая маленьких девочек вроде этих. Вероятно Мастер Ли думал о том же самом.

— У меня есть теория об этом сумасшедшем, — сказал он. — Скажи, Бык, какое занятие быстрее всего ведет к безумию?

— Быть Императором, — быстро ответил я.

Он засмеялся. — Я не буду спорить с этим, но я имел в виду более обыденные занятия.

Я почесал нос. — Производство войлока? — попробовал я.

— Точно, — сказал Мастер Ли. — При производстве войлока шерсть окунают в ртуть. Люди, которые занимаются определенными ремеслами — например мастера-шляпники — буквально плавают в ртути, и почти наверняка Смеющийся Принц пил ее.

— Господин?

— В юности он был выдающимся ученым, — объяснил Мастер Ли. — И значит рано или поздно должен был начать экспериментировать с Эликсиром Жизни. Насчитывается бесконечное количество формул эликсира, но все они содержат киноварь, а киноварь — это сульфид ртути. Много лет я предупреждаю о вреде ртути, но меня никто не слушает. Дело в том, что эффект накапливается постепенно, и нужно прожить так долго, как я, чтобы увидеть результаты.

Он прыгнул на ноги и продемонстрировал несколько странных движений и выражений лица.

— Ртуть разрушает нервную систему и, постепенно, у человека начинается тик, он тяжело и судорожно дышит, дергается и подпрыгивает, как я тебе показал, — сказал Мастер Ли, и сделал несколько шагов, дергаясь и подпрыгивая. — Я почти уверен, что это и есть то самый изящный танец Смеющегося Принца. Когда яда в организме становится больше, начинаются вспышки истерического смеха и приступы убийственной ярости, и в конце концов все кончается безумием и смертью. Так что, Бык, вполне возможно, что все преступления Смеющегося Принца были результатом экспериментов по достижению бессмертия, в ходе которых он пил киноварь — быть может не так волнующе, как в легенде, но

если бы ты знал, сколько людей погибли только потому, что сандалии императора плохо сидели на ногах, а вовсе не потому, что он получил знамение Небес, и когда я слышу, как какой-нибудь монах кричит о божественном возмездии, я подозреваю несварение желудка.

Он еще раз прошелся в танце, дергаясь и подпрыгивая, потом остановился и посмотрел на меня. — Несварение желудка? — спросил он.

Нет, живот не болел, но я не мог объяснить, что меня тревожило. Что-то было не так с ночью. Городской житель не мог почувствовать ничего, но я вырос в деревне и мои нервы отозвались на крошечную неуверенность в песне сверчков. Охотничье уханье совы оборвалось на середине. Маленькие ночные создания разбегались в разные стороны, неуверенно шурша по опавшим листьям. Что-то странное и неестественное вошло в Долину Скорби, и я сообразил, что затаил дыхание.

И оно пришло — небольшая дрожь, как будто задрожал воздух. Потом дрожь стала больше, и я увидел, как Мастер Ли резко повернулся. И вот тут пришел звук. Я не могу описать его. И никто не может. Земной и неземной, он походил на все и от всего отличался, мое тело содрогнулось от страшного чувства потери, и, одновременно, от сильного желания и надежды — как если бы я только что потерял что-то очень ценное, но память возвращается, вместе с надеждой найти это опять. Могу ли я разложить этот звук на ноты? Можно попытаться, и тогда их было всего три, три простых и ясных звука, причем третий очень долгий:

*Кан.....шан.....чуеееееееееееееееееее...*

Это самое лучшее, что я могу сделать, и мелодия так сильно ударила по мне, что я заплакал и схватился за сердце, как если бы оно хотело разорваться напополам.

— Бык? Что с тобой?

— Звук, — прорыдал я. — Мастер Ли, вы же тоже слышите звук!

— Какой звук?

*Кан.....шан.....чуеееееееееееееееееее...*

Это было замечательно, болезненно и звало меня. Я знал, что должен добраться до туда или умереть, и я был не один. Праздник прекратился, и многие люди побежали в лес, а остальные, которые, вроде Мастера Ли, не слышали ничего, закричали: «Вернитесь» и «Вы, что, сошли с ума?» Я прыгнул на ноги. Маленькие девочки пробежали мимо, крича и плача, и инстинктивно защищая крошечное пламя в своих фонариках из листьев лотоса.

Мастер Ли выругался, прыгнул мне на спину и привычно сунул ноги в мои карманы. — Хватит дрожать, как хромая скаковая лошадь, — крикнул он. — Беги!

И я побежал. Луна светила настолько ярко, что, казалось, кто-то вырезал острым ножом тени на земле, и аккуратно обвел их черным, и Великая Звездная

Река над нами искрилась и переливалась. На какое-то мгновение мне показалось, что звук идет прямо из сердца звезды — конечно туда мне будет трудно добраться. Как будто я пытался найти сверчка в темном старом амбаре: то он передо мной, то по одну сторону, то по другую. В конце концов я сообразил, что бегаю по кругу, а Мастер Ли вцепился мне в шею и с трудом держится, как на бегущей галопом лошади.

Я сумел остановиться и встал, тяжело дыша, широко расставив ноги и опустив голову. Мастер Ли передал мне флягу с вином, и я сумел немного отпить. Я кашлял и задыхался, но чувствовал себя лучше, и он успокоительно потрепал меня по плечу.

— Я не слышал ничего, но точно знаю, что ты идешь в неправильном направлении, — ласково сказал он. — Бык, все это напомнило мне об одном из рассказов Бабушки Шу, где тоже есть звук, который некоторые слышат, а некоторые нет, и этот звук слышат не ушами. Он идет прямо в сердце, и у тебя в сердце возникает дыра. Как и у всех молодых людей. Тебе надо найти самые замечательные вещи в мире, и заполнить ими дыру. Забудь об ушах. Слушай свое сердце. Направь дыру на звук и беги том направлении, в котором сердце болит больше.

Опять появилась дрожь, даже более сильная, чем раньше, и я опять затаил дыхание.

*Кан.....шан.....чуеееееееееееееееееее...*

Из головы вылетели все мысли, и я побежал, хотя на этот раз немного более уверенно. Мастер Ли оказался прав. Бежать туда, где сильнее болит и забыть о лжи, льющейся в уши. Я постоянно поднимался вверх, и ночь менялась, начал подниматься густой туман. Он поглотил далекие огни деревни, потом луну и звезды, и Матер Ли начал скрипуче и однообразно ругаться, когда сырое одеяло накрыло нас с головой. Я с трудом видел на чи вперед, и постоянно натыкался на камни и деревья. Но я знал только —надо карабкаться все выше и выше.

У меня осталось смутное воспоминание, что я спускался в овраги и поднимался вверх с другой стороны, опять спускался, и опять карабкался. Туман стал настолько густым, что я уже вообще ничего не видел, и Мастер Ли кричал, приказывая остановиться. Но я не мог. Чудесный болезненный звук прекратился какое-то время назад, и я должен был добраться до него прежде, чем он исчезнет навсегда, я соскальзывал вниз и упрямо лез вверх — я хочу ясно объяснить это, потому что произошло нечто совершенно невероятное.

Наконец я выбился из сил и мог только ползти, но тут я почувствовал, что впереди кто-то есть. Туман начал подниматься. Я увидел пару сандалий, затем худые ноги, хилое тело и огромную голову с растрепанными волосами. Принц Лиу Пао смотрел на нас сверху вниз так, как если мы были призраками.

— Бык? Десятый Бык? Мастер Ли? Как вы сумели...

Он замолчал и, широко открыв глаза, посмотрел на дорогу за собой.

— Я услышал шум и вышел наружу, но никто не прошел мимо меня по тропе, — прошептал принц.

Туман поднялся, и с внезапным испугом я осознал, почему принц не может поверить собственным глазам.

Я еще не описывал его поместье в деталях. Голова Дракона — это совсем невысокая гора, по имени которой когда-то называлась вся долина. Столетия назад землетрясение разделило ее пополам: Левый Рог Дракона и Правый Рог Дракона. Особняк располагался на верхушке Левого Рога. Оба Рога разделяла глубокая расселина, сорок чи в ширину и две сотни вглубь. Я начал карабкаться со стороны Правого Рога Дракона, сейчас находился в поместье, значит каким-то образом я пересек расселину.

Принц продолжал глядеть. Я отполз немного назад и уставился на отвесный склон, по которому поднялся, острые камни внизу и вертикальный склон на другой стороне, по которому спустился. Это было совершенно невозможно.

— Бык, — тихонько прошептал Мастер Ли, — тебя ждет восхитительная карьера, ты будешь летать на ярмарках, но ради любви Будды никогда не делай такого опять, особенно когда я сижу у тебя на спине.

Мы могли слышать слабые крики из деревни внизу. Удивительный звук исчез, и принц сказал, что он, как и Мастер Ли, совсем не слышал его. И тут раздался новый звук, который услышала вся долина. Монастырские колокола забили тревогу, и в следующее мгновение я уже бежал вниз, Мастер Ли сидел у меня на спине, а Принц Лиу Пао пыхтел сзади.

Крестьяне толпились у ворот монастыря, боясь войти внутрь. Мы протолкались через толпу, настоятель встретил нас и молча махнул рукой. Я помчался в библиотеку. Нас встретил полный хаос — все было перевернуто вверх дном. Кто-то распахнул и отбросил каждую книгу, развернул и порвал каждый свиток, а стол библиотекаря превратил в груду обломков. Мастер Ли соскользнул с моей спины и проверил обломки, потом повернулся и быстро вышел в коридор.

Келья последнего библиотекаря, Брата Косоглазого, была полностью разгромлена. Вся скудная мебель порублена на куски. Одежда разрезана вплоть до подкладки. От тюфяка остались отдельные клочки, пол в лужах крови.

Мастер Ли наклонился, окунул палец в кровь и облизнул. — Чернила, — сказал он. — Если совсем точно — чернила сорта Ресницы Будды, а эти обрывки бумаги на остатках матраса — все, что осталось от пергамента Желтый Император. Закончив обводить подделку Сыма Цяня, Брат Косоглазый спрятал оставшиеся материалы в матрасе.

Мастер Ли повернулся и быстро зашагал в библиотеку. Опять его глаза начали переходить с клочка на клочок, а потом он подошел к огромной куче бу-

маги, лежавшей перед согнутыми прутьями того самого окна, через которое грабители проникли внутрь прошлый раз. Он порылся среди свитков, потом отбросил их все в сторону, выпрямился и злыми холодными глазами посмотрел на меня.

— Ну, Бык, — кисло сказал сказал он. — Если я и умру в следующие несколько недель, то не от скуки.

— Будда спаси нас, — прошептал принц, а настоятель и монахи сделали знаки защиты от злых духов.

Стража бедного Брата Шана оказалась не так одинока, как он надеялся. Монах лежал на полу, среди кучи свитков, глядя в потолок остановившимся взглядом. Он был мертв, как и брат Косоглазый, а выпученные глаза и разинутый рот выражали ужас, невообразимый ужас.

## ШЕСТАЯ ГЛАВА

Следующие несколько часов почти не сохранились в моей памяти. Настоятель послал группу испуганных монахов расспросить еще более испуганных крестьян, а Мастер Ли в быстром темпе вскрывал покойника. В теле мог быть яд, рассасывающийся без следа за несколько часов, но оказалось, что Брат Шан абсолютно здоров и умер от сердечного приступа. Вернулись монахи и сообщили, что по меньшей мере восемь крестьян видели загадочных монахов в разноцветных одеждах, которые смеялись и танцевали под луной, и исчезли, как если бы их проглотила земля.

И еще одна новость — новая часть Дороги Принца оказалась уничтоженной.

Мастер Ли вытащил свои ножи из тела Брата Шана и сказал, что самое лучшее — поспать несколько следующих часов. Когда он разбудил меня, мне показалось, что прошло всего несколько минут. Мастер Ли вручил мне стакан крепкого чаю и мы отправились к Принцу Лиу Пао. Тот в одиночестве стоял на Дороге Принца и мы вместе осмотрели очередное невероятное место. В полосе шириной от пятидесяти до ста пятидесяти чи не осталось ничего живого. Опять смерть четко отгородилась от жизни. Роскошные цветы благоухали рядом с высохшими, в десяти чи от совершенно здорового, налитого соком дерева стоял голый ствол, без единого листа и без капли сока. Сначала я подумал о кладбище и о кошмарах, но что-то вокруг заставило меня содрогнуться и изобразить в воздухе символы, которые я увидел во сне. Мастер Ли и принц посмотрели на меня широко раскрытыми от удивления глазами, и я смешался.

— Сделай это опять, — приказал Мастер Ли.

Я повторил.

— Ли Као, быть может я сошел с ума? — спросил принц. — Я могу поклясться, что Десятый Бык изобразил несколько символов из старинного шрифта «Великая Печать», который не использовали по меньшей мере тысячу лет.

— Бык в состоянии совершить самое невероятное, — пробормотал Мастер Ли. — Вот сейчас он в состоянии изобразить старинные знаки для «Любви», «Силы», и «Неба», и я абсолютно точно знаю, что он не понимает ни единого иероглифа Великой Печати. Ну, мальчик, ты еще долго собираешься держать нас в ожидании?

Я побагровел. — Мне приснился сон, — робко сказал я. — Прямо перед тем, как вы меня разбудили. Что-то в этом напомнило мне о нем и об этих странных символах.

Мне снилось, что я сижу на траве рядом с деревней, похожей на мою. Кто-то привязал бамбуковый шест с черным флагом к зубчатой передаче водяного колеса, как делали в нашей деревне, потому что цепь могла соскочить.

Фермеры, работавшие в полях, постоянно поглядывали на флаг, который должен был подниматься и опускаться, и если видели, что он не движется, посылали мальчишку к Большому Вонгу, кузнецу, чтобы тот установил цепь на место. Когда флаг поднимался в высшую точку, он полностью раскрывался и какое-то мгновение развевался в воздухе, прежде чем начинал опускаться.

Перед водяным колесом играли дети. Одна маленькая девочка прыгала на месте. Ее длинные черные волосы взметались в воздух и развевались какое-то мгновение, потом падали обратно на плечи.

Перед детьми среди каких-то сорняков порхали бабочки. Одна, черная, резко устремлялась вниз, застывала на месте, усиленно махая крылышками, потом возвращалась назад.

Черный флаг, черные волосы и черная бабочка образовали почти прямую линию, указывавшую мне под ноги. Я посмотрел вниз и увидел маленький кусочек глины, окрашенный в оранжевый цвет. Моя рука протянулась и сомкнулась вокруг него, и что-то сказало мне продолжать наблюдать за ритмом: вверх, пауза, вниз... вверх, пауза, вниз...

Мои пальцы закололо. Кусочек глины, как живой, бился в том же ритме, сердце наполнилась болью, глаза слезами. Я не слышал чудесный звук, но чувствовал пульс кусочка глины, и внезапно я очутился в моем старом классе в монастыре, группа мальчишек глядела на меня, выпучив в глаза, и я отчаянно пытался объяснить им что-то важное.

— Вы понимаете? — сказал я. — Жизненная сила оранжевого кусочка глины похожа на флаг, бабочку и волосы маленькой девочки. Вверх, пауза, вниз; вверх, пауза, вниз. Важно не забывать о паузе. Вы понимаете меня?

Мальчики серьезно смотрели на меня.

— Это пауза! — прокричал я. — Это не удар сердца человека, и вы никогда не услышите чудесный звук, который он делает, пока не поймете паузу!

Старик-настоятель зашаркал ко мне. Когда он подошел ближе, он оказался не настоятелем. Мастер Ли схватил меня за плечи, встряхнул и яростно прокричал: «*Десятый Бык, ты не должен учить банан становиться черным*!»

Потом я проснулся.

— Господин, — сказал я. — Это все, что я могу рассказать о своем сне. Что-то вокруг напомнило мне о нем, и о символах, которые я видел. Вот высокое мертвое дерево, потом пустота, потом низкое мертвое дерево, опять пустота, потом кусты...

Я пожал плечами и опять нарисовал символы в воздухе. — Итак, ты рисуешь старинные сокращенные иероглифы для любви, силы и Неба, — задумчиво сказал Мастер Ли. — А ты совершенно уверен, что круглый кусочек глины был оранжевым?

— Да, господин, — ответил я.

Он потер нос и задумчиво пожевал кончик своей запущенной бороды. — Надо будет как следует подумать об этом, когда у нас будет время, — сказал он. — Символы что-то обозначают, что-то очень важное, но это приведет нас в болото, от которого я хотел бы держаться подальше.

Мастер Ли отправился смотреть на следы загадочных монахов-клоунов, я начал собирать образцы растений и почвы, и тут ударили барабаны. Сделанные из шкуры овец, сотни барабанов медленно и методично били по всей Долине Скорби. Принц, высоко подняв брови, взглянул на Мастера Ли, но тот кивнул в мою сторону. — Когда речь идет о крестьянах, надо спрашивать знатока, — сказал он.

Я опять покраснел. — Ваше Высочество, они собираются шантажировать вас.

— Э?

— Может быть шантаж не самое подходящее слово, но я не нашел более подходящего, — сказал я. — Они собираются начать рабочую песню. Она старше, чем время, и используется крестьянами, когда они хотят, чтобы правитель долины что-то сделал для них.

— *Какой* правитель *какой* долины? — зло сказал принц.

Мастер Ли пришел ко мне на помощь. — Крестьяне думают, что за всем этим стоит ваш предок, и, насколько это их касается, вы — правитель долины, нравится это вам или нет. Староста уже приготовился в деталях воспеть обязанности крестьян по отношению к правителю, а это влечет обязанности правителя по отношению к крестьянам. Бык, сколько куплетов?

— Больше четырехсот, — ответил я. — Когда они дойдут до конца, начнут все сначала, и, если понадобится, будут петь год, и два, и три.

Я не стал добавлять, что на их месте сделал бы то же самое. Конфуций так высоко ценил песню шантажа, что поместил ее в Книгу Од, и она на самом деле действует, особенно когда барабаны бьют бум, бум, бум.

*В седьмую луну звезда Огня*
*Всё ниже на небе день ото дня.*
*В восьмую луну крепки тростники —*
*Мы режем тростник и камыш у реки.*
*Луна шелкопрядов — зелёный тут...*
*Мужчины тогда топоры берут —*
*Верхушки со старых срежет топор,*
*А с юных — зелёный убор сорвут!*
*Кричит барабан о седьмой луне.*
*В восьмую — за пряжу садиться жене.*
*Мы чёрные ткани и жёлтые ткём,*
*А ту, что сверкает багряным огнём,*
*Что ярче всех и красивей всех,*
*Мы княжичу в дар на халат отдаём.*

Пенье без эмоций, за исключением последней строчки каждого третьего куплета, и через несколько месяцев тот, к кому обращена песня, начинает съеживаться и вздрагивать, как только начинается каждый третий куплет. Правителю трудно доказать, что надо рубить непокорные головы: это просто рабочая песня.

Бум, бум, бум.

*К четвёртой луне трава зацветёт,*
*О пятой луне цикада поёт.*
*В восьмую луну мы сберём урожай,*
*В десятую — падают листья, кружа.*
*И первая вновь наступает луна —*
*Барсучьей охотой начнётся она;*
*И ловим лисиц мы и диких котов —*
*Ведь княжичу теплая шуба нужна.*
*Но вот на облаву выходит рать,*
*Привычная в пору второй луны, —*
*Себе поросёнка должны мы взять,*
*А князю мы вепря отдать должны!*

— Как они могут петь такое? — жалобно сказал принц. — Они прекрасно знают, что в течении столетий моя семья не брала у них не то что вепря, но ни одной медной монеты или крошки риса!

Бум, бум, бум.

*Лёд бьём мы со звоном — вторая луна,*
*Им в третью широкая яма полна,*
*И утром в четвёртой, как жертву зимы,*
*Чеснок и барашка приносим мы!*
*В девятой — вновь иней на травах жесток,*
*Десятой луной расчищаем мы ток...*
*У нас на пиру два кувшина с вином,*
*Овцу и барашка мы князю снесём.*
*Рога носорога полны вина,*
*Поднимем их выше и выпьем до дна,*
*Чтоб жизнь ваша, князь, длилась тысячи лет*
*И чтоб никогда не кончалась она!*

— И так они собираются петь целый год? — воскликнул принц. — Я знаю, что они хотят, но пускай они сами объяснят мне это.

— Вы и только вы имеете право избавиться от вашего предка старым путем, — мягко сказал Мастер Ли. — Под старым они понимают то, что было до Конфуция.

— И за это мучиться до скончания века в Восьмом Аду! — зло ответил принц.

— Да, если верить нашим Нео-Конфуцианским правителям, и, кроме того, поскольку после смерти отца никто не имеет права три года заниматься общественной жизнью, они отравляют отца любого соперника по священному долгу.

Принц Лиу Пао застыл как столб. Потом он повернулся, и не произнося ни единого слова, начал подниматься на Левый Рог Дракона, в поместье. Внезапно он свернул с тропинки и пошел прямо в грот. Издалека доносился гром барабанов и пение крестьян, и, казалось, из всех щелей Медицинского Исследовательского Центра сочится ужас. Принц открыл дверь могилы и пошел прямо к саркофагу своего предка.

— Бык, ты можешь сдвинуть эту проклятую крышку?

Я поплевал на руки. Крышка была настолько тяжело, что я не смог удержать ее, когда она заскользила к ногам мумии. В результате крышка грохнулась на пол. Принц Лиу встал рядом с гробом и уставился на остатки своего предка, Мастер Ли подозвал меня и попросил открыть второй саркофаг.

— Уж если мы здесь, я хочу кое-что увидеть, — сказал он.

Эта крышка соскользнула намного легче, и мы увидели мумию Тоу Ван, жены Смеющегося Принца, совершенно невредимую. Матер Ли наклонился над Тоу Ван и достал какую-то драгоценность, которую поднес к глазам и стал внимательно разглядывать.

— Да, хорошая вещь, но не самая лучшая, — задумчиво сказал он. — Говорили, что Тоу Ван в состоянии промотать все богатства Поднебесной, и это

скромное ожерелье вряд ли подходит под ее стандарты. Если только Их Величества не были похоронены нечистым на руку управляющим.

Он почесал макушку.

— Странно, очень странно, — пробормотал он, — Смеющийся Принц поклонялся камню, возможно и его жена, тоже, и тем не менее в обоих гробах нет ни единого камня. Опять неверный управляющий?

Сзади что-то скрипнуло и мы повернулись. Принц, напрягая все силы, поднимал мумию своего предка из саркофага. Из-за просмоленного холста это было тяжело и неудобно. Я сделал шаг вперед, на помощь, но Мастер Ли остановил меня. По лицу принца катились капли пота, он весь вспотел, но поднял мумию и пошел с ней вперед: из могилы, из грота, наружу, на тропу. Он поднялся наверх и положил мумию на плоский камень, видный с любой точки Долины Скорби. Нет сомнения, что глаза каждого человека в долине сейчас глядели на него.

Барабаны перестали бить. Принц нашел тяжелый камень, и я закрыл глаза. Я не открывал их все время, пока слышался треск ломающихся старинных костей, и все-таки я открыл их слишком рано и увидел, как камень опускается на череп и разносит его на кусочки. Мумия превратилась в белое облачко пыли, которое начало опускаться в долину, за ним последовали клочки холста и камень, использованный для жертвоприношения. Редко я восхищался кем-нибудь так, как Принцем Лиу Пао. Он повернулся к нам и сумел сказать совершенно спокойным голосом.

— Согласно Цао Цао, следующий шаг на пути святотатства — то ли насилие над собственной сестрой, то ли отсутствие на похоронах матери, не помню точно, что именно, — сказал он.

— Мать, — ответил Мастер Ли, — но я не уверен, что ваш поступок — святотатство. Принц, на этот раз преступники совершили серьезную ошибку, и мумия вашего предка подчеркнула это. Мы должны поговорить, есть очень интересная тема.

Снизу пришла последняя барабанная трель: «Ура нашему повелителю! Да живет он вовеки!»

## СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Жилые комнаты поместья мы уже видели. А сейчас принц повел нас в свою мастерскую, и я забыл вздохнуть, когда вошел внутрь и увидел сорок пойманных закатов. Здесь царил гений.

Картины и наброски были повсюду, и они жили, своей внутренней жизнью. Я мог поклясться, что с нарисованных деревьев течет настоящий сок, а с цветов каплет настоящая роса. Но самым невероятных казался свет, исходивший от картин, и принц улыбнулся, увидев мое потрясенное лицо.

— Это просто живописный прием, Бык, — скромно сказал он. — Он называется *по-мо*: техника, когда на что-то светлое накладывается темная краска. Поначалу эффект едва заметен, но когда краска высыхает, кажется, что картина светится изнутри — «как прищуренный взгляд», так обычно говорил мой учитель.

— А, «Три Несравненных». Вы учились у него? — спросил Мастер Ли.

— Ли Као, вы знаете все, — с восхищением ответил принц. — Да, несколько лет я был его учеником, и это, без всякого сомнения, самый несносный человек, которого я встречал за всю свою жизнь. — Принц изящно включил меня в беседу. — Его звали Ку Кай-чи, но все называли его «Три Несравненных», потому что с ним нельзя было сравниться в искусстве рисования, в гении и в глупости. И, конечно, он был величайший мастер *по-мо* во всей империи.

— Может быть так оно и было, но вы уже давно превзошли его, — прошептал Мастер Ли. — Принц, это совершенно невероятные произведения, но неужели вы не подумали о бесчестии и ссылке?

— О, я не собираюсь выставлять свои картины, — ответил принц. — Я работаю, для себя. Всю жизнь я пытаюсь научиться рисовать, и впереди еще долгий путь.

Оказавшись в своей любимой мастерской принц чудесным образом изменился. Он выпрямился, глаза счастливо сверкали, как если бы запах краски смыл из его памяти все недавние события.

— Бык, Мастер Ли хочет сказать, что, по решению наших Нео-Конфузианских правителей, все художники должны работать в классической технике, которая в учебниках называется «Садовая Горчица», — объяснил он. — Камни, к примеру, надо рисовать мазками кисти, используя технику *коу* для контуров, *по* — для верхушки и сторон, *цун* — для фона, а настроение надо подчеркивать техникой *ца*. Любая другая техника приведет к суду и ссылке.

Мастер Ли засмеялся, увидев выражение моего лица.

— С каждым годом становится все хуже, — сказал он. — Мазки цун, например, подразделяются на виды, подходящие для конкретных камней: «клубящиеся облака», «удар топором», «расщепленная конопля», «свободная веревка», «лицо призрака», «поленица-череп», «семечко сезама», «золотая синева», «пыль нефрита», «дыра в копье», «булыжники» и, последний, «бескостный». Художник, который использует «лицо призрака» для изображения гранита вместо официально одобренного «удара топором», получает шесть лет ссылки в пустынях Монголии.

Принц обвел рукой картины, стоявшие по всему залу. — Вы смотрите примерно на полмиллиона лет ссылки, — гордо сказал он. Оживившись, он выбрал одну картину из груды, лежащей на полу и подошел к нам с простым на-

броском дерева. — Законы лгут, — убежденно сказал он. — Посмотрите сюда. Любой закон утверждает, что *ши*, сила движения дерева, похожего на это, должна главным образом сконцентрироваться в ветвях, которые бросают вызов небесам. Я восемь раз пытался это сделать, и оно оставалось бесстрастным, как буддийский монах. В конце концов я сказал себе «Хватит думать, ты, идиот. Рисуй!» Я дал волю своим рукам, и это великолепное дерево ожило. Ты видишь, почему?

Он накрыл рукой гордую главную ветвь, и постепенно я понял, что он имел в виду. Энергия дерева вовсе не шла этим путем. Она распространялась вверх по стволу, доходила до основания ветки, возвращалась обратно вниз, к корням, потом поднималась по дальней стороне ствола и наполняла трепетом жизни крошечную ветку, едва ли большую чем сучок.

— Законы лгут, глаза видят только то, что в состоянии увидеть, сознание погребено под грудой ложных идей других людей, — убежденно сказал принц. — И только рука говорит правду. Рука! — страстно выкрикнул он. — Доверяй руке, и она никогда не обманет тебя!

Мастер Ли одобрительно посмотрел на него. — Принц, это именно то, о чем я хотел поговорить с вами, — сказал он. — Я начинаю подозревать, в нашем случае одна ложь громоздится на верхушке другой, но в первый раз у нас есть путь, путь ведущий к разгадке. И вы увидите, что преступники сами указали нам дорогу, по которой надо идти.

Принц показал мне, где все лежит, и, пока они волокли стол в сад, я заварил чай. Мы все уселись снаружи, и Мастер Ли, выпив чашку чая, начал. — Мы знаем, что воры взломали библиотеку и украли манускрипт, а это привело к смерти Брата Косоглазого. Но тогда, почему они опять вошли туда прошлой ночью и убили Брата Шана? Мне кажется, что есть только одно разумное объяснение. — Мастер Ли вытащил из кармана клочок манускрипта Сыма Цяня. — Даже по этому фрагменту можно заключить, что Брат Косоглазый скопировал манускрипт. Когда преступники тщательно проверили оригинал, они увидели отметки и вернулись за копией. Именно поэтому они пооткрывали все книги, разорвали все швы и взломали все, что могли. Но для чего им плохо сделанная и ничего не стоящая копия? Ответ: стоимость манускрипта их не волнует, им нужно его содержание, и возможно — только возможно — они ушли с пустыми руками, несмотря на все поиски.

Мастер Ли положил фрагмент на стол и прижал его к поверхность кончиком пальца.

— Это был очень короткий манускрипт, — сказал он. — Шансы, что все дело в содержимом этого фрагмента, вовсе не так малы, как можно подумать. Возможно не больше чем двадцать или тридцать к одному. Я выигрывал на боях сверчков при значительно меньших шансах. Принц, возможно ли, чтобы Сыма Цянь когда-нибудь посещал вашего ужасного предка?

Принц немного испуганно посмотрел на него. — Нет, насколько я знаю, — сказал он, и подумав немного, добавил. — Но я бы очень удивился, если бы они не были знакомы. Прежде чем впасть в немилость, Сыма был доверенным лицом императора, и кого еще У-ди мог послать, когда у младшего брата появились признаки помешательства?

— И разве невозможно, что именно младший брат вызвал падение придворного историографа и приказ о кастрации? — предположил Мастер Ли. — Настоятель сказал мне, что, помимо всего прочего, в годы веселой молодости Смеющегося Принца монастырь использовали и как тюрьму. Это может объяснить и то, почему манускрипт нашли именно здесь.

— Вы имеете в виду подделку? — принц почесал голову.

— Один мой знакомый, святая душа, проводящий время главным образом около Глаза Спокойствия, предложил интересную гипотезу, — объяснил Мастер Ли. — Подделка было предназначена для того, чтобы ложно обвинить Сыма в покушении на сыновью непочтительность. Я был почти полностью убежден в этом, но теперь, благодаря вам, почти полностью убедился в кое-чем полностью противоположном.

Мастер Ли указал на мастерскую с прославленными картинами принца. — Рука. Доверяй только руке! — крикнул он. — Эта мысль уже несколько дней бродит по укромным уголкам моего сознания. Когда я гляжу на фрагмент и вижу имя отца Сымы, я говорю себе «Подделка», но когда я смотрю только на иероглифы, я говорю себе «Сыма!» Вы, принц, сделали то же самое. Рука не лжет, и теперь я собираюсь заключить, что это вовсе не самая великая подделка в мире, потому что это вообще не подделка. Сыма Цянь начертал имя своего отца только для того, чтобы крикнуть ученым «Смотрите! Смотрите внимательнее! Что-то не так!» Смысл всего этого в том, что он зашифровал настоящее сообщение, и давайте посоревнуемся, кто первый взломает код.

Но, конечно, это будет не Десятый Бык, который за всю жизнь не прочитал ни единого древнего иероглифа, даже упрощенного. Я встал и только внутренне усмехался, когда до меня доносились куски разговора.

— Никогда не видел так много ошибок в нескольких параграфах.

— Быть может умышленных?

— Ошибка как точка отсчета?

— Интересно, почему сколько ошибок связано с цифрами?

— Действительно интересно. Вот здесь он пишет, «сто сорок шесть чешуек дракона».

Даже я знаю, что у дракона 36 плохих чешуек и 117 хороших, так что вместе 153, а складывать я умею еще со школы. Я презрительно свистнул и отправился поглядеть на цветы.

— Переходим на следующую строчку. Один, четыре, шесть.

— Каждая ошибка имеет прямое отношение к каждому упоминанию Сыма Таня, так звали его отца.

— Вот здесь он пережал, не так ли? Сравните отметки на камне и «двести пятьдесят три точки акупунктуры».

Неужели они не понимают, что у нас на руках две сотни убитых монахов, странный звук, сводящий людей с ума, и разрушенная Дорога Принца? Я обезглавил несколько одуванчиков.

— Один... два... три. Готово! — счастливо сказал Мастер Ли. — Бык, хватит тебе недовольно надувать губы, иди сюда.

Надувать губы? Мне? Я не торопясь вернулся и поглядел на фрагмент через плечо Мастера Ли. Его палец забегал по строчкам.

— Зашифрованная часть начинается с упоминания имени отца Сымы и доходит до следующей ошибки. Номера дают расстояния между важными словами и вот что мы имеем: «Вниз по лестнице... Погреб... Туннель на стройплощадку.... Камень в святилище...»

Он счастливо откинулся назад. Я удивленно посмотрел на него.

— Это все?

— Это все, что нужно нам, и все, что нужно ворам, — самодовольно сказал Мастер Ли. — Если никто не знает другое место, где в святилище находится камень, Сыма Цянь имеет в виду это самое поместье. Он либо сам ходил, либо советует кому-то другому спуститься по лестнице в погреб и где-то там должен быть туннель, который ведет на стройплощадку и в святилище камня. Погреб находится глубоко под землей, а что может быть целью стройки глубоко под землей?

Мастер Ли сунул руку в одежду и вытащил кусочек одежды. С чем-то вроде душевного содрогания я узнал обрывок материи, в которую была завернута мумия Смеющего Принца.

— Принц, это выцвело, но любой может увидеть, что это было желтым, как и подобает брату императора, — сказал Мастер Ли. — Однако, насколько я помню, Тоу Ван умерла раньше его на несколько месяцев. Разве ваш предок еще не носил траур по жене?

Принц недоуменно поглядел на Мастера Ли, и внезапно побагровел, когда понял. Через какое-то время понял и я.

— Конечно. Одежда должна быть белой, цвет траура. Вы хотите сказать, что я сокрушил скелет неизвестно кого?

— Цао Цао построил семьдесят две ложные могилы, — спокойно ответил Мастер Ли.

— Да буду я проклят, если я повторю это семьдесят два раза! — воскликнул принц.

— Сомневаюсь, что это необходимо, — сказал Мастер Ли. Он посмотрел на меня. — Бык, проснись. Смеющийся Принц собрал огромное состояние, которое так и не нашли, и люди до сих пор покупают фальшивые карты и роют ямы по всей Долине Скорби. Но теперь у нас есть подлинные слова самого Сыма Цяня. Воры готовы идти на все, лишь бы заполучить их в руки. Что мог строить Смеющийся Принц в недрах земли? Дорогой мальчик, мы возможно стоим на верхушке могилы, которая содержит достаточно сокровищ, чтобы купить пол империи.

## ВОСЬМАЯ ГЛАВА

— Когда-то эти заброшенные помещения были раем для мальчика, — ностальгически сказал принц. — Подумайте о потайных комнатах. Тогда я насчитал сто шесть комнат, наполненных вещами, которые для всех остальных не имели ни малейшей ценности. А для мальчика? У меня от восторга распирало грудь, когда я касался старинных костюмов для маскарада, читал любовные письма, пришпиленные к вызовам на дуэль, или глядел на портреты великолепных наложниц и мрачных далеких кузин.

Мы шли вслед за ним, пока принц уверенно обходил гниющие части паркета, и нагибался под провисшими балками потолка. Он вошел в альков, потянул за какой-то шнур, и доски, закрывавшие окно, поползли в сторону.

— Лиу Шень, больше известный как Смеющийся Принц.

Долгие годы почти не повредили шелк. Краски, хотя и слегка выцвели, тоже хорошо сохранились. С портрета на нас глядел достаточно симпатичный человек. Я бы сказал, что ему было слегка за тридцать. Высокий серьезный лоб, тонкий гордый нос с горбинкой, твердый и хорошо очерченный рот. Довольно странные, необычные глаза, ясный взгляд, но направленный непонятно куда. Как если бы Смеющийся Принц глядел не на зрителя, а перед ним — быть может на призрака, или еще на какое-то странное видение, которое только он один мог видеть. Руки были малы и настолько изящны, что могли бы принадлежать женщине. Я не увидел никакого следа безумия, тем не менее его осанка говорила о внутренней надменности, способности почти на все. И его одежда явно была символом чего-то, хотя я не знал чего. Зато Мастер Ли знал.

— Великий Будда, если бы его брат-император увидел его вот так одетым, желтый шарф был бы в дороге через час, — потрясенно сказал Мастер Ли. — Сын свиньи думал, что по рангу выше императора. На самом деле он решил, что выше, чем большинство богов.

Он объяснил мне символику орнамента.

— Верхнее одеяние: солнце, звезды, гора, дракон, водоплавающие птицы. Нижнее: верхушка храма, свежая трава, пламя, рис, топор и награды. Только

император Китая имеет право носить все двенадцать орнаментов, но Смеющийся Принц добавил тринадцатый: глаза павлина, символизирующий Второго Повелителя Неба. Судя по всему он готовился поставить свой трон прямо за Нефритовым Государем, Повелителем Неба.

Мне показалось, что теперь странные глаза глядят с другим выражением, и я решил, что смотрю на человека, который обнаружил, что ему не нравится этот мир и вышел из него — вроде Чоу Голова-Горошиной в моей деревне, который каждое утро присоединялся к петухам и приказывал солнцу взойти.

Когда принц повел нас к выходу, я обнаружил, что иду на цыпочках, а нарисованные глаза следят за каждым моим шагом. Принц подошел к обитой медью двери и достал древний ключ, размером с его предплечье. — Я уже говорил, что это поместье было раем для мальчишки, — заметил он.

Действительно рай. За дверью оказалось старинное оружие, а несколько чудовищного размера топоров могли использоваться только для торжественных церемоний. Тысячи и тысячи разного рода сабель, кинжалов и мечей лежало на полках вдоль стен, и мы нашли, что некоторые из них были лучше современных. Я выбрал маленький топор и короткий меч, принц взял взял копье и кинжал, а Мастер Ли сунул в пояс связку метательных ножей. Следующая дверь вывела нас на маленький внутренний дворик, в кладовке я нашел вполне современную металлическую кирку и стальной лом, которые прихватил с собой. В центре дворика стояло каменное здание, внутри которого оказался заброшенный колодец и лестница, ведущая глубоко вниз.

— Старый погреб находится на самом дне, — сказал принц. — Сомневаюсь, что кто-нибудь был там с тех пор, как я играл в героя, запертого в ужасных подземельях.

Мастер Ли внимательно проверил, не входил ли сюда кто-нибудь совсем недавно, и его глаза блеснули, когда он увидел слои нетронутой пыли. Я принес несколько факелов и мы зажгли их. Принц пошел было вперед, но я прыгнул и загородил ему дорогу. — Тысяча извинений, Ваше Высочество, но я здесь именно для этого, — вежливо сказал я. Сжимая топор, я первым пошел вниз. Принц, решил я, был очень храбрым мальчишкой, и я невольно содрогался, продираясь через толстую паутину, которая одеялом свисала с потолка, а дюжины пауков бежали по моим рукам и ногам.

Потом на меня напали сотни демонов — нет, летучих мышей — нет, *белых* летучих мышей — я взвизгнул и упал на ступеньки, охватив голову руками. Когда я осмелился открыть глаза, то увидел Мастера Ли, спокойно стоящего передо мной и разглядывавшего меня со смесью недовольства и изумления.

— Десятый Бык, в россказнях крестьян о белых летучих мышах нет ни слова правды, — насмешливо сказал он. — Они даже не альбиносы. Они страдают от вызванной паразитами болезни кожи, как и так называемые белые слоны

из Индии, и они *не* живут тысячу лет, их черная кровь *не* является Эликсиром Жизни, и, если ты коснешься их, то *не* лишишься всех своих волос.

Принц ободряюще улыбнулся мне. — Мальчиком я поймал несколько и держал у себя как домашних животных, — сказал он. — Достаточно грязные, но ничего более худшего не произошло.

Он провел рукой по голове, поправляя растрепавшиеся волосы, и я растерянно пригладил свои. Потом встал на ноги, покрепче ухватил свой топор, повыше поднял факел и опять пошел вниз, чувствуя себя полным идиотом. По дороге я прошел четыре площадки. Лестница заканчивалась в погребе, совершенно невероятных размеров, и Мастер Ли с принцем принялись проверять твердый каменный пол и стены, в поисках тайного хода. Пока я глядел на них, я немного пришел в себя. В конце концов Мастер Ли сдался, выпрямился, хлопнул руками по ляжкам и недовольно посмотрел на меня.

— Ну, Бык, чего стоишь как статуя, — проворчал он. — Если кто-то и понимает в туннелях, так это ты. Найди проклятый лаз.

Быть может это ребячество, но я должен был сделать взять реванш после унижения с летучими мышами, и я устроил настоящее представление. — Ага! — сказал я, проверив пол. — Ага! — ощупав стены. Я задумчиво постоял, вылитый портрет Юного Гения. — Сыма Цянь написал «погреб», но не «в погребе», — много значительно сказал я, подошел к лестнице и внимательно проверил ее. — Ага! — сказал я и начал взбираться к последней площадке.

Мастер Ли улыбнулся и пошел за мной, и я не смог удержаться.

— Когда я шел вниз, то обратил на это внимание, — объяснил я. — Я думал о том, как они ухитрялись поднимать через все пять пролетов огромные куски льда, поэтому я внимательно смотрел по сторонам и в конце концов нашел.

Я махнул своим факелом по сторонам, чтобы показать им старые бронзовые кольца, вделанные в стены. — Блоки, через них пропускались веревки, к которым прикреплялось что-то вроде шахтерской клети, — сказал я. — Они расположены на равном расстоянии и на одной линии, везде, кроме одного места, вот здесь. — Я поднял факел к правой стене и показал арку в линии колец, которая заходила почти под потолок. — Здесь они не смогли выдержать одинаковый уровень по обеим сторонам. Единственная возможная причина — стена не такая прочная.

— Браво, — сказал Мастер Ли, и я почувствовал себя лучше.

Он взял мой факел, я поплевал на руки и махнул киркой. Махать пришлось не слишком долго. Вскоре уже образовалась небольшая выемка, и после того, как я, действуя стальным ломом как рычагом, сдвинул каменную плиту, открылось темное пространство, и наши факелы едва не погасли, когда оттуда хлынул затхлый воздух. Через несколько минут я расширил дыру, так что мы смогли войти в длинный туннель, вырезанный в камне, и ведущий вниз, к корням горы.

— Будьте очень осторожны, — предупредил Мастер Ли. — Если туннель действительно ведет в могилу, там могут быть ловушки для грабителей.

Мы медленно пошли вперед, перед каждым шагом проверяя пол и нервно выискивая на потолке то, что могло бы обрушится нам на голову. Туннель достаточно резко уходил вниз, и при этом все время поворачивал. Мы спускались и спускались, и через какое-то время я решил, что мы достигли уровня долины, или даже уже под ней, и тут туннель выпрямился, пошел ровно, и где-то через сто чи начал подниматься вверх. Мы шли, медленно, в полной тишине слышались только наше тяжелое дыхание и звуки шагов. И никаких ловушек. В конце концов огонь факелов отразился от поверхности кирпичной стены, полностью перегородившей туннель. Мастер Ли проверил ее и не нашел ничего опасного. Моя кирка и лом заработали опять. Стена оказалось очень толстой, но против лома нет приема, и, наконец, большой кусок кладки покачнулся, затрещал и упал на пол, подняв облако красной пыли. Мы закашлялись, пыль забила глаза, пришлось поднять повыше факелы, но вот пыль немного улеглась и мы застыли на месте, с ужасом глядя на то, что лежало на полу сразу за стеной.

Ничего удивительного, что о туннеле никто не знал. Те, кто строили его, никогда не вышли наружу. Мы глядели на скелеты, сотни и сотни скелетов, наваленные грудами, доходившими до потолка. Принц на мгновение разучился говорить, когда увидел то, что оставил за собой его предок. Но голос Мастера Ли остался холодным и злым.

— Слишком много для крестьян. Скорее всего солдаты, которых собрали здесь, чтобы отпраздновать завершение строительства. Никто из них не дожил до второго блюда, потом яд получили те, кто отравили их и так далее. Император Шунь[II] убил примерно восемьдесят тысяч человек, чтобы сохранить тайну своей могилы, и, тем не менее, не прошло и столетия, как ее нашли и разграбили. Принц, это зрелище должно заставить вас отбросить все сомнения. Ваш уважаемый предок действительно спит где-то впереди.

Он прошел мимо меня и начал отбрасывать скелеты в сторону, я заставил себя пойти за ним.

Горы белых костей росли как снежные холмы по обеим сторонам дороги, и мы медленно пробивались вперед. Только через час мы добрались до конца, до второй кирпичной стены. Трех ударов киркой хватило, чтобы проломить кирпич, но потом кирка отлетела, а руки заломило. Твердое железо. Я сделал пару шагов влево, ударил опять, то же самое. После нескольких попыток я обнаружил, что гладкая железная стена идет от одной стороны туннеля до другой, и от пола до потолка.

— Скорее всего по ту сторону есть еще одна кирпичная стена, и расплавленное железо залили в дыру, — задумчиво сказал Мастер Ли. — Бык, что думаешь?

Я пожал плечами. — Железо твердо, но его можно сломать, и у меня стальной лом, — сказал я. — Если мне удастся сделать в нем четыре дыры, то можно будет выломать достаточно большой кусок и проползти внутрь.

Я смутно помню то, что происходило в туннеле потом. Кроме грохота, который запомнил на всю оставшуюся жизнь. Грохота стального лома, ударяющего по железу. Оглушающее эхо металось между узких стен, било мне в голову и уши, и отдавалось в живот. Время от времени мне приходилось останавливаться, садиться на корточки, засовывать голову между ног и ждать, пока живот не успокоится. Голова ужасно болела, но постепенно я вошел в постоянный ритм, как какой-нибудь дровосек или копатель, и после каждого удара трещины паутиной окружали острие лома. Наконец маленькие кусочки железа полетели на землю, и лом вышел с другой стороны. Как и подозревал Мастер Ли, с другой стороны тоже находилась кирпичная стена, но меня это не остановило. Остальные три дыры я сделал быстрее, и где-то через три часа мне удалось выломать кусок стены между двумя дырами. Еще час, и я закончил работу. Мы проползли в маленькое отверстие и подняли факелы, которые осветили длинный коридор, потолок которого был отделан чистым золотом. Мраморный пол, стены богато украшены орнаментами из серебра и бронзы. Коридор шел через большие комнаты, мы нервно сжали наше оружие и вошли в первое из них.

Ничего удивительного, что преступники были готовы на все, лишь бы найти это место. Вдоль стен стояли сундуки, настолько заполненные золотом и драгоценностями, что крышки не могли закрыться. Принц Лиу Пао так разозлился, что его факел закачался, как фонарь на сильном ветру.

— За четыре года до смерти моего предка в этой части империи был голод, — сказал он высоким напряженным голосом. — Умерло не меньше двухсот тысяч человек, но Смеющийся Принц сказал, что не в состоянии помочь, потому что вложил все деньги в оборудование для шахт и еще остался должен.

Принц зашагал в следующую комнату, где стояли гигантские кувшины, скорее всего наполненные редкими маслами, приправами и духами. В нескольких комнатах находилось оружие, так густо украшенное драгоценными камнями, что сражаться им было невозможно, но мы остановились, широко открыв глаза, в гигантской комнате, в которой находились скелеты сорока лошадей. Вероятно и в следующей жизни Смеющийся Принц собирался наслаждаться верховой ездой, хотя он собирался скакать не только на лошадях. С принца Лиу потек пот, когда мы вошли в Зал Наложниц и нашли сорок маленьких скелетов, аккуратно лежащих на сорока кроватях.

— Никакого следа паники или беспорядка. Отравились, — мрачно сказал Мастер Ли, не менее потный, чем принц. — Одновременно, нет сомнения, с последним вздохом хозяина.

Потом мы нашли то, что более или менее ожидали: скелеты поваров, придворных, танцовщиц, актеров, акробатов, евнухов, чиновников и даже счетоводов — я решил, что сумасшедший повелитель забрал с собой весь двор.

— Кое-кого не хватает, — озабоченно сказал Мастер Ли. — Где Монахи Радости?

Ответа не было. Мы прошли залы для пиров, комнаты для игр, элегантные спальни, нашли шкафы, заполненные драгоценными одеждами, кладовые с окаменевшими остатками изысканной еды. Стало ясно, что это не могила, а огромный подземный дворец, в центре которого находился огромный тронный зал, в котором даже была плаха, для развлечения безумного повелителя. За троном находилась маленькая дверь, мы вошли и оказались в круглой комнате с полом из лазурита, а стенами и потолком — из золота. Два саркофага стояли рядом друг с другом. Правый нес на себе символ дракона, императорской символ, а левый — символ феникса, императорского консорта.

Мастер Ли, не останавливаясь перед гробами, подошел к задней стене, в которой была вырезана ниша-святилище. На боковых стенах ниши висели две таблички, покрытые теми же самыми загадочными чертежами и формулами, которые мы видели в гроте, а на центральной табличке была вырезана та же самая надпись:

*В темноте чахнет драгоценный камень.*
*Когда его превосходительство околдует мир?*
*Тогда, когда кажущееся станет настоящим,*
*а настоящее станет кажущимся.*
*Когда ничто станет чем-то, а что-то станет ничем.*
*Камень развеет кажущееся и ничто,*
*И взберется к Воротам Великой Пустоты.*

Святилище было пусто. Мастер Ли зло выругался, крутанулся на месте и приказал мне открыть оба гроба. Я подошел к левому. Крышка оказалось очень тяжелой, но наконец она заскользила по пазам, и чем дальше она скользила, тем шире открывались наши глаза. Наконец я отступил назад, тяжело дыша, и мы все уставились на погребальные одежды Тоу Ван, жены Смеющегося Принца.

Ее одежда могла бы прокормить миллион человек целый год. Бесценный нефрит, разрезанный на прямоугольные кусочки, связанные между собой золотой проволокой. Мумию покрывали не меньше двух тысяч кусочков нефрита, но вовсе не нефрит интересовал Мастера Ли. Его интересовал камень, и воздух огласился еще дюжиной проклятий, когда оказалось, что в гробу нет ни единого камня.

На саркофаге Тоу Ван была вырезана надпись, и Принц Лиу Тао перевел ее для меня. Вероятно ее написал скорбящий муж.

*Прекратился шорох ее серебряного платья.*
*На мраморном полу растет пыль.*
*Ее пустая комната тиха и холодна.*
*Павшие листья лежат грудами у двери.*
*Как я могу успокоить мое болящее сердце?*

Мне показалось, что эти строки проникнуты настоящим чувством, и принц с удивлением покачал головой. — Мой предок совершенно непостижим, — сказал он. — Он написал вот это, а потом вместе с Монахами Радости отправился ловить еще нескольких детей, чтобы подвергнуть их невообразимым пыткам

Мастер Ли молча кивнул на другой саркофаг, и я склонился над крышкой. Пока она медленно скользила, наши глаза постепенно вылезали на лоб, и остались там, когда содержание гроба открылось полностью. Я отошел назад и тяжело сел на пол. В полной тишине был слышен только слабый треск факелов.

Гроб был пуст. Принц Лиу Пао опустился на пол рядом со мной, и я уверен, что мы оба мысленно увидели одно и то же: мумия, одетая в сверкающий нефрит, выползает из гроба, вылезает на поверхность и присоединяется к монахам в разноцветных одеждах. Мастер Ли мрачно посмотрел на нас.

— Собачье дерьмо, — прорычал он. — Хватит ловить мух своими разинутыми ртами, и начните пользоваться головой.

Он присел на край саркофага и осмотрел золотую комнату. Он был в ярости.

— Бык, что случилось с твоим факелом, когда ты проломился сюда через железо и кирпич? — спросил он.

— Что... Ну, ничего не случилось, — ответил я.

— Точно. Пламя не прыгнуло в дыру, потому что в могиле и так свежий воздух, — сказал он. — Значит отсюда есть другой выход, и совсем недавно кто-то им воспользовался. Мы опоздали. Воры уже были здесь, а это означает, что это совершенно необычные воры.

Для меня это было слишком туманно, но принц взглянул на Мастера Ли с внезапным интересом.

— Они не взяли ни золото, ни драгоценности, и даже не коснулись погребального платья Тоу Ван, — с удивлением сказал он.

— Так что же они взяли? — спросил Мастер Ли.

Пока мы молчали, он сам ответил на свой вопрос.

— Они взяли камень. Все надписи свидетельствуют о том, что Смеющийся Принц поклонялся камню. Умирая, он безусловно приказал похоронить камень вместе с собой, так что скорее всего камень забрали из святилища и положили ему в руки, и только потом на труп надели нефритовую одежду. Нефрит — один из самых твердых материалов. Можно повредить камень, если попы-

таться сломать нефрит, так что они просто забрали проклятую мумию с собой. А теперь подумайте, что это за люди, которые не обращают внимания на золото и драгоценности, но готовы на все ради священного камня?

— Какой-нибудь религиозный орден? — предположил принц.

Мастер Ли пожал плечами. — Во всяком случае другого ничего в голову не приходит, — сказал он. — Помните, что Смеющийся Принц создал псевдорелигиозный орден, который назвал «Монахи Радости», и, единственные из всего двора, они не умерли вместе с принцем — по меньшей мере их скелетов мы не нашли. Не можем ли мы предположить, что он приказал ордену существовать вечно.

В конце концов я обнаружил свой язык. — Для чего?

Мастер Ли широко взмахнул руками. — Откуда я знаю? — воскликнул он. — Мы знаем, что он поклонялся камню, но не знаем почему. Приверженцы древних шаманских культов часто смеются и пляшут во время молитвы, для некоторых смех и пляски даже заменяют молитву, и я не могу не подумать о числе пять, которое постоянно повторяется в странных формулах Смеющегося Принца. Пять — священное число для многих странных культов, как древних, так и современных. Например для варваров Ю-хао, которые, как говорят, живут в деревянных домах с пятью стенами, и поклоняются пятиглавому демону в храме с пятью куполами.

Мастер Ли вытащил флягу с вином и предложил нам, но мы отказались. Он жадно выпил пинту или две, а потом вытер губы бородой.

— Принц, я в тупике, — откровенно сказал он. — Мысль о том, что мы имеем дело не с обычными преступниками, вывела меня из равновесия. Только одно я знаю точно: мы должны узнать все о странном заманивающем звуке и о разрушении Дороги Принца, а это значит, что Бык и я отправимся в Чанъань с образцами почвы, а потом должны прибрать к рукам величайшего специалиста по звукам в империи. А вы, тем временем, должны решить, что делать с этим.

И он махнул флягой в сторону комнаты с сокровищами.

— Технически все это ваше. Вам они нужны?

Принц пожал плечами. — Ночные кошмары сведут меня в могилу за месяц, если я возьму хотя бы одну монету, — сказал он.

— Тем не менее, если хотя бы одно слово о подземном дворце просочится наружу, вскоре вы удостоитесь посещения всеми бандитами, генералами и жадными государственными министрами империи, — заметил Мастер Ли.

— А если я пожертвую все это трону? — с надеждой спросил принц.

— Люди склонны приписывать всем свои пороки, — ответил Мастер Ли. — Преступник никогда не поверит, что вы не оставили себе какой-нибудь, самой маленькой геммы, а отсутствие нефритового наряда вашего предка будет считаться абсолютным доказательством. Вы очень любите пытки?

Принц стал бледнее любого скелета. — Но что я могу сделать с могилой? — жалобно прошептал он.

Мастер Ли повернулся ко мне. — Бык, ты можешь все это привести в порядок? — спросил он.

Я гордо выпрямился. — Достопочтенный господин, вы разговариваете с бывшим лучшим подмастерьем Большого Хонга, кузнеца нашей деревни.

Мастер Ли повернулся к принцу. — С какой могилой? — спросил он.

— С какой могилой? — спросил и я.

На лицо принца начали возвращаться краски. — С какой могилой? — спросил он.

На самом деле это оказалось не слишком трудно. Я легко заменил камни и кирпичи, и нашел в поместье бесчисленное число листов железа. С гордостью я показал им как умею раздувать меха и работать с горном. Когда я закончил, никто не сумел бы найти заплату в железной стене, если бы не знал о ней заранее.

На самом деле труднее всего было вернуть скелеты в туннеле обратно на место, но только потому, что я все время слышал, как позади меня ползет сумасшедшая мумия в нефритовой одежде. И когда я щедро добавил к стене слои пыли и паутины, никакой, даже самый жадный чиновник в империи не поверил бы, что Принц Лиу Пао — или любой другой — входил в могилу Смеющего Принца. А потом мы уехали в Чанъань.

## ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Раньше я никогда не был в столице, но долго жил в Пекине и думал, что знаю большие города. Иллюзия растаяла как дым, когда мы прошли через Ворота Сверкающей Добродетели и я, как какой-нибудь неотесанный деревенщина, разинул рот, увидев гудящий улей, в котором два миллиона человек жужжали внутри стен на площади не меньше тысячи му[20]. Двадцать пять улиц вели с севера на юг, и каждая из них была сорок восемь чи в ширину и битком набита вязами, лавками с фруктами и пагодами. Все улицы тянулись к высокой горе, которая называлась Голова Плоского Дракона, и сливались в одну дорогу, покрытую голубоватым камнем и извилистую, как хвост дракона, которая и вела к роскошным домам высших чиновников, правивших империей.

Я был потрясен и молчал, пока мы шли по улице Багрового Воробья к Голове Дракона. Мы проходили через Ворота Красной Птицы, когда гром тысяч барабанов возвестил от открытии рынков, у меня закружилась голова и я почувствовал в атмосфере тысячи лет величия, когда мы подошли к легендарной Лесной Академии, где процветали гении Китая. Мастер Ли был одним из этих гениев, но отозвался об Академии не слишком уважительно.

20 Му = 1/15 га.

— Обман, мой мальчик! Обман и подделка, — сказал он, с отвращением махнув рукой на священные здания. — Гнилая действительность, раскрашенная и позолоченная ложью. Некоторые из этих лживых мифов, однако, достаточно красивы, и мой любимый — маленький крестьянский парень копает канаву перед деревенской школой.

Мастер Ли вытащил флягу и глубоко глотнул, что вызвало возмущенные восклицания изысканно выглядевших пешеходов. Он не обратил на них внимания.

— Острые уши уличных мальчишек слышат отрывки из лекций, несущиеся из окон, — сказал Мастер Ли, громко рыгнув. — Однажды учитель по рассеянности упал в канаву и к своему удивлению обнаружил, что мальчик покрыл стены отличными рисунками, безошибочными формулами и выученными цитатами из древних.

— Мальчик, разве ты не золотушный, безграмотный и вшивый уличный оборванец, которого зовут Хонг Вонг? — выдохнул учитель.

— Недостойное имя презренного не должно оскорблять достопочтенные губы Вашего Великолепия, — провыл парень.

— А разве твой отец не был покрытым язвами и вечно пукающим парнем, которого звали Безнадежный Вонг в честь то, что он шестнадцать лет подряд не мог сдать экзамен на деревенского идиота?

Мальчик упал на колени и начал биться головой о землю. — Семнадцать, — всхлипнул он. Учитель схватил его за ухо, приволок в класс и задал ему все самые сложные задачи, которые только смог придумать, и вскоре по всему Китаю распространился слух, что последний гений найден во рву в не стоящей упоминания деревне в двадцати ли[21] от нигде. Остальное ты знаешь. Триумф за триумфом, самые высокие награды и степени, место важного чиновника, советник императора и спаситель крестьян, постепенное обожествление, и он стал Небесным Покровителем всех золотушный, безграмотных и вшивых оборванцев, копающих канавы перед школами.

Мастер Ли неудачно плюнул в статую Куй Синю, Бога Экзаменов[22].

— А теперь давай посмотрим, что было на самом деле, — сказал он. — Действительно, система образования взяла Хонг Вонга за руку и заставила изучить языки, каллиграфию, поэзию, живопись, танцы, музыку, шахматы, этикет, ритуалы двора, философию, религию, историю и классическую литературу, после чего он уже был готов изучать что-нибудь настоящее — например математику, сельское хозяйство, экономику, медицину, искусство управления и искусство воевать. Он действительно выучил все это, с честью сдал все экзамены и получил свое первое официальное поручение. Ты знаешь, что было потом?

---

21 Ли – мера длины, около 576 м.

22 Куй Синь – мифологический бог экзаменов (рис. Ж), помощник бога литературы Вэнь Чана, отождествляется с одной из звёзд Большой Медведицы.

Он действительно ждал ответа, так что я пожал плечами и сказал, — Более высший начальник, который унаследовал место от своего дяди, вставил ему кол в задницу.

— Хороший мальчик, — одобрительно сказал Мастер Ли. — Хонг Вонг вступил в мир Нео-Конфуцианцев, в котором любое нововведение — анафема. Его блестящий план по созданию канализации был отвергнул только потому, что в древности не было ничего похожего. Его астрономические наблюдения были использованы как свидетельство на суде по обвинению в ереси, потому что старые тексты их не подтверждали. В своей живописи он *не* подражал древним, его поэзия *не* была плагиатом, а в своих эссе он затрагивал вопросы, которые *не* входили в список трехсот тридцати трех разрешенных тем. Так что все его произведения просто сожгли. Хонг Вонгу крупно повезло, что его только лишили всех рангов и владений, и выкинули на улицу умирать с голода. Если бы он на самом деле был гением, то не отделался бы так легко. Лин Цзи Шу сослали в такой отдаленный уголок Туркестана, что, как говорили, даже солнце не достигало его. Су Тун-по отправили в Хайнань, откуда к нам экспортируют главным образом малярию, проказу и лесную лихорадку. Чу Суй-лана последний раз видели в болотах Вьетнама, а когда Хан Ю вышел из лодки, привезшей его в тюрьму на одном из островов недалеко от Шаньтоу, его едва не сожрали крокодилы.

Следующую порцию слюны получил Вэнь Чан, Бог Литературы.

— Бык, в древности гении выпивали кружку вина и прокладывали для Китая пути, которые вели империю вперед, — сказал Мастер Ли. — Так что не удивительно, что в наше время великие люди шатаются и икают, а не идут уверенным шагом, прокладывая свой путь в историю.

— Господин, это самая лучшая автобиография, которую я когда-нибудь слышал! — с энтузиазмом сказал я.

Репутация Мастера Ли была все еще высока, хотя и слегка подпорчена пятнами сомнительного аромата, и в Академии Предсказаний и Алхимических Исследований пообещали проанализировать нашу землю и образцы растений так быстро, как только возможно. Потом Мастер Ли снова отправился в путь, на этот раз мы поднялись в Императорский Город, в котором располагались дворцы сановников. И опять я испытал благоговейный страх, глядя на вершину холма и Городской Дворец, в котором жила семья императора, и на Ворота Синего Феникса, которые вели к Великому Блестящему Дворцу Императора Тан Тат-тун[23]. Но Мастер Ли не намеревался забираться так высоко. Он повернул к заданию, при виде которого моя кровь замерзла в жилах: Ворота Великолепной Перспективы, в котором располагался штаб Секретной Службы и которые окружали соломенные чучела, одетые в содранную кожу коррумпированных чиновников (придя к власти Император как следует прочистил двор, и Мастер Ли

23 В 650 г. императором был Тан Гао-цзун.

целиком и полностью одобрил его). К счастью Мастер Ли направился к дворцу поменьше, и я уже предвидел встречу с легендарной женщиной.

Княгиня Проституток — самая могущественная женщина Китая, за исключением самой Императрицы, да и то только тогда, когда Ее Императорское Величество сидит на троне. Организация, которой она правит твердой рукой — сердце и душа шпионажа, и ее задача — узнать все о загадочных намерениях варваров. Курьеры с зашифрованными сообщениями постоянно скачут из ее дворца в Дом Замечательных Развлечений в Гуаньчжоу, в Солнечную Резиденцию в Лояне, или в Павильон Неизбывного Совершенства в Пекине. Многие могущественные чиновники разделяют кровать и секреты с юными прекрасными девушками, а просыпаясь обнаруживают, что девушка исчезла, а на ее месте лежит мешочек с императорской печатью, внутри которого находится желтый шарф.

Я думал, что нам придется долго ждать, но Мастер Ли показал свой знак, и уже через несколько минут нас проводили к Княгине. Она оказалось женщиной средних лет, высокой и очень красивой, с тонким мелодичным голосом.

— Самый чувственный и достойный из всех мудрецов, — сказала она, кланяясь до пола.

— Самая великолепная из сошедших на землю богинь, — промурлыкал Мастер Ли, повторяя ее поклон.

Обмен любезностями продлился несколько минут, потом нам подали чай, и все это время я сидел как сахарный болванчик в шоколадной лавке, а они начали перекидывать волан с одной стороны на другую. Я никогда не мог понять, почему тонко чувствующие люди тратят время, упражняясь в остроумии, вместо того, чтобы сразу перейти к сути дела. Княгиня Проституток начала игру, бросив несколько цветочных лепестков на золотую поверхность чая.

— Дорогой друг, эти цветы умрут от одиночества, потому что я, кажется, лишилась общества бабочек, — печально сказала она.

Мастер Ли поймал волан на лету.

— Увы! Ни один цветок не может достичь совершенства, если рядом с ним нет бабочки. Это все равно, что горы без ручьев и камни без мха.

— Что такое поток без кувшинок? Высокое дерево без лиан? И что такое мужчина, если у него нет ума Ли Као? — сказала она певучим голосом.

Мастер Ли поклонился, отвечая на комплимент. — Женщина, — сказал он, нежно гладя ее запястье кончиком пальца, — не может быть совершенна, если у нее нет выразительности цветка, голоса птицы, снежной кожи, очарования осеннего озера, поэтического сердца и души, такой, как у моей чудесной хозяйки.

— Непобедимое обаяние, — вздохнула Княгиня. Ее глаза опустились на старый морщинистый палец, гладивший ее изящное запястье. — Страсть, дорогой друг, — мягко пожурила она его, — обнажает вселенную, до самого дна.

— Тогда поэт обязан дать ей новую одежду, — крикнул Мастер Ли. — Должен ли я петь о горах, одетых в облака, соснах, одетых в ветер, или ивах, украшенных дождем или террасах, нарядившихся в лучи луны.

Княгиня сама принесла еще чая и цветочных лепестков. — Нужно быть очень осторожным с чьим-нибудь нарядом, — сказала она. — Иногда его очень просто снять, а иногда он прилипает к телу, как кожа. Зеленые холмы отражаются в воде, которая занимает у холмов их цвет. Хорошее вино рождает стихи, которые занимают у вина ее красоту.

— И на замечательную женщину, — проворковал Мастер Ли, — как и на поэму, лучше всего глядеть слегка пьяным. Обыкновенный мужчина пьянеет, когда чувствует мысли любимой женщины, бледные облака расцветают всеми красками, когда отражают солнце, безмятежный поток с грохотом летит вниз, переливаясь через вершину утеса. Даже вещи влияют друг на друга, вот почему дружба так много значит, вот почему надо тщательно выбирать себе друга.

Княгиня погладила морщинистую руку. — Тогда я выбираю себе в друзья древний камень, твердый как железо.

— А если этот камень только сон?

— Тогда я буду тенью в его сне, — нежно ответила она.

Мастер Ли глотнул свой чай, откинулся на спинку стула и мысленно что-то сложил. — По десять очков каждому?

Княгиня Проституток наказала себя, слегка ударив себя по щеке. — Нет, я ошиблась в цитате, — сказала она. — Чан Чоу написал, что страсть «поддерживает» дно вселенной, а я сказала «обнажает». Восемь очков самое большее.

— Тогда я должен только шестьдесят шесть, — радостно сказал Мастер Ли.

— Шестьдесят семь, — твердо ответила Княгиня. — Ну, Ли Као, что я могу сделать для вас?

— Направьте ко мне величайшего в мире мастера звуков, — сказал он. — Я слышал что, приезжая в город, он останавливается у вас.

Она кивнула. — Лунный Мальчик, — сухо сказала она. — Вы слышали как он выступает?

— Нет, но мне сказали, что это феномен, который появляется раз в тысячу лет, — ответил Мастер Ли.

— Откровенно говоря я не думаю, что когда-нибудь существовал мастер звука, сравнимый с Лунным Мальчиком, — сказала Княгиня. — Как срочно он нужен вам?

— Очень срочно. Я ввязался в одно дело, которое сбивает меня с толку.

Она откинулась назад и посмотрела на него прищуренными глазами. — Сейчас Лунного Мальчика здесь нет, — сказала она. — Никто в здравом уме не примет приглашение выступать перед Королем Чао, но Лунный Мальчик отправился в дорогу с песней на губах.

Мастер Ли присвистнул.

— Король не проблема, — продолжала Княгиня. — Вы легко сможете справиться с этим чудом с двенадцатью подбородками, но управлять Лунным Мальчиком — совсем другое дело.

— Да, я слышал, что им невозможно командовать, — прошептал Мастер Ли.

— Умножьте то, что вы слышали на тысячу, — сказала она. — Однако, я могу одолжить вам единственного человека в мире, который может вести его, как пастух овцу.

Она позвонила в колокольчик, что-то прошептала мгновенно появившемуся слуге, и тот умчался прочь.

— Что вы хотите взамен? — спросил Мастер Ли.

— Ваше влияние и вашу кисть, — сказал она, встала и начала ходить по комнате, ступая твердо, как мужчина, и с размаху ударяя кулаком в ладонь левой руки.

— Ли Као, Небеса не любят нетерпеливых, но почти две тысячи лет назад наша гильдия получила божественные знаки, указывающие, что наш бог-покровитель изменился, и мы стали нетерпеливыми. Мы утратили покровительство Золотого Лотоса, самой великой шлюхи с начала существования мира, и ни один из заменивших ее богов не мог помочь нам даже поднять кошелек клиента, когда тот смертельно пьян после бочонка красного сливового вина, — зло сказала княгиня. — Все идет неправильно! Двор заставляет нас работать вместе с Секретной Службой и за это не платит ничего, за последние пять месяцев произошло восемь вспышек сифилиса, и теперь дворцовые евнухи пытаются отвлечь от них внимание императора, начав очередную компанию за высоко моральное поведение. Золотой Лотос никогда не допустила бы такого! — страстно сказала княгиня. — Она пересекла бы Великую Небесную Реку, даже если бы ей пришлось прыгать со звезды на звезду, и добилась бы аудиенции у Нефритового Государя! Нам нужен покровитель с ее задницей, а не раболепные сгустки сала.

Она резко повернулась, смахнув со стола чайную кружку из драгоценного фарфора и какое-то время смотрела, как осколки скользят по полу.

— Ли Као, я ссужаю вам девушку, которая может управлять Лунным Мальчиком так долго, как вам будет надо, но взамен я требую, чтобы вы обратились к императорскому двору с формальным прошением. Нам нужна новая Покровительница Проституток и император имеет право потребовать это у самих Небес.

— Вы переоцениваете мое влияние при дворе, — насмешливо заметил Мастер Ли.

— А вы недооцениваете мое способность к шантажу, — ответил она. — Даже император не может не обратить внимание на петицию Мастера Ли, и я

заранее вижу армию священников и чиновников, бросившихся обсуждать ваши слова. Кроме того, наша кандидатура была одной из предшественниц императора, и он не захочет обидеть дух великой женщины.

Мастер Ли сел совершенно прямо. — Надеюсь вы не имеете в виду Императрицу Ву[24]? — недоверчиво спросил он.

— А кто подходит лучше? — вопросом на вопрос ответила княгиня. — Она прыгала из кровати в кровать все время, пока шла к трону, и почему она должна жариться в Аду, когда может сделать что-то полезное на Небесах?

— Моя дорогая, вы собираетесь просить у Небесного Императора принять в качестве одного из второстепенных богов женщину, которая отравила сестру, племянницу и одного из собственных сыновей! — воскликнул Мастер Ли. — Другого сына она заставила повеситься, трех внучек и внуков запорола до смерти, приказала убить двух приемных детей, еще шестнадцать мальчиков из ее потомства лишились головы, и это все не считая тридцати шести задушенных министров и трех тысяч полностью уничтоженных семей. В конце концов она стала одним из самых умных и способных правителей-тиранов, которых когда либо знал Китай, и так умело захватила верховную власть, что ее соперники так никогда и не узнали, что ударило по ним. Нефритовый Государь сделает Императрицу Ву своим министром не раньше, чем я стану Покровителем Трезвенников.

Княгиня какое-то время смотрела на него, а потом изящно протянула вперед руки, как если бы предлагала дар.

— Гильдия уполномочила меня сделать все, что необходимо, и я официально передаю вам свои полномочия, — сказала она. — Ли Као, все знают, что Небеса слышат ваше слово. Если возникнет возможность, действуйте так, как считаете лучшим, но помните, что наша покровительница должна быть сильной, умной, быстрой, безжалостной и с моральными принципами гниющего червя для наживки. Как жаль, что вы сами не того пола.

Мастер Ли встал и поклонился. — Никогда я не получал большего комплимента, — искренне сказал он.

Я увидел блеск в их глазах и недовольно заворчал, про себя. Они опять собирались перебрасывать волан, но тут вернулась служанка, ведя за собой молоденькую девушку. Девушка была маленькая и гибкая, хорошенькая, но не красавица, во всяком случае я не почувствовал себя как свинья рядом с павлином, и княгиня ласково посмотрела на нее.

---

24 Императрица Ву Зетаин, Династия Китая Танг (625—705 гг. нашей эры).

В течение нескольких самых великолепных лет династии Тан женщина действительно управляла Поднебесной, и управляла успешно. Для некоторых она была диктатором, безжалостным в ее желании получить и удержать власть. Для других она, женщина, делающая работу «мужчины», и просто делала то, что она должна была сделать, хотя и действовала по-другому, чем большинство императоров- мужчино ее времени. Ученые отмечают, что ей удалось эффективно управлять Китаем во время одного из его наиболее мирных и культурно разнообразных периодов.

— Знакомьтесь, это Утренняя Печаль, которая никогда не будет хорошей шлюхой, — сказала она. — У нее слишком мягкое сердце, но, к счастью, это ее единственное мягкое место. Она сильна, очень опытна для своих лет и обладает немалыми способностями; во время путешествия вам никогда не придется тащить ее на себе.

Она повернулась к девушке. — Это знаменитый Мастер Ли и его помощник, Десятый Бык. Им нужен Лунный Мальчик. Мастер Ли собирается вытащить его от Короля Чао, но потом тебе придется держать Лунного Мальчика на поводке, пока он не сделает все, что должен сделать.

Утренняя Печаль поклонилась. Потом расстегнула застежку для волос и протянула ее Мастеру Ли. — Лунный Мальчик и я — одно целое, — просто сказала она. — От меня он не убежит, но от любого другого умчится как первый утренний ветерок.

Мастер Ли проверил застежку и одобрительно кивнул. Утренняя Печаль вежливо протянула ее мне, и я увидел феникса и дракона, обвивших друг друга, как инь и янь[25]. Она перевернула застежку, показала переплетающиеся между собой имена Лунный Мальчик и Утренняя Печаль, и ее рука слегка коснулась моей. Я не знаю, увидели ли в Гуаньчжоу что случилось с моим лицом, но брови княгини поднялись до небес.

— Он всегда такой чувствительный? — спросила она.

— Да, но я никогда не видел, как из его ушей идет дым, — рассудительно ответил Мастер Ли.

— Принеси ведро воды, — сказала княгиня служанке.

— Не нужно, — сказал я высоким сдавленным голосом. — Просто цветочные листья попали не в то горло.

Глаза Утренней Печали поглядели на меня удивленно и настороженно, потом в них появился намек на улыбку. Она скромно отошла и встала по другую сторону комнаты. Цветочные листы никого не обманули, и здесь я должен вставить тираду, которую множество раз слышал от Мастера Ли. Это единственный способ объяснить мою реакцию на Утреннюю Печаль.

Великая мечта всех чиновников и большинства аристократов империи — вернуть самый лучший из всех возможных миров: суровый феодализм, который так великолепно воспел Конфуций. Ключ к решению проблемы — полное подчинение крестьян, и некоторые из их методов по-настоящему изобретательны. Один из лучших — система, при которой невеста приносит в свой новый дом приданое: солидную сумму денег или землю.

---

25 Инь и янь – одна из основных концепций древнекитайской философии. В современной философии Янь и Инь – высшие архетипы : Янь – белое, мужское, акцент на внешнее; Инь – чёрное, женское, акцент на внутреннее.

На практике это означает, что крестьяне, которые прокляты большим количеством дочерей, должны выбирать между голодной смертью и детоубийством. Сами девушки не в состоянии оплатить свое замужество. Родители не могу позволить себе содержать их и не могут выдать их замуж — остается только одно: бросить их при рождении, а это разрешает аристократам визжать, «Что за бесчеловечная черствость! Кто может спорить, что свиньи должны находится только в загонах для свиней?» Крестьянские девушки, каким-то образом оставшиеся в живых, скоро узнают, что из-за них родители умирают с голоду, и на свадьбу надежды нет. Если они достаточно красивы, то чаще всего убегают из дома и становятся проститутками, и только так в состоянии посылать домой немного денег. А аристократы ревут во весь голос: «Посмотрите на этих безнравственных шлюх. Как можно говорить, что этим свиньям надо предоставить какие-то гражданские права?» Это совершенно замечательная система, без единого изъяна, и тем, кто говорит, что некоторые из этих шлюх могут научить чиновников кое-чему в области морали, вручают удочку, нож, свечу и бесконечное время для самоусовершенствования в болотах Сиама.

Когда ее рука слегка коснулась моей, я почувствовал мозоли. Нужны годы, чтобы твердая кожа полностью размягчилась, и с моей точки зрения они красивее любых жемчужин. Это не объясняет полностью мою реакцию, но в одном я был уверен: я влюбился по уши.

Мастер Ли улыбнулся мне. — Эх, если бы мне было девяносто, — ностальгическим голосом сказал он. — Бык, пока мы будем путешествовать, попытайся держать свои лапы подальше от этой юной девушки. А ты, Утренняя Печаль, ударяй его почаще поленом по голове. Он будет благодарен за внимание.

— Договорились? — спросила Княгиня Проституток.

— Договорились, — ответил Мастер Ли. — Я не обещаю ничего, но сделаю все, что в моих силах для Императрицы Ву, и, если ничего не получится, сделаю все возможное для того, чтобы вы получили достойного Небесного Покровителя. Не можете ли вы подкупить кого-нибудь из почтовой службы? Мы очень торопимся.

— Считайте, что уже сделано, — сказала Княгиня Проституток.

Солнце уже поднялось над Извилистым Парком, когда Мастер Ли и я добрались до конюшен почтовой службы, где нас ждала Утренняя Печаль. Она выбрала одежду со сноровкой опытной путешественницы: мужские короткие штаны, высокое кожаные сапоги, платье, в котором можно было продираться через колючки или идти под дождем, и шляпа, идеально защищающая от любой непогоды. Всю остальную одежду и немудреные пожитки она положила в мешок, висевший на спине. Мастер Ли одобрительно кивнул, но и его брови взлетели до неба, когда он увидел, что она подошла к своей лошади и достала из се-

дельного мешка лук, проверила натяжение и состроила недовольную гримасу. Перебрав шесть или семь, она нашла лук, подходившей ей, и с искусством опытного всадника прыгнула в седло. Я сам никогда не мог похвастаться, что хорошо езжу на лошади. Водяной буйвол[26] — вот единственный зверь, на котором я не боюсь ехать. А пока я с важным видом ходил вокруг, как какой-нибудь павлин.

Я выглядел так только благодаря влиянию Княгини Проституток. На мне была официальная шляпа, одежда с императорскими драконами и мешочек с посланием, запечатанный государственной эмблемой. Мастер Ли показал, как закрепить древко флага за стременем. Ворота открылись, я изо всех сил дунул в серебряную трубу и мы помчались через облако пыли, разбрасывая по сторонам неосторожных пешеходов. Я даже сумел повернуть лошадь и не упасть.

Мастер Ли разрешил мне выбирать скорость движения — чтобы я не свалился с лошади, по-видимому — и я веселился, скача со скоростью, положенной для тех, кто едет под флагом с кречетом. Почтовые станции возникали на нашем пути через каждые несколько ли, я поднимал к губам трубу и выдувал «тревога», а потом «три лошади», мы подъезжали к конюхам, державших свежих лошадей, перепрыгивали на них, не касаясь ногами земли, и потом опять скакали так, как если бы от этого зависела судьба империи. Так мы скакали первый день. Потом мы путешествовали намного медленнее, потому что моя задница болела ничуть не меньше, чем бедра. Мастер Ли по-прежнему ездил на лошади лучше нас всех, Утренняя Печаль наверно родилась в седле, а я радовался уже тому, что они не смеются, когда по ночам я хромал вокруг лагеря, шипя от боли.

Дорога привела нас к большой реке, мы завели наших лошадей на почтовую барку и предоставили поработать течению. Это было самое лучшее время пути. У меня появилась возможность поговорить с Утренней Печалью. Как я и думал, она родилась в крестьянской семье, но ничего не помнила о своей жизни, пока ей не исполнилось восемнадцать. Какая-то старуха, которую она называла Тай-тай, нашла девушку, лежавшую без сознания и покрытую кровью; старуха забрала ее к себе и воспитала как дочь. Именно Тай-тай назвала ее Утренней Печалью, потому что нашла ее туманным утром. Мастер Ли осторожно проверил следы ударов на голове девушки и уверенно сказал, что кто-то хотел ее убить, и просто чудо, что она потеряла только память.

---

26 Индийский (или азиатский) буйвол, водяной буйвол (лат. Bubalus bubalis, часто встречается наименование Bubalus arnee) – вид из рода азиатских буйволов. Это один из самых крупных представителей подсемейства быков. Взрослые особи достигают длины более трёх метров. Высота в плечах доходит до 2 м, а вес может достигать 1000 кг, в отдельных случаях до 1200, в среднем же взрослый самец весит около 900 кг. Рога доходят до 2 м, они направлены в стороны и назад и имеют полулунную форму и уплощённое сечение. У коров рога небольшие или отсутствуют.

Он не стал возражать, когда я рассказал ей о нашем расследовании — конечно, не упоминая о могиле! — и она с восхищением услышала о Госпоже Хоу, принцессе из заведения Одноглазого Вонга, потому что знала и любила ее стихи. На барке оказались музыкальные инструменты. По ночам мы играли, а Утренняя Печаль пела крестьянские песни, такие древние, что даже Мастер Ли не знал их, и как-то ночью она приспособила одно из стихотворений Госпожи Хоу к нашим обстоятельствам и спела его. Я приведу эту песню здесь для тех, кто может быть никогда не слышал обманчиво простых произведений Госпожи Хоу.

*На вечерней заре хорошо по течению плыть,*
*Налетающий ветер большой не поднимет волны.*
*Красотою таинственной манит бамбуковый лес,*
*Камыши и кувшинки чудесной прохладой полны.*

*Флейта Мастера Ли даже мертвых способна поднять.*
*Он играет в тумане и музыка к небу летит.*
*Обезьяны в горах недовольно кричат на луну,*
*И игривый поток пробиваясь сквозь камни журчит.*

*Барабаном ему отвечает взволнованный Бык.*
*Его сильные пальцы по коже овечьей стучат.*
*Рыбы прыгают вверх, разрывая поверхность реки,*
*И омытые светом луны не стремятся назад.*

*(официально приписано Ян Ван-ли)*

Когда мы опять вернулись на твердую землю, то помчались через деревни, в которых дети с огромными мечтательным глазами собирались, чтобы посмотреть нас (кто в детстве не воображал себя легендарным героем почтовой службы?), и через узкие горные проходы, где бандиты с узкими лицами гиен рычали на флаг с кречетом и в ужасе бежали со всех ног. Можно было подумать, что вся страна лежит у ног императора, но это было обманчивое впечатление.

— Дети, в империи есть уголки, которые подчиняются императору только на словах, и мы приближаемся к одному из них, — сказал Мастер Ли. — В Королевстве Чао есть только один правитель, и его зовут Ши Ху.

В восхищении Мастер Ли так широко раскинул руки, что едва не свалился с лошади.

— Что за человек! Двадцать восемь лет на троне, и ни одной серьезной ошибки, просто чудо! Почти семь чи ростом, больше четырех даней весом, но враги, которые думали, что он — обыкновенная бочка жира, давно украсили своими головами пики на стенах его дворца. Народ его любит, соперники боятся, женщины обожают, а Утренняя Печаль обязана кое о чем задуматься, когда увидит его телохранителей.

Он подмигнул ей. — Это прекрасные юные девушки, одетые в его форму, с саблями и золотыми луками, — объяснил он. — Я предпочел бы встретиться со стаей пантер, чем с Золотыми Девушками. Они обожают своего короля, и, возможно, он заслуживает этого. Чао — лучше всего управляемое государство в цивилизованном мире, но вы не должны забывать, что сам король совершенно не цивилизован. Ши Ху родился варваром, и в его огромной теле по-прежнему живет душа варвара. Он может действовать быстро и очень жестоко, и, как говорится, в его дворец трудно войти и еще труднее выйти.

Несколько минут он проскакал молча.

— Насколько я знаю, у него лишь одна слабость, — задумчиво сказал Мастер Ли. — Он жадно собирает людей с необычными талантами, и я склонен думать, что он откроет дверь любой живой легенде. Вроде лучшего в мире знатока лютни Вен-Ву.

Утренняя Печаль и я посмотрели друг на друга. Вен-Ву — самый трудный инструмент в мире, и мы пожали плечами.

— Достопочтенный господин, вы умеете играть на ней? — поинтересовался я.

Он удивленно посмотрел на меня. — Почему лучший в мире знаток должен уметь играть на ней? — спросил он.

## ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Огромный зал для пиршеств Короля Ши Ху молча ждал. Шли минуты. Наконец двери открылись, появилась вереница лакеев в роскошных ливреях, громко трубивших в трубы. За ними шла процессия священников, певших гимн в честь хозяина, чей гений безусловно являлся даром самих небес. За ними гордо выступала армия аколитов, разбрасывая впереди и позади себя лепестки роз. За ними шли два старших помощника: сказочно богатый юноша, отдавший все свое богатство ради возможности сидеть у ног своего кумира, и принцесса, отказавшаяся от трона. Принцесса несла маленький стул из слоновой кости, а юноша держал в руках серебряную подушку, на которой лежала простая, ничем не украшенная лютня.

Священники и аколиты продолжали петь свои гимны. Медленно текли минуты. И когда напряжение стали почти невыносим, послышалось слабое шарканье сандалий, несколько высоких гостей упало в обморок, и самый великий в мире знаток Вен-Ву проковылял через двери.

Он прожил не земле не меньше тысячи лет и, безусловно, был полубогом. Густая, белая как снег борода падала вниз, до самых ног, а огромные белые брови вздымались вверх, как хохолки рогатой совы. На нем была надета грубая крестьянская одежда из самой дешевой материи, а сандалии чинили по меньшей

мере раз пятьдесят. Зеленые листья все еще падали со свежесрезанного дубового посоха. Презрение ко всему земному — вот что было написано на нем, и он был весь вымазан в грязи, принесенной с холма, на вершине которого спал последнюю ночь, укрытый звездным пологом.

Великий человек медленно дошел до стула из слоновой кости, и принцесса почтительно помогла ему сесть. Юноша встал на колени и еще более почтительно положил флейту на колени мастеру. Целую вечность святой глядел на нее, молча общаясь с инструментом, потом его голова слегка приподнялась. Поднялась морщинистая рука и из бороды раздался дребезжащий голос, похожий на гудение трутня; тем не менее отчетливый и властный.

— Лютня Вен-Ву, — сказал великий человек, — была изобретена Фу-дзы, который увидел, как метеор ударил в дерево тунг[27]. Вскоре после этого рядом с метеором сел феникс, метеор слабо, но мелодично зашипел и феникс улетел с контрапунктным криком. Вот тут-то Фу-дзы и понял, что ему дарован знак Небес. Он срубил дерево, которое оказалось ровно тридцать три чи в длину, и разделил его на куски, по одиннадцать чи в каждом. Эти куски он вымачивал в проточной воде ровно семьдесят три дня, пятую часть года. Потом он коснулся верхнего куска, но тот отозвался слишком высоким звуком. Он коснулся нижнего куска, но звук был слишком низок. Тогда он коснулся среднего куска, и только это звук удовлетворил Фу-дзы.

Один из гостей чихнул и мастер поднял белую бровь. Лакеи, священники и аколиты бросились на несчастного и пинками прогнали его за дверь. Две минуты сердитого молчания, и мастер соблагоизволил продолжить.

— Фу-дзы поручил Лиу Дзу-чи, величайшему мастеру в Китае, сделать из средней части инструмент. Он ровно тридцать шесть цуней в длину, что соответствует трехсот шестидесяти градусам круга, четыре цуня в ширину, что соответствует четырем временам года, к концу расширяется до восьми цуней, что соответствует восьми праздникам, а его футляр два цуня в высоту, что соответствует янь и инь, двум силам, создавшим вселенную. Сначала собирались поместить на грифе двенадцать ладов, что соответствует двенадцати месяцам года, но позже Фу-дзы добавил тринадцатый, чтобы отметить високосный год.

Один из гостей закашлялся, и мастер поднял вторую бровь. Лакеи, священники и аколиты бросились на несчастного и выбросили его в окно. Три минуты, и только потом древний полубог соблагоизволил продолжить.

— Пять первоначальных струн, — прохрипел он, обжигая съежившееся собрание горящими глазами, — соответствуют пяти элементам: металлу, дереву, воде, земле и огню; и пяти темпераментам: спокойному, нервному, решительно-

27 Тунг, или Масляное дерево (лат. Aleurites) – небольшой род деревьев семейства Молочайные, распространённых в тропических и субтропических районах Азии и Южной Америки, а также на островах Тихого океана.

му, тяжелому и мудрому; и пяти музыкальным тонам: гун, шан, цзюэ, чжи и юй. Когда Вен, Король Чжоу, сидел в тюрьме в Циангли, его сын, принц Пай-юи-као, очень тосковал, и, чтобы выразить свое горе, добавил шестую струну. Ее называют струной Вена, и она порождает низкий печальный звук. Когда Король Ву победил Короля Чео, он очень обрадовался и, чтобы выразить свою радость, добавил седьмую струну. Ее называют струной Ву, и она производит высокий героический звук. Вот как эта семиструнная лютня получила имя Вен-Ву, и в руках по-настоящему талантливого исполнителя она может приручить самого дикого зверя. В руках гения она может начать или остановить войну. Но и в руках ничтожества, такого как я, она может поднимать мертвых.

Великий человек остановился. Лакеи, священники и аколиты уставились вокруг, в поисках того, кто бы чихнул или закашлялся. Никто не дышал. Великий человек продолжил.

— Настоящий тон обладает восемью качествами: ясностью, загадочностью, отдаленностью, печалью, хвалебностью, мужественностью, мягкостью и протяженностью, но он может пострадать от шести состояний природы: жесткого холода, избыточной жары, резкого ветра, сильного шторма, громкого раската грома и крутящегося снега. Кроме того на лютне Вен-Ву нельзя играть при следующих семи обстоятельствах: траур по умершему, одновременная игра с оркестром, занятие важными делами, нечистота тела, нескромность костюма, неудача в попытке воскурить благовония и отсутствие подходящей аудитории.

Аудитория затаила дыхание, когда полубог медленно поднял лютню с колен. Он тронул одну струну: *плинк*! Вторую: *плонк*! и положил лютню обратно на колени.

— Я, — объявил он, — нахожусь в трауре по моей жене, вторым женам, наложницам, детям, внукам, правнукам и домашнему попугаю, которые погибли во время последнего тайфуна. Вон те деревенщины в углу храпят так слаженно, что составляют оркестр. Косой болван в синей одежде думает о танцах с девушками, а не об искусстве. Половина из вас не мылась больше месяца, а другая половина пролила суп на одежду. Я не чувствую в воздухе даже слабого запаха благовоний, и если я назову это сборище тупиц подходящей аудиторией — боги разразятся истерическим смехом.

Самый великий в мире знаток лютни Вен-Ву медленно поднял ногу и приподнял указательный палец левой руки. — Однако. — Божественное сияние обхватило его грозную фигуру. Еще шесть зеленых листьев выросли на посохе, как только пальцы мудреца сомкнулись вокруг него. — Мой траур заканчивается через два дня, и, если все остальное будет исправлено, я сыграю на этом волшебном инструменте. А сейчас вы можете проводить меня в мою хижину. И не тревожьте меня, чтобы я смог в тишине поразмышлять о человеческом несовершенстве.

Шаркая подошвами великий человек вышел из зала, за ним несся звук глухих ударов от падения на пол высоких гостей, потерявших сознание.

— Обман, дети! Обман и подделка. Гнилая действительность, раскрашенная и позолоченная ложью, — объявил Мастер Ли. Он коснулся лютни Вен-Ву, висевшей на стенном крюке: *плонк*! — Дурак будет учиться двадцать или тридцать лет и научится что-то делать, но умный человек за двадцать или тридцать минут узнает достаточно, чтобы стать знатоком. В этом мире правят не способности, а авторитет.

— Господин, сегодня я получил удивительный урок, — сказал я.

— И я, — с восхищением добавила Утренняя Печаль.

— Что мы будем делать сейчас? — спросил я.

— Ждать ареста, — ответил Мастер Ли, констатируя факт. — Король, конечно, не дал обмануть себя ни на секунду, но, надеюсь, я позабавил его. Что вы думаете о Золотых Девушках?

Короля я вообще не видел: так, огромная тень среди еще больших теней, но его телохранительниц трудно было не заметить.

— Они прекрасны, — сказала Утренняя Печаль. — Прекрасны и очень опасны. Вы обратили внимание на их капитана? Она боготворит короля и ждет не дождется убить кого-нибудь, чтобы доказать ему свою любовь.

Мастер Ли кивнул. — Будьте очень осторожны, когда нас позовут к его величеству. Лунный Мальчик, он был там?

— Нет, господин, — ответила Утренняя Печаль.

Король предоставил Мастеру Ли огромное помещение, в котором было несколько отдельных спален, соединенных с ванными комнатами, и когда я увидел их, мои глаза чуть не вылезли из орбит, как и у Утренней Печали. По облицованным нефритом трубам текла холодная вода, а из ртов девяти-голового бронзового дракона сочилась теплая. Мыло, сделанное из ароматного масла, добываемого из гороха Фенглай, толстые бархатистые полотенца, стоки воды в виде ртов девяти-головой черепахи. В центральной комнате стояли полки с великолепными картинами и парчовыми шкатулками, в которых лежали свитки, застегнутые на нефритовые застежки, а все стены были заставлены шкафами с книгами. Чернильный камень[28] на столе был испещрен самым совершенными пурпурными пятнышками, какие я только видел, и Мастер Ли сказал, что это настоящий Дуань из Горлышка Лин-лань. Нос Мастера Ли привел его к шкафчику, в котором стояли вина со всех уголков империи, он выбрал один кувшин и подошел к окну.

---

28 Лучшие в мире чернильные камни (рис. Б) – камни дуань.

Их которые добывают в провинции Дуаньси на юге Китая, и ши, из округа Шекси. Это твердые камни с тонким зерном, плоские, с мелким углублением в середине, в котором и растирают палочки туши. Чернильные камни украшают резьбой или иероглифами, что помогает художнику обрести вдохновение перед работой.

Отсюда был виден весь дворец. Мастер Ли какое-то время изучал его планировку. Глубокий ров бежал между двумя высокими параллельными каменными стенами, и три поста остановили бы любого, кто попытался бы пересечь его по мосту. Выйти наружу было совсем не просто, и мне не понравились украшения, которые так любил Король Ши Ху. На стенах стояли пики с насаженными на них головами, а ряд пустых располагался под ними — для голов бандитов, которые, решил я, рано или поздно воспользуются этими украшениями.

— Они здесь, — прошептала Утренняя Печаль.

Я не слышал, как открылась дверь, но, повернувшись, обнаружил шесть Золотых Девушек и капитана. У капитана были глаза, как у орла, жестокие и безжалостные, и она повелительно махнула рукой. Мастер Ли в ответ поднял свою руку.

— Надеюсь вы не будете возражать, если сначала я сниму эти ужасные штуки. Они либо задушат меня, либо погребут под собой.

Он снял фальшивую белую бороду и чудовищные брови. Золотые девушки вывели нас наружу и повели вниз по лабиринту мраморных коридоров. Мы подошли к паре красивых лакированных дверей в четырнадцать чи вышиной, они беззвучно открылись и я увидел самый красивый зал в Китае. Во всяком случае более красивого я не видел.

Крестьянские девушки из пяти деревень могли бы устроить здесь танцы, и тесно бы им не было. Различные части отделялись друг от друга мерцающими полотнищами падающей воды, стекавшей в бассейны, в которых плавали ярко окрашенные рыбы. Застекленная крыша разрешала лучам солнца играть на замечательных камнях, раскиданных по всему залу, запах распускающихся цветов наполнял воздух. В центре находилась массивная голубовато-зеленая каменная глыба, которой нужна была только подушка, чтобы превратиться в трон, и там сидел Ши-Ху, Король Чао.

Чем ближе мы подходили, тем больше он становился. Маленькие блестящие глаза сверкали на огромном лице, и я с облегчением увидел, что он глядит на нас не с гневом, а с усмешкой. Мы встали на колени, выполнили три коленопреклонения и девять земных поклонов, и он дал нам знак встать. Потом он заговорил мягким спокойным голосом, в котором слышались стальные ноты.

— Без бороды вы нам больше нравитесь, — сказал он Мастеру Ли. — Нам кажется, что вы переборщили, хотя мы не можем не признать, что ваш артистизм победил реальность. Это было великолепное представление.

Мастер Ли молча поклонился.

— Кто вы такой и чего хотите?

— Ваше Величество, имя моего рода Ли, мое же собственное имя Као, и в характере моем есть легкий изъян, — вежливо сказал Мастер Ли. — А это мой

уважаемый бывший клиент, а ныне помощник, Десятый Бык, а эту красивую девушку зовут Утренняя Печаль. С вашего разрешения она хочет показать Вашему Величеству свою застежку для волос.

Утренняя Печаль сняла застежку и протянула Капитану Золотых Девушек, которая, быстро оглядев застежку и не обнаружив в ней яда, протянула королю. Тот с интересом изучил переплетенных феникса и дракона, перевернул застежку и прочитал имена. Потом что-то прошептал одной из Золотых Девушек, которая поклонилась и вышла из помещения.

— Утренняя Печаль хочет опять увидеть Лунного Мальчика, и я не вижу причин, почему бы не помочь ей войти во дворец, — вкрадчиво сказал Мастер Ли. — Что касается меня, я ищу манускрипт. Я хочу только прочитать его, не забирая с собой, и я слышал, что Ваше Величество — величайший коллекционер редкостей Я взял на себя смелость обмануть вас только для того, чтобы получить доступ во дворец, и вот маленький фрагмент манускрипта, о котором идет речь.

Он передал фрагмент рукописи Сыма Цяня капитану, которая проверила клочок бумаги и, пожав плечами, передала его королю. И тут я всерьез испугался, когда увидел на огромном лице полное непонимание. Он умел читать древние иероглифы не лучше меня. Он тоже пожал плечами и передал фрагмент капитану, а та вернула Мастеру Ли.

— Это ничего не значит для нас, — сказал он. — И вы слегка ошибаетесь по отношению к нам. Мы действительно собираем редкости, но нас интересуют не вещи, а люди. И вот жемчужина нашей коллекции.

Золотая Девушка вышла из-за одного из полотен падающей воды в сопровождении молодого человека. Утренняя Печаль забыла все правила вежливости и с громким криком радости бросилась к нему. Юноша тоже закричал и бросился ей навстречу, они встретились на полпути и так крепко обнялись, что на мгновение мне показалось, что это одно тело с двумя головами. Я думаю, что позеленел от ревности, а скрежет зубов услышали даже в Сучоу.

Никто не имел право выглядеть так, как Лунный Мальчик, который был самым красивым человеком на свете. Он мог бы пристыдить и павлина. На нем была пурпурная шляпа, украшенная золотом и драгоценными камнями. Лоб охватывала серебряная лента с тем же самым мотивом феникса-дракона, что и на застежке Утренней Печали, и скорее всего те же самые имена переплетались на другой стороне ленты. На шее висела золотая цепь, сделанная из сплетающихся змей, а на темно-красной одежде сверкали цветы и летели бабочки. Тонкую талию стискивал пояс, расшитый стеблями цветов и пшеницы. Поверх одежды он носил плащ из голубого атласа, по краям отделанный золотом. И его сапоги были из голубого атласа, и точно так же отделаны золотом. Но больше всего сводило меня с ума то, что вся эта роскошь не казалось вульгарной и чрезмер-

ной. Напротив, Лунный Мальчик казался совершенством, и не хватало ему только аплодисментов. Назначение проклятой твари — скакать через мир под грохот оваций и дождь из лепестков цветов, а Десятого Быка — ковыряться в навозе деревенского сарая.

В конце концов они все-таки разделились. Король повелительно поднял палец. Лунный Мальчик подвел Утреннюю Печаль к трону, и сам Король Чао осторожно нагнулся и посадил Лунного Мальчика на одно колено, а Утреннюю Печаль на другое.

— Что за очаровательные дети! — сказал он и поцеловал Лунного Мальчика в щеку. — Ты самый необычный из все моих необычных людей, и ясно, что твоя душа слилась воедино с душой Утренней Печали. Но почему?

Он осторожно наклонил подбородок Утренней Печали и посмотрел в ее глаза. — Быть может ты тоже особенная, дитя? — Долгое время он изучал ее, а потом сказал или, скорее, прошептал. — Да. В тебе есть что-то, очень похожее на удивительную суть Лунного Мальчика, хотя совершенно неправильно так называть его. Он больше похож на солнце, а вот ты, да, ты скорее луна. Никто не может смотреть на солнце не ослепнув, поэтому мудрый человек изучает солнце, глядя на луну.

Король внезапно улыбнулся умопомрачительной улыбкой, открытой и неожиданной, как у ребенка, в глубине которой, однако, таились печаль и подавленное желание, потом он нежно приподнял волосы девушки и заколол их застежкой.

— Не хочешь ли ты носить мой мундир, саблю и золотой лук? — мягко сказал он. И хихикнул. — Это не совсем честный вопрос, не скрою, и ты не обязана отвечать. Никого из наших девушек мы не заставляли. Утренняя Печаль, мы хотим тебя, как мы хотели всех остальных, но ты сама должна принять решение.

Без видимых усилий он поднял обоих и поставил их на пол. Его глаза повернулись к Мастеру Ли.

— Даже этот скромный сирота слышал о потрясающем Ли Као, молва о чьих достижениях разнеслась по всему Китаю, — изысканно сказал король. — У нас есть очень много тем для обсуждения, и я заранее наслаждаюсь светом вашей мудрости. Быть может однажды вы даже скажите мне, зачем на самом деле прибыли в мой скромный дом, но это не спешно. Вы привели мне Утреннюю Печаль, и уже за это мы вам глубоко благодарны. Она будет нашим почетным гостем, и ваше пребывание у меня будет очень долгим.

Щелчок королевского пальца, знак, что аудиенция закончилась. Мы глубоко поклонились и вышли из тронного зала. Управляющий проводил нас обратно в наши комнаты, где уже был накрыт великолепный ужин.

— Мастер Ли, неужели он действительно имел в виду то, что я думаю? — спросил я.

— Что я и Утренняя Печаль присоединятся к его коллекции редкостей? Да, надеюсь, — радостно сказал Мастер Ли. — Ну, моя любовь, ты готова для золота и сабли?

Утренняя Печаль смутилась и опустила глаза. — Совершенно необыкновенный человек, — прошептала она.

Лично я не понимал, что такого необыкновенного есть в короле, не понимал до позднего вечера. Я проснулся после третьей стражи. Где-то играла музыка. Я оделся и поковылял в центральную комнату, потирая глаза и зевая во весь рот, где обнаружил Утреннюю Печаль, которая тоже услышала музыку и стояла около окна, глядя в сад.

Оказалось, что это Золотые Девушки. На этот раз вместо луков они принесли лютни и флейты, и очень хорошо играли на них. Потом из теней появилась огромная фигура, и Король Чао вышел на яркий свет луны. В этом уголке империи он был полновластным повелителем и мог взять все, что хотел. Но он никогда не действовал таким образом. Даже на расстоянии я почувствовал его радость, он глубоко поклонился в сторону спальни Утренней Печали и повернулся лицом к луне. Он поставил большой палец правой ноги на большой палец левой и запел любовную песню, песню той самой варварской страны, в которой родился.

Я не могу объяснить то, что почувствовал тогда, но более впечатляющего зрелища и более волнующей песни я не видел и не слышал за всю свою жизнь.

*Стрела промчалась мимо — закрыла туча солнце.*
*Стрела промчалась мимо — и спряталась луна.*
*Стрела промчалась мимо — исчезли с неба звезды.*
*Стрела промчалась мимо — брожу, лишившись сна.*
*Но я стрелял не в звезды, и не в луну я метил,*
*Стрелял я в сердце девы, что на дороге встретил.*

Потом его величество хлопнул в ладоши, имитируя какую-то птицу, и начал танцевать с грацией, которая только подчеркивалась его огромным телом. Но ничего приятного в этом не было. Грубый сын дикой природы, неспособный даже понять, что выставляет себя дураком.

*Утренняя Печаль, Утренняя Печаль, кланг-кланг!*

*Приди ко мне; вдвоем с тобой*
*Хочу я жизнью наслаждаться,*
*Хочу к твоей груди младой*
*С печальной нежностью прижаться.*

*Утренняя Печаль, Утренняя Печаль, кланг-кланг!*

*Когда слышишь грома грохот*
*Когда слышишь ветра хохот*
*В дальней стороне*
*Вспомни обо мне!*

*Когда пенье птичье слышишь,*
*Когда лунный блеск увидишь,*
*При ночном огне.*
*Вспомни обо мне!*

*Когда солнце с неба светит,*
*Когда звезды в душу метят,*
*Ты в чужой стране...*
*Вспомни обо мне!*

*Ты услышишь плач разлуки,*
*Песнь любви и вопли муки*
*Иль подобные им звуки...*
*О, хотя б во сне*
*Вспомни обо мне!*

*Утренняя Печаль, Утренняя Печаль, кланг-кланг!*

Любовная песня прозвучала три раза, потом его величество опять поклонился в сторону спальни Утренней Печали. Золотые Девушки последовали его примеру. А потом король и его девушки исчезли, смешались с тенями, и, я думаю, на моем лице можно было печь блины. Этот бесконечно варварский монарх, сколько же юных женщин он завоевал своими размерами, властностью, бесконечным обаянием и нежностью? Сабля и золото ждали Утреннюю Печаль, не говоря уже о невозможно прекрасном юноше по имени Лунный Мальчик.

— О, Бык. Бедный, бедный Бык, — тихо сказала Утренняя Печаль.

Ее рука скользнула в мою. — Приди ко мне; вдвоем с тобой хочу я жизнью наслаждаться, хочу к твоей груди младой с печальной нежностью прижаться, — ласково прошептала она.

— Кланг-кланг, — ответил я еще тише.

Бывают такие утра, о которых лучше забыть.

Это началось замечательно, солнечные лучи скользнули в окно и заиграли в пятнашки на голом плече Утренней Печали. Я ткнулся носом в ее щеку и услышал сонное жужжание ленивых мух, усыпляющий гул пчел, негромкое шуршание занавесок под шепчущим ветром, и счастливый голос, который проорал, — *Вернись, маленькая дрянь!*

Я сел в кровати.

— Проклятье, — жалобно вздохнула Утренняя Печаль.

Совершенно голый мальчик, лет тринадцати-четырнадцати, промчался мимо окна и скользнул на веранду.

— *Эй, придурок, ты уже не хочешь маленького удаленького*? — проорал тот же счастливый голос.

— Десять миллионов проклятий, — проворчала Утренняя Печаль, и зевнула.

Совершенно голый юноша промчался мимо окна вслед за мальчиком, но остановился, вернулся и сунул голову в комнату.

— Доброе утро, моя любовь, — весело сказал Лунный Мальчик.

— Почему ты должен бесполезно тратить эту штуку на мальчишек? — сказала она.

— Бесполезно? — Он самодовольно посмотрел на свою промежность. — Что ты имеешь в виду, говоря бесполезно? Ты очень хорошо знаешь, что некоторые из этих маленьких шалунов потом не могут сидеть месяцами. — Лунный Мальчик влез в окно и не торопясь подошел к кровати. — Эге, на этот раз ты подцепила замечательный экземпляр. Поздравляю.

Я быстро натянул одеяло на плечи.

— Ведь ты Десятый Бык, верно? Где ты раздобыл этот божественный нос? Выглядит так, как если бы на нем потопталось стадо коров.

— Э... Легкое недоразумение с Большим Хонгом, нашим кузнецом, — промямлил я.

— Надеюсь, ты хорошо повеселился на его похоронах, — сказал Лунный Мальчик, бесцеремонно уселся на кровать и начал нежно гладить правое бедро Утренней Печали. — Кстати о похоронах. Однажды я уже видел Мастера Ли, но тогда он был не в настроении. Меня он, конечно, не помнит. Я стоял в задних рядах придворных, ожидая, когда меня позовут выступать, а морщинистый старик, который изо всех сил бился головой о пол перед императором, вдруг вскочил на ноги, выхватил из рукава нож и перерезал горло Министру Торговли. Кровь залила все вокруг.

— Лунный Мальчик, а ты не врешь? — скептически спросила Печаль Рассвета.

— Каждое слово чистая правда. Когда император узнал, почему весь этот переполох, он никак не мог решить, нужно ли сварить Мастера Ли в масле или сделать его князем, и пока он решал, старик успел убежать в Туркестан. Вскоре после этого Главного Священника Самарканда нашли в интересной позе, с носом, уткнувшимся в подошву левой ступни, что много говорит гибкости его позвоночника, и когда стражники явились за Мастером Ли оказалось, что его внезапно вызвали к постели больной правнучки в Серендипе[29].

29 Серендип – персидское название острова Шри-Ланка.

Я привык к тому, что люди рассказывают множество историй о Мастере Ли, только крошечная часть из которых была правдой, но и мне было ужасно непривычно слушать очередную порцию этих басен от отвратительно прекрасного голого юноши, взобравшегося в спальню через окно и гладившего голые ноги моей девушки. Закончив с ногами, он перешел к левой груди и обхватил ее обоими руками.

— Я скучал по тебе, — нежно сказала он.

— Как я люблю тебя, — прошептала она.

Да, король ошибался, считая что Лунного Мальчика назвали неправильно. Наоборот, это имя совершенно подходила для него, потому что все знают, что на луне живет большой белый заяц, а зайцы — известные извращенцы.

— Почему бы тебе, хотя бы на неделю, не избавиться от мальчишек и не попробовать меня? — еще тише прошептала Утренняя Печаль.

Кроме того, решил я, он движется с грацией кота, а Мастер Ли как-то сказал, что, по мнению Египтян, коты тоже живут на луне, и любой уличный мальчишка знает, что душа кота состоит из душ девяти послушниц, забывших свои обеты.

— Пойдем со мной, — тихонько сказала Утренняя Печаль.

— Дорогуша, я бы не хотел ничего другого, но у его величества слишком загребущие руки.

— Об этом позаботится Мастер Ли. У него есть для тебя работа, а этот мальчишка, на которого ты охотишься, напоминает морского червяка из Сватоу[30].

— Скажи морщинистому старику, что я согласен. Я только соберу немного одежды и драгоценностей — ты должна увидеть своими глазами изумруд, который король подарил мне — и поцеловать на прощанье парочку мальчуганов.

Мальчуган на веранде, который понял, что на него больше не собираются охотиться, застенчиво закашлялся. Лунный Мальчик по кошачьи прыгнул на ноги.

— Работа, работа, работа, — пожаловался он. — Ну почему обязанности всегда должны мешать удовольствиям? Тем не менее, долг есть долг.

Одним кошачьим прыжком он оказался у окна, вторым — за окном. — *Вернись, маленькая дрянь!* — проорал он и исчез.

Утренняя Печаль засмеялась и вернулась в мои объятия. — Вот, теперь ты познакомился с Лунным Мальчиком. Немного больший, чем жизнь, а?

— Будет ли он приходить к нам после свадьбы? — нерешительно спросил я.

— Я никогда не выйду замуж, — горько сказала Утренняя печаль и тяжело посмотрела на меня. — Лунный Мальчик и я думаем, что мы две части одной души, которая каким-то образом разделилась Великим Колесом Перерожде-

30 Сватоу (Шаньтоу) – город в Китае, в провинции Гуандун. Важный внешнеторговый порт на побережье Южно-Китайского моря, в дельте реки Ханьцзян.

ний, и одной части нет до сих пор. Без нее мы никто, даже когда мы вместе. Бык, мы бродим по этому миру в поисках исчезнувшей части, и я никогда не остановлюсь, пока не найду ее.

Я хотел было поспорить с этим, но у Утренней Печали возникла мысль получше. Так что мы вернулись туда, где были до вторжения через окно, и все пошло замечательно, и оказалось, что утро не такое уж плохое.

— Доброе утро, дети, — счастливо сказал Мастер Ли, входя в комнату. — Интересно, почему самые сладостные физические позы участников вызывают настоящее отвращение у посторонних зрителей?

Мы с трудом разделились и Мастер Ли занял на кровати место Лунного Мальчика.

— Твой абсурдно-красивый юный друг только что промчался мимо моего окна, — сказал он Утренней Печали. — Я никогда не видел много смысла в том, чтобы прыгать на кровати с мальчиками, но если бы мне вернуть свои девяносто, для него я сделал бы исключение. Будда, что за создание! Он согласен?

— Да, господин, — ответила она.

— Хорошо, и теперь я хочу убраться отсюда так быстро, как только возможно. Бык, Утренняя Печаль, я хочу, чтобы вы нашли самую высокую точку в замке, откуда лучше всего видны дворики и стены.

— Да, господин, — ответил я.

— Сегодня вечером Лунный Мальчик будет выступать, а после этого Золотые Девушки дадут представление. Никто не обратит внимание на юных любовников, бродящих по садам и целующихся на берегах озер. Сколько времени вам понадобится, чтобы набрать мешок жаб и два мешка светлячков?

— Не слишком много, — сказал я. — Пару часов.

— Замечательно, — сказал Мастер Ли. — Соберите их сразу после выступления Лунного Мальчика, и, если нам повезет, еще до полуночи мы будем далеко отсюда. А тем временем наслаждайтесь друг другом.

Он вышел, а Утренняя Печаль и я вернулись к нашим играм. Собаки лаяли, коты мяукали, петухи кукарекали, конюхи ругались и повара визжали друг на друга. Наконец мы встали, оделись и пошли искать самую высокую точку во дворце.

## ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

Часом позже мы смогли сообщить Мастеру Ли, что нашли две подходящие башенки, откуда открывается замечательный вид на замок и стены, и всезнающий мудрец объяснил нам, что в это время года шайки бандитов пересекают долину Чао, стремясь укрыться в горах перед началом сезона дождей, времени, когда на дорогах лежит непролазная грязь, а любимая забава Ши Ху — охотиться на эти банды.

— Он сам ведет свои отряды, и знаменит тем, что умеет за несколько минут вывести из замка небольшую армию и напасть на кого угодно, — объяснил Мастер Ли. — Подъемные мосты медленны и громоздки. Вот я и хочу узнать, использует он их или нет. Готов поспорить, что у него есть другой выход.

До вечера нам было нечего делать, и мы смешались с высокими гостями. Мастер Ли перекинулся парой слов с Утренней Печалью и послал ее надеть на себя запыленную дорожную одежду, повесить на пояс угрожающе выглядевший кинжал, за плечи лук, и перевязать волосы кожаной лентой, сделанной из сломавшейся уздечки. Ее отполированный зажим для волос сверкал как какое-нибудь императорское украшение, она пришпилила его к запятнанной пятнами пота одежде, и если бывают на свете варварские принцессы-воины, так это была Утренняя Печаль. Со всех сторон ее окружили восхищенные гости. Я подобрался достаточно близко и слышал, как она объясняет — по видимому идея Мастера Ли — что ищет своего брата, которого злой шаман превратил в тигра, вынужденного бродить по диким лесам. И его можно узнать только по точно такой же застежке, прикрепленной к его мохнатой шее. После чего я, даже если бы очень захотел, не мог бы подойти к ней и на сорок чи.

Особые люди из собрания Короля Ши тоже были здесь, и Мастер Ли затеял яростный спор с величайшим астрономом в мире. Они никак не могли договориться, каким образом изменяется течение Великой Реки Звезд во время сезона дождей: то ли по «эпициклу Нео-Чан Хенгин» или «в сторону астеризма Фалгуни» и «обратной концентрации чии». Лично я не понимал ни единого слова и присоединился к компании самых красивых женщин в мире, где велись намного более интересные разговоры.

Моя собеседница была блондинкой с зеленым глазами, по ее словам гречанка из Бактрии[31]. Она рассказала, что с тех пор, как ей исполнилось десять лет, ее непрерывно похищали, она переходила от одного короля к другому, устала, больна и вообще хочет только одного: чтобы ее похоронили стоя, потому что больше без дрожи в сердце не может видеть кровать. Мне она очень понравилась, но некоторая жесткость, притаившаяся в кончиках глаз и рта, не допускала и мысли о более близком знакомстве.

Я отошел от нее и поговорил с одним стариком, который рассказал замечательную историю. Однажды, будучи пьяным, он написал на статую местного

31 Бактрия (Бактриана) – древняя область в Средней Азии по среднему и верхнему течению Аму-Дарьи. Ранние упоминания Бактрии есть в т. н. Бехистунской надписи древнеперсидского царя Дария I и Авесте. Развитое земледельческое общество существовало в Бактрии уже в 1-й половине 1-го тыс. до н.э. Главным городом была Бактра [ныне город Вазирабад (Балх), в Афганистане]. В 6–4 вв. до н. э. входила в державу Ахеменидов, затем – в империю Александра Македонского. После её распада территория Бактрии и соседних областей составила Греко-Бактрийское царство (250-140/130 гг. до н. э.). Позднее вокруг Бактрии сложилось Кушанское царство.

Бога Стен и Рвов, а этот Бог, по видимому, проходил мимо, потому что когда рассказчик пришел в себя, то обнаружил, что сделан из бронзы и стоит на пьедестале, как сам Ту-ди, вокруг ужасная жара и засуха, а крестьяне требуют, чтобы он принес дождь на поля. Дождь так и не пошел, они притащили церемониальные деревянные палки и избили его до полусмерти. Он даже продемонстрировал синяки и впечатляющие следы ударов. Я хотел расспросить его подробнее, но тут я услышал скрежет опускающегося подъемного моста, потом появился гонец, который проскакал по нему, прыгнул с лошади и со всех ног бросился во дворец.

Мастер Ли кивнул мне. Утренняя Печаль была погребена в толпе обожателей, так что я быстро извинился перед бывшей статуей Ту-ди и побежал наверх. Я оказался на своем наблюдательном посту как раз вовремя, чтобы увидеть, как король и Золотые Девушки вышли из боковой двери во двор, а оттуда в конюшню. Потом я услышал, как подъемный мост поднимается, хлопнула закрывшаяся дверь, и когда спустя несколько минут я увидел Ши Ху за стенами замка, то понял, что Мастер Ли, как всегда, оказался прав.

Король сидел на поворачивающемся сидении огромной военной колесницы, на которой лежали ряды луков и гора стрел. Мастер Ли рассказал мне, что Ши Ху был один из величайших лучников в мире, и, крутясь во все стороны на своем сидении, посылал одну за другой стрелы так быстро, что они сливались в один поток. Золотые Девушки скакали за ним лошадях, а следом стройными рядами шли пешие солдаты.

Я немедленно вернулся и сообщил, что у короля есть какой-то выход через конюшню. Мастер Ли пришел в восторг.

Праздник продолжался, но роль хозяина взял на себя управляющий. Выступали актеры, акробаты совершали чудеса, а Согдианские танцовщицы живота в красных штанах показывали свое искусство, стоя на огромных крутящихся шарах.

На столах стояли горы еды. Картина жизни, наполовину цивилизованной, наполовину варварской. Традиционные блюда Пекинской кухни — гусиные ножки и дымящиеся окорока с соусом из черных древесных грибов — соседствовали с экзотическими монгольскими блюдами: оленина, кролики, цыплята, рыба, инжир, яблоки, персики, творог, масло, специи и травы, все обильно сдобренное сладостями. Мне это понравилось, но я увидел, что Мастер Ли и Утренняя Печаль сладости выплевывают.

Солнце уже садилось, когда король, его телохранительницы и солдаты вернулись назад. Все были в хорошем расположении духа, и солдаты везли новую коллекцию отрезанных голов, надетых на пики. Когда король и Золотые Девушки помылись и переоделись, пришло время для главного события праздника: Лунного Мальчика.

Не могу не признаться, что я не верил в его талант. Человек с внешностью Лунного Мальчика может объявить «Песню Жаворонка», два раза пропеть «квак-квак» и получить бешеные аплодисменты.

Мы вошли в большой каменный зал. Управляющий устроил целое представление, простучав стены и пол, только для того, чтобы показать, что в них нет никаких скрытых дверей, после чего слуги поставили в угол зала простой деревянный стол. Другие слуги принесли два бумажных веера, маленький кувшин с водой и четыре чашки, и поставили все на стол. Потом появился Лунный Мальчик. Он нес простую звучащую доску, вроде той, который используют девушки в нашей деревне, его глаза кого-то искали в зале и нашли. Утренняя Печаль. Он кивнул ей, и я решил, что сейчас он сделает что-то особенное для нее. Слуги развернули большой экран, скрывший стол из вида, и тушили фонари до тех пор, пока в зале не стало почти темно. Зрители начали недоуменно переговариваться между собой, но из-за экрана донеслись три резких удара, и все стихло.

О мастерах звука я знал только одно: они создают звуки, которых не существует. Каким-то образом они умеют донести этот несуществующий звук до ушей зрителей, вернее слушателей, и наполнить им их сознание. Мастер Ли, который слышал многих из них за последние сто лет, позже сказал, что Лунный Мальчик уже превратился в легенду, которая проживет десять тысяч лет, и я не собираюсь спорить с ним.

Я помню, что услышал, как слабый удар ветра ударил в стены зала, поискал, кто открыл окно, и покраснел, потому что осознал, что это Лунный Мальчик за экраном махнул бумажными веерами. После этого, с растущим уважением и изумлением, я услышал, как Лунный Мальчик исполняет крестьянскую песню для Утренней Печали. Я не в состоянии описать то, что надо слышать, но позже кратко записал свои впечатления, и решил включить их в свои воспоминания.

Слабый ветер несет звуки ночи, деревня... Собаки громко лают, кажется, что звук идет через окно... Мужчина ворчит, около моего уха, переворачивается на другой бок... Лай замирает, две пары сандалий лезут через окно, смех и икота... Где-то далеко владелец винной лавки желает всем спокойной ночи и закрывает свои двери... Ветер меняет направление, дует от реки... Журчит вода, шесты с баржи ударяются о воду... Слабый смех, мужчина начинает непристойную песню, ветер уносит слова и меняет направление... Опять залаяла собака, прямо в ухо, оглушающе... Мужчина ругается, вскакивает с кровати, в темноте идет к окну... Резкий крик, что-то деревянное катится по полу, когда он натыкается коленом на стол... Собака лает все громче... Мужчина ворчит, что-то хватает и швыряет за окно, лай переходит в обиженный вой, собака скулит, убегает прочь, звук затихает вдали... Мужчина ворчит, опять натыкается на стол, вползает в кровать...

Женщина вздыхает и поворачивается на бок, что-то шепчет мужчине... Мужчина негромко смеется, женщина хихикает... Я краснею, когда из кровати несутся звуки любовной игры... Все громче, ритмичнее... Просыпается ребенок и начинает плакать, мужчина ругается, женщина ворчит... Женщина встает и начинает нянчить ребенка, мужчина встает и опорожняется в горшок... Просыпается мальчик и спросонок что-то говорит, мужчина ругается и советует ему попи-сать, если невтерпеж... Смешанные звуки, мальчик и мужчина опорожняются в свои горшки, женщина негромко поет ребенку, ребенок сосет грудь и что-то лепечет, уханье совы, ветер шуршит листьями... Мальчик возвращается в кровать, ребенок засыпает, мужчина и женщина тоже ложатся в кровать, женщина что-то шепчет, мужчина начинает храпеть.

Огонь! Голоса кричат за окном, к ним присоединяются другие, все выскакивают из кроватей, ребенок кричит... Мужчина опять натыкается на стол, ругается, распахивает окно... Голоса кричат что-то об огне в амбаре... Всюду топают ноги, двери открываются и закрываются, лязг ведер, скрежет лебедок, мужчина кричит, опять ударяясь о стол... Сандалии выбегают наружу... Звон многих ведер, пламя шипит и ревет... Невероятная какофония: люди кричат, лошади ржут, овцы блеют, коровы мычат, цыплята пищат... Ворота открываются, грохот подков, животные вырываются наружу... Старик кричит «Мое зерно, моя солома»... Женщина кричит «Искры на крыше»...

Что-то очень странное. Все звуки деревни медленно поднимаются в воздух... Искажаются, переворачиваются... Как если бы Нефритовый Государь спустился в Китай, взял деревню в руки и начал медленно поворачивать то туда, то сюда... Медленное, спокойное дыхание того, кто идет через огонь... Животные умирают, прекращаются звуки огня, воды и ведер... Деревня возвращается на землю, звуки умирают один за другим... Прекращаются звуки мальчика, женщины, мужчины. Ребенок счастливо воркует... Ребенок постепенно затихает... Тишина.

Три резких удара. Фонари зажглись опять, экран убрали. За ним не было ничего, кроме стола, звуковая доска, два веера, стакан воды, четыре чашки и улыбающийся Лунный Мальчик, который сложил руки вместе и поклонился.

Утренняя Печаль и я легко ускользнули из зала, пока все слушатели осаждали Лунного Мальчика. Палки, мешки и фонари я приготовил заранее, и пока мы ловили жаб и светлячков она рассказала, что мы делаем доброе дело, забирая Лунного Мальчика отсюда, потому что от сладкой жизни он теряет голос, особенно высокие тона, и если он не сможет найти какого-нибудь хорошенького мальчишку, который заставит его как следует побегать по холмам, от этого ему будет только лучше, и его представления станут просто сверхъестественными.

— Ну, мне кажется, у него и так есть кое-какие способности, — слабо сказал я.

Она засмеялась, слегка ударила меня по голени и мы отправились обратно с полными мешками. Мастер Ли ждал нас около конюшни. Откровенно признаться я даже пожалел, что не мог остаться и посмотреть на выступление Золотых Девушек. Тысячи фонарей освещали огромную зеленую лужайку перед дворцом, и прекрасные девушки развлекали гостей потрясающей игрой в поло, которую я никогда не видел раньше. (Ее завезли к нам из Индии, и говорили, что она очень популярна при дворе, но меня ко двору не приглашали). Особенно выделялась Капитан Стражниц, потому что она бесстрашно врезалась на своей лошади в любую другую на скорости сто ли в час, и когда Утренняя Печаль смотрела на нее, было видно, как она страстно жаждет саблю, мундир и клюшку для поло. Я буквально силой оттащил ее в сторону.

Пока мы ждали Лунного Мальчика, у нас еще осталось немного времени, чтобы раскрасить морды жаб белой краской. Наконец он сумел вырваться из толпы почитателей и пробраться к нам через кусты. За спиной он нес большой мешок с одеждой и драгоценностями.

Жаба, как всякий знает, одна из пяти ядовитых животных, тварь Луны и Ночи, плюется Киноварной Грязью, вызывающей малярию, и вообще лучшая подруга черепахи, самой загадочной и непостижимой из всех живых созданий. Когда жабы наелись до отвала светлячками, их животы раздулись до невероятных размеров, а поскольку они глотали светлячков целиком, те продолжали вспыхивать зеленым светом, двадцать шесть вспышек в минуту. Получилось весьма впечатляющее зрелище: зеленые пульсирующие животы, над которыми виднелись белые, как у демонов, морды жаб. Если к этому добавить призрачные вопли духов в исполнение Лунного Мальчика, то получится такое, что любой человек, увидев один раз, не забудет никогда.

Сотня этих отвратительных тварей прыгнула через двери в конюшню, и никто не услышал крики ужаса солдат и конюхов только потому, что зрители, расположившие вокруг площадки для поло, ревели еще громче. Мы отступили в сторону, чтобы нас не затоптали насмерть, и уже через несколько минут в конюшне остались только жабы и лошади. Мы вбежали внутрь.

Найти выход было проще простого, потому что он был прямо напротив королевской боевой колесницы. Это был широкий туннель, уходящий вниз, и мы схватили факелы. Мастер Ли прыгнул ко мне на спину, и мы вбежали в проход. Однако трудно было ожидать, что король позволит своим врагам свободно входить в замок, значит где-то есть закрытая дверь. Туннель выровнялся, как если бы шел прямо под рвом. Наконец перед нами возникла огромная железная дверь, и Мастер Ли приказал мне остановиться. Его глаза медленно обшаривали стены в поисках ключа.

На одной из стен висели ряды железных щитов. В центре каждого щита находился странный символ, торчащий из гладкой поверхности. Мне показалось, что они символизируют какие-то понятия, от знаков зодиака до сельского хозяйства, и Мастер Ли задумчиво пожевал бороду.

— Я подозреваю, что дверь открывает правильная последовательность символов, — сказал он. — Король доезжает до двери на своей боевой колеснице и нажимает символы на щитах, которые составляют код, открывающий дверь. Ясно, что неправильный код вызовет неприятные последствия, поэтому код должен быть таким, что король не забудет его даже пьяным или наполовину спящим. Скорее всего личный гороскоп или счастливые звезды. Кто-нибудь знает, когда он родился?

Оказалось что никто, но Утренняя Печаль внезапно вспомнила. — Когда он поднял меня и посадил на колено, я увидела на его шее амулет. Это был знак Меркурия.

— Хорошая девочка! — Мастер Ли счастливо потер руки. — Если этот амулет настолько важен для него, что король носит его постоянно, можно предположить, что код характеризует эту планету. Давайте посмотри, что у нас тут есть.

Он заставил меня пройтись вдоль линии щитов, а сам чуть ли не обнюхал каждый загадочный символ. Потом мы вернулись в начало.

— Будем надеяться, что он, хотя и варвар, использовал Китайскую систему. Иначе на наши головы упадет очень тяжелая железная плита, усеянная острыми пиками, — сказал Мастер Ли, констатируя факт. — Итак, орган связанный с Меркурием — селезенка.

Я закрыл глаза. Мастер Ли протянул руку и нажал символ селезенки. Ничего не случилось, и я не торопясь пошел вперед вдоль линии щитов, а Мастер Ли нажимал на символы.

— Вкус связанный с Меркурием — соль...

— Цвет — черный...

— Элемент — вода...

— Элемент отца — металл...

— Элемент сына — дерево...

— Элемент друга — огонь...

— Земное воплощение — ручей...

— Небесное воплощение — медведь...

Когда он нажал на девятый символ, железная дверь медленно открылась. Мы выскочили на другую сторону, и Мастер Ли приказал мне подойти к еще одному щиту. — А музыкальный тон Меркурия — шестой, — самодовольно сказал он.

— Образование — замечательная штука, — восхищенно сказал Лунный Мальчик. — Жаль, что когда я учился в школе, мне было не до него.

— Мастер Ли знает все, — гордо сказал я.

Но следующий ряд щитов озадачил даже Мастера Ли. Туннель поднимался вверх, к выходу за стенами, но дорогу преграждала еще одна железная дверь. Лично я вообще не понимал что символизируют эмблемы на щитах, но и Мастер Ли был сбит с толку.

— Странно, — прошептал он, — Все кроме трех символизируют природу, а эти три вообще ничего не символизируют: сандалия, веер, сделанный из перьев, и горящие благовония.

Мы никак не могли ему помочь. Он заставил меня пройтись вдоль щитов. — Этот проход используется только во время войны, — пробормотал мудрец. — Естественно предположить, что он должен использовать символы, позволяющие ему сосредоточиться на войне, но что военного в знаках дождя, солнечного света и множества животных? — Он еще какое-то время бормотал себе под нос. — Надо ясно представить его себе, — наконец сказал он. — Итак, Ши Ху, Король Чао, подъезжает к двери на своей военной колеснице, сидя на вращающемся сидении. За его спиной скачут Золотые Девушки...

Внезапно он радостно вскрикнул. — Бык, немедленно к началу, — Я трусцой подбежал к первому щиту. — Я должен был увидеть это немедленно, — счастливо сказал Мастер Ли. — Ши Ху знаменит тем, что из-за огромного веса вынужден сражаться сидя, и нет ли у нас еще одного могучего воина, поступавшего так же? Да, есть. Ши Ху поклоняется великому Чуко Лану, легендарному Спящему Дракону войны Трех Царств, который сражался с врагом сидя в колеснице. И как располагал свое войска этот выдающийся полководец? В боевом порядке «Восемь Триграмм», а место своим восьми отрядам он указывал белым веером, сделанном из перьев.

Мастер Ли нажал на символ веера. Никакая пропасть не открылась под нашими ногами, и я пошел вдоль линии щитов.

— Первая триграмма — Небеса...

— Вторая триграмма — земля...

— Третья триграмма — ветер...

— Четвертая триграмма — облако...

— Пятая триграмма — дракон...

— Шестая триграмма — тигр...

— Седьмая триграмма — птица...

Когда он нажал на седьмой щит, дверь открылась. Мы скользнули за нее и Мастер Ли коснулся наружного щита.

— А восьмая — змея, — и дверь за нами закрылась.

Нас приветствовал свет луны, мы прошли еще несколько чи и вышли наружу у подножия холма, прямо под звезды. Мастер Ли оглянулся и внимательно оглядел огромные стены замка.

— Стражники и конюхи скоро приползут назад и найдут только возмущенных жаб, — задумчиво сказал он. — Если они и сделают что-нибудь, то только соберут и отшлепают мальчишек, которые окажутся поблизости, и уж конечно не прервут праздник только для того, чтобы рассказать королю, как они бросили свой пост из-за нападения больших лягушек. Утром у Ши Ху будет королевское похмелье. Поэтому я сомневаюсь, что нас хватятся раньше полудня, и первым делом они обыщут замок и окрестности. Ночь прервет их поиски, и только на следующее утро они сообразят, что мы убежали. Итак у нас в запасе два дня, и нельзя терять ни минуты.

Я немедленно пошел вперед широким шагом. До Лошана мы не могли использовать почтовую службу, а вздыбленные холмы впереди знали король и его люди, но не мы. Я вспомнил отрубленные головы на пиках и зашагал побыстрее.

И все равно мы шли медленно, потому что, не зная коротких путей, невозможно быстро идти через горы. Отдаленные ориентиры, которые мне указал Мастер Ли, никак не хотели приближаться, а утром третьего дня мы заметили монахов, глазеющих на нас с вершины холма. Увидев, что мы глядим на них, монахи повернулись и мгновенно исчезли. Спустя несколько часов ходьбы мы увидели вдали крышу монастыря. Я не слишком доверяю своим глазам, но как мне показалось, что-то поднялось с крыши и понеслось обратно в Чао. Но Утренняя Печаль, глаза которой не уступа ли ушам Лунного Мальчика, увидела больше.

— Голуби, — тихо сказала она. — Вероятно король разослал сообщение по всем монастырям в округе, и сейчас он получит ответ.

Мне показалось, что я уже слышу грохот колес боевой колесницы, я опять прибавил шаг, но до Лошана было еще далеко. Следующим утром мы стояли на гребне холма и глядели на реку, совершенно необычную реку. Половина воды была голубой, а вторая — желтой.

— Земля Мин, — сказал Мастер Ли. — Вода вымывает желтую глина из берегов, дальше она вообще будет полностью желтой. Пока река не впадет в Янцзы[32], прямо перед Пятью Несчастными Порогами. За ними находится Лошан и почтовая станция с лошадьми.

Его лицо было мрачно, и сделалось еще мрачнее, когда он приказал мне пойти в ближайшую деревню. Там мы купили лодку и множество кувшинов с

32 Ян-цзы – самая значительная река Китая и одна из величайших рек земного шара, имеющая около 4500 в. протяжения. В океан впадает двумя судоходными рукавами против острова Чун-мин.

вином, и я заметил, что крестьянин, продавший нам лодку, тоже вел себя достаточно необычно, когда мы забирались в нее и отталкивались от берега. Сначала он улыбался и кланялся, но, когда мы выплыли на середину реки и нас подхватило сильное течение, улыбка исчезла с его лица, он начал кричать и размахивать руками, и даже побежал за нами, когда лодка резко ускорилась. В последний раз я увидел его, когда он, стоя на коленях, протянул руки к Небесам, умоляя Нефритового Государя освободить его от вины.

— Опасность Пяти Несчастных Порогов весьма преувеличена, — спокойно сказал Мастер Ли. — По меньшей мере по сравнению с гневом Ши Ху и его Золотых Девушек. Мы, однако, должны принять некоторые меры предосторожности, и вот первая.

С этими словами он выбросил за борт весла. Я вскрикнул, не веря своим глазам, а он выбросил и шест.

— Искушение, — сказал Мастер Ли. — Если бы у нас был шест или весла, у нас было бы искушение использовать их, а это верное самоубийство. Ну а вторая предосторожность — напиться как следует. И тогда, дети, все будет в порядке.

Мастер Ли открыл несколько кувшинов с вином. Лунный Мальчик с энтузиазмом поддержал его, Утренняя Печаль и я выпили по необходимости.

Вода оживилась. Голубое и желтое смешалось между собой, получились фантастические узоры, и очень быстро моя голова закружилась. К тому времени, когда мы услышали звук, Мастер Ли и Лунный Мальчик совершенно опьянели и расслабились, но я и Утренняя Печаль встрепенулись. Звук оказался ревом Ян-цзы. Могучее течение великой реки ударило по нашей маленькой лодке, закрутило ее и повлекло вниз со все возраставшей скоростью. Нас бросало вверх и вниз, как будто мы скакали на брыкающемся пони, а я настолько опьянел, что поначалу только хихикал. Но увидев, что ждет нас впереди, перестал хихикать и замер от ужаса.

Вода ударяла в Камень Чжен-ю с такой силой, что в воздух, на высоту шестьдесят чи, взлетали струи воды, похожие на женские волосы. Я обнаружил, что мои пустые руки неистово машут воображаемыми веслами, а Утренняя Печаль ловко орудует несуществующим шестом. Где-то впереди я видел бревно, плавающее на спокойной воде: нашу цель. А потом поток схватил бревно и со всей силой бросил на зазубренные подводные камни, в воздух взвились обломки, которые удались об отвесные скалы на берегу. Тем временем, когда наша маленькая лодка помчалась прямо на Чжен-ю, волна ударила ее сбоку, заставила обогнуть острые углы камня и без единой царапинки протащила через похожие на женские волосы струи воды.

Утренняя Печаль и я одновременно схватили по новому кувшинчику с вином.

Скорость стала совершенно невероятной, мы пролетели мимо Пика Чудесной Девушки, где камни образовывали статую обнаженной нимфы, а потом мимо Лягушки, где струя воды высотой в сорок чи била изо рта огромной каменной жабы. И без всяких происшествий промчались горлышком между Цилингом и Шу-танем. Мастер Ли и Лунный Мальчик, обхватив себя руками, ревели непристойную песню, и я по собственной дурости почти решил, что самое худшее уже позади. Но потом я увидел то, что находилось впереди, и едва не упал в обморок. Через водяную пыль впереди виднелась Стремнина Ву.

День превратился в ночь.

В этом месте течение мчалось через узкое ущелье с настолько высокими отвесными склонами, что только в полдень над нависающими скалами можно было разглядеть крошечную ленточку неба. И чем уже становилась Ян-цзы, тем быстрее мчалась вперед. Шум стоял просто невероятный. К счастью сгустившийся туман не давал видеть острые скалы, которые клыками торчали из воды и готовы были растерзать нас на кусочки. Если бы наши тела остались жесткими, у нас не осталось бы ни одной целой кости, но мы были пьяные и мягкие, как мешки с мукой. Я вообще хотел бы потерять сознание, потому что Пять Несчастных Камней тащили нас вперед со скоростью двести ли в час, а то и больше.

Мастер Ли счастливо махнул пустым кувшином. — Раз! — проревел он и мы взлетели в воздух. Маленькая лодка дважды перевернулась, пока мы парили над водопадом, и мы ударились о поверхность с плеском, который на мгновение заглушил даже рев потока. Когда мой желудок вернулся на место, я услышал, как Мастер Ли проревел — Два! — Мы опять взлетели в воздух, и я с высоты взглянул стены ущелья. На этот раз мы летели вниз очень долго, и мы с Утренней Печалью успели вцепиться друг в друга, мысленно прощаясь навсегда. Но мы благополучно ударились о поверхность воды и даже ухитрились не упасть с лодки. — Три! — воскликнул Мастер Ли и мы привычно взлетели вверх. На этот раз мой желудок попрощался со мной навсегда. Падения я не помню. — Четыре! — проорал Мастер Ли, я открыл глаза и обнаружил, что нахожусь на небе и лечу куда-то в направлении Венеры. Лодка крутилась, мы опускались и приводнились кормой вперед, и я успел заметить, что всего в паре цуней от меня осталась каменная пила, длиной в пятьдесят чи. Лодка опять повернулась носом вперед. Теперь я увидел, что мы находимся в самом узком месте ущелья, и впереди нас пенится окутанная радугой вода, падающая в никуда. Мы влетели в пену. — Пять! — проревел Мастер Ли, мы вылетели из Стремнины Ву и полетели на блестящему синему небу, нас окружила водяная пыль и мы летели, ничего не видя вокруг. Вниз и вниз, и я молился всем богам, чтобы мы летели в правильном направлении. А потом мы ударились о воду с такой силой, что меня швырнуло на дно лодки.

Я думаю, что на какое-то время потерял сознание. Когда мои чувства опять заработали, мне показалось, что вокруг что-то неправильно. Шум исчез. Лодка мирно плыла по спокойной воде. Где-то в отдаленном уголке мой памяти осталось воспоминание о том, что меня проглотил огромный рот, я прогнал его, сел и уставился на безмятежную улыбку Великого Каменного Будды Лошана: триста чи в высоту, вырезанный на склоне Горы Желтого Буйвола, за Горлышком Ву. За нами остались Пять Несчастных Порогов вместе с Королем Чао и его Золотыми Девушками.

И тут же я столкнулся с новой неприятностью: Мастер Ли и Лунный Мальчик, хихикая, требовали вернуться обратно и повторить все с начала, но мы с Утренней Печалью насели на них и тормошили до тех пор, пока они не пришли в себя.

## ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Следующие несколько дней оказались достаточно интересными. Я кое-что записал, прямо тогда, и, как мне кажется, должен включить сюда пару моих заметок.

Просыпаюсь, тру глаза, по левой ноздре ползет какой-то жук. Утренняя Печаль спит, Мастер Ли храпит, Лунный Мальчик исчез. Замечательно. Пошел, принес еще сухих веток. Собаки с ожесточением лают, где-то вдалеке гневные крики. Сделал чай, натаскал воды для риса. Крики ближе, великолепный голос поет непристойную песню:

*За рекой живет пацаааааааааааааааааааан*
*С жопою как барабааааааааааааааааааан.*

Остальное непечатно. Слышу, как шесть мотыльков ныряют в мой чай, оглядываюсь в поисках мотыльков, вижу, что Лунный Мальчик экспериментирует с горлом. Гневные крики совсем рядом, толпа уже переваливает через гребень холма. Впереди какой-то мужик с вилами, тащит за собой плачущего мальчика. Лунный Мальчик наливает себе чашку чая. Мужик на бегу выкрикивает оскорбления, Лунный Мальчик пьет чай маленькими глотками. Предводитель бросается на него с вилами. Лунный Мальчик смеется — воздух становится зеленовато-желтым, появляется запах серы. Смех громче — холмы замерцали от волн горячего воздуха. Лунный Мальчик щекочет предводителя под подбородком и мурлычет как кот: — Иди ко мне, сладкий. — Вся толпа вместе с предводителем и Лунным Мальчиком останавливается за большим камнем, мальчик перестает плакать и начинает смеяться. Предлагаю всем чаю. Непристойные звуки из-за камня, мальчик не может перестать смеяться. Предлагаю толпе крестьян рис. Появляется предводитель, поправляет одежду. Отказывается от чая и

риса, хватает мальчика за ухо и тянет прочь. Лунный Мальчик выходит из-за камня, насвистывая веселую мелодию. Мастер Ли просыпается, разглядывает Лунного Мальчика и уходящую толпу, шепчет, «Если бы мне снова было девяносто», и засыпает.

Наша дорога назад в Чанъань пролегала мимо деревни, в которой родился Лунный Мальчик, и здесь я начал подозревать, что насколько он сверхъестественно талантлив, настолько же сверхъестественно аморален.

Дорога идет мимо маленького храма, выскакивает священник. Глядит на Лунного Мальчика, приподнимает полы одежды и трусцой бежит в деревню. — *Запирайте мальчиков. Запирайте мужчин. Запирайте козлов и ослов!* — Лунный Мальчик гордо улыбается. Въезжаем в деревню. Из дома выбегает женщина. — Сынок! — Падает в обморок. Выбегает отец, размахивая кнутом. — Позор! Скандал! Бесчестие! Стыд! Срам! Ошибка природы! — Похоже отец получил неплохое образование. Подбегает священник и, побрызгав на Лунного Мальчика святой водой, начинает бить его посохом. Лунный Мальчик щекочет его под подбородком, — Ко-ко-ко! — Священник падает в обморок. Мать приходит в себя. — Пусть Небеса будут свидетелем, что я обесчещена! — Падает обратно на землю, Лунный Мальчик гордо смеется. Собираются соседи. Лунный мальчик целует всех. Отец идет вслед за нами из деревни, размахивая кнутом: — Смертная мука! Унижение! Безнравственность. Деградация! — Лунный мальчик целуется. Лошади, козлы, быки, ослы: ржут, блеют, ревут, вопят. Лунный мальчик продолжает целоваться, Мастер Ли шепчет «Какой активный юноша». Купили лодку, отплыли от берега. Странный низкий хриплый звук. Лунный Мальчик экспериментирует с горлом. Приплывают лебеди. Большое белое облако лебедей, над Лунным Мальчиков шатер из белых крыльев, перья сияют в свете солнца. Прекрасно. Нереально.

Если бы меня пригласили полетать одной из тех огненных труб, которые взлетают в небо, говорят *банг!* и взрываются, посылая искры во все стороны, я бы вежливо поклонился и сказал, — Тысяча извинений, но этот недостойный уже летал на них.

Лунный Мальчик не знал, что такое ревность — замечательное качество! Когда Утренняя Печаль залезала в мой спальный мешок — а она делала это постоянно во время нашего путешествия — Лунный Мальчик поднимал свою прекрасную голову к ночному небу и пел лунному зайцу, прося его даровать мягкое серебряное одеяло из лунных лучей для Утренней Печали и Десятого Быка. Мастер Ли время от времени со смехом вскрикивал: «Бык, где мои девяносто?» (я думаю, что на самом деле он наслаждался свободой от тирании любовного желания) и было ясно, что по каким-то своим причинам он без ума от девушки, потерявшей память.

Сама Утренняя Печаль оказалась ходячим собранием противоречий. Простая крестьянка, которая говорила на *пай-хуа*, как и весь народ, включая меня, но временами, сама того не сознавая, говорила фразы на *вен-ли*, что заставляло вспомнить о дворе и придворных. Разрисовывала желтым лоб, но отказывалась выщипывать и красить брови: наполовину крестьянка, наполовину княгиня. Она бесстыдно ходила с непокрытыми волосами, но впадала в ярость, когда видела как мужчина в знак траура по матери носил повязку с листьями из дуба, а не из положенной шелковицы. Она была проституткой, но с гневом отказалась от веера, который ей купил Лунный Мальчик, потому что он складывался, а это символ непристойности: уважаемые госпожи должны носить не складывающиеся веера.

В глазах Мастера Ли загорелся огонек. — Я не слышал, что веер — табу для благородных дам со времени, когда мне было шесть или семь, — воскликнул он.

— Маленькая безгрешная девочка без пятнышка на сандалиях, — съязвил я.

— У любого есть грязь на сандалиях, всегда была и всегда будет, — спокойно ответила она, шагнула мне за спину и вытерла подошвы о мои ягодицы. — Яйцо Черепахи! — воскликнула она.

Мастер Ли со смеху упал на землю. Придя в себя, он объяснил, что раньше люди верили, что черепаха беременеет сама по себе, и поэтому невозможно установить отца, так что «яйцо черепахи» стало эвфемизмом для бастарда. Мастер Ли поклялся, что в последний раз так ругались во время узурпатора Ван Мана[33], и он готов спорить на последнюю рубашку, что во время своих странствий Утренняя Печаль нашла работу в одном из тех покрытых плесенью маленьких монастырей, в которых престарелые старые девы хранят старинные сказания и обычаи, которым они научились от своих пра-пра-пра-матерей. В другой раз Утренняя Печаль чуть не свела с ума Лунного Мальчика, назвав его «Забывшим Восемь!», и даже Мастер Ли должен бы подумать, прежде чем он связал это с испорченными придворными, которые, по словам Мен-Цзы, повернулись спиной к восьми правилам цивилизованного человека: сыновней почтительности, вежливости, благопристойности, прямоте, честности, отцовскому долгу, верности и стыдливости.

Конечно Утренняя Печаль знала о растущем интересе к ней со стороны Мастера Ли. Она начала поглядывать на него с особым блеском в глазах, и я спросил себя, а не может ли Лунный Мальчик читать ее мысли, потому что и на его лице стало появляться то же самое выражение. Как-то в знойный полдень

33 Ван Ман — (45 г д. н. э. — 6 октября 23 г н. э.) — китайский император в 9—23 гг., прервавший своим правлением династию Хань, основатель династии Синь (т. е. «Новой династии»), единственный ее представитель. Будучи смелым реформатором, Ван Ман рассматривается традиционной китайской историографией как узурпатор.

мы достигли берега ручья, и в то же мгновение Лунный Мальчик скинул с себя все и нырнул в холодную воду как будто стал одним из своих лебедей. Утренняя Печаль отправилась в уединенное местечко, чтобы поплавать всласть, а мы с Мастером Ли нырнули вслед за Лунным Мальчиком. Потом раздался еще один всплеск. Утренняя Печаль плавала как тюлень, и совсем не стыдилась демонстрировать свое обнаженное атлетическое тело. Она остановилась на мелком месте, чтобы дать возможность Мастеру Ли разглядеть свою высокую твердую грудь с торчащими сосками.

— Достопочтенный господин, сколько у вас было жен? — невинно спросила она.

— Клянусь Буддой, я потерял им счет в начале династии Суй[34].

— А сколько жен есть у вас сейчас?

— Ни одной, — самодовольно ответил мудрец. — Все они постепенно старели и умирали, и в тот момент, когда Игры Облака и Дождя перестали радовать меня, я решил покончить с этой суматохой чувств; с тех пор у меня нет жены.

— Но мудро ли это? — Утренняя Печаль захлопала глазками, как если ей мешал яркий солнечный свет. (У нее были великолепные ресницы). — Жены полезны во многих делах, и есть всякие мази и заклинания, которые могут творить чудеса в Игре Облака и Дождя...

Я перестал слушать и постарался заставить свой неповоротливый ум встать на точку зрения Утренней Печали. И чем больше я думал об этом, тем лучше понимал ее. Проституток называли «цветами дыма», а бордели — «лагерями дыма и цветения», потому что земные удовольствие преходящи, а нет ничего, что проходит быстрее красоты. Надежды шлюх измеряются расстоянием между двумя морщинами, и что могло ждать Утреннюю Печаль? Если она выйдет за меня замуж, это будет ферма, дети и сердечный приступ, если она не сумеет убежать вслед за Лунным Мальчиком и возобновить свои бесконечные странствия. А если она выйдет замуж за Мастера Ли? Древний мудрец просто посмеется, если она убежит, и, пользуясь возможностью, разгромит хижину в драке с каким-нибудь таким же старым пьяницей, и засмеется еще раз, когда она вернется. А если он умрет, она станет респектабельной вдовой с крышей над головой.

— ... потом вы тщательно моете кости дракона, размалываете их в порошок, наполняете порошком несколько шелковых мешочков, кладете эти мешочки в выпотрошенные тела мертвых ласточек и оставляете их на ночь...

34 Династия Суй (581—618) — китайская династия, объединившая страну после продолжительного периода смуты. Осуществила ряд социально-экономических реформ и крупных строительных проектов.

Мастер Ли пренебрежительно улыбался, слушая народный рецепт. Потом начал очень тихо насвистывать. Утренняя Печаль смешалась и стала запинаться, когда увидела, что я покраснел, а Лунный Мальчик с трудом подавляет смех. Песня, которую насвистывал Мастер Ли, называлась «Горячие Задницы», и по особой причине фраза «почесать горячий зад» отсылала к инцесту между юной женой и ее приемным сыном, а разве нельзя было сказать, что я для Мастера Ли кто-то вроде приемного сына? Замысел, который лелеяла Утренняя Печаль, мог принести нам много сложностей, так что Мастер Ли поднял руку и остановил ее.

— Забудь о восстановлении эрекции, — насмешливо сказал он. — В моем возрасте самое последнее, что хочет мужчина — еще одна окаменевшая часть тела. Что касается всего остального я должен об этом подумать, но если бы я был тобой, то захотел бы остаться с юным мужчиной, который носит свое крестьянское имущество как воин доспехи.

Утренняя Печаль нырнула под воду и прыгая по дельфиньи поплыла ко мне. Ее мелькающие руки заслонили Мастера Ли и Лунного Мальчика, воду и солнечный свет, цветы и вообще все, что было вокруг. — Эх, Бык, какими счастливыми мы могли бы стать, — жалостливо сказала она.

В ее голосе послышалось настоящее страдание, и где-то внутри меня зазвучала ответная струна. Мои родители умерли, когда мне было девять. Скорее всего именно в этом возрасте Лунный Мальчик был обесчещен в первый раз, Мастер Ли уже много лет не знал, что такое семья, и я обнаружил, что каким-то образом думаю о маленькой хижине в долине, приходит зима, в хижине тепло, несмотря на ветер и снег, я чувствую запах хорошей пищи и свежевыстиранного белья, принесенного молодой женой, слышу веселые шутки и смех, вижу, как внезапно появляется Лунный Мальчик, похожий на экзотическую тропическую птицу — и если Мастеру Ли нет дела до того, кто с кем спит, почему я должен о чем-то тревожиться?

Утренняя Печаль начала брызгаться на меня водой, и мы больше не сказали ни слова о ее надежде. В конце концов решать Мастеру Ли, и, когда придет время, он ей расскажет, что решил.

Нам всем не хотелось провести несколько следующих лет в тюрьме, и, когда мы оказались в Чанъяне, Утренняя Печаль заставила Лунного Мальчика поклясться, что он будет себя хорошо вести. В великолепном настроении Мастер Ли отправился в Академии Предсказаний и Алхимических Исследований, чтобы получить результаты исследования образцов почвы и растений. Вышел он оттуда грызя ногти.

— Согласно самым лучшим умам в Китае, в них нет и следа яда, кислоты или каких-нибудь других вредных веществ, — прорычал он. — В земле с Дороги Принца им удалось найти только частички камня, холодного как смерть, а

к некоторым листьям они прицепили табличку «Сгнил от старости по естественным причинам».

Пока мы спускались с холма в Извилистый Парк, Мастер Ли ругался, не повторяя ни одного ругательства дважды; успокоившись, он сказал, что хочет еще кое-что попробовать.

— У меня из рук вырвали почти все нити, — горько сказал он. — Но одна осталась — последний ужин последнего библиотекаря, Брата Косоглазого. Я предположил, что этот ужин — плата за пергамент Сымя Цяня, и что бандиты во второй раз ворвались в монастырь только для того, чтобы украсть сделанную монахом копию, но могут быть и другие объяснения. Отправимся-ка мы на выставку.

Скучающие школьные учителя вели свои классы на занятия. Мастер Ли нашел одного, с водяными глазами и красными прожилками на носу. Деньги перешли из рук в руки и счастливый учитель нырнул в ближайшую винную лавку. Мастер Ли собрал вокруг себя класс, потолковал о чем-то с детьми, и все вместе отправились к Павильону Кабана. Я, с удивлением, заметил, что все мальчики шагали за стариком строем — прямо Императорская Гвардия на параде. Зрелище действительно было весьма впечатляющим — престарелый, но еще бодрый благородный господин, человек старой закалки, и его молодые, прекрасно ведущие себя ученики — все вокруг разинули рот и толпа повалила за Конфуцием и его сыновьями.

— Надежда империи! — воскликнула какая-то эмоциональная матрона.

Мастер Ли выстроил мальчиков в линию, задал такт и они великолепными голосами запели «Сцены на Вечернем Озере»[35]. Давно я не слышал такого исполнения. Грянули оглушительные аплодисменты. Набежали продавцы сладостей и детишки исчезли за горами липких конфет. Мастер Ли опять выстроил свой класс и повел его в Галерею Красоты. По пути дети без единой ошибки пропели «Тени на Восточном Окне», после чего дружно поклонились всем зрителям.

---

35 Стихотворение Ян Вань-ли.

Ян Вань-ли (1127—1206) — второе имя Тин-сю, псевдоним Чэн-чжай (Городская Келья), родом из Цзишуя (современный г.Цзи'ань провинции Цзянси). В годы Шаосин (1131 —1162) выдержал экзамен на степень цзиньши, служил министерским секретарем, «за прямоту» был разжалован и сослан местным чиновником. Исполняя обязанности сяньчэн'а (помощника уездного начальника) в юнчжоуском Линлине, близко сошелся с генералом Ти Чжан-цзюнем, национальным героем Китая, организатором освободительной борьбы против чжурчжэней. На политической почве нажил себе смертельного врага — всесильного временщика министра Хан То-чжоу. Подвергался преследованиям и в 1190 вынужден был выйти в отставку, вслед за тем заболел и умер. Один из крупнейших поэтов Китая; вместе с Ю Мао, Фан Чэн-да и Лу Ю был назван одним из «четырех великих периода Южной Сун». Поддерживал дружеские отношения со всеми ими. Выдающийся мастер пейзажных стихотворений, создавший собственный «стиль Городской Кельи». Кисти Ян Вань-ли принадлежали более 20 000 стихотворений (до наших дней сохранилась лишь часть), что считается, по-видимому, наиболее объемным творческим результатом за всю историю китайской литературы.

— Надежда империи! — прорыдала матрона, и старик с жесткими чертами лица и развевающейся бородой объявил во весь голос, что собирался вернуть все свои медали в Генеральный Штаб в знак протеста против попрания всех законов, но теперь передумал.

Следующим был Храм Чистого Просвещения, и мальчики настолько чисто исполнили «Пагоды-Близнецы у Ручья с Орхидеями», что все продавцы вокруг растаяли как воск, и горы конфет, засахаренных фруктов и медовых лепешек исчезли в разинутых ртах.

— Надежда империи! — закричали Лунный Мальчик и Утренняя Печаль, матрона подхватила, а жесткий старый господин поклялся пройти небо и землю, но добиться того, чтобы его правнуков зачислили в класс Мастера Ли.

Камни Конфуция — самый священный экспонат из всего, что есть на выставке (ряд камней, на которых вырезаны лица и имена всех двадцати тысяч персонажей, упоминаемых в книгах мастера). Их окружает низкая ограда с табличкой, на которой написано: «Смотри, но не трогай!» Мастер Ли выстроил своих ангелочков напротив нее и «Плывущая Сине-Зеленая Башня» исторгла слезы из глаз каждого вокруг, в том числе и из моих. Достойный дар Величайшему!

— Надежда империи! — закричали Лунный Мальчик и Утренняя Печаль, матрона и старый господин с медалями.

Продавцы не могли успокоиться несколько минут. Я заметил, что некоторые мальчики позеленели. Они повернулись, ища руками за что схватиться, и это оказалась низкая ограда. Они схватились за нее и исторгли наружу содержимое своих ангельских желудков. Прямо на священные Камни Конфуция.

— Миллион несчастий, — прорычал Мастер Ли.

Однако люди старой закалки готовы к любым неожиданностям, и Мастер Ли вместе с жестким господином объединили усилия, наняли бригаду с ведрами и они залили водой все камни. Тщательность — тоже признак старой закалки, и Мастер Ли не успокоился, пока не вынул из одежды несколько больших листов бумаги и приложил ко всем выемкам священного текста. К счастью оказалось, что у него есть и большая синяя губка, которой он так рьяно протер поверхность, что некоторые листы бумаги посинели. Когда он поднял эти листы, камни оказались почти сухими и выглядели, как новые.

Тем временем аудитория объясняла разгневанным стражникам, что это их вина, они закормили мальчиков сладостями, а матрона и господин с медалями вместе заплатили штраф. Когда Мастер Ли вел мальчишек обратно, все глаза наполнились слезами, а хор за ними ревел «Надежда Империи».

Мастер Ли привел мальчишек на уединенную лужайку. — Все в порядке, пацаны, расслабьтесь, — сказал он.

Мальчики попадали на траву, стали кататься и тузить друг друга, умирая от смеха. — Пожалуйста, господин, можно взглянуть? — спросил один из них, придя в себя.

Мастер Ли протянул ему лист бумаги. Чернила от губки дали изумительно четкие оттиски. Очень трудно найти настоящие отпечатки Камней Конфуция, почти невозможно. Мальчики стали упрашивать Мастера Ли взять их с собой и сделать настоящими преступниками, но он посоветовал им остаться в школе и как следует учиться, чтобы, когда придет время, легко дурачить народ. Потом он вернул их школьному учителю и занял его место в винной лавке.

Старый мудрец заказал вино по имени *као-линь*, ужасное на вкус, но которое замечательно удаляет краску, и начал, используя его, удалять крышки во всех 兌, которые сопровождали 礻 на оттисках и заменять их плоскими 克. Потом он вышел из лавки и мы отправились по улице Багрового Воробья к Голове Дракона.

— Брат Косоглазый подделал закодированный манускрипт Сыма Цяня, грубо обведя все его линии, и тот, кто приобрел копию монаха, обязательно решил, что имеет дело с самой очевидной и нелепой подделкой в истории, — объяснил он. — Если глупый монах действительно приносил копию в Чанъань и пытался продать ее, просто чудо, что ему не отрубили голову на месте. Однако в столице есть место, куда можно принести любой манускрипт и, возможно, какой-нибудь жалостливый человек расскажет, куда с ним идти.

«Павильон Благословленных Небес» — самая большая библиотека в мире, и, помимо оригинальных рукописей, в ней хранится коллекция подделок. Ученые изучают и то и другое, и многие неумелые подделки хранятся только ради смеха. Мастер Ли направился прямо к главному библиотекарю, Лиу Ксияню.

— Привет, Кси-янь, — весело сказал он.

— *Заприте все манускрипты! Заприте серебро и подсвечники! Заприте ваших жен, проверьте кольца и кошельки*, — воскликнул главный библиотекарь. — Здравствуй, Као. Что привело тебя обратно в цивилизованный мир? — продолжал он уже нормальным голосом.

— Приехал кое-что купить. В моей мастерской стало как-то уныло, и я решил повесить на стену какую-нибудь подделку.

— Ты хорошо знаешь, что мы не продаем ничего из нашей коллекции, — чопорно сказал библиотекарь.

— Кто говорит о продаже? Лично я только об обмене, — сказал Мастер Ли, вынул оттиски и положил на стол. — Подумай о работе, которая вложена в эти вещи, — со смешком сказал он.

— Кому нужны фальшивые оттиски? — скептически сказал библиотекарь.

Он небрежно взглянул на них, потом посмотрел более внимательно, а потом начал издавать сдавленные звуки. Не сразу я понял, что это смех. Библиотекарь вскочил на ноги и обнял Мастера Ли, а потом оба старика повисли друг на друге, кашляя от смеха и тяжело дыша. Мне и Лунному мальчику пришлось постучать их по спине, чтобы они пришли в себя и успокоились.

— Смешно, а? — сказал Мастер Ли, вытирая глаза. — Подумай о том, сколько месяцев потребовалось этому идиоту, что нарисовать эти оттиски.

— Месяцев? Если он, скажем, рисовал десять лиц в день... Семь лет! — фыркнул библиотекарь.

Мастер Ли повернулся к нам. — Дети, а вы видите, почему это смешно?

Мы почесали головы. — Лично для меня они выглядят как самые настоящие оттиски Камней Конфуция, — недоуменно сказал я.

— Посмотрите на эти иероглифы — здесь и здесь. Вы понимаете, что они значат?

— Да, господин, — гордо ответил Лунный Мальчик. — Это означает фамилия, и вместе с—

Библиотекарь прервал его. — А, ты не понимаешь. Во времена Конфуция так не писали! — счастливо воскликнул он. — Видишь эти плоские линии? В старину здесь рисовали не плоские линии, а крышечки, вот так, — и он быстро изобразил 兌, — так что этот идиот говорит, что Конфуций не мог —

Лицо Лунного Мальчика осветилось. — Конфуций не мог даже —

Лицо Утренней Печали осветилось. — Конфуций не мог даже —

— *Конфуций не мог даже правильно написать слово «предок»*! — проорал я.

Теперь уже мы трое повисли друг на друге, вопя и кашляя, а библиотекарь и Мастер Ли стучали нас по спине, пока мы не пришли в себя.

— Као, это действительно настоящий шедевр глупости, и если у тебя есть что-то на уме, давай, говори, может мы и договоримся, — сказал библиотекарь.

Мастер Ли почесал кончик носа. — Я бы хотел что-нибудь этакое, вроде подделанной истории. У тебя есть что-то новенькое?

— Не на этом уровне. Такое встречается не каждый день — но подожди! Как насчет настоящих заметок Сымя Цяня?

— Хм, звучит заманчиво, — небрежно сказал Мастер Ли.

Библиотекарь позвонил в колокольчик. — Совсем недавно какой-то глупый монах принес самого поддельного из всех поддельных Сыма Цяней, которых я видел за свою жизнь, к тому же обведенного им самим. Принеси его, — сказал он появившемуся помощнику.

Совсем просто. Спустя несколько минут мы шли из «Павильона Благословленных Небес», и Мастер Ли держал в руках копию манускрипта, сделанную братом Косоглазым.

# ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мы нашли приятный маленький парк, купили пироги с кузнечиками и сливовый сок у какого-то продавца, и уселись на траву под софорой[36]. Мастер Ли уже пробежал глазами подделку Брата Косоглазого. Выходя из библиотеки он ухитрился пройти через одно из хранилищ рукописей, поэтому под его одеждой оказался еще и древний свиток, на котором стояла печать «Доступ ограничен: только для посвященных». Он положил свиток, подделанный манускрипт и отчет об образцах почвы и растений на траву, и сосредоточился на пироге с кузнечиками. Потом повернулся к нам и махнул пальцем.

— Расскажите мне историю об императоре и мандаринах, — приказал он.

Мы недоуменно уставились на него.

— Господин? — слабо спросил я.

— Вы слышали меня.

Мы переглянулись, и в конце концов Лунный Мальчик пожал плечами. — Давным-давно жил на свете император по имени Ли Лин-чи, — начал он. — Он был хороший человек. Он был настолько хорошим, что птицы летали вокруг его головы и пели хвалебные песни, а бабочки танцевали для него.

— Он был настолько хорошим, что рыбы и лягушки выскакивали из прудов, чтобы получить его благословение, — подхватила Утренняя Печаль. — Он был настолько хорошим, что в праздничные дни сами боги спускались с небес и пили с ним чай. Чай с мандаринами, поскольку он любил мандарины больше всего на свете. И его народ наслаждался жизнью, потому что он не любил то, чем обычно развлекаются императоры: войны и убийства.

— Ли Лин-чи становился все лучше и лучше, — продолжил я. — Он стал настолько хорошим, что даже не мог вынести вида зла и приказал своему любимому мастеру сделать себе корону с вуалью из восьмидесяти восьми драгоценных камней, а чтобы не слышать зло добавил к ней наушники, тоже драгоценные. Так что он видел только прекрасное и слышал тинк-тинк-тинк, за исключением дней праздников, когда снимал свою корону, чтобы попить чай с богами.

— Чай с мандаринами, но вот наступил день, когда на столе не оказалось ни одного мандарина, — сказал Лунный Мальчик. — Император разгневался. «Как я могу пить чай без мандаринов», воскликнул он. «О Сын Неба», ответил управляющий, «сейчас зима, а зимой мандарины не растут в садах, даже в садах Сына Неба». Но император не дал себя провести. «Но последней зимой на моем столе не переводились мандарины!» . «О Сын Неба», ответил управляющий, «последней зимой на дорогах не было высоких сугробов, и на равнинах не бушевали снежные бури. Товары с далекого юга, где мандарины

36 Софора (лат. SophCra) – род растений семейства Бобовые (Fabaceae), включающий 45 видов небольших деревьев и кустарников.

растут даже зимой, не могут достигнуть столицы». «Ты хочешь сказать, что мои подданные на юге обжираются апельсинами, когда их император не видит даже корки? Сейчас мы все изменим», крикнул император.

— Он прыгнул на верхушку трона, — сказала Утренняя Печаль. — К тому времени он стал настолько хорошим, что, когда он вытянул руки к югу, все южные растения и деревья выкопались из земли и полетели на север, чтобы получить его благословение. Очень скоро мандарины зацвели в садах столицы. Боги, которые пришли к нему пить чай, в ужасе закричали «Остановись! Остановились!», но император был в своей короне и услышал только тинк-тинк-тинк.

Тогда боги послали кометы, видения и предсказания, но император по-прежнему видел только прекрасные сияющий камни. Тем временем на юге не стало еды, крестьяне начали умирать от голода, их тела заполнили все рвы и канавы, как если бы была война и убийства.

— Сам Нефритовый Государь взглянул вниз со своего трона, — сказал я. — Его разгневанный рык сбросил все мандарины с деревьев императора, потом он слетел вниз и заставил Ли Лин-чи съесть каждый кусок каждого упавшего фрукта, и император раздулся, как Небесный Вепрь. Потом Нефритовый Государь махнул рукой, южные растения и деревья полетели обратно на юг, потом он схватил императора и зашвырнул его на небо. Но из-за всех этих мандаринов императора так перекосило, что он полетел в сторону и поэтому мы до сих пор видим его.

— Каждые семьдесят пять лет, — сказал Лунный Мальчик, — крестьяне смотрят на небо и видят блестящую комету, летящую к земле. Она оранжевого цвета, из-за мандаринов внутри императора, ее сверкающий хвост — драгоценные вуаль и наушники, и если вы внимательно прислушаетесь, услышите, как у него бурчит живот.

— Баю баюшки-баю! — пропели мы все вместе. — Не ложися на краю, злой Лин-чи к тебе придет и на небо унесет!

Мы сидели, чувствуя себя полными дураками. Мастер Ли еще немного похрустел кузнечиками и глотнул вина.

— Эта маленькая сказка не дает покоя ученым уже много веков, — сказал он. Частично она основана на событиях из жизни императора Хуан-Ди[37], кото-

37 Хуан-ди или Жёлтый император (рис. 3) – легендарный правитель Китая и мифический персонаж, который считается также основателем даосизма и первопредком всех китайцев.

Один из пяти легендарных императоров древнейшего периода истории Китая, относящегося к третьему тысячелетию до н. э. Традиционно временем его жизни в Китае называют период ок. 2600 до н. э. Согласно Сыма Цяню, Хуан-ди после трудной борьбы сумел подчинить себе вождей отдельных племён и создал первое китайское государство в горах Куньлунь – далеко на западе от бассейна реки Хуанхэ.

Установив мир, Хуан-ди принёс жертвы богам, назначил чиновников-управителей и ввёл первые в стране законы. Хуан-ди имел 25 сыновей, 14 из которых стали родона-

рый действительно пытался отгородиться от реальности драгоценной вуалью и наушниками, но остальное полная загадка. Быть может речь идет о вторжении с юга? Или о давно забытой эпидемии чумы? Некоторые ученые утверждают, что это воспоминание об очень редком феномене: о внезапном изменении *чии*, жизненной силы, в различных климатических зонах. Не будем говорить о внезапности, но, теоретически можно себе представить, что гигантская концентрация силы чии в одном месте может уничтожить все более меньшие силы, и, следовательно, все на своем пути, и не имеет значения, собирался ли кто-то сделать добро, как Ли Лин-чи, или зло, как Смеющийся Принц.

Он бросил последнего кузнечика в пруд собравшимся рыбам, и взял украденный манускрипт.

— Верите ли вы мне или нет, не имеет значения, но с этого момента запаситесь терпением, — сказал он. — Прав ли я предположив, что вы все уснули, прочитав первые две строчки «Сна в Красном Тереме»[38]?

Утренняя Печаль, Лунный Мальчик и я покраснели до ушей. Дело в том, что в «драгоценном камне Китайской литературы» около двух тысяч страниц и примерно столько же персонажей, и его главный герой — женоподобный осел, которому надо либо надрать уши, либо отрубить голову, и то и другое мало приятно.

— Не имеет значения, — сказал Мастер Ли. — Книгу переписывали бесконечное количество раз, как Као Нго, так и люди с меньшими талантами, и последние версии мало напоминают оригинал. А оригинал рассказывает крайне любопытную историю. Слушайте внимательно.

Он развернул свиток, нашел нужно место и начал читать один из самых странных и непонятных рассказов о волшебстве, которые я когда-нибудь слышал.

Итак, случилось это в незапамятные времена, когда на склоне Нелепостей в горах Великих вымыслов богиня Нюйва[39] выплавила тридцать шесть тысяч пятьсот один камень, каждый двенадцать чжанов[40] в высоту, двадцать четыре чжана в длину и столько же в ширину, чтобы заделать ими трещину в небосводе. Но один камень она отвергла из-за серьезного изъяна. Общение с богиней позволило камню приобрести душу, но это оказалась злая душа, душа с изъяном. Кто бы подумал, что камень этот, пройдя переплавку, обретет чудесные

---

чальниками известных китайских кланов.

38 «Сон в красном тереме» — наиболее популярный из четырёх классических романов на китайском языке. Первые 80 глав принадлежат перу Цао Сюэциню и вышли в свет под названием «Записки о камне» незадолго до его смерти в 1763 г.

39 Нюйва, одна из великих богинь китайского (даосского) пантеона (рис. В).
Создательница человечества, избавительница мира от потопа, богиня сватовства и брака; изображалась в виде фигуры с головой и руками человека, и с телом змеи.

40 Чжан — мера длины, в современном исчислении 3,2 м.

свойства — сможет двигаться по Небесам, становиться то больше, то меньше, но всегда творить зло, и наконец сам император вынужден был вмешаться.

Неисповедимы пути, по которым движется мысль Нефритового Государя. На Небе рос цветок Пурпурная Жемчужина, еще более испорченный и злотворный, чем сам камень. Небесный император посадил его в пустынном месте за Рекой Душ, и в своих странствиях камень добрался до нее. Зло притягивает зло, и камень поспешил принести воду, чтобы полить цветок. Пурпурная Жемчужина расцвела и стала самым прекрасным цветком на небе, капли дождя и небесная роса рассеяли ее зло, и она влюбилась в камень. Она поклялась, что если когда-нибудь возродится на земле, то закроется в Сфере Запрещенных Страданий, найдет Источник Печали и будет собирать в себе все слезы и, если представится возможность, заплатит свой долг камню, отдав все до единой слезы своего тела.

Очень странная и в высшей степени важная клятва цветка. Камень вернулся на землю и попал в руки Лао-цзы, который крикнул «Зло!» и отбросил его прочь. Побывал он и в руках Чжуан-цзы[41], который крикнул «Зло!» и отбросил его прочь. И камень затаился в темноте, поджидая руку, которая не отбросит его прочь, и которая будет обладать им, а камень завладеет его душой. И этот камень является Камнем Зла, и его вредоносность будет распространяться, не встречая сопротивления, если его не смочит своими слезами Пурпурная Жемчужина.

И пускай ни один человек не вмешивается в судьбу цветка, потому что исхода событий ждут богиня Нюйва и Нефритовый Государь.

Мастер Ли положил свиток на траву. Я свернул голову очередному кузнечику. — Это все? — недоверчиво спросил я.

— Нет, если верить Сыма Цяню, — ответил Мастер Ли. Он подобрал копию Брата Косоглазого и быстро расшифровал скрытый текст.

«История *Красного Терема* правильно говорит о камне, табличка из Пещеры Ю... Подтверждаю реакцию Лао-цзы и Чжуан-цзы... Принц Лиу Шень напал на след камня... Поглощенный камнем, стал Смеющимся Принцем... Тайное место... Вниз по лестнице... Погреб... Туннель на стройплощадку.... Камень в святилище... Появилась плоскость... Плоская гладкая область, окружающая вогнутый сосуд... Нашел топор... Разбил плоскую область вокруг сосуда... Вторым ударом отбил маленькую пластинку... Солдаты схватили, не смог уничтожить... Попал в плен... Ужасный приговор... Ученые, ищите Камень Зла!... Уничтожьте его!... Зло, которое поглотило человека может поглотить мир».

41 Чжуан-цзы, также Чжуан Чжоу — знаменитый китайский философ предположительно IV века до н. э. эпохи Сражающихся царств, входящий в число учёных Ста Школ.

Мастер Ли положил копию рядом со свитком.

— Сыма Цянь был очень храбрым человеком, — сказал он. — Но прав ли он был, когда говорил об этом загадочном камне, или нет, мы не знаем. Он предположил, что Цао Сюэцинь, автор Красного Терема, прочитал историю камня на табличке, взятой из Пещеры Ю. Вы знаете, что это означает?

Мы отрицательно покачали головой.

— Говорят, что легендарный Император Ю получил какие-то таблички прямо с Неба, и спрятал их в пещере, — объяснил Мастер Ли. — Их называют «Анналами Земли и Неба», потому что то, что на них написано, касается судеб людей и богов. Когда кто-нибудь приносит старые глиняные таблички, говорят, что он пришел из пещеры Ю. Обычно на табличках бывает написано что-то выгодное для того, кто их приносит, но пару раз они содержали пророчества, оказавшиеся на удивление правильными.

Он поднял отчет о почве и растениях, и махнул им в моем направлении. И выражение его лица заставило меня поежиться.

— Десятый Бык, если верить этой бумажке, в земле Пути Принца нет абсолютно ничего плохого, как ничего плохого не было в южных растениях и деревьях, пока Император Ли Лин-чи не махнул рукой, — прорычал он. — Если отбросить некоторые преувеличения, то в этом рассказе нет ничего невозможного. Огромная концентрация силы чии притягивает к себе более меньшие жизненные силы, как магнит притягивает к себе железо. — Глаза мудреца буравили мой мозг. — Сразу после того, как часть Пути Принца была уничтожена, тебе приснился сон. В нем ты почувствовал экстраординарную чии, пульсирующую жизненную силу, исходящую из маленького круглого куска глины, окрашенного в оранжевый цвет. Не хотел ли твой спящий рассудок подвести тебя к истории о императоре и мандаринах?

Мой рассудок был пуст и непроницаем, как лужа грязи. Я машинально сглотнул свой сок.

— Камень, который касается небес? — громко спросил Мастер Ли. — Камень, которому поклоняется Смеющийся Принц? Точно мы знаем только одно: что-то уничтожило часть Пути Принца и с этим «что-то» связан непонятный звук.

Лунный Мальчик сглотнул. Его глаза расширились от удивления. — Я думаю, что могу объяснить вам, что это был за звук, — тихим голосом сказал он.

В конфуцианских храмах нет священников или прихожан, о них заботится гильдия производителей колоколов. Поэтому в каждом из них есть *пинчан*, ряд из шестнадцати каменных колокольчиков, висящих на деревянной стойке. У колокольчиков нет язычка, и, чтобы ударить в них, надо взять деревянную палку, висящую рядом, хотя, конечно, у большинства людей они звучал гулко и неинтересно. На деревянной рамке обычно написано: «Когда колокол

говорит, камень отвечает», потому что хорошо настроенный металлический колокол должен зазвучать в точности так же, как каменный, и настоящий мастер настраивает колокола именно так.

Конфуцианский храм находился неподалеку. Лунный Мальчик ласково пробежал руками по каменным колокольчикам, он был в своей стихии.

— Древние делили музыкальные инструменты по категориям, соответственно триграммам Фу Си, — сказал он, и у меня мелькнула сумасшедшая мысль, что сейчас опять последует еще одна лекция о лютне Вен-Ву. — Каждый инструмент определяется четырьмя качествами: материалом, из которого он сделан, направлением, в котором сосредоточена основная сила, временем года и связанным звуковым феноменом.

Он погладил рамку, сделанную из кусочков бамбука.

— Например с губной гармошкой можно связать тыкву, северо-восток, зиму/весну и звук грома. Цитра: шелк, юг, лето, звук огня. Древние легко классифицировали все инструменты, но запутались, когда дошли до звучащих камней, и спор длился почти шесть столетий. Конечно первые три пункта не доставили проблем: камень, северо-запад и осень/зима. Но связанный звук вызвал отчаянный спор, и даже то, к чему они пришли, оспаривается до сих пор. Это не так-то легко, но я попытаюсь показать, почему они выбрали именно такой звук.

Он взял два каменных колокольчика, и повесил так, что их устья почти касались друг друга. Потом взял две палки и махнул ими, почти коснувшись боков колокольчиков.

— Бык пытался описать странный звук, который слышал на Пути Принца, — сказал он. — Мастер Ли только что рассказал о камне, которого коснулось небо, и который, возможно, обладает невероятной силой чии. А я знаю, что у камня есть два звука, и большинство людей слышат только тот, который идет от поверхности. Но есть и второй, звук души камня.

Он начал касаться палками сторон колокольчиков, очень легко и очень быстро. Храм наполнился гулким монотонным звуком. Руки Лунного Мальчика задвигались быстрее, меня начало тошнить. Руки стали расплываться, появилось жужжание, которое заставило содрогнуться весь храм. Лунный Мальчик нагнулся, его рот почти коснулся узкой щели между колокольчиками, горло завибрировало как у жаворонка. Я сообразил, что он что-то делает с обеими колокольчиками одновременно, но слышал только жужжание. По лицу Лунного Мальчика потек пот. Его горло вибрировало все быстрее и быстрее. «Когда колокол говорит, камень отвечает», и камни начали отвечать. К жужжанию добавился почти неслышный звук, постепенно становившийся все громче. Потом звук прорвался наружу, как бы сбросив с себя оковы, и мое сердце едва не разорвалось напополам.

*Кан.....шан.....чуеееееееееееееееееее...*

На Дороге Принца Мастер Ли не слышал ничего, но сейчас он выглядел так, как если бы кто-то ударил его шестом от барки. Утренняя Печаль рыдала. — Он! — крикнул я. — Тот самый звук! Но тогда он был в тысячу раз чище и сильнее!

*Кан.....шан.....чуеееееееееееееееееее...*

Лунный Мальчик шагнул назад, устало вздыхая и обливаясь потом.

— Древние, — тяжело дыша сказал он, — решили, что связанный с душой камня звуковой феномен — не больше и не меньше, чем Голос Небес.

— Ну и ну, — сказал Мастер Ли.

И всю дорогу обратно в Долину Скорби Мастер Ли задумчиво повторял. — Хорошо, очень хорошо... Хорошо, очень хорошо... Хорошо, очень хорошо...

Давно я не видел его таким счастливым.

Увидев нас принц Лиу Пао пришел в восторг. В первый момент я тоже обрадовался, но потом Мастер Ли представил принцу Утреннюю Печаль. Принц Лиу подпрыгнул в воздух почти на чи, потом покраснел, побелел, опять покраснел, а весь дальнейший разговор протекал примерно так:

— Хотите чаю?

— Нет, благодарю вас, Ваше Высочество, — сказала Утренняя Печаль.

— Может быть вина?

— Нет, благодарю вас, Ваше Высочество, — сказала Утренняя Печаль.

— Фрукты, пирожные?

— Нет, благодарю вас, Ваше Высочество, — сказала Утренняя Печаль.

— А как насчет лебедей, — с надеждой спросил принц. — Деньги? Овцы? Шелк?

Да это же классические свадебные подарки, с ужасом понял я. На Лунного Мальчика принц отреагировал почти так же сильно, и спустя несколько минут все трое стали настолько близки, что я невольно вспомнил слова Утренней Печали: «*Лунный Мальчик и я думаем, что мы две части одной души, которая каким-то образом разделилась Великим Колесом Перерождений, и одной части нет до сих пор*». Неужели исчезнувшая душа поселилась в Принце Лиу Пао? Я даже спросил Мастера Ли, но тот проворчал что-то невразумительное.

Ему было о чем подумать. Загадочный камень Смеющегося Принца — вот что занимало все его мысли, он устроился в библиотеке монастыря и начал процеживать документ за документом в поисках любых упоминаний о необычном камне. Он попросил принца проделать то же самое с семейными бумагами, а меня послали в деревню, поговорить с крестьянами и послушать их песни и легенды.

И еще кое-что копошилось в глубине моей памяти, отталкивая Утреннюю Печаль и принца, но никак не могло выйти наружу. Истории о камнях, которые старухи нашей деревни рассказывали мальчикам, ничем не отличались от мно-

жества таких же историй, которые я слышал в других местах, и я попробовал вспомнить сказки, которые рассказывал наш кузнец. Мы, мальчишки, роились вокруг него как пчелы вокруг цветка, и я решил поспрашивать у местных мальчишек, не слышали ли они сказки о камнях. После того, как я пару раз поднял наковальню и согнул руками железные прутья, все мальчишки ходили за мной стайкой, и через пару дней я ворвался в монастырскую библиотеку.

— Камень! Магический камень, — крикнул я с порога. Мастер Ли отбросил свиток, который держал в руке, и уставился на меня. — Это сказка о мальчике, и очень древняя, — радостно начал я. — Я слышал только смутное описание, но речь идет о герое, который проник в тайные подземелья и нашел магический камень. Знаете, что он попытался сделать с его помощью? — риторически спросил я. — Убить Смеющегося Принца, вот что!

Мастер Ли откинулся на спинку стула и сжал вместе кончики пальцев. — Хорошо, очень хорошо, — сказал он.

## ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Взрослым посетителям редко разрешали посещать собрания Священного Ордена Волка, но Принц Лиу Пао не был обычным посетителем. Ярко светила луна. Я услышал, как сова ухнула три раза, кот два раза мяукнул в ответ, из темноты скользнул мальчик и повел нас через густой кустарник к склону низкого утеса. Принц, Мастер Ли, Лунный Мальчик, Утренняя Печаль и я встали на колени и проползли в дыру. Встав, мы оказались в маленькой пещере. Тринадцать мальчиков, от одиннадцати до четырнадцати лет, церемонно приветствовали нас. Так получилось, что как раз сейчас в элитную банду Долины Скорби принимали нового члена, тринадцатилетнего Лысого Малыша, и нам разрешили остаться, пока новичка знакомили с кодами и паролями.

У задней стенки пещеры горел один-единственный факел. На полу пред ним лежал скелет мальчика, примерно такого же возраста, как и члены банды. Очень древний скелет, и мальчик явно умер не своей смертью. Железный наконечник старинного копья разворотил ему всю грудную клетку. Мы последовали примеру бандитов и поклонились костям.

Главарь называл себя Ухо Оленя. — Мы поклоняемся Волку, как наши отцы, деды и отцы наших дедов, — торжественно объявил он. — Мы собрались здесь, чтобы оказать ему честь, и я разрешаю нашим высоким гостям добавить еще одну деталь к его истории.

Мальчики уселись полукругом вокруг скелета, мы сели рядом с ними, и Ухо Оленя снял с пальца скелета древнее кольцо. Он вежливо протянул его принцу, который бегло осмотрел его и передал дальше. Обыкновенное кольцо из черного железа, но на нем была вырезана голова волка. Мастер Ли с большим

интересом изучил слабые линии на кольце, я тоже посмотрел и ничего не понял. Мы вернули кольцо Уху Оленя, и тот почтительно надел его на палец скелета.

Потом последовала краткая церемония посвящения нового бандита, Лысого Малыша, но основная часть должна была произойти позже, после нашего ухода. Ухо Оленя монотонным голосом начал рассказывать историю Волка, и я полностью разочаровался. Я слышал тысячи таких историй и точно знал, что произойдет дальше.

Однажды один дровосек нашел у порога своей хижины корзину с ребенком. На шее ребенка висели кольцо и маленькая глиняная табличка. Но ни сам дровосек, но его жена не умели читать, поэтому они отнесли табличку священнику, который прочитал иероглифы на ней: «Когда палец станет соответствовать кольцу, приведи мальчика в Храм Весны». Детей у дровосека с его женой не было, и они решили вырастить мальчика как своего, а поскольку на кольце была вырезан голова волка, назвали его Волком.

Когда мальчику исполнилось двенадцать и кольцо подошло к его пальцу, дровосек привел его в Храм Весны, настоятель которого прославился тем, что умел разрешать самые сложные жизненные ситуации. Настоятель порылся в своих записях и сказал, что, поскольку Волк уже достаточно взрослый, то, согласно инструкциям, которые некто оставил в храме двенадцать лет назад, мальчику можно сообщить, что у него есть двоюродный брат, живущий в долине Линь-чоу, очень умный человек, которого зовут Мастер Ах. Волк должен найти своего кузена и это все, что ему нужно знать. Кроме того настоятель дал Волку деревянный лук, единственное наследство, не считая кольца, и после множества слез, пролитыми во время расставания с приемными родителями, Волк отправился навстречу судьбе.

Мастер Ах оказался классическим негодяем. Жадный и жестокий, он превратил мальчика в раба, которому приходилось работать до полусмерти, но, по меньшей мере, Волк узнал, что его мать умерла во время родов, отца звали Ли Тан, и он был искуснейшим ремесленником. А потом отец Волка влюбился в наложницу владельца соседней долины, Долины Скорби. Эта наложница оказалась ведьмой. Князь купил ее у варваров, ее звали Огненная Корона, из-за огненно-красных волос, и у нее была дочь, Девочка Огонёк, которой было столько же лет, как и Волку. Ведьма и отец Волка попытались убить владельца долины, Смеющего Принца, их казнили, но маленькие дети исчезли и таким образом выжили.

— Однажды, — сказал Ухо Оленя, — у дверей Мастера Ах появился загадочный незнакомец. Они много часов что-то тихо обсуждали, а потом позвали Волка. Увидел лицо незнакомца, Волк задрожал от страха, потому что—

— Волк не боялся ничего, — негодующе сказал Лысый Малыш. Правильный образ мысли, для новичка.

— Волк задрожал от страха, потому что лицо незнакомца было белым, как у смерти, — прошипел Ухо Оленя. — Тошнотворно, отвратительно белым, с выпученными синими глазами, а сердце незнакомца было холодным, рыжая борода наползала на его лицо, как волосатый паук, и он был—

— ...пьян, — опять вмешался Лысый Малыш. — Как-то отец взял меня в Сучоу, где множество варваров, и они всегда пьяные.

— Он еще не коснулся кувшинчика с вином, и не перебивай, — крикнул Ухо Оленя. — Он сказал Волку, что он купец, из каравана, который идет из Самарканда с грузом...

Ухо Оленя остановился и выжидающе посмотрел на гостей. Мы должны были добавить какую-нибудь маловажную подробность к его рассказу, потому раньше никого не волновал груз этого каравана. Мальчик поклонился принцу, но тот переадресовал поклон Мастеру Ли.

— Беличьи шкурки из Славонии, — нараспев сказал Мастер Ли. — И совершенно новые одежды из беличьего меха, меха со спины и меха с живота. Ласточки и зяблики, бараньи и козлиные шкуры, финики, фундук, лесные орехи, соленые хвосты осетров, круглый перец, имбирь, шафран, гвоздика, мускат, кардамон, мята, скаммоний, манник, шеллак, цедоария, благовония, ртуть, медь, янтарь, мелкий жемчуг, бура, арабская камедь, конфеты, золотая проволока, вина, рубиновая кровь дракона, шулерские игральные кости и красивые танцовщицы.

Пока Мастер Ли неторопливо добирался до игральных костей и танцовщиц, мальчишки сидели в почтительном молчании, впитывая в себя каждое слово. На следующие десять или двенадцать столетий груз Мастера Ли станет частью рассказа о Волке.

Голос Уха Оленя изменился, стал похож на мерзкий вкрадчивый шепот. — «Что за прекрасный мальчик» сказал незнакомец. «Умный и мужественный. У меня есть работа, как раз для такого мальчика, и если он исполнит ее, то получит шесть блестящих медных монет». Волк молча поглядел на него. Лицо незнакомца внезапно перекосилось, как от страшной боли. «Ну хорошо, *семь*!» проскрипел он. «Видишь ли, у меня есть племянница — невоспитанная и неблагодарная девчонка! — которая украла очень ценную гемму и, чтобы скрыть воровство, проглотила ее, а потом спряталась в маленькой пещере в конце долины. Взрослый не в состоянии пролезть туда, но умный ловкий мальчик легко заползет внутрь и выведет мою племянницу наружу».

Волк не хотел участвовать в этом деле, но Мастер Ах настаивал. Нечего делать, Волк взял кольцо, лук и факел, и через маленький лаз проскользнул в темную пещеру.

С этого момента история стала по настоящему интересной, во всяком случае для меня, и, как впоследствии оказалось, для Мастера Ли, тоже, и я запишу так много, как могу вспомнить.

## Мальчик Волк и Девочка Огонёк

Волк зажег факел и огляделся. В пещере не было никого, но в самом конце был темный угол, и, когда он подошел к нему, то с удивлением увидел уходящую вниз лестницу. Глаза Волка сверкнули, он подумал о зарытых сокровищах, натянул тетиву на лук, убедился, что может быстро достать нож, и начал спускаться. Одна ступенька за другой, лестница все дальше и дальше уводила его вниз, но вот Волк услышал звук бегущей воды. Что-то сверкнуло в свете факела, и он осознал, что находится в огромной пещере, по которой бежит подземная река с чернильно-черной водой, под цвет окружающего камня. Справа от него что-то светилось, он осторожно пошел туда и оказался рядом с первым в длинной линии факелов, освещавших массивную каменную стену.

Факелы горели настолько ярко, что Волк погасил свой. У причала была привязана маленькая красная лодка. Рядом находился другой причал, весь в мокрых пятнах. Пятна были совсем свежие, Волк отвязал маленькую лодочку, забрался в нее и доверился потоку. По берегам стояли огромные статуи, вырезанные из камня. Волк с изумлением смотрел на человеческие тела с головами животных или птиц. Что бы это могло значить? В пещере царила тишина, только трещали факелы и плескалась вода. И ничего не шевелилось. Лодка плыла по течению, рыская из стороны в сторону. Все было черным или серым, кроме оранжевого света факелов, но внезапно Волк увидел красную вспышку. Он направил лодку к берегу, туда, где большая каменная полка нависала над потоком, и под ней увидел красную лодку, как две капли воды похожую на его. Он привязал свою рядом, вышел на берег и увидел след сандалий, еще мокрый, ведущий на холм из скатившихся сверху камней. Волк начал карабкаться, прямо по следам, и скоро выбрался на маленькую ровную площадку.

Что-то обрушилось на него сзади и сбило на землю. Перед лицом сверкнул нож, маленькая рука попыталась оттянуть голову назад. Волк лягнул ногой, перекатился, перехватил нож и сумел оказаться наверху. Оказалось, что он глядит на девочку его возраста, китаянку только наполовину, с огненно-рыжими волосами. Она шипела, как кошка и яростно сражалась, но Волк был намного сильнее, он схватил ее руки, а потом мальчик и девочка перестали драться.

Внизу, на берегу реки, послышались шаги, тяжелые шаги мужчин. До детей донесся грубый смех, клацанье оружия и хриплые голоса. Волк и девочка отпрянули друг от друга, бесшумно подползли к краю каменной площадки и заглянули вниз. Солдаты, с жесткими лицами убийц, в мундирах Смеющего Принца, и Волк сообразил, что эта пещера должна бежать под всей Долиной Скорби. Солдаты прошли мимо и исчезли в темноте, а Волк и девочка сели и посмотрели друг на друга.

Кое-что было очень странным. Факелы были далеко, тем не менее они видели друг друга, как если бы свет горел за их спинами. Оказалось, что светятся лук Волка и одна из стрел в колчане девочки, очень ярко. Дети взяли их в руки

и недоуменно уставились на них. На луке и на стреле ярко светились надписи — написанные огнем. Волк взглянул на девочку и покраснел.

— Я не умею читать, — прошептал он.

— Я умею, немного. — Девочка взяла лук Волка, почесала голову, сморщила нос и, запинаясь, медленно прочитала:

*В темноте чахнет драгоценный камень.*
*Когда его превосходительство околдует мир?*

Потом она взяла стрелу, опять почесала голову, еще больше сморщила нос и прочитала более уверенно:

*Драгоценный камень, скрытый во тьме*
*Стремится исполнить свою судьбу.*

Они уставились друг на друга. Наконец Волк сказал. — Меня зовут Волк, моего отца звали Ли Тан, он был ремесленником. Я никогда не видел его, но он оставил мне этот лук и железное кольцо.

— Меня зовут Девочка Огонёк, мою мать звали Огненная Корона, и она была ведьмой, — сказала девочка. — Я никогда не видела ее и она оставила мне вот эту стрелу.

— Говорят, что мой отец и твоя мать пытались убить Смеющегося Принца, — сказал Волк. — А этот торговец-варвар действительно твой дядя? Он сказал, что ты кое-что украла, но я не верю ему.

— Что-то украла? — Девочка зло сплюнула. — Его зовут Борода-Лопатой, он настоящий варвар и собирался продать меня в наложницы Смеющему Принцу, как когда-то продал мою мать. Я убью его, когда представится случай.

Пока они говорили между собой, сияющие буквы на луке и стреле погасли, но появился третий свет, который лился из кольца на руке Волка, и мальчик снял его с пальца. Никакие новые буквы не появились, но странные линии и отметки засияли ярким светом. Волк внимательно изучил отметки и заметил, что светятся далеко не все линии. На самом деле светлые линии бежали параллельно темным, скрещиваясь, пересекаясь и поворачивая.

— Не может ли это быть карта лабиринта? — прошептала Девочка Огонек.

Волк перевернул кольцо, чтобы осмотреть линии, скрещивающиеся на передней поверхности. — Смотри, эти линии начинаются около головы волка, бегут по самому краю, поворачивают и уходят внутрь кольца, как если бы в дыру или туннель, а эти светящиеся линии изгибаются, проходят через отверстие к круглой метке и останавливаются, вот здесь.

Девочка схватила его за руку. — Вон там, дальше по берегу, есть статуя с головой волка, как две капли воды похожей на эту! — воскликнула она.

Без единого слова они соскользнули на берег реки и побежали, пока не оказались около гигантской статуи волка. Они огляделись, в поисках какого-

нибудь знака, и не нашли ничего. Но, присмотревшись, они обнаружили, что глаза волка смотрят на темный кусок каменной стены, в котором обнаружился крошечный, совершенно незаметный туннель. Волк и Девочка Огонёк с трудом заползли в отверстие туннеля.

Кольцо сияло все ярче, глаза волка превратились в настоящие маленькие фонари. От основного прохода отходило множество боковых, но дети шли по линиям, светившимся на кольце, и ради безопасности вырезали на стенах метки там, где они поворачивали в другие проходы. Они шли, поворачивали, шли опять; наконец впереди заблестел свет и они оказались в маленькой круглой пещере. Свет исходит из естественной трубы над ними, уходившей через толщу камня прямо к голубому небу и солнечным лучам.

Посреди пещеры стоял старый деревянный стол, рядом — две такие же старые скамьи. На полу валялась куча факелов, напротив которой лежали два тюфяка. Над ними на стене находилась естественная каменная полка, на которой стояли три бронзовые шкатулки с крышками в виде рыб. На стене над крайними шкатулками были вырезаны одинаковые иероглифы. Девочка Огонёк изучила их и прочитала:

*Чешую сними не прежде*
*Чем лишишься ты надежды.*

Крышка центральной шкатулки состояла из двух сложенных вместе половин, на левой был выгравирован символ инь, на правой — янь, и надпись на стене над нею гласила «*тан лин пао-ю*».

— Камень пронизывающей духовной силы, — прочитала Девочка Огонёк.

Волк открыл центральную шкатулку. Внутри оказался осколок камня. Маленький, узкий, острый как бритва, он походил на наконечник стрелы. Девочка Огонёк подняла его. На каждой стороне были вырезаны строчки иероглифы, и, в очередной раз почесав голову и сморщив нос, она прочитала все четыре строчки вместе:

*Когда зло станет считаться мудростью, а мудрость — злом.*
*Когда жестокость станет считаться добродетелью, а добродетель — жестокостью.*
*Тогда камень отвергнет зло и жестокость*
*И полетит в сердце Лиу Шеня.*

— Девочка Огонёк, Лиу Шень — имя Смеющего Принца, — сказал Волк.

Когда Девочка Огонёк взяла в руку стрелу, которую ей оставила мать, то обнаружила, то у нее нет наконечника. Но пазы для него были. Она нерешительно взяла камень, вставила его в пазы и тот так плотно соединился со стрелой, как если бы его привязали лентой из сыромятной кожи. Она подняла стрелу и уравновесила на пальце. Великолепный баланс.

— И что мы будем делать теперь? — тихо спросила она.

Волк огляделся. Труба, выводившая наружу, была вделана в стену. Он походил по пещере и нашел несколько железных трехпалых крюков, для рук и для ног, способных зацепиться за любую неровность. Он надел их и начал карабкаться. Путь оказался достаточно долгим, но крюки держали хорошо и в конце концов он высунул голову из дыры, находившейся на дне глубокой ложбины. За дырой находился отличный ориентир — куча из красных и изумрудно-зеленых камней рядом со стенкой ложбины — и он полез обратно.

— Ты тоже сможешь взобраться, — сказал он, тяжело дыша, — И если понадобится, мы сможем это сделать быстро. Девочка Огонёк, я думаю, что мой отец и твоя мать хотели, чтобы мы попытались убить Смеющего Принца, если они сами потерпят поражение, но я ничего не знаю о нем. Почему его надо убить?

Она покачала головой. — Я тоже ничего не знаю, но думаю, что мы оба должны узнать правду.

(Я не буду передавать следующую часть рассказа Уха Оленя слово в слово, потому что дальнейшие детали оказались не столь уж важными для Мастера Ли. Достаточно того, что дети узнали об ужасных разрушениях в Долине Скорби и нашли грот с камерой пыток. Они обнаружили, что все инструменты для пыток сделал Мастер Ах, а все девушки, которые услаждали Смеющего Принца перед тем, как оказывались в гроте, были проданы варваром Борода-Лопатой. За ними охотились солдаты, а кузнечики научили их воровать еду. Статуя с головой волка смогла сказать несколько слов и предупредила о гейзере с отравленным паром. Она также пыталась предостеречь их, повторив несколько раз слово «мыши», но, в зависимости от произношения, это слово может значит сорок различных вещей, а поскольку губы статуи не двигались, они не поняли ничего. Однажды солдаты схватили его, в другой раз ее, но оба раза оставшийся на свободе спасал друга. Они обнаружили и тронный зал, построенный Смеющимся Принцем в глубине пещеры. Они сделали множество ловушек, вбивая острые колы в ямы и покрывая их тюфяками, выкрашенными под цвет камня, и подрывая настоящие камни, чтобы устроить камнепад на склонах холмов. В конце концов они пришли к выводу, что Смеющийся Принц должен быть убит, и единственная возможность для этого — пробраться в тронный зал в тот момент, когда он правит суд. Они заползли в туннель, проходивший над тронным залом и увидели, что Мастер Ах и Варвар Борода-Лопатой находятся среди гостей. Появился Смеющийся Принц и сел на трон).

— Ты сможешь попасть в него? — прошептал Волк.

Девочка Огонёк покачала головой и протянула лук и стрелу Волку. На этот раз Смеющийся Принц оделся монахом, как и Монахи Радости, которые

стояли по обеим сторонам трона, но его сутана была серой, а не разноцветной, как у них. Тень от капюшона накрывала лицо Принца, но и из-под нее зло сверкали колючие глаза, похожие на огненные сосульки. Время от времени он протягивал руку назад и кормил человеческой печенью семь черных летучих мышей, гнездившихся на спинке трона. Тогда раздавался пронзительный и колючий смех, как будто сосульки ломались.

Волк наложил стрелу и натянул лук. Его мышцы напряглись, он поднял лук, перья уткнулись в правое ухо, еще мгновение... Острый конец стрелы свернул в свете факелов, и семь летучих мышей взвились в воздух, по пещере пронесся пронзительный крик:

*Мастер, О Мастер, рядом стрела,*
*Сияющий камень и смерти игла.*

Взгляд сверкающих глаз Смеющегося Принца побежал по пещере, замораживая все на своем пути. Казалось, что в туннель ворвался рой сосулек. Волк попытался отпустить тетиву, но его пальцы замерзли. И рука. Лед вошел в тело и пополз к сердцу.

Девочка Огонёк схватила лук, стрелу и попыталась натянуть ее. Поздно! Глаза-сосульки сдвинулись, посмотрели на нее, и она примерзла к месту. Семь черных мышей опять запищали.

*Мастер, О Мастер, мальчик с кольцом,*
*Волк пасть разинул и дева с огнем.*

— Моя племянница-воровка! Четыре золотых монеты тому, кто приведет ее ко мне. Ну хорошо, *пять*! — проскрипел Борода-Лопатой, и повел отряд солдат через пещеру.

— Приведите мне моего неблагодарного маленького кузена, живого или мертвого, — проревел Мастер Ах, и повел второй отряд.

Смеющийся Принц перевел взгляд на Монахов Радости, и Волк и Девочка Огонёк почувствовали, как из них выдернули ледяные иголки. Надежды на выстрел больше не было, они молча повернулись и бросились обратно по тоннелю. Солдаты бежали следом, но дети успели выскочить в главную пещеру раньше них. Стрелы свистели около ушей, но они успели прыгнуть в реку, копья летели в черную воду, но они сумели доплыть до другого берега и выбраться на сушу. Потом дети вбежали в боковой туннель, но Борода-Лопатой и его солдаты не отставали и уже кричали от радости, предчувствуя победу.

Волк и Девочка Огонёк начали молча считать: десять яков и один, десять яков и два, десять яков и три... Потом прыгнули, так далеко, как только могли. Десять яков и один, десять яков и два, десять яков и три... Новый прыжок, а сзади послышались крики ужаса, семь черных летучих мышей взлетели в воздух и запищали:

*Мастер, О Мастер, гибнут бойцы!*
*На кольях повисли твои храбрецы!*

Но где же Девочка Огонёк? Волк остановился, повернулся назад и увидел, что она спокойно стоит в центре туннеля. Священная стрела вернулась обратно в колчан. Но на натянутой тетиве расположилась самая обыкновенная, перья колыхались рядом с правым ухом. Громоздкая фигура неуверенно ползла вперед, держась за стенку и рыдая от ужаса.

— Дорогой дядя, вот тебе подарок от мамы, — тихо сказала Девочка Огонёк.

Стрела зажужжала как оса, хлынула кровь и Борода-Лопатой повалился на пол, причитая и дергаясь. А Девочка Огонёк повернулась, подбежала к Волку и они вместе помчались дальше. Выход из туннеля находился на вершине каменного холма, высоко над дном пещеры, солдаты внизу увидели детей и громко закричали. Волк и Девочка Огонёк помчались по узкой тропинке, ловко уклоняясь от стрел и на ходу выбивая деревянные подпорки из-под ловушек, которые они установили.

Семь черных летучих мышей запищали из-под потолка пещеры:

*Мастер, О Мастер, в ловушке отряд!*
*Каменный дождь убивает солдат!*

Но где же Волк? Девочка Огонёк остановилась и увидела, как он скользит вниз по каменному склону с ножом в зубах. Мастер Ах остановился, завизжал от ужаса и махнул мечом. Волк быстро пригнулся. Промахнувшись, Мастер Ах покачнулся, закричал и начал падать, пытаясь выдернуть рукоятку ножа из своего живота. Кровь хлынула из его рта, и он рухнул на пол. Волк быстро вернулся к Девочке Огонёк, и они побежали дальше. Теперь, вплоть до их тайного туннеля, не было ни одного бокового прохода. Они были у всех на виду, и семь черных летучих мышей хлопали крыльями прямо у них над головами.

*Мастер, О Мастер, злой враг не уйдет!*
*Ведь нет пути ни назад, ни вперед!*

В пещере стало холодно, засвистел пронзительный ледяной ветер. Волк и Девочка Огонёк повернулись и с ужасом посмотрели на картину воплощенного зла. К ним летела огромная летучая мышь. Ее крылья распахнулись на сорок чи, клыки сверкали как гигантские копья, на голове сияла королевская корона, из под которой глядели ледяные глаза — глаза Смеющегося Принца.

Дети опять побежали и добрались до статуи волка, возле которой они приготовили последнюю ловушку, для солдат, которые могли плыть на барке. Волк нащупал веревку и дернул, огромный валун высвободился, с грохотом покатился с обрыва, прыгнул в воздух и с плеском упал в реку, подняв в воздух фонтан воды. Скрытые водяной пылью, они нырнули в крошечное отверстие в

стене, а потом по лабиринту добрались до своей пещеры. Сзади доносились слабые крики солдат и свист семи черных летучих мышей:

*Мастер, О Мастер, спрятался враг!*
*Найдем их тела, проникнем во мрак!*

Девочка Огонёк, полностью истощенная, села на пол и закрыла глаза. Когда она наконец открыла их, то увидела Волка, стоящего возле трубы и глядящего вверх, на кусочек синего неба. Сверху слышались крики солдат: Смеющийся Принц послал свою армию обыскать все вокруг.

— Я собираюсь посмотреть на них, — сказал он, глядя на нее большими грустными глазами. — Жди меня, Девочка Огонёк.

Он пополз по трубе и быстро поднялся до самого верха. Остановился. И исчез. Девочка Огонёк опять закрыла глаза. А потом они открылись сами, очень широко.

— Вот он, — крикнул сверху солдат.

— Рыжие волосы! И девчонка! Они оба снаружи! — закричал другой.

Девочка Огонёк прыгнула на ноги. Рыжие волосы? Девочка с Волком? Ее глаза упали на каменную полку на стене, и раскрылись еще шире, когда она увидела, что левая шкатулка открыта. Она подошла и мрачно прочитала надпись над ней: «Чешую сними не прежде, чем лишишься ты надежды». Шкатулка была пуста, только в глубине лежал крошечный рыжий волосок. По дну вилась надпись, Девочка Огонёк почесала голову и сморщила нос:

*Пусть мальчик погиб, но дело живет;*
*Душа возродится, время придет.*

Волк взял из шкатулки что-то рыжее, чтобы сделать вид, будто у него рыжие волосы и увести солдат подальше от Девочки Огонёк. Конечно они схватили его, но она еще может убежать.

Девочка Огонёк подошла к последней закрытой шкатулке. Чешуйка рыбы медленно скользнула вниз, девочка опустила пальцы внутрь и подняла в воздух маленький флакон с бледной жидкостью. И здесь по дну шкатулки вилась надпись:

*Девочка, пей, тяжек прошлого гнет,*
*Но поцелуй тебя к жизни вернет.*

Девочка Огонёк подошла к своему тюфяку и легла на него. Он поправила волосы и распрямила складки платья. Аккуратно положила лук и священную стрелу на каменный пол рядом с собой, и открыла флакон. Жидкость пахла свежестью и чистотой, как цветы в лесу после дождя.

— Да, Волк, я подожду, — нежно сказала она, подняла флакон и выпила все, что в нем было. Ее глаза закрылись и она уснула.

*Еще один поворот Колеса,*
*Мальчик родился, гудят Небеса.*
*Пещера ждет, и кольцо ждет,*
*Скрытый проход к сердцу тайны ведет.*

*Лицо дорогое омоет слеза,*
*Девочка встанет, откроет глаза.*
*Камень священный рванется в полет,*
*Злое и черное сердце умрет.*

— Совершенно отвратительная поэзия, но в рассказе есть настоящие достоинства, — сказал Мастер Ли, когда мы при свете луны поднимались на холм.

— Да, действительно! — с энтузиазмом подхватил принц. — Я всегда знал, что у моего предка были глаза-сосульки и душа огромной летучей мыши.

— А я думаю, что это героическая сказка, — сказала Утренняя Печаль.

— Мне даже стихи понравились, — признался Лунный Мальчик.

— Совершенно гениальный рассказ! — воскликнул я. — Любой из этих мальчиков может оказаться возрожденным Волком, и они наверняка проводят бесконечные часы, изучая предсказания. Даже если никто из них не Волк, они будут офицерами в его армии, и должны доказать себе и другим, что обладают нужной силой духа — проводят всю ночь в Лесу Плачущих Призраков, например, или зарывают Огненное Зелье в яму под несчастным кувшином Ужасного Старого Ву, чтобы потом, когда Ву взорвет его во время весеннего праздника, осколки вернулись на землю где-нибудь в Тибете. И летучие мыши! Они должны разработать какой-нибудь гениальный план, который позволит справиться с этими мышами, а это означает множество тайных темных мест, паутины и отвратительных пауков. Они постоянно устраивают друг другу ловушки и учатся произносить заклинания для защиты от злых сил — как и я сам делал когда-то, но мы, верные члены банды «Семь Кровавых Бандитов Пещеры Костей Дракона», *не* поклоняемся Священному Ордену Волка.

Мастер Ли посмотрел на меня достаточно холодно.

— Возможно ты слегка преувеличиваешь свои успехи в поисках камня, а? — насмешливо сказал он.

Пример Волка и Девочки Огонёк придал мне храбрости. — И все-таки это *гениально*. Столетия назад, когда несколько мальчиков нашло эту пещеру, они решили выбрать своим героем скелет, грудь которого разворотило копье, мальчика, который сражался и пал в бою с врагами. Потом они добавляли к рассказу деталь за деталью, взятые из старых сказок о героях и —

— ...сочинили рассказ, который привел меня в восхищение, — закончил за меня Мастер Ли. — Но стихи совершенно чудовищны. Самое замечательное в рассказе — интонация, настоящая эпическая интонация, а это значит, что слова имеют почти религиозную значимость. Кто-нибудь заметил, как рассказывал Ухо Оленя?

Я нет, но Утренняя Печаль — да.

— Он откинул голову назад и закрыл глаза, — сказала она. — Однажды он ошибся, сказал «какой-то», и очень быстро исправился — «этот». Он напомнил мне мою дорогую старую Тай-Тай, которая всегда рассказывала старинные истории одними и теми же словами, в точности так, как рассказывали их родители и родители родителей.

Мастер Ли ласково посмотрел на нее. — Дай мне знать, если после посещений этих трех господ у тебя останется немного нежности для меня, — сказал он. — И тем не менее в рассказе есть кое-что загадочное: точная ссылка на камень. Ухо Оленя подошел очень близко к надписи над алтарем, а две строчки вообще точная цитата: «В темноте чахнет драгоценный камень. Когда его превосходительство околдует мир?»

Принц Лиу в отчаянии вскинул руки.

— Да, но что такое этот камень? — спросил он. — Если судить по рассказу мальчика, это магическая вещь, которая убивает зло. Но мой предок хранил его и поклонялся ему, а это вообще не имеет смысла, разве что ему хотелось покончить жизнь самоубийством. Согласно Сыма Цяню и автору «Красного Терема», камень — воплощение зла. По сну Десятого Быка — все побеждающая жизненная сила. Он добро? Зло? Что-то большее, чем легенда? Мне очень не хочется говорить это, но, как бы мне не понравилась история Волка, она ведет нас в никуда.

— Принц, я должен самым почтительным образом не согласиться с вами, — сказал Мастер Ли. В этот момент он чем-то напомнил мне фокусника, который протягивает руку в ящичек, высотой в два цуня, и вытаскивает оттуда шест длиной в двадцать чи. — Вспомните загадочных парней в цветастых одеждах, которые появились ниоткуда и исчезли так же загадочно, как и появились. Кроме того я сильно подозреваю, что пещера из рассказа — это и есть могила Смеющегося Принца, а это означает, что она намного больше, чем мы думали. Завтра утром мы проверим теорию практикой.

## ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Солнце только что поднялось над Правым Рогом Дракона, а Мастер Ли уже спускался с холма в ложбину между двумя вершинами. Я нес целый запас лопат, ломов и топоров, остальные несли факелы.

— Тысячи крестьян работали над могилой Смеющегося Принца, — сказал Мастер Ли. — Разве он мог убить их всех? Некоторые детали могилы обязаны сохраниться в памяти народа Долины Скорби, и может быть одно из таких воспоминаний — причудливый рассказ о Волке, который входит в пещеру вместе с Девочкой Огонёк, а выбирается из нее через каменную трубу, высовывает

голову из ямы и оказывается на дне глубокой расселины. Ухо Оленя, голова откинута назад, глаза закрыты, поет слова, не изменившиеся за столетия: «За дырой находился отличный ориентир — куча из красных и изумрудно-зеленых камней рядом со стенкой ложбины».

Старый мудрец подошел к одному из почти отвесных утесов.

— Я спускался сюда чтобы понять, как Бык ухитрился спуститься по одной стороне и подняться по другой, — сказал он. — Я не нашел и намека на тропинку, зато нашел вот это.

Он отогнул несколько толстых кустов чертополоха, и мы увидели странные красные и изумрудно-зеленые камни, похожие на драгоценные геммы, лежавшие посреди гранитной плиты. — Принц, в других частях долины есть что-нибудь, похожее на это? — спросил он.

Принц, не произнеся ни слова, принялся искать дыру в земле, выход естественной каменной трубы, и мы все последовали его примеру. Но только через час Лунный Мальчик радостно закричал. Он стоял на утесе в двадцать чи высотой, на единственном месте, куда можно было взобраться по склону, и указывал вниз, в переплетение дрока. Мы подбежали к нему. Я вырубил весь дрок и появилась черная дыра. Я принес длинный бамбуковый шест, опустил его вниз, но не сумел достичь дна. Тогда я отнес шест обратно, а вместо него, при помощи Принца Лиу, соорудил веревочную лестницу. Мастер Ли протянул мне факел, я зажал нож между зубов и начал спускаться вниз, чувствуя себя благородным разбойником.

К счастью лестница оказалась достаточно длинной. Я оказался в маленькой круглой пещере, из которой вел только узкий проход. В свете факела я увидел древний деревянный стол и пару скамей. Из стены торчала естественная каменная полка. Я крепко закрыл глаза и помолился духам пещеры, потом начал тыкать факелом во все углы пещеры. Откровенно говоря я искал девочку тринадцати лет, проспавшую семь с половиной столетий, но ничего не нашел.

— Спускайтесь! — крикнул я остальным.

Вскоре Мастер Ли, принц, Утренняя Печаль и Лунный Мальчик уже стояли на дне пещеры. Все зажгли факелы, стало достаточно светло и мы увидели, что в пыль в пещере не тревожили долгие годы. Мы осторожно прошли узким проходом и оказались в намного большей пещере. Ее использовали для тренировок в стрельбе из лука, и я готов был поклясться, что лучник был мальчиком — или девочкой. Стрелы истыкали все вокруг, включая потолок и колонны древних строительных лесов. На стене висела старая доска, в стороне от нее стоял длинный деревянный стол, справа от которого находился ряд медных шестов, пустых. Прямо перед доской в пол было вделано металлическая пластина, и, поглядев на нее, Мастер Ли задумчиво почесал нос.

— Все это напоминает мне рабочий кабинет какого-нибудь подрядчика, строящего императорский дворец, — сказал он. — Инженеры и надсмотрщики приходят сюда получать деньги, становятся перед доской, а дальше... Смеющийся Принц прославился на весь Китай своими злыми шутками.

Он походил перед доской, как если бы что-то искал, потом потянул за рычаг. Я отпрыгнул назад. Раздался металлический скрежет, плита раскололась на две половинки, которые откинулись вниз на ржавых петлях. Внизу не было ничего, кроме черной дыры, я предусмотрительно встал на колени и сунул вниз свой факел, но света не хватило, чтобы осветить дно. Я нашел обломки старых лесов, зажег их от факела и кинул вниз. Они почти погасли в полете, но, долетев до дня, вспыхнули снова, и мы затаили дыхание.

Обломки упали на острые камни далеко внизу, прямо между двумя переломанными телами. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что это не были древние скелеты, вроде тех, которые грудами лежали в туннеле. Нет, на них все еще были волосы, высохшие куски плоти и почти не тронутая одежда.

— Двадцать-тридцать лет назад, не больше, — прошептал Мастер Ли.

— Ровно тридцать три, — прошептал в ответ принц, с белым напряженным лицом. — Ребенком я играл с ними. Ах Чен и Ву И, садовники в имении. Они разрешали мне скакать на водяном буйволе, убирать навоз и вообще делать множество интереснейших вещей, которые мне делать не полагалось, но однажды они оба исчезли и мы так и не нашли их.

Мастер Ли проверил скамью у стола и уселся на нее, подняв столб пыли и задумчиво уставился в дыру. — Украденный манускрипт, — негромко сказало, возможно самому себе. — Два мертвых монаха, странный звук, уничтоженные деревья и растения — играет ли роль убийство двух садовников, совершенное тридцать три года назад? Неужели они нашли вход в пещеру и спустились сюда? Но, если так, что они увидели перед смертью? Если и в этом замешаны люди, одетые в разноцветную одежду, это подкрепляет теорию, что за всем этим стоит какой-то религиозный культ, возможно поклонение камню Смеющегося Принца, а это означает продолжение ниточки, ведущей к первоначальным Монахам Радости, чьи трупы мы так и не нашли в могиле.

Мастер Ли прыгнул на ноги. — Это только первый взгляд, — сказал он. — Мы осмотримся и вернемся, взяв с собой побольше инструментов. А пыль всегда укажет нам, не проходил ли тут кто-нибудь. Вперед, за дело!

Из стен пещеры выходило множество туннелей. Повсюду стояли массивные деревянные столбы, поддерживавшие потолок и сделанные из настолько старого дерева, что, казалось, они могли треснуть от громкого звука. Мы очень осторожно пошли по первому проходу, и уткнулись в завал. То же самое ждало нас и во втором. Третий проход оказался настолько опасен, что никакой здраво-

мыслящий человек даже не вошел бы в него. Потолок угрожал обвалиться каждую секунду, и мы не говоря ни слова вернулись обратно. Но все остальные проходы кончались тупиками, так что если и был еще один вход в могилу Смеющегося Принца, то только не отсюда.

Невозможно описать разочарование Мастера Ли! Уже в шестом туннеле он начал ругаться без остановки, и не останавливался все время, пока мы возвращались и лезли наверх. Не успели мы подойти к центру ложбины, как Лунный Мальчик, обладавший невероятно тонким слухом, остановился и предостерегающе поднял руку.

— Лошади, — сказал он. — Много лошадей, звук колес. И звон оружия. Едут прямо сюда, и если это ваши разноцветные монахи, то у них к нам дело.

Бежать было некуда, да и поздно. В ложбину ворвались лошади, мчащиеся полным ходом, за ними летела боевая колесница, и я безусловно предпочел бы загадочных разноцветных монахов мрачным лицам, глядевшим на нас. Король Ши Ху осадил лошадей своей боевой колесницы, а Золотые Девушки облизали полные губы.

— Мы сожалеем, что придется отказаться от света вашей мудрости, Ли Као, — нежно сказал король. — Стоит послушать слова человека, который с легкостью увез из нашего замка моих особых людей, но, к сожалению, в нашей повозке есть место только для Лунного Мальчика и Утренней Печали.

Он собирается убить нас, решил я. С его точки зрения мы были обычными ворами, которые украли ценные вещи из его сокровищницы, а воров надо убивать.

Самое лучшее — упасть на колени и начать бить поклоны, и я быстро бухнулся на землю.

— Конечно Ваше Величество не хочет заявить, что эти молодые люди — его рабы? — сказал Мастер Ли тоном человека, начинающего интересный научный спор. — Лунный Мальчик и Утренняя Печаль даже не ваши подданные, и, возможно, вправе сами решать, что им делать и куда идти.

Я, стоя на коленях, бил подбородком о бамбуковый шест, дальний конец которого постепенно скользил к граблям, которые я принес среди других инструментов. Еще два чи, подумал я, около шести поклонов.

— Нео-Конфуцианец безусловно скажет, что поскольку Лунный Мальчик и Утренняя Печаль родились крестьянами, у них нет никаких гражданских прав, — размеренным тоном продолжал Мастер Ли. — Но Ваше Величество слишком высоко стоит на всеми эти нео, и безусловно не собирается решать судьбу людей даже не выслушав их самих.

— Ли Као, правитель, сидящий на троне, способен принимать решения не обращая внимания на мнения других, — ответил Ши Ху.

На его губах появилась слабая печальная улыбка. Он перевел глаза на Золотых Девушек, и те наложили стрелы на тетивы своих луков. Я опять ударил подбородком, и ручка граблей проскользнула в пустой конец шеста. Грабли лежали прямо перед ведущей лошадью боевой колесницы. Я прыгнул на ноги, схватил шест и изо всех сил махнул им. Грабли попали в незащищенный живот лошади, она заржала, отпрыгнула, копыта взвились в воздух.

Я стегнул следующую. Лошади бесновались, но Золотые Девушки готовы были стрелять по ним и по нам, и я почувствовал, как рука Мастера Ли схватила меня за пояс, бросился вперед и вниз, и пополз между копытами, пока не очутился под повозкой. Мастер Ли потерялся по дороге. Я попытался приподняться, упершись в дно повозки плечами и ногами. Спина захрустела, но мне удалось приподнять повозку с одной стороны, а огромный вес короля закончил дело. С громким треском она опрокинулась, лошади превратились в клубок дергающихся ног, а я ползал между ними, пока Золотые Девушки скакали вокруг, пытаясь найти куда выстрелить. Нужно было добраться до короля и взять его в заложники прежде, чем девицы доберутся до меня, и Ши Ху уже ждал. Не потеряв своего обычного достоинства он спокойно сидел на земле, напоминая огромного Будду, с ножом в руке и улыбался.

Я услышал резкий треск в рукаве Мастера Ли, летательный нож выскочил из потайных ножен прямо ему в руку, и почти немедленно раздался оглушительный вой, когда нож, едва не отхватив мне ухо, вонзился в ладонь Короля Чао. Король ругался на неизвестном мне языке, его нож лежал на земле. В следующее мгновение я прыгнул на него, схватил рукой за горло и прижал его собственный нож к шее сзади.

Золотые Девушки завыли как разъяренные пантеры. Но не решаясь стрелять, они с замечательной точностью выстроили круг вокруг нас. Король обратил на меня не больше внимания, чем на какого-нибудь надоедливого комара. Он аккуратно вытащил нож Мастера Ли из ладони и отбросил его в сторону; потом, даже не взглянув в мою сторону, махнул массивной рукой и отправил меня вслед за ножом. Вот теперь стрелы смотрели прямо мне в сердце.

— Хватит, — сказал король, спокойным, но властным тоном, и стрелы опустились. Он с трудом поднялся на ноги, подошел к Лунному Мальчику, державшему на руках Утреннюю Печаль, и опустился на колени. Из груди девушки торчала стрела.

Золотая стрела, направленная прямо в сердце, и, с холодом в груди, я понял, что она мертва.

— Кто это сделал? — прошептал король. — Никто из моих девушек не может выстрелить с перепугу. — Огромная голова поднялась. Все Золотые Девушки склонили голову, встретив его взгляд, все, кроме капитана. В ее орлиных

глазах горел непокорный огонь, но кто может смотреть на солнце? Ее глаза опустились, губы задрожали. По щеке скатилась слеза.

— Мен Чан, неужели тебе так больно? — тихо спросил король. — Ты должна была сказать об этом нам, моя девочка. Ревность — ужасное чувство. Она превращает булавочные уколы в страшные раны, но сейчас, почему? То, что мы любим Утреннюю Печаль, совсем не означает, что тебя мы любим меньше.

Мастер Ли тоже встал на колени рядом с Утренней Печалью и от удивления дернул головой. — Я не верю своим глазам, но она еще дышит, — сказал он.

Мое сердце запрыгало как пестрая форель на сковородке.

— Если она выживет, то будет жить до тех пор, пока на нее не упадет гора Юн-тай[42], — прошептал Мастер Ли.

Его рука нащупала стрелу, как будто он хотел выдернуть ее. — Нет, — резко сказал король. В первый раз за все время он взглянул на меня, и в первый раз я осознал, одна из золотых стрел попала мне в левое бедро. Широкий, обагренный кровью кончик вышел наружу. Протащить такую стрелу через тело означало убить раненого.

Я обломал головку стрелы, вытащил древко и отбросил его в сторону, потом подбежал к Утренней Печали и обломал часть древка с перьями, торчащую из ее груди. И затаил дыхание, когда Мастер Ли медленно стал проталкивать древко внутрь... Моя рука обнимала тело Утренней Печали снизу, и наконец я почувствовал, как кончик пробил кожу. Еще одно усилие Мастера Ли, я схватил стрелу и вытащил ее из тела.

Утренняя Печаль все еще дышала. Мастер Ли аккуратно перевязал рану. Я услышал приглушенные всхлипывания и решил, что это Утренняя Печаль, но ошибся. Плакала Мен Чан, капитан стражниц. Утренняя Печаль попыталась открыть глаза, но не смогла.

— Тай-тай, ты больна? — прошептала она. — Хочешь, я спою тебе, Тай-тай? Иногда боль уходит, когда слышишь песню.

А дальше случилось то, что потрясло нас всех. Мы много раз слышали, как поет Утренняя Печаль. Но так она не пела никогда. Она пела, пытаясь успокоить боль старой дамы, которая подобрала ее, дала ей кров и имя. Из ее губ и сердца выходило настоящее чудо.

Я не в состоянии описать ее песню, но другие сказали, что это напоминало магический звук Лунного Мальчика смешанный со сверкающей живописью Принца Лиу Пао. У меня слов не было.

Я слышал как чистые ноты улетают вверх, разгоняют облака и пролетают мимо луны; слышал, как они соединяются с ярким сиянием звезд Великой Реки, поднимаются к самому Небу и танцуют среди богов. Последняя нота задрожала

42 Юн-Тай – женский монастырь, расположенный у подножия пика Цзы Цзин горы Тайши (рис. И).

в воздухе, слегка изменила цвет и высоту, и начала опускаться на землю. Чистый голос пел о чудесных каплях дождя и пенистых потоках, текущих весной, о мягких усыпляющих звуках лета, и о ясных, бодрящих звуках осени. Завыл ветер и пошел снег, но Утренняя Печаль пела о кипящем чайнике и стоявшем на огне горшке, о уютном маленьком домике, о старой женщине, лежащей в теплой кровати. Ноты становились все тише, песня рассыпалась на мягкие колыбельные звуки, а потом и последняя нота упала в тишину.

— Прости, Тай-тай, — прошептала Утренняя Печаль. — Я не могу больше петь. Нехорошо петь так. Красиво, но неправильно, как будто крадешь у Небес.

Ее голова упала. Сердце еще билось, но она была без сознания.

Мы молча посмотрели друг на друга. Король Чао встал на ноги и подошел к повозке. Его огромные руки в мгновение ока разделили брыкающихся лошадей и поставили их на ноги, потом он приласкал их и что-то успокоительно прошептал. Золотые Девушки расступились и дали ему подойти к капитану.

Мен Чан была мертва. Она лежала на земле, уткнувшись лицом в землю и подобрав под себя руки. Кончик меча торчал из спины. Король вытащил меч и остановил кровь своим плащом. С девушкой на плече, он поднялся в повозку, сел на свое вращающее сидение и положил тело на колени. Золотые Девушки открыли маленькую шкатулку, достали оттуда белую траурную повязку и перевязали ею голову короля, одна из них взяла поводья. Потом Король Ши Ху и Золотые Девушки поскакали обратно, не бросив назад ни единого взгляда, и больше я их не видел, никогда.

Но Утренняя Печаль оказалась крепче знаменитой стали из Цзиньчоу. Мастеру Ли удалось предотвратить заражение при помощи припарок из отвратительно выглядевшей плесени, которую он соскоблил с дерева. Утренняя Печаль яростно цеплялась за жизнь, но жар вызывал у нее галлюцинации, и я решил, что, возможно, в ее больном мозгу история Волка смешалась с событиями ее собственной жизни. В замкнутом мире, созданным ее воображением, он бежала вместе с кем-то, и это была гонка не на жизнь, а на смерть.

— Быстрее... еще быстрее, — вздыхала она. — Где поворот?... Бежим мимо козла... За ним ворон и река... *Быстрее*... Солдаты... Прячемся, пока они не пройдут... Теперь бежим. *Бежим*!

Ее преследовали не только галлюцинации, в которых она бежала и пряталась, и я помню потрясенное лицо Мастера Ли, когда она беспокойно дернулась на кровати и сказала, — Госпожа, пожалуйста, можно мне не идти к Чьену? — Ее нос сморщился от неудовольствия. — Там так плохо пахнет, перевозчик отпускает грубые шутки о женщинах, а этот одноногий старикашка всегда норовит ущипнуть меня.

— Что? — мастер Ли чуть не упал. Он подошел к кровати Утренней Печали и вытер лоб с ее лба. — Дорогуша, а что хозяйка покупает у этого Чьена?

Она опять недовольно сморщила нос. — Шкуры носорогов.

— А где он живет?

— На полпути между каналом и Озером Малыша Чень-ху, — ответила Утренняя Печаль.

Мастер Ли присвистнул, зашагал по комнате, и только через насколько минут вернулся к кровати.

— Дорогуша, а не посылала ли хозяйка тебя к Восьмому Кангу? — заискивающе спросил он.

Утренняя Печаль улыбнулась. — Он мне нравится.

— А где он живет?

— На улице Потертых Монет.

— И что ты покупаешь у него?

— Шляпы.

— Шляпы. Да, конечно. А где ты покупаешь расписанные веера?

— На Угольном Мосту.

— И, как я понимаю, она посылает тебя и за знаменитым отварным поросенком к... Я забыл, к кому?

— Вей Большой-Нож.

— Ах да, конечно. А ты помнишь, где это?

— Сразу за Мостом Кошек, — ответила она.

Мастер Ли еще шесть раз обежал комнату. Потом вернулся к кровати и встал перед ней, держа руки со сжатыми кулаками позади себя.

— Дорогуша, а какими картами играет хозяйка? — спросил он.

— Желто-оранжевыми, цвета персика, — сонно ответила Утренняя Печаль.

— А игральные кости, где ты их купила?

— Аллея Чуанчу.

— А что ты покупаешь у Яо-ши?

— Косметику.

— А редкие травы?

— Фенглай.

— А что хозяйка покупает у Чингисхана?

— Кисточки для письма.

— Конечно, — прошептал Мастер Ли. — А это как-там-его зовут, он сам смешивает чернила для нее?

— Ну да. Ли Тингхуей.

— А розовую бумагу для письма делает эта красивая куртизанка?

— Ши Тао. Да, очень красивая, — сказала Утренняя Печаль.

Жар возвращался и возвращался. Утренняя Печаль металась в кровати, а Лунный Мальчик и принц пытались успокоить ее.

— Быстрее...еще быстрее... Где же проход? *Быстрее!*... Много солдат... *Торопись, дорогуша*.... Быстрее, к статуе ибиса...

Мастер Ли подошел к столу, уселся, вынул фляжку с вином и одним глотком осушил ее на четверть.

— Розовая бумага, сделанная Ши Тао, — проворчал он, отдышавшись. — Раскрашенные веера на Угольном Мосту, шляпы от Восьмого Канга с улицы Потертых Монет. Сам Ли Тингхуей смешивает чернила. Лунный Мальчик! Утренняя Печаль умеет читать?

— Примерно так же, как я, и значит не слишком хорошо, — откровенно ответил Лунный Мальчик. — Десятый Бык читает в десять раз быстрее, чем мы.

Мастер Ли глотнул еще четверть. — Даже не знаю, то предположить, — пробормотал он. — Она должна уметь читать скоропись «Летящие Облака».

Он прыгнул на ноги и повернулся к принцу. — Ваша Светлость, если мы не избавимся от этого проклятого жара, он убьет ее, и я знаю одно-единственное лекарство, которое может проделать этот фокус: семечки Бомбейского колючего яблока[43]. Лунный Мальчик, я и Десятый Бык должны найти его, но при этом мы можем погибнуть.

Лунный Мальчик посмотрел на меня, потом на Мастера Ли.

— Когда мы выходим? — спросил он.

## ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Нет смысла подробно расписывать все, что я думал об Утренней Печали, но в ту ночь я проснулся около полуночи и пролежал несколько часов, думая о том дня, когда она выздоровеет и Мастер Ли возьмет ее себе в жены. С задней стороны дома Мингов находится большой сарай. Теперь, когда прадедушка умер, он им не нужен. Можно его купить, укрепить, надстроить, короче, сделать из него хибарку с несколькими комнатами, для меня и для гостей — я с большим удовольствием поработал бы над домиком, и, представляя себе каждую деталь, я опять уснул.

Прежде чем отправиться за яблоками, мы остановились в Зале Единорогов, печальном комментарии к претензиям на мировую славу. Гордые сановники Династии Хань украсили все стены зала своими портретами и думали, что им будут поклоняться вечно, но сейчас Зал Единорогов лежит в развалинах, повсюду репей и чертополох. Столетия никто не чинил крышу, и дождь заливал зал. Народ растащил на дрова двери и пол, и портреты остались только потому, что на них никто не позарился.

43 Индийский дурман.

Портрет Императора У-Ди остался невредимым, но даже льстивый придворный художник изобразил его похожим скорее на быка, чем на человека. Портрет Смеющего Принца очень походил на портрет, висевший в поместье, и там и здесь странные глаза глядели неизвестно куда. Однако Мастера Ли интересовал не принц. Он пристально разглядывал жену принца, Тоу Ван.

— Один мой друг — умерший шестьдесят лет назад — как-то рассказал мне интересную историю о Тоу Ван, — сказал Мастер Ли. — По его словам она была единственным аристократом, носившим заколку для волос с обыкновенным камнем на конце, как у крестьян, хотя во всех остальных отношениях она была классическим образцом расточительницы.

Юная дама, глядевшая с портрета, поражала надменной красотой, хотя я бы не сказал, сколько здесь было лести художника, а сколько жизненной правды. Волосы держались простой длинной застежкой, конец которой был отчетливо виден. Мастер Ли разглядывал его, чуть ли не сунув нос в картину.

— Да, вот что он имел в виду, — пробормотал он. — Бык, помнишь слова Сыма Цяня? Второй удар топора отколол от камня маленькую пластину, и, похоже, именно она украшает конец заколки жены Смеющего Принца. Напомни мне, чтобы я спросил ее об этом.

Мы изумленно посмотрели на него, но он больше он не сказал ни одного слова.

Когда дело касалось Утренней Печали, Лунный Мальчик не отвлекался ни на что. Он не убегал в поисках хорошеньких мальчиков, и мы двигались достаточно быстро. Через несколько дней мы остановились на гребне холма и увидели впереди крышу простого храма, который, как сказал Мастер Ли, и был нашей целью.

— Храм Лиу Линя, — сказал он. — Кто-нибудь слышал о нем?

Мы сказали, что нет.

— Мы скакали группой, но Линь был на много ли впереди нас, — сказал Мастер Ли, улыбаясь воспоминаниям молодости. — Я как сейчас вижу его тележку, запряженную двумя оленями, за ней шли двое слуг. Один нес вино, которое должно было убить Лиу Линя, а второй — заступ, чтобы закопать его прямо на месте смерти — как и положено по Конфуцианскому церемониалу. Когда я подъехал и позвал его, он приветствовал меня, раздевшись догола, и я еще успел услышать его крик, «Место моего обитания — Вселенная, а моя единственная одежда — мой дом. Почему ты хочешь войти в мои штаны?»

Мастер Ли указал на храм. — Линь решил, что люди слышат только ложь, основал Храм Иллюзий и распорядился, чтоб даже после его смерти в нем шли службы. Лунный Мальчик, может ли иллюзия убивать людей?

Лунный Мальчик пожал плечами. — Мой учитель, Лин Це-нин однажды оглушил бандита, уверив его, что в соседней комнате ревут два громадных дракона. На самом деле там не было ни одного. Звук был настолько слаб, что даже воробей бы не испугался, но бандит оглох, навсегда.

— Бык?

— Бабушка Хо однажды рассердилась на своего приемного сына, — сказал я. — Она ввела его в подобие транса, и сказала, что он упал с лестницы и сломал левую ногу. Когда он проснулся, то только посмеялся над ней, но через день его нога посинела, стала распухать, он охромел и несколько недель не мог ходить.

— Великолепно, — сказал Мастер Ли. — Мои юные друзья, я должен кое-что вам рассказать. Много лет назад я гулял и увидел Бомбейское колючее яблоко. Но я давно забыл, где это было. Кроме того мне нужно посмотреть совершенно свежим взглядом на то, что видел раньше или о чем догадывался, но не полностью понял. Короче говоря мне нужно отправиться в путешествие по собственному сознанию, и я возьму вас с собой. Нет ничего более опасного, чем внутренние путешествия. Если ваше сознание говорит вам, что копье направлено прямо вам в сердце, имеет ли значение, настоящее это копье или воображаемое?

Я обдумал его мысль. — Мне кажется, что я умру в любом случае, — сказал я и Лунный Мальчик кивнул, соглашаясь со мной.

— Не забывайте об этом, — мрачно сказал Мастер Ли. — Храм Иллюзий — шедевр Лиу Линя, множество людей приезжало сюда в карете, а уезжало в гробу.

Утешив нас таким образом, он спустился с холма. Храм оказался маленьким и почти пустым, из небольшого дворика мы вошли в маленькую комнату, где за письменным столом сидел настоятель и читал свиток. Мы вошли, но он даже не посмотрел на нас. Несколько монет скользнули по столу. — Один, — сказал Мастер Ли. Потом добавил еще кучку. — Два. — Еще небольшая кучка. — Три. — Настоятель по-прежнему не поднимал взгляда от свитка, но зазвенел колокольчик, вошел другой монах и привел нас в маленькую комнату, на полу которой лежал ряд циновок, а на стене висела единственная табличка.

Я был, скорее, разочарован. Я ожидал мистической музыки, дыма от благовоний и прочего мумбо-юмбо, но, судя по всему, иллюзия Лиу Линь не нуждалась ни в каких украшениях. Текст на табличке был написан простыми иероглифами, и я с интересом прочел его.

## Сон Бабочки

Чуан Цу[44] как-то сказал:

*«Однажды я спал и видел себя бабочкой, плавающей в воздухе, как лепесток розы, и я был счастлив, что не знаю, кто я такой. Потом я проснулся, и, откровенно говоря, заставил себя стать Чуан Цу. И я спросил себя: это Чуан Цу снилось, что он стал бабочкой, или бабочке приснилось, что она Чуан Цу? Конечно, если вы поместите рядом Чуан Цу и бабочку, то увидите различие, но разве любая материальная форма не является иллюзией?»*

44 Чуан Цу – китайский философ-скептик, 365–286 г д. н. э. Основное произведение (помимо сна о бабочке) трактат «Путь Чуан Цу» в 33 главах.

Появился молчаливый настоятель с тремя стаканами вина и тремя маленькими чашками, и жестом показал, что мы должны это съесть и выпить.

Мастер Ли в видим знатока съел то, что было в его чашке. — Я не знаю, что они кладут в вино, но в чашке Ухо Дьявола — один из самых сильных галлюциногенных грибов, — невозмутимо заметил он. Потом повернулся и указал на табличку.

— Как-то раз Чуан Цу съел Ухо Дьявола. А потом ему приснилось, что он нашел решение всех проблем человечества и записал его. Проснувшись, он жадно схватил листок бумаги и прочел следующие слова: «Погонщик Овец женился на бамбуке, который никак не мог вырости в высоту, и родил траву Зеленый Мир. Трава Зеленый Мир родила леопардов, леопарды — лошадей, а лошади — людей. Через какое-то время люди вернулись к Погонщику Овец. Все всегда возвращается на круги своя, не правда ли?»

Я прожевал свои грибы, Лунный Мальчик свои, мы легли на свои тюфяки, я положил одну руку на голову, вторую вытянул вдоль тела и ждал, когда руки сами по себе разлетятся в сторону или, наоборот, хлопнуться друг о друга. Ничего не случилось, я немного расслабился и задышал полегче. Вернулся молчаливый настоятель, жестом приказал нам встать и повел за собой. Мы прошли через дверь и вышли в сад. И тут я, не веря собственным глазам, уставился на тени.

Судя по солнцу был, самое малое, двойной час лошади. Но в храм мы вошли ранним утром. Четыре часа исчезли. Что же с ними случилось? Корова языком слизнула? Мастер Ли, однако, ничему не удивлялся. Он подошел к небольшому круглому бассейну с прозрачной водой в центре сада, на его лице сияла счастливая улыбка. Когда я подошел поближе, то увидел на дне что-то белое, и сообразил, что нам скалится человеческий череп.

— Линг, старый друг! Великолепно выглядишь, — сказал Мастер Ли.

Я и Лунный Мальчик едва не упали. В воздухе не было ни ветерка, но высокие тростники в задней части бассейна задвигались: некоторые согнулись, другие изобразили арку, третьи сложились напополам или вытянулись — и нарисовали иероглифы: тростники писали в воздухе.

— *Ли Као, ты родился, чтобы повесить!*

— Ты имеешь в виду «быть повешенным»? — нежно спросил Мастер Ли.

— *Я имею в виду висилицу!*

Тростник начал двигаться так быстро, что я уже не успевал читать все подряд, но позже я выяснил, что Лиу Линь говорил, будто изъян в характере Мастера Ли нельзя объяснить только отвратительным воспитанием, и в предыдущей жизни Мастер Ли был гиеной, скорпионом или даже Идиотом-Правителем Южного Ци. Особенно оживились тростники, когда начали перечислять события из жизни этого правителя.

— *...и отрезали им руки и ноги.*

— Нет, я не был Идиотом-Правителем Южного Ци, — задумчиво сказал Мастер Ли. — Иначе я бы отрезал им носы.

— *... сжег и пепел в землю!*

— Если ты должен что-то делать, выполняй свою работу до конца, — сказал Мастер Ли.

— *... каждого человека, включая женщин и детей.*

— Расточительство. Некоторые из девушек могут оказаться красавицами. Линг, дружище, ты же знаешь, я не люблю критиковать, но мудро ли ты поступил, окружив себя водой и только водой? — спросил Мастер Ли.

Он вытащил из кармана фляжку с вином и выплеснул половину в бассейн. Лунный Мальчик и я схватились друг за друга, чтобы не упасть. Темное пятно от вина превратилось в водоворот, воронка вытянулась вниз, прямо к скалящемуся рту черепа. Внезапно все тростники успокоились. Потом один задвигался.

— *Барп.*

— Это вино из твоего времени, — сказал Мастер Ли. — Оно называется Роса Горы Хайнин. Как оно тебе?

Тростники опять задвигались. — *Хайнин? Эти неотесанные увальни делают такое замечательное вино? Я всегда думал, что у навозных жуков больше таланта, чем у них. Кстати, о жуках. Толстопузый уже упился до смерти?*

— Нет, но он делает все, что в его силах, — ответил Мастер Ли. — Я рассказал его домовладельцам, что у него совершенно особая печень, сделанная из кристаллизовавшегося графита, но они все равно выкинули его прочь, опасаясь что однажды ночью он загорится и спалит дом.

Он нацедил еще немного вина в бассейн, и выпил сам. Тростники зашевелились опять.

— *А что это за красавчик рядом с тобой? И ярмарочный борец?*

— Борец — мой глубокоуважаемый заказчик и нынешний помощник Десятый Бык, — сказал Мастер Ли. — А красавчик — Лунный Мальчик, всемирно знаменитый эксперт по звукам и персиковым задницам.

Мы вышли вперед и поклонились. Тростники задвигались.

— *Этот Лунный Мальчик заставил меня захотеть опять обзавестись задницей, но для чего ты приволок двух юных героев к старому шарлатану, лежащему на дне бассейна?*

Мастер Ли сделал еще глоток. — Ради одной мелочи. Я хочу, чтобы Лунный Мальчик посмотрел в зеркало, — небрежно ответил он.

Мне показалось, или действительно тростники задвигались намного более осторожно.

— *О каком зеркале ты говоришь?*

— Есть только одно, в которое стоит смотреть, — ответил Мастер Ли.

— *Берегись, Ли Као!*

— Другие уже проделали этот путь, — сказал Мастер Ли. — Я даже слышал, что сам император приходил к тебе за пропуском, а он вроде цел и невредим.

Тростники оживились. — *Потребовалось вмешательство богов и огромная взятка, чтобы Тан вышел наружу! Ты можешь рассчитывать на покровительство Нефритового Государя? Я могу открыть дверь, но только внутрь, все остальное — ты сам, и, кстати, парни согласны на такое путешествие?*

Мастер Ли взглянул на нас. Я поклонился черепу. — Прославленный господин, куда бы ни пошел Мастер Ли, я иду с ним, — сказал я.

— Самый благородный из Мудрецов, речь идет о жизни девушки по имени Утренняя Печаль. Ради нее я готов на все, — сказал Лунный Мальчик.

Какое-то время тростники не шевелились, но потом задвигались, неохотно.

— *Значит так тому и быть. Ли Као, передай мою любовь Королеве Фейянь, если увидишь ее — боги, ее дыхание пахло орхидеей! — и поблагодари Ли По за то, что завещал мне шулерские игральные кости.*

Вода в бассейне забурлила и начала кружиться, все быстрее и быстрее, концентрические круги устремились к центру, а я, как завороженный, уставился на череп. В пустых глазницах вспыхнул свет, он манил меня к себе, мне показалось, что череп стал расти, с каждой секундой становясь все больше и больше. Белые кости заполнили небо, свет тянул меня к себе, и я с удивлением обнаружил, что иду через огромную пустую глазницу. Мастер Ли и Лунный Мальчик прошли через другую, и мы оказались на каменной полке высоко в горах. Свистел холодный ветер, и где-то далеко крикнул орел.

— Чудесные эффекты, — сказал Мастер Ли.

Мы стояли перед вделанной в камень бронзовой дверью. Мастер Ли толкнул ее, мы вошли, очутились на лестничной площадке и начали спускаться по длинной извилистой лестнице, ведущей прямиком в Ад[III].

## СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Для моих читателей-варваров, даже самых знаменитых, я должен сказать пару слов о том, как устроен Ад. Дорогие друзья, виноваты не вы, а ваши невежественные священники и мудрецы. Они пытаются совместить несовместимое: Ад предназначен для проклятых, а мир плоский.

Конечно мир не плоский, он — куб, длиной в 233575 шагов. В центре куба находится Королевство Ад, и там судят всех смертных, как святых, так и грешников. Вот почему люди на других сторонах куба не падают с него: нас все тянет к месту нашего окончательно успокоения, так что не имеет значения, где мы стоим, Ад всегда «низ», а Небо всегда «верх», так было, есть и будет.

Это королевство огромно. Внутри него есть сто тридцать пять мелких Адов и десять главных: один для суда Бога Стен и Рвов, один для Великого Колеса Перерождений и восемь для наказания грешников. В мелких Адах люди ждут суда. Кого-то ждет путешествие в Землю Вечного Счастья на Западе, где они будут сидеть у ног Будды; те, кому особенно повезет, могут оказаться на Горе Кунлунь, где они будут сидеть у ног Нефритового Государя, а есть еще много других, которых я даже не буду пытаться перечислить.

Живым запрещено входить Ад. Одно из редких исключений — официальное посольство от Императора Китая. За исключением нынешнего Императора, Тана, я знал только двоих человек, которые тайком вошли в Ад и сумели вернуться. Одним был Негодяй Чоу, настолько хитрый и ловкий, что однажды умудрился обмануть само солнце, а другим — Безумный Чи, который в конце концов стал полубогом и которому посвящено много храмов по всему Китаю. Я надеялся, что Мастер Ли обратится к одному из них. Только поэтому меня не полностью парализовало от страха, пока мы спускались в Землю Теней. Мастера Ли, однако, заботило совсем другое.

— Первым делом мы должны оценить новую власть, — озабоченно сказал он. — Говорят, что бывший Владыка Ада Е-Ван-е судил слишком снисходительно и был смещен, но гадатели не сумели узнать, кто назначен на его место. Если победили Легисты[45] нам придется туго.

Мы скорее плыли, чем шли вниз — слава Богам, потому что спуститься на 116787.5 шагов невозможно — и перед нами появился маленький круг холодного бледного света. Перед дверью мы остановились и вгляделись в серую плоскую равнину, простиравшуюся вплоть до стен главного города Фенг-ту. Солнца не было, с серого неба лился слабый жемчужный свет. Серые деревья и цветы, приглушенные звуки.

Но демоны серыми не были. У некоторых были блестящие синие лица, жестокие красные глаза и желтые клыки, у других — зеленые клыки, красные носы и черные глаза. Все они были совершенно ужасными, как и полагается быть демонам, которых каждый видел в ночных кошмарах, и они надзирали за длинными рядами мертвых, тянувшихся к воротам города. Социальная иерархия, увы, проникла и сюда. Аристократы шли отдельно, купцы, ученые, солдаты, фермеры — все шли отдельно друг от друга, по назначенным им дорогам, и конечно, аристократов пропускали первыми, а актеров — последними. Все было как наверху, с церемониями и формальностями. Демоны кланялись троллям, тролли — ограм, огры — дьяволам, и Мастер Ли презрительно сплюнул.

— Собачье дерьмо, — прорычал он. — Нео-Конфуцианцы наложили руки и на Ад. — Он задумался и внезапно повеселел. — На самом деле это только облегчает нашу задачу, — сказал он. — Лунный Мальчик, надевай свою самую до-

45 Легисты – кит. фа цзя, досл. «Школа закона/законников»

рогу одежду и лучшие драгоценности. Бык, я хочу, чтобы ты стал идеальным крестьянином, и я сам оденусь так, как мне подобает в текущей реальности.

Мы открыли мешки. Я выбрал пару почти развалившихся сандалий, шляпу, похожую на мышиное гнездо, и так встряхнул старую одежду, что она едва не разлезлась по швам. А когда я натянул на лицо выражение тупой покорности судьбе, я настолько стал крестьянином, что сердце любого мандарина растаяло бы при виде меня.

Наряд Лунного Мальчика слепил глаза. Понадобилось бы не меньше четырех страниц, чтобы описать его одежду, а любая драгоценность на его костюме стоила как небольшое королевство.

Мастер Ли внушал почтение. Никогда раньше я не видел его со всеми академическими регалиями, и это было совершенно замечательно. Он получил на экзаменах степень *чуань янь*, стал первым среди всех ученых Китая, и гордо нес на груди золотую розу. Кроме того его грудь украшала эмблема с императорскими топорами и драконами: *шьен-куань*, внушающий страх знак цензора, который имел право сослать любого чиновника или казнить его на месте. (Много лет назад сам император вручил ему эту эмблему). На лакированной шляпе сверкали все девять символов его ранга, и он отдал мне подобающий его положению зонтик. Я раскрыл его и поднял так, чтобы он прикрывал головы Мастера Ли и разряженного павлина.

— Парни, держитесь понаглее! — сказал Мастер Ли. — И не забывайте, что пламя Ада существует только для того, чтобы на нем готовить чай для благородных Нео-Конфуцианцов вроде нас.

Мы вздохнули поглубже и зашагали по адской равнине, холодной и серой. Ноздри демонов раздулись от негодования, когда они почувствовали живую плоть, и на нас в упор уставились огненные глаза. — Обрати внимание на того жирного парня с пурпурными глазами и комками плоти, висящими между клыков! Десять ударов бичом за неряшливость, — сказал Мастер Ли и Лунный Мальчик быстро записал его слова в толстую книгу. — А взгляни на эти ряды! Завязли в черной патоке и даже не могут встать ровно! А это тело, разве оно не принадлежит негодяю, который именует себя Князем Чоу? С каких это пор сводникам разрешается стоять среди аристократов? Добрая чистка, вот что надо этому месту, и, конечно, надо отрубить несколько сотен голов.

Жестокий старый демон в одно мгновение превратился в придворного, оказавшего в присутствие высочайшей особы: его клыки и когти задрожали, он не осмелился не то, чтобы ударить, но даже пошевелиться. Мы не торопясь прошли мимо, к воротам. Лунный Мальчик поразил всех демонов своим видом. Он грациозно кивал налево и направо, как если бы ожидал аплодисментов, и только слабое недовольство на лице указывало, что огры могли бы по меньшей мере зажечь благовония и усеять его путь лепестками роз. Тем временем я заметил множество людей моего скромного класса, украшенных ударами бичей и угодливо склонивших голову.

Я поднял зонтик еще выше, и теперь тоже оказался под желтовато-черным марлевым пологом, подбитым снизу трехслойным красным шелком; серебряные спицы указывали на чиновника высшего ранга. Я был его собственностью. Как может великий господин путешествовать без крестьянина, которого надо бить кнутом по каждому случаю? Сила власти перешла из рукоятки зонтика в мою руку, и я обнаружил, что самым естественным выражением лица в мире является снисходительная усмешка. Рабство — замечательное убежище от неуверенности.

Демоны, охранявшие ворота, подняли когти: стой! — Посмотри на эти грязные ногти! Двадцать ударов плетью, каждому! — яростно выкрикнул Мастер Ли и гордо прошагал прямо между ними. Я держался за зонтик как за еще дорогую мне жизнь, в следующее мгновение мы уже были в воротах, а потом и в городе.

Мастер Ли прошел мимо огромной базилики Бога Ворот и Рвов и отправился прямиком ко дворцу Первого Короля Яма, и, подойдя к дверям, я понял, что ничего хорошего нас не ждет. Никто не может войти без разрешения к верховному дьяволу с черным лицом, злыми красными глазами, стальными клыками и головой, на которой росли не волосы, а извивающиеся гадюки. Клубы дыма выходили из его ушей и ноздрей, и я спросил себя, не отбивают ли мои колени и колени Лунного Мальчика марш, и решил, что мы играем дуэт.

Мастер Ли коснулся императорской эмблемы и посмотрел на ужасное создание с отрешенным видом палача, проверяющего ломоть мяса. — Господин Ли из Као, специальный посланник Сына Неба. Я должен проверить записи Прошлых Существований. Немедленно! — надменно бросил Мастер Ли.

Демон молчал и только глядел. Из его рта вырвались языки пламени.

— Неужели я столкнулся с неподчинением? — холодно сказал Мастер Ли. Он сорвал бриллиантовую брошь с одежды Лунного Мальчика и бросил ее в реку из расплавленного железа, которая текла за стенами дворца. — Будет очень жаль, если мне придется сообщить, что дерзкий хранитель ворот украл драгоценную брошь и попытался скрыть преступление, проглотив ее. — Его холодные глаза остановились на животе страшной твари. — Хотя, быть может, я немного развлекусь, глядя, как небесные следователи добывают доказательства, — добавил он.

Не произнеся больше ни слова, он повернулся и пошел прямо к большим железным дверям. Я поторопился вслед за ним, но был настолько ослеплен потом и ужасом, что не видел, как двери открылись, и пришел в себя только тогда, когда мои сандалии заскользили по мраморному полу.

Даже у Мастера Ли на лбу выступила испарина. И только Лунный Мальчик казался совершенно невозмутимым. Он продолжал улыбаться воображаемым аплодисментам, хотя, казалось, ему слегка не хватало хора привет-

ственных криков; я напружинил спину и поднял свой зонтик еще немного выше. По длинному коридору мы прошли в большой зал, где шелестела бумагами армия служащих.

В аду работали не только демоны, но и обычные души. (Кстати, демоны вовсе не обязательно зло. Вполне возможно родиться слугой в Аду только из-за поворота Великого Колеса, и получить жажду крови как часть процесса, как и в том случае, когда родишься тигром). Судя по всему главный клерк в своем последнем воплощении был банкиром. У него были тонкие прямые волосы, тонкие прямые брови, тонкие прямые глаза, тонкие прямые ноздри, тонкие прямые губы, тонкие прямые плечи, и тонкие прямые руки аккуратно лежали на столе, он сжал вместе тонкие прямые колени, и, казалось, тонкие прямые ноги вросли в пол. Лунный Мальчик задумчиво посмотрел на него.

— Мой, — сказал он.

— Бери его, — сказал Мастер Ли. — Нам нужно попасть в отдел Записей.

Зрелище было похоже на танец в опере, который говорит больше, чем могут сказать любые слова. Мои щеки загорелись, когда Лунный Мальчик, покачивая бедрами, грациозно повернулся к столу — никогда не видел его таким! — и глаза клерка загорелись. Лунный Мальчик улыбнулся. Клерк выпучил глаза, на лбу появились капельки пота. Лунный Мальчик что-то нежно проворковал. Тонкие колени под столом задергались. Лунный Мальчик проворковал еще нежнее. Тонкие руки сцепились вместе, тонкие ноги ударили по полу. Бедняга ухитрился что-то сказать, и рука Лунного Мальчика, которую он держал за спиной, указала на одну из боковых дверей. Мастер Ли и я как можно незаметнее пошли к ней. Лунный Мальчик махнул рукой и случайно коснулся руки клерка. Тот, как ошпаренный, вскочил на ноги, качаясь дошел до двери и, несколько раз не попав ключом в замочную скважину, все-таки открыл ее. Мы прошли через дверь прежде, чем клерк сообразил что происходит, и Лунный Мальчик наградил его, слегка потрепав по щеке, а потом хлопнул дверью перед его лицом.

Я ожидал еще одну армию служащих, но в отделе Прошедших Существований за огромным столом сидел только один клерк, почти похороненный под гроссбухами. Поднявшееся к нам лицо напомнило мне картину Хен-чианга «Нюхающий Генерал». Брови стояли вертикально, глаза были выпучены, как у лягушки, а нос сморщен так, что, казалось, он постоянно нюхает что-то неприятное. Мастер Ли поклонился ему как равному, и Лунный Мальчик тоже поклонился, изысканно и немного снисходительно.

— Э? — сказал Регистратор.

— Господин Ли из Као, эмиссар Сына Неба, разгневанного Сына Неба, — сказал Мастер Ли.

— Э? — повторил Регистратор.

— Наше вторжение было бы совершенно недопустимым, если бы речь не шла о серьезнейших делах, а что может быть более серьезным, чем неудачное использование Напитка Забвения? — грозно проговорил Мастер Ли.

— Э? — спросил Регистратор.

Мастер Ли резко повернулся и указал на меня. — Взгляните на этого безмозглого и вшивого представителя нижних классов! — зло сказал он. — Он должен уметь только работать с утра до ночи на поле, быть верным своему господину и испускать газы, когда пучит живот, и тем не менее он утверждает, помнит до последних подробностей свое предыдущее воплощения, когда он был пра-пра-дедушкой бриллианта нынешнего двора!

Лунный мальчик понял намек и грациозно поклонился.

— И это еще не все. Этот слюнявый кусок дерьма настаивает, что был наставником принцев Династии Суй! — проорал Мастер Ли. — Он рассказывает о пьяных выходках Императора Ян Цзяня такие вещи, которые заставили бы завиться ваши волосы, если бы они у вас были, и каждый раз, когда он открывает свой дурацкий рот, он требует, чтобы его называли Господин Цинь!

(Это был намек для меня. Цинем звали старого помощника настоятеля монастыря, находившегося рядом с моей деревней, который учил грамоте крестьянских детей после дня работы в поле. Бесконечно добрый ласковый человек, страдавший, увы, крайним педантизмом, и я часто веселил Мастера Ли, подражая своему старому учителю).

— Шаг вперед, олух. — Я сплюнул, почесал яйца и вышел вперед. Мастер Ли оглянулся и указал на украшенную затейливым орнаментом бронзовую шкатулку. — Какой основной мотив росписи? — рявкнул он.

Я попытался выпучить глаза, и щелкнул челюстями так, как будто заскрипели заржавелые петли.

— *Тсао-ти* или «маска росомахи», — отличительный мотив росписей династии Шань и раннего Чжоу, — зажужжал я монотонным голосом. — На переднем плане мы видим лицо животного, иногда распознаваемое, а иногда стилизованное под сказочного монстра. На боковых поверхностях оно или повторяется, или изгибается вокруг угла; во всех случаях кромка делит его на симметричные половины, каждая из которых имеет выступающий глаз. Каждая половина лица продолжается телом, иногда пропорционально, иногда нет; тела абсолютно симметричны, и если остов вырезан на кости, то две половины складываются вместе как крылья, прикрепленные к голове. Тела обычно змееобразные, похожие на драконьи, свернутые спиралью или представляющие из себя другие геометрические фигуры, с поворотами и завитками, и сами покрыты спиралями или другими рисунками; зачастую также являющимися тсао-ти, но меньшего размера. Точно такую же «маску росомахи», повторяющуюся множество раз, можно увидеть и на сосуде рядом. Подчеркнуто сильный, уникальный рисунок, представляющий...( пауза, медленно считаю до десяти)... непонятно что.

Глаза Лунного Мальчика давно застеклянели и потускнели, он едва не валился с ног от скуки. Голова Регистратора Прошлых Существований упала на стол. И только когда его подбородок ударился о чернильный камень, он вздрогнул, проснулся и вскинул голову. Я гордо задрал нос. Лунный Мальчик тоже проснулся, упал ко мне в ноги и начал целовать сандалии. — Великий пра-пра-прадедушка, — провыл он.

Мои слезящиеся глаза перешли к вазе с серыми цветами. Не устающие челюсти защелкали снова.

— Растения и цветы, — зажужжал я. — Каждое из них создает настроение. Цветы сливы предрасполагают к поэзии, орхидея — к уединению, хризантема — к незамысловатым удовольствиям; лотос пробуждает в сердце простоту, вишня — очарование, пион — стремление к успеху, банан и бамбук — нежное очарование, бегония обольщает, сосна заставляет подумать об отставке, платан избавляет от забот, видя иву человек становится сентиментальным —

— *Остановись, ради любви Будды!* — провыл Регистратор.

— Впечатляет, не так ли? — усмехнулся Мастер Ли. — Как можно сомневаться в том, что этот червь был наставником принца, если он может за две минуты усыпить целый полк? Вы не смогли стереть воспоминание о предыдущих существованиях, это исключительно серьезная оплошность!

— Я не в состоянии понять, как такое могло случиться, — промямлил Регистратор. — В прошлом, да, были сотни таких донесений, но в последние несколько столетий мы работаем исключительно тщательно.

— Ошибки могут быть всегда, — наставительно сказал Мастер Ли. — Сын Неба предложил провести испытание, которое откроет нам правду, и ради этого мы здесь. Мы возьмем эту мятежную душу, поставим ее перед *Ни-чин-тай*, и немедленно узнаем истину.

— Но смертным запрещено стоять перед Зеркалом Прошлых Существований, — пробормотал Регистратор.

— Боги смотрят на это дело иначе, особенно если для этого есть важнейшая причина, — вкрадчиво ответил Мастер Ли. — Кроме того этот гордящийся собой павлин повсюду кричит, что он пра-пра-правнук, и как часто ошибки происходят из-за излишней осторожности!

Лунный Мальчик побледнел и затрепетал, глаза Регистратора сверкнули. Бюрократы и придворные не слишком любят друг друга, и спустя несколько минут мы уже шли по лабиринту коридоров. Регистратор открыл большую черную дверь, за которой оказался длинный туннель, из конца которого лился зеленоватый свет. Когда мы подошли ближе, я осознал, что это естественное зеркало, образованное огромным кристаллом, вделанным в каменную стену.

Безмерное почтение — вот что я почувствовал, увидев Зеркало Прошлых Существований. И обнаружил, что стою на коленях и кланяюсь ему до земли, и

все остальные делают то же самое. Наконец мы встали на ноги. На полу перед зеркалом были начерчены отметки для двух сандалий, и Мастер Ли толкнул меня вперед. Я поставил ноги на отметки и медленно поднял глаза. Зеленый свет, льющийся из зеркала, замигал, и мое сердце забилось в ответ. Я ясно разглядел свое отражение, но других отражений не было. Странный покой охватил меня. Я почувствовал, что ничего не боюсь, даже тогда, когда услышал мягкий голос, льющийся мне в уши.

— Почему передо мной стоит живой человек?

В голове не было ни одной мысли, и я ляпнул первое, что пришло на ум.

— Мастер Ли ищет правду.

Зеленый свет какое-то время молча мигал. Потом мягкий голос заговорил опять. — Хорошо, пусть будет что будет. Посмотри прямо на меня, Десятый Бык.

По сторонам зеркала появились две колонки. Одна была озаглавлена «Добродетели», вторая — «Грехи». Потом мое отражение растаяло, вместо него появилось что-то, похожее на маленький комок, и я сообразил, что вижу свое первое появление на земле.

Я так и не понял, что это за комок, но он был похож на крошечную медузу. Комок слился с другими комками, что-то поползло, и я очень обрадовался, узнав одно из первых существований: червяк. Колонки с добродетелями и грехами оставались пусты.

Потом я вновь родился, рыбой. Растения, грибы, насекомые, тигровая бабочка, таракан, корова и черепаховый кот. Я поднимался по шкале существований и очень гордился собой.

Увы, гордость мгновенно слетела и я отшатнулся, когда увидел кусок водоросли, пену на пруде, шесть видов камня и четыре дерева, и бесчисленное количество растений. Потом я опять полез вверх: львиный зев, черная куропатка, ящерица-геккон, кривоногая и одноглазая дворняга с пожеванными ушами, тело которой украшали шрамы от тысяч сражений на свалках. Колонки с добродетелями и грехами оставались по-прежнему пустыми, как умы в Генеральном Штабе. Я с нетерпением ожидал первого человеческого существования.

И вот оно пришло. Я зеркале появилось тело человека. Разинув рот, я смотрел на знакомое некрасивое лицо Десятого Быка, и когда я ощупал свое тело, руки в зеркале повторили мой жест. Колонки с добродетелями и грехами исчезли.

— Чтоб я пропал, — сказал Мастер Ли.

— Не будем говорить о том, что произошло, но одно мне ясно, — воскликнул Регистратор. — Совершенно невероятно! Этот парень невинен как абрикос.

— Не совсем так, — мрачно отозвался Мастер Ли. — Мы знаем, что он никогда не был наставником принцев, но теперь надо узнать о соучастнике его обмана. Павлин, вперед!

Лунный Мальчик занял мое место перед зеркалом. Его отражение исчезло, и он тоже стал комком слизи. Опять комки соединялись друг с другом, колыхались волоски, но затем все стало совсем иначе. Быстро-быстро Лунный Мальчик превратился в отравленный плющ, смертельную белладонну и куст красных ягод, к которому я не подошел бы и с палкой в руке. Тарантул, кобра, какая-то ужасная тварь с двадцатью извивающимися щупальцами... Он быстро поднимался по лестнице перерождений! Потом появилась маленькая старая дама со слезящимися от дыма глазами.

Старуха хлопотала на кухне вокруг горшка, в который она добавляла зеленые и пурпурные порошки. Из горшка поднимался пурпурный дым, черная жидкость кипела и переливалась через край, и довольная дама захихикала от радости, когда котенок лизнул жидкость на полу и упал мертвым. Колонка грехов стала заполняться, и видимо Великое Колесо Перерождений решило начать сначала.

Маленькая старушка рассеялась, на ее месте появилось непонятное существо, и Мастер Ли пробормотал, что оно похоже на возбудитель проказы. Проказу сменил бесформенный червяк, хищный гриф, ядовитая жаба, мокрица, кусты папоротника и, наконец, улыбающийся маленький мальчик, мучающий геккона. Колонка грехов опять быстро наполнилась, и следующей инкарнацией Лунного Мальчика стала совершенно легендарная личность: Сумасшедший Монах Му из Полуночного Болота.

Кривляющийся монах превратился в зыбучий песок, и Великое Колесо Перерождений опять начало все сначала. Зыбучий песок стал болотной гадюкой, несколькими видами пауков, летучей мышью-вампиром, гиеной и, наконец, Лунным Мальчиком — но Лунным Мальчиком одетым девочкой и играющей с котенком. С облегчением я увидел, что он не мучает котенка, но постепенно сообразил, что он учит котенка выцарапывать глаза и натравливает его на соседского ребенка. Мне показалось, что само зеркало вздрогнуло, как если бы собирало силы для последнего усилия.

Свет высветил совершенное лицо Лунного Мальчика. Нимб становился все ярче и ярче, пока, наконец, не замерцал, как языки огня. Лунный Мальчик опять изменился, стал похожим и непохожим. Лицо поднялось, руки вытянулись, как если бы он хотел дотянуться до солнца. По нему побежали всполохи изумрудного сияния. Колонка с грехами переполнилась, надпись побежал по стене, колонка с добродетелями оставалась пустой.

Внезапно обе колонки исчезли. Исчезло и изображение в зеркале. Вместо них появились слова. «Суд за пределами юрисдикции нижних судов и передается Высшему Божеству». Через несколько мгновений слова исчезли, и из зеркала на Лунного Мальчика глядело его собственное отражение.

— Небеса сохрани нас, — прошептал Регистратор.

— Невероятно, — воскликнул Мастер Ли. — Слава богам, что этот парень не попадает под наш суд! Пускай Сын Неба сам назначит наказание ему и его рыбоподобному сообщнику, но я бы хотел посмотреть в Реестр Душ и убедиться, что ни один из более ранних приговоров не будет противоречить божественному.

Очень сомневаюсь, что Регистратор Прошлых Существований разрешил бы такое, если бы был в нормальном состоянии, но от увиденного его всего трясло. Не сказав ни слова он позволил Мастеру Ли провести минуту в зале, где проходила регистрация, а потом поспешно отвел нас обратно через лабиринт коридоров, сам открыл дверь и выпихнул нас наружу. Дверь с треском захлопнулась.

Мастер Ли залился громким смехом. — Ну вы и парочка! — фыркнул он. — Какая честь путешествовать с такими выдающимися юными господами! Теперь давайте посетим одного моего друга, а потом нам надо увидеть Тоу Ван, жену Смеющегося Принца.

Я должен отдать должное Лунному Мальчику. Он только что узнал, что все его предыдущие воплощения наполняли мир злом, но только привел себя в порядок, как если бы ничего не случилось, и в его голос не прозвучало и тени волнения.

— Быть может я рискую показаться глупцом, но почему бы нам не увидеть самого аристократа-убийцу? — спросил он.

Мастер Ли зашагал по улице, не говоря ни слова. Только через какое-то время он откашлялся, прочистил горло и сказал. — Это не так уж легко. Видишь ли, согласно Регистру Душ, Смеющийся Принц сумел ускользнуть от судебных приставов и никогда не появлялся в Аду.

## ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Оглядываясь назад, я думаю, что нам с Лунным Мальчиком повезло: у нас в голове не было ничего, кроме образа сумасшедшей мумии, выбирающейся из могилы и ползущей к комнате, где на кровати лежал беспомощная Утренняя Печаль. В результате мы не смотрели по сторонам, а ведь некоторые детали Ада крайне неприятны. В таком состоянии мы подошли к реке Хоу Най-хо, которая отделяет Первый Ад от Второго. Через реку перекинуто три моста: по золотому ходят только боги и их посланники, серебряный предназначен для добродетельных душ, а по третьему, из ветхого бамбука, ходят только грешники. Они кричат от ужаса, пытаясь пересечь реку, и неизбежно падают в воду, по которой скользят огромные бронзовые собаки с широко раскрытой пастью и шипящие змеи. Вода пузырится от крови, но это только так, цветочки, потому что вода выносит сплетенные тела на тот берег чудесным образом исцеленными, где их встречают улыбающиеся демоны, которые и ведут грешников туда, где за них берутся по настоящему.

Мастер Ли не глядя ни на кого уверенно пошел к золотому мосту, а Лунный Мальчик закричал во весь голос, — Дорогу, дорогу великому Ли из Као, эмиссару Сына Неба! — Мы прошли мимо глазеющих демонов и взошли на мост с таком видом, как если бы он принадлежал нам. Во втором Аду наказываются бесчестные мужчины, сводни и врачи, невежественные или беспринципные. Наказание было не из самых страшных, страшнее был отвратительный запах, и Мастер Ли с Лунным Мальчиком прижали платки к носам. Я же с детства привык к запаху хлева, и ничего не чувствовал. Мы пошли вдоль длинной линии ям, и в конце концов Мастер Ли остановился около жирного мужчины с мрачным лицом, погруженного в жидкий навоз вплоть до подбородка. Даже через вонь он почувствовал живую плоть и медленно поднял глаза.

— Нет, вы только посмотрите, Ли Као! Если ты по поводу той земли, которую я продал тебе —

— Ничего подобного, — ответил Мастер Ли.

— Я вообще не знал, что в почве была щелочь! Пускай Небеса рассудят если я ... э... рассудят..., дерьмо!

— Ну, теперь ты должен быть знатоком в этом вопросе, — издевательски весело сказал Мастер Ли. — И действительно Короли Яма слишком мягки, учитывая то, что ты продал ту же самую землю своему собственному отцу.

Жирный мужчина заплакал, слезы проделали бледные дорожки в коричневой слизи, покрывавшей его лицо. — Ты не расскажешь им, это, да? — всхлипывал он. — Ты даже представить себе не можешь, что Нео-Конфуцианцы сделали с этим местом! Они пошлют меня в восьмой Ад, а это такой ужас, который невозможно даже вообразить.

— Ты бы посмотрел, что эти ребята сделали с Китаем, — мрачно сказал Мастер Ли. — Как-то ночью мне приснилось, что ты вернулся и опять стал придворным врачом. Уже много лет я не был так счастлив.

Трудно держать себя с достоинством в таких обстоятельствах, но жирный мужчина попытался.

— Не все мои пациенты умирали, — надменно сказал он. — Некоторые опять встали на ноги и пошли, а парочка даже без костылей!

— А, это те, которых ты лечил от простуды?

— Простуды и прыщей. Врач не виноват, если сошедший с ума пациент приходит к нему по поводу заусениц! — решительно сказал жирный мужчина.

— Ты был выдающимся врачом, один на миллион, — тепло сказал Мастер Ли. — Кто еще, кроме тебя, мог прописать окись мышьяка как средство от икоты?

— Но это сработало!

— Во всяком случае пациент с этим уже не поспорит, — непонятно сказал Мастер Ли. — Но я пришел к тебе не ради разговора о способах лечения ико-

ты. Ты помнишь, как мы с тобой путешествовали по Тангану? Это было восемьдесят или девяносто лет назад, и сейчас мои мозги напоминают то, в чем ты плаваешь. Я помню только девушку в темно-красном сампане[46].

Жирный мужчина резко и совершенно невероятно изменился. Лицо разгладилось, исчезли жирные складки, и я осознал, что в сущности это добросердечный, немного легкомысленный, но симпатичный молодой человек.

— Ты тоже ее помнишь? — нежно сказал он. — Ли Као, не проходит и дня, чтобы я не вспомнил о ней. Что за время! Она пела «Осенние Ночи» и швыряла в воду куски рисового торта, мы ныряли за ними, как собачки, а она смеялась. Клянусь всеми богами, я надеюсь, что она на Небе.

— Там был какой-то праздник, а? — спросил Мастер Ли.

— Да, и вся деревня сошла с ума. Маски, барабаны, обезьяньи пляски, а толстый фермер, которому ты пустил пыль в глаза, схватил тебя и назвал «Королем Блох». Мы не просыхали целую неделю, а когда уходили, нам подарили еду и цветы.

Он печально уставился в свою яму с навозом. — Как хорошо быть молодым, — прошептал он.

Мастер Ли приказал нам не сводить глаз с демонов, а сам уселся на землю и поднес фляжку к губам мужчины. Тот пил длинными глотками и выдул не меньше четверти.

— Будда, что за вино! Роса Горы Хайнин?

— Самое лучшее, — сказал Мастер Ли. — В те дни ты был заядлым ботаником, и, как мне кажется, уйдя из деревни с той девушкой в сампане, мы пошли куда глаза глядят. Мы прошли мимо храма или монастыря, поднялись на холмы и ты нашел —

— Бомбейское колючее яблоко! — крикнул мужчина. — Как я мог забыть? Такая находка бывает раз в жизни, и я всегда собирался вернуться за ним, но, увы, мир слишком быстро закрылся за мной.

— Ты мог бы найти его сейчас? — спросил Мастер Ли.

Мужчина посмотрел наверх с живым интересом. — А, вот в чем дело. Тебе надо Бомбейское колючее яблоко? Опасная штука, Ли Као. Ты всегда суешь нос в самые опасные и рискованные дела, и как тебе удается остаться после этого в живых — одна из величайших тайн Поднебесной.

Мастер Ли опять наклонил фляжку вниз.

— Какой парой мы были, — протянул мужчина, когда перестал кашлять. — И кем стали. Я проклят, а ты, ты — настоящий сумасшедший. Может быть я и грешник, но точно знаю, что некрасиво лишать детей и сумасшедших их игрушек, так что если бы я был в Китае и захотел Бомбейское колючее яблоко, я бы отошел на шесть ли от Монастыря Белое Облако, вышел бы к самым холмам,

46 Сампан – небольшая плоскодонная лодка.

там, где они ближе всего подходят к дороге, повернул на восток и стал бы карабкаться вверх. Там сланец, потом гранит, а за ним какой-то черный камень, пройдя мимо которого оказываешься на небольшой поляне перед утесом. Узкая тропинка через кусты, и еще одна крошечная поляна, перед самым утесом, а в центре — твоя яблоня с колючими яблоками, если, конечно, кто-то не спилил ее на дрова и не убил этим всю свою семью и соседей.

Глаза толстяка сдвинулись на меня и Лунного Мальчика. — Ты хочешь что-то сделать с Красавцем и Чудовищем, а? Берегись, Ли Као! Эта самая безобидная часть ада. Потом тебе понадобится пропуск получше, чем государственный зонтик.

Мастер Ли встал, поклонился и повернулся, собираясь идти. — Ты знаешь, Короли Яма суровы, но справедливы, — сказал он. — Добрые намерения могут, хотя бы частично, смягчить плохие результаты, и Великое Колесо терпеливо ждет. Кто знает? Быть может после пары инкарнаций как насекомое или животное, ты обнаружишь, что плывешь по Янцзы в темно-красном сампане.

Мужчина посмотрел на нас с отчаянной надеждой в глазах. — Быть может ты сумел заглянуть в Регистр Душ, — прошептал он.

Мастер Ли подмигнул и мы пошли дальше. Оглянувшись, я в последний раз увидел жирного мужчину: он плакал от радости при мысли, что родится девушкой, поющей песни в сампане, и распевал «Осенние ночи».

Пытки в Третьем и Четвертом Адах тоже относительно легкие и предназначены для плохих чиновников, клеветников, фальшивомонетчиков, скряг, бессовестных купцов и богохульников. Настоящие пытки начинаются в Пятом Аду, где наказываются убийцы, неверующие и развратники. Я даже не буду пытаться описать котлы с кипящим маслом, ямы с расплавленным свинцом, полые железные трубы, Холм Ножей или Лесопилку. Мастер Ли сказал, что такие вещи существуют почти во всех культурах, за исключением Тибетской, и Короли Яма не собираются перенимать от Тибетского Мира Тьмы их жестокости, о которых вообще невозможно говорить.

Согласно Регистру Душ Тоу Ван осудили не за убийства или пытки, а за безудержную похоть, и для таких грешников в Пятом Аду были наготове ледяные кровати. Мы шли вдоль рядов кроватей, сделанных из пластов льда. На них лежали грешники, закованные с замерзшие железные цепи, обнаженные тела беспрерывно тряслись, в воздухе стоял гул от трещавших суставов. Жену Смеющегося Принца мы нашли в пятом ряду.

Я был поражен, увидев молодую, исключительно красивую женщину. Как и все остальные, она дрожала и дергалась в цепях, но не молила о пощаде и держала глаза открытыми, несмотря на замороженные веки с прилипшими к ним крупными замерзшими слезами. Мастер Ли глубоко поклонился.

— Принцесса, я надеюсь, вы простите меня за вторжение, — сказал он. — Мы надеялись на встречу с вашим благородным мужем, но до него, похоже, не добраться.

Лед на ее губах с треском лопнул. — Не добраться?

— Каким-то образом он обманул судебных приставов. Вы не знаете, как ему это удалось?

На ее лице появилась ироническая усмешка, и я решил, что за всю свою жизнь не встречал более твердого человека. — Им стоило поискать его душу внутри камня, — сквозь зубы процедила она.

— Камень! — воскликнул Мастер Ли. — Куда бы мы не ткнулись, везде все говорят об этом камне. Не будете ли вы так добры просветить нас, рассказать о нем поподробнее?

Голос Тоу Ван был холоден, как лед, в котором она лежала. — Попробуйте угадать. Угадаете правильно — отвечу на пару вопросов.

— Хорошо. Мне кажется, что кто-то разбил камень на три куска, самый большой поместили в святилище, второй стал амулетом вашего мужа, а третий, самый маленький, попал на вашу заколку для волос.

— Отличная догадка, старик, — сказала принцесса. — Его разбил Сыма Цянь, дурак, сунувший нос туда, куда не следует. Он ничего не знал о камне, а думал, что знает все. Камень Зла, вот как Сыма называл его, и за это потерял яйца. А ты, старик, как ты назовешь камень?

Мастер Ли внимательно поглядел на нее. — Я не назову его злым, но не назову и добрым, — медленно сказал он. — Я назову его концентрированной жизненной силой, которая в руках святого может излечить любую рану, но в руках вашего мужа может нанести рану любому, если вы простите мне невольный каламбур.

— Все лучше и лучше, старик, — сказала Тоу Ван. Ее глаза закрылись. На губах стал намерзать снег. Я уже решил, что больше она не захочет говорить, но потом ее тело вздрогнуло и дернулось, а лед на губах раскололся.

— Он не его, он никогда не был его, он мой... Один любовник дал мне... Любовники всегда отдавали мне... Мне было десять, когда я разрешила мальчику подумать, что он обольстил меня, и он отдал мне кольцо матери... Красивый мальчик, так легко выдрессировать, как собачку... Ложись! Сядь! Его отец пришел ко мне, он искал кольцо, и его я тоже выдрессировала... Повернись! Проси!... Я водила его на поводке, который может увидеть только женщина; как они ненавидели меня, эти шлюхи... Он сделал меня своей седьмой женой, и я убедила его и его красивого сына идти на войну... Там их и убили... Цу, он был судьей, а Кун-сан — советником... Ложись! Сядь! Повернись! Проси!... Я выбросила остальных жен на улицу, потом был купец Юй Шоу с камнями и экипажами, Губернатор Куо с домами и землями, он ласкался ко мне как собачка, которая хочет, чтобы ее погладили... Принца Лиу Шень приручить не удалось, но он дал мне корону... Его управляющий подарил мне камень... Камень... Если прижмешь его к коже, чувствуешь пульс... Муж украл у меня камень и сошел с ума, стал

настолько сумасшедшим, что я даже не верила, что такое может быть... Маленький Круг, Большой Круг, тысяча секунд, Эмбриональная Жемчужина, убить, убить, убить, убить!... Сыма Цянь разбил камень, и я поместила осколок на заколку для волос... Эта девка, служанка, она всегда глядела на нее, всегда хотела ее, пыталась украсть ее... Я ударила ее, но она ухитрилась убежать с моим камнем... Моя служанка и эта проклятая наложница с кольцом Упуаута[47], которое мой муж дал ей... Солдаты убили их обеих, но не нашли камня... Он мой, только мой... Мой муж отказался отдать мне второй кусок... Он смеялся и читал мне любовные поэмы о гробе, а потом приготовил отравленное питье... Сумасшедшие монахи в разноцветной одежде вокруг кровати... Холодно... Очень холодно... Туман, вода, приставы ведут меня в серый мир, Короли Яма, замерзаю, замерзаю, замерзаю...

Тоу Ван открыла глаза. — Мальчик-крестьянин, из тебя могла получиться хорошая маленькая собачка. — Ее глаза перешли на Лунного Мальчика. — Тебе бы я поклонялась. — Она опять взглянула на Мастера Ли.

— Ты, тебя не сломать, не выдрессировать, поклоняться тебе тоже невозможно, — прошептала принцесса. — Уходи, старик. Тебя я боюсь.

Мастер Ли поклонился, и мы с Лунным Мальчиком последовали его примеру. Глаза Тоу Ван закрылись, рот, закрываясь, щелкнул, как замок. Я поднял государственный зонтик и мы пошли прочь.

— Что за удивительная юная женщина! — восхищенно сказал Мастер Ли. — Фраза «твердый как Тоу Ван» должна стать поговоркой, и мы попытаемся что-нибудь сделать с ее ледяной кроватью.

## ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мы шли по длинной серой равнине к огромной серой стене Шестого Ада. Серая трава сгибалась по холодным серым ветром, а серое небо, казалось, давило на нас своей тяжестью.

— Мастер Ли, я не понимаю, — сказал я. — Этот камень. Разве он не зло? Так считал Сыма Цянь, и так написал автор «Сна в Красном Тереме», а весь он цитировал Анналы Неба и Земли.

---

47 Упуаут (др.-егип. «Открывающий пути»), Офоис (греч.) — в египетской мифологии бог в образе волка, проводник умершего в Дуат.

Центр его культа — город Сиут (греч. Ликополь — «волчий город»). Его эпитет — «вожатый» («ведущий»). Упуаут наделялся качествами воинственного божества. Его атрибутами были булава и лук. Он имел также функции покровителя умерших, его называли «первый боец Осириса» и иногда отождествляли с ним. Также Упуаута часто отождествлялся с богом Анубисом. Штандарты с атрибутами и изображениями Упуаута выносили перед выходом фараона и несли во главе процессии во время мистерий Осириса в Абидосе. Священное животное божества — волк.

Мастер Ли какое-то время шел молча. Потом заговорил. — Бык, ученые до сих пор спорят о том, что включали в себя легендарные анналы, но мы точно знаем, что оба, Сыма Цянь и Цао Сюэцинь, посчитали доказательством реакцию двух великих людей, которые обладали камнем. Лао-цзы и Чжуан-цзы крикнули «Зло» и отбросили его прочь, но действительно ли это означает, что зло — камень? Не исключено, что они имели в виду что-нибудь другое. Есть по меньшей мере еще одна возможность, и, возможно, речь идет о форме камня.

Форма? Я попытался вспомнить точные слова Сыма Цяня. «Плоская гладкая область, окружающая вогнутый сосуд». Как сосуд может быть злом?

— Но Тоу Ван сказала, что он сделал ее мужа сумашедшим, — заметил Лунный Мальчик. — Разве отсюда не следует, что камень — зло?

— Нет, — спокойно ответил Мастер Ли. — Ее слова абсолютно ясны. Внутренняя сила камня искушала Смеющего Принца, и он решил попробовать использовать ее в исключительно опасной науке, известной как Идеальное Дыхание Дао. Цель — личное бессмертие, а такая цель всегда приводит к катастрофе, рано или поздно. Ты ложишься на спину, прижимаешь язык к нёбу, которое Даосы называют крышей рта, и хватаешь росу мозга, так они называют слюну. Обычно ты прижимаешь средний палец каждой руки к противоположной ладони, но я подозреваю, что Смеющийся Принц прижимал пальцы к камню, в котором пульсировала сила чии. Ты вдыхаешь воздух, тридцать секунд не дышишь, очищаешь его, выпуская росу мозга, а затем посылаешь в грудь и сердце. Это называется Малый Круг. Каждый лунный месяц ты увеличиваешь на пять секунд время задержки дыхания, и когда ты можешь не дышать сто пятьдесят секунд, ты готов к Большому Кругу.

— Задержка дыхания на две с половиной минуты может быть очень опасна, — заметил Лунный Мальчик.

— Да, начинает кружиться голова и ты теряешь ориентацию, — поддержал его я. — А если продолжишь не дышать, то можешь повредить мозг.

— Действительно можешь, — согласился Мастер Ли. — Но это только начало. Большой Круг посылает очищенный воздух через твою грудь, сердце, желудок, печень, почки и половые органы, а каждый лунный месяц ты по-прежнему добавляешь пять секунд. И вот, когда ты достигаешь тысячи секунд, внутри твоего тела должно появиться нечто, что называется Эмбриональной Жемчужиной, которая является Эликсиром Жизни.

— Жизни? Да ты уже умрешь! — воскликнул я.

— Не обязательно. Тело способно на многое, — возразил Мастер Ли. — Другое дело мозг. Он должен постоянно получать свежий воздух. И вот, Смеющийся Принц сошел с ума.

Я видел, как Смеющийся Принц, держась за камень, все больше и больше задерживает дыхание, пока враги не начинают качать головами и приказывают

бить в Облачный Гонг. Похоронный звон несется над головой сумасшедшего принца, завернутого во тьму и сдерживающего дыхание. Идут столетия, вдруг глаза открываются, поднимается крышка гроба и сумасшедший, одетый в нефрит, выскальзывает из могилы; я увидел тень, мелькающую в свете луны и Утреннюю Печаль, беспомощно лежащую на кровати—

— Бык, для тебя есть дело, — сказал Мастер Ли.

Я вернулся к реальности. Я думал, что плоская серая поверхность тянется до самых стен, но ошибся.

— Кто-нибудь из вас посмотрел назад, когда мы вошли в Ад? — спросил Мастер Ли.

Нет, никто.

— Дверь за нами закрылась и исчезла. Остался только утес, голый утес, — сказал он. — А это означает, что у нас есть единственный выход из подземного мира, Великое Колесо, и, значит, мы должны достичь Десятого Ада.

Но сейчас у наших ног лежала Расселина Инь-Янь, и с одного края на другой протянулась качающаяся веревка в два цуня шириной. Мы стояли на самом краю, я посмотрел вниз, но дна не увидел.

— Ну, что думаешь? — спросил Мастер Ли.

Я огляделся. У демонов были низенькие слуги, которых они называли рикшами. Некоторые из рикш несли длинные деревянные коромысла, на концах которых висели огромные ведра с водой, и я сказал. — Господин, я думаю, что два аристократы должны как следует вздуть наглого крестьянина и заставить его нести коромысло на своих глупых плечах.

Демоны, кажется, одобрительно смотрели, как Мастер Ли и Лунный Мальчик колотили меня, и никто из них не возразил, когда жестокий эмиссар Сына Неба набросился на рикшу и отнял у него коромысло. Я вылил воду из ведер невероятного размера, и униженно попросил Мастера Ли и Лунного Мальчика залезть в них. Мастер Ли добавил камней в свое ведро, чтобы уравновесить коромысло, и мы подошли к веревочному мосту.

Любой, кто видел на ярмарках канатоходцев, знает, что они держат равновесие при помощи длинных шестов, и, чтобы добиться идеального баланса, крестьяне проводят множество времени, подвешивая тяжести на концах шестов. Я знал, что это скорее долго, чем трудно, и не паниковал. Кроме того мой зонтик был намного лучше тех, которыми пользуются канатоходцы.

Я поставил левую ногу в сандалии на веревку и медленно пошел, время от времени используя зонтик для дополнительного баланса. Веревка дрожала, но, поскольку я не боялся, мне это не мешало. Очень быстро я приноровился к дрожи и почувствовал себя совершенно уверенно. Без малейших затруднений я достиг центра пропасти. И тут из черной глубины донесся ужасный звук, и я понял, что там нас поджидает кто-то намного худший чем все то, что мы видели в Аду.

— Будда! Лунный Мальчик, что это было? — спросил Мастер Ли из своего ведра.

Звук раздался опять, еще более громкий и еще более ужасный, и я почувствовал, как волоски на задней стороне моей шеи затвердели, оттягивая кожу на лице, а зубы невольно оскалились в широкой безрадостной усмешке.

— *Злобный министр*! — в ужасе воскликнул Лунный Мальчик. — *Цинь Куай, это его губы вопят, видя падающего грешника*!

Я едва не упал с веревки. Цинь Куай был тем самым первым министром, который приказал убить великого генерала Юэ Фей[48], и в наказание получил тело, которое отражало его подлую душу. Огромные слизистые губы, и больше нечего! Из них торчали маленькие острые зубы, которыми министр жевал и жевал, поглощая плоть грешников, начиная с глаз. Отвратительный звук, долетевший до нас, раскачивал веревку туда и сюда, как будто порыв сильного ветра пытался сбросить мост в пропасть.

Пот заливал все мое лицо, я почти ничего не видел. Я смахнул его и попытался сосредоточиться на веревке под ногами, но мысленно видел только одно: жирные слюнявые губы, поднимающиеся из глубины. В какой-то момент я чуть не упал. Единственное, что пришло мне в голову — наклониться чуть-чуть вперед и побежать. Пока меня спасал государственный зонтик, он набрал воздух и тянул вверх, но мне надо было держать плечи прямо, чтобы ведра не раскачивались, и я не сколько бежал, сколько шел вперед, быстрыми короткими шагами. Но веревка продолжала раскачиваться, и рано или поздно я должен был ошибиться.

Я понял, что этот момент настал, когда правая нога не нашла под собой веревки. Я отклонился влево, чтобы не упасть, и потерял равновесие. Чмокающий слюнявый звук снизу помог мне чудом удержаться на левой ноге и прыгнуть вперед. Руки вытянулись так далеко, как только могли, и, уже падая, я ухитрился ухватиться за дальний край Расселины Инь-Янь. Я повис, отчаянно болтая в воздухе ногами и пытаясь найти хоть что-нибудь, на что можно поставить ногу, и моя правая нога ударилась о торчащий камень. Через полминуты я перевалился через край пропасти, Мастер Ли и Лунный Мальчик вывалились из ведер на серую траву и мы все вместе поползли вперед, пока ужасные звуки губ Цинь Куая не растаяли вдали.

— Бык, я спрашиваю себя, когда дела будет более захватывающими, — сказал Лунный Мальчик, наклонился и его вырвало.

Вокруг нас простирался Шестой Ад, в котором наказывались те, кто совершил святотатство. При виде их мучений содержимое моего желудка устреми-

48 Знаменитый военачальник династии Сун Юэ Фэй остался в памяти народа как защитник рубежей страны от вторжения чужеземцев, военный герой, павший жертвой доноса капитулянтов-завистников.

лось наружу и мне пришлось как следует напрячься, чтобы удержать его внутри. Остальным приходилось не легче, но в конце концов мы сумели встать на ноги и я подобрал государственный зонтик, лежавший передо мной. Мы набрали в грудь побольше воздуха и опять отправились в путь, одетые в броню из Нео-Конфуцианского высокомерия и превосходства над окружающими. Мастер Ли не ввязывался ни в какие ссоры, и мы благополучно достигли границы. Седьмой ад предназначался для грабителей могил и тех, кто продает или ест человеческую плоть, Восьмой — для забывших сыновний или дочерний долг, и я не собираюсь описывать ужасы, которые я в них увидел. (Однако, я очень советую постараться не попадать в Восьмой Ад, во всяком случае до тех пор, пока Нео-Конфуцианцы находятся у власти). Но было ясно, что границу Девятого Ада пройти без приключений не удастся. Единственный путь в Десятый и к Великому Колесу — пройти через Дворец Девятого Короля Яма, и Мастер Ли глубоко задумался, когда мы подошли к стене, к которой протянулись длинные ряды грешников, плачущих серыми слезами.

— *Гу—гу—гу.*

— Бык, ты слышишь?

— *Гу—гу—гу.*

—Да, господин.

— *Гу—гу—гу.*

— Великий Будда! Да тут вся компания из Глаза Спокойствия, — воскликнул Мастер Ли.

Да, так они и было, и он пошел вдоль ряда, вглядываясь в лица.

— Привет, Ксянг!

— И вам привет, Ли Као. Что вы здесь делаете? — мрачно спросил гад, похожий на жабу.

— Я как раз хотел задать вам тот же самый вопрос, — ответил Мастер Ли.

Гад махнул кулаком в направлении Пекина. — Проклятые продавцы! — просипел он. — Као, из-за этих жадных бастардов почтенные господа в поисках спасения души уморили свое тело, вместе с червяками, потому что проклятые негодяи начали продавать сыр.

Я вздрогнул. Как и большинство китайцев, я нахожу вкус сыра совершенно отвратительным, и легко могу представить себе что, тот, кто его съест, умрет на месте.

— Вас всех убил сыр? — недоверчиво спросил Мастер Ли.

— Не прямо, — сказал гад. — Конкурирующие продавцы начали продавать сырых морских слизней.

Мастер Ли пожал плечами. — Я предпочитаю их перемолотыми и сваренными на пару вместе с угрями, но в любом случае они не могут сделать ничего плохого, разве что вызовут рвоту, если зашевелятся в твоем желудке.

— Видите ли, Ли Као, продавцы поймали их в заливе, в который мальчишки выливают ночные горшки.

— Но вы же не ели их! — в ужасе воскликнул Мастер Ли.

— Это-то мы пережили, но потом продавцы набили этих морских слизней сыром.

Мастер Ли побледнел, а мы с Лунным Мальчиком позеленели.

— Я хорошо помню это, — проворчал гад. — Был двойной час петуха третьего дня восьмой луны, когда этот одержимый смертью продавец пришел к нам, собираясь продать все товары одновременно, набил сыр червяками, а потом начинил сыром морских слизней.

— Нефритовый Император, спаси нас, — сказал Мастер Ли. — Я подозреваю, что дальше вы помните только то, как выбирались из базилики Бога Стен и Рвов.

— И бог был в ярости, — выдохнул гад. — В Регистре Жизни и Смерти ничего не сказано о комбинации червяков, сыра и морских слизней, и поскольку мы преждевременно стряхнули со своих ног красную пыль земли, он отправил нас всех в Девятый Ад.

— *Гу—гу—гу,* — пели старикашки, надеясь что Небо, быть может, вспомнит, как они освобождали червяков из горшков.

— Но в этом есть и хорошая сторона, — успокаивающе сказал Мастер Ли. — Через три года вам всем будет разрешено вернуться в виде приведения, и вы сможете навещать продавцов столько, сколько захотите.

Гад побагровел. — Ли Као, вы не знаете этих продавцов! — воскликнул он. — Они засунут наши приведения в червяков, червяков в сыр, сыр в морских слизней, назовут все это Четыре Зловонных Аромата Страдающего Спокойствия и сделают на этом состояние!

Глаза Мастера Ли перешли на ворота впереди. Здешние демоны были самыми жестокими из всех, которые мы видели, а дьяволы — чиновниками высокого ранга, и даже с эмблемой и государственным зонтиком мы бы не ушли далеко. Боковые ворота вели в сад с серыми цветами, Мастер Ли наклонился и достал набор отмычек из фальшивой подметки левой сандалии.

— Ксянг, вы собираетесь сдаться так легко, без борьбы? Нет, клянусь всеми богами! — громко крикнул он. — С вами всеми поступили несправедливо, и я уверен, что Небеса услышат вашу жалобу, если вы вложите в нее все сердце. Где Его Святость? А, ты здесь! Давай, парень! Последнее усилие!

— *Гу—гу—гу,* — робко пели старикашки, но самый святой из них был сделан из более крепкого материала.

— *Я молюсь Небесному Создателю Первого Источника,* — проревел он. — *Я молюсь Создателю Нефритового Рассвета и Золотой Двери. Я молюсь Короле-*

*ве, Матери Ванг. Я молюсь Чанг-о и Хар. Я молюсь Матери Молний, Отцу Дождя, Повелителю Грома, Князю Ветра и Младенцу Облаков!*

— *Гу—гу—гу—гу,* — подхватили старикашки, немного приободрившись.

Мастер Ли, спрятавшись в толпе, наклонился к замку боковой двери. Его Святость любезно заглушал любые скрипы отмычки.

— *Я молюсь Великому Императору Восточной Вершины. Я молюсь Принцессе Перистых Облаков! Я молюсь Куань-ин, Куань-ди и Восьми Бессмертным. Я молюсь Госпоже с Головой Лошади, и Королю-Быку, и Небесной Свинье и Принцу Просо, и Чуан-по Чао, покровителю малых богов и подмышек!*

— *Гу—гу—гу—гу—гу!*

Наконец замок со скрипом открылся, мы проскользнули внутрь и закрыли его за собой. Шум постепенно отдалялся, ряды мертвых тянулись к дворцу. Мы увидели, что сад состоит из множества более мелких садов, разделенных стенами и запертыми дверьми, и, чтобы добраться до дворца, надо пройти через семь из них. Мастер Ли выругался и взялся за следующую дверь. Ни одна из отмычек не подходила, требовалась бесконечная аккуратность и терпение. Наконец замок открылся и мы оказались в следующем саду.

Замок следующих дверей оказался полегче, зато третий вообще отказался открываться. Мастер Ли сломал две отмычки и как раз пытался использовать третью, когда мы услышали тяжелые шаги по серому гравию. Звук был такой, как будто приближался слон, и Лунный Мальчик скользнул в кусты, чтобы посмотреть на него.

— Бери его, — прошептал Мастер Ли.

Замок щелкнул, дверь открылась. Мы оставили ее приоткрытой для Лунного Мальчика, и побежали через сад к четвертым воротам. Тяжелые шаги остановились. Я услышал шум и волосы встали дыбом.

Демон зло нюхал воздух, чувствуя запах живой плоти. Судя по звуку, он был огромный и ужасный, и рычал как приглушенные раскаты грома. Мастер Ли яростно работал над замком, но он тоже оказался трудным, и когда шаги направились к нам, я точно знал, что Мастер Ли не успеет открыть замок вовремя. Я подобрал большой серый камень, хоть какое-нибудь оружие, скользнул обратно через кусты, готовясь сражаться, но увидев демона, задохнулся от ужаса.

Этот демон мог бы устрашить самого Эр-лана[49]. Не меньше джана в высоту, мускулы — тугие мотки стальной проволоки, когти могли разорвать на части тигра, а клыки походили на зубы тех созданий, которые находят заморо-

49 Эр-лан – в китайской мифологии воинственный бог, усмиряющий наводнения, защитник плотин. Изображается с третьим глазом на лбу. По наиболее распространенной версии, Эр-лан – сын сычуаньского правителя Ли Вина, усмирявшего воды, прокладывавшего новые русла рек и боровшегося с драконом. Постепенно культ Эр-лана как сына Ли Вина затмевает или почти вытесняет культ отца, ему же в преданиях приписываются и подвиги, аналогичные подвигам Ли Вина.

женными в ледниках Монголии. Он яростно раздувал ноздри, а в красных глазах сверкала жажда крови. Нашей крови. Я застыл как парализованный. Стоя как статуя, я все-таки сообразил, что рядом со мной кто-то есть. Лунный Мальчик, скрытый серыми листьями, внимательно глядел на демона. Глубоко вздохнув, он выпрямился и расправил плечи. Еще десять шагов, и монстр доберется до поляны с воротами и Мастером Ли, но тут Лунный Мальчик неторопливо пошел ему навстречу. Демон остановился, сверкнули клыки, когти поднялись в воздух.

Лунный Мальчик улыбнулся — серое небо смешалось и выпустило из себя голубую полоску. Лунный Мальчик улыбнулся шире — на двух серых кустах появились красные ягоды. Лунный Мальчик потянулся вверх и почесал ужасную тварь под подбородком.

— Иди ко мне, сладкий, — промурлыкал Лунный Мальчик, и повел демона обратно в кусты.

## ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА

На четвертый и пятый замок Мастер Ли потратил уйму времени. Он работал над шестым, когда мы услышали легкие, слегка спотыкающиеся шаги и на дорожке появился прекрасный юноша. Он был бледен и слаб, шел пошатываясь, но сумел изящно помахать нам рукой.

— Ад, — сказал он, — чудовищно оболгали. Мне надо почаще появляться здесь.

Я приветствовал его тремя коленопреклонениями и девятью земными поклонами. — Будда, это божественное создание напомнило мне императорский флаг на похоронах Генерала Чинга! — счастливо сказал Лунный Мальчик. — Но нам лучше поторопиться. В любой момент этот милый мальчик может придти в себя и попросить добавки.

— Лунный Мальчик, изготовление медали для тебя будет одной из главных задач тысячелетия, — сказал Мастер Ли. — Нам придется призвать на помощь Буйного Денга, но даже с Денгом будет трудно воздать тебе по заслугам и не отправиться в тюрьму.

Замок щелкнул, открываясь, и мы быстро прошли через сад к седьмым и последним дверям. К счастью, замок оказался несложным и мы выскользнули из сада в точности тогда, когда услышали знакомые тяжелые шаги. Через секунду мы оказались рядом со стеной дворца, грубый голос сзади проворковал «Йо-ху?». Я обнаружил что-то похожее на окно, мгновение, и мы внутри.

Прямо перед нами коридор выходил в огромный зал, в котором бесконечные ряды клерков что-то писали в огромных гроссбухах. Над дверью висела надпись: «Суд Девятого Королевства Тьмы». Мы привели в порядок одежду, почистились, смахнули с себя серые листья и грязь. Я гордо поднял государственный зонтик над

головой Мастера Ли и тот уверенной походкой вошел в приемную. Бюрократы метались взад и вперед по залу, входили и выходили в дверь, но я успел рассмотреть Короля Яму: темная, увенчанная короной фигура сидела на троне, окруженная клерками и придворными. В таких больших бюрократических заведениях служащие слишком заняты, чтобы глядеть по сторонам, так что Мастер Ли спокойно шел мимо ряда дверей, пока не подошел к той, на которой было написано «Сокровищница Девятого Королевства Тьмы». Он толкнул дверь и мы вошли внутрь. Не обращая внимания на суетившихся клерков, мы подошли к большому столу, за которым сидел призрак, напоминавший акулу. Призрак, как сумасшедший, щелкал на двух абаках сразу, и по девяти нашивкам на его сатиновой шапке я понял, что мы добрались до самого хранителя сокровищ. Холодные глаза акулы поднялись на эмблему Мастера Ли и государственный зонтик.

— Ни о какой инспекции мне не объявляли, — щелкнул он.

— Конечно нет, — точно так же холодно ответил Мастер Ли. — Разве тот, кто проводит облаву на незаконный салон для боев сверчков извещает заранее о своих планах?

Хранитель вскочил на ноги. — Да как вы посмели сравнить наше министерство с салоном для боев сверчков? — в ярости крикнул он.

Мастер Ли пожал плечами. — В самых почтенных заведениях могут происходить самые странные события, и вот внимание Сына Неба привлекло одно странное происшествие, которое произошло именно в вашем заведении.

— Объясните себя!

— Императору сообщили, — веско сказал Мастер Ли, — что сумма, за которую было куплено его освобождение из Ада, необъяснимым образом была увеличена по сравнению с обычной, а это, в свою очередь, делает практически невозможным освобождение тех, кого осудили несправедливо.

— Наглая ложь! Зловредная и необоснованная клевета! — крикнул хранитель. — Император Тан заплатил ровно тринадцать мисок с золотом и серебром, эта цена всегда была и не увеличилась ни на миску!

— Искренне надеюсь. Мы должны убедиться, что вся система выхода работает без сучка и задоринки, и существует только один способ проверить ее, — сказал Мастер Ли. — Сын Неба, как вы помните, не имел при себе денег, поэтому он взял взаймы со счета святого Ксянг Лянга.

Хранитель медленно сел. На его лице появилась улыбка, в глазах — злоба.

— Да, действительно, Император так и сделал, но это было при Министре Цуе, — негромко сказал он. — Так получилось, что теперь я, недостойный, стал министром, и есть ли у вас полномочия занимать со счета Ксянг Лянга?

Мастер Ли наморщил нос. — Кто говорит об этом счете? Кроме того нас трое и требуется три по тринадцать мисок, а я очень сомневаюсь, что Ксянг Лянг сделал так много добрых дел.

— За всю историю человечества только двадцать смертных накопили тридцать девять мисок с золотом и серебром на своем счету, — со злой усмешкой сказал хранитель. — Я искренне надеюсь, что у вас есть полномочия занять у Цзе Цзина, настоятеля Храма Прокаженных.

— О, так высоко нам не надо, — сказал Мастер и почтительно поклонился. Он отвел одну руку назад и скрестил пальцы. — Мы хотим, чтобы вы проверили счет—

Я и Лунный Мальчик посмотрели друг на друга. Кто еще смог накопить на своем счету столько добродетелей?

— ... певицы и проститутки по имени Утренняя Печаль, — спокойно сказал Мастер Ли.

Мы не удержались и от удивления взвизгнули. Хранитель схватил гроссбухи и его пальцы побежали по длинным спискам фамилий и цифр, и когда его палец застыл на одной строчке, я подумал, что его хватил удар. — А есть ли у вас разрешение заимствовать ценности с этого счета? — придушенным шепотом спросил он.

Мастер Ли взял головную повязку Лунного Мальчика с переплетенными между собой фениксом и драконом и положил ее на стол. Хранитель ткнул пальцем в печать, и разочарованно взвыл. — Почему вы не сказали сразу, что это совместный счет? Конечно вы можете взять с него деньги. Столько, сколько вам надо. Подпишитесь здесь, здесь и здесь.

Лунный Мальчик подписался там, там и там, и быстро, чуть ли не быстрее, чем я вам рассказываю, я уже катил тележку с тридцать девятью мисками с золотом и серебром. Мастер Ли и Лунный Мальчик сидели на тележке с мисками в руках, а государственный зонтик гордо развевался над ними. Хранитель привел нас к боковой двери и прижал надушенный носовой платок к носу.

— Быстрее! — прошипел он.

Дверь открылась, я толкнул тележку наружу и хранитель мгновенно захлопнул дверь за нами. Мы очутились в Девятом Аду, и, я надеюсь, читатель простит меня, если я на мгновение остановлюсь и скажу пару слов.

Девятый Ад — наслаждение для богословов и проклятие для всех остальных. Технически это места для *ван-сы-ченг,* случайно умерших, но также и для покончивших жизнь самоубийством, умерших без надлежащего оплакивания и прочих церемоний, а также тех, кто умер до даты, официально внесенной в Регистр Жизни и Смерти — вроде Ксянга и его друзей «гу-гу-гу». В Девятом Аду никого не пытают, и это сама худшая из всех возможных пыток. Без наказания нет раскаяния, а без раскаяния нет очищения и возрождения, и бедные потерянные души Девятого Ада обречены на вечное заключение.

Имейте в виду, речь не идет о каком-то преступлении. Многие из осужденных невинные дети. Через три года они могут время от времени возвра-

щаться на землю, в виде призраков (вот почему мы каждый год устраиваем Праздник Голодных Духов) и даже, теоретически, душа может спастись, если найдет кого-нибудь, кто заменит ее. Поэтому опасно задерживаться в тех местах, где утонул ребенок или кто-то повесился. Призрак может схватить тебя, утащить в Девятый Ад и, таким образом, получить право на место в Великом Колесо Перерождений. Однако практически шанса добраться до Колеса у них почти нет.

Всего существует сто тридцать пять маленьких Адов и десять больших, и все они, кроме одного, посвящены восстановлению справедливости. И только один полностью несправедлив. Девятый. Никто, кроме богословов, не может любить его. Как я могу забыть плакавшую рядом с дорогой маленькую девочку, осужденную на вечное заключение только за то, что она поскользнулась и упала в реку? Я искренне верю, что, уничтожив Девятый Ад, священники могли бы нанести смертельный удар атеизму, и соответствующее прошение необходимо подать на Небо как можно скорее.

Как только мы очутились внутри, на нас обрушился смрад от немытых тел. В Девятом Аду подкуп цветет пышным цветом, самые низшие демоны продают еду и питье по невероятным ценам, и армия потерянных душ осадила нас, требуя монет. Нас бы точно раздавили, но Мастер Ли и Лунный Мальчик вовремя набрали полные пригоршни золота и серебра и бросили в толпу. Несчастные души как тигры бросились на монеты, у слабых или маленьких не было ни единого шанса.

Денег было ровно столько, сколько надо для пересечения длинной серой равнины. Мастер Ли и Лунный Мальчик швыряли монеты, пока их руки не начали отваливаться от усталости, тележка стала легче, я смог толкать ее быстрее. Впереди уже темнела огромная серая стена Десятого Ада, поднимавшая с верхушки холма. Я уже запыхался и тяжело дышал, поднимаясь с тележкой по крутому склону. Вой призраков начал уменьшаться, но одна самая упрямая банда никак не хотела отставать. К счастью у Лунного Мальчика осталась еще одна миска, он наклонил ее, серебряный дождь залил склон холма. Призраки, забыв о нас, жадно бросились на монеты, и теперь нам осталось только добраться до Великого Колеса.

Армия демонов патрулировала стены Десятого Ада. Мастер Ли ненадолго остановился. Оторвав кусок шелка от государственного зонтика, он соорудил неплохой церемониальный венец, из рукоятки сделал посох, верхушку которого украсила жемчужина, вытащенная из одного из ожерелий Лунного Мальчика. Я и Лунный Мальчик, естественно, стали Апостолами Богатства и Процветания, а почтенные морщины Мастера Ли сами по себя являлись лучшим пропуском.

Он пошел к стене, благословляя направо и налево, а мы кричали во все горло: «*Ди-санг Ван-пуса*[50]*. Бог Прощения прибыл для ежегодной инспекции!*»

Взобраться на стену оказалось совсем нетрудно. Ее поверхность усеивали трещины и выступы, Мастер Ли прыгнул ко мне на спину, а Лунный Мальчик ухватился за пояс. Я был уже на полпути наверх, когда солдаты недоуменно спросили себя: «Почему Бог Прошения не перелетел через стену?», а тревогу они подняли только тогда, когда я оказался наверху. Стрелы пролетели мимо, не задев никого из нас, я начал спускаться на ту сторону и едва не сорвался. Великое Колесо Перерождений — я впервые увидел его и был поражен до глубины души.

Невозможно описать его размеры. По какой-то загадочной причине нижние спицы двигались довольно медленно, зато верхние поднимались с ошеломляющей скоростью. Колесо исчезало в серых облаках и было видимо не больше чем наполовину. Наверно оно поднималось от поверхности земли до самого Неба, и его верхушку видели только новорожденные яки на самых высоких пиках Тибета.

Бесконечные ряды мертвых сливались у входа в скромный особняк у подножия Колеса, где Госпожа Менг-По варила Напиток Забвения. Когда душа выходила с другой стороны и ее сознание было пусто, как глаза политика, демоны швыряли ей на голову отличительный признак того существа, кем ей предстояло родиться: кожу животного, перья птиц или усики насекомых. Пока солдаты снаружи сообщали солдатам внутри о нашем появлении, мы успели замешаться в ряд душ с бараньей шкурой на голове, замелькали проворные пальцы Мастера Ли, трое душ лишились шкур, даже не осознав это, и солдаты прошли мимо.

Мы находились рядом с Большим Колесом. Мертвые поднимались на качающиеся платформы. — Бык, если мы войдем внутрь, то никогда не выйдем наружу, — прошептал Мастер Ли. Я кивнул, он приготовился запрыгнуть мне на спину, а Лунный Мальчик приготовился схватить меня за пояс.

— Сейчас, — прошептал я.

Мастер Ли запрыгнул, Лунный Мальчик схватился, я прыгнул изо всех сил и ухватился за спицу. Я сумел поставить ноги на внешний обод Колеса как раз тогда, когда нас нашли демоны. Они завыли от ярости, опять полетели стрелы и копья, но мы уже поднимались, все увеличивая скорость. Стрела пролетела в цуне от носа Лунного Мальчика, копье царапнуло мою руку, и вот мы уже оказались слишком высоко для них, а мгновением позже нас окружили облака. Мы поднимались с невероятной скоростью, у меня все расплывалось перед глазами, а Мастер Ли грязно ругался.

Демоны остались далеко внизу, но мы бы пропали, если бы не увидели, куда идти, а облака закрывали все кругом. Текли долгие минуты, мы крутились и крутились в бесконечности, а вокруг нас были облака, облака и еще раз обла-

50 Ди-санг Ван-пуса — Бодхисаттва, Царь Врачевания (рис. Г).

ка. Наконец я увидел маленькие вспышки света, похожие на крошечные звезды, и Мастер Ли вгляделся в них.

— Там! Совершенно круглая! Видишь?

— Да, господин, — ответил я.

— Не пропусти!

— Не пропущу.

Казалось, что маленькое круглое пятнышко света летит к нам навстречу с невероятной скоростью. И все время увеличивается в размерах. Я пригнулся, пытаясь предугадать траекторию. — Готов, — сказал я. Но тут плотная туча закрыла свет и мое сердце остановилось. Мгновение, и мы пролетели через нее. Опять светлое пятно, оно пересекало траекторию нашего движения и я прыгнул, вложив в прыжок всю оставшуюся силу. Мы летели по небу как снаряд, выпущенный из катапульты, свет становился все ярче и ярче, мы вонзились прямо в центр пятна и ударились о стену воды.

Из меня вышибло весь воздух, я едва не задохнулся, но упрямо плыл вверх, пока не пробил головой поверхность и не вдохнул свежий воздух. Потом подхватил Мастера Ли и Лунного Мальчика и выволок их на берег. Мы лежали на зеленой траве, над нами светило желтое солнце, разноцветные птицы щебетали в воздухе, а белый череп скалился со дна бассейна.

Мастер Ли подполз к краю бассейна и вылил почти всю фляжку в воду, и мы с Лунным Мальчиком как зачарованные смотрели, как вино исчезает в ухмыляющихся челюстях.

— Линь, старина, ты действительно великий художник, — с восхищением сказал Мастер Ли.

Тростники задвигались. — *Барп.* — Потом задвигались опять. — *Нет, но я не самый плохой шарлатан.*

Лунный Мальчик осторожно проверил чувствительную область, которая была — или не была — в контакте с огромным демоном, а я уставился на длинный кровоточащий шрам от копья, которое поцарапало — или не поцарапало — мою руку. Мастер Ли усмехнулся.

— Лунный Мальчик, неужели ты забыл своего учителя и оглохшего бандита? А ты, Бык, Бабушку Хо и ее приемного сына? Если бы Лунный Мальчик не совладал с демоном, мы были бы мертвы, и если бы Бык не сумел попасть в цель, мы тоже были бы мертвы. Мы имели дело с художественным вымыслом великого Лиу Линя, а значит вопрос о том, что такое настоящая правда — бессмысленен, если не абсурден. Чуан Цу вообразил себя бабочкой, или бабочка вообразила себя Чуан Цу?

Он повернулся к бассейну, вылил еще вина, а потом старик и череп пили молча, как настоящие старые друзья.

— Линь, — сказал Мастер Ли, — твои монахи проделали восхитительную работу, касаясь наших сознаний, пока мы лежали, одурманенные грибами, их не ослепляла иллюзия — в отличии от меня. Не можешь ли ты передать их мнение?

Тростники не шевельнулись.

— Хорошо, давай зайдем с другой стороны. Если бы ты стал рассказывать кому-нибудь другому историю Ли Као, Десятого Быка, Утренней Печали, Лунного Мальчика, Принца Лиу Пао и остальных, как бы ты назвал ее?

Тростники какое-то время молчали, но потом, медленно, задвигались.

— *Ши тоу чи.*

— История Камня? — кивнул Мастер Ли. — Да, я смутно догадываюсь, что ты имеешь в виду. Конечно, еще есть проблема приоритета, да и дело еще не кончено. Но я почти все распутал. Почти.

Он вскочил на ноги. Лунный Мальчик и я последовали его примеру, и мы все поклонились черепу.

— Линь, — сказал Мастер Ли, — Клянусь, ты действительно великий художник.

Тростники задвигались в последний раз. — *Као, клянусь, ты родился, чтобы повесить!*

Настоятель открыл дверь. Мы вышли на зеленый склон холма, и, обернувшись, я увидел окно на маленькой башне Храма Иллюзий. Окно, наполовину закрытое шторами. Подмигивающий глаз Мастера Иллюзий.

## ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА

Через несколько ли после Монастыря Белое Облако мы повернули и стали карабкаться на холм, встречая по дороге сланец, гранит и черные камни, и вышли на поляну. Продрались сквозь кусты на другую поляну, рядом с утесом, и Мастер Ли счастливо уставился на странное и не слишком примечательное дерево.

— Сознание — скопидом, — сказал он. — Ничего не выбрасывает, и, удивительно, ты можешь найти все, если хорошо копнешь. — Он начал перебирать колючие плоды, скорее похожие на семена. — Никогда не играйте с колючими яблоками, если не знаете, что собираетесь сделать. Они из семейства пасленов, как и мандрагора, белена и белладонна, и из них обычно делают яд. Это из Бомбейского колючего яблока делают самый знаменитый индийский яд, датуру, который может лишить сознания, парализовать, убить, в зависимости от дозы, но из них же можно сделать лекарство, которое замечательно вылечивает внутреннее кровотечение и жар. Немного удачи, и мы поставим Утреннюю Печаль на ноги за день-два.

Обратное путешествие в Долину Скорби получилось коротким и без приключений, хотя чем ближе мы подходили к Долине, тем больше Лунный Мальчик и я тревожились, и мы вздохнули свободно только тогда, когда пыльная голова Принца Лиу высунулась из окна студии и весело позвала нас.

— Ура! Утренняя Печаль чувствует себя так хорошо, как будто ее вылечили! — радостно прокричал Принц. — Ее состояние не изменилось. Как только вы уехали, исчезли все странные звуки, нет никаких убивающих монахов, и сумасшедшие мумии больше не выползают из могил.

Лунный Мальчик и я вбежали внутрь. Утренняя печаль прекрасная и беззащитная, лежала на кровати, без сил, но и без жара. Она, казалось, почувствовала, как мы ворвались в комнату, попыталась встать, не сумела, и упала обратно на кровать. Мастер Ли подошел к ней, взял за руку и измерил пульс. Поскольку он использовал правое запястье, то узнал все о ее легких, желудке, большой кишке, селезёнке и мочевом пузыре. И удовлетворенно заворчал.

— Она в состоянии получить полную дозу лекарства, — уверенно сказал он и немедленно принялся за дело: вымыл колючие яблоки, опустил в кипящую воду, процедил получившийся раствор, смешал с травами и какими-то загадочными порошками и, в конце, проверил на коте, которому питье очень понравилось.

Я не уверен, можно ли эти яблоки называть «чудесными», но я точно знаю, что Мастер Ли добавил такие компоненты, с которыми не умеет работать ни один целитель. Лунный Мальчик и я подняли Утреннюю Печаль, и Мастер Ли влил хорошую порцию напитка ей в горло. Несколько минут она сидела не двигаясь, а потом ее глаза открылись. Но она не видела ничего. Наконец взгляд прояснился, в глазах появилось нечто осмысленное, он наклонила голову вперед и коснулась губами щеки Лунного Мальчика. — Дорогой, — прошептала она. Я наклонился к ней. — Дорогой Бык, — сказала она и тоже поцеловала меня, и даже ухитрилась покраснеть, когда Принц Лиу Пао усмехнулся и подставил щеку для поцелуя.

— Что случилось? — прошептала она. — Было, темно, сыро, я бежала, бежала и бежала изо всех сил, а за мной гналось что-то ужасное.

— Да, но сейчас все прошло, — утешающим тоном сказал Мастер Ли. — Тебе не о чем беспокоиться, разве что подумай о том, сможет ли Бык добавить достаточно места к моей хижине.

Еще больная девушка села прямо.

— Я уже думал об этом, и там должно быть место для Лунного Мальчика, который внезапно появляется и исчезает, — счастливо сказал я.

— А как же Принц? — с усмешкой спросил Мастер Ли. — Давайте включим всю семью. Ваша Светлость, вы не возражаете, если, когда вы окажетесь в нашем Пекинском переулке, вам придется спать втроем на одной кровати?

— Совершенно нет! — радостно воскликнул Принц.

Утренняя Печаль глядела на Мастера Ли широким сверкающими глазами. Мудрец с сожалением покачал головой.

— Мужчина моего возраста собирается завести семью. Исключительная глупость! По меньшей мере, — добавил он, — у меня будет самая восхитительная жена в Пекине, и это еще мягко сказано.

Я не очень понял, что он имел в виду, пока Утренняя Печаль не выздоровела полностью. Она и принц заставляли нас опять и опять рассказывать о приключениях в Аду, и Утренняя Печаль с удивлением глядела на шрам, оставшийся на том месте, где стрела ударила ее в грудь, и говорила, что никак не может вспомнить, как она лежала холодная и мертвая, как камень. Мастер Ли накручивал круги по комнате, очевидно желая как можно скорее действовать. Его возбуждение захватывало, и я думаю, что это помогло Утренней Печали очень быстро выздороветь, так что когда Мастер Ли проснулся утром, она заявила что совершенно здорова и готова на все. Он сказал, что пришло время кое-что попробовать, и нам лучше всего вооружиться до зубов. Я выбрал тяжелый топор и засунул за пояс короткий меч. Лунный Мальчик и Принц выбрали копья и кинжалы. Мастер Ли насовал за пояс метательные ножи. Утренняя Печаль — самый лучший лучник среди нас — выбрала лук из кучи, лежавшей в оружейной, добавила колчан стрел и нож за пояс. Мастер Ли взобрался мне на спину.

— Вниз с холма, и иди по долине к холмам за монастырем, — сказал он. — По дороге я развлеку вас всех некоторыми восхитительными заметками, которые сделал.

Мастер Ли вытащил пачку бумаги и попросил Утреннюю Печаль идти рядом со мной. Ночью прошел дождь, нас встретило замечательное утро. Капли дождя, похожие на крошечные жемчужины, сверкали на каждом листке, а мокрая трава искрилась как бриллианты под лучами солнца.

— Лапушка, если судить по самым укромным тайникам моего сознания, у тебя в Аду лежат деньги, на которые можно купить парочку небольших королевств. Причина скорее всего в песне, которую ты пела старой Тай-тай, когда бредила, но это было только начало совершенно невероятного представления. И вообще в тебе больше загадок, чем в «Книге Головоломок» Лу Пана, — с энтузиазмом сказал он. — Давай начнем с самого потрясающего диалога в моей жизни.

Он перелистал заметки и начал читать.

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Госпожа, пожалуйста, можно мне не идти к Чьену? Там так плохо пахнет, перевозчик отпускает грубые шутки о женщинах, а этот одноногий старикашка всегда норовит ущипнуть меня.*

*МАСТЕР ЛИ: Дорогуша, а что хозяйка покупает у этого Чьена?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Шкуры носорогов.*

*МАСТЕР ЛИ: А где он живет?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: На полпути между каналом и Озером Малыша Чень-ху.*

*МАСТЕР ЛИ: Дорогуша, а не посылала ли хозяйка тебя к Восьмому Кангу?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Он мне нравится.*

*МАСТЕР ЛИ: А где он живет?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: На улице Потертых Монет.*

*МАСТЕР ЛИ: И что ты покупаешь у него?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Шляпы.*

*МАСТЕР ЛИ: Шляпы. Да, конечно. А где ты покупаешь расписанные веера?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: На Угольном Мосту.*

*МАСТЕР ЛИ: И, как я понимаю, она посылает тебя и за знаменитым отварным поросенком к... Я забыл, к кому?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: — Вей Большой-Нож.*

*МАСТЕР ЛИ: Ах да, конечно. А ты помнишь, где это?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Сразу за Мостом Кошек.*

Мастер Ли опустил заметки и ласково посмотрел на Утреннюю Печаль, примерно так, как знаток смотрит на редкую орхидею. — Лапушка, — сказал он, — ты рассказала мне о том, как девушка, служанка какой-то знатной аристократки, ходит за покупками в Ханчжоу.

— Ханчжоу? — удивленно и недоверчиво сказал принц.

— Да, Ханчжоу, хотя вы правы, сейчас всех этих лавок нет и помине, и я знаю о них только потому, что они часто упоминаются в записках писателей-классиков, — сказал Мастер Ли. — Одноногий Чьен и его шкуры носорогов погибли в пожаре, который уничтожил весь пригород во времена Поздней Династии Хань. Угольный Мост и лавку Восьмого Канга снесли, когда прокладывали новый канал, триста лет назад. А знаменитая лавка «Вей Большой-Нож» исчезла во время смут Троецарствия, и о ней все забыли.

Глаза Утренней Печали стали похожи на тарелки из-под супа. — Я не помню, чтобы говорила что-то похожее, а эти имена ничего не говорят мне, — запротестовала она.

Мастер Ли пожал плечами. — Ты была в бреду. Вначале я решил, что ты вспомнила те самые записки, которые я читал, но они написаны старинными иероглифами, которые не может прочитать никто, кроме настоящих ученых. Тогда я начал задавать дополнительные вопросы, пытаясь определить точную дату этих замечательных покупок.

Он вернулся к заметкам.

*МАСТЕР ЛИ: А это как-там-его зовут, он сам смешивает чернила для нее?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Ну да. Ли Тингхуей.*

*МАСТЕР ЛИ: А розовую бумагу для письма делает эта красивая куртизанка?*

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Ши Тао. Да, очень красивая.*

— Ли Тингхуей и Ши Тао часто упоминаются в записках. Поскольку Ли Тингхуей очень рано сам стал владельцем лавки и руководил ею больше сорока лет, остается очень короткий период, когда он мог «сам смешивать чернила» и хозяйка служанки могла быть его клиентом. Я проверил даты, и установил, что эта удивительная прогулка магазинам происходила примерно 768 лет тому назад, с ошибкой не больше чем в пару лет.

Лунный Мальчик и я уставились на Утреннюю Печаль, которая, в свою очередь, раскрыв рот глядела на Мастера Ли. Принц Лиу Пао выглядел так, как если бы мысленно загибал пальцы и Мастер Ли утвердительно кивнул.

— Совершенно точно! Именно тогда Тоу Ван и Смеющийся Принц жили в большом дворце в Ханчжоу, и служанка Тоу Ван должна была сопровождать хозяйку во время поездок как в Ханчжоу, так и в Долину Скорби.

Случайно одна слегка умная мысль пропустила поворот и залетела в мои мозги, и я сказал, — Господин, вы помните, как Регистратор Прошлых Существований заметил, что раньше Напиток Забвения действовал не слишком хорошо, и, быть может, Утренняя Печаль не приехала, а *вернулась* в Долину Скорби, поэтому, лежа в бреду, она—

— Великолепно, мальчик! — сказал Мастер Ли. — Я тоже подозреваю, что в предыдущей инкарнации Утренняя Печаль была служанкой Тоу Ван. Жар пробудил глубоко похороненные воспоминания, и, подстегиваемые знакомым окружением, они вышли наружу. Конечно, я не полностью уверен. И тем не менее начала вырисовываться совершенно блистательная картина, и через несколько минут мы все узнаем точно.

Мы опять начали подниматься. Мастер Ли вел нас по извилистой тропинке, потом пришлось встать на колени и проползти через отверстие в маленькую пещеру, где теплые лучи солнца падали на знакомую маленькую груду костей. Мы уселись полукругом вокруг скелета Волка, и Мастер Ли успокаивающе коснулся колена Утренней Печали.

— Одна мысль постоянно возвращается ко мне, — сказал он. — Неужели только знакомый ландшафт Долины Скорби пробудил воспоминания давно забытого существования? Может быть что-нибудь другое, более драматичное? Ночью, перед тем, как тебя ранили, ты сидела здесь и слушала историю Волка и Девочки Огонёк. Народные рассказы об приключениях героев почти всегда возникают как отражение каких-то исторических фактов, хотя в сказках все настолько приукрашено, что почти невозможно что-нибудь узнать наверняка. Стоят ли какие-нибудь факты за историей Волка и Девочки Огонёк? Они бежали вдоль подземной реки, по берегам которой стояли статуи с головами животных и птиц. Ты металась в жару, а я слушал ужасные свидетельства прошлых страданий.

Он вынул заметки и нашел нужное место.

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Быстрее... еще быстрее. Где поворот?... Бежим мимо козла... За ним ворон и река... Быстрее... Солдаты... Прячемся, пока они не пройдут... Теперь бежим. Бежим!*

— Очень интересно, — задумчиво сказал Мастер Ли. — А вот что мое подсознание добыло в Аду.

*ТОУ ВАН: Сыма Цянь разбил камень, и я поместила осколок на заколку для волос... Эта девка, служанка, она всегда глядела на нее, всегда хотела ее, пыталась украсть ее... Я ударила ее, но она ухитрилась убежать с моим камнем... Моя служанка и эта проклятая наложница с кольцом Упуаута, которое мой муж дал ей... Солдаты убили их обоих, но не нашли камня...*

Мастер Ли пожал плечами. — Понятия не имею, почему мое сознание говорило о девушке, которую чем-то ударили, но все остальное совершенно понятно. Кто-нибудь слышал о городе Сиут?

Внезапное изменение темы потрясло нас. Все переглянулись и отрицательно покачали головами.

— Это город в Египте, во всяком случае он существовал семьсот лет назад, — объяснил он. — Его небесный покровитель — Упуаут, и когда варвары-греки завоевали город, они охранили божество, но сам город переименовали в Ликополис. Принц, вы можете перевести с греческого?

— Город Волка, — мгновенно ответил принц. Было видно, что он обрадовался возможности помочь хоть чем-нибудь.

— Точно. Упуаут — божество с головой волка, и городские ремесленники знамениты на весь Египет амулетами, браслетами и кольцами с головой волка. — Мастер Ли аккуратно снял кольцо с пальца скелета. Он указал на слабые знаки на внутренней поверхности. — Иероглифы. Не наши, египетские. Они означают «Тот, кто будет править Западом», одно из многочисленных имен Упуаута.

Мастер Ли аккуратно вернул кольцо на место. — Вы знаете, что почти невозможно определить пол скелета? Тем более такого размера. Высокий мальчик и невысокая молодая женщина будут выглядеть практически одинаково. Одна из многочисленных обязанностей Упуаута — предохранение женщин от беременности, и поэтому все его кольца предназначались для женщин. Никто не подарит такое кольцо мужчине или мальчику, но с удовольствием даст наложнице. Он вернулся к своим заметкам.

*УТРЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ: Быстрее...еще быстрее... Где же проход? Быстрее!... Много солдат... Торопись, дорогуша.... Быстрее, к статуе ибиса...*

Мастер Ли отложил заметки в сторону. — Я сильно подозреваю, что семь с половиной веков назад служанка и наложница были вынуждены бежать, спасая свои жизни, из подземного дворца Смеющегося Принца, — сказал он. — Спу-

стя много лет мальчики долины сделали из них Волка и Девочку Огонёк, но сохранили множество точных деталей произошедшей трагедии. Здесь, в этой пещере наложницу настигли и убили. Нет никого сомнения, что служанку тоже убили, и, заимствуя у древних авторов высокий стиль, я говорю: Великое Колеса повернулось и служанка вернулась Утренней Печалью.

Утренняя Печаль вздрогнула, пораженная до глубины души, и Мастер Ли успокаивающе погладил ее по плечу.

— Дорогая девочка, нам нужно больше, чем эта великолепная гипотеза, — спокойно сказал он. — Не могла бы ты разрешить нам вывести на поверхность похороненные воспоминания о той инкарнации?

— Да, я разрешаю, — прошептала она.

Я уже видел, как он это делает, и меня это всегда восхищало. Мастер Ли достал из пакета свой знак и привязал к нему кожаный шнурок. (Этот знак — морская раковина, на которой нарисован полузакрытый глаз. «Только часть истины открыта мне», — словно говорит он. — «Некоторые вещи я вижу, а некоторые — нет»). Старый мудрец стал медленно покачивать раковину перед глазами Утренней Печали, туда, обратно, туда, обратно, пока его мягкий голос не попросил ее заснуть. Глаза девушки закрылись. Утренняя Печаль заснула, но не надолго, а проснулась уже не Утренняя Печаль. Проснулась Хиасис Бад, личная служанка Тоу Ван.

— Мы твои друзья, дорогуша, — тихо сказал Мастер Ли. — И хотим помочь тебе. Ты помнишь, как бежала в эту пещеру?

— Да, помню, — прошептала она.

— За тобой гнались солдаты?

— Да.

— За вами обеими?

— Да, за мной и Золотым Поясом. Мы бежали изо всех сил, но солдаты нагоняли, мы увидели маленькую дыру в склоне, нырнули в нее и оказались здесь. — Она оглянулась кругом, содрогнулась и удивленно добавила. — Я не помню никакого скелета.

— А ты помнишь, как ты попала сюда?

— Да, конечно.

— Дорогуша, очень важно, чтобы ты показала нам, как вы вышли на поверхность. Ведь вы были под землей, не так ли?

— Да.

— Ты можешь провести нас к выходу?

Она пошла, двигаясь как лунатик. Ее пугал изменившийся ландшафт, но Мастер Ли посоветовал ей сосредоточиться на том, что не изменилось, вроде монастыря или Головы Дракона, и она пошла прямо к той часто Дороги Принца, которая была уничтожена после смерти Брата Косоглазого. Руки она держала перед собой и остановилась, когда уперлась или в огромный валун.

— Дверь закрыта! Закрыта! — прошептала она.

Она начала возбуждаться, все больше и больше. Мастер Ли решил, что опасно продолжать вспоминать, и опять ввел ее в транс.

Проснувшись, она опять стала Утренней Печалью, Лунный Мальчик обнял ее и зашептал на ухо что-то успокаивающее. Мы могли бы искать всю оставшуюся жизнь и все равно не найти эту тайную дверь. Сверхъестественной тонкости работа! В конце концов я нашел рычаг, но все равно дверь в валуне не открывалась, пока я не увидел сложную фигуру там, где на вид были только природные трещины.

Наконец она открылась, тихо, а это означало недавно смазанные петли. Внутри была полка с факелами, и лестница, уходящая в самые внутренности земли.

Теперь мы знали, как ужасные люди в разноцветных одеждах появлялись и исчезали, и были уверены, что там, внизу, находится таинственный камень, стоявший за всеми этими событиями. Я должен был идти первым, с топором и факелом. За мной встал Мастер Ли, с ножами наготове. Принц Лиу Пао в одной руке держал копье, в другой кинжал. Лунный Мальчик держал копье и пояс Утренней Печали.

Утренняя Печаль была прирожденным воином, а работа лучника в таких случаях — прикрывать тыл. Она встала последней, полностью полагаясь на факел в руке Лунного Мальчика, готовая идти твердыми и уверенными, как у горного козла, шагами. Я поставил ногу на первую ступеньку и мы начали спускаться.

## ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

На ступеньках лежала свежая зола от посохов, а на потолке — свежие пятна от дыма. Ступеньки оказались достаточно гладкими и шли через одинаковое расстояние. Лестница резко уходила вниз, и мы прошли через четыре площадки. Воздух был свежим и немного влажным, и Лунный Мальчик сказал, что слышит плеск воды. В конце концов я тоже услышал, и, достигнув последней ступеньки, мы оказались на берегу подземной реки.

История Волка вспыхнула у меня в голове. Совершенно черная вода бежала по каменному руслу, и на другом берегу стояло что-то огромное и темное. Но не двигалось и не говорило. Я наклонился вниз и махал своим факелом, пока не нашел правильный угол, свет прыгнул через реку и осветил огромную каменную статую. Мужчина, со знакомыми чертами лица.

— Е-Ван-е, бывший Владыка Ада, — сказал Мастер Ли, нормальным голосом. — И нет необходимости шептать. Свет факелов и так сообщил всем, кто поблизости, что мы здесь.

Он какое-то время тщательно изучал статую. — Судя по всему статуя стража мертвых должна означать, что эта пещера является продолжением могилы Смеющегося Принца, как мы и предполагали. А если вспомнить, что ублюдок проложил туннели под всей долиной, можно сказать, что он построил самую большую могилу в истории.

Пещера действительно была огромна. Свет наших факелов с трудом доставал до потолка. Удары сандалий о землю эхом отзывались в темноте, и возвращались обратно смутным гулом, как если бы пройдя через лабиринт боковых проходов. Мастер Ли уставился в темноту вверх по течению, а я, крепко сжав топор, яростно вглядывался в тени. Утренняя Печаль махнула луком вперед и назад, стрела уже лежала на тетиве.

В двух сотнях чи от нас находились другие каменные статуи, и тоже гигантские. Мы пошли в ту сторону, и Мастер Ли сумел узнать одну из них, со странным именем Эмма-Хо, Японский Король Мертвых, и пробормотал, что Смеющийся Принц собирал божества из всех культур, о которых мог вспомнить. Было много фигур, которых не узнал даже Мастер Ли, но он низко поклонился молодому человеку, который держал пойманного льва. Мы пошли дальше, и мудрец тихонько запел. Я сумел услышать только часть.

*В дом, в котором не видят света,*
*Где питаются пылью, где грязь служит пищей,*
*Одеваются птицами в одеянье крыльев.*
*Там живут священник и воин,*
*Предсказатель и клятвопреступник,*
*Заклинатели бездн, великие боги,*
*Живет Этана, и живет Гира,*
*Эрешкигаль живет там, земли царица,*
*И Гильгамеш, коего боги заклали на смерть.*
*Велика его слава, велика его гордость.*

— Звучит не слишком героически, — пробормотал я.

— Дорогой мальчик, рядом с историей Гильгамеша наши эпические сказания о героях выглядят как бред полоумных детей, — резко ответил Мастер Ли.

Я не собирался спорить с ним. Дальше шли статуи Египетских подземных богов, и их оказалось невероятно много. Я почти выпрыгнул из сандалий, когда свет факела вырвал из темноты огромную мумию, держащую в руках какую-то противную тварь, но Мастер Ли сказал, что статуя представляет не Смеющегося Принца, но Осириса и монстра Амемайт[51]. Он узнал и бога с головой шакала и назвал его Анубисом, а даму с перьями — Аменте, но, похоже, он искал кого-то другого. Наконец он остановился и указал на очередную статую.

---

51 Осирис, Амемайт.

Осирис (или Бог Анубис, согласно «Текстам пирамид») участвовал в той части печального обряда, когда в присутствии богов на весы клали сердце покойного и решался вопрос, будет ли пущен умерший в «страну бессмертия», или же за скверное поведение его швырнут жуткому чудовищу — «великой пожирательнице» Амемайт, помеси льва, крокодила и бегемота, в пищу ей шло сердце человека, который не сумел ответить на вопросы, предложенные ему трибуналом богов, и потому осуждался на вечную смерть.

— Бог Тот, — сказал он. — Утренняя Печаль, в бреду ты повторяла «Быстрее, к статуе ибиса», и вот она перед тобой. Но мы ищем другую статую, с головой ворона.

Единственными звуками в этом огромном подземелье оставались плеск воды, стук сандалий и шипение факелов. Пустота, наполненная тенями, тянулась в бесконечность. Я почувствовал, как холод вечности опускается мне на плечи и изо всех сил вцепился в топор: статуя за статуей, скрытые от мира, чудовищные, вечно сторожащие мумию смеющегося сумасшедшего, чей гроб пуст; я бы не удивился, если бы услышал смертельный визг и увидел семь черных летучих мышей, машущих крыльями у нас над головами.

Наконец Мастер Ли с удовлетворением заворчал. Свет факела Лунного Мальчика прыгнул еще на одну статую, стоявшую на той стороне реки. Это была женщина, с головой ворона. — Не имею понятия о том, что это за богиня, но Утренняя Печаль сказала «За ним ворон и река», а прямо перед этим «Бежим мимо козла». Мы можем предположить, что она глядела со стороны реки, так что давайте искать боковые проходы. Если не найдем здесь, попробуем тот берег.

Но оказалось, что мы на правильной стороне. В шестидесяти чи дальше мы нашли боковой проход с лестницей, ведущий вверх. На первой же площадке стояла статуя божества с головой козла и рогами. Мы прошли бесконечное число площадок и я готов поклясться, что мы взобрались выше потолка пещеры и были в одном из холмов. В конце концов ступеньки кончились и мы оказались в полукруглом помещении с мраморным полом. Я решил, что это прихожая, потому что в каменную стену были вделаны четыре железные двери, и рядом с каждой из них стояла статуя, держащая в руках фарфоровый кувшин.

— Опять Египет, — сказал Мастер Ли. — Это четыре сына Гора. Статуя с головой человека — Амсет, он защищает печень. Собакоголовый Хапи защищает легкие, бог с головой Шакала, Дуаму-теф, — желудок, и последний, Кебексенуф, с головой ястреба — кишки. — Он задумчиво почесал нос. — Однако стиль статуй не Египетский, а Китайский, и я спрашиваю себя, а не имел ли Смеющийся Принц в уме какие-то другие символы. Голова Хапи напоминает голову Небесного Пса, и, возможно, Смеющийся Принц считал, что заслужил не менее грозную стражу, чем сам Небесный Император.

Все в комнате, кроме кувшинов, было сделано из камня и выглядело совершенно неподъемным, поэтому Мастер Ли взял кувшин из рук одной из статуй и мы все отпрыгнули назад, когда дверь за спиной у статуи начала открываться. Принц заклинил дверь копьем, чтобы она случайно не закрылась. Мы подняли факелы повыше, вошли внутрь и Утренняя Печаль и Лунный Мальчик вскрикнули от изумления.

Мы-то были здесь раньше, а они нет. Да, мы опять оказались в той самой могиле, а дверь была настолько искусно спрятана в стене, что мы никогда бы не

нашли ее. Теперь стало ясно, откуда здесь свежий воздух и куда унесли мумию в нефритовом наряде. Тем не менее внутри царила тишина — не было и следа веселых ребят в разноцветных одеждах.

Ничего не изменилось с тех пор, как мы были здесь. Когда мы заглянули в комнату, где на кроватях лежали скелеты отравленных наложниц, я увидел слезы, тонкой струйкой струившиеся по щекам Утренней Печали. Когда-то она смеялась и веселилась вместе с этими девушками, а потом в один ужасный день убежала отсюда вместе с одной из них. Что мог чувствовать человек, живший в тени Тоу Ван и подчинявшийся приказам безумного убийцы и мучителя Смеющегося Принца? И над всеми ними темнела странная сила загадочного камня, и именно о нем думал Мастер Ли, когда шел к гробнице и обнажал мумию Тоу Ван.

— Бык, взгляни, нельзя ли убрать нефритовые пластинки с черепа, — сказал он.

Понадобилось время, но в конце концов я сумел разорвать золотую проволоку в уголке одной из пластин, и дело пошло быстрее. Появились белые кости, а потом я испустил крик ужаса и на четвереньках отбежал назад. Я ничего не знал о бальзамировании, и увидел, что каким-то образом волосы сохранились. И решил, что из-под пластинок на меня смотрит живая Тоу Ван. Выругав себя последними словами, я собрал все свое мужество и убрал последние пластинки. Мастер Ли медленно протянул руку, вынул заколку для волос и великолепные черные волосы упали на белые кости черепа, один волосок лег на мою руку, извиваясь как змея. Мастер Ли выругался. Камень с кончика заколки исчез.

— Проклятье, осколок исчез, кусок, который был в святилище, тоже, и если Смеющийся Принц использовал третий для амулета — клянусь Адом, он сбежал, — пробурчал Мастер Ли. Он поскреб голову и нахмурился. — Странно. Очень странно. Где-то в глубине сознания я ожидал этого, — прошептал он. — В Аду я, устами Тоу Ван, сказал самому себе, что камень из заколки украден, скорее всего служанкой. Почему я подозревал, что осколок исчез?

Конечно у нас не было ответа, и в конце концов Мастер Ли пожал плечами и пошел к выходу. — В любом случае мы теперь точно знаем, что камень украли раньше, чем ее завернули в нефрит, а это ведет нас к Монахам Радости, которые скорее всего проводили извращенные ритуалы около ее смертного ложа. Если орден сохранился до наших дней и все это время прятался в пещере, то они больше семьсот пятидесяти лет владеют всеми тремя кусками камня. Во имя Будды, что они делали с ними?

Еще один вопрос, на который невозможно ответить. Мы вернулись в полукруглую комнату, Мастер Ли вставил обратно кувшин и дверь захлопнулась. Следующая статуя — Бог с головой шакала. Мастер Ли сказал, что в древнем Египте шакал символизировал множество самых разных понятий, но здесь дело идет о Китае, и, значит, нам надо приготовиться, иначе содержимое желудка по-

лезет наружу. Он поднял второй кувшин, дверь открылась, мы вошли внутрь, и здесь оказалось, что предупреждение Мастера Ли не помогло. Утреннюю Печаль и Лунного Мальчика вырвало, через секунду я и принц присоединись к ним.

Да, еще один медицинский центр, и еще более худший, чем грот. Сухой воздух отлично сохранил нарисованные на стенах графические отчеты об опытах, и было трудно поверить, что одно человеческое существо может делать такое с другим человеческим существом. Принц Лиу Пао не смог оторвать глаза от железных клеток. В них лежали скелеты крестьян, терпеливо ожидая, когда Смеющийся Принц решит развлечься ими. Но Мастер Ли внимательно вгляделся в формулы, графики и таблицы, которые подытоживали результаты экспериментов.

— Чии и ши, сила жизни и движения, которые оживляют вселенную, — сказал он, констатируя факт. — Он использовал этот сверхъестественный камень чтобы нарисовать схемы распределения жизненной энергии организма, пока медленно вытягивал жизнь из тел умирающих крестьян. И, конечно, человек, который может распоряжаться потоками жизненной силы, становится богом, а если он еще использовал Идеальное Дыхание и создал Эмбриональную Жемчужину, то мог достичь бессмертия. Покажите мне дорогу к личному бессмертию, и я покажу вам путь, усеянный трупами, а благоухание личной божественности воняет телами других людей. Бык, когда я разложусь до того, что начну интересоваться зельями для восстановления потенции и Эликсиром Жизни, приведи меня к Глазу Спокойствия и дай мне в руки удочку и банку с червяками.

Мы поспешно выскочили наружу и закрыли за собой дверь. Третью дверь охранял ястребоголовый Кебексенуф, а ястреб — охотник. Именно отсюда должны были выходить Монахи Радости, чтобы хватать крестьян, и Мастер Ли сказал, что надо проверить, нет ли еще каких-нибудь выходов наружу, на случай, если нам потребуется быстро удирать отсюда. Дверь открылась и мы вошли в длинный коридор со множеством боковых проходов.

Мастер Ли, не обращая внимания на боковые проходы, шел вперед, пока туннель не закончился глухой стеной. Мы повернули обратно и Принц Лиу Пао уверенно вошел в первое же темное отверстие. И исчез.

— Аааааарррргггг....

Крик ужаса доносился снизу, опускаясь все ниже и ниже, в самую глубь земли, где и растаял. Наступившее молчание казалось еще более ужасным, чем крик.

Я заставил свои ноги пошевелиться. Скорее всего принц не обратил внимания на темную яму у входа в тоннель, открывшуюся прямо под его сандалиями. Я встал на колени и бросил факел вниз. Оказалось, что спуск не совершенно вертикален. Скорее он напоминал гладкий каменный туннель, спускающий-

ся вниз и кое-где покрытый снегом. Я вспомнил, как принц ухаживал за Утренней Печалью, мысленно увидел его теплые, светящиеся всеми красками картины. Я сел рядом с дырой и сунул туда ноги.

— Ты его видишь? — спросил Мастер Ли.

— Нет, господин, но увижу, — мрачно ответил я.

Я прыгнул внутрь раньше, чем кто-нибудь успел остановить меня. Лунный Мальчик вскрикнул, а потом я слышал только ветер, свистевший в уши. Скорость росла, камень оказался даже более скользким, чем лед на Холме Головы Кабана за моей деревней. Пламя факела колыхалось надо мной как флаг на летящей со всей скоростью лодке во время гонок Праздника Лодок Дракона, я описал кривую, промчался по гладкой стене чуть ли не под потолком, и опять помчался вниз по центру желоба со скоростью сто восемьдесят ли в час. И даже, несмотря на страх, почувствовал радостное возбуждение. Я пролетел еще один поворот, проехался по гладкому боку желоба, вернулся обратно в середину и полетел дальше, уже с дикой радостью в крови, ничего не видя в кромешной тьме, и только пламя факела осветило место, где от тоннеля отходили в сторону несколько черных дыр с острыми камнями в центре. Скорость стала просто невероятной. Я кометой пролетел еще через три поворота, потом тоннель выровнялся и поднялся, меня несло совершенно прямо, и тут, внезапно, желоб оборвался. В следующее мгновение я уже летел в воздухе, подо мной плескалась вода, и я успел только отбросить факел далеко вперед, прежде чем с шумом упал в воду.

Весь в брызгах я выскочил на поверхность, и поплыл к берегу. Трудно искать дорогу в темноте, но, к счастью, факел не погас. Как выяснилось, я опять оказался в главной пещере с черной рекой. Подняв факел повыше, я переплыл на другой берег, пошел вдоль утеса, глядя наверх, и в конце концов нашел черное отверстие, из которого вылетел.

— Со мной все хорошо, — крикнул я. — Принца еще не увидел, но я его найду!

Я медленно пошел вдоль берега, в поисках влажных следов, которые принц должен был оставить там, где выбирался из воды — или где его вынесли из воды. Я даже не хотел думать, что он мог удариться о подводный камень или приземлиться на голову. Сверху раздался странный звук, я крутанулся, подняв топор.

Я должен бы ожидать этого. По воздуху летел Мастер Ли. Он ударился о воду как огромный баклан, за ним летела Утренняя Печаль, изящно нырнувшая как лебедь. Лунного Мальчика можно было обвинить в чем угодно, но только не в неловкости: он напомнил мне танцора в опере, когда сложился, сделал сальто и вошел в вертикально в воду, как нож в масло. Я помог всем выйти на берег, собрал все факелы и зажег от моего.

— Будда, что за развлечение! — сказал Мастер Ли, тряся головой, чтобы вылить воду из ушей. — Любой мандарин пригласил бы к себе на месяц того, кто смог бы повторить такой полет на публике.

— Мандарин? Сам Император! — с энтузиазмом воскликнул Лунный Мальчик.

— А я надеюсь, что принц обрадовался ему так же, как и я, — угрюмо сказала Утренняя Печаль.

Мастер Ли что-то искал и, наконец, нашел. Древние железные скобы, вделанные в каменную стену, вели к началу желоба. — Природа редко делает что-то гладким, и я подозреваю, что ей помогли, — сказал он. — Тяжелые грузы перевозили по реке до этого места. Потом их поднимали в дыру, клали на салазки, а салазки поднимали вверх, на самые высокие уровни могилы. Где-то рядом должна быть лестница.

Очень скоро мы ее нашли. Но не стали подниматься. Мастер Ли хотел только удостовериться, что есть куда отступать, если понадобиться, и мы, уже вчетвером, начали искать Принца Лиу Пао. Мы исходили весь берег, и уже собирались отправиться на другой, когда острые глаза Утренней Печали нашли то, что мы пропустили. Маленькую алую ленточку.

— На кафтане принца была такая ленточка, внизу, — возбужденно сказала она.

Мы расширили поиск, и в пятидесяти или семидесяти чи вверх по течению нашли еще одну.

— Похоже они его схватили, — спокойно сказал Мастер Ли. — Если бы он остался на свободе, то крикнул, как сделал Бык, поискал бы путь наверх и нашел бы эту лестницу. Значит его взяли наши друзья в разноцветных одеждах, но его не связали и он оставил нам знак.

Мы пошли вслед за ленточками, которые лежали друг от друга почти на одинаковом расстоянии. Потом они исчезли. Мы вернулись назад и обнаружили боковой проход, почти полностью скрытый за каменной полкой. У входа лежала еще одна ленточка, но Мастер Ли приказал нам остановиться. Он осмотрел проход и тщательно проверил стены, древние леса, поддерживавшие потолок и пол, усеянный осколками камней, упавших с потолка. Это была смертельная ловушка, и принц никогда бы сам не вошел внутрь, если бы его не тащили. Мастер Ли понизил голос.

— Лунный Мальчик, теперь твоя очередь, — прошептал он. — Там может быть один довольно-таки отвратительный немолодой человек, и я бы хотел, чтобы он услышал, как мы входим.

Лунный Мальчик кивнул. Он сел у входа, снял сандалии и поставил свое копье так, чтобы мог поскрести им он стену одним движением плеча.

— Шшшш, тихо, — прошептал голос Мастера Ли, хотя сам Мастер Ли

молчал, это Лунный Мальчик запустил его голос в туннель. Сандалии в его руке быстро задвигались, и мы услышали, как четыре пары ног вошли в туннель.

— Я ничего не вижу, — прошептал мой голос.

— И я, — ответил голос Утренней Печали.

— Я пойду впереди, — прошептал Лунный Мальчик своим собственным голосом.

Сандалии сильнее ударили по полу, как если бы ноги, одетые в них, пошли быстрее. Лунный Мальчик шевельнул плечом, послышался металлический скрип копья, затем Мастер Ли приглушенно выругался.

— Там есть еще ленточка? — это мой голос, громче.

И тут, из самой глубины тоннеля, послышался резкий щелкающий звук, а за ним треск раскалывающегося дерева. Страшный грохот, пол закачался, по воде пробежала рябь, из туннеля вылетели клубы пыли и осколки дерева. Один треск следовал за другим, пока не упал весь потолок, и прошло немало времени, прежде чем опять наступила тишина.

— Великолепно, — спокойно сказал Мастер Ли. — Теперь мы официально мертвы, раздавлены, стерты, как зернышко на точильном камне, и они не будут ожидать нас, когда мы нанесем им визит. К счастью, их совсем не трудно найти.

## ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Мастер Ли забрался ко мне на спину. Опять очень крутая лестница, с бесчисленным числом площадок, и я уже едва шел, когда, наконец, мы добрались до большой пещеры, от которой отходило несколько боковых проходов. Мастер Ли слез с моей спины и обошел пещеру кругом, а мы все трое уселись на пол, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть. Внезапно он резко вскрикнул, мы прыгнули на ноги и подбежали к нему.

Оказалось, что он случайно оперся о кусок стены, который скользнул в сторону. За ним открылась другая комната. Мы все были в ней раньше, поэтому смело вошли внутрь и опять увидели рабочий кабинет подрядчика и яму, в которой лежали два мертвых садовника. Стрелы по-прежнему усеивали все дерево вокруг, Утренняя Печаль наклонилась и присмотрелась к одной из них. Ее глаза изумленно расширились, когда она подняла ее.

— Да, знаю, я уже видел ее раньше, — сказал Мастер Ли. — Это не старые, а достаточно современные стрелы, и тем не менее совершенно невозможно, чтобы местные мальчишки или девчонки нашли это место и играли здесь, а никто из взрослых этого не знал. Никакой молодой человек не в состоянии сохра-

нить такой секрет, если не знал его с рождения. Счастливая домашняя жизнь с Монахами Радости?

Он прошелся взад и вперед, мрачно поглядывая на темную яму перед столом подрядчика.

— Я спрашиваю себя, — продолжал он, как если бы говорил сам с собой. — Сколько вам обещали заплатить за то, что вы принесли мальчика или девочку по таким крутым ступенькам, как Бык только что принес меня? Остановились бы вы отдохнуть, пока мальчик или девочка играет с луком и стрелами? Понесли бы вы его дальше и потом опять поднялись бы по другой стороне реки? А там еще больше стрел, и еще один спуск, и еще, и еще? И если бы вы увидели или услышали больше, чем вам полагается, не встали ли вы перед столом, чтобы получить свои деньги?

Дыра молчала. Мастер Ли пожал плечами, и вернулся в пещеру. Он забрался на мою спину, и я опять стал подниматься по лестнице, пока четвертая площадка не привела нас в тот самый туннель, с которого мы начали, прямо перед проходом с ямой и чудесным гладким желобом. Внезапно мне почудился садовник, на котором сидел смеющийся ребенок, который прыгает в туннель и исчезает в темноте.

Мастер Ли быстро вернулся в маленькую прихожую. Осталась только одна дверь, перед которой стоял последний сын Гора.

— Амсет, единственный из них с головой человека, — мрачно сказал Мастер Ли. — Мы ищем людей, очень неприятных, и будем надеяться, что они не оставили принца связанным в том самом туннеле, который должен был обрушиться на наши головы.

Он поднял последний кувшин и дверь открылась. На этот раз нам не понадобились никакие факелы, потому что длинный ряд их уже горел в скобах, вделанных в стену туннеля. Воздух был свежим и затхлым, одновременно, Лунный Мальчик скривился и что-то пробормотал о добродетельных отшельниках, моющихся раз в семь лет.

Туннель довольно резко уходил вниз. Я опять пошел впереди, сжимая свой топор, за мной шел Мастер Ли, с ножами наготове. Лунный Мальчик держал копье в одной руке и пояс Утренней Печали в другой, а сама Утренняя Печаль с луком в руке прикрывала нам тыл. Мы старались быть тише мыши. Туннель вел все ниже и ниже, воздух наполнился влагой, как если бы мы приближались к реке, и я увидел два маленьких камня, лежавших на полу туннеля. Я вспомнил обвал, который должен был убить нас, нервно посмотрел на потолок и не нашел ни одной серьезной трещины. Тем не менее несколько дальше я нашел несколько свежих, которые должны было появиться, когда завалило туннель внизу. Пол покрывала пыль, и Мастер Ли удовлетворенно заворчал, увидев на ней свежие следы сандалий.

Мы пошли быстрее. Я приглушенно вскрикнул, схватил руку Мастер Ли и указал на красную ленточку, лежавшую на полу. Лунный Мальчик что-то прошептал Утренней Печали, она повернулась и ее глаза зажглись надеждой.

— Он жив, — прошептал Мастер Ли. — Похоже принц намного крепче, чем выглядит, он сбежал с ленточками, сумел освободиться и оставить красный след.

Лунный Мальчик услышал звуки задолго до нас. Он прошептал, что где-то очень далеко смеются люди, и в конце концов мы подошли достаточно близко, чтобы тоже услышать грубый и радостный смех: похоже там шел праздник.

— Хороший знак, — прошептал Мастер Ли, — они празднуют нашу смерть. Вот если они приносили принца в жертву камню — или что-нибудь в этом роде — мы бы услышали мрачные религиозные песни.

Впереди нас замелькал свет и мы прошли через несколько пустых боковых проходов. Смех шел из помещения прямо перед нами, и когда мы подошли к нему, оказались в проходе, на этот раз не пустом. Он напоминал комнату для переодевания, на рядах колышков, вделанных в стены, висели разноцветные монашеские одеяния, а сам проход оканчивался скальной полкой, которая выводила туда, откуда лился свет. Мы скользнули внутрь, легли на пол, выползли на полку и посмотрели вниз.

Пещера под нами напомнила мне двор большого монастыря. Ее освещали тысячи факелов, висевших на вделанных в стены скобах. Вся сцена производила впечатление чего-то странного и неестественного. Монахи в пестрых одеждах, образовав концентрические круги, громко смеялись и двигались, скованно и неуклюже, по видимому танцуя. Круги сходились к большому трону, на котором сидел монах с улыбающейся бумажной маской на лице и курчавой бородой. Большая погребальная урна стояла за троном, и другой монах, судя по всему важная персона, стоял в десяти чи от нее. И ни малейшего следа принца.

Мастер Ли дал нам знак отползти. — Это очень древняя церемония, которая называется «Праздник Смеха», — прошептал он. На троне предводитель с маской Фу-Хсинга, Бога Счастья. Каждый монах, танцующий вокруг трона, по очереди обнимает предводителя, берет бумажные свитки из урны и приносит помощнику, который открывает их и читает вслух смешные пожелания счастья. Когда у всех есть по желанию, помощник кричит «*Тьен-куан-сы-фу*», начиная праздник, а потом они выпускают в небо стаю летучих мышей, потому что летучая мышь и счастье произносится одинаково: *фу*. После чего предводитель должен совершить обход, проверяя, все ли в порядке, и привести нас прямо к принцу, а они тем временем будут пить вино и праздновать.

Мастер Ли отполз назад и выбрал подходящую по росту пеструю мантию. Потом помог нам спрятать оружие на спинах, под одеждах, а огромные капюшоны почти полностью скрыли наши лица.

— Эстетически церемония не производит большого впечатления, но для

убийства она просто чудесна, — мрачно сказал Мастер Ли. — Я не собираюсь ждать, когда он отправится гулять. Слишком рискованно. Этот парень и его счастливые друзья хотели нас убить, и пришло время вернуть должок. Если мы окажемся прямо среди них, а они останутся без предводителя, это будет очень просто, но не забудьте оставить одного или двух в живых, потому что кто-то должен рассказать нам, где находится принц.

Он нагнулся к сандалии, другой, не той в которой были отмычки, и снял закругленный конец фальшивой подметки. В подметке осталось маленькое отверстие с резьбой. Он сунул руку дальше, в полость подметки, и вытащил очень узкий закругленный клинок, не толще большой булавки, и прикрутил его к основанию подметки. Кусок подметки почти точно соответствовал его руке.

— Бык, ты будешь последним, и сделаешь то, что сможешь в случае, если я промахнусь, — сказал он. — Я буду прямо перед тобой. Кто хочет идти первым?

— Я, — одновременно сказали Утренняя Печаль и Лунный Мальчик.

Мастер Ли решил, что Лунный Мальчик идет первым, Утренняя Печаль за ним, и мы скользнули обратно на полку. Ритуал шел своим чередом, точно так, как предсказал Мастер Ли: смеющиеся монахи медленно приближались к трону. Каждый церемонно обнимал предводителя, брал свиток из урны и, танцуя, подходил к помощнику, который открывал свиток и громким пронзительным голосом читал пожелание счастья. Грубые шутки без ума и воображения — вот что такое были эти пожелания: утонуть в бочке крепкого вина, или возродиться подушкой в борделе. Каждая глупая шутка приветствовалось взрывами грубого смеха.

Все глаза глядели на трон и на помощника. Так что мы, не замеченные никем, соскользнули с утеса и замешались в конец процессии. Единственная проблема — нужно было приспособиться к шагам монахов, ужасно неуклюжим. Линия медленно двигалась к предводителю.

— Брат Прыщ-Между-Ног, твое желание исполнится — тебя изнасилует Небесная Свинья, — проревел помощник.

И даже такое пожелание вызвало бурю смеха. Линия закруглялась, и мое сердце подпрыгнуло до горла, когда Лунный Мальчик доплясал до трона. Я никогда не знал никого храбрее, но тут его лицо позеленело. Тем не менее он без всяких проблем обнялся с предводителем и передал свой свиток помощнику, который прочитал очередное идиотское пожелание. Следующей была Утренняя Печаль, тоже позеленевшая, но и у нее все прошло тихо. Пришла очередь Мастера Ли.

Клянусь, что увидел на его сморщенном лице зеленый оттенок. Он подплясал к предводителю и широко раскинул руки для объятия. Внезапно его правая рука шлепнула предводителя в область сердце. Быстрый поворот запястья, отвинчивающий подметку сандалии. Рука с подметкой мгновенно отдер-

нулась, взяла свиток и Мастер Ли поплясал к помощнику. Настала моя очередь. Только теперь я понял, почему они все зеленели. Предводитель не мылся месяцев шесть. Шаг ближе, и я изменил цифру на шесть лет, а потом на шестьдесят.

Мастер Ли не промахнулся. Голова за бумажной маской безжизненно откинулась на спинку трона. Даже кровь не сочилась из-под очень тонкого лезвия, и нож был почти невидимым. Я облегченно вздохнул, когда понял, что мне не нужно душить негодяя. Я взял свиток и поплясал к помощнику, который, однако, в первый раз изменил ритуал. Вероятно последний в ряду должен был участвовать в церемонии.

— Последний да будет первым, — проревел помощник. — Наш опоздавший брат, твое желание исполнится — ты будешь нести на себе нашего предводителя во время инспекции.

Я оглянулся, ища взглядом карету или носилки, увы. Значит это часть древнего ритуала — нести предводителя на спине. Смеющиеся монахи так тесно обступили Мастера Ли, Лунного Мальчика и Утреннюю Печаль, что им было трудно пошевелиться, не то что добраться до оружия. Мастер Ли только высоко поднял брови, когда два здоровых монаха подошли к трону и подняли предводителя в воздух.

И тут нам повезло. В мерцающем свете факелов было не так-то легко увидеть тонкую рукоятку ножа, бумажная маска осталась на месте, и монахи могли подумать, что их предводитель в стельку пьян. Спустя мгновение я обнаружил, что тело трупа лежит на моей спине, его голова на плече, а руки болтаются вокруг шеи. Я мог только держать безжизненные ноги и надеяться, что по ходу инспекции мы окажемся там, где держат принца.

— *Тьен-куан-сы-фу*, — прокричал помощник. — *Эмиссар Небес Приносит Счастье. Звоните в колокола. Бейте в гонги. Выпустите летучих мышей. Пускай начнутся танцы и веселье, потому что Праздник Смеха начался.*

— Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! — засмеялись монахи и началось.

Колокола и гонги забили так громко, что меня едва не оглушило, монахи открыли клетки, и в воздух взмыли тысячи летучих мышей, дико забивших крыльями в свете факелов.

— *Танцы, танцы, танцы! Пускай радость царит на Празднике Смеха,* — провыл помощник.

Я сумел бросить взгляд назад и увидел, что Мастер Ли, Лунный Мальчик и Утренняя Печаль так тесно сдавлены прыгающими монахами, что могут только плясать вместе с ними. Дикая какофония колоколов и гонгов совершенно сбила с толку летучих мышей. Они бились о стены и крыши, и маленькие пушистые тела падали вокруг нас.

— *Еще больше смеха! Больше танцев! Больше колоколов и мышей*! — кричал помощник.

Тело, которое я нес, костенело с потрясающей скоростью. Болтающиеся

руки тяжело давили мне на шею, мне было трудно дышать. Я попытался как-то передвинуть тяжелое тело, но нет ничего труднее, чем двигать труп. Он вроде мешка с мукой, снабженного неудачно расположенными руками и ногами.

— *Радость*! — провыл помощник. — *Радость! Радость! Радость!*

Руки держали меня все крепче и крепче. Мне ничего не оставалось, как только отпустить ноги трупа и схватить его руки, мы закачались на месте, мои ноги прыгали по земле. Но пытаться удержать эти руки было все равно, что развести железные прутья...

Железные прутья. Перед моими глазами, как молния, мелькнула картина: монастырская библиотека и железные прутья, сжатые как мягкие свечи. Я вцепился в руки изо всех сил, бесполезно. Они сжали еще сильнее.

— *Пусть наша радость будет безгранична, ведь Повелитель Радости приветствует почетного гостя!* — крикнул помощник.

Капюшон на мантии трупа откинулся, маска полетела в сторону. Голова медленно поднялась. Один глаз внезапно открылся и подмигнул мне, открылся рот, зловонное дыхание заставило меня задохнуться. И тут я понял, откуда взялся ужас на лицах двух мертвых монахов.

— Как любезно с твоей стороны, что ты согласился нести этого недостойного во время инспекции, — сказал Смеющийся Принц.

Я не мог ошибиться. Половина лица была точной копией лица из висевшего в могиле портрета. Вторая половина тоже принадлежала Смеющемуся Принцу, но скорее напоминала расплавленную маску из воска, долго стоявшую позади огня. Плоть частично сгнила, стала толстой, расплывшейся, комковатой и вонючей. И голос наполовину сгнил, стал скрипучим и противным. Открылся второй глаз и подмигнул мне. Оба глаза были совершенно безумными.

— Добро пожаловать в мое королевство, — хихикнул Смеющийся Принц.

— *Танцы! Танцы! Больше радости и веселья!* — провыл помощник.

— Смотри, как веселятся мои монахи, — сказал Смеющийся Принц. — Ты и твои друзья, как чудесно, что вы присоединились к нашей компании.

Некоторые танцующие монахи откинули капюшоны, и я увидел лица трупов. На голых костях висели куски плоти, из пустых глазниц струился вечный ужас.

— *Еще больше летучих мышей и колоколов! Пускай опять ударят в гонги!* — закричал помощник.

Смеющийся Принц искал божественность, и нашел вечность, превратившись в *чианг ши*, труп, который выползает из могилы, душит странников и крадет их души. Еще никто за всю историю не сумел ускользнуть от его цепких объятий.

— О, да, ты и твои друзья так обрадуются, что вам никогда не захочется уйти отсюда, — прошипел мне прямо в ухо Смеющийся Принц. — Такая ра-

дость. Бесконечный смех. А ты, ты будешь танцевать со мной, опять и опять, вечно.

— *Хвала Повелителю Радости*! — проревел помощник. — *Хвала Камню*!

— Камень! — крикнули трупы. — Восхвалим Камень!

Я с трудом оглянулся и увидел, как помощник хлещет Мастера Ли, Утреннюю Печаль и Лунного Мальчика кнутом, а трупы, собравшиеся кругом, вцепились им в руки и бока. Я взглянул вперед. Хотя я дышал с трудом и перед глазами все расплывалось, все-таки я заметил, куда мы направляемся. Священный алтарь стоял у одной из стен пещеры. Рядом с ним находился огромный каменный бассейн, наполненный церемониальным маслом, а за ним невысокий каменный столб, на котором висели священные топоры.

— *Еще больше летучих мышей*, — проорал помощник. — *Больше танцев и смеха*.

Лучше сейчас, чем потом, подумал я и, подгоняемый трупами, похромал вперед, к алтарю. Тела летучих мышей хрустели у меня под ногами, а еще больше их пищали от ужаса, налетая на черепа танцующих монахов и в поисках укрытия заползая в их пустые глазницы и рты. Моя шея уже трещала, черные и красные пятна танцевали перед глазами. Наконец передо мной зачернел бассейн с церемониальным маслом. Из последних сил, я прыгнул вперед, перевалился через край и вместе с трупом упал внутрь.

Вынырнув на поверхность, я вздохнул, схватил смазанные маслом руки и потянул вверх. Медленно, очень медленно, но они заскользили по моей голове и остановились около ушей. Я зачерпнул одной рукой побольше масла и вылил на них, и в конце концов смертельные руки с глухим шлепком полностью соскользнули с моей головы. Я бросился к краю бассейна и выполз на землю, а Смеющийся Принц уже стоял на дне бассейна, с любовью протянув ко мне руки.

— Иди ко мне, мой дорогой мальчик. Мы еще не закончили наш танец, — хихикнул он.

Я подполз к столбу, заставил себя встать на ноги и схватил один из топоров. Труп вылез из масла и шел ко мне, вытянув руки. Оба сумасшедших глаза подмигнули мне. Я дал ему подойти поближе и одним ударом отрубил ноги до колен. Смеющийся Принц повалился на спину.

— *Камень и Повелитель Радости хотят еще больше развлечений*, — провыл помощник.

Я отрубил кисти от рук, руки от тела, поднял топор повыше и обрушил его сверху на полусгнившую голову. Она раскололась пополам, но глаза продолжали подмигивать мне.

— Совершенно, — сказала левая половина рта.

— ...бесполезно, — закончила правая.

Я бросил топор, покачнулся и упал. И лежал там, не в силах пошевелиться и жадно глотая воздух ртом.

— *Воспоем великий Гимн Удовольствию, потому что наш Повелитель Радости приготовил все для жертвоприношения*, — вскричал помощник.

Я сумел повернуть голову. Отрубленные кисти Смеющегося Принца уже бежали как мне, переваливаясь, как крабы. Они поползли по ногам, прыгнули на грудь и сомкнулись вокруг шеи.

— Ха, ха, ха! — засмеялись танцующие трупы. — Хо, хо, хо!

Я встал на ноги, безуспешно пытаясь сбросить с себя впившиеся в горло пальцы и опять прыгнул в бассейн. Опустив голову в масло, я сумел оторвать их, один за другим. Закинув их обратно в масло, я выполз на берег, подбежал к столбу, схватил горящий факел и слепо бросил его. Я почти промазал, он покатился, задержался на краю и только потом упал в бассейн. Без сил я упал лицом на пол.

К потолку взметнулась колонна пламени. Два огненных шара вылезли на край бассейна, и я увидел пылающие кости рук, которые поползли ко мне, извиваясь и подпрыгивая. Они горели, шипели и распадались, из них шел серый дым, хлестало пламя, пальцы отделялись от ладони и падали на пол. Но все равно черное облако ползло к моим ногам. Оно остановилось только укнувшись мне в ноги, и я вскрикнул от боли, когда шипящие кости вонзились в лодыжки. Потом облако осело, и на месте костей остались только две кучки дымящихся углей.

Колокола прекратили бить. Гонги остановились. Трупы застыли на полушаге, в танцевальных позициях. И только летучие мыши еще носились по пещере, освещаемые огнем факелов.

Что-то задвигалось. Когда я увидел, что это мастер Ли ползет ко мне, из моих глаз полились слезы, которые тонкой струйкой потекли по носу. Он был жив, и Утренняя Печаль, и Лунный Мальчик, и я, я тоже выжил, и мы не ушли в вечность, как монахи в разноцветных одеяниях.

## ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Лунный Мальчик приподнял мою голову, Мастер Ли взял фляжку и лил мне в горло вино, пока я не закашлялся, не сел и не вырвал все на одежду. Это помогло, голова прояснилась, и Мастер Ли погладил ее, как дедушка гладит внука. — Когда путешествуешь, всегда бери с собой быка, — сказал он.

Лунный Мальчик поцеловал меня в левую щеку, но я ожидал не его поцелуя, и настолько ослабел, что глаза наполнились слезами. Утренняя Печаль не собиралась благодарить меня, и я едва не утонул в жалости к самому себе, пока не сообразил, что, единственная среди нас, Утренняя Печаль сумела сохранить

самообладание. Никто не знал, какие ужасы могли подстерегать нас здесь, и ей удалось, с трудом, высвободить свой лук. Она устроилась за бассейном с маслом, наложив стрелу на тетиву. Тем не менее в пещере ничто не двигалось, кроме летучих мышей.

Наконец она освободила тетиву и подползла к нам.

— Бык, — сказала она, поцеловав меня, — мальчики просто обязаны добавить тебя к истории Волка. До тебя никому не удавалось освободиться от объятий чианг ши.

Окоченевший труп лежал рядом, порубленный на кусочки, но не сможет ли он встать опять? Я пожал плечами, Лунный Мальчик тоже, руки Утренней Печали медленно скользнули вдоль тела к плечам, и она обняла себя, как если бы хотела защититься от неведомой опасности.

— Мастер Ли, я ненавижу эту ужасную вещь и боюсь ее, но почему меня тянет к ней? — прошептала она. — Почти так же сильно, как меня тянет к Лунному Мальчику или даже к принцу.

Лунный Мальчик мрачно посмотрел на нее и повернулся к Мастеру Ли. — Я тоже чувствую притяжение, — сказал он. — Я плясал с этими тварями не только потому, что они меня заставили. Частично мне самому этого хотелось.

Старик посмотрел на меня. — Бык?

Я покачал головой. — Нет, господин, — сказал я. — Только страх и отвращение.

— И я то же самое, так что скорее всего нам не хватает восприимчивости, — сказал он, подошел к трупу и склонился над разрубленным торсом. В свете факелов сверкнул нож. — Смеющийся Принц умер больше семи столетий назад, и пока Адские Приставы сорок девять дней ждали и не забирали душу, чтобы не сделать ошибки в Реестре Жизни и Смерти, тело начало гнить. Смеющийся Принц носил амулет из камня на цепочке вокруг шеи, и камень погрузился в его тело. Прежде, чем появились приставы, Лиу Шень восстал из мертвых: сумасшедший, почти безмозглый, абсолютное зло; но разве это означает, что сам камень — зло? Дети, притяжение, которое вы чувствуете, означает, что скорее всего верно обратное.

Плоть настолько прогнила, что нож почти не понадобился, Мастер Ли сделал легкий надрез и вытащил плоский кусочек камня. Он тщательно промыл его в масле, осушил своим халатом, и, надо сказать, я здорово перепугался, когда он вернулся, неся камень в голых руках. Я ожидал, что из его пальцев полезут когти, тело покроется грубой черной шерстью, и, когда он поднял на меня глаза, я ожидал увидеть в них безумие. Вместо этого в них блеснула слеза, и он мягко сказал мне.

— Разве этот камень зло? Бык, суди сам.

Он протянул мне камень. Это произошло так быстро, что я взял его не

думая, но потом громко вскрикнул и уронил бы его на пол, но пальцы Мастера Ли уже сомкнулись вокруг моих.

— Не бойся, — сказал он.

Камень оказался теплым. И живым. Я почувствовал, как поток энергии пульсирует в нем. В мои пальцы впились крохотные иголочки, которые распространились по всему телу, пробежали по каждому нерву и каждому мускулу, я почувствовал себя отдохнувшим, слабость исчезла, и мне даже показалось, что еще немного — и я распущусь как цветок. Мастер Ли показал мне передать камень остальным, и я протянул его Утренней Печали. Она начала слабо всхлипывать, с улыбкой на губах, но когда камень получил Лунный Мальчик, он стал бледным, как призрак, и прижал камень к сердцу, как если бы хотел соединить его со своим телом.

Мастер Ли взял его обратно и высоко поднял. Камень сверкал, освещенный светом факелов. — Автор «Сна в Красном Тереме» никогда не видел камня, но я готов поспорить, что он действительно читал Анналы Неба и Земли, а там написано, что камень с изъяном, — сказал он. — Да, цветок был злом, но Цао Сюэцинь приписал зло камню, и только из-за странной реакции двух великих людей, которые владели им. Сыма Цянь никогда не касался камня рукой, и он тоже посчитал, что камень зло из-за реакции Лао-цзы и Чжуан-цзы. Если бы на Сыма Цяня не так давила окружающая атмосфера, он обязательно обратил бы внимание на форму камня, и пришел бы к другим выводам.

Мастер Ли улыбнулся нам и процитировал Сыма Цяня. — «Плоская гладкая область, окружающая вогнутый сосуд». Ну, кто может предположить, что это такое?

Ни мне, ни Лунному Мальчику ничего не пришло в голову, но глаза Утренней Печали свернули.

— Место где точат чернильную палочку, и сосуд, в который макают кисточку. Это естественный чернильный камень.

— Хорошая девочка! Естественные чернильные камни высоко ценятся, и этот вначале подарили Лао-цзы, а потом Чжуан-цзы. Я бы отдал все, что у меня есть, для того чтобы увидеть, как эти великие люди впервые использовали его, — мечтательно сказал Мастер Ли. — Кисточки для письма глубоко погрузились в сосуд с чернилами, потом перешли на плоскую область, войдя в контакт с камнем, который несет на себе прикосновение Неба, а потом великие философы пораженно глядели на иероглифы, которые текли из этих кисточек, иероглифы, которые могли написать только боги. Они могли бы никому ничего не сказать и приписать себе эти замечательные надписи, и искушение было так велико, что они воскликнули «Зло!» и отбросили камень прочь. Любой, кто услышал бы их,

предположил, что речь идет о камне, а вовсе не об искушении, которое пришло вместе с ним.

Он положил кусок камня в маленький мешочек, который подвесил на кожаный шнурок.

— Один кусок у нас есть, — мрачно сказал он. — Надо найти еще два. Когда Смеющийся Принц восстал из мертвых, он был полностью сумасшедшим и почти полностью безмозглым, и не мог планировать какие-нибудь осмысленные действия. Кто-то другой должен был думать за него, и где-то здесь есть человек, чьими руками являлся Принц Лиу Пао. Если это не...

Его голос умолк. Мы знали, о чем он думает, когда с белыми напряженными лицами шли мимо Монахов Радости, методично откидывая капюшон за капюшоном. Везде мы видели либо старые белые черепа, либо недавние, на которых еще сохранились куски кожи и клочья волос. Лунный Мальчик едва не умер от страха, когда пустая глазница черепа внезапно подмигнула ему, но потом из пустого черепа вылетела еще более испуганная летучая мышь. С принцем могло случиться что-то ужасное, но среди монахов его не было.

Мы взяли факелы и наклонились поближе к полу. Понадобился час поисков, но наконец Лунный Мальчик счастливо закричал. Алая кисточка лежала у входа в один из боковых проходов. Мы похватали оружие и отправились туда, я — впереди, а Утренняя Печаль прикрывала тыл.

Если бы принц не оставлял за собой след, мы бы безнадежно заблудились в первые же несколько минут. Это был настоящий лабиринт в лабиринте, туннели переплетались и расходились во всех направлениях. И повсюду стояли тяжелые деревянные подставки, поддерживавшие потолок. Мы двигались крайне осторожно, избегая касаться деревянных платформ, и обнаружили, что разговариваем шепотом, как если бы громкое слово могло обрушить могилу на наши головы. И это действительно была могила: комната за комнатой, некоторые законченные, некоторые еще не готовые, предназначенные для того, чтобы удовлетворить любые, самые извращенные вкусы. Смеющийся Принц решил взять с собой весь мир, и я даже ожидал увидеть площадку для поло, пока не сообразил, что хотя уже в его время мы покупали замечательных лошадей в Индии (не обращая внимания на вторжения туда сумасшедших греков), но игру еще не придумали.

Алые ленточки продолжали указывать путь. Лунный Мальчик прошептал, что слышит воду, и через несколько минут мы вошли в великолепную пещеру. Насколько можно было видеть в свете факелов, камень был синим, зеленым и очень красивым, мраморный пол вел к бассейну, в который вливалась тонкая струйка воды, падавшая с каменной полки, находившейся высоко над бассей-

ном. Мраморные ступени вели к множеству каменных полок, и мне привиделись скелеты и мумии, карабкающихся туда и ныряющих с высоты.

Лунный Мальчик поднял руку. — Что-то движется, — прошептал он. — Это там, наверху. — Он указал на одну из каменных полок над бассейном. И тут мы замерли как статуи, потому что высокий писклявый голос неожиданно завизжал.

*Мастер, О Мастер, охоту начнем!*
*Два олененка, и самка с самцом!*

Эхо металось между стенами и колебалось в бесконечных боковых проходах. Кто-то приближался. Маленькая изящная фигурка, одетая в разноцветное платье, встала на каменную полку, находившуюся у нас над головой. Я забыл вздохнуть, когда она откинула капюшон и вышла вперед настолько далеко, что мы увидели ее волосы. Волосы цвета огня. Я услышал мелодичный смех и чистый девичий голосок.

— Я надеюсь, что никого не напугала. Кто вы?

Глаза Мастера Ли превратились в щелочки, и я даже спросил себя, а может ли он вообще что-то видеть, холодный голос насмешливо ответил.

— Путешественники. А ты кто?

Девочка робко одернула платье. — Мой друг называет меня Девочка Огонек, — сказала она. — Вы его видели?

— Возможно, — сказал Мастер Ли. — Твой друг, не тот ли это счастливый парень, который пляшет с монахами, одетыми как ты?

— Да. Он мой друг, временно, пока не придет мой настоящий друг, которого я не видела очень давно, — в чистом голоске прозвучала растерянность. — Он обещал, что вернется. Я точно знаю, что он обещал, но никак не могу вспомнить, когда.

Мастер Ли тяжело вздохнул, и потянулся за фляжкой с вином.

— И, конечно, его зовут Волк.

— Да, — счастливо крикнула девочка. — Вы видели его? Я жду, и жду, и жду, я знаю, что мы должны сделать что-то важное, но в голове туман и я никак не могу вспомнить, что.

У нее был самый замечательный юный голос, который я когда-либо слышал, но в нем прозвучала очень странная, дисгармонирующая нота. Как если бы она говорила не ртом и ее голос доносился со стороны.

Мастер Ли сделал хороший глоток из фляжки, но, казалось, без всякого удовольствия. — У нас тоже есть друг, — сказал он. — У него замечательные волосы, которые торчат во все стороны, а на носу чернильные пятна. Быть может он пошел вместе с твоим другим другом, тем который с монахами.

— Да, я видела его. — Она неуверенно махнула рукой за спину. — Вон там. Может быть он болен, потому что они принесли его.

— Тогда нам лучше пойти и дать ему лекарство, — решительно сказал Мастер Ли. — А эти монахи, они случаем не называют твоего Друга Повелителем Смеха?

— Да, но мне не нравится, как он смеется, — со вздохом сказала она. — Он него так плохо пахнет, но когда я проснулась, я была совершенно одна, долго-долго, и очень обрадовалась, когда нашла его.

— То есть когда ты сумела открыть дверь в могилу, — сказал Мастер Ли, констатируя факт. — И он же был в гробу, когда ты нашла его, не так ли?

Она опять стала нервно теребить складки платья и долгое время молчала.

— Да, — прошептала она. — Но на самом деле он так и не проснулся, и мне потребовалось много времени, чтобы разбудить его.

— А, при помощи того камня из святилища?

— Да, но и тогда с ним было не очень-то весело, — жалобно сказала девочка. — Он так плохо играл и вообще становился таким отвратительным, пока я не просила камень спеть и успокоить его, а когда я попросила его найти еще друзей, он прошел с этими монахами, но и с ними веселее не стало.

— А ты ничего не забыла? — заискивающим голосом спросил Мастер Ли. — Ведь у тебя было еще два друга, помнишь? Два человека, которые приходили снаружи? Они носили тебя по ступенькам, чтобы ты могла скользить, а потом ты еще стреляла из лука, и опять скользила, и однажды обнаружила, как входить в могилу.

— Да, — прошептала она и еще более нервно поправила платье.

— И этот твой другой друг, который был в гробу, помнишь? — ласково сказал Мастер Ли. — Тебе потребовались взрослые мужчины, чтобы поднять крышку, верно? Но ты уже обнаружила железную пластину перед столом, а мужчины встали на нее и потребовали, чтобы ты заплатила им. Я думаю, что у тебя было тяжело на душе, когда ты потянула рычаг.

В прекрасном голоске зазвенели слезы, жемчужины медленно тонули в нектаре.

— Я не хотела, но они бы рассказали всем о комнате с золотом и нефритовом платье, а я знала, что должна сохранить тайну. Я не помню почему, но точно знала, что это важно, и однажды придет Волк и расскажет мне, почему.

— Да, секреты трудно хранить, — сочувственно сказал Мастер Ли. — По ночам ты выходила во внешний мир, подслушивала у окон и слышала много всего, и однажды ночью ты вернулась в пещеру и сказала твоему другу, тому, который плохо пахнет, что у монаха в монастыре есть манускрипт, написанный каким-то Сыма Цянем, а твой друг сказал, что Сыма Цянь нашел вход в подземелье. Да?

— Да, — прошептала она.

— А потом ты подслушивала у другого окна и узнала, что монах сделал копию, и сказала своему плохо пахнувшему другу, чтобы он разобрался и с этой копией, тоже.

— Да, — опять прошептала она. — И ты тоже был там! Ты и твой друг с волосами и чернильными пятами. — Она вскинула голову и засмеялась, как будто зазвенело жемчужное ожерелье. — У твоего друга действительно очень смешные волосы. Ты хочешь посмотреть, куда они принесли его?

Мастер Ли глотнул еще вина и убрал фляжку. — Прекрасная мысль, — холодно сказал он. — Веди нас, Девочка Огонек.

Моя голова болела, слова, как стремительные озорные ящерицы, выскальзывали из трещин в твердом гранитном мозгу, останавливались, замирали без движения и медленно ползли, рождая понимание: «...сказала твоему другу, тому, который плохо пахнет, что у монаха в монастыре есть манускрипт, написанный каким-то Сыма Цянем, а твой друг сказал...». И девочка сказала «да», а этот плохо пахнувший друг спланировал убийство и ограбление, но как мог Смеющийся Принц спланировать хоть что-нибудь? Он почти ничего не соображал! Зато я внезапно сообразил, что Мастер Ли заставил девочку признаться: в убийстве обеих монахов виноваты только Смеющийся Принц и она сама. К тому же, она убила еще и двух садовников.

Но соображает ли она, что делает? Она держалась от нас подальше, пока мы взбирались на каменные полки, потом, похожая на молодую пугливую козочку, умчалась за поворот, в один из боковых туннелей. Ее замечательный голос донесся из темноты, она пела:

*Пусть мальчик погиб, но дело живет;*
*Душа возродится, время придет.*
*Девочка, пей, тяжек прошлого гнет,*
*Но поцелуй тебя к жизни вернет.*

Мастер Ли заворчал и указал пальцем вниз, и я увидел, почему он идет за девочкой, куда бы он не вела. Еще одна алая ленточка лежала на полу туннеля. Быть может она и сумасшедшая, но вела нас в правильном направлении.

*Лицо дорогое омоет слеза,*
*Девочка встанет, откроет глаза.*
*Камень священный рванется в полет,*
*Злое и черное сердце умрет.*

Сладостные звуки доносились до нас издали, и голос девочки сказал. — Я не помню, что это означает, но Волк, когда вернется, скажет мне, — добавила она с надеждой.

Мы петляли по тоннелям, и везде стояли старые, шатающиеся деревян-

ные подставки. Четыре ленточки подтвердили, что мы идем в правильном направлении, и вот прилетел ее голос. — Они принесли его сюда.

Когда мы вышли из туннеля и оказались в маленькой пещере, ее уже не было, но я увидел другой проход в дальней стене. Когда-то эта пещера была складом, и на стенах еще висели металлические полки. Как и везде, старинные деревянные столбы поддерживали шаткий потолок. Один из столбов треснул, и кто-то перевязал его веревкой.

Что-то было не так. Я кишками чуял: что-то не так. Но что? Я заставил глаза медленно, не торопясь, пробежаться по всей пещере. Внезапно они прыгнули назад. Веревка? Веревка, которая пережила семь столетий, но выглядит как новая? Я шагнул вперед, и взглянул за толстый столб. Веревка, которая протянулась к дыре в стене, поднялась и натянулась. Я выругался и махнул топором, но опоздал. За мгновение до того, как лезвие могло бы перерубить ее, веревка дернулась и ветхий столб сломался посредине.

Остальные столбы протестующе застонали, согнулись и весь потолок просел на два чи. Столбы заскрипели, а потом стали трескаться, один за одним, пещеру наполнил грохот раскалывающегося дерева. Острые щепки полетели по воздуху, похожие на злые копья, полетели камни, вся конструкция, поддерживавшая потолок, стала выгибаться в центре. Я нырнул вперед, прямо к центральной балке, которая проседала все ниже и ниже, и подставил спину под падающий потолок. Конечно я не мог поднять его, но какое время, напрягая все силы, мог удержать.

— *Быстрей*! — простонал я.

И посмотрел назад. Сознание отказалось верить в то, что сказали мне глаза. Этого не может быть. *Не может быть*. Конечно лачуга в Пекине огласится водопадами веселого смеха, старый мудрец, насвистывая «Горячие Задницы», откроет еще один кувшинчик вина, а его молодая жена скользнет в сарай, чтобы навестить Десятого Быка; Лунный Мальчик и принц будут появляться каждые несколько месяцев и...

И мое сердце поверило в то, что увидели глаза и превратилось в лед. Лунный Мальчик поднял Утреннюю Печаль на руки, и на этот раз никакое лекарство в мире не могло спасти ее. Остроконечная щепка шириной не меньше трех цуней вонзилась ей в грудь, как снаряд, выпущенный из катапульты, и она была мертва как Тоу Ван. Лунный Мальчик не собирался оставлять ее тело. Закинув ее плечо, он побежал вместе с ней обратно в тоннель, и больше я уже ничего не видел, потому что мои глаза заволокли слезы. Потолок трещал так, как если бы горевал вместе со мной, тяжесть навалилась на мой плечи. Любой шаг в сторону — и все рухнет.

Рука Мастера Ли легла мне на плечо. — Вес распределен равномерно?

— Нет, — вздохнул я. — Наклонен вперед.

Мастер Ли подбежал к старым железным полкам. Некоторые из них были очень толстые и крепкие, он выбрал одну и поволок ко мне. Подставив ее под столб, он побежал за второй. Когда он расположил их по обе стороны от меня, я осторожно встал на колени, опуская центральный столб так медленно, как только возможно. Вся конструкция дрожала как живая, и очень скоро должна была развалиться на куски. Наконец она легла на железные полки.

Мастер Ли отбежал к туннелю. Я дал ему дойти, упал на пол, и рванулся к отверстию. Я оказался в туннеле раньше, чем балка треснула пополам, Мастер Ли прыгнул ко мне на спину и мы понеслись. Треск рухнувшего потолка почти оглушил нас. Весь туннель задрожал, нам вдогонку полетели пыль, камни и щепки, но я был быстрее. Лунный Мальчик, с Утренней Печалью на плече, освещал дорогу факелом.

Только невероятная память Мастера Ли помогла нам найти дорогу в лабиринте. «Второе отверстие справа, третье слева, первое слева», он командовал без колебания, а камни продолжали валиться с потолка и весь утес ревел, как будто тигры рычали друг на друга. Мы выбежал из туннеля и оказались в пещере с бассейном. Через минуту мы были уже в тоннеле, из которого вышли, и Мастер Ли приказал остановиться.

Вся пещера дрожала как в лихорадке, и некоторые потолки уже не выдержали. Обвал завалил туннель, который вел к Монахам Радости.

— Мастер Ли, я слышу воду, вон там! — крикнул Лунный Мальчик. — Звучит как река!

Сейчас впереди шел Лунный Мальчик, проскакивая тоннель за тоннелем, все ближе к воде. Наконец мы с Мастером Ли тоже услышали ее, и почти сразу вывалились на берег черной реки, текущей по гигантской главной пещере. Свет факела Лунного Мальчика осветил статую, которую мы уже видели: Е-Ван-е, бывший Повелитель Ада. Мы находились в нескольких шагах от лестницы, которая вела к Дороге Принца. К спасению.

Мастер Ли соскочил с моей спины и подошел к тоннелю, из которого мы вышли. Он приказал Лунному Мальчика поднять факел повыше и внимательно, как опытный инженер, осмотрел центральный столб подпорки, расположенной рядом с левой стеной. Главный столб уже треснул.

— Бык, ты можешь его сломать? — спросил он.

— Столб старый и трухлявый, — ответил я. — Да, могу, но если этот туннель обрушится, на остальные столбы системы ляжет непосильная нагрузка, верно? Эта сумасшедшая девчонка все еще там, а принц быть может жив.

— Ломай, — приказал Мастер Ли.

— Достопочтенный господин—, — начал я.

И закрыл рот. Мастер Ли глядел на меня в упор, и кто угодно может поспорить с великим человеком, только не Десятый Бык. Я уперся плечом в столб, но, как оказалось, даже недооценил его трухлявость. Он сломался при первом же нажиме, я едва не упал и налетел на обломок. Мастер Ли прыгнул мне на спину, Лунный Мальчик подхватил Утреннюю Печаль и мы побежали. Мы не слышали ничего, кроме треска раскалывавшегося дерева и грохота падавших камней, но я увидел, как губы Лунного Мальчика открылись и закрылись, и палец с тревогой указал вверх.

Прямо над нами по потолку пещеры прошла огромная трещина. Со страшным ревом сотни даней камня ринулись вниз, отрезая любые пути к лестнице. Река вздулась, волны грозили смыть все вокруг. Мастер Ли постучал мне по плечу и указал направление. Я осознал, что единственная возможность спастись — спрятаться в самой могильной камере. Лунный Мальчик был очень силен, и он скорее бы умер, чем бросил тело Утренней Печали. Он нес ее, пока я нес Мастера Ли. Мы оба бежали изо всех сил, спасаясь от неминуемой смерти. Рот на потолке пещеры распахивался все шире, издевательски усмехаясь нам. Камни падали градом, черная река покрылась кипящей белой пеной. Стены дрожали, пол брыкался, как необъезженная лошадь, облака пыли валили из боковых проходов.

Я взобрался на огромную протянутую руку, потом перепрыгнул на торс упавшего Японского Короля Мертвых. Мы бежали мимо рухнувших статуй. Гильгамеш еще гордо стоял, держа льва, но Анубис уже лежал. Скрежещущие звуки царапали уши. В земле появилась огромная трещина, Тот и Амент упали в нее и исчезли. Мы едва успели пробежать мимо огромной мумии Осириса, как она упала и разбилась на куски, но в моем сознании и в сердце звучал только любимый голос:

«Быстрее... быстрее... Там ворон и река...»

Вот и ворон. Мы промчались мимо него и нырнули в боковой проход. Слава богам, лестница оказалась целой. Пока мы прыгали по ступенькам, стены сжимались вокруг нас, и, я уверен, мне это не казалось. Звук невозможно описать. Наконец-то мы оказались на мраморной площадке с четырьмя дверьми, статуи еще стояли, и Мастер Ли взял кувшин из рук бога с головой ястреба. Дверь, протестующе скрипя, начала открываться, и мы сумели проскользнуть внутрь. В воздухе туннеля висела удушающая пыль, маленькие камни падали с потолка, я должен был срочно найти боковой проход.

Мы знали только тот, который вел обратно к реке, но пойти по нему означало верную смерть. К счастью, Мастер Ли правильно понял символику ястреба, поэтому должны были быть ведущие в долину боковые проходы, через которые монахи в пестрой одежде выходили на охоту за крестьянами. Нам по-

везло. Я почти мгновенно нашел лестницу и стал подниматься по ней, пока не уткнулся в глухую каменную стену.

Мастер Ли спрыгнул с моей спины, проверил стену перед нами, что-то толкнул, в стене появилась трещинат. Я увидел клочок синего неба, яркое солнце и белые облака, и мы вывалились наружу, на зеленую траву. Облако пыли колебалось в проходе, но мне удалось закрыть дверь, которая немедленно слилась со склоном утеса. Мы оказались на правом Роге Дракона, и через узкое горлышко глядели на Левый Рог и поместье Принца Лиу Пао.

Все холмы вокруг тряслись как лихорадке, приглушенные звуки неслись из самых внутренностей земли. Могила Смеющегося Принца как рак разъела землю изнутри, но сейчас холмы перешли в атаку. Миллионы крошечных трещин появились по всей Долине Скорби, когда земля сжалась и поглотила пустоту. Пещеры, тоннели, каверны — все перестало существовать, огромные облака пыли взметнулись из-под земли и устремились в небо. Земля содрогнулась последний раз и успокоилась.

Лунный Мальчик положил тело Утренней Печали на траву, и стал нежно расчесывать ее волосы, а я сидел рядом и плакал. Мастер Ли поднял глаза и внимательно глядел на крошечные фонтаны пыли, вылетавшие из склона Левого Рога, находившегося прямо перед нами, и не удивился, когда дверь в утесе открылась и маленькая фигурка, полностью покрытая пылью, вывалилась наружу. Когда пыль улеглась, я увидел разноцветную одежду и капюшон, который скрывал яркие рыжие волосы. Голова повернулась к нам.

— О!

— Каким-то образом я знал, что ты выберешься, — сказал Мастер Ли.

Девочка села прямо и смахнула пыль с одежды. — Я так рада, что вы спаслись, — сказала она замечательным, но идущим не из горла голосом. — Однако я опасаюсь за моего друга и его монахов, хотя я не очень их люблю. А вы нашли своего друга со смешными волосами?

Мастер Ли зло выругался и махнул фляжкой. Его голос и глаза были холодными и злыми.

— Да, найдем, как только ты снимешь этот дурацкий парик и оторвешь губы от камня. Принц, время для игр прошло. Нам надо серьезно поговорить.

## ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА

Лунный Мальчик и я недоуменно таращили глаза. Рыжий парик отлетел в сторону, из под него появились растрепанные черные волосы, покрытые пылью, и тут зрачки наших глаз, как пьяные дельфины, пустились в далекое плавание вокруг белков. Капюшон откинулся и нам подмигнул Принц Лиу Пао. В

руках он держал кусок камня, круглый и изогнутый как кубок. — Янь, — сказал он глубоким мужским голосом. Потом поднес губы к другому месту камня. — Инь, — произнес ласковый девичий голос. — Нечего и говорить, что звук из центра совершенно необычен, — весело сказал он своим собственным голосом. — Я не осмелился использовать его под землей из-за вибрации, а это одно уже показывает, насколько я слаб в сравнении с великим Мастером Ли. Вы не колеблясь обрушили всю пещеру и едва не раздавили меня как жука.

Принц глубоко поклонился. Мастер Ли хмыкнул и вывалил на траву все, что было в кошельке. Внутренняя обивка не пропускала воду, он наполнил кошелек вином и запечатал. Его правая рука не утратила прежней силы, и кошелек полетел через расселину к принцу. Они вежливо подняли тост друг за друга и жадно выпили.

— Кстати, принц, просто интересно. Сколько вам было, когда вы нашли вход через расселину? — спросил Мастер Ли.

— Двенадцать, — ответил принц. — И ровно через год я сумел открыть дверь в могилу, и когда вы восстановили трагическую картину смерти садовников, вы были настолько точны, что моя кровь замерзла в жилах. — Он печально вздохнул. — Я ненавидел себя, когда убивал их. Они были моими друзьями, но, как вы сами сказали, нет никаких сомнений, что через несколько месяцев жадные бюрократы и бандиты со всей империи стали бы ломиться ко мне в двери. Как я мог доверить тайну этим простым и ограниченным людям?

— Действительно, как? — сказал Мастер Ли.

Не могу говорить за Лунного Мальчика, но лично я был убежден, что сплю и вижу сны. На самом деле я даже спросил себя, когда и как ухитрился опять съесть проклятые грибы.

— И Манускрипт Сыма Цяня поставил меня перед теми же проблемами, — продолжал Принц. — Я думал, что тайна переживет меня, но Брат Косоглазый пришел ко мне с одним листом. Идиот решил, что это настоящий. Я мгновенно понял, что это подделка, но спустя пару дней до меня дошло, что идиот прав. Да, послание было зашифровано, но мог ли я быть уверен, что Брат Косоглазый действительно идиот, а не притворяется? Судя по всему он вполне мог расшифровать его, хотя на вид не мог сложить два и два. Так что я послал своего кошмарного предка разобраться с ним.

Принц сердито вспыхнул. — Я был вынужден, поймите, вынужден избавиться от него, и едва не сошел с ума, — сказал он. — Я потом появляетесь вы, заявляете, что есть копия, второй глупый монах сует голову в библиотеку и совершает самоубийство.

Они тянули вино маленькими глотками, мрачно глядя на бабочек, танцующим в свете солнца, лучи которого начали пробиваться через золотую дымку. Ветер принес слабый запах дождя, где-то очень далеко начали собираться чер-

ные тучи. Далеко внизу под нами Долина Скорби завернулась в глубокие пурпурные тени.

— В могиле, чтобы управлять моим предком, я обычно использовал самый мягкий звук, — сказал Принц. — Но когда я послал его и его веселых приятелей в монастырь, он хотел оставаться там и передушить как можно больше людей. Мне пришлось заиграть громко, чтобы привести его назад, и получилось как у императора с мандаринами. Невероятная чии камня поглотила все живое, что было на ее пути, и пока я тянул моего предка назад, я вытянул и жизнь из Дороги Принца. Я пришел в ужас! На самом деле я чувствовал себя как сказочный герой, который махнул волшебной палочкой, чтобы избавить жену от пятна на груди, и действительно сделал это, превратив ее в безупречного яка. То, что казалось таким простым, стало невероятно сложным, и особенно все осложнилось, когда настоятель настолько перепугался, что бросился в Пекин на поиски легендарного Ли Као. Но моя глупость на этом не закончилась: я уверил себя, что даже вы не сумеете распутать все до конца и сдадитесь.

Мастер Ли презрительно сплюнул. — Легендарному Ли Као самое время купить корзину с червяками и начать практиковаться в гу-гу-гу, — едко сказал он. — Меня сбила с толку сама простота дела. Если бы я не был очарован мнимыми сложностями, я бы все понял в тот момент, когда впервые увидел вашу студию.

— Напротив, вы были замечательны, — запротестовал принц. — Я не мог поверить своим глазам видя, когда вы проходили через один тупик за другим, иногда бились о стены, но никогда не сбивались с дороги. Вы, как колеса судьбы, двигались прямо к правде, ничто не могло вас остановить, и в конце концов я был вынужден попытаться вас убить.

Он откинул голову назад и засмеялся со своим старым очарованием.

— Я должен был знать, что человека, который осмелился совершить мысленную прогулку по Аду, будет убить потруднее, чем Каменную Обезьяну. — Он наклонил голову ко мне. — Тебя тоже, Бык. Вы все должны были умереть тогда, когда я привел нас к моему чудовищному предку, а вместо этого вы безусловно заслужили место в анналах Пу Сунлина[52], Регистратора Невиданных Дел.

— Кстати, а как Смеющийся Принц раздобыл себе своих веселых товарищей? — спросил Мастер Ли.

— Целиком и полностью моя вина. — Принц скривился и ударил себя по щеке. — Я был не слишком осторожен, когда нашел своего предка, но что вы хо-

52 Пу Сунлин (1640—1715) – китайский новеллист, писавший под псевдонимом Ляо Чжай.

Пу Сун-лин получил классическое образование и принадлежал к бюрократическому сословию учёных. 16 томов его произведений заключают более 400 новелл, которые не представляют собой оригинального жанра, а являются лишь блестящей стилизацией фантастических китайских новелл VIII—IX вв.

тите от двенадцатилетнего мальчишки. Однажды я забыл закрыть его в погребальной камере, и, чтобы ухудшить дело, надолго уехал. Вернувшись, я обнаружил, что он воспользовался моментом и полазил среди ночных путников. Вот так у него возникла компания радостных приятелей. Бык, я твой должник, ведь ты покончил с ним. Я сам хотел сделать это, но совершенно не представлял, как взяться за дело.

Я склонен думать, что Принц Лиу Пао был самым странным преждевременно развившимся мальчиком в истории. В тринадцать лет он убил двух друзей, садовников, которые открыли для него гроб, в гробу обнаружил бесценное платье из нефрита, тщательно удалил пластинки нефрита, чтобы увидеть мумию, вместо мумии увидел наполовину разложившееся лицо монстра, который, тем не менее, дышал, научился управлять монстром при помощи звуков камня — короче из тринадцати лет прыгнул прямо в девяносто, и получил сердце висельника.

Глаза висельника погрустнели, когда они перешли на Утреннюю Печаль. Он безнадежно раскинул руки. — Я хочу, чтобы вы знали: я по-настоящему любил ее, — тихо сказал он. — Но вы загнали меня в угол и мне пришлось принять трудное решение.

— Вы приняли трудное решение много лет назад, когда продали душу за дары камня, — сказал Мастер Ли, констатируя факт. — Утренняя Печаль приняла совершенно противоположное решение — кстати, Лунный Мальчик, ты можешь вывести звук-душу из этого куска?

Он взял кусок камня, который добыл из Смеющегося Принца и протянул Лунному Мальчику, который покачал головой. — Нет, из одного этого куска — нет. Мне нужно оба. — Судя по тону Лунного Мальчика он, как и я, решил, что видит плохой сон.

Мастер Ли кивнул, встал на ноги, подошел к телу Смеющейся Печали и вытащил нож. Жизнь ушла из нее еще в могиле, и из нее потекла только тоненькая струйка крови, когда он вытащил ужасную деревянную щепку из ее груди. Мастер Ли залез руками в рану, что-то вытащил, смочил в вине, вытер полой халата и протянул Лунному Мальчику. Я увидел острый кусочек камня.

— Я ошибался, — глухо сказал Мастер Ли. — Я думал, что в предыдущей инкарнации Утренняя Печаль была служанкой Тоу Ван. На самом деле она никогда не покидала эту инкарнацию. Тоу Ван ударила ее булавкой. Кончик отломался, остался в сердце и сохранил ее живой, она бежала, упала, ударилась головой, а солдаты оставили ее, считая мертвой. Камень вернул ее к жизни, и служанка, потеряв память, ушла странствовать по миру. Жестокому и опасному, особенно для хорошенькой девушки, она была вся в крови и без сознания, когда Тай-тай нашла ее, и дала ей дом и новое имя.

Мастер Ли сжал плечо Лунного Мальчика, подошел ко мне, сжал мое и уселся рядом со своей фляжкой с вином.

— Не печальтесь, — тихо сказал он. — Вы помните, как она пела в бреду, чтобы облегчить боль старой дамы, которую она любила? Она носила в сердце дар Небес, не принадлежащий ей. Она могла стать самой достойной и прославленной певицей в истории, но не хотела ничего красть. Я не могу себе представить ту странную бродячую жизнь, которую она вела, не представляю, как и почему она переходила из одного существования в другое, полностью потеряв память, но я точно знаю, что семь с половиной веков она отказывалась грабить Небо, и в Аду ее будут приветствовать по высшему разряду, потому что она накопила на своем счету столько денег, что можно купить пол королевства, и, конечно, ей будет разрешено подняться на вершины гор Кунь-Лунь и сидеть у ног самого Нефритового Императора. И это просто замечательно, намного лучше того, что сделал Принц Лиу Пао.

Мастера Ли поглядел на принца холодным презрительным взгляд.

— Он уже убил пятерых человек, и только для того, чтобы опускать свою кисть в отверстие камня, красть касание Небес и рисовать замечательные картины, выдавая их за свои. — Мастер Ли прополоскал рот вином и сплюнул. — Обман и подделка, — проворчал он. — Гнилая действительность, раскрашенная и позолоченная ложью.

Принц стал совершенно белым.

— Это то, что ты думаешь, старик? — прошипел он. — То, что ты действительно думаешь? — Сейчас он стал красным. — Мои картины только мои! Я не выставляю их! Какой же в этом обман?

— Ананизм, — сказал Мастер Ли. — А в ваших обстоятельствах можно квалифицировать как изнасилование.

— Цель моих картин — изучить пути распространения универсальной энергии! — зло крикнул принц. — Мой тошнотворный предок искал правду в реках крови; я ищу в безвредной живописи, и даже Смеющийся Принц мог бы заявить, что в этом и состоит главная цель философии! Ты, с другой стороны, тратишь время на разгадку маловажных головоломок, детскую забаву!

Мастер Ли поднял фляжку, глубоко хлебнул и вытер губы бородой.

— Ну, я бы не назвал головоломку о камне маловажной, — сказал он. — И я, конечно, предпочитаю глядеть на вселенную взглядом ребенка.

Внезапно лицо принца стало нормального цвета. Он поднял кошелек, отпил, и поудобнее облокотился спиной об утес.

— Ребенка? Нет, не ребенка, но глубокого старика, — хохотнул он. — На самом деле все, что ты делаешь, безнадежно устарело. Кто в наше время в твоем возрасте будет шляться по всему Китаю и даже забираться в Ад, доверяя только самому себе, когда есть целая армия обученных исследователей? Ты, кажется,

воспринимаешь всерьез антропоморфические народные идеи о богах и богинях, и твоя концепция камня вытекает из буквального восприятия народных сказок о поддельных Анналах Неба и Земли. Ли Као, ты великий человек, но, — и я говорю это с величайшим уважением — замшелый мемориал давно умерших идей, практики и ценностей.

Принц засмеялся и поднял камень. Я сообразил, что он висел на шнурке у него на шее, вместе с серебряным футляром, в котором находилась его любимая кисть. Мастер Ли откинулся на спину и прошептал мне, а я осторожно прошептал Лунному Мальчику.

— Он говорит, чтобы ты приготовился вывести наружу душу камня. Он крикнет, когда придет время.

Лунный Мальчик посмотрел на меня ничего не понимающим взглядом, потом попытался сосредоточиться. Его пальцы дрожали, но он взял два кусочка камня и спрятал в ладонях.

— Тем не менее есть некоторое удовольствие опровергать мнения замшелой древности с легким изъяном в характере, — сказал принц. — Например такое — живое существо способно услышать простой звук всеобщей чистоты. Если быть честным, половина крестьян и монахов вообще не могут слышать звук камня. Я думаю, однако, что на этом расстоянии и учитывая акустические свойства утесов за нами—

— *Сейчас*! — крикнул Мастер Ли.

Лунный Мальчик сложил пальцы чашечкой и поднес к ним губы. Его горло быстро завибрировало и мое сердце подпрыгнуло, когда неописуемая красота и страстное желание, надежда и печаль заметались между утесами.

*Кан.....шан.....чуеееееееееееееееееее...*

Мастер Ли покачнулся, но это было ничто по сравнению с реакцией камня Лиу Пао. Он вырвался из рук принца и полетел к Лунному Мальчику, шнурок натянулся вокруг шеи принца и потянул его вперед.

Я был настолько глуп, что даже не подозревал, что принц собирался сделать. Расселина была всего сорок чи в ширину, но глубиной в две сотни, а внизу острые камни. Принц Лиу Пао закачался на краю, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и упал. Я закрыл глаза, а когда открыл увидел чудо.

Принц стоял на тонком воздухе. Он шел по пустоте, сражаясь с камнем, и наконец вновь овладел им. Потом взглянул на нас и усмехнулся.

— Ли Као, неужели ты думаешь, что я не ожидал этого? — насмешливо спросил он. — И неужели ты думаешь, что я ничему не научился от камня и формул моего предка? Я не люблю хвастаться, но подозреваю, что знаю о силе энергии вселенной больше, чем любой из живущих на земле людей.

Он указал на свои сандалии, спокойно стоящие на пустоте.

— Вот здесь, например, дорога, сделанная из чистой энергии. Она может

удержать десять слонов, если, конечно, слон сможет научиться увидеть ее и приспособиться к ней. Я так и сделал и искренне надеюсь, что у вас есть такие же способности.

— У одного из нас, — ответил Мастер Ли.

— Ты имеешь в виду Десятого Быка, — сказал принц. — Да, согласен, никакой живой человек не в состоянии спуститься по одной стороне расселины и подняться по другой без веревок и крючьев, и когда Бык перенес тебя с одной вершины на другую, он шел по энергетическому мосту, как и я сейчас.

Мастер Ли прыгнул ко мне на спину, и улыбка принца стала шире.

— Вот почему в Аду ты заставил его увидеть в зеркале, как будто он родился в первый раз, так как ходить по воздуху может только тот, кто либо все знает, либо совершенно невинен, но подозревал ли ты, что его ослепил туман? Сейчас тумана нет, и невинность не может сражаться с совершенным знанием.

Его губы коснулись камня, который он держал в руках, и из кувшина вышел звук, настолько чистый и могущественный, что я слышал не ноты, но настоящие слова души камня.

*— Иди ..... ко ..... мнеееееееееееееееееее! Иди ..... ко ..... мнеееееееееееееееее!*

Меня и Лунного Мальчика потащило к краю обрыва. Я не видел никакой энергетической дороги. Зато в двух сотнях чи под собой я видел камни, торчащие вверх как зубы акулы, и ужас затряс меня как тряпочную куклу. Но выбора не было, оставалось либо подчиниться либо умереть, и мои ноги шагнули в никуда.

Лунный Мальчик опасно качался на краю. Его горло вибрировало с совершенно невероятной скорость, пот заливал лицо, и тут случилось нечто сверхъестественное. Он не только бросил на принца звук камня, но смешал его с другим звуком. Ветер, свет солнца, дождь, снег, уютный маленький домик — та сама песня, которую Утренняя Печаль пела для старой Тай-тай, а сейчас она пела ее мне. Утренняя Печаль звала меня, и я не мог понять, как это я не увидел дорогу. Вот же она, в шести чи от моих сандалий, я повернул и уверенно пошел по дороге, бегущей прямо по воздуху, и раскинул руки, чтобы обнять Утреннюю Печаль. Я смутно осознавал, что где-то впереди белое, перекошенное ужасом лицо принца, послышался слабый знакомый треск из рукава Мастера Ли, сверкнул нож.

Звук песни Утренней Печали изменился. Сейчас она оказалась сзади, позвала меня обратно, я повернулся, как лунатик, и пошел обратно, а под моими ногами переливался гладкий как ковер энергетический мост. Мастер Ли довольно хихикал, сидя у меня на спине, и громко засмеялся, когда мои сандалии оказались на зеленой траве. Лунный Мальчик лежал у края обрыва, тяжело дыша и растирая горло, и Мастер Ли спрыгнул на землю.

Песня исчезла. Я вернулся в настоящий мир, повернулся и посмотрел на Принца Лиу Пао, который все еще стоял на воздухе посреди расселины. Камень

исчез из его рук, а вместе с ним теплота и очарование, остался робкий эгоистичный человек, выглядевший как перепуганная маленькая обезьяна.

— Ну, Принц, не надо бояться. Неужели вы думали, что я перережу ваше глупое горло? — Мастер Ли снял камень со шнурка, который он срезал с шеи принца. — Почему люди считают меня жестоким убийцей? — жалобно спросил он. — Я совершенно не жесток.

На траве все еще лежал и тлел факел, который Лунный Мальчик принес из могилы. Мастер Ли указал на него. — Бык, ты можешь закинуть его в окно студии?

Последние несколько минут мне пришлось сдерживать множество эмоций, и я обрадовался, что некоторые из них я могу выплеснуть наружу. Факел перелетел через расселину, перевернулся в воздухе и нырнул прямо в окно. Я решил, что он погас, но ошибся. Масло и терпентин легко загораются, и за окном полыхнуло пламя.

— Не беспокойтесь, Принц, — успокаивающе сказал Мастер Ли. — Достичь совершенства — означает совершить творческое самоубийство, и любой настоящий художник знает, что шедевр — это случайность, которая должна сгореть в огне. Кроме того, вы писали ваши великолепные картины не для продажи, а для обучения, и считайте, что вы получили хороший урок.

Он вытащил фляжку и помог себе хорошим глотком. — Не могу сказать, что одобряю вашу цель. Одним из предыдущих владельцев камня был Чжуан-цзы. У него был ученик, который семь лет изучал универсальную энергию, и вот как-то раз он продемонстрировал свою мудрость, пройдя над рекой на другой берег и вернувшись обратно. В ответ Чжуан-цзы горько заплакал. «Мой бедный, бедный мальчик. Ты потратил семь лет, чтобы научиться делать это, и все это время старый Менг работал перевозчиком в четырех ли отсюда, а его цена — две медных монеты».

Мастер Ли убрал фляжку.

— Я уже не говорю о том, что левитация может повредить здоровью, если, случайно, вы лишитесь поддержки камня, — добавил он.

Студия пылала. Принц Лиу Пао заплакал, потом повернулся и побежал обратно к своим картинам, широко раскинув руки. Внезапно он испуганно закричал и остановился. Я увидел, что его ноги медленно расходятся, как если бы дорога разделилась пополам и он не знал, куда идти. Его белое напряженное лицо повернулось ко мне.

— Бык! Куда? Какой из них настоящий?

— Принц! Я не вижу ничего, — крикнул я в ответ. — Ничего, кроме пустого воздуха.

Его ноги разошлись еще шире, он мог упасть в любое мгновение. Принц крикнул и прыгнул влево. Ноги попали на твердую энергетическую дорогу, и он

побежал. Он успел сделать два шага, но не третий, и иногда во сне я вижу, как развевающая пыльная шевелюра, похожая на перо, крутится и крутится, а Принц Лиу Пао летит вниз в расселину, и слышу, как насмешливое эхо отражается от стен утеса, потом звук глухого удара тела о камни далеко внизу.

Мастер Ли подошел к краю и взглянул вниз. — Жаль, — сказал он. — У него действительно был талант. Он вполне мог бы рисовать приглашения на обед.

## ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА

Дно расселины никак не выходило из моей головы, я уселся на землю, зажал голову между коленей и сидел, пока мой желудок не успокоился. Лунный Мальчик сидел рядом с Утренней Печалью и держал ее безвольную руку в своей. Мастер Ли подошел к нам, недовольно и зло качая головой, но думал он не о принце.

— Когда кто-нибудь проделает аутопсию со мной, он вскроет череп и вытащит оттуда турнепс, который прикинулся мозгом, — едко сказал он. — Я все еще не могу свести концы с концами этого странного дела.

Я недоуменно посмотрел на него. Даже Лунный Мальчик поднял глаза от Утренней Печали.

Мастер Ли пожал плечами. — Мы были бы безмозглыми как многоножки, если бы не догадались, что человеческое вмешательство не играло большой роли во всей этой истории. Все дело в камне.

Скрестив руки за спиной он начал ходить взад и вперед. Потом остановился и взглянул на Небо. — Клянусь всеми кругами Ада, почему вы ожидаете, что этот старый идиот может *понять*? — нечестиво крикнул он и продолжил наматывать круги.

— Даже древние отчаялись понять, — пробормотал Мастер Ли. — Две тысячи лет они глядели, как огонь превращает твердые куски дерева в нематериальные тепло и свет, и вывели Первый Закон Даосизма: Твердых объектов не существует. Пятьсот лет спустя к нему добавился Второй Закон: Все предметы состоят из пучков чистой энергии, которую они назвали чии, и движущейся силы, которую они назвали ши. Еще пятьсот лет, они придумали Третий Закон, подняли руки и ретировались.

Он перестал ходить и ухмыльнулся нам.

— Верите ли вы или нет, но в этом суть дела, — сказал он. — Бык и наш последний друг замечательно продемонстрировали Первый и Второй Законы, приспособив их чии и ши к кажущемуся пустым воздуху, и с удовольствием прогулялись по ним, а сон Быка об оранжевом кусочке глины намекает на Третий Закон: вся энергия должна подчиняться строго соблюдаемым классическим образцам.

Мастер Ли опять зашагал вдоль края обрыва.

— Быку приснился кусочек глины, который ведет себя необычно. Третий Закон утверждает, что самый скромный кусочек глины может приобрести совершенство, если его чии и ши привести в порядок, и даже энергия звезд должна следовать образцу идеальной звезды. Любое растение, животное, насекомое, капля воды, пятно грязи — у любого объекта во вселенной есть классическая модель, которой он должен следовать, и из этих совершенных моделей выстроен барьер, называемый Стеной Неба, который отделяет нас от анархии. Когда древние мудрецы дошли до этого места, они остановились. Как вы понимаете, следующий шаг требует понимания природы универсальной энергии в целом, и, конечно, такое находится далеко за пределами человеческого разума.

Мастер Ли остановился и потряс пальцем, подчеркивая свою мысль.

— Вот то, что можно сказать. Во всей вселенной нет ничего более важного, чем поддерживать Стену Неба. Ничего! Страшная сила анархии должна находиться за барьером, и если он падет и энергия выйдет из-под контроля, сама вселенная не проживет и секунды. Задача поддержания барьера лежит на плечах богини Нюйва, и эта богиня всегда получает то, что хочет. По непостижимой причине она захотела камень с изъяном, и, не сумев исправить недостаток, сбросила его с неба, прямо к нам.

Мастер Ли уселся межу мной и Лунным Мальчиком и взял из рук Лунного Мальчика куски камня. Он тщательно сложил вместе все куски вместе и поднял камень на свет.

— Вот изъян. Видите? По камню бежит крошечная золотая жилка. Золото — замечательный материал, но для камня — просто ужас. Особенно если вы строите стену.

Я не замечал этого, пока все куски были по отдельности, но сейчас я четко увидел, что все изломы произошли по желтым линиям.

— Согласно одному из Анналов Земли и Неба, хотя его существование не доказано, в конце концов богиня отвергла камень, но успела дать ему душу, — пробормотал Мастер Ли. — Потом два великих философа использовали его как чернильный камень, и благодаря касанию Небес из-под их кистей выходили божественные иероглифы. Принц Лиу Пао использовал его, чтобы украсть у богов великолепные картины, и я спрашиваю себя...

Он замолчал, давая сентенции умереть естественной смертью, потом быстро вскочил на ноги и связал все части камня вместе шнурком, который он срезал с шеи принца. Потом открыл фляжку с вином и опустил камень туда. Через минуту он вытащил камень обратно, снял веревку и положил камень на траву. Подняв фляжку к губам, он сделал глоток, и я увидел, как по его телу пошло медленное чувственное содрогание, и, когда он поднял голову, в его глазах светилось глубочайшее почтение.

— Нефритовый Император! Если это то, что подают на небе, сохрани меня достаточно долго, что бы я стал святым, — прошептал он.

Лунный Мальчик и я сделали по маленькому глотку. У меня нет слов. Обыкновенное вино «Горная Роса Хайнина» стало Нектаром Богов, и чтобы описать его, мне пришлось бы украсть вдохновение у самих богов.

— Ха, они говорили об искушении! — воскликнул Мастер Ли. — Я смог бы проглотить озеро такого вина и стать божеством не поднимаясь в Небо!

Но самый большой эффект вино произвело на Лунного Мальчика, который побледнел как смерть и затрясся так, как если бы его трепали сильнейшие чувства. Я даже решил, что он вот-вот заплачет, пока не сообразил, что он никогда так не делал. Лунный Мальчик не проронил ни одной слезы даже тогда, когда умерла Утренняя Печаль. Мастер Ли с любопытством поглядел на него.

— Быть может я дважды наступаю на одни те же грабли, — задумчиво сказал он. — Я не видел совершенно очевидной вины принца, потому что это было бы слишком просто, а сейчас я стараюсь понять что-то, что не требует понимания. Возможно нам нужно знать только то, что богиня Нюйва бросила кости в последнем отчаянном броске и мы можем только молиться, чтобы выпала пара «Слепых Королев». Судя по всему мы обязаны предположить, что камень — один из наиболее важных предметов во вселенной. Что еще могло бы так взволновать Лунного Мальчика?

Лунный Мальчик уставился на него. Я тоже, а древний мудрец откинул голову и смеялся до тех пор, пока не потекли слезы.

— Что за чудесное творение Лунный Мальчик, — фыркнул он. — Мой мальчик, с одной ты апофеоз красоты, безответственности и безудержной сексуальности, но с другой стороны в твоем теле нет ни одной злой, недоброй или даже просто неприятной кости. — Мастер Ли с удивлением тряхнул головой. — Мы можем быть уверенными, что здесь не обошлось без искусства, потому что такая комбинация неумеренности и невинности в природе не встречается. Вы не можете создать совершенно невинного грешника без множества экспериментов, и когда Бык и я глядели в Зеркало Прежних Существований, наши подсознания пели в унисон. Будда, что за цепочка инкарнаций! От подлости к извращенности, зловредности и, наконец, чудовищности, а кульминацией стала самая распущенная и безответственная шлюха, которая крутила своей задницей на страницах истории.

Мастер Ли вытер глаза и подмигнул мне.

— Ну, Бык, неужели ты не узнал ее? Я думаю, что любой мальчишка в Поднебесной помнит самые грязные моменты ее биографии.

Я вспомнил, что увидел Лунного Мальчика одетым как девочка, и только тут сообразил, что он и *был* девочкой, и стал пунцово-красным. Его совершенная красота внезапно обрела смысл, и я вспомнил девушку, которую видел в зеркале.

— Золотой Лотос, — счастливо сказал Мастер Ли. — Лунный Мальчик когда-то шагал по земле в облике пожирающей мужчин соблазнительницы, которая так впечатлила бессмертных, что, попав на Небо, стала самой великой Покровительницей Проституток в истории, и я подозреваю, что богиня Нюйва всерьез задумалась об особой комбинации чии и ши в тот момент, когда Золотой Лотос, покачивая бедрами, шла по жемчужному пути, вызывая хаос среди юных богов. Потом Золотой Лотос потеряла свой пост и получила новую форму. Помнишь?

Да, я вспомнил. Лунный Мальчик в зеркале, изменившийся и не изменившийся, все еще прекрасный, но смешанный с яркими цветами, поднявший руки к солнцу, похожий на —

— Цветок, — мягко сказал Мастер Ли. — Прекрасный испорченный цветок, оказавшийся на пути испорченного камня, и камень принес росу и капли дождя, которые вымыли зло из цветка, цветок полюбил и поклялся вернуть долг, отдав все слезы своего тела. Прошли столетия или, может быть, тысячелетия, и для цветка пришло время возродиться человеком, но величайшая добродетель камня — терпение.

Глаза Лунного Мальчика широко распахнулись, он вопрошающе глядел на Мастера Ли. Мудрец поднял камень, куски которого все еще были сжаты вместе, и передал его Лунному Мальчику. Потом взял фляжку и как-то по особому посмотрел на юношу.

— Быть может это покажется очень глупым, ну и пусть! — сказал он. — Сожми камень посильнее, парень, закрой глаза и представь себе, что находишься в безводном месте около Реки Душ. Тебе жарко, ты высох и увял, но вот к тебе летит верный камень с утренней росой Небес.

Лунный Мальчик закрыл глаза и сжал камень. Мастер Ли подождал немного, потом перевернул фляжку и вылил несколько камень Небесного Нектара на голову Лунного Мальчика. Эффект не замедлил себя ждать. Лунный Мальчик содрогнулся всем телом, прижал камень к сердцу и из его губ полились неописуемо прекрасные звуки, постепенно ставшие словами.

— Любовь... любовь... но у меня нет слез... Я не могу плакать даже по ребенку... Как я могу оплакать камень?... Любовь... любовь... любовь... но я не могу плакать...

Мастер Ли поманил меня за собой.

— Мы ненадолго оставим их одних, — тихо сказал он. — Цветок, который поклялся излить все слезы, должен выполнить свою клятву, но ни люди ни боги не имеют права повлиять на его решение.

Мы отошли в сторону и подошли в пику Левого Рога Дракона. Мастер Ли уселся на плоский камень и рассеянно поглядел на долину. Крестьяне боязливо метались в разные стороны, но, насколько я мог видеть, от землетрясения упало только несколько соломенных крыш домов и пара сараев. На полях лежали мягкие закатные тени, птицы допевали последние песни. Мастер Ли наклонил фляжку и почтительно смочил каплями рот, прежде чем проглотить их.

— Бык, я думаю, что Принц Лиу Пао будет местным героем, — задумчиво сказал он. — Это самое лучшее, хотя и может вызвать длительные проблемы для наследников. Мы скажем настоятелю, что принц погиб в последней битве с силами зла, но победил, и больше никогда его чудовищный предок не будет угрожать Долине Скорби.

— Да, господин, — ответил я.

— Крестьяне наверняка захотят воздвигнуть ему храм, но по-моему достаточно усыпальницы.

Мастер Ли вдохновился сюжетом. — Давайте сделаем две усыпальницы, — с энтузиазмом сказал он. — Мы скажем, что он хотел, чтобы его разделили на две половины, от макушки до пяток, и каждую похоронили под одной из уничтоженных частей Дороги Принца. Тогда Дорога опять зацветет.

— Да, господин, — ответил я.

— Он будет священным Полу-Принцем Долины Скорби, каждая половина своей зрячей стороной будет наблюдать за добрыми делами крестьян, а слепой за плохими, и, конечно, возникнет легенда, что в момент, когда в долину придет беда, обе половинки объединятся и защитят крестьян от всех напастей. Я надеюсь, кстати, что пещера Волка пережила землетрясение, потому что мальчики должны и дальше заниматься своей работой.

— Да, господин, — ответил я.

— Вот его последние слова: я страстно надеюсь лежать в могиле, слушать невинный смех детей, счастливое блеяние маленьких барашков и—

— Нет, господин, — возразил я.

— Хм, думаю ты прав, — согласился Мастер Ли. — Крестьяне и так получили достаточно много. У тебя есть лучшее предложение?

— Да, господин, — сказал я. — Вот его последние слова: наследники должны исправить все последствия землетрясения и подарить монастырю новую крышу.

— Хороший мальчик, — сказал Мастер Ли.

— И надо исправить ров на перекрестке между монастырем, деревней и поместьем. Один хороший проливной дождь, и дыни поплывут в Сучоу.

— Что-нибудь еще?

— Нет, господин, — сказал я. — Что-нибудь еще, и крестьяне решат, что наследники принца будут чинить их сандалии и выносить за ними ночной горшок.

Мы посидели в молчании. Мне показалось, что морщины Мастера Ли стали старше трещин на холме перед нами, и он впал в меланхолию.

— Ты знаешь, — сказал он, — принц был прав. — Я действительно почти последний защитник старых путей жизни. Возможно, это даже хорошо. Если не останется никого, кроме Нео-Конфуцианцев, некому будет порицать современный подход. Тем не менее я надеюсь, что ты сохранишь твои заметки, как записи об архаическом подходе к решению проблем. Старый путь сулит много удовольствия и красоты, и те, кто так работает, редко умирают от скуки.

— Да, господин, — сказал я.

Он тяжело посмотрел на меня и кивнул. Мы встали и пошли назад. Я мысленно приготовился к зрелищу, ожидавшему меня, но все равно почувствовал себя так, как если бы меня ударили в живот и слезы затуманили мои глаза.

— О, Лунный Мальчик, — выдохнул я.

Он всегда все делал чисто. Тщательно почистил нож Мастера Ли, и соорудил на земле небольшую насыпь, чтобы кровь из его разрезанного запястья покрыла только камень и не запятнала траву. Лунный Мальчик положил руку Утренней Печали на свою, а камень под нее. Мастер Ли тихонечко подошел, поднял их руки и взял камень. Он опять смочил его в вине, осушил о полу одежды и поднял на свет.

— Бык, что за великолепная работа, — прошептал он.

Когда-то камень вымыл из цветка все зло. А сейчас цветок пролил все слезы, которые собрал, и вымыл из камня изъян, так что не осталось не только следов разлома, но и золотых нитей. Три куска стали одним, и камень стал таким прочным, каким и подобает быть уважающему себя камню.

Мастер Ли повернулся, поднял голову к Небу и набрал полные легкие воздуха. Я мгновенно закрыл уши руками, но не помогло: высокий грубый крик, чем-то похожий на орлиный, вылетавший из горла старого мудреца, безжалостно терзал барабанные перепонки. Один крик сменял другой, они поднимались все выше и выше, пока не достигли багровых облаков, эхо от них заметалось между вершинами Рогов Дракона.

Потом Мастер Ли опустился на колени. Я последовал его примеру. — Это Ли Као, — просто сказал он. — Я прошу разрешить мне обратиться к богине Нюйве.

Мы стояли на коленях и молчали, а небо начало покрываться белыми облаками. Быть может мне показалось, но я почувствовал, как что-то протянулось от горизонта до горизонта: присутствие какого-то огромного существа, женщины.

— Богиня, — вежливо сказал Мастер Ли, — прошу простить меня, но вначале я хотел бы представить на ваше рассмотрение совсем маленькую просьбу. Нынешняя Покровительница Проституток совершенно некомпетентна, и все шлюхи Поднебесной просят заменить ее. Великая «Золотой Лотос», увы, недоступна, и они просят в покровительницы Императрицу Ву.

Воздух наполнился серой. Прогремел гром.

— Да, согласен, возможно не самая лучшая идея освободить из Ада женщину вроде нее, — быстро отступил Мастер Ли. — Но меня уполномочили выбрать замену, я осмеливаюсь предложить Тоу Ван, жену последнего Смеющегося Принца. Конечно, она пыталась убить свою служанку, но тем не менее в этой даме я увидел те самые качества, которые требуются от Покровительницы Проституток. Насколько я знаю, она не принимала участия в убийствах и пытках, которые так любил ее муж, она аморальна, развратна, соблазнительно, алчна,

благословлена сердцем из чистого гранита, и сверхъестественно тверда. Она очень умна, не выносит бессмысленности и в состоянии стать первоклассным руководителем. Я не могу себе представить лучшего защитника прав проституток, но если, вдруг, она начнет совершать ошибки, достаточно будет только послать ей напиток с множеством льдинок. Быть может я не слишком нахален и могу надеяться, что мое прошение будет одобрено?

Запах серы исчез, гром прекратился. Мастер Ли опять поклонился.

— Богиня, мир людей — мир непонимания, — мягко сказал он. — Достойно сожаления, но наши чувства весьма и весьма ограничены. Наши мозги — крошечные светлячки, мерцающие в бесконечной темноте. Наша единственная мудрость — допустить, что мы не в состоянии понимать, и, значит, самое лучшее, что мы можем сделать — верить, и это наш единственный талант. Величайший акт веры, на который мы способны, — любить других больше, чем самих себя, и, к счастью, иногда у нас это получается.

Он положил камень на траву перед собой.

— Мы благодарим вас за дарованную нам надежду, что один крошечный талант может достичь то, что не в состоянии сделать другие силы, — продолжал он. — Мы благодарим вас за то, что вы послали нам испорченный камень, который через много столетий встретился с испорченным цветком. Мы благодарим вас за то, что вы послали нам цветок, который ответил на призыв, и который пришел с высшим даром Небес, даром любви. Мы благодарим вас за то, что вы соединили все его куски вместе, и мы молимся за то, чтобы камень и цветок в конце концов были приняты на Небесах.

Он поклонился до земли. Я тоже, но все-таки быстро взглянул на небо, за мной Мастер Ли.

Наклонный солнечный луч пробил облака и заскользил по траве к камню. Мне показалось, что, двигаясь, он как бы пробует поверхность перед собой. Потом все застыло. Птицы перестали петь, насекомые перестали жужжать, животные перестали шуметь. Даже ветер перестал дуть, когда камень медленно поднялся из травы и завис в воздухе на высоте четырех чи.

И тут я услышал жужжание. Камень засветился изнутри и задрожал, у меня закружилась голова. Внутренний свет разгорался все ярче и ярче, начал пульсировать, камень завибрировал в такт со светом. Жужжание перешло в приглушенный рев, достигло невероятной силы, нимб света, полностью окруживший камень, начал вращаться. К нему присоединился еще один нимб, еще и еще. Камень сиял ослепительным светом, нимбы образовали сводящий с ума узор из пересекающихся колец, и я точно знал, что полные чии и ши простого камня в состоянии превратить Долину Скорби в кучку пепла.

Вибрации сопровождались ревом, и рев нарастал. Еще немного, и камень разнесет себя на куски.

Тело Лунного Мальчика замерцало, стало прозрачным и растаяло, превратилось в ничто, и что-то появилось на вибрирующей поверхности камня. Цвета стали глубже, изнутри поднялись почки, открылись, и мы увидели великолепный цветок. Рев силы прекратился, камень перестал трястись, но потом уровень силы опять поднялся — невероятная сила! — и вибрация возобновилась.

Теперь уже Утренняя Печаль стала прозрачной. Ее тело растаяло, как туман, и только пригнутая трава напоминала о том, что она лежала на ней, и на поверхности камня опять появилось что-то новое. Узкая зеленая полоса обвила его, навечно соединив цветок и камень, рев прекратился, и камень неподвижно завис в воздухе.

Опять раздался рев ужасающей силы, и начал расти. Крутящиеся нимбы слились в одно целое, уровень энергии устремился в бесконечность, ничто не могло выдержать такую силу — ничто — и тем не менее камень оставался твердым и непоколебимым, а я перестал бояться, что он вот-вот взорвется. Наконец ослепляющий свет исчез, рев прекратился, нимбы стали кружиться медленнее, камень стал подниматься в облака, все быстрее и быстрее, превратился в маленькую комету и полетел к Великой Звездной Реке, Богине Нюйве и Небесной Стене. Высоко в небе в последний раз вспыхнула искорка света и исчезла.

Мастер Ли встал и потянулся. — Откуда я узнал? — сказал он, отвечая на выражение моего лица. — Я понимаю вселенную ничем не лучше древних, и целиком и полностью одобряю их идею: оставить дела Неба богам. Все, что я знаю — некоторые вещи могут сработать, а некоторые — нет.

Он повернулся и посмотрел на другую сторону расселины.

— Ну, Принц, пускай миром управляет обман, но классицизм все еще правит бал, если из него удалить приставку «нео», — сказал он, глядя на угли студии. — Классические правила можно применять на практике, классические ценности все еще определяют границы, а классические стандарты все еще держат вселенную и не дают ей распасться.

Он повернулся ко мне. — Пошли, Бык. Давай найдем место, где еще знают, что такое классической напиток.

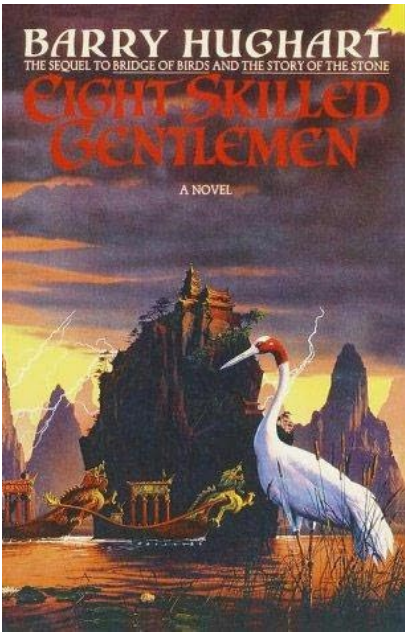
— Да, господин, — ответил я.

Я наклонился, он легко прыгнул мне на спину. Я повернулся спиной к сгоревшей студии и начал спускаться к монастырю. Оттуда дорога лежала в Пекин, в Мост на Небеса, Мушиный Переулок и винную лавку Одноглазого Вонга.

КОНЕЦ КНИГИ

# ВОСЕМЬ УМЕЛЫХ МУЖЧИН

Книга третья




Eight Skilled Gentlemen
© 1990, Barry Hughart
© 2010, А. Вироховский

# ПЕРВАЯ ГЛАВА

Я не собираюсь рассказывать все отвратительные детали дела Трактирщика Шестого Ранга Ту. Я скажу только одно: к тому моменту, когда мы его схватили, я уже был наполовину мертв, а Мастер Ли настолько разозлился, что во время казни совершенно добровольно взял на себя обязанности императорского свидетеля. Раньше такого с ним не случалось, потому что старик не выносил шум и ненавидел надевать одежды Первого Ранга, хотя и имел право их носить.

Казни в Пекине всегда происходят публично на Овощном Рынке, который находится на западной границе печально знаменитого Моста на Небеса, района преступников. Всегда сбегается куча народа, а этот День Казней привлек особенно большую толпу, потому что Рука Дьявола собирался поставить рекорд. «Рука Дьявола» — прозвище, которое передается от одного главного палача Пекина другому, и несколько столетий назад один из них сумел собрать ровно 1070 «чистых» казней подряд, когда он сумел обойтись одним ударом своего огромного меча. У нынешнего Руки Дьявола таких казней было уже 1044 и, учитывая тридцать ожидавших казни преступников, рекорд мог пасть еще до конца дня.

Был первый день четвертой луны 3338 года Лошади (640 г н. э.), все игроки города собрались на площади, осаждая киоски букмекеров, и Мастер Ли сказал, что он не видел такого количества денег, переходящего из рук в руки, с того времени, когда Император Ян Гуан Династии Суй играл в Сушоу на боях сверчков. (Букмекеры могли разориться, потому что они предлагали астрономические суммы на тот случай, если рекорд не будет побит. Я и сам поставил немного денег против Руки Дьявола. Он испытывал огромное психологическое давление, которое нарастало с каждой упавшей головой, и запросто мог чуть-чуть промахнуться или поскользнуться на капле крови, и если вы думаете, что нет ничего проще, чем ударять тяжелым мечом по неподвижной цели в одно и то же место снова и снова, пойдите и потренируйтесь на дереве). А это означало, что на площади собрались и все карманники и мошенники города. Огромная толпа была в необычайно веселом настроении, все кричали или смеялись, продавцы всего на свете громкими голосами расхваливали свой товар, и весь этот шум терзал мои барабанные перепонки.

*Ша ла жэнь ла!*
*Хао! Хао! Хао!*
*Хоа тао!*
*Бинг-бинг-бинг-бинг!*

*Кошелек! Где мой кошелек!*
*Где мое серебряное ожерелье!*

Возбужденный Рука Дьявола проревел слова древнего ритуала «Я взял своего человека», толпа заревела в ответ «Хорошо! Хорошо! Хорошо!», знатоки поддержали ее и заревели «Хороший Меч!», а какой-то торговец всякой домашней всячиной заполз в мое левое ухо и, ударяя по большому медному гонгу, стал трясти деревянными шарами, висевшими у него на веревке. Оборвался вопль очередного преступника, и с моего места было по-настоящему интересно посмотреть, как Хорек Фу-по раздевает жертву, снимая с нее все, представлявшее хотя бы минимальную ценность.

Я сидел рядом с Мастером Ли на специальной трибуне для благородных зрителей и потел в неудобной одежде для молодых аристократов, которую он заставлял меня надевать в таких случаях, и из-за которой я попаду в кипящее масло, потому что у меня нет на нее права. Мастер Ли, не обращая внимание на мелкую сошку, получавшую то, что они заслужили, ждал Трактирщика Шестого Ранга Ту, и проводил время, разбирая письма. Внезапно он наклонился ко мне и закричал в самое ухо, стараясь перекричать ужасный шум.

— Кое-что для тебя, Бык!

Он помахал длинным письмом выглядевшим так, как если бы по бумаге пробежался цыпленок, наевшийся переброженного сусла.

— Грамотный варвар! — воскликнул Мастер Ли. — Парня зовут Квинт Флакк Четвертый, он пишет из места, которое называется Сабинские Холмы. Каким-то образом ему в руки попали твои мемуары! — Мастер Ли быстро пробежал глазами по следам цыпленка. — Обычные критические замечания: комковатые, неотчетливые конструкции, неоригинальные метафоры, тусклые персонажи и так далее.

— Чтобы он писал получше! — прокричал я в ответ.

*Ша ла жэнь ла!*
*Хао! Хао! Хао!*
*Хоа тао!*
*Кто взял бронзовую застежку для пояса*
*и куда делся мой пояс из кожи питона!*
*Бинг-бинг-бинг-бинг!*

Какой-то сапожник забрался в мое правое ухо и там махал молотком, круша колодки для сапог. Рука Дьявола отрубил очередную голову, которая, как я заметил, покатилась по булыжникам прямо к двум маленьким девочкам, которые сидели лицом друг к другу, играя в ладушки: удариться левыми руками, удариться правыми руками, ударить своими ладошками, напевая древние бессмысленные песенки. С округлившимися глазами они смотрели, как отрубленная голова катится к ним, одновременно подняли толстые короткие ножки, чтобы дать ей прокатиться, и продолжили игру. На мгновение шум стих, и пронзительные счастливые голоса пропели в образовавшейся тишине:

*Гуан ча, гуан ча,*
*Гуан гуан ча.*
*Мяо ли, хэ шан*
*Мейи тоу фа!*

Интересно, а дети варваров на Сабинских Холмах тоже поют что-нибудь вроде этого, хлопая в ладоши?

*Бей в цимбалы,*
*Бей в цимбалы.*
*Старый замковый монах*
*Лысый и без пары.*

Мастер Ли опять наклонился ко мне и прокричал в самое ухо. — «Inceptis gravibus plerumque et magna professis purpureus, late qui splendeat, unus et alter adsuitur pannus, ut proicit ampullus! Parturient mantes, nascetur ridiculus mus[53]». Немного многословно, но замечательно сформулировано, не так ли?

Я никогда не понимал, почему он задает такие вопросы. Я продолжал сидеть, лениво приоткрыв рот, как если бы ловил мух, а тем временем младший чиновник что-то пробормотал очередному пленнику и несчастного потащили на плаху. Мастер Ли возбужденно прижал губы к моему уху. — Грубый перевод примерно такой: «Очень часто тяжело работают, стремясь достичь великой цели и прикрепляют к плодам своего труда один или два пурпурных лоскута, но ты выбрось горшочек с краской! Иначе горы работы родят смешную маленькую мышь».

— Замечательно сформулировано, — ответил я.

— Но это еще не все, — продолжал Мастер Ли. — Дальше он пишет еще лучше, хотя и использует слишком много слов. Кроме того, как и все писатели-варвары, он душит собственную речь излишними знаками препинания. Я испытываю огромное искушение послать нашему другу Флакку учебник Китайской Поэтической Грамоты. Ты же знаешь «Короткую Песню» Ли Бо[54]?

---

53 Гораций, Наука Поэзии, слегка измененный перевод Гаспарова:
*Так ведь бывает не раз: к обещавшему много зачину*
*Вдруг подшивает поэт блестящую ярко заплату,*
*Этакий красный лоскут — выбрось его поскорей!*
*Будет рожать гора, а родится потешный мышонок!*

54 Ли Бо или Ли Бай или Ли Тай-бо (701—762) — китайский поэт времён династии Тан.
Известный как Бессмертный поэт, Ли Бо (рис. Л) принадлежит к числу самых почитаемых поэтов в истории китайской литературы. Он оставил после себя около 1100 произведений (включая около 900 стихотворений). Западный мир познакомился с его работами благодаря вольным переводам японских версий стихов Ли Бо, сделанным Эзрой Паундом, а на русский его переводили Николай Гумилёв, Анна Ахматова и другие. Ли Бо известен своим неуемным воображением, эпатирующей манерой поведения, глубокой философичностью и яркими образами даосов в своей поэзии, а также, по распространённым преданиям, своей любовью к спиртному. Как и Ду Фу, он много времени проводил в путешествиях.

*Земля так велика,*
*Высок так небосвод.*
*Вокруг Звезды Полярной*
*Драконий хоровод!*
*Безумные драконы, от них несет вином*
*Живи пока живется, не думай ни о чем!*

— Подумай, мой мальчик, как улучшился бы стиль этого варвара, если бы он изучил технику Ли Бо и изменил бы свое послание примерно так:

*Работа велика,*
*И цель так высока.*
*Гора трясется в родах*
*И тужится слегка.*
*Увы, родила мышку с пурпуровым челом.*
*Забрось подальше краску, не думай ни о чем!*

— Да, намного лучше, — согласился я.

Я забыл упомянуть продавцов сладкой воды. Эти ребята всегда сами рекламируют собственные товары, крича изо всех сил, и каждый из них убежден, что в нем пропадает звезда Пекинской Оперы. Один из этих ублюдков заполз ко мне за спину и его слюнявый рот уткнулся сразу в оба моих уха. Результат не замедлил последовать:

*Ша ла жэнь ла!*
*Хао! Хао! Хао!*
*Хоа тао!*
*Сироп со льдом, сироп со льдом, вкуснее не найдешь!*
*Попробуй сам и убедись, насколько он хорош!*
*Всего лишь десять медяков — забудешь о жаре.*
*Холодный, сладкий и хмельной, как иней в январе!*

*Куда делись мои дорогие шелковые штаны?*
*Клинг-клинг-клинг-клинг-клинг.*

Ну конечно, точильщик ножей. Они объявляют о себе, встряхивая металлические диски, вшитые в длинные рукава их одежды, и от этого звука ваши зубы начинают трескаться и крошиться. Последняя отрубленная голова покатилась к маленьким девочкам, которые подняли ноги даже не глядя на нее, сладкие детские голоса продолжили петь, а голова присоединилась к длинному ряду своих лишенных тела коллег, я наклонился вперед и начал считать: — ... двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть. — Значит Рука Дьявола повторил рекорд, и следующая голова установит новый! И я потеряю мои деньги, если, конечно, не случится чуда, но мне уже было все равно. На самом деле только сейчас, в первый раз за день, я почувствовал, как хорошо жить, потому что слишком близко знал следующего пленника. Как замечательно, что рекорд установит голова Трактирщика Шестого Ранга Ту!

— Бык, смотри, очень интересный комментарий Четвертого Флакка! — крикнул Мастер Ли. — Он начинает с того, что оплакивает твою излишнюю чувственность и дальше пишет, «Ut turpiter atrum desinit in piscem mulier formosa superne[55] — ».

Я слегка подтолкнул его локтем и указал на плаху. Мастер Ли встал и поправил свою одежду. Когда судебные приставы поволокли пленника, Мастер Ли вышел вперед к краю трибуны и я увидел, как мудрец выпрямился и, по всей видимости, начал выкрикивать достойные конфуцианские советы, которые должны были помочь трактирщику покаяться перед лицом неминуемой смерти. К сожалению Мастеру Ли не удалось сохранить серьезный и внушительный тон, потому что ему пришлось перекрикивать толпу, продавцов, игроков и еще двух маленьких девочек, хлопавших в ладошки. В результате получилось что-то вроде этого:

— Трактирщик Шестого Ранга Ту —

— Шесть за пять! Последняя возможность шесть за пять! Деньги-деньги-деньги, — провыл Мастер Золотых Зубов Менг.

— Твои преступления лишили тебя уважения —

— Вап-вонг! Вап-вонг! Вап-вонг! — это торговец гребнями и щетками для волос рекламировал свой товар, ударяя одновременно в барабан и гонг.

— И если бы в моей власти было сделать так —

— Успокаивающий сироп со льдом!

— Эй ты, ворюга, прекрати! И верни мой кружевной пояс!

— Я бы хотел, чтобы тебя разрезали на тысячу кусков —

*Гуан ча, гуан ча,*
*Гуан гуан ча.*
*Мяо ли, хэ шан*
*Мейи тоу фа!*

— Начиная с твоего члена хорька и яиц павиана, ты, собачье дерьмо, — изо всех сил провопил Мастер Ли.

На этом конфуцианские советы кончились. Мастер Ли махнул приставам, те притащили Ученого Шестого Ранга Ту на плаху и связали его по рукам и ногам. Рука Дьявола начал разминаться, готовясь к рекордному удару топора, и тут произошло первое из тех сверхъестественных событий, которые впутали нас в дело Восьми Умелых Мужчин.

Я бы никогда не поверил, что кто-нибудь может крикнуть так громко, что толпа на Овощном Рынке замолчит и обратит на него внимание, а главный палач Пекина застынет с наполовину поднятым мечом. Тем не менее именно это и произошло. Все глаза обратились на шесть фигур, которые вбежали на пло-

55 Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы.

щадь через Ворота Доблестной Добродетели. Впереди бежали пять мужчин с широко раскрытыми глазами и белыми от ужаса лицами, со ртами, разинутыми как ящики от угля, из которых неслись душераздирающие крики. Шестая фигура вызвала весь этот переполох, и, когда я увидел ее, моя кровь замерзла в жилах. Впервые я услышал рассказы о вурдалаках от Тетушки Хуа, когда мне было пять лет, но я никак не ожидал увидеть их, а этот чжи-мэй, как впоследствии подтвердил Мастер Ли, был настолько классическим представителем своего рода, что мог бы иллюстрировать знаменитые научные изыскания великого Пу Сунлина, Регистратора Невиданных Дел.

Его длинные зеленовато-белые волосы, покрытые могильной плесенью, торчали во все стороны. Огромные красные глаза сверкали красным огнем, с хищных когтей капала чья-то кровь, а чудовищные зубы тигра блестели в ярком свете солнца. Проклятая тварь передвигалась огромными прыжками и не было никаких сомнений, что она схватит бегущих людей, если побежит прямо на них. Вместо этого чжи-мэй взмахнул руками и покачнулся, с бессильной злобой хватая перед собой пустой воздух, но только тогда, когда он врезался в одну из тележек торговцев, я сообразил то, что мгновенно понял Мастер Ли: монстр ничего не видел и умирал. Недаром Тетушка Хуа всегда говорила мне: «Десятый Бык, если тебя схватит чжи-мэй, беги на солнце. Дневной свет — яд для живых мертвецов!»

И старуха была права. Вурдалак пошел кругами и когда добрался до плахи Руки Дьявола, тот чуть ли не сложился пополам. Рука Дьявола, совершенно инстинктивно, попытался ударить монстра мечом, потом, уже осмысленно, попытался остановить удар, поздно. В результате он не попал ни по чжи-мэю, ни по Трактирщику Шестого Ранга Ту, лезвие ударило по камням в трех чи от шеи Ту и высекло дождь искр.

— Десять тысяч благословений, — воскликул Мастер Золотых Зубов Менг, и голоса всех букмекеров Пекина соединились в ушераздирающем вопле «Деньги-деньги-деньги-деньги-деньги!», потому что Рука Дьявола только что упустил возможность побить рекорд и спас их от банкротства. Они бросились бежать, унося выигранные деньги состоятельных клиентов, и присоединились к ревущей толпе, которая штурмовала Ворота Мира и Гармонии, второй выход с Овощного Рынка. Я увидел, как молодая мать подхватила на руки двух играющих в ладушки девочек, отпихнула ногами отрубленные головы и побежала, спасая свою жизнь. Ларьки и тележки продавцов исчезли прямо на глазах, оставив за собой поломанные бамбуковые шесты и красиво разрисованные полотняные вывески, под которыми валялись всевозможные товары. В считанные минуты на Овощном Рынке остались только Рука Дьявола, Трактирщик Шестого Ранга Ту, Мастер Ли, монстр, я и судебные приставы, которые не смогли убежать только потому, что в суматохе уронили ключи от цепей, приковавающих

их к трактирщику, и не могли их найти. Мастер Ли спрыгнул с трибуны для аристократов и зашагал вслед за монстром, который уже добрался до Стены Слез, находившейся сразу за эшафотами и там упал на спину. Я побежал за Мастером Ли. Как только мы добрались до вурдалака, он зашипел, еще раз схватил когтями пустой воздух, дернулся и перестал двигаться. Адский огонь умер в его широко распахнутых слепых глазах, и мне не нужно было никакого медика, чтобы понять, что он мертв.

— Солнечный свет сжег его гнилую плоть и проник к внутренним органам, — констатировал Мастер Ли. — Он сгорел изнутри.

Действительно гнилая плоть. И, разлагаясь, ужасно вонявшая: куски гниющего мяса, один за другим, отваливались от тела, и невозможно было поверить, что совсем недавно эта тварь махала когтями и щелкала зубами.

— Замечательный образец, — почтительно сказал Мастер Ли. — Такого совершенного чжи-мэя не видели в Пекине по меньшей мере тысячу лет, и я бы очень хотел знать, почему эта тварь оставила безопасную могилу и покончила с собой при свете солнца.

Ответ не заставил себя долго ждать. Семеро усталых и изнеможенных людей вошли через Ворота Доблестной Добродетели и я узнал того, кто шел впереди: Сержант Сянь-бо из городской стражи. Остальные шестеро оказались его людьми. Они выглядели стаей запыхавшихся собак, пот катил с них градом. Было ясно, что сержант очень обрадовался, обнаружив монстра мертвым, и Сянь-бо буквально засветился от счастья, найдя чиновника Первого Ранга, на которого можно свалить всю ответственность. Он радостно приветствовал Мастера Ли.

— Сержант Сянь-бо, стража Угольного Холма, — отрапортовал он. — Получил сообщение, что около усыпальницы семьи Линь появились подозрительные люди. Нашел пять грабителей могил, которые усердно трудились при свете дня, очень храбрые ребята.

Сержант не стал скрывать свое восхищение ворами, которые решили таким образом избежать знакомства со сторожевыми псами, которые патрулировали город по ночам, и, выдавая себя за рабочих по осушению канав и рвов, спокойно пришли на холм с кирками и лопатами на плечах. Они радостно насвистывали, спокойно рыли туннели и к тому времени, когда появились сержант и его люди, предупрежденные главным садовником (а тот заподозрил неладное, потому что не получил своей доли от контракта), уже успели вырыть два боковых хода из главного рва и добраться до двух гробов, из которых украли все золотые и нефритовые погребальные украшения. Грабители как раз приступили к третьему, когда солдаты появились у них за спинами.

— Так что эти парни подняли крышку и застыли на месте, превратившись в сосульки, из-за края гроба появились эти совершенно кошмарные когти, монстр уселся в гробу и как заорет —

Сержант любил поговорить и был замечательным рассказчиком. Грабители бросились бежать, чжи-мэй за ними, сержант собрал своих людей и отправился в погоню. Монстр что-то швырнул, но эта штука, не причинив никому вреда, отлетела от спины одного из грабителей. Если бы погоня происходила ночью, вурдалак легко догнал бы их и разорвал на части, но обжигающие лучи солнца сделали свое дело и бандитам удалось улизнуть.

— Великолепная работа, сержант! — с восхищением сказал Мастер Ли. — Мало кто осмелился бы преследовать чжи-мэя, и я буду самым удивленным человеком в Пекине, если вы не получите повышения.

Я видел, что мудрец борется с искушением, и на этот раз искушение проиграло. — На самом деле Угольный Холм не мой район, — с сожалением сказал он. — За него отвечает Хань-Шань, и вы не найдете лучшего слушателя: бабушку Хань-Шаня съел тигр-оборотень и, кстати, короткий путь к его ямыню [56] лежит мимо усыпальницы Линей.

Конечно у него на уме что-то было. Пока солдаты из обломков киосков делали носилки для мертвого монстра, Мастер Ли подтвердил неудачный факт, касающийся удачливого господина. Трактирщика Шестого Ранга Ту не казнят, увы.

Рука Дьявола нанес удар и промахнулся, а это означает — и официальный предсказатель подтвердит — что такова воля Небес и императору придется подписывать новый смертный приговор, а как раз сейчас император лично возглавлял очередной грабительский набег на Корею[57]. Так что Рука Дьявола и приставы потащили трактирщика-преступника обратно в тюрьму, которая находилась в Башне Палача, а Мастер Ли, я, солдаты и мертвый монстр отправились обратно на Угольный Холм.

Вместе с солдатами мы долго взбирались на самую верхушку Угольного Холма, где находилось поместье семейства Линь. В могиле монстра оказалось множество изгрызенных костей и несколько свежих кровавых пятен, которые заинтересовали Мастера Ли.

— Сержант, вы сказали, что эта тварь что-то бросила и попала в спину одного из грабителей? — спросил он.

— Во всяком случае мне так показалось, — ответил сержант Сянь-бо. — Это произошло примерно здесь.

Солдаты прочесывали густую траву до тех пор, пока один из них не испустил громкий вопль. Мастер Ли наклонился, вынул свой большой шейный платок, а когда он выпрямился, в его руках была наполовину съеденная голова.

---

56 Ямынь (кит. – казённое учреждение), употреблявшийся в русской литературе термин для обозначения различных государственных учреждений в Китае до 1949.

57 Тогдашний император, талантливый полководец Ли Шиминь разгромил Когуре (Корею) в 645–647 гг.

— Ничего удивительного, что монстр так разозлился. Грабители могил прервали его обед, — с мрачной усмешкой сказал мудрец.

Эту голову, безусловно, оторвали от чьего-то тела, и отвратительное переплетение жил и позвонков, свисавших с нее, делала ее похожей на какую-то кошмарную морскую тварь. Невозможно было определить беднягу, который носил эту голову на плечах. Вурдалак успел сожрать лицо, и я нечасто видел более отвратительную еду. Мастер Ли приказал солдатам поискать вокруг, в надежде найти какие-нибудь остатки тела, потом положил голову на носилки и послал солдат в ямынь, добавив письмо, в котором хвалил работу сержанта.

На Угольном Холме живут самые богатые семьи Пекина, и когда Мастер Ли подошел к краю кладбища, перед ним открылось впечатляющее зрелище. Весь город лежал у наших ног, и почти прямо под нами находились розовые стены и изумрудно-зеленые листва Запретного Города, среди деревьев виднелись голубые, желтые и алые черепичные крыши. Старый мудрец покачался на пятках, скрестив руки за спиной и фальшиво насвистывая, и внезапно я сообразил, что он счастлив, счастлив как блоха, глядящая на императорскую псарню.

— Бык, — радостно сказал он, — боги решили вознаградить нас за малоприятную встречу с Трактирщиком Шестого Ранга Ту.

— Господин? — спросил я.

— Мне потребуется много кисточек, чернил и бумаги, — продолжал он. — Я думаю, что простая вежливость требует от нас сообщить Четвертому Флакку о том, что нам стало известно.

— Господин? — опять спросил я.

Он протянул руку внутрь своего элегантного кафтана, вынул кошмарно пахнущую флягу из сафьяна, вытащил зубами пробку и плеснул вонючего вина в мою сторону. Я закашлялся.

— Бык, эта наполовину съеденная голова так же неестественна, как и тварь, которая ее ела, — сказал Мастер Ли. — В последнем критическом замечании наш друг-варвар сравнил твою книгу с рыбой, и, если я не слишком ошибаюсь, к нам направляется больший белый кит-случай.

— Господин?

Он жадно вылакал пинту своего ужасного пойла, хотя я бы очень удивился, если бы даже вурдалак остался в живых после такого глотка.

— Мертвенно-бледный левиафан, — сказал он. — Мой мальчик, его фонтан устремляется к звездам, при его приближении камни на берегах островов просыпаются в ужасе, он плывет к нам через священные моря с ужасающей неизбежностью айсберга.

— О, — сказал я.

# ВТОРАЯ ГЛАВА

Ранним утром следующего дня роскошный паланкин с белыми траурными занавесками и струйками дыма от зажженных священных благовоний показался на Дороге Императора и направился в Воротам Правильных Манер. Перед ним шли бонзы и монахи-даосы, ударяя в гонги и деревянную рыбу. Я совершенно не понимал, почему я сижу внутри вместе с Мастером Ли, одетый для аристократических похорон. Однако долгий опыт общения с мудрецом научил меня держать рот на замке, особенно когда морщинки вокруг глаз собираются в концентрические круги, и я спокойно дождался, когда морщинки — и он сам — расслабились, Мастер Ли встряхнулся и повернулся ко мне.

— Бык, ты когда-нибудь был в Запретном Городе?

Конечно нет. Как он хорошо знал, я не был ни мандарином, ни членом императорского совета.

— Мы направляемся именно туда. У меня есть причины верить, что происходит что-то очень странное, — сказал Мастер Ли.

Он сунул руку в складки одежды и вытащил Огненную Жемчужину. (Не знаю, как варвары называют их. Это выпуклые куски хрусталя или стекла, которые используют для того, чтобы сфокусировать лучи солнца и вызвать огонь. Если глядишь через них, вещи кажутся увеличенными или уменьшенными. В моей деревне их называют «Камни Маленький-Большой»).

Потом он вытащил свой шейный платок, развернул его и я увидел чье-то левое ухо.

Интересно, где он нашел его? Ухо было аккуратно отрублено и на нем не было и следа крови. Потом я вспомнил, как вчера Мастер Ли подобрал полусъеденную голову на кладбище семьи Линь, и еще я вспомнил, что он остался один, пока мы все искали тело.

— Да, я воспользовался возможностью и оставил себе кусочек жертвы чжи-мэя, — спокойно объяснил он. — Взгляни и скажи мне, не видишь ли ты что-нибудь необычное?

Я робко взял платок и поднес Огненную Жемчужину поближе к уху.

— Кожа такая гладкая, что просто не может быть естественной, — сказал я, внимательно осмотрев ухо. — И что-то наполняет поры. Похоже на масло, но не совсем, и как-то странно светится. — Я осмелился коснуться уха. — Мягкое и скользкое, чем-то напоминающее мыльный камень, а то, что наполняет поры, очень похоже на жир.

Мастер Ли взял обратно Огненную Жемчужину и ухо.

— Великолепно, — сказал он. — Я увидел следы этой субстанции, когда проверял когти монстра рядом от эшафотами, и мои подозрения подтверди-

лись, когда мы обнаружили голову жертвы. Скользкая субстанция — это невероятно дорогой материал, который делается из гусиного жира. Он называется Протокольным Мылом, и если помазать им человеческую кожу, то она засветится мягким приятным светом. Протокольное Мыло используют главным образом евнухи и министры во время императорских приемов. Идея в том, чтобы намекнуть Сыну Неба, будто их кожа светится, отражая его излучение.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы эта мысль провалилась ко мне в сознание, и мои глаза расширились от удивления.

— Господин, не означает ли это, что один из министров Империи убит и съеден вурдалаком? — потрясенным голосом спросил я.

— Да, так мне кажется, — спокойно ответил Мастер Ли. — Но намного более интересно то, что даже намек на какие-нибудь экстраординарные события не просочился через розовые стены. На земле не существует места, где слухи и сплетни летают с большей скоростью, чем в Запретном Городе, но я проверил все источники слухов, о которых вспомнил прошлой ночью, и сумел узнать только то, что произошло нечто, и это нечто — секрет, о котором знают только члены императорского совета. Мой мальчик, разве можно себе представить, что министр Империи исчезает, не вызвав никакого шума или волнения. Не забудь, что мы не нашли не только тело жертвы, но и ни одной косточки. Где же тело? У его коллег? А если так, то что могло заставить могущественных мандаринов покрывать преступление века?

И действительно, что? В общем мы стояли на пороге скандала, который мог потрясти всю империю, и когда мы въехали в Императорский Город и наш паланкин понесли к Алтарю Земли и Зерна, в моем мозгу начала выстраиваться линия: «...монстры, мандарины, убийство ... монстры, мандарины, убийство...» Монахи у Алтаря поклонились до земли, когда наш паланкин гордо проследовал мимо, точно так же поступили их товарищи у Верховного Храма Предков «...монстры, мандарины, убийство ... монстры, мандарины, убийство...», а величавые чиновники-конфуцианцы почтительно коснулись своих шляп. Императорский Город — это анклав базилик бюрократов и резиденций знати, стеной окруживший Императорский Запретный Город, но тот, кто думает, что мы двигались мимо этих почтенных заведений торжественно и спокойно, никогда не ездил по Пекину во взятых напрокат траурных паланкинах. Мне кажется, что мое предыдущее описание навело читателя на неправильные мысли, и сейчас я это исправлю.

— Дерьмо! — проорал Уличная-Крыса, шедший впереди с левым шестом на плече. — Почему бы этому здоровенному волосатому амбалу не сесть посреди и не посадить старую костлявую развалину себе на колени? А так эта чертова штука походит на раскачивающийся плот, на котором сидят крыса и единорог.

Справа, напротив его, шел с шестом на плечах Гадюка-в-Траве.

— Перестань квакать, ты, ослиная башка! У тебя не хватает мозгов, чтобы разговаривать и нести одновременно, и когда ты открываешь свою грязную пасть, твои плечи трясутся как сиськи кормилицы.

Чонг Ночной-Горшок и Червяк, задние носильщики, не одобрили.

— Эй, вы, дерьмовые пожиратели уксуса! Вы что, думаете, что нам нравится, когда вы плюетесь слюной прямо на нас, как пара больных ящуром хорьков!

— Бык, начиная с этого момента мы должны ехать в тишине и соблюдая приличие, — сказал Мастер Ли.

Я остановил паланкин, выпрыгнул наружу, взял за грудки одного из передних носильщиков и так тряхнул, что у него лязгнули зубы.

— Слушайте меня, мин те мао цзэй! (очень полезная фраза для гостей Пекина. Она означает: «Вы, воры, пожиратели дерьма личинок шелкопряда»). Если кто-нибудь из вас еще раз пикнет, и я скормлю москитам то, что останется от ваших мозгов.

Я забрался обратно в паланкин и в полном молчании мы проехали мимо Башен Феникса и пересекли ров с водой. Уже много лет Мастер Ли не был чиновником, но сохранил свой ранг и официальные символы ранга, и стражники не посмели остановить его. Без всякий трудностей мы прошли через Полуденные Ворота и перед нами открылся Запретный Город.

— Бык, мне нужны твои молодые глаза, — сказал Мастер Ли. — Если я прав, один из старших мандаринов стал пищей для вурдалака, и по какой-то причине его коллеги делают все, что в их силах, чтобы скрыть его смерть. Но они должны похоронить человека, и даже в подобных обстоятельствах не могут лишить его шеста.

Я-то знал, что он имеет в виду, но не уверен, что это понятно нецивилизованным читателям, и кратко объясню.

У всех людей есть две души. Более высокая душа, хунь, находится в печени, и когда человек умирает, надо просверлить в гробе дыру прямо над печенью, чтобы высокая душа могла улетать и прилетать, когда ей захочется. Более низкая душа, по, находится в легких, и ни при каких обстоятельствах ей нельзя разрешать выйти наружу. В ней сосредоточены животные инстинкты человека, она легко может стать очень плохой и отправиться странствовать по земле в виде злого духа. Душа хунь должна путешествовать туда и обратно между печенью и судом Бога Стен и Рвов все сорок девять дней, в течении которых идет суд, и, выходя из знакомого тела, легко может заблудиться, а самая большая трагедия для нее — потеряться. Она может поддаться панике, влететь в другое тело, преобразиться и стать по настоящему злой. Таким образом и возникают всякие монстры, вроде вурдалака, и вот почему необходим бакен, который помогает путешествующей душе вернуться в свое тело. Обычно таким бакеном яв-

ляется высокий шест с блестящим красным флагом на верхушке, который ставят рядом с домом, в котором лежит тело: слева от двери для мужчин, справа — для женщин. Мастер Ли резонно решил, что, несмотря на тайну, мандарины не осмелятся дать высокой душе своего коллеги заблудиться и превратиться в того самого монстра, который сожрал его, и поэтому обязаны установить высокий шест-бакен.

Я внимательно глядел на все вокруг, одновременно жалея себя. Моя первая поездка сюда, вокруг так много интересного и я бы с удовольствием поспрашивал обо всем Мастера Ли, но в тот день я узнал только то, что Запретный Город лучше называть Запретным Садом. Как только мы съехали с главной улицы, то оказались в лабиринте деревьев, кустов и цветов, искусстно посаженных и выращенных таким образом, что образовывали великолепные удивительные картины: огромные драконы и фениксы, как будто вырезанные из слоновой кости и вделанные в коралловые стены, или экзотические птицы, которые, казалось, позировали художникам, усевшись на необычные камни посреди бирюзовых бассейнов. Одна из этих птиц блистала невероятно ярким опереньем и отвлекла мое внимание от поисков шеста, и мне потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что за ее перьями виднеется красный флаг.

— Там! — крикнул я.

Высокий тонкий шест поднимался за линией гранатовых деревьев и на верхушке его развивался алый флаг. Мастер Ли приказал носильщикам повернуть к Золотой Речке и пройти через Ворота Небесной Гармонии к комплексу, внутри которого он потерял двадцать лет жизни — во всяком случае он назвал эти годы потерянными. Мы прошли через Зал Литературной Славы, Зал Вознагражденного Интеллекта, Зал Уважения к Мастерам (второй по величине библиотеке в мире, первая находится в Чанъяне), и обнаружили шест, который стоял в обширном дворе Литературной Глубины; слева от входа и ниже обычного красного флага развевался флаг старшего ученого, украшенный всеми четырнадцатью символами академического отличия: выполняющими желания жемчужинами, музыкальными камнями, облаками счастья, ромбами, чашкой из рога единорога, книгами, картинами, листьями клена, тысячелистника и банана, треножником, травой бессмертия, деньгами и серебряной туфлей.

— Этот флаг здорово суживает список возможных жертв, — счастливо сказал Мастер Ли. — Разве кто-нибудь проронил хотя бы слово о том, что один из самых выдающихся ученых современности испустил последний вздох? Нет, никто, и я начинаю верить, что не ошибся, подозревая заговор молчания.

Пройдя через ворота, мы увидели двор, битком набитый паланкинами, экипажами и носилками, все в белых траурных цветах. Толпа младших мандаринов глубоко поклонилась шляпе и отличительным знакам Мастера Ли, потому что он одел все, что у него было, включая символы императорского советни-

ка, которым он был шестьдесят лет назад, и зрелище стоило того, чтобы на него посмотреть. Он пошел по лестнице вверх с таким видом, как если бы был владельцем особняка, и мы вошли в абсурдно огромный зал для приемов. На стенах висели картины, гобелены и меховые ковры, на которые пошли обитатели нескольких лесов. Ковер, сделанный из меха белого горностая, протянулся через весь огромный зал вплоть до мраморного помоста, на котором стоял большой великолепный гроб.

Старшие мандарины неторопливо проходили по ковру, чтобы отдать последний долг своему коллеге. Кто-то заметил Мастера Ли. Легкий вскрик удивления заставил все головы повернуться, и я с тихой радостью смотрел, как глаза по очереди расширялись, и руки одергивали один роскошный халат за другим, как если бы хотели избежать контакта с больным проказой — почти как в танце, а Мастер Ли приветствовал каждого вздрогнувшего чиновника улыбкой до ушей: — Ван Цзянь, дружище! Как восхитительно, что эти недостойные глаза могут еще раз насладиться твоим божественным видом!

И так далее. Поначалу никто не говорил ни слова, но потом все-таки раздался чей-то голос.

— Као! Клянусь всеми богами, это Ли Као! Как это я не подумал позвать тебя, когда началась вся это кутерьма?

Высохший и сгорбленный человек, опиравшийся на два костыля, с трудом шел к Мастеру Ли, и увидев его я не поверил собственным глазам. Я думал, что Мастер Ли достиг предела срока, отпущенного человеку, но этот господин добавил к этому пределу не меньше тридцати лет. Я заметил, что при его приближении все глубоко кланялись, и Мастер Ли поздоровался с ним по-настоящему тепло.

— Здравствуй, Чжан. Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Как я себя чувствую? Как настоящая старая развалина, — ответил высохший старик. — Несколько дней назад у меня был долгий разговор со своим старшим внуком: я очень удивлялся, как это он внезапно стал таким умным, и только потом я сообразил, что он умер двадцать лет назад и я разговаривал с попугаем. Кто этот здоровенный парень со свернутым носом?

Мастер Ли сделал мне знак выйти вперед и глубоко поклониться.

— Разреши представить тебе моего бывшего заказчика и нынешнего помощника Десятого Быка, — сказал он. — Бык, это Блистающий Повелитель Богов, Верховный Владыка Западного Заката и Великой Изменчивости, Носитель Киноварного Скипетра Величайшей Тайны — или, если хочешь, Небесный Мастер.

Откровенно говоря, я не упал на пол и не стал биться об него головой только потому, что не смог решить: упасть мне вперед или назад. Ведь это был

никто иной, как Чжан Даолин[58], величайший из Даосских монахов, единственный человек в Империи, который повсеместно считался последним святым, живущим на земле.

В моей деревне ему поклонялись все, от настоятеля нашего монастыря до моего дяди-атеиста Нунга, и обычно говорили, что список добрых дел Чжана покроет верхушки четырех из пяти священных гор, и вот я стою прямо перед ним. Каким-то образом я сумел неловко поклониться, не упав на пол.

— Као, ты тот человек, который нам нужен, и я очень рад, что у кого-то хватило мозгов подумать об этом, — сказал Небесный Мастер. — Я видел самую странную вещь в своей жизни, а это означает, что именно ты должен ею заняться.

Небесный Мастер был наполовину глух и не сообразил, что едва ли не кричит. Матер Ли тоже должен был говорить громко, что собеседник его расслышал. В результате все остальные, находившиеся в огромном сводчатом зале, быть может сотни людей, стояли молча, с каменными лицами, а эхо от криков двух голосов металось между стенами и отражалось от гроба.

— Ты сказал, что видел это? — спросил Мастер Ли.

— Да, это произошло прямо перед моими глазами, и пожалуй даже хорошо, что настолько ужасная вещь произошла с кем-то вроде Ма Туань Линя. Ужасный осел, ты же знаешь — настоящий позор для сословия ученых.

По внезапному блеску в глазах Мастера Ли я предположил, что он разделяет мнение Небесного Мастера о покойном Ма Туань Лине, но пытается быть дипломатом.

— О, я не уверен. Во время исследования Ма проявлял свои самые лучшие качества. Только заключения были полностью идиотскими.

— Као, ты чертовски снисходителен! — воскликнул Небесный Мастер. — Он был осел от затылка до кончиков пальцев ног, зато его самооценка могла сравниться только с величиной его брюха. Ты должен был видеть, как они пытались запихнуть этот жирный кусок сала в гроб.

Святой мучительно повернулся на костылях и взглянул на ряды недовольно поджавших губы мандаринов.

— Проклятые идиоты! — воскликнул он. — Если бы вы поставили телу Ма клизму, то смогли бы похоронить то, что от него останется, в ореховой скорлупе!

---

58 Чжан Даолин, также Чжан Лин, (жил в период между 34 и 156) – даосский патриарх и горный отшельник.

Чжан Даолин является основателем даосской Школы Небесных Наставников направления «Истинное Единство», первоначальное название его школы – «Пять Ковшей Риса». Биография Чжан Даолина известна довольно скудно. Чжан Даолин основал первую регулярную даосскую религиозную общину. Особенностью новой религии стал отказ от жертвоприношений пищи и животных. Чжан Даолин получил учение от самого Лао-цзы, в соответствии с которым он сформировал первый истинный даосский пантеон. Образованное учение существенно отличалось от предыдущих религий Китая.

Он опять повернулся к Мастеру Ли. — Ну хорошо, это скорее твоя область, не моя. Передаю это дело на твое попечение. Скажи мне, что тебе надо, и я постараюсь помочь.

— Мы начнем с того, что ты расскажешь то, что видел, — счастливо сказал Мастер Ли, — но сначала давай уйдем из этого мавзолея.

Пока Небесный Мастер ковылял к боковой двери, мне стало жарко. Какое счастье! Если бы взгляды могли убивать, Мастер Ли был бы мертвее Ма Туань Линя, но мандарины могли только смотреть. Мы прошли по коридору в маленький кабинет, из окна которого открывался вид на простой садик. Комната казалась чуть ли не старше хозяина, и была заставлена древней, хотя и комфортабельной мебелью, наводящей на мысли о временах моего пра-пра-пра-дедушки. Небесный Мастер с облегчение простонал, уселся на мягкий диван, отпустил свои костыли и сразу перешел к делу.

— Као, это произошло ночью, но не этой, а прошлой — скорее даже утром, в двойной час овцы. Как обычно, я не мог заснуть, ярко светила луна и, ты знаешь, было очень тепло. Я встал, оделся, взял свои костыли, пошел на берег и сел в лодку. Увы, гребля — единственное упражнение, которое я еще могу делать. Я практикуюсь на костылях, — добавил он и сделал ими несколько движений, которые действительно напоминали движения гребца. — Я погреб на Остров Гортензий, где для меня сделали специальную пристань — там есть дорожка, по которой я могу ходить. Я шел через маленький лес, восхищаясь луной и вспоминая то время, когда в моей голове сами собой складывались стихи, как вдруг услышал крик, полный ужаса и смертельной муки, и прямо навстречу мне выбежал Ма Туань Линь.

Святой наклонил голову, посмотрел на Мастера Ли поверх носа, и слабая усмешка искривила его губы.

— Вот отсюда начинаются старческие воспоминания. Я не уверен, Као, ох не уверен. Я могу только рассказать то, что видел, или думал, что видел. Начнем с того, что за Ма гнался маленький морщинистый человек, старше тебя, и даже, может быть, старше меня. Он бежал легко, как ребенок, и кричал что-то вроде «Би-фан», «Би-фан».

— Что? — спросил Мастер Ли.

Небесный Мастер пожал плечами. — Совершенно бессмысленные звуки. «Би-фан». Ма держал в руках что-то, напоминающее птичью клетку, пустую, и еще раз закричал от ужаса, когда пара рябчиков вылетела из темноты, их крылья хлопали вот так «поп, поп, поп», они чуть ли не ударили меня в лицо. Я уклонился, не удержался на ногах, упал в какие-то высокие сорняки, и это, скорее всего, спасло мне жизнь. Маленький старик не увидел меня и пробежал мимо. Он взмахнул правой рукой, в ней что-то засветилось, а потом он метнул огненный шар, который ударил Ма Туань Линя прямо в спину.

Мастер Ли задохнулся и пару раз ударил себя по груди. — Огненный шар? — недоверчиво спросил он, восстановив дыхание.

— Да знаю я, знаю. Последние мозги старой развалины превратились в масло, — с усмешкой сказал Небесный Мастер. — Я рассказываю тебе то, что видел, или думаю, что видел. Ма умер еще до того, как упал на землю — для этого мне не нужна никакая аутопсия — и маленький старик пробежал мимо него, легко подпрыгивая как лист на ветру, а потом меня ослепила яркая вспышка. Когда мое зрение прояснилось, от маленького старика не осталось и следа. Ма лежал на земле, рядом с ним воткнулась в траву эта самая штука, похожая на птичью клетку, от его спины шел дым. Я оглядел все вокруг. Никого. А потом я услышал очень далекое «Би-фан», посмотрел наверх и увидел белого журавля, пролетавшего сквозь лицо луны.

Святой глубоко вздохнул и широко развел руки. — Думаешь, я сошел с ума? Я еще даже не начал рассказывать.

— Жду не дождусь, — ответил Мастер Ли.

— Као, за павильоном Ма есть большая куча земли, приготовленная для какого-то проекта, который так и не был осуществлен, и пока я не увидел эту кучу, я и не подозревал, что нахожусь рядом с его павильоном, — сказал Небесный Мастер. — Внезапно из-под кучи послышался негромкий звук, я взглянув повнимательнее и едва не лишился рассудка, потому что из нее на лунный свет выполз ужасный коготь. За ним последовал другой, земля провалились, и что-то большое вылезло из образовавшейся дыры. Когда пыль улеглась, я обнаружил, что смотрю на самый великолепный образец чжи-мэя — такие красавцы не появлялись в Китае больше ста лет! Классический вурдалак, Као, и он тоже уставился на журавля в небе. Потом журавль превратился в точку и исчез, чжи-мэй поглядел вокруг и увидел Ма Туан Лина. Два шага, монстр оказался прямо перед ним и — клянусь! — оторвал голову от тела! Поднял окровавленный трофей, откусил большой кусок, но я уже ничего не видел. Я пополз обратно, отталкиваясь костылями от земли и надеясь, что треск челюстей чжи-мэя заглушает все звуки. Потом я добрался до деревьев, сумел сесть в лодку, погреб назад и поднял тревогу, и это все, что я могу рассказать тебе.

Мастер Ли понимающе кивнул.

— Как ты поднял тревогу? — спросил он.

— Император приказал одному офицеру постоянно находится в моем доме и быть кем-то вроде няньки, я полагаю, но иногда это помогает жить.

— И ты рассказал ему все, что случилось?

— Как тебе, — ответил Небесный Мастер. — Но, конечно, он не поверил ни одному слову.

— И я его понимаю, — усмехнулся Мастер Ли и даже подмигнул. — Я не говорю, что верю всему этому, но и не отвергаю все с порога. Кто знает? В наше время случаются самые невероятные вещи.

Небесный Мастер усмехнулся в ответ, тоже подмигнул и постучал себя по лбу.

— Устали, Као, устали. У меня осталось очень мало времени и мозгов, что если ты хочешь узнать от меня что-то еще, поторопись, — утомленно сказал он.

Мастер Ли наклонился к нему.

— Я хочу только одно, — сказал он, говоря медленно и четко. — Письменное предписание расследовать это дело и все, что с ним связано, наделяющее меня всеми полномочиями и подписанное Небесным Мастером.

Вскоре Мастер Ли уже вел меня к нашему паланкину, мы шли через ряд боковых дверей, какие-то сады и дворы. Он выглядел подавленным, хотя обычно в таких случаях бывал скорее веселым, и я удивленно посмотрел на него.

— Бык, больше не думай об этом деле, как о большом белом ките, — печально сказал он.

— Господин?

— Я должен извиниться перед мандаринами. Они хотели замолчать все это дело и спрятать тело в могилу прежде, чем шустрые любители совать нос в чужие дела, вроде меня, услышат о нем. И только потому, что в убийстве Ма Туань Линя признался величайший святой, живущий в Поднебесной.

## ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Мастер Ли чувствовал себя уставшим, и когда я догреб до Острова Гортензий, привязал лодку и перенес его на берег, он решил и дальше путешествовать на моей спине. Он весил не больше школьника, его маленькие ноги легко вошли в мои карманы, а я уже настолько привык носить мудреца на спине, что без него чувствовал себя раздетым. Потом я отправился по тропинке, которую он мне указал и которая вела к тому самому павильону, около которого, судя по словам Небесного Мастера, Ма Туань Линь повстречался со смертью.

С того памятного дня остров так изменился, что его невозможно узнать. Повсюду новые дома, а леса почти не осталось. Тогда же вокруг нас росли деревья и кусты, под ногами — зеленая трава, и помимо Юй (о котором я расскажу позже) не было ничего, кроме коллекции астрономических инструментов, установленных великим Чжан Хеном[59], и не больше двух десятков уединенных па-

59 Чжан Хен (78—139) — выдающийся китайским астроном.

Ему принадлежит большой научный труд «Линь-сянь», что значит «Строение Вселенной». В нем Чжан Хэн не только описал существовавшие в то время взгляды на мироздание, но и изложил ряд своих выдающихся открытий. Так, в книге приводятся данные о количестве звезд и сообщается, что только в северном полушарии неба их имеется около 2500. Ученый высказывает мысль об отсутствии у Луны своего света, а также излага-

вильонов, в которых любили отдыхать выдающиеся мандарины. Мирное красивое место, мы шли между деревьями и я не слышал ничего. Перед нами открылась заросшая травой поляна, Мастер Ли приказал мне остановиться и поставить его на землю. Он порылся в складках одежды, вытащил флягу с вином и печально выпил, брызгая каплями на пышные цветы. Я ожидал, что они сморщатся и умрут, но, почему-то, они решили этого не делать.

— Бык, я должен поздравить тебя. Ты блестяще владеешь собой. Ни одного вопроса, — сказал он и подмигнул. Он знал, что хорошо вымуштровал меня. — Давай осмотрим все вокруг. Ставлю десять против одного, что Небесный Мастер действительно видел, как вурдалак сорвал голову с тела Ма Туань Линя, что кстати, только улучшило внешность Ма, и я буду очень разочарован, если он нам соврал.

Мы уже знали, что тело нашли и унесли отсюда, поэтому мы пошли прямо и вскоре я заметил павильон, за которым находилась гигантская куча земли. Мы подошли ближе, и я увидел что-то черное и движущееся, резко выделявшееся на зеленом фоне. Оказалось, что это облако мух, жужжащее над усеивавшими траву вонючими черными полосами, которые еще недавно были красными.

Мы подошли к куче и увидели, что очень недавно в ней кто-то рылся, а рядом с ней, на дорожке, я нашел след сандалии. Впереди нога глубоко ушла в землю, разбрасывая грязь, значит кто-то бежал, спасая свою жизнь. Вскоре я обнаружил и след огромной ноги, который вполне мог принадлежать какому-нибудь монстру вроде вурдалака.

— Скорее всего Небесный Мастер не придумал и птичьей клетки. Давай найдем ее, — пробормотал Мастер Ли.

Мы нашли клетку в высокой траве рядом с пятнами крови. Мудрец поднял ее и, оглядев, одобрительно присвистнул, и даже я смог понять, что вещь очень старая и великолепно сделанная. Тем не менее небольшая птица из нее вылетела бы мгновенно, потому что странным образом перекладины были размещены слишком редко и на них была намотана проволока, совершенно беспорядочно. На проволоке находилась одна единственная бусина, которую можно было легко двигать вперед и назад, но Мастер Ли сказал, что одной бусины совершенно недостаточно, чтобы выполнять даже самые простые сложения и вычитания, так что это не абак. На перекладинах были нарисованы самые разные символы: от животных и посуды до неба и звезд. Мастер Ли покачал головой и пожал плечами.

---

ет свои соображения о шарообразности Земли.

Чжан Хэн был также крупным изобретателем. Он создал одну из первых армиллярных сфер – прибор, с помощью которого можно было определять экваториальные координаты небесных светил.

— Я совершенно не понимаю, для чего ее можно использовать, но она невероятно древняя, — сказал он. — О Ма Туань Лине говорили, что у него есть редкая способность находить древние ценные артефакты. Он был замечательным коллекционером, очень авторитетным, и, быть может, нашел какое-то упоминание об этой вещи в своих бумагах.

Он привязал клетку к поясу длинной желтой лентой и какое-то время стоял, глядя вокруг и уперевшись руками в бедра.

— Мой дорогой старый друг и учитель пригреб сюда и шел, освещенный светом луны, — сказал Мастер Ли низким печальным голосом. — Судьба захотела, чтобы он оказался на этом месте как раз в тот момент, когда монстр охотился за своим обедом, то есть за Ма Туань Линем, и Небесный Мастер действительно видел, как эта тварь оторвала мандарину голову. Но вот дальше... Бык, ты же слышал его слова и понимаешь, что он не любил Ма Туань Линя. Глубоко внутри он чувствует себя виноватым, что не горюет по его ужасной смерти, и эта вина просачивается через его усталый рассудок и он видит то, чего не было, и при этом он действительно верит в свою историю — обрати внимание! — о «маленьком морщинистом человеке, старше тебя, и даже, может быть, старше меня, который бежал легко как ребенок». Какую шляпу носит Небесный Мастер?

Я немного подумал, вспоминая. — Белая, высокая, коническая, заостряющаяся к вершине, — сказал я.

— Она называется Шляпой Янга, Девятого Грома, — сухо сказал Мастер Ли. — Она напоминает клюв журавля. Ты обратил внимание на его одежду?

— Обычная одежда монаха-даоса, только с эмблемой Первого Ранга, — ответил я.

— Что за эмблема?

— Журавль.

— И, конечно, ты заметил официальное кольцо на пальце? — спросил Мастер Ли.

— Да, и на нем что-то вроде большого красного камня, — ответил я.

— Это гранат, он называется Карающая Молния, — сказал Мастер Ли.

— Ого! — воскликнул я.

— Вот именно, ого, — сказал Мастер Ли. — Бык, все очень просто. Небесный Мастер преобразил себя в маленького морщинистого человечка, выбросил свои костыли, и легко, как ребенок, побежал за этим ублюдком, Ма Туань Линем, убил его огненным шаром из своего кольца, потом превратился в журавля, чью одежду и шляпу он носит, и пролетел сквозь луну, как будто во сне. Мандарины боятся, что неправильные люди узнают об этом и разразится грандиозный скандал, но я не собираюсь становиться неправильным человеком.

— Нет, господин, — сказал я.

— Что ж, займемся исследованиями, — вздохнул старик. — В любом случае у меня есть подписанное самим Небесным Мастером предписание, при виде которого едва ли кто-нибудь осмелится засмеяться.

— Да, господин, — ответил я и покрепче сжал челюсти.(«Это», молча добавил я, «самое большое преуменьшение за последние десять лет. Если бы он сумел подделать такой документ, то мог бы сразу написать разрешение на вход в императорскую сокровищницу с сорока тележками, запряженными мулами, ста крестьянами с лопатами и воротом для подъема тяжестей»).

На месте убийства больше не было ничего, и Мастер Ли пошел в Павильон Ма Туань Линя. Я немало удивился, обнаружив простую, даже аскетическую обстановку: обыкновенная большая комната, из окна открывался вид на озеро и маленький огороженный сад, и скромная ванна. Мастер Ли объяснил, что даже мандарины, вроде Ма, не имеют право воздвигать на острове дворцы. Все совершенно одинаковые павильоны предназначались для мирных размышлений и принадлежали императору. Мы осмотрели бумаги мандарина, коллекцию книг и свитков, и нашли заметки Ма Туань Линя, сделанные древними иероглифами, которые я не умел читать. Мастер Ли прочел и сказал, что это настоящий Ма: полная чушь. Но одна зацепка еще оставалась: клетка, и Мастер Ли быстро просмотрел все заметки в поисках любого упоминания о странной древней клетке. И ничего не нашел. Мы уже собирались уходить, когда он внезапно остановился.

— Я совсем забыл. Сорок или шестьдесят лет назад я прожил в одном из этих павильонов пару недель и если ничего не изменилось...

Он дал фразе повиснуть в воздухе, повернулся и подошел к деревянному алтарю, видевшему на восточной стене. — Мне показали, куда спрятать драгоценности или вообще что-нибудь ценное, если я не доверяю садовникам, — сказал он, протянул руку, нажал на деревянную панель, отвел ее в сторону и сунул руку в маленькую дыру. — Будь я проклят, — сказал он, когда рука вернулась с крошечной записной книжкой.

Мы уселись у стола и он быстро просмотрел ее. Но даже Мастер Ли вряд ли мог понять смысл текста, потому что там не было ничего, кроме колонок цифр и знаков процентов. Ни малейшего указания на то, к чему относятся эти цифры.

— Суммы все увеличиваются и увеличиваются, очень резко, а проценты удваиваются, и если речь идет о деньгах, то Ма без всяких проблем мог купить себе имение на Угольном Холму, — заметил Мастер Ли. Он перевернул последнюю страницу и вытащил что-то из записной книжки. — Бык, ты только посмотри! — радостно воскликнул он.

Это была та самая клетка, которую мы нашли, в виде чернильного отпечатка, по всей видимости взятого с какого-то старого камня. Я говорю о камне, а

не металле, потому что смазанные и расплывшиеся пятна указывали на потертую выщербленную поверхность. Тем не менее не было никаких сомнений, что это та самая клетка. Мастер Ли перевернул оттиск, надеясь найти какое-нибудь объяснение, но вместо этого нашел текст, написанный шрифтом «Белые Облака», который и перевел для меня:

«Восемь! Я нашел все восемь! Теперь они не смогут лишить меня главной доли, и мои кости успокоятся на Пике Белого Дракона!»

— Господин, вы знаете, что это означает? — спросил я.

— Не до конца, но последняя часть очень интересна, — сказал Мастер Ли. — Пик Белого Дракона — гора, поднимающаяся над большой и богатой долиной около Ченси, где, по мнения Ма Туань Линя — ошибочному, с моей точки зрения! — когда-то находилось родовое имение его предков. Все это выглядит так, как если бы он надеялся купить его: вот для чего он собрал эту невероятную сумму денег.

Вскоре мы отправились обратно и без всяких происшествий добрались до города. На несколько минут задержались в хижине Мастера Ли, чтобы спрятать клетку под помостом, который предохранял наши соломенные тюфяки от дождя в те часы, когда шторм заставлял воду плескаться на полу, а потом мудрец приказал мне нести его в Винную Лавку Одноглазого Вонга. (Я описывал Вонга и его жену, Толстуху Фу, в предыдущих частях моих воспоминаний, и поскольку они не играют особой роли в этой истории, просто скажу, что их лавка находится в районе преступников, Мост на Небеса, и Мастер Ли умеет находить в ней полезных людей). Парочка фальшивомонетчиков быстро изготовила несколько сотен копий листка с клеткой, и Мастер Ли нанял стайку уличных мальчишек, которым приказал отдать эти копии всем известным бандитам Пекина, о которых он сумел вспомнить.

— Видишь ли, — объяснил он, пока мы обедали за отдельным столом, — вполне возможно, что когда Ма писал на задней стороне оттиска, он имел в виду именно клетку, а не сотни других предметов, которые собирал. Значит у него было восемь клеток. И где остальные семь?

Я пожал плечами. — Дом, служба, друзья...

— Имей в виду, Бык, клетка очень древняя и великолепно сделанная. Это самый настоящий артефакт, и если Ма Туань Линь действительно собрал все восемь, он конечно должен был бы отпраздновать такую удачу экстраординарными пирами, на которых мог похвастаться своим безошибочным инстинктом и тренированным интеллектом, которые позволяют ему находить сокровища там, где обычный человек не найдет ничего. Но, насколько я знаю, он не делал ничего такого, и давай вспомним его слова: «Восемь! Я нашел все восемь! Те-

перь они не смогут лишить меня главной доли, и мои кости успокоятся на Пике Белого Дракона!»

— Звучит так, как будто у него есть партнеры, — неуверенно сказал я. — Быть может эти клетки очень ценны для них, и теперь он сможет получить главную долю в их предприятии.

— Да, именно так это и звучит, и он собирался отдать клетки партнерам в обмен на проценты в предприятии. Может быть само существование клеток хранилось в глубокой тайне, может быть нет, но мы будем считать это интересной возможностью, — сказал мудрец. — И надо иметь в виду, что Ма Туань Линь никогда бы не стал иметь дело с простыми смертными. Нет, его партнерами могли быть только мандарины его ранга или даже выше, а такие люди имеют привычку собирать коллекции редких предметов и с гордостью демонстрировать ее завистливым посетителям.

Он замолчал, и я понял, что он хочет посмотреть, смогут ли мои похожие на решето мозги удержать эту мысль, так что я сказал, — Если Ма Туань Линь действительно отдал эти клетки партнерам и его партнеры давали на них посмотреть, бандиты Пекина точно знают, где они находятся.

— Хороший мальчик, — сказал Мастер Ли. — Сейчас бандиты, используя своих сообщников среди прислуги, проверяют каждый особняк в городе. На все семь я не рассчитываю, но если мы найдем хотя бы одну, я сполна удовлетворю свое любопытство, поговорив с владельцем. Если нет, придется забыть о клетках и думать только о том, какой доклад мы представим Небесному Мастеру.

Однако через час нас посетил изысканно одетый господин с бегающими глазами и любопытным узором из ножевых шрамов на том месте, где полагается быть носу, а еще через час мы уже сидели в роскошном паланкине, направлявшемуся к Угольному Холму.

Был поздний вечер, вокруг огромной круглой луны виднелись оранжевые круги, и обитатели Угольного Холма уже проснулись, начиная новый день. Я никогда не перестану восхищаться зрелищем, которое устраивают достойные созерцания люди, готовящиеся к тому, что их увидят другие достойные созерцания люди, которых, если так можно выразиться, первые будут созерцать в свою очередь. Сначала появляется пятно света, оно приближается, слышится ритмичное «Хут-чу, хут-чу, хут-чу!», и вы видите мажордома, ведущего за собой армию конюхов с факелами. Еще одно пятно света, но песня другая — «Ми-чи, ми-чи, ми-чи!» — это выступают слуги, одетые как короли. Они окружают аристократические паланкины и кареты, и несут цветные фонари. «Ю-ча, ю-ча, ю-ча!» — это поют евнухи, одетые в желтые халаты, они машут курильницами с горящим фимиамом, дым овевает главные носилки, и, если вам повезет, вы сможете увидеть, как вспыхивают изумруд и бирюза, светятся драгоценные геммы из нефри-

та, отделанный золотом шелк и вышитый атлас, а если вам вообще привалит счастье, вы поймаете блеск лакированного ногтя и быстрый взгляд томных глаз; трубы ревут «Та-та-таааа! Та-та-таааа!», герольды пыхтят как павлины и гордой походкой идут мимо вас, вся процессия поворачивает и останавливается, ожидая, когда ей освободят дорогу, а другие трубы отвечают «Тум-ти-ти-ти! Тум-ти-ти-ти!», и, как в сказке, на деревьях вспыхивают тысячи бумажных фонариков, сделанных зимой и с наступлением весны повешенных на ветки, оркестр на поляне играет приветственный гимн, танцоры бегут перед герольдами, на ходу выделывая кульбиты, стаи розовых гусей шипят, кричат и гогочут, а гордые старшие слуги во дворах разбрасывают не желтый песок, чтобы получить следы выдающихся гостей — нет, не песок, но настоящую золотую пыль, которая покрывает дорожку, ведущую к двери.

Мой двоюродный брат работает на Угольном Холме. Он профессионал и гордится своим мастерством. Он одевает черную одежду и вымазывает сажей руки и лицо, чтобы его не заметили в темноте. Потом он берет длинную острую булавку — намного длиннее вязальной спицы — и заползает в загон с гусями, где прячется вплоть до того момента, когда появляются гости. И только тогда он втыкает булавку в их зады. Шипение и крик гусей считается хорошим предзнаменованием, и весь фокус состоит в том, чтобы заставить гусиный хор зашипеть именно тогда, когда состоятельные гости спускаются из паланкинов на грешную землю. В своем деле он настоящий мастер. Однажды я спросил его, не хочет ли он научиться трудному искусству окраски гуся в розовый цвет (тоже счастливое предзнаменование) и он зашипел на меня не хуже гуся! «Я мастер в высоком искусстве разговора птичьими задами, а презренные раскрашиватели перьев — низший класс!» ответил он. Кроме того они образуют закрытую гильдию, куда закрыт вход всем, кроме детей мастеров.

Улица, на которую повернул паланкин, не светилась в ожидании гостей, но наш информатор поклялся всеми богами, что хозяин не выходил из дома. Мастер Ли надел на себя все регалии высшего Нео-Конфуцианца, и беспощадно гнал со своего пути низших слуг, пока, наконец, нам навстречу не вышел сам мажордом. Один взгляд на бумагу с подписью Небесного Мастера заставил беднягу согнуться до земли и со всех ног броситься на поиски хозяина. Нас попросили подождать в элегантной гостиной, где были выставлены древние артефакты, которые, однако, не впечатлили Мастера Ли.

— Девять десятых из них — подделки, — презрительно сказал он, — а одна десятая почти ничего не стоит. Единственное исключение — пипетки в виде жаб, одни из самых ранних образцов глазури, которая называется «Красивая Девушка Чистит Небо».

Эти пипетки — маленькие керамические жабы с полостью внутри, в которую набирают воду. Ею смачивают чернильный камень, чтобы получались не

слишком густые чернила, и Мастер Ли заслуженно хвастался замечательной коллекцией таких жаб-пипеток.

Тут он нагнулся и его рука скользнула в фальшивый каблук на левой сандалии. Я побледнел.

— Господин ... ах... Достопочтенный господин, не думаете вы, что будет не слишком мудро... ах...

Рука Мастера Ли вернулась с кучей отмычек, и мгновением позже на витрине стало одной жабой-пипеткой меньше. Я упоминаю об этом только для того, чтобы объяснить, почему у меня было неспокойно на душе, когда мы услышали крики. Пронзительные сдавленные вскрики неслись откуда-то из внутренностей особняка, и я привычно нагнулся, чтобы мудрец мог прыгнуть мне на спину.

— Вперед, нам нужно немедленно бежать! — крикнул я.

Как только я почувствовал знакомую тяжесть на спине, я пробежал через зал, выскочил в дверь и уже пробежал пол двора, когда сообразил, что Мастер Ли давно колотит меня по голове и спине и кричит, — Остановись, идиот! — Я резко затормозил, он перегнулся с моей спины и узловатым пальцем показал направление. — Туда!

Тут до меня дошло, что я должен был бежать на крики, а не от них, но, как оказалось, нам повезло, что я запаниковал и выбежал наружу. Палец Мастера Ли указывал на окно верхнего этажа, за тонкой шторой которого виднелся непонятный силуэт, сражавшийся с невидимым противником. Я заметил местоположение окна, вбежал обратно в дверь и понесся вверх по лестнице.

Как выяснилось, кричал мажордом, но я очень сомневаюсь, что он вообще что-то соображал. Его рот был широко раскрыт, глаза остекленели от ужаса и он застыл столбом у открытой двери на второй этаж. Я отпихнул его с дороги. Мастер Ли соскользнул с моей спины, и я услышал резкий треск в правом рукаве Мастера Ли, летательный нож выскочил из потайных ножен прямо ему в руку. Я низко пригнулся и прыгнул в комнату, ударился о пол, перекатился влево и вскочил на ноги, готовый встретить любую атаку, но на меня никто не нападал. Я стоял, примерзнув к полу, как и мажордом, глупо раскрыв глаза и рот, и, судя по тишине за моей спиной, Мастер Ли тоже стоял, смотрел и ничего не делал. Понять, что происходит, было не так-то просто.

На первом плане, то есть в центре элегантной комнаты, стоял человек, чье лицо было покрыто капюшоном большого старомодного плаща. Он методично ударял каменным молоточком по самому древнему инструменту на свете: набору каменных колокольчиков. И стоял он на одной ноге, потому что второй у него не было: одна единственная нога, которая росла прямо из центра его тела. Прямо перед ним другой человек, в изящной одежде мандарина, танцевал под музыку колокольчиков, танцевал танец смерти.

Его одежда развевалась в воздухе, а он прыгал и прыгал по полу, извивался и выделывал сложные танцевальные па с энергией маньяка. Его ноги то ударялись друг об друга высоко над головой, то с такой силой бились об пол, как если бы он хотел проломить его. Совершенно сумасшедшие глаза, наполненные болью, с мольбой глядели на нас, и он, конечно, кричал бы громче своего мажордома, если бы мог. Я выдохнул и инстинктивно отпрыгнул назад, когда увидел белые обломки костей, торчащие из его покрытых шелком бедер, с коленей капала кровь. Мандарин танцевал, и вот оба бедра треснули, он продолжал прыгать, и кровь брызнула из носа и рта, и тут я сообразил, что его внутренности превратились в желе. Тем не менее он подпрыгивал все выше и выше, ноги ударяли в пол все сильнее и сильнее, кости вылезали из бедер все дальше и дальше, а молоток монотонно бил по колокольчикам, и вот изо рта хлынул фонтан крови, а сумасшедший свет в глазах умер.

Одноногий продолжал монотонно бить в каменные колокольчики, и труп продолжал танцевать. Мандарин был мертв. Я знал это так же точно, как и то, что сам пока жив, но тело, уже мертвое и похожее на соломенную куклу, кружилось по комнате, голова моталась туда и сюда, подпрыгивала на плечах, руки и ноги мелькали в воздухе, обе сломанные ноги сгибались там, где никакие ноги не могут гнуться, между коленом и бедром, от крови, хлеставшей изо рта, в воздухе стоял розовый туман.

И все это, уверяю вас, только то, что сразу бросалось в глаза. Одновременно мой мозг пытался понять, что происходит на втором плане, но никак не мог из-за слишком большого числа гротескных картин, которые покрывали одна другую. Все было смазано, картины расплывались, я потряс головой — первое осознанное движение, на которое оказался способен — и решил, что на самом деле гляжу на другое странное создание. Это был мужчина с ужасным лицом обезьяны: серебряно-серый лоб, алый нос, блестящие голубые щеки и желтый подбородок. Я не могу объяснить почему, но я костями чувствовал, что это не грим. Человек-обезьяна открыл рот, обнажив крупные белые зубы, посмотрел на Мастера Ли и на меня, на его лице появилось что-то среднее между гримасой и усмешкой, потом одним могучим прыжком прыгнул на стену, вторым в окно, приземлился в саду и помчался прочь, исчезнув в ночи, но не раньше, чем я успел заметить, что он что-то нес в руках.

Странное создание несло птичью клетку, как две капли воды похожую на ту, которую нашел Мастер Ли.

За моей спиной Мастер Ли опять повернулся к центру комнаты, шагнул вперед и в этот момент каменные колокольчики перестали играть, а труп рухнул на пол, как если бы кто-то перерезал нитки, управляющие марионеткой. Одноногая фигура с капюшоном на голове стояла неподвижно.

— Осторожно, Бык.

Как если бы я нуждался в предупреждениях. Я подобрал с пола тяжелую бронзовую статуэтку и осторожно сделал пару шагов вперед, Мастер Ли поднял руку с ножом к правому уху. Игрок на колокольчиках не шевелился. Я сделал еще один шаг и в темноте за прорезью капюшона увидел блеск — блеск единственного глаза, который, как мне показалось, сверкал из центра лба.

Внезапно меня ослепила яркая вспышка. Я отшатнулся, прикрывая рукой глаза и какое-то время стоял, ничего не видя, потом оранжево-черные пятна исчезли, я опять увидел комнату и Мастера Ли, который растерянно мигал и тер глаза. И никакого одноногого игрока на колокольчиках. Его не было в комнате, его не было в доме и во дворе снаружи, ветер шевелил занавески на окне, мы оба уставились в ночное небо и увидели большого белого журавля, медленно пролетавшего сквозь лицо луны.

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

— Ну, Као, ты обнаружил что-нибудь интересное? — спросил Небесный Мастер.

— Можно сказать и так, — ответил Мастер Ли. — Начну с еще одного мандарина — я думаю, ты знаешь, или знал, Мао Оу-Си?

— Отвратительный парень. Третий по жадности человек в Империи, — брезгливо сказал Небесный Мастер.

— Четвертый по жадности наверняка заинтересуется, когда узнает, что его только что повысили, — сказал Мастер Ли. — Прошлым вечером Мао прибрел в вечное пользование кусок красной земли при довольно странных обстоятельствах: Бык и я как раз были там в это время. Потом последовала яркая вспышка, тварь, которая убила Мао, исчезла, и мы увидели большого белого журавля, летящего сквозь луну.

Небесный Мастер застыл, забыв о чашке чая, поднесенной к губам. Я заметил, что на мгновение его взгляд стал резким и колючим, он вновь стал уверенным в себе мудрецом, таким, как много лет назад, когда считался лучшим умом империи.

— Как вовремя, — насмешливо сказал он. — А не нес ли он в клюве вывеску: «Я только что спас Небесного Мастера от Сумасшедшего дома Матушки Вонг?»

Мастер Ли откинул голову назад и засмеялся. — Веришь ты мне или нет, но все это произошло на самом деле, — сказал он. — Когда мы пришли в себя и поглядели по сторонам, то не нашли ничего. Я вызвал чиновников, чтобы они официально все зарегистрировали, а утром, как только ворота открылись, отправился в Запрещенный Город, прогнал почетный караул от гроба Ма Туань Линя и приказал Быку открыть гроб. Бык, рассказывай.

Я нервно сглотнул, когда блестящие глаза святого уставились на меня. — Самый достопочтенный господин, тело лежало на спине, но я сумел поставить его прямо —

— Тебе потребовалось чертова уйма работы, — участливо сказал Небесный Мастер.

— Да, господин, — ответил я. — Тело было покрыто Мозгами Дракона (камфара из Борнео), и я едва не задохнулся, а когда я убрал ее, то задохнулся от трупного запаха, у тела не было головы и оно вообще выглядело совершенно ужасно. — Я опять начал задыхаться, на этот раз мысленно. — Труп застыл и стало твердым, как ствол дерева, и я едва не получил грыжу, когда поднимал его.

— Противный кусок сала, а? — с искренней симпатией спросил Небесный Мастер.

— Не слишком много риса миновало его рот, — дипломатично сказал я. — Мастер Ли поддержал тело, и мы смогли проверить спину.

— И?

— Глубокоуважаемый господин, все было именно так, как вы описали! — с восхищением сказал я. — Входное отверстие от огненного шара оказалось очень маленьким и прикрытым полами одежды, но Мастер Ли прорезал одежду и кожу, и нашел огромное выходное отверстие с другой стороны. А внутри все сгорело дотла!

Святой допил свой чай, аккуратно поставил кружку на стол, откинулся назад и потер глаза. — Как странно, — сказал он. — Као, я только что придумал, что могло вызвать у меня галлюцинации о старике и огненном шаре, а сейчас появляешься ты и заявляешь, что все это произошло на самом деле.

Он наклонился вперед, глядя на Мастера Ли ясным и пронзительным взглядом. — Я собираюсь показать тебе то, что может стимулировать старческое воображение, но сначала расскажи мне кое-что другое. Ты сказал, что Мао Оу-Си умер очень зрелищно. Не было ли там монстра?

— Да, был.

— Расскажи поподробнее.

Мастер Ли рассказал о том, что мы видели, коротко и четко, и я увидел в глазах святого удивление и напряженную работу мысли.

— Ну, Као, я с самого начала говорил, что это твой случай, но я даже не догадывался, насколько был прав, — сказал Небесный Мастер. — Но прежде, чем я расскажу то, что знаю, нет ли у тебя еще чего-нибудь в запасе?

— Да, есть, — сказал Мастер Ли, вынул из под одежды ту самую клетку и поставил на стол.

— Замечательная вещь, и выглядит очень похожей на ту, которую нес Ма, но она ли это? — спросил Небесный Мастер.

— Черт побери! Я надеялся, что ты что-нибудь расскажешь о ней, когда увидишь ее вблизи, — проворчал Мастер Ли. — Это та самая клетка, которую ты видел, и мы нашли ее именно там, где ты сказал. Но еще более интересно то, что у Ма Туань Линя был чернильный отпечаток этой штуки, сделанный с очень старого камня. На обратной стороне он написал, что добыл уже восемь таких. Предполагаемый вывод — он отдал клетки своим партнерам по какому-то предприятию, вот почему я вышел на след Мао Оу-Си и отправился к нему в дом. Одновременно с убийством клетку похитили, и вором оказался другой монстр. Мне показалось, что это человек, похожий на обезьяну, вроде той, которой так гордится императорский бестиарий: серебряно-серый лоб, алый нос, блестящие голубые щеки и желтый подбородок. У него были глубокие печальные глаза и в высшей степени умный взгляд.

Небесный Мастер кивнул. — Мандрил, за исключением взгляда. Почему ты говоришь «человек, похожий на обезьяну»?

Мастер Ли пожал плечами. — Насколько я смог заметить, тело было среднего размера, но очень сильное и мощное, тело человека-акробата, а глаза — в глазах бился совершенно человеческий ум.

Святой опять кивнул. — Никогда не видал такой твари. Ты сказал, что он умчался с клеткой Мао? Еще один журавль?

— Нет, просто прыгнул из окна в сад прежде, чем мы успели пошевелиться. Кстати о монстрах. Тот вурдалак, который оторвал голову у Ма Туань Линя, мертв, быть может ты еще не слышал об этом, и у меня нет ни малейшей мысли о том, как он связан со всем этим делом. Я пытаюсь разыскать владельцев других клеток, и пока я не пойму, для чего они монстрам, я, можно сказать, в тупике.

Мастер Ли откинулся назад, а Небесный Мастер наклонился вперед и вынул несколько листков бумаги из лакированной шкатулки, лежащей на столе. — Я не могу сказать тебе, в чем ценность клеток, но у меня есть кое-что интересное об этих монстрах, — сказал он. — Когда я бы молодым студентом — задолго до того, как ты родился, как бы это невероятно не звучало — я прошел через обычный период восхищения древним шаманизмом. Я имею в виду шаманизм тех аборигенов, которые когда-то жили в Китае, чьи вера и ритуалы до некоторой степени развились в те, которые мы практикуем сейчас, и я обнаружил повторяющиеся, хотя и раздражающе неконкретные ссылки на небольшую группу шаманов, которые, кажется, были самыми великими из них всех: Сверхшаманы, надменные и загадочные, к которым обращались только в крайнем случае. Као, мне не удалось доказать этого, но лично я убежден, что загадочные фигуры в капюшонах, нарисованные на стенах Юй — это они.

— Ты убежден? — похоже Мастер Ли всерьез заинтересовался. — Какие-нибудь особые причины?

— Одна особая, одна нет. Не особая — то, что о них рассказывали с огромным уважением, говорили, что они всегда молчат, всегда совершают загадочные ритуалы с мистическими предметами, и все их действия за пределами понимания Человека. Кроме того — общая атмосфера Юй, и, насколько я могу судить, эти шаманы и Юй датируются приметно одним и тем же временем. Особая причина — их было ровно восемь, как и фигур на стенах Юй, и их называли Ба Нен Чжи Ши.

— Восемь Умелых Мужчин, — задумчиво повторил Мастер Ли. — Звучит так, как если бы они занимались не только магией, но и алхимией, механикой или даже астрономией.

Небесный Мастер пожал плечами. — Я так и не нашел, чем они в точности занимались, и я очень сомневаюсь, что кто-нибудь это знал. Вот, однако, сверхинтересный отрывок, который в свое время я посчитал примитивным мифом, хотя и достаточно странным.

Святой взял один из листков бумаги и тряхнул головой, с удивлением глядя на него.

— Как же это было давно, — тихо сказал он. — Все это полностью исчезло из моей памяти, а потом, внезапно, после того, как ты отправился на Остров Гортензий, я вспомнил, и как хорошо, что у меня сохранились эти бумаги. Давно, очень давно, о Восьми Умелых Мужчинах было сказано, что они заручились помощью восьми низших демонов, братьев, хотя физически непохожих друг на друга. Никто не знает, что шаманы хотели от них, но осталось краткое описание каждого из этих демонов. Прочитай, и ты поймешь, почему я хотел показать тебе эти листки и почему посчитал их источником своих галлюцинаций.

Лист бумаги скользнул по столу. Старый и слегка выцветший, но, тем не менее, достаточно хорошо сохранившийся. Я взглянул и затаил дыхание. Много лет назад юный ученый, которого впоследствии назвали Небесный Мастер, нарисовал на нем маленького старика с огненным шаром в руке, а ниже написал, «Третий демон-божество: Би-фан убивает чем-то, похожим на крошечную комету».

Мастер Ли присвистнул.

— Побереги свои свистки, — усмехнулся Небесный Мастер и по столу заскользил еще один лист. На этот раз негромко свистнул именно я, и покраснел как рак, когда Небесный Мастер подмигнул мне.

Мы смотрели на одноногое создание, которое играло на чем-то вроде каменных колокольчиков, а надпись под рисунком гласила, «Пятый демон-божество, Кегуй, Мастер Танца. Убивает, заставляя своих жертв плясать до смерти».

Глаза Мастера Ли засверкали. Он схватил чернила, камень, кисть и несколько листов бумаги и начал работать, быстро копируя рисунки и надписи под ними. Каждый из восьми демонов выглядел очень странно, и, похоже, они могли убивать только одним способом, и не больше одного человека за раз, не то,

что наши современные арбалеты и взрывающие заряды с Огненным Зельем — но, согласен, эта ограниченность и странность делает насильственную смерть еще более реальной и ужасной, как руки, сомкнувшиеся на горле кажутся ужаснее случайной стрелы, прилетевшей в разгар битвы.

— Тогда я написал, что их было восемь и они были братьями, но позже мне на глаза попалось упоминание какого-то анонимного комментатора о том, что был девятый, ребенок, мальчик, — сказал Небесный Мастер.

— Быть может с лицом раскрашенной обезьяны? — спросил Мастер Ли.

Небесный Мастер усмехнулся. — Мимо, Као. Я сказал, что речь идет о мальчике и я имел в виду мальчика. Он был человек, значит один из его родителей был смертный, а второй — божеством, и говорили, что он сверхъестественно красив. — Святой пожал плечами. — Вот почему я никогда не пытался что-то узнать о девятом. Тысячи сказок — и ничего конкретного.

— Если не миллион, — прошептал Мастер Ли.

Я посмотрел на рисунок, который он перерисовывал. Четвертый демон — огромная змея, и очень странная. Часть ее было просто ожившим кошмаром: две человеческие головы с клыками, огромное тело удава — но на головы он надевал самые обыкновенные маленькие шляпы, на тело — маленький кафтан, и в целом выглядел растерянным и одиноким, и под рисунком Небесный Мастер написал, «Змей Вэй, известный величием души и непреходящей печалью. Он не выносит шума, и когда слышит грохот кареты, поднимает головы и шипит».

Вероятно Небесный Мастер заметил выражение моего лица. — Да, Бык, я знаю. Во всех этих созданиях есть что-то печальное, не только ужасное. Нам они кажутся очень древними, но они должны быть чуть ли не последними из тех, о которых узнали аборигены, а боги умирающей расы — или младшие демоны вроде этих — часто вызывают сострадание у победителей. Ты должен как-нибудь поспрашивать об этом у Мастера Ли.

Мастер Ли закончил. Он аккуратно сложил листы бумаги и положил их в пояс. Потом вернул на место клетку.

— Я рассказал тебе все, что знал. У тебя есть еще что-нибудь? — спросил он.

— Нет, если я ничего не забыл, — ответил Небесный Мастер. — Что ты собираешься делать?

— Бык и я просто обязаны нанести визит Восьми Умелым Мужчинам, — задумчиво сказал Мастер Ли. — Значит придется вернуться на Остров Гортензий и показать Быку Юй. А потом — у меня есть одна забавная мысль и я хочу ее проверить. Я сообщу тебе, когда у меня будет о чем рассказать.

Разговор утомил Небесного Мастера, он только слабо подмигнул и махнул рукой, когда мы кланялись и уходили, но я давно не видел Мастера Ли таким энергичным и бодрым.

— Ха! — воскликнул он, когда мы вышли на солнце. — Какое великолепное развитие дела! Я беру обратно все, что сказал о белом ките, превратившемся в пескаря. Ты помнишь, что я предсказывал в самом начале?

Я напряг память. — «Его фонтан устремляется к звездам, при его приближении камни на берегах островов просыпаются в ужасе, он плывет к нам через священные моря с ужасающей неизбежностью айсберга».

— Немного слишком литературно, но в целом не плохо, — сказал Мастер Ли.

## ПЯТАЯ ГЛАВА

Добравший до хижины Мастера Ли в Мушином переулке, я переоделся поудобнее, спрятал старую клетку под матрасы, подогрел немного риса, выскочил наружу и нашел продавца острого рыбного соуса — тот самый сорт, который мы оба обожали. Мы не спали уже тридцать часов, но возбуждение все равно не дало бы нам заснуть, и спустя полчаса я уже опять сидел за веслами и греб к Острову Гортензий.

Я никогда не видел Юй. Остров — территория мандаринов, раньше я там не был, и, прежде чем описать Юй, я должен кое-что объяснить.

История Китая насчитывает намного больше наводнений, чем знают ученые, и пару тысяч лет назад одно из них накрыло Пекинскую равнину слоем в тридцать чи грязи и ила. Город, который впоследствии стал Пекином, строился постепенно, на фундаменте из застывшей крепчайшей коры, и геоманты решили, что в процессе постройки слишком много внимания уделялось мужскому янь и слишком мало женскому инь, и это необходимо исправить. Самый быстрый путь усилить инь — вода, так что с большими усилиями были вырыты Северное, Центральное и Южное Озера, к которым подвели каналы из рек Хунь и Ша. (На самом деле пекинцы называют их «морями», но, чтобы избежать недоразумения, я всегда буду использовать слово «озеро»). Выкопанную землю собрали вместе и получился огромный Угольный Холм, самая дорогая в мире куча грязи, а когда копали Северное Озеро, рабочие наткнулись на огромную массу невероятно твердого камня, которую решили не трогать. Пустили воду, постепенно камень покрылся слоями плодородной земли и на нем посадили привезенные из Побережья Каннибалов (Япония) кусты с прекрасными розово-голубыми цветами. Так родился Остров Гортензий.

Однажды вода поднялась больше чем обычно, и произошло нечто сверхъестественное: из недр Северного Озера послышался очень громкий и странный звук, навязчиво прекрасный, но без всякой темы или мелодии. Он был бы похож на звук огромного рога, если бы не глухой замогильный полутон, и он метался между хуанг-чанг и инь-чанг, самая низшая и самая высшая ноты темперированной хроматической гаммы. Мистический звук длился около минуты. Потом

прекратился, и появился вновь ровно через шесть месяцев, и ученые объявили, что, судя по всему, звук знаменует собой точный момент летнего и зимнего солнцестояний.

После феномена в скале, выступающей над краем воды на юго-восточной части Острова Гортензий и обращенной к городу, появилась пещера. Самая обыкновенная пещера, примечательная только древними рисунками на стенах и скульптурами, но один блестящий студент-музыкант заявил что, раскопав остров, рабочие одновременно раскопали и пещеру, которая на самом деле является музыкальным инструментом, играющим во время солнцестояния, сделанным в свое время аборигенами, хотя и непонятно зачем. Дыра в полу пещеры ведет через сотни чи твердого камня вниз, в недостижимые недра пещеры, и является, как предположил студент, чем-то вроде виндлады органа. Когда вода достигает определенного уровня, а температура и влажность — возможно и интенсивность солнечного света — в порядке, давление затаскивает вниз огромную массу воздуха. Воздух проносится со свистом через лабиринт узких каменных туннелей, которые на первый взгляд кажутся естественными, хотя на них есть следы топора и зубила, и выходит через крышу пещеры.

— Короче говоря туннели в озере — рты, которыми инструмент вдыхает воздух, нижняя пещера — виндлада, верхние дыры — трубы. Это орган, но такой орган, который играет скорее на вздохе, чем на выдохе, — сказал студент, но никто не обратил на него ни малейшего внимания, и он ушел, построил миниатюрную модель и стал играть на ней с таким успехом, что накопил на небольшое княжество. (Его орган называется шенг[60], и с того времени он стал обычным музыкальным инструментом китайского оркестра. Играть на нем не так-то легко, потому что звук рождается на вздохе, и это породило совершенно лживую легенду о том, что великие мастера шенга не доживают до сорока лет. Зато музыканты срывают бешенные аплодисменты, а прекрасные девушки закидывают их букетами цветов и сами бросаются к ним в объятья, стоит им только закашляться во время выступления и вытереть губы платком, смоченным кроваво-красным соком. Чаще всего остальные члены оркестра при этом отбрасывают прочь свои инструменты и накидываются на бастарда с кулаками, ногами и даже зубами).

Пещеру стали называть Юй, сначала среди народа, а потом и официально, потому что Юй — легендарный император, про которого говорили, что он

60 Кхен (шен, шенг) – древний лаосский (китайский, бирманский) народный духовой язычковый музыкальный инструмент (рис. М), тростниковый органчик.

Состоит из 16 стеблей тростника, в которых вырезаны две группы язычков, из которых одни звучат при вдохе, а другие – при выдохе. Строй пентатонический (пять нот), характерный для восточной музыки. Кхен считается одним из предков церковного органа. Говорят, что первый кхен привез в Европу из Китая итальянский путешественник Марко Поло. Регион обитания кхена – Бирма, Тибет, Лаос, Китай.

изобрел все музыкальные инструменты, которые не придумал Фу-си[61]. Огромный орган с невероятной точностью продолжал играть каждый солнцеворот, но с тех пор больше никто больше не интересовался причиной феномена и он стал частью странной атмосферы Пекина, вроде кисло-сладких колодцев, красно-кирпичной пыли и диалекта мандаринов, и вот так обстояли дела, когда я привязал лодку под тенью утеса, в котором находилась знаменитая пещера, и этот утес возвышался перед нами как гигантская рука, торчащая из воды. Мастер Ли стал подниматься ко входу в пещеру по извилистой тропинке, бежавшей через густой кустарник. Внезапно он остановился и отвел рукой камыши. Я громко вскрикнул и отпрыгнул назад.

— Поразительно, а? — спросил он.

— Я думаю, что это слишком слабое слово, — ответил я, когда сумел отдышаться.

Это было самая обыкновенная древняя статуя, но когда свет ударил в ее, она ожила, во всяком случае так мне показалось. На меня шипела пригнувшаяся к земле тварь, наполовину человек, наполовину ящер, изо рта торчали неровные заостренные зубы и сломанный каменный язык. Искаженное яростью лицо извергало из себя невообразимую ненависть, вроде как я извергал из себя запах рыбного соуса. Пока мы лезли наверх, старик показал мне еще с десяток таких же статуй, и самая человеческая из них была невероятно противной.

— Самое странное, Бык, что есть любители, которые находят их невообразимо прекрасными, — сказал Мастер Ли. — Невозможно определить, что думали те, кто высек их, но, похоже, здесь не подходят любые эпитеты. Это статуи младших демонов-богов, и если мы и Небесный Мастер не наелись чудовищной силы галлюциногенных грибов, мы сами видели этих тварей, которые, к тому же, могут оказаться родственниками.

Я подумал об одноногом любителе каменных колокольчиков, о воре с лицом обезьяны и маленьком старичке Небесного Мастера, не говоря уже об низ-

61 Фу Си считался владыкой Востока и представлялся существом с телом змеи или дракона, но с человеческой головой.

Его временем года была весна, помощником был дух дерева Гоуман, державший в руках циркуль, который Фу Си изобрёл. Цветом Фу Си был зелёный.

Рождение Фу Си было чудесным. Его мать забеременела, ступив ногой в след духа грома, великана Лэй Шэня, по дороге к берегу озера Лэйцзэ.

Согласно китайской традиции, люди обязаны Фу Си умением ловить рыбу и приготовлять на огне пищу. Фу Си первым сплёл из верёвки рыболовные сети. Фу Си считается также изобретателем китайской иероглифической письменности, создавшим первые 8 триграмм, ставших основой для письма и китайской учёности. Эти письменные знаки Фу Си начертал, увидев схожие рисунки и узоры на спине крылатого дракона, выплывшего из реки Хуанхэ. Фу Си изобрёл музыку и измерительные инструменты, научил людей приручать диких зверей и заниматься шелководством.

Супругой Фу Си была его сестра, богиня Нюйва. Согласно принятой конфуцианской модели летоисчисления, Фу Си правил с 2852 по 2737 год до н. э. Он правил 115 лет.

ших монстрах, вроде вурдалака. — Господин, неужели такое создание можно назвать прекрасным? — удивился я.

— Прекрасным и ужасным, — ответил он. — Когда-то, очень давно, наши далекие предки пробирались по этой равнине, уничтожая обитателей и их культуру, захватывая и перерабатывая для себя все, что их интересовало. Теологи объяснят тебе, что одновременно шло вторжение и на Небеса, старых богов оттуда безжалостно сбросили и новые заняли их место, но наиболее могущественным и опасным из старых божеств дали титулы, божественность, честь и включили в пантеон.

У меня самого не хватало знаний и опыта, чтобы испытать те самые чувства, которые заставили Мастера Ли выглядеть на сорок лет моложе, но кое-что из его возбуждения передалось и мне.

— Бык, здесь, на Острове Гортензий, и еще в нескольких местах, разбросанных по всему Китаю, последние великие мастера умирающей расы в последний раз взяли в руки инструменты. Можно предположить, что они голодали, потому что голод был главным оружием наших предков, — печально сказал Мастер Ли. — Можно предположить, что они уже были наполовину сумасшедшими, потому что только в таком состоянии они могли оказать честь своим богам, высекая их смерть. Ты глядишь на беспрецедентный психологический автопортрет истощенной расы, балансирующей на грани вымирания, но разве ты не видел чудо, и буквально только что? Некоторые из этих старых богов выжили! И сейчас, мой мальчик, они зашевелились! Они пробудились от долгой спячки, зевнули и потянулись, а мы с тобой оказались в центре всего этого дела. Черт побери, я чувствую себя как мальчишка, который вечно жаловался на то, что родился слишком поздно и век гигантов прошел, а в один прекрасный день слышит свист камней, летящих по небу, землетрясение разрушает его дом и он обнаруживает, что вся долина, в которой находится его деревня, трясется оттого, что из под земли появилось что-то, напоминающее гигантский пупок.

Действительно, в каменных идолах ощущалась сила, смешанная с нечеловеческой болью — и все-таки эти статуи далеко выходили за границы моего консервативного крестьянского вкуса. Я кивнул на дыру в кустах.

— Достопочтенный господин, посмотрите на это, — сказал я.

Над листьями слегка приподнималась отвратительная голова. Как если бы скульптор приготовил чистую глину и собирался изобразить мужское лицо, а потом передумал и истыкал пальцами ровную поверхность, или вообще постучал по ней кулаками.

— Ну разве такое возможно, чтобы художники изобразили столько злых тварей наряду с богами? — спросил я. — Убейте меня, но я не понимаю, как кто-нибудь может находить такое прекрасным.

Отвратительная голова уставилась на меня. Потом рот открылся и звучный баритон спокойно произнес, — Так знай же, юноша, что тысячи прекрасных женщин восхищались этим лицом.

— Ик, — икнул я или что-нибудь в этом роде, когда отпрыгнул назад, в переплетение розовых кустов.

— Ха! — воскликнул Мастер Ли, который, наоборот, очень обрадовался.

Я не сошел с ума только потому, что заметил улыбку в уголках глаз гротескного лица, кусты раздались и крепко-сложенный человек среднего возраста вышел на тропинку. Он сделал в высшей степени изысканный жест, выглядевший как преувеличенное пожатие плечами, и добавил, — Конечно, это было до того, как Бог Красоты позавидовал мне, так что я прощаю тебе твою наглость.

Тогда я в первый раз увидел его теплую сияющую улыбку, которую так часто видел потом, похожую на встающее солнце, и он поклонился нам намного изысканнее, чем любая оперная звезда. — Этого недостойного зовут Янь Ши, его пустяковое занятие — манипулировать куклами на сцене, и он имеет честь приветствовать легендарного Мастера Ли, самого великого из искателей истины в Поднебесной.

Он повернулся ко мне.

— Ты должен быть Десятым Быком, и, я надеюсь, обычно ты выглядишь не так нелепо, как сейчас. — Необыкновенный человек подмигнул мне, прощая раз и навсегда. — Однажды я сказал своей дочке, что, когда умру, она может сэкономить деньги на похороны и поместить мое тело среди статуй, потому что никто не заметит разницы.

Да, ревность Бога Красоты страшное дело. То, что я принял за вырезанную неведомым мастером картину страданий, оказалось последствиями оспы, и редко когда я видел настолько разрушенное человеческое лицо. Чудо, что ему удалось сохранить глаза и не бросить профессию — кто же не слышал о Янь Ши, величайшем из кукольников?

Мастер Ли поклонился, не так грациозно, но тоже достаточно изящно. — Наше знакомство — большая честь для меня, ведь недаром говорят, что Янь Ши — Бог кукольников, который временно отлучился с Неба, а его дочь вызывает зависть у всех девушек Китая. — На этом Мастер Ли остановился, сбросил с себя маску придворного и заговорил нормальным языком. — Я несколько раз видел ваши представления. Еще немного — и вас могут обвинить в колдовстве. Что касается вашей дочери, я слышал, что ее и так все считают первоклассной ведьмой.

Мастер Ли повернулся ко мне. — Но она не ведьма, — с улыбкой сказал он. — Она женщина-шаман, шаманка, специализируется на древний ритуалах, и ничего плохого о ней сказать невозможно, только хорошее. — Он повернулся обратно к кукольнику. — Бык никогда не видел Юй, — добавил он вскользь, — и я взял его с собой на экскурсию.

Тонкий способ выудить информацию, не спрашивая прямо. Янь Ши мог быть сколько угодно знаменит и уважаем, но социальное положение кукольников — у самого дна. У него не было ни малейшего права быть на Острове Гортензий, месте аристократов, — даже меньше, чем у меня, если бы я приехал сюда один — но, с другой стороны, он не обязан давать нам отчет. Тем не менее кукольник решил объяснить, что он тут делает.

— Я часто приезжаю сюда перед жертвоприношением, чтобы кое-что украсть, — спокойно сказал он. — Время от времени я пытаюсь это купить, но мне всегда отказывают, и сегодня вы окажите мне честь, став свидетелями моего преступления.

— Честь будет наша общая, — ловко вывернулся Мастер Ли.

Теперь вверх карабкались уже трое. Мастер Ли с удовольствием разрешил Янь Ши идти впереди, и кукольник, великолепно знавший дорогу, ловко проскользнул через камыши и привел нас ко входу в каменный туннель, в самом начале которого стоял бочонок с факелами. Янь Ши и я взяли по одному и зажгли их, а потом все вместе отправились по туннелю к сердцу знаменитого Юй.

Я даже не знаю, чего ожидал. Зато точно знаю, что разочаровался. Смотреть было не на что. Каменная пещера, пол сглажен водой, в центре маленькая дыра, и еще лабиринт маленьких туннелей, ведущих через крышу куда-то наверх. Даже древний алтарь оказался обыкновенным камнем, почерневшим от костров, которые здесь разжигали тысячи лет назад, и как мне показалось, современные предметы были намного интереснее древних.

Современность представляла куча деревянных ящиков, в которых лежал материал для жертвоприношения — оно должно было состояться ровно через луну. По традиции такие ритуалы всегда проходили в пещере Юй. Янь Ши подошел к одному из ящиков, поднял крышку и довольно усмехнулся.

— Какой вор сможет выдержать искушение? — спросил он.

Я подошел и взглянул. — Глина?

— Совершенно особая глина, — ответил он. — Ее привозят с берегов реки около Кантона, смешивают с душистыми благовониями и лепят фигурки священных животных. Много раз я безуспешно пытался купить ее, потому что только из этой глины можно сделать совершенные модели кукол.

Я с восхищением смотрел, как его пальцы быстро слепили из глины круглый шар. Появилось чудесное улыбающееся лицо, движение пальцев, и веселая женщина превратилось в печальную плачущую старуху.

— Мне не надо много, но это совершенно удивительный материал, и несколько раз в году я должен воровать его, — сказал Янь Ши, пожимая плечами, аккуратно завернул хороший кусок глины в клеенку и подвесил на пояс под одежду.

— Надо подумать, быть может я сумею добиться для вас разрешения, — сказал Мастер Ли. Потом он поменял тему. — Давайте покажем Быку картины на стенах. Один наш друг выдвинул интересную теорию о тех, кого они изображают, хотя у него и нет никаких идей о том, чем они занимаются.

Опять Янь Ши пошел впереди со своим факелом, и, откровенно говоря, я опять был разочарован. Знаменитые фрески находились в длинном боковом туннеле, кончавшимся маленькой дырой, выходящей на озеро, и вначале я не увидел ничего. И только тогда, когда Мастер Ли приказал мне поднести факел поближе к стене, они появились из темноты.

Восемь фигур в капюшонах, изображенных очень схематически, по-видимому выполняли какой-то ритуал. За много лет вода почти отполировала камень, и не было видно никаких деталей. Каждый из шаманов — если это были они — быть может что-то нес, но от их ноши не осталось и следа. Насколько я понял, они засеивали поле, празднуя свадьбу, и несколько символов над их головами, которые Мастер Ли обозвал птицами, не значили ничего.

— Как жаль, что фрески так сильно попорчены, — с сожалением заметил Мастер Ли. — Насколько я знаю, другие изображения этих восьми не появились на свет.

В этот момент я сообразил, что Янь Ши стоит очень тихо и внимательно глядит на Мастера Ли. Насколько я понял, он взвешивал в уме разные факторы, а потом решился.

— Я не сказал вам всю правду. Я хочу еще кое-что украсть, и думаю, что вам будет интересно на это поглядеть, — сказал он.

Вместе с кукольником мы вышли на солнце. Он повернул налево и начал подниматься по извилистой тропке, которая вела на верхушку утеса, где находились астрономические инструменты, которые использовали для того, что подтвердить предсказания затмения, внесенные в годовой императорский календарь.

— Невероятное расточительство, — сказал Янь Ши, указывая на огромную металлическую станину, на которой стояли все инструменты. Металл тускло отсвечивал на солнце. — Это великолепная бронза, смешанная с Сухожилием Дракона, то есть сплавом, в который входит немного меди, в два раза больше сурьмы и много олова. Все вместе стоит целое состояние, и мне нужно достаточно много, чтобы сделать почти невидимую проволоку для моих кукол. К счастью того, что здесь есть, мне хватит на несколько столетий.

Рядом с металлической платформой лежал большой плоский камень, и когда Янь Ши поднял его, открылась большая дыра, в которую он и скользнул вместе со своим факелом. Через некоторое время он вернулся, оставив внутри факел, который осветил маленькую пещеру.

— Там хватит места только для одного, но, надеюсь, вы найдете мои копи Сухожилия Дракона достаточно интересными, — загадочно сказал он.

Мастер Ли немедленно спустился вниз, а потом его голос громко и счастливо воскликнул. — Янь Ши, все что у меня есть — ваше!

Несколькими минутами позже я поднял его оттуда и спустился сам. Ярко горел воткнутый в щель факел, и я сразу увидел «копи» кукольника. Рабочие не жалели Сухожилия Дракона и внутри оказалось целое застывшее озеро драгоценного для кукольника металла, я пошел вдоль слабо отсвечивающей кромки и вышел на каменную полку. — Что б я родился Каменной Обезьяной! — воскликнул я, и услышал довольный смех Мастера Ли.

Янь Ши привел нас не только в свои личные копи, но и в свою личную картинную галерею. «Восемь! Я нашел все восемь!» написал Ма Туань Линь незадолго до того, как монстр прожег ему дыру в спине, и вот они, все восемь фигур в капюшонах, вырезанные на камне три тысячи лет назад, и ни одна деталь не смазана. Они несли восемь птичьих клеток, точно таких же, как и та, что лежала под матрасом Мастера Ли.

## ШЕСТАЯ ГЛАВА

Спустя несколько минут мы все сидели на бронзовой платформе рядом с астрономическими инструментами и цедили вино — то есть Мастер Ли и Янь Ши пили из фляжки Мастера Ли, а я пил сливовый сок с виноградом из моей собственной фляжки.

По всей видимости внутренности кукольника были сделаны из меди. Алкоголь на него вообще не действовал, и он весело болтал с Мастером Ли, который был в приподнятом настроении.

— Янь Ши, мой друг, вы вряд ли оповещаете кого-нибудь, когда появляетесь на острове, — сказал Мастер Ли. — Позавчера, в двойной час овцы, не были ли вы на острове, случайно?

— Нет, в это время я спал в своей кровати, — ответил Янь Ши.

Мастер Ли махнул рукой в направлении павильона Ма Туань Линя. — Там произошло нечто очень странное. Быть может вы слышали о вурдалаке, из-за которого Рука Дьявола не сумел установить рекорд? А несколькими часами раньше, примерно в двойной час овцы, этот чжи-мэй был там, около одного из павильонов.

Кукольник посмотрел туда, куда указал Мастер Ли, потом поднял глаза к воде Северного Озера, бившуюся о берег за павильоном, его глаза продолжали подниматься, и он посмотрел на противоположный берег, Пекин и Овощной рынок, где чжи-мэй упал и умер. Из-за ужасных ямок от оспы лицо кукольника не могло выражать обычных человеческих чувств, но его правая бровь красноречиво поднялась на лоб.

— Но как...

— А, вы понимаете. Я был уверен, что поймете, — счастливо сказал Мастер Ли и повернулся ко мне. — Бык, это и есть самая важная причина, по которой мы вернулись на остров. Мы абсолютно уверены, что вурдалак был около павильона Ма Туань Линя за несколько часов до того, как заполз в могилу на Угольном Холме. Итак, каким образом он добрался до кладбища?

— Ну, я думаю, что —

Я остановился, в голове бродила наполовину оформившаяся мысль. Северное озеро лежит между павильоном и Угольным Холмом, а чжи-мэй, может ли он плавать? Мысль о том, что такой монстр может сесть в лодку и равномерно грести веслами, держа оторванную голову между коленями, была чересчур нелепой, и мне показалось, что я слышу голос Тетушки Хуа, рассуждающей о таких чудовищах: «Бык, если солнце за облаками или дело происходит ночью, беги к воде! Живые мертвецы боятся даже подходить к ней, и лезут в нее только в самом крайнем случае».

Мастер Ли разделил остатки вина с кукольником и швырнул фляжку из шкуры козла в воду.

— Я думаю, что у вас где-то здесь есть кирка и лопата, — сказал он кукольнику. — Мне так понравилось ваше общество, что мне не хочется расставаться, и, если вы не против, то могли бы помочь нам найти следы этого вампира.

У Янь Ши были очень выразительные глаза, а тут они просто засверкали. — Восхитительно! Рассказом об этом приключении я буду кормиться по меньшей мере месяц, — воскликнул он.

Мастер Ли прыгнул ко мне на спину, и мы трое помчались к павильону, задержавшись на мгновение около какой-то канавы, в которой Янь Ши прятал кирку и лопату. Вскоре мы уже стояли на том самом месте, где мухи все еще роились около травы, запятнанной кровью. Я думал, что Мастер Ли собирается разогнать их и поискать отпечатки лап чудовища, но у мудреца на уме было кое-что другое, и он указал нам на огромную кучу земли, из которой по всей видимости вылез монстр.

— Говорят, что эта куча осталась от неосуществившегося проекта, — сказал он. — Но стройки на Острове Гортензий крайне редки, и я не слышал ничего о них, во всяком случае в последнее время. Давайте проверим, нет ли там дыры в земле.

Мы начали искать вокруг кучи, прорубаясь через тростник. Потом увеличили круг, потом еще и еще, но так и не нашли дыры, из которой могли бы взять землю. Оставалась возможность, что рабочие вообще не умели копать и земля завалила вырытую ими дыру, так что мы вырыли несколько ям в верхушке кучи, но каждый раз кирка ударялась о твердый камень.

В конце концов я не выдержал. — Достопочтенный господин, эта земля явно не отсюда, — сказал я. — Ее сюда привезли из другого места.

— Именно этого я и ожидал, — самодовольно сказал Мастер Ли, — и сто против одного, что это «другое место» — находится на Угольном Холме прямо напротив озера: вурдалаки никогда не уходят далеко от своих могил. Этот либо упал в кучу земли около кладбища, либо спал в ней, и его случайно привезли сюда, а потом инстинкт привел его назад, к «дому». Уж если почти безмозглый чжи-мэй сумел найти дорогу, мы тоже сможем.

Нам не потребовалось много времени, потому что мы точно знали, что искать. Янь Ши ударил своей киркой по маленькому утесу, нависавшему над берегом и заросшему тростниками, и едва не отхватил себе левую ногу, когда кирка просвистела через пустоту. Мы раздвинули тростник и обнаружили большую темную дыру со следами огромных, заляпанных грязью ног. Я сбегал обратно в Юй и вернулся с факелами, а потом мы пошли через туннель, который вел на восток, к Императорскому Городу и Угольному Холму.

Сначала туннель уходил резко вниз, потом выровнялся, я поднял свой факел повыше и пристально изучил каменный потолок. Да, можно успокоиться, этот туннель вырыли не в наше время. Очень старый, возможно даже старше Юй, на потолке черные пятна, бежавшие по нему как гигантские пауки. И медленное угрожающее шлеп-шлеп-шлеп падавших с потолка капель. Мы шли под озером, и я выбросил из головы всякие глупости, вроде камнепада. В туннеле раздавался только звук наших шагов и назойливое «шлеп-шлеп-шлеп».

— Стой, — прошептал Мастер Ли.

Он повернулся к стене и махнул факелом в сторону алькова, открывшегося на севере. Тридцать чи в длину и десять в глубь, пол завален обломками камней. Больше всего он походил на гигантский шрам в каменной стене, к тому же сделанный совсем недавно, и Мастер Ли нашел следы древнего резца на разбитых фрагментах камня.

— Как если бы кто-то нашел древний фриз и разбил его на куски раньше, чем другие могли бы его увидеть, — заметил он. — Бык, ты помнишь оттиск, который мы нашли в павильоне Ма? Я уверен, что его сделали с разбитого фриза. Кроме того землю провезли через этот туннель и вывалили прямо во дворе павильона, и я очень сомневаюсь, что Ма ничего об этот не знал.

Больше смотреть было не на что, и мы пошли дальше. И чем дальше мы шли, тем больше я нервничал. Насколько я знал, вся семейка чжи-мэя должна была быть здесь, внизу, и свет факелов объявлял о приближающемся обеде. Я сжал кирку в руке, собираясь драться ей, как боевым топором, но ничего не произошло. Туннель стал подниматься и далеко впереди мы увидели огоньки. Вскоре мы оказались у подножия лестницы, которая привела на каменную площадку. Мы осторожно подошли к большой двойной двери, из щели между створ-

ками которой лился ровный желтый свет. Мастер Ли знаками показал потушить факелы.

— Я думаю, что мы вышли на уровень поверхности, — прошептал он. — Мы где-то внутри Угольного Холма, и это объясняет, откуда взялась земля на острове. Эту пещеру тайно вырыли совсем недавно под дворцами самых богатых мандаринов, а вырытую землю увезли на остров, где она не вызывала никаких подозрений.

Мы тихо скользнули в большую комнату, забитую уходящими под потолок колоннами из запечатанных ящиков, поставленных друг на друга. Прямо напротив нас находилась еще одна пара дверей, и свет в комнату проникал через щели в дверях, и я с удивлением понял, что он естественный. Это был свет солнца, и когда мы приложили глаза к самой большой щели, то увидели внизу воду.

— Ха! — воскликнул Мастер Ли. — Так и есть! Это самая обыкновенная контрабанда, и в ней замешаны мандарины очень высокого ранга. Это канал у подножия Угольного Холма. Барки проходят проверку груза у Та Гао Дянь, скорее всего ночью, и начинают медленно дрейфовать к Таможенной Площадке у Шоу Хуан Дянь. Когда они медленно подплывают к этим дверей, хорошо обученные рабочие уже наготове: двери открываются, один груз заменяется другим, причем судно без остановки оказывается на Таможенной Площадке, а там разрешения на вывоз ставится автоматически, потому что груз только что проверили, и конечно невозможно заменить его посреди канала.

Он остановился и добавил. — Они получают двойную выгоду: платят пренебрежимо маленькую пошлину за очень ценный груз, и заменяют дешевые товары на дорогие и запрещенные, то есть запрещенные к вывозу. Если эти товары предназначаются для богатых варваров, можно очень быстро сделать невероятное состояние.

Он отвернулся от дверей и на цыпочках подошел к еще одной двери, на этот раз одиночной. Подойдя поближе мы услышали голоса, Мастер Ли осторожно толкнул, и дверь приоткрылась. За ней оказалась алхимическая лаборатория, на рабочих столах стояло множество пробирок и кувшинов, а также горелки, ступки и совершенно загадочные инструменты. Смутно виднелись силуэты пяти человек.

Один был явно самым старшим, хотя и говорил негромким мягким голосом. Одежда из дорогого шелка и отделанного золотом атласа, на каждом пальце по кольцу, ожерелья и драгоценности — только на все это можно было заплатить выкуп за пару королей. А еще он был невообразимо толст и двигался со странной грацией танцора, которой обладают некоторые жирные люди — наполовину обязанной воображению зрителя, который невольно ожидает, что такой человек будет переваливаться с ноги на ногу. Следующие три человека резко отличались от толстяка. Редко когда я видел настолько противных личностей:

они, скорее, были ближе к животным, чем к людям. Один, предводитель троицы, походил на огромного кабана, и потом я всегда называл его Кабан. Второй и третий были братьями, коварными и вероломными, и я окрестил их Гиена и Шакал.

А четвертый был писец, обычный мелкий клерк. Он стоял на коленях, со связанными руками, кисть для письма украшала его волосы, на нем был поношенный халат, запятнанный чернильными пятнами. Писец дрожал от ужаса, пока толстый человек спокойно и мягко говорил ему.

— Мои агенты сообщили, что в винной лавке ты распустил язык и выразился в том смысле, что скоро уедешь с важной миссией, — ласково сказал толстяк, и я сообразил, что он слегка шепелявит и, поэтому, мурлычет, как кот.

— Но я ничего не сказал о цели поездки, — запротестовал клерк. — Клянусь, Ваше Превосходительство, я —

— Мой дорогой друг, я не сомневаюсь в этом ни на мгновение, — промурлыкал толстяк. — Для чего тебе говорить, если ты можешь показать?

— Показать? Но я никому ничего не показывал! — воскликнул несчастный клерк.

Толстяк вынул из кармана маленькую шкатулку, открыл ее, достал оттуда какую-то крошечную вещь — мы находились далеко и я не понял что именно — и показал ее клерку.

— Да ну? А мои агенты подобрали это с того места, на котором ты так глупо оставил ее — прямо со стола, за которым ты пил в винной лавке, — ласково сказал толстяк.

Кабан, Гиена и Шакал наклонились вперед, облизав губы, и я увидел замечательное зрелище: звери в императорской зверинце собирались наесться до отвала.

— Ваше Превосходительство, клянусь, я забыл о том, что она со мной! — провизжал клерк. — Это случайность, чистейшая случайность, и все это время я честно и верно работал на вас. Прошу вас, дайте мне возможность искупить свою секундную глупую забывчивость.

— Ты получишь свою возможность, и для этого у тебя будет намного больше времени, чем одна секунда, — промурлыкал толстяк. — Я обещаю, что у тебя будет целая вечность для искупления, если, конечно, у Ада нет других планов на твой счет.

Он швырнул то, что вынул из шкатулки, в лицо клерка, повернулся и пошел к еще одной двери в задней стене лаборатории. Как только он отвернулся, все трое бросились вперед и звук закрывшейся двери утонул в ужасных криках. Я не хочу распространяться о деталях. Все трое были в точности теми зверями, на которых походили. Добавьте изобретательность человека — и вы поймете, что клерк умирал долго и страшно. В конце концов окровавленная масса рухнула на пол, а убийцы, весело смеясь, пошли в кладовку, чтобы переодеться и помыться.

Прежде, чем я сообразил что происходит, Мастер Ли проскользнул через дверь. Очень осторожно, на цыпочках, чтобы не оставлять следов, он подошел к окровавленным остаткам бывшего клерка и стал рыться среди них. Наконец он нашел что-то, и, удовлетворенно хрюкнув, встал, повернулся и опять на цыпочках вернулся к нам. Мы тихонько притворили дверь и вернулись в комнату с ящиками. Мастер Ли прошептал нам найти открытый ящик, мы разделились и пошли по рядам ящиков. Мне не повезло. Все ящики были пронумерованы, с крепко прибитыми крышками, на каждом стояла печать таможни — как мне показалось, настоящая. Так что идея о то, что воск скобли и наносили заново, увы, получила пробоину в самом уязвимом месте: печать настоящая.

Мастер Ли не переставал тихонько ругаться, и когда я подошел к кукольнику, тот только поднял глаза к небу и пожал плечами. Ни одного открытого ящика, и если мы не собираемся оставлять следы, взломав один из них, нам остается только сдаться. В этот момент послышались грубые веселые голоса, приближающиеся к нам. Дверь открылась. Мудрец кивнул нам, я и Янь Ши пошли вслед за ним ко входу в туннель, укрываясь за ящиками и ступая тихонько, как мыши. Однако Кабан, Шакал и Гиена не глядели по сторонам. Они с увлечением шутили над маленьким клерком, и хвалили его пронзительные крики: «Очень неплохо, для новичка». Мы легко могли бы уйти, унеся с собой любой ящик, но Мастер Ли приказал нам ничего не брать — он не хотел, чтобы какой-нибудь аккуратный клерк заметил отсутствующую бирку и поднял тревогу. Не успели мы войти в туннель, как Янь Ши раскрыл рот, готовясь обрушить на Мастера Ли поток вопросов, но я крепко сжал его руку: «Не сейчас». Последние лучи солнца осветили морщины мудреца, кругами собравшиеся на его лице, и я знал, что ему нужна тишина, чтобы все как следует обдумать.

Когда мы достаточно далеко ушли и мне надоело идти на ощупь, я зажег факел, и мудрец не стал возражать. Мы находились в том самом месте, где валялись остатки разбитого, и Мастер Ли внимательно оглядел стену и, однообразно ругаясь, проверил обломки на полу. Потом оторвался от своих мыслей и повернулся к кукольнику.

— Ну, Янь Ши, вы получили больше, чем ожидали, — сказал он. — По меньшей мере скучно вам не было.

Янь Ши сверкнул своей великолепной улыбкой. — Я наслаждался каждым мгновением, — откровенно сказал он. — Вы собираетесь арестовать их?

— Нет, повременю, — ответил Мастер Ли. — Жирный парень, который приказывал убийцам, — это второй из самых могущественных евнухов империи, обычно его называют Кот Ли. Он в ранге министра, и чтобы арестовать его нужен приказ, подписанный самим Сыном Неба. Пока я буду добывать подпись, контрабанда исчезнет, пещера превратится в Дом Несчастных Сирот, а

старая мать клерка поклянется чем угодно, что ее дорогой сын умер от тифа в возрасте четырех лет.

Он привычно потянулся к фляжке и только потом сообразил, что ее нет. — Мне нужно поймать их не на убийстве, а на контрабанде, и это будет нелегко. Из-за этого. — Мастер Ли вытащил крошечный предмет и показал нам, поднеся прямо к факелу.

— Чайный лист? — растерянно спросил Янь Ши.

— Да, и очень плохой, — сказал мудрец. — Вывоз хорошего чая строго запрещен, и, конечно, огромные состояния были сделаны на продаже его варварам, но вот именно этот чай можно вывозить тысячами даней. Это та-ча, самый дешевый черный чай, и к тому же подпорченный, быть может наводнением. Такой чай стоит десять монет за цзинь, и тем не менее именно его Кот Ли бросил его в лицо клерку, и, вероятно, этот лист настолько важен, что мгновенная забывчивость клерка стоила бедняге жизни. Ваши предположения.

— Нет, благодарю за честь, но ответа у меня нет, — ответил Янь Ши. — Только просьба.

— Все, что в моих силах, — великодушно сказал Мастер Ли.

— Учитывая то, что я, чуть-чуть, замешан в этом деле, я прошу, чтобы вы и дальше меня использовали, днем и ночью, когда вам хоть что-нибудь понадобится. — Маленькие огоньки света сверкнули глубоко внутри глаз Янь Ши, и опять солнечная улыбка озарила развалины его лица. — Мне скучно.

Мы отправились обратно на остров, где оставили Янь Ши, у которого оказались какие-то незаконченные дела, и я погреб обратно к городу. Мастер Ли желал еще кое-что сделать, и немедленно. Он заставил меня нанять паланкин, и мы отправились в путь: от ямыня к ямыню, от чиновника к чиновнику, собирая информацию и слухи. Только незадолго до рассвета мы отправились домой. Я проголодался, но Мастера Ли грыз совсем другой голод.

— Официально, — с ударением сказал он, — Кот Ли, в сопровождение Вольчьего Полка, отправляется в Янь-Мень, Шаньси, для переговоров с Великим Хранителем. Бык, хотел бы я стать мухой и сидеть на стене во время их встречи. Этого несчастного клерка осудили на смерть только за то, что он намекнул, будто Кот Ли собирается в поездку, и что же это за секрет, если о переговорах с Великим Хранителем Янь-Меня объявлено официально?

У меня, естественно, ответа не было. Вместо этого я сосредоточился на бурчании в желудке. Мы расплатились за паланкин и пошли по узким переулкам к хижине Мастера Ли, чтобы переодеться и отправится поесть к Одноглазому Вонгу. Ярко светила луна и нас ждала старая бабушка Минь из дома Мингов, стоявшего рядом с нашим.

— Никаких больших обезьян! — прокричала она из окна и потрясла сухоньким кулачком.

— Э? — удивился Мастер Ли.

— Бандиты! Карманники! Головорезы, воры и грабители являются днем и ночью. Пьяницы, наркоманы, шлюхи, пираты, уголовники всех мастей и фальшивомонетчики — хорошо, я не скажу ни слова, но не большие обезьяны! — продолжала орать Бабушка Минь.

Мастер Ли остановился как вкопанный. — А эта обезьяна, не было ли у нее раскрашенного лица? — спросил он.

— Какая другая обезьяна могла бы искать тебя? — провыла старуха. — Только тварь с красным носом, голубыми щеками и желтым подбородком!

Я нырнул в хижину, но, конечно, опоздал. Внутри все было перевернуто вверх дном, а загадочная старая клетка исчезла.

## СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Раньше мы всегда виделись с Небесным Мастером в его рабочем кабинете, но сейчас, рано утром, Мастер Ли отправился к нему домой, сказав, что старик просыпается с первой утренней звездой.

Старая служанка разрешила нам войти. Она очень хорошо знала Мастера Ли и, ни о чем не спрашивая, провела нас через простой скромный дом, в саду которого ручной олень играл с собаками, длиннохвостые попугаи болтали с котами, а огромная старая сова открыла сонные глаза и проворчала «Кто?». Да, это был он, самый знаменитый личный сад в империи. Через просветы в кустах я увидел воду Северного Озера, сверкавшую под первыми лучами солнца, маленький док и специальный спуск, позволявший Небесному Мастеру доковылять до лодки. Невозможно описать все очарование этого места, хотя это пыталось сделать бесчисленное количество писателей. Я насчитал три небольших рыбных пруда, каменный холм, десять деревьев, настолько старых, что даже с самых маленьких веток свешивалась борода из мха или лиан, маленькую зеленую лужайку со статуей Лао-Цзе, и невероятное количество кустов и цветов. И все это никак не объясняло чувство, которое одеялом окутывало каждого гостя: безвременность и бесконечность, без начала и конца. Возможно ближе всех к разгадке подошел Юань Мэй в своей популярной песне «Сад Мастера», но даже и он не всегда точен, за исключением первых строчек:

*Напевы предков с ветром мчатся,*
*И пахнет сад как сладкий плющ.*
*Входи и слушай. Здесь кружатся*
*Десятки тысяч прошлых душ.*

Когда мы подошли, Небесный Мастер уже заканчивал пить чай, сидя за столом, сделанным из небольшого жернова. — Привет, Као! — весело сказал он,

но я чувствовал, что он заставлял себя выглядеть бодро, несмотря на слабость. — И доброе утро тебе, Десятый Бык. Есть новости об этом абсурдном убийстве?

— Одна, но настолько отвратительная, что никак не могу назвать ее абсурдной, — ответил Мастер Ли и подробно, шаг за шагом, рассказал обо всем, что мы видели, часто останавливаясь и отступая назад, если чувствовал, что внимание святого ослабевало.

— Кот Ли? — задумчиво сказал святой, выслушав рассказ до конца. — Плохие новости, Као. Могущественный и скользкий тип, и я очень сомневаюсь, что тебе удастся обвинить его в убийстве.

— Именно это я и сказал нашему другу-кукольнику, — кисло заметил Мастер Ли. — Единственная надежда — разузнать в точности, какой контрабандой они занимаются, накрыть их на этом и надавить на мелких сошек, обвинив их в ложном убийстве мандарина. Быть может удастся заставить их дать показания даже на такого могущественного евнуха. Очень трудно и, скорее всего, незаконно, но я не вижу, что еще мы можем сделать.

— Као, постарайся не нарушать законы, — прошептал Небесный Мастер.

— Да, господин, — послушно, как школьник, ответил Мастер Ли, и, как школьник, скрестил пальцы левой руки за спиной. — Откровенно говоря все эти мандарины и евнухи, убийства и контрабанда меня почти не интересуют, и я ставлю сто против одного, что в сравнению с по-настоящему важными делами это так, мелочи, даже если они и существуют на самом деле. Старый друг и учитель, что означает появление старинных клеток, которые принадлежали Восьми Умелым Мужчинам? И одновременное появление демонов-богов исчезнувшей религии? А что можно сказать о проклятой твари с лицом обезьяны, которая, скорее всего, помогает убивать мандаринов, и совершенно точно крадет клетки, в том числе и мою?

Небесный Мастер почесал нос и пожал плечами. — Откуда я знаю? Као, а ты уверен, что это была обезьяна с раскрашенным лицом? А не, скажем, актер в гриме?

— Уверен, — мрачно ответил Мастер Ли. — Бык?

— Да, господин, это была настоящая обезьяна, — сказал я. — Луна светила очень ярко, в комнате горели лампы, и мы оба хорошо разглядели ее. Я даже увидел поры на ее коже и готов поклясться, что они были не нарисованы.

Небесный Мастер какое-то время молчал, а потом устало сказал. — Я не могу больше сосредоточиться. Самому себя я кажусь старым деревом, которое умирает с верхушки и я хочу тебе кое-что рассказать: Вот уже шесть дней подряд мне снится один и тот же сон. Он начинается с моей мамы, которая умерла пятьдесят лет назад, и заканчивается тем, что я пытаюсь найти сандалии своего отца. Као, в этом году мне не увидеть, как листья будут падать с деревьев, и моя пустая голова не может родить никаких идей. Что ты собираешься делать?

Я видел, как через кожу святого просвечивали все жилки, его было тяжело даже сидеть прямо, и я почувствовал, как слезы жгут мои глаза. Сон о смерти и сандалиях неопровержимо доказывает, что Небесной Мастер скоро присоединится к своим родителям, ведь «обувь» и «объединение» звучат одинаково: се.

— Мне кажется, что ключ ко всему делу — клетки, — сказал Мастер Ли. — У обоих убитых мандаринов было по клетке, и мы можем предположить, что они тоже занимались контрабандой. Не может быть случайностью то, что вход туннель находится в двух шагах от павильона Ма Туань Линя, а его заметка на обратной стороне оттиска клетки упоминает о деловых связях. Естественно предположить, что оставшиеся клетки принадлежат другим предводителям контрабандистов, так что если мы найдем клетки, то найдем и заговорщиков, и, надеюсь, узнаем, что же такое эти чертовы клетки. Кот Ли собирается в Янь-Мень для переговоров с Великим Хранителем, и я думаю, что мы с Быком должны его проводить.

Усталая старая голова поднялась. — Как? — внезапно оживившись спросил Небесный Мастер. — Чтобы добраться до Янь-Мень надо пересечь три территории, на которых хозяйничают бандиты. Можно, конечно, поплыть по морю, но разве у тебя есть пара военных кораблей для защиты от пиратов? И даже если ты окажешься там, каким образом ты сумеешь поучаствовать в их встречах?

Мастер Ли усмехнулся. — Да, действительно, Кот Ли медленно поплывет по морю в сопровождении Волчьего Полка. А я и Бык, если все пойдет хорошо, с удовольствием прогуляемся по суше, наслаждаясь видами природы и приятным сном на свежем воздухе, и никакие бандиты нам не помешают.

Я и не знал, что собираюсь путешествовать, поэтому наклонился вперед, и Мастер Ли подмигнул мне.

— Бык, ты же слышал Янь Ши. Его всего трясет от возбуждения и он хочет расследовать это дело вместе с нами, а разве ты когда-нибудь слышал о бандитах, пристающих к бродячим кукольникам?

Он был прав, конечно. Никто не грабит кукольников. Они несут смех и радость всем, включая бандитов и солдат, и им покровительствует больше богов, чем может насчитать любой монах. Мастер Ли повернулся к Небесному Мастеру и подмигнул.

— Кроме того у Янь Ши есть дочь, известная шаманка, молодая и красивая. Под защитой шаманки и кукольника я буду в полной безопасности даже в логове Небесной Свиньи, — усмехаясь сказал он. — Что касается заседаний, то подождем и увидим, как обернется дело. Но, конечно, все зависит от решения Янь Ши.

Святой кивнул. — Приведи их и я дам им свое благословение. Тебе тоже, Бык, — добавил он, кивнув в мою сторону. — Тебе не нужно, Као, потому что я давным давно решил, что как только Нефритовый Император сможет набрать достаточное количество молний, он заберет твои благословения себе.

На следующее утро, с последними лучами утренней звезды и первыми лучами солнца, мы, все четверо, стояли перед дверью Небесного Мастера. Пятеро, если считать подарок.

Янь Ши очень внимательно выслушал все, что ему рассказал Мастер Ли, и когда я рассказал ему о домашних животных, бродивших вокруг дома святого, он спросил, не будет ли еще одно животное подходящим подарком, и Мастер Ли, увидев его, сказал «Да, будет». Это была маленькая обезьяна с блестящими глазами и зеленоватым шелковым мехом, и я никогда не видел настолько умное животное. Великолепно выдрессированная, она могла приносить предметы, умела брать три аккорда на пипе[62], хотя и слишком быстро переходила от одного к другому, и великолепно подражала человеческим жестам. Янь Ши надел на нее шапочку и тунику, и привел за руку. Когда же он коснулся лба и спросил, — Где же твои манеры? — обезьянка вежливо поклонилась, совершенно очаровав святого.

— Янь Ши, а? Я видел тебя однажды, конечно инкогнито: ты показывал Деревенщину Хуна. Никогда я так не смеялся, во всяком случае с того времени, когда Настоятель Хо перепутал один из этих новомодных церемониальных сосудов с Согдианским ночным горшком и помазал своих монахов содержимым последнего, — счастливо улыбаясь сказал Небесный Мастер. — А, это твоя великолепная дочка! Моя дорогая, к отчаянию теологов у даосизма и шаманизма много общего, так что когда ты вернешься и я буду чувствовать себя немного получше, мы сядем и наговоримся всласть.

Он благословил нас и помолился за успех и счастливое возвращение. К тому времени старая служанка уже выучила все жесты, которыми можно было управлять обезьяной, так что малышка помахала нам рукой на прощание, и мы ушли. Я не могу описать все остальное, потому что все мои мысли сосредоточились на другом предмете, и это была дочь кукольника.

Ее звали Юй Лань. Шаманы изучают свое ремесло еще в молодости, она училась у своей матери, и я почувствовал себя полной невежей, когда выяснилось, что дочка кукольника — не старше меня! — в совершенстве знает все древние культы Ву, участвует в шаманских мистериях и знакома с магией, о которой я даже не слыхал. Она жила в мире, находящемся высоко надо мной даже тогда, когда мы физически находились рядом, но всегда относилась ко мне по дружески. Если ее имя, Юй Лань, написать древними иероглифами, то оно означает «магнолия», а если обычными, то «тайная усмешка», и это именно то, что я

62 Пипа – китайский 4-струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни.

Один из самых распространённых и известных китайских музыкальных инструментов. Первые упоминания пипы в литературе относятся к III веку, первые изображения – к V веку. Однако прототипы пипа бытовали в Китае уже в конце III века до н. э. Название «пипа» связано со способом игры на инструменте: «пи» означает движение пальцев вниз по струнам, а «па» – обратное движение вверх.

думал о ней: молчаливая, изящная, далекая, как облако, втайне усмехающаяся, но никогда не глядящая на тебя высокомерно и с презрением.

Она, как и все мы, помогала отцу в кукольных представлениях, но никто не мог помочь ей в ее работе. Как-то раз мы оказались в холмах, где странные дикие люди жили в темных пещерах. Поздним вечером Юй Лань внезапно поднялась, постояла в свете нашего костра и подошла к краю тени, где, как по волшебству, появился мальчик. У него были коричневая кожа, высокие скулы и выразительное лицо, и он молча протянул Юй Лань ветку, покрытую зарубками. Юй Лань внимательно изучила зарубки, сказала мальчику подождать, и через несколько минут появилась опять, одетая в одежду из медвежьей шкуры и держа в руках коробку с различными священными предметами. А потом они исчезли в ночи, вместе.

Ее отец не сказал ничего. Только когда Юй Лань исчезла, он заметил, — Ее мать временами исчезала на несколько дней, но всегда возвращалась, когда могла вернуться. — Потом он заговорил о другом.

Однако она ушла недалеко. Мы уже собирались спать, когда услышали завывания и песни с верхушки холма, а потом высокий чистый голос воскликнул «Хик!»

Мастер Ли зевнул. — Следующий звук, который мы услышим, будет «Фэт», — проворчал он.

— Господин? — недоуменно сказал я.

«Фэт!» прозвучало с верхушки холма.

— Это по тибетски. Разве ты не заметил, что у парня тибетские черты лица? Кто-то умер, и они попросили Юй Лань проводить душу покойника в другой мир, — объяснил он. — Она должна начать с освобождения души покойника из тела, а для этого делают дыру в макушке. Шаманы практикуются на себе при помощи соломинки.

— Господин?

— Смотри.

Он вытащил из своего тюфяка соломинку подлиннее и аккуратно приставил ее к затылку. — Хик! — воскликнул он, и я, выпучив глаза, уставился на соломинку, которая наклонилась и стала двигаться, как если бы ее конец скользнул в дыру. — Фэт! — крикнул он и соломинка застыла. Мастер Ли устроил целое представление, вытаскивая ее из дыры, а потом отбросил прочь.

— Впечатляет, а? — усмехнулся он. — Юй Лань должна проводить душу через дикую страну, населенную демонами и жуткими тварями, поэтому шаманы обычно усиливают душу молитвами и заклинаниями, и именно этим она будет заниматься всю ночь. Иди спать.

Он свернулся клубочком на матрасе и очень скоро захрапел, но я, как дурак, потратил несколько часов, пытаясь повторить трюк с соломинкой. Я не освоил его до сих пор.

Однако я забежал вперед. Сейчас я хочу описать наш первый вечер на дороге, хотя ничего особенного не произошло. На закате мы разбили лагерь на вершине холма. Последние лучи солнца омыли огромный фургон Янь Ши розовым светом, я и кукольник сняли с фургона полотняный верх и начали делать шатер, который должен был защитить наши соломенные тюфяки от росы. Мы махали деревянными молотками, вбивая в землю металлические подставки для бамбуковых шестов, поддерживающих полог, Мастер Ли пел, задавая ритм ударам молотка, и чистый голос Юй Лань поднялся к розовым облакам, она импровизировала в духе Лиу Чу.

*Пять*
*вороны на гнезде,*
*четыре*
*лошади в узде,*
*три*
*гуси в облаках,*
*два*
*речка в берегах,*
*один*
*пламя садящегося солнца.*

— Шест! — крикнул Мастер Ли и, так получилось что, помогая мудрецу ставить шест, дочка кукольника погладила меня по руке.

— Достопочтенный господин, — сказал я, когда мы уже лежали на матрацах, — правда ли то, что шаманки терпеть не могут самонадеянных мужчин?

— Блппшш, — пробормотал он, или что-то в этом роде.

Я взглянул на звезды, надеясь найти там предзнаменование. — Господин, а правда ли говорят, что злая шаманка опасна как тигрица с детенышами?

— Да, мой мальчик, тут ты прав. — Мастер Ли перекатился на другой бок. — Когда-то я знавал здоровенного веселого парня. Наполовину ржущий жеребец, наполовину бесноватый бык. Его звали Большой Тун. Как-то раз этот Тун положил свои лапы на плечи маленькой шаманки. Она только взглянула на него и проговорила несколько слов на языке, который не знал никто.

С матраца Мастера Ли донеслось сопение, а потом он, зевнув, пробормотал. — С того времени все называли его Ян-вэй.

Мудрец захрапел, а мне понадобилось всего мгновение, чтобы связать Большого Туна с Ян-вэй, что означает «упавший пенис».

— О, — тихо сказал я.

# ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Кот Ли выбрал медленный путь по морю, мы никуда не торопились и ничто не мешало Янь Ши пополнить свой ящик с деньгами, давая кукольные спектакли. Кажется я уже упоминал, что мы все помогали ему. Юй Лань играла на множестве инструментов и замечательно пела, Мастер Ли, в зависимости от настроения, давал сеансы магии, рассказывал смешные истории или лечил, а я надевал черный капюшон, натягивал на лицо злую улыбку и боролся с местными силачами, которые платили за право сразиться за мной, но, в случае победы, получали увесистый мешочек с деньгами. В возрасте десяти лет я научился выталкивать людей из круга, так что не боялся проиграть и никогда никого не зашиб. Я должен слишком много рассказать о действительно важных делах, так что не буду подробно описывать это время, хотя и наслаждался им, но вот три коротких зарисовки.

Первая. Теплый полдень, рыночная площадь маленького города, под тентом кукольник и его дочь готовятся к представлению. Я только что закончил бороться и лью воду себе на голову, смывая пот, настала очередь Мастера Ли. Он в плоской, похожей на доску шляпе, с полей которой свешиваются кисточки со странными предметами, его кафтан покрыт символами, представляющими 101 болезнь и богов, отвечающих за них. Мастер Ли встает на платформу и проверяет местного старосту, мужчину средних лет, с огромным животом, сизым носом и красными щеками.

— Нельзя шутить с почками, мой заблуждающийся друг, — мягко говорит Мастер Ли, предостерегающе тыча пальцем в лицо старосты. — Время года почек — зима, ориентация — на север, элемент — вода; они черного цвета, на вкус соленые и плохо пахнут; связанное животное — черепаха, гора — Хан Шань[63], их божество — Чуань-мин, добродетель — мудрость, эмоция — страх, и они издают низкий звук му, похожий на мычание; император почек — Чуань-сюй, формой они обязаны Хуан Яню — двухголовому оленю, которого обычно называют Сутью Тьмы — и из всех частей тела они самые не прощающие. Что ты сделал этим великим и опасным органам?

Мудрец громко щелкает костяшками пальцев правой руки, и тычет ими в брюхо старосты.

---

63 Тхай-хан-шань, обширный кряж гор в северной половине Китая.

Он начинается в губернии Хэ-нань на левом берегу Желтой реки в 25 ли от города Хуай-цин-фу на севере; отсюда тянется на северо-восток через губернию Сань-си. В Чжи-ли от Пекина на западе принимает название Си-шань, что значит западные горы; с поворота на восток до Корейского залива называется Янь-шань, что значит горы страны Янь. Сим образом кряж сей проходит через Северный Китай под тремя главными названиями и состоит из великого множества связанных между собою гор и отраслей их, из которых каждая имеет свое местное название. БИЧУРИН)

— Ты утопил из в вине Шаошинь из Чжэцзяня!
— Дааааа!
— В вине «Сто Лепестков» из Чэнь-дзяна!
— Дааааа!
— В вине «Листок Орхидеи» из Вуси!
— Дааааа!
— В вине «Капля Дождя» из Таминя!
— Дааааа!
— В вине «Золотые Волны» из Чининга!
— Дааааа!
— В вине «Райское Зерно» из Хананя!
— Дааааа!
— В вине «Летящий Снег» из Мушоу!
— Дааааа!
— В вине «Старый Шлем» из Шаньани!
— Дааааа!
— В вине «Желтый Перец» из Лаунченга!
— Дааааа!
— В вине «Двойное Белое» с островов Лиушиу!
— Дааааа!
— В вине «Декабьский Снег» из Кашинга!
— Дааааа!
— В вине «Верхушка Шлема» из Куантанга!
— Дааааа!
— В вине «Весна на Озере Танг-тинг» из Чангшу!
— Дааааа!
— И, наконец, в вине «Двойной Перец» из Чингхо!
— Дааааа!

Мудрец подошел к краю платформы и торжественно обратился к зрителям, пока его пациент стонал и держался за ноющий живот.

— Мои друзья, подумайте об удивительной природе почек и благословите богов, которые даровали их нам. Почки производят костный мозг и помогают селезенке. Они перерабатывают жидкость в мочу и позволяют расти волосам. Запомните, почки — офицеры на страже здоровья вашего тела и это та сама пара органов, которая ближе всего привязана к сердцу. Почки — офицеры интеллекта, они сообщаются с мозгом через таз и позвоночник. В почках хранится жизненная сила, которая рождает желание, их песня — «Мрачная Темнота», их танец — «Рождение Жизни», и когда с ними плохо обращаются, они распухают и очень-очень сильно болят.

— Дааааа!

— К счастью, — уже нормальным голосом сказал Мастер Ли, открывая большой ящик, в котором находились ряды маленьких склянок, — Академия Императорских Целителей разрешила мне продать немного флаконов знаменитого эликсира для почек, изобретенного Пао Пу-Цзе и известного под именем «Эликсир Девяти Чудес». Вспомните, что именно это волшебное лекарство спасло жизнь Императору Вену. Элексир состоит из киновари, серного цветка, ладана, мирра, камфары, Крови Дракона, сульфата меди, мускуса, сожженных квасцов, желчи медведя, желтого графита, многоножек, земляных червей, серебряных червей, цветов свинца, безоара[64], слюны жабы, порожка из белого жадеита, древесных червей и улиток. Кое-кто мог бы сказать, что цена немного кусается, но умный человек поймет свою выгоду.

— Даааааааааааааааа!

За представление отвечал Янь Ши, и он вежливо, но твердо не дал мудрецу остричь овцу наголо. — В конце концов, — заметил он, — я приезжаю сюда год за годом, и мне будет трудно развлекать людей, жаждущих разорвать меня на куски.

Я только что сказал, что за представление отвечал Янь Ши, и следующая сценка требует рассказать о нем немного больше. Начну с того, что с самого начала знакомства я почувствовал в характере кукольника две особые черты. (Не буду говорить об оспе, обезобразившей его. Он перенес невообразимую трагедию, потому что раньше, судя по жестам, был привлекательным юношей из которого вырос красивый мужчина). Самая главная — свет, танцующий в глазах кукольника в те мгновения, когда его жизни угрожала опасность, и я внезапно вспомнил мальчика из нашей деревни, которого мы называли Выдрой, и его сверкающие глаза в тот момент, когда он, как пеликан, собирался нырнуть в мелкую воду карьера, находившегося под Холмом Расколотого Дерева — подвиг, о котором мы даже не мечтали. Часто, стоя рядом с кукольником, я чувствовал себя так, как если бы стою рядом с камином, в котором медленно и постоянно горит кусок бамбука, и в любой момент пламя может достичь мягкой сердцевины, после чего огненный шаг прожжет стену вашего дома и улетит в небо. И тут я должен сказать о второй особенности Янь Ши. Он был настоящий аристократ, и это не метафора.

— Из какой-нибудь благородной семьи? Да, похоже, — ответил Мастер Ли, когда я спросил его. — В нем чувствуется утонченное воспитание. Конфуцианство требует, чтобы дети в благородных семьях получали классическое образование независимо от того, благоволит ли к ним нынешний император или нет, и империя кишмя кишит гордыми молодыми людьми, работающими рыбаками или содержателями притонов. Почему бы не кукольниками? Быть может одна-

64 Безоара – окатыш из шерсти, растительных волокон, извести и пр., из желудка коровы, дикой козы, ламы и др.; встарь считался лекарственным.

жды Янь Ши расскажет нам о себе, а пока нам лучше всего держать рты на замке.

Вот теперь я могу описать вам то, что произошло в гостинице одного маленького городка. Дождь превратил все дороги в непролазную грязь. Янь Ши начал пить рано утром, сидя в общем зале за маленьким столом в углу. Он все еще пил, медленно и неторопливо, когда наступил полдень, и на его лице не было никаких признаков опьянения, разве что он все больше и больше погружался в свой внутренний мир. Юй Лань (спасибо Будде!) спала в фургоне. Внезапно дверь распахнулась и на пороге появилась компания молодых аристократов. Их роскошная охотничья одежда промокла насквозь. Впереди шел предводитель, с красным раздраженным лицом и наглыми глазами. Он потребовал подогреть вино, разжечь огонь пожарче и выгнать из зала всех крестьян. В следующее мгновение он повернулся к ближайшему крестьянину и приказал ему подмести вонючий пол, на который предстоит ступить высочайшей ноге.

Так получилось, что самым близким оказался Янь Ши, который лениво встал и взял в руки метлу, прислоненную к стене. И не моргнув глазом выдержал испытующий взгляд аристократа.

— Боги, невероятное сходство, — пробормотал кукольник. — Быть может вы, Ваше Великолепие, приходитесь родственником сиятельному князю Юй Яню?

Отчаянная храбрость червяка, осмелившегося обратиться к тигру, лишила молодого аристократа языка. Кроме того «Юй Янь» означает «Рыбий глаз».

— Нет? Как странно. Я бы поклялся, что вы братья, — сказал Янь Ши. — Замечательный охотник, герой войны, князь Юй Янь получил свой высший ранг и медали только на правах старшего сына, и сопровождал Сына Неба в охотничьи экспедиции на бандитов, и судьба распорядилась так, что он доказал свое право на командование, когда его полк повстречался с бандой мародеров Мяо-цзя.

Только тогда аристократ сумел придти в себя и осознать тот невероятный факт, что эта низкая тварь умеет говорить и обращается к нему на понятном языке. Он в гневе зарычал и выхватил из ножен меч. Я рванулся было вперед, но Мастер Ли схватил меня за плечо и оттащил назад. Янь Ши небрежно уравновесил метлу на правом указательном пальце, и, казалось, даже не осознавал, что острая сталь холодно сверкнула под лучами полуденного солнца.

— Каким героем он показал себя! — восхищенно сказал кукольник.

— Выставляй своего бойца! — храбро крикнул князь Юй Янь. — Он против меня! Мужчина против мужчины и рука против руки.

Сказано было хорошо, но, увы, недостойный червяк, к которому обращался доблестный воин, был в стельку пьян.

— Это Мяо-цзя, — сказал Мастер Ли.

Аристократ завизжал от ярости, прыгнул вперед и нанес плоский удар мечом, пытаясь снести голову кукольника с плеч, но Янь Ши случайно махнул

метлой, меч отлетел в сторону, не задев его, разрубил пополам свечу и сшиб со стола оловянную кружку.

— Да, верно, — печально сказал кукольник. — Свиньи повисли друг на друге, смеясь и хихикая в пьяном угаре, и указывая своими грязными пальцами на князя Юй Яня. Потом они послали в бой своего повара.

Аристократ взвизгнул и опять махнул мечом. На этот раз рукоятка метлы ударила его по запястью. Янь Ши вроде бы даже не заметил, что его противник нырнул под стол за своим мечом.

— Повар был женщиной, весьма толстой, — задумчиво продолжал он. — Полные, испещренные родинками руки и злой взгляд. «Я не сражаюсь с женщинами!» проревел галантный князь Юй Янь, но шлюха схватила роскошные локоны Его Светлости, наклонила его голову вперед и укусила князя за нос.

— Это Мяо-цзя, — сказал Мастер Ли.

На этот раз аристократ ударил прямо в сердце. Кукольник без труда отбил меч в сторону, а потом в воздух брызнуло немного крови, когда метла ударила по аристократическому носу.

— Князь Юй Янь, — продолжал Янь Ши, — все-таки решил обнажить меч — кое-кто сказал бы, что немного поздно — но старая карга обломала ему пальцы, а потом обрубила его аристократические руки по локоть.

— Это Мяо-цзя, — сказал Мастер Ли.

Аристократ нанес дикий круговой удар, Янь Ши отклонился назад, меч бесполезно свистнул в воздухе, а ручка метлы ударила по локтям. Аристократ вскрикнул и меч опять очутился на полу.

— Героический Юй Янь лишился рук, но не храбрости, — гордо сказал кукольник. — Он шагнул вперед и изо всей силы ударил стерву ногой, и, может быть, даже успел бы ударить еще раз, если бы меч не обрубил ему ноги по благородные колени.

— Это Мяо-цзя, — сказал Мастер Ли.

Аристократ выпрямился, пытаясь защититься от ударов метлы, но потом запрыгал по полу, держась за горящие болью колени.

— Что за боец был князь Юй Янь! — воскликнул Янь Ши. — Даже лежа на животе он сумел подползти к женщине и больно укусить ее за левую пухлую лодыжку, и, конечно, нанес бы не менее опасную рану и в правую, если бы проклятая неряха, нарушая все правила ведения благородного боя, не выбила ему все зубы.

— Это Мяо-цзя, — сказал Мастер Ли.

Аристократ ни в коем случае не был полным идиотом. Когда конец метлы угрожающе обратился в его сторону, он отпрыгнул назад на четыре чи и поднял левую руку, защищая рот.

Янь Ши смахнул слезу. — Галантный красавец князь Юй Янь потерял зубы, ноги, руки и нос, но ничто не могло лишить его храбрости. Он прокричал грубое оскорбление и дерзко плюнул в лицо шлюшке. Увы, совесть не позволяет мне рассказать о деталях последующих событий, которые совершенно неприемлемы для любой страны, кроме Тибета.

— Он, — сказал Мастер Ли, — и есть Мяо-цзя.

Аристократ поднял меч и остановился, о чем-то напряженно думая.

— Мы прочесали все поле боя, пытаясь найти столько кусков нашего героя, чтобы можно было поместить их в святилище Военной Академии, из которого Юй Янь мог бы вдохновлять еще не рожденные новые поколения. Увы! От него осталась только грязная проплешина на зеленой траве, — траурным голосом сказал Янь Ши. Потом его глаза зажглись. — Но погодите! Возможно сейчас я сумею добыть несколько кусков от его двойника!

Его зубы оскалились в злой усмешке, метла покачивалась взад и вперед, как голова кобры, и аристократ, испустив негромкий крик, выбежал из двери и исчез, оставив на полу свой меч.

Все это время аристократы из его свиты оставались абсолютно неподвижными. Кукольник повернулся, посмотрел на них и зарычал. Только и всего. Просто угрожающий рев раздраженного медведя, и через несколько секунд в гостинице не осталось ни одного аристократа. Меня как будто парализовало, но не Мастера Ли.

— Бык, собирай вещи. Мы немедленно уезжаем, — сказал он и повернулся к кукольнику. — Великолепно, конечно, но вы утратили самоконтроль. Я искренне надеюсь, что вы не делали этого вчера, и тогда я буду чувствовать себя лучше там, где мы собираемся быть.

В глазах Янь Ши медленно погасли танцующие огоньки, он глубоко вздохнул и наклонил голову. Но извинился он наполовину по-настоящему, а наполовину с издевкой.

— Вы правы, конечно, и вчера я не был таким идиотом, — сказал он. — Мы на самой границе бандитской территории, и через два часа никакой аристократ не осмелиться последовать за нами даже с личной армией.

Мастер Ли довольно хрюкнул и больше никогда не вспоминал об этом маленьком происшествии, но я должен признаться, что, собирая хворост для костра, часто фехтовал палкой с воображаемым аристократом.

Третья сцена. Совсем не такая эффектная и впечатляющая, и я бы вообще не упомянул о ней, если бы она не оказалась очень важной для будущего.

Как и предсказывал Мастер Ли, через территорию бандитов мы ехали без малейших происшествий. Все были рады кукольникам; к тому же бандиты питают суеверный страх ко всему, связанному с магией и волшебниками, к которым они причисляли нашу юную прекрасную шаманку. Я очень быстро перестал

волноваться за Юй Лань, беря пример с ее отца. На пятый день езды через территорию бандитов (которой, кстати, официально не существовало), произошло одно из тех совпадений, которые, по мнению ничего не знающих о жизни людей, бывают только в книгах.

Лагерь бандитов, в котором мы должны были выступать, посетил почетный гость, оказавшийся не кем иным, как Великим Хранителем Гусиных Ворот (Янь-Мень).

На самом деле у него были все основания находиться там, потому что он совсем недавно женился на дочери главаря бандитов, достаточно умной девушке, но, как мы узнали, вскоре после свадьбы заболевшей загадочной болезнью, которую не мог вылечить ни один врач. Поэтому мы разделились: кукольник Янь Ши и его помощник, Десятый Бык, въехали с одной стороны; Мастер Ли и шаманка, специалисты по излечению непонятных болезней, с другой. Конечно великий хранитель немедленно заинтересовался ими и попросил попробовать свое искусство на его молодой жене.

А теперь я хочу описать достаточно унизительную сцену. Я должен был подогреть публику без помощи Мастера Ли и Янь Ши, и мне пришлось притвориться, что несколько раз был на грани поражения. Потом я сделал вид, что раздосадован и потерял желание бороться, претенденты удвоили ставку и толпа пришла в неистовство. Шум привлек знатных посетителей. Я взглянул и увидел, что мне насмешливо улыбается не кто иной, как Великий Хранитель Янь-Меня, пришедший вместе со свитой из аристократов и еще одним парнем, одетым попроще.

— Профессиональный борец? — смеясь спросил он. — Ты себя называешь Мул Мак-Мак, или что-нибудь в этом роде, а? Будда, вы только посмотрите на его выпирающие мышцы! Мак-Мак Большая Мышца, не иначе!

Аристократы из его свиты стали кататься по траве, умирая от хохота, но я-то заметил, что живые маленькие глаза Хранителя не смеялись, в отличие от его рта, и было что-то коварное и жестокое в его голосе, когда он предложил своему другу стать моим следующим противником. Этот друг оказался тем самым одетым попроще человеком, и спустя минуту я понял кое-что важное. Во-первых простолюдин общался с Великим Хранителем с небрежной фамильярностью, как равный, а во-вторых он не был человеком.

Намного ниже меня, но, по-видимому, тяжелее, а круглая голова без шеи сидела прямо на плечах. Я уже говорил, что сам выглядел почти так же, но у этой твари почти не было не только шеи, но и плечей, талии и бедер. Она вся была единым куском, одной жесткой трубой волнообразных мышц от челюстей до колен, и только оттуда слегка суживалась к ступням. Когда тварь разделась до набедренной повязки, на ее левое плечо села пчела, и вместо того, чтобы смахнуть пчелу рукой, она вздрогнула так, как дрожат ослы — всем телом — и ее мышцы заиграли.

«Десятый Бык», молча сказал я себе, «плохи твои дела».

Монстр стоял, глядя на меня блестящими бесстрастными глазами, потом его мышцы подернулись рябью и он скользнул на ринг, бросая мне вызов. Я назвал его Змей. Хранитель, по праву старшего назначивший себя судьей, внезапно махнул флагом, надеясь застать меня врасплох, но я ждал этого и был готов. Не было смысла искать слабости твари, поэтому одновременно с флагом я взвился в воздух и ударил ногой, метясь в щиколотку рептилии. Змей не ожидал этого, но просто опустил руку и так сильно ударил по моей вытянутой ноге, что я почувствовал себя воздушным змеем, лишившимся веревки, и упал на землю, подняв облако пыли. Я сумел быстро подняться, сделал сальто назад и приготовился защищаться, но Змей и не думал нападать на меня. Он ждал, когда я приду и позабавлю его, и на этот раз презрительно позволил мне подойти и схватить его за пояс. И вот тут-то я обнаружил, что слабое сияние его шкуры не было оптическим обманом. Мои руки бесполезно скользнули по маслу, он просто двинул плечом и отправил меня обратно. Что за создание, которое ходит, покрытое маслом? У меня не было времени подумать об этом.

Змей шагнул вперед и в следующий момент я взлетел к небесам, посмотрел на толпу сверху вниз и всем телом грохнулся на землю, выбив из себя весь воздух. Конечно, в этот момент он мог покончить со мной, но вместо этого скользнул к краю ринга, чтобы поклониться хранителю и его свите. Те бешено зааплодировали, а я набрал полные горсти земли, и, как только он повернулся ко мне, бросился вперед и схватил его руками. Руки больше не скользили, и, прежде чем земля успела превратиться в жидкую грязь, я сделал полный захват, напряг все силы и поднял его в воздух. Змей замахал ногами у меня над головой, я пересек ринг и из последних сил бросил его к ногам хранителя.

Иногда я удивляюсь, как мне удалось так долго прожить, имея в голове пару птичьих яиц, прикинувшуюся мозгами. Потом я кланялся бандитам, от тщеславия раздувшись, как рыба-шар, но что должна была сделать рептилия, вернувшись обратно на землю? Я разгневал ее, вот что я сделал, и когда я оказался в состоянии подумать снова, то у меня возникло ощущение, что меня треплет ураган. Я взлетал в воздух и ударялся спиной о землю, опять и опять, и когда это кончилось, я лежал на земле, а Змей сидел рядом. Он вывернул мои руки назад и крепко держал их, ногами обхватил шею и медленно, очень медленно, как удав, сдавливал ее.

Великий Хранитель Гусиных Ворот наклонился надо мной и с интересом смотрел. Он высунул язык, облизал им губы и тихо хихикал, как если бы ожидал, что я начну молить о пощаде. Моя кровь барабанила в пятках, сначала быстро-быстро, потом медленно-медленно, воздух в легких кончился, я оглох и не слышал ничего, кроме приглушенных ударов гонга, но внезапно давление ослабло, я смог вздохнуть и увидел, что хранитель выпрямился и смотрит

вверх, а потом и я увидел прекрасную и ужасную фигуру, темневшую надо мной. Это была Юй Лань, завернутая в ауру священного почитания, облегавшую ее, как сияющая броня, и ее глаза сверкали от гнева.

— Вы можете отогнать демонов болезни, терзающих тело вашей жены? — сказала она хранителю, и каждое слово стегало того, как удар хлыста. — Вы попросили помощь у Мистерий Ву и поклялись блюсти чистоту во время лечения, а сейчас собираетесь убить? — Ее волосы встали дыбом, как шерсть у кота, и если бы я не лежал почти без сознания, я бы съежился от страха, как побитая собачонка. — Разве вы не знаете, что рискуете прогневать Трех Мертвецов и Девять Червей в своем собственном теле, и навлечь на себя Призрак Смерти? Освободите его и молитесь богам, чтобы они простили вас.

И она повелительно махнула рукой. Змей вопросительно взглянул на хранителя, хранитель посмотрел на Змея — ну прямо любовники! — и хранитель кивнул. Тиски, стискивающие шею, разжались, руки освободились. Я с трудом сел и стал растирать шею; хранитель, Змей и свита ушли. Юй Лань повернулась и медленно пошла сквозь толпу бандитов, которые нервно отпрыгивали с ее дороги.

Мастер Ли появился в то же время, что и Юй Лань, и на случай, если не хватит уважения и морального превосходства, позаимствовал у одного из бандитов арбалет и держал Змея под прицелом. Сейчас он наклонился надо мной и проверил мои раны.

— Ничего не сломано, — радостно сказал он. — Пострадала только твоя гордость, но на твоем месте я бы не потерял сон. Этот парень — не человек.

— Такидмл, — прохрипел я, пытаясь сказать, «Так я и думал».

Вот так обстояли дела, когда мы приехали в Янь-Мень. Мастера Ли и Юй Лань должны были пригласить во дворец, чтобы продолжить лечить больную жену Великого Хранителя, кукольника приветствовали всегда и везде, вместе с помощником, вскоре должен был появиться Кот Ли, нас ожидал и Змей, и я чувствовал, что скучать мне не придется.

## ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Дворец в Янь-Мене представляет из себя большое мрачное здание, обнесенное рвом, через который переброшен подъемный мост. Он был построен много столетий назад, во время войны Трех Царств, и выдержал немало осад. Я с интересом увидел, что Мастер Ли и Юй Лань, оглядев дворец, пришли к какому-то молчаливому соглашению и приказали немедленно проводить их к больной женщине. Выйдя из ее спальни, Мастер Ли сказал только «Паразиты?», а Юй Лань ответила «Почти наверняка». Допросив служанок, оба отправились к декоративным прудам, разбросанным по саду. Потом они приготовили флакон с плохо пахнущей жидкостью и заставили больную выпить его, и Мастер Ли сказал, «Дело сделано».

— Вы хотите сказать, что вылечили ее? — спросил я.

Юй Лань посмотрела на меня. Слабая улыбка тронула ее прекрасные губы, а Мастер Ли откровенно засмеялся. — Бык, с точки зрения обычной медицины, да, — сказал он. — Но с точки зрения шаманизма мы только начали, и, я думаю, следующие две ступени лечения окажутся более интересными для тебя.

Как оказалось, он здорово преуменьшил, хотя вначале я был разочарован тем, что мои услуги не понадобились. К ним присоединился Янь Ши, добавивший пару своих идей, и втроем они быстро написали манускрипт, в котором объявляли, что на жену хранителя напали исключительно злые демоны, которые пытаются украсть ее высшую душу, и решающая битва с Ангелами Тьмы должна произойти утром следующего дня, на рассвете. Мне приказали принести по мешку риса и пчел (не объяснив, для чего именно), а они сами отправились в холмы и собрали огромное количество маков. Я помогал Янь Ши установить в огромной приемной хранителя разнообразное оборудование для кукольного представления, но потом мне разрешили только играть на барабане, и я вынужден признаться, что они были правы. Если бы они доверили мне что-нибудь посерьезнее, я бы точно наломал дров, и в доказательство предлагаю следующее описание:

**Врачи и Демоны**

СЦЕНА: Рассвет. Дворцовая приемная, все окна завешаны шторами, воздуха почти нет, густая тень. На возвышении в конце комнаты стоит стол, на нем факелы. Горят благовония, от них в воздухе висит густая пелена тумана, сильно пахнет маками. Летучая мышь мечется по воздуху, крылья хлопают по всему залу, в тумане теряет ориентацию и приземляется на пол, думая, что это потолок, взбирается на ножку стула, верещит. Барабан начинает монотонно бить, входит процессия, во главе Великий Хранитель Гусиных Ворот. Все молчат, и только барабан бьет на останавливаясь. Кашель, шуршание. Опять молчание. Еще кашель и шуршание. Барабан замедляется: да-дум, да-дум, да-дум ... дум, дум, дум... Мертвая тишина. Потом великий хранитель и сановники подпрыгивают на три чи в воздух.

ГОЛОС ИЗ НИОТКУДА: *Приведите ... ко мне ... больную ...*

Сановники опять отпрыгивают в сторону и образуют дорогу, по которой несут шелковые носилки с женой хранителя. Это молодая женщина, красивая, хорошо сложенная, но видно, что больная. Носилки подносят к ступенькам возвышения и ставят на стол, лицом к зрителям. Носильщики кланяются и исчезают за боковыми портьерами. Тишина.

ГОЛОС ИЗ НИОТКУДА: *Когда Демоны Болезни жили на земле, мужчинами и женщинами, они совершили 9999 преступлений. Страшные грехи привязали их к Девяти Темным Силам, а лживые души будут страдать Тысячи Лет. Чтобы выйти на свет и тепло бедным душам придется послужить фонаря-*

*ми и очагами в Области Вечной Ночи. Вы, кто хочет украсть душу этой бедной женщины, я приказываю вам, исчадья тьмы, покажитесь!*

Тишина. Потом слышится мерзкое хихиканье и в тенях, справа от носилок, вспыхивают огоньки. Появляется лицо ребенка, злого ребенка, с крысиными зубами и отвратительными глазами летучей мыши. Потом появляются другие дети, один за одним, пока их не становится семь. Они угрожающе смеются и приближаются к носилкам.

ГОЛОС ИЗ НИОТКУДА: *Ведьма Девяти Пустых Холмов послал нам своих внуков, но боится показаться сама? Да будет так!*

Ослепляющая вспышка света, раскат грома и облако дыма, и становится виден Мастер Ли, стоящий слева от носилок. Он в высокой широкополой шляпе, усыпанной звездами — символ того, что он побывал на Небесах, когда советовался с богами. В правой руке он держит Лошадь Ночи, на которой ездил в Подземный Мир. После путешествия Лошадь превратилась в трость с набалдашником в виде железной лошадиной головы и основанием, украшенным железным копытом. В левой руке Мастер Ли держит Магический Тамбурин, на верхней половине которого изображены восход солнца, две черные птицы, две лошади и зубы медведя; внизу береза, две лягушки, семь гнезд, семь девушек и Мать Огня. Его длинная белая мантия покрыта колокольчиками, куклами, костями с вырезанными на них символами и двадцать восемью металлическими дисками, символизирующими Дворцы Луны. Он угрожающе потягивает трость в сторону демонов

МАСТЕР ЛИ: *Во имя Князя Тао, рожденного Хаосом, Высшего Повелителя Пяти Сущностей и Семи Светил, я приказываю вам: исчезните!*

Злые дети только смеются. Внезапно их рты широко раскрываются, невозможно широко, из них вылетают ядовитые пчелы и смертоносное облако с громким жужжанием устремляется к Мастеру Ли. Он пошире открывает рот и подлетающие пчелы на лету превращаются в зернышки риса, которые он раскусывает и сплевывает на землю. Все больше и больше пчел. Кучки риса покрывают ноги шамана, но внезапно ему приходится сражаться сразу на два фронта, потому что сверкает еще одна ослепляющая вспышка, раздается еще один раскат грома и в облаке дыма появляется Ведьма Девяти Пустых Холмов в виде огромной птицы. Синее лицо, черные крылья, вместо пальцев — острые когти, оперенье — отравленные стрелы, которые она мечет в шамана. Мастер Ли отбивает стрелы своим тамбурином, но не может одновременно защищать носилки с больной. Демоны подходят все ближе.

МАСТЕР ЛИ: *О Бессмертная Хозяйка Тайных Покоев, Цветок Сердцевины Первоисточника, Носительница Меча и Пояса Высшей Чистоты, услышь призыв твоего верного слуги, появись в гневе и славе!*

Третья вспышка света и третий раскат грома. Рядом с носилками появляется Юй Лань. При виде ее все замирают. Ее волосы облаком поднимаются над серебряной трезубой короной Ночной Луны, и черным водопадом струятся вниз по спине. На ее плаще перья зимородка соседствуют с Семью Сапфировыми Цветками. Кроваво-красный шелковый кафтан украшен лентой с изображениями Феникса, вокруг талии Огненный Нефритовый Пояс с изображением Шести Гор. На нем в серебряных ножнах висит Меч Желтой Реки и Мигающей Утренней Звезды, на ее сапожках вышиты жеребцы, на которых она скачет через тени или солнечный свет: Кровавая Лошадь Дня и Жемчужный Жеребец Ночи.

Юй Лань: *Убирайся обратно в нору, Ведьма! Свет невинной души больше не вспыхнет в твоей тьме, ее тепло больше не разгонит холод ямы, в которую тебя отправили Небесные Обладатели Священного Камня и Девяти Выдохов!*

ВЕДЬМА ДЕВЯТИ
ПУСТЫХ ХОЛМОВ:

*О вы, крылатые твари! Клыкастые, рогатые, с острыми когтями! Летите ко мне! Летите! Летите!*

Ужасная толпа демонов с остроконечными крыльями, похожими на мечи, клювами и рогами, похожими на копья, бросается сверху на Мастера Ли и Юй Лань, которые встречают их мечом и железным посохом, какое-то время слышны только крики и кланг-кланг-кланг, как если бы шесть кузнецов одновременно ударяют молотами по наковальням. Чудища то поднимаются к самому потолку, то с безумной отвагой ныряют вниз, но посох Мастера Ли держит их на расстоянии вытянутой руки. Внезапно мудрец выкрикивает слова на неизвестном языке и появляется огромный конь. Мастер Ли прыгает ему на спину, Юй Лань ударяет по полу левым сапогом, тоже выкрикивает колдовские слова, и, смотри! сапожек исчезает, ее левая нога остается голой, но появляется Кровавая Лошадь Дня и шаманка изящно прыгает ей на спину. Шаман и шаманка взвиваются в воздух и битва продолжается над головами зрителей. Тамбурин Мастера Ли заставил исчезнуть хищных лошадей и гигантского Медведя, Черных Птиц с окровавленными клювами и плюющих ядом лягушек. Юй Лань сражается с вьющимися вокруг нее демонами, ее Сапфировые Цветы превратились в синих тигров, Великая Лента стала драконом, а Огненный Нефритовый Пояс исторгает огонь и потоки лавы.

ВЕДЬМА ДЕВЯТИ
ПУСТЫХ ХОЛМОВ:

*Сражайтесь, мои дорогие! Сражайтесь!*

Но сама ведьма делает кое-что другое, намного более умное. Она проскальзывает сквозь огонь и устремляется вниз, к носилкам, на которых лежит больная, и когда она устремляется обратно вверх, то в когтях находится что-то теплое и светящееся. Тем временем Мастер Ли наголову разбивает демонов,

напавших на него: Деревья, Гнезда и сама Мать Огня исчезают. Юй Лань скачет на огромной лошади по воздуху и видит ведьму. Шаманка срывает с себя трезубую корону и бросает ее изо всех сил. На ведьму обрушивается полная луна и ведьма от ужаса кричит. Маленькая светящаяся душа выскальзывает из ее когтей, мечется в воздухе и исчезает. Мастер Ли и Юй Лань преследуют Ведьму и остатки демонов, а потом тоже исчезают. Их нет, но голоса звучат, из ниоткуда.

МАСТЕР ЛИ:
Возвратись, о душа, ты в великой беде!
На востоке гиганты с головой до небес,
Десять солнечных дисков, что плавят металл
И дробят на куски корни крепкие скал.

ЮЙ ЛАНЬ:
Возвратись, о душа, ты в великой беде!
Страшны южные люди, их зубы черны,
Лица в шрамах, а руки ласкают мечи.
Их громадные змеи глотают людей.

МАСТЕР ЛИ:
Возвратись, о душа, ты в великой беде!
Запад скрылся под пологом Гиблых Песков.
По пустыне безлюдной бегут муравьи,
Каждый красен, как демон, размерами — слон.

ЮЙ ЛАНЬ:
Возвратись, о душа, ты в великой беде!
В горах севера бродят драконы зимы.
Под замерзшим от холода сводом небес
Раздается их дикий пронзительный смех.

МАСТЕР ЛИ:
Возвратись, о душа, ты в великой беде!
Ты не сможешь взобраться на Небо, душа.
Леопарды и тигры хранят ворота.
Остроглазые волки любого сожрут.

ЮЙ ЛАНЬ:
Возвратись, о душа, ты в великой беде!
Ты не сможешь спуститься в подземную тьму.
На пороге чудовище с телом быка,
Три сверкающих глаза на морде осла.

Он носилок поднимается дым. Когда он рассеивается, Мастер Ли и Юй Лань стоят по бокам от больной, их руки и головы подняты к звездам.

МАСТЕР ЛИ:
О душа, мы поможем вернуться назад.
Мир наполнен опасностью, всюду враги.
Мы стоим возле тела, вокруг тишина,
В твоем старом жилище покой и уют.
Здесь удобные залы, высок потолок,
Ждут тебя павильоны, террасы и пруд.
Теплый ветер склоняет к воде листья ив,
И разносит по саду цветов аромат.

ЮЙ ЛАНЬ:
О душа, мы поможем вернуться назад.
Тебя комната ждет, в ней сокровищ не счесть.
Кипы лучшего шелка, парча и атлас,
И подушки, набитые перьями птиц.
Покрывала из Греции, снега белей.
Жемчуга и алмазы, небесный нефрит.
Ярко свечи горят, всюду мир и покой,
И струится над полом аромат орхидей.

МАСТЕР ЛИ:
О душа, тебя ждут сто изысканных блюд,
Рис, пшеница, зерно, мясо жирных коров,
Черепашки, тушеные в их же жиру,
Они плавают в соусе сладких батат.
Гусь с приправой из пряного перца-сырца,
Запеченная утка и нежный журавль,
Куры, устрицы, суп черепаший из Ву,
И медовые пряники, торт, леденцы.
Ждут бокалы с нефритоподобным вином,
Освежат, подбодрят, в тебя силу вдохнут.

Крошечный мигающий свет появляется высоко над ним, в самых глубоких тенях сводчатого потолка.

ЮЙ ЛАНЬ:
О душа, музыканты готовы играть,
Барабаны дрожат, колокольчики ждут.
Они лучшие песни споют для тебя
«Собирая цветы» и «Дорога домой».
Ждут танцовщики в шкурах волков и гиен.
Струны цитры застыли, им хочется петь.

Появись — сразу музыка хлынет струей,
Воцарится гармония, хаос уйдет.

Сияющая точка начинает снижаться, увеличиваясь и становясь все ярче и ярче; Мастер Ли и Юй Лань направляют ее к печени жены хранителя, у зрителей глаза становятся круглыми, как у западных варваров.

МАСТЕР ЛИ
ЮЙ ЛАНЬ:
О душа, тебя ждет твой изысканный дом,
О душа, тебя ждет нежный любящий муж,
О душа, тебя ждет лучезарная жизнь,
Воротись, воротись, возвращайся назад!

Как только шаман и шаманка подводят душу к печени пациентки, свет исчезает. Мастер Ли кладет ладонь на глаза больной и мягким голосом приказывает уснуть. Юй Лань подходит к краю возвышения и говорит, обращаясь к Великому Хранителю, который все еще старается держаться подальше от Таинства.

ЮЙ ЛАНЬ:
Ушла болезнь, и впереди
Одна Любовь и Жизни свет.
Ты не забудь про Дао путь,
Молись и жертвуй беднякам.
Сбежало зло в забвенья тьму,
Но не исчезло навсегда.
Молись Достойным Трем Богам,
Готовь им мускус и сурьму.
Мы, слуги Ву, не просим благ,
Победа — вот награда нам.
Вернись теперь к земным делам,
Правитель должен мир хранить!

Двери хлопают и открываются, внутрь проникает солнечный свет, зрители, шатаясь, вываливаются наружу. Носилки уносят в обратно в спальню, дым маковой соломки толстой струей поднимается к облакам.

Все представление я пролежал рядом с дергающейся летучей мышью. Теперь я поднялся с пола и глубоко вздохнул свежего воздуха. Мастер Ли и Юй Лань вылили себе на голову холодную воду из заранее приготовленных кувшинов, Янь Ши спустился со своего гнезда на стропилах, кашляя, тяжело дыша и растирая руки и ноги.

— Весьма и весьма неплохо, особенно учитывая, что у нас не было времени для последней репетиции, — сказал Мастер Ли.

— Да, я видел представления похуже, — отозвался кукольник.

Юй Лань, как обычно, не сказала ничего. Она прошла мимо меня: молчаливая, изящная, далекая, как странствующее облако, втайне смеющаяся над миром.

— Видишь ли, Бык, — спустя какое-то время сказал Мастер Ли, когда мы гуляли по дворцовому саду, — для шамана найти причину болезни и подходящее лечение — только начало. В этом случае мы легко нашли причину. Головастики.

— Головастики? — удивился я.

— Совершенно точно, — ответил Мастер Ли. — Вряд ли тебе по вкусу сам великий хранитель, но его жена должна тебе понравиться. Она дочь главаря бандитов, можно сказать родилась в седле, и в том возрасте, когда обычные девочки шьют и болтают между собой, скакала по диким холмам между камней и деревьев. Конечно она обязана родить мужу детей, но можно только догадываться о том, что она думает, глядя на быстроглазых трусливых типов, вроде своего отца или этого хранителя.

Мастер Ли остановился около одного из декоративных прудов, находившего совсем рядом с высокой серой стеной замка. Изящные окна заканчивались узкими балконами.

— Головастики, — повторил он, глядя на зеленую воду. — Старухи говорят, что если женщина проглотит четырнадцать живых головастиков на третий день после начала менструации, а потом еще десять на четвертый, то она точно забеременеет в ближайшие пять лет, и вот бедняжка наглоталась этих тварей. Сами по себе они совершенно безвредны, зато очень вредны живущие в них черви-паразиты, которые быстро перебрались из головастиков в живот этой юной женщины и заставили ее страдать как желтую обезьяну. Юй Лань и я дали нашей больной сильное глистогонное средство и запретили есть головастиков, так что в физическом смысле она здорова как лошадь.

Он задумчиво разглядывал головастиков, потом потянулся и достал из кармана маленькую закупоренную склянку.

— Вот здесь, — продолжал он, — заканчивается обыкновенная медицина и начинается работа шамана. Да, мы вылечили тело, но что это дает, если повреждена душа? Подумай об унижении, на которое пошла дочь главаря бандитов, вынужденная глотать этих несчастных головастиков, подумай о том, что она потеряла веру в себя. Так что Юй Лань и я — с бесценной помощью Янь Ши — заставили даму почувствовать себя самой важной личностью в мире, за ее душу сражались могущественные силы добра и зла. Еще не сделанный последний шаг в лечении — избавиться от необходимости в головастиках. Я уверен,

что она сама бы нашла подходящее решение проблемы отцовства, но никакой уважающий себя шаман не должен допустить возврата болезни, чтобы там она не решила.

С этими словами он вынул пробку из склянки, и оттуда прямо на мою одежду прыгнул живой скорпион. Пока в основных провинциях Поднебесной не проведен конкурс на самое быстрое раздевание, рекорд принадлежит мне. Уже через три секунды я, совершенно голый, был в пруду.

— Ч-ч-ч-то —, — провизжал я, когда вода смыла с меня страшную тварь.

— Извини, Бык, — усмехнулся Мастер Ли. — Но в любом случае он не ядовит, и мне показалась, что это будет смешно. Должно быть я стал старым и дряхлым, как Небесный Мастер. Мой дорогой мальчик, — с чувством сказал он и довольный пошел прочь.

Пруд был не больше двух чи в глубину, так что я быстро выбрался на берег, но чтобы распутать клубок, в который превратилась моя одежда, нужно было намного большее время, и пока я пытался засунуть правую ногу в левую сандалию, на земле появился след от элегантного сапожка, и я понял, что рядом кто-то есть. Повернувшись, я увидел девушку, которая, хихикая, позвала меня за собой, мы поднялись по лестнице и через изящную дверь вошли в роскошную спальню с высоким окном, заканчивающее узким балконом, через которое был виден маленький пруд, в котором резвились головастики, прыгая через мою пропавшую левую сандалию.

— Т-ты! — с дрожью в голосе сказала жена хранителя.

На самом деле она не колебалась ни секунды, быстро сбросила с себя напускную скромность и поманила меня пальцем. — Ко мне, — скомандовала дочь главаря бандитов.

Позже я узнал, что девять месяцев спустя она родила сына (пять катти и десять лянов) и дала ему детское молочное имя Лю Ню. Все подумали, что она посвятила ребенка одному из второстепенных богов по имени Лю-хай, и тогда молочное имя означает «Счастливый Теленок», но если она думала о другом боге, по имени Лю-Лан, то имя означает «Любвеобильный Бык», и это мне нравится больше.

## ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Тем же вечером я опять прошел мимо пруда с головастиками, только на этот раз Мастер Ли сидел у меня на спине. Я тихо проскользнул мимо кустов и начал взбираться по стене. Не так далеко от нас, на подъемном мосту, надрывались трубы и в почетном карауле застыли солдаты. Мудрец хотел закончить лечение жены хранителя до того, как мы займемся по-настоящему серьезными делами, и нельзя было выбрать более удачного момента, потому что в окружении

солдат элитного Волчьего Полка на подъемный мост вошел украшенный императорскими драконами паланкин с Котом Ли внутри.

Карабкаться было просто до неприличия. Огромные каменные блоки, из которых состояла стена, были поставлены настолько хаотично, что, поднимаясь, я мог бы плясать, если бы захотел, и сумел добраться до покоев Великого Хранителя ни разу не выйдя из-под прикрытия какого-либо парапета или балкона. Когда я взобрался на край последнего балкона, мы заглянули через окно внутрь и увидели рабочий кабинет хранителя и коридор, в котором стояла стража. Второе окно привело нас в святилище.

— Почему бы им не поставить вывеску с надписью «Ограбь меня!», — презрительно прошептал Мастер Ли.

Все было лучше, чем я ожидал. Пяти-панельный декоративный экран от злых духов защищал нас от света ламп и луны, и находился достаточно близко к низкому нефритовому столу, за которым должны были вестись переговоры. Вокруг стола лежало несколько шелковых подушек, в стенном шкафчике Мастер Ли нашел кувшин с замечательным вином и второй, с самыми вкусными солеными водорослями, которые я когда-либо ел. Мы уселись за экраном, и нам не пришлось долго ждать. Не прошло и часа, как раздался топот сапог стражников, звякнуло оружие, объявляя о прибытии Великого Хранителя, и в дверь вошел сам хранитель, Кот Ли и двое слуг, которые быстро поставили на стол жаровню, на него кувшин с водой, поклонились и исчезли за дверью, которая с лязгом закрылась за ними.

— Мне не нужен приговор знатоков, чтобы оценить эту партию, — без всяких предисловий сказал Кот Ли. — По моему вкус улучшился процентов на пятьдесят, по меньшей мере, хотя я не эксперт.

— И не я. Но я всегда доверяю мнению экспертов, — сказал великий хранитель с насмешливым поклоном, и оба покатились со смеху.

Кот Ли открыл денежный пояс и вынул оттуда небольшой круглый предмет, на котором, как мне показалось, стояла императорская печать. Бледно зеленый с фиолетовым отливом, и по-видимому тяжелый, как кусок дуба. Пальцы Мастера Ли впились мне в плечо.

— Чай «Дань», — растерянно прошептал он. — Какого черта этот грязный евнух оценивает качество чая Дань?

Риторический вопрос, и я не ответил ничего. Серебряным ножом евнух отрезал тонкий кусочек маленького твердого свертка, а великий хранитель серебряным пестиком размял чай в серебряной ступке. С большими церемониями оба трижды просеяли порошок через серебряное ситечко и насыпали равные порции на два широких блюдца цзянь. Вода в кувшине уже кипела (собственно говоря это был не кувшин, а «котелок для супа») и великий хранитель аккуратно залил цзяни кипящей водой. Потом быстро помешал бамбуковой палочкой. Вначале жидкость была белой, потом приобрела золотой оттенок, и моих ноздрей достиг тонкий аромат одного из лучших чаев в мире.

Они поклонились друг другу, поднесли блюдца к губам и выпили по маленькому глотку, после чего великий хранитель скривился и плюнул все в очаг.

— И все равно на вкус — верблюжья моча, — недовольно сказал он.

— Ну, я не сказал, что это совершенство, — запротестовал евнух. — Попробуй еще глоток и не жди чуда.

Великий хранитель осторожно попробовал еще, и на этот раз проглотил напиток.

— Да, действительно, немного лучше, — нехотя проворчал он. — И все равно этим не обманешь даже ребенка.

— Кто собирается обманывать детей? Мы обманываем варваров, — с сухим смешком сказал евнух. — Взгляни на листья и скажи, как ты их находишь.

Он вынул какую-то крошечную вещь из денежного пояса и протянул великому хранителю. Тот с восхищением оглядел ее.

— Будда, вот это само совершенство. Из той же самой партии?

— Точно, и я выбрал самый плохой из всех. Мы отработали технику до предела, и я на девяносто пять процентов уверен в успехе. Как обстоят дела у тебя? — спросил Кот Ли.

— Еще четыре короля варваров проявили интерес — и двое из них уже заказали, — быстро ответил великий хранитель. — Конечно, настоящим рынком был бы Рим, но дорога по морю крайне опасна, а на караваны очень любят нападать честолюбивые принцы. И один из них мог бы отправить это в Китай в качестве дани. Можешь себе представить?

Кота Ли передернуло. — Не хочу даже думать о таком, — сказал он. — Какие-нибудь изменения в легенде?

Великий хранитель пожал плечами. — Зачем что-то менять? Нам надо объяснить, как мы приобрели товар. Поверь мне, невозможно улучшить предназначенную для императора историю о бандитах, ограбивших караван и нашедших груз. Недавно я женился на дочке главаря бандитов и теперь легко объяснить, что мой знатный тесть, оказавшись не в состоянии продать добычу за границы цивилизации, обратился ко мне в поисках внешних рынков. Давай не будем золотить то, что и так блестит.

И тут все внезапно изменилось. Хранитель вынул большую карту и они начали обсуждать дороги и рынки, когда по комнате пронесся пронзительный, но приятный звук. Как будто звякнул маленький серебряный колокольчик, в то же мгновение оба вскочили на ноги. Хранитель подбежал к западной стене и отодвинул в сторону картину в бамбуковой рамке. За ней оказалась дверь сейфа. Его спина закрывала обзор и я не видел, как он открыл ее, но когда он повернулся назад, я едва не вскрикнул. В руке он держал старую клетку, точно такую же, как и две первых, звук шел из нее.

Хранитель подошел к столу и поставил на него клетку. Только тогда я разглядел крошечное пятно света, мигавшее в центре — звук колокольчика шел именно оттуда. Опять-таки плечи хранителя не давали видеть, что он делает, но клетка открылась. Звук мгновенно прекратился. Маленькое пятно стало расширяться, постепенно заполнило всю клетку и тут мои глаза едва не вылезли из орбит. Свет стал меняться, превращаясь в человеческое лицо, и через несколько секунд я узнал его: тот самый старший мандарин, которого я видел на похоронах Ма Туань Линя! Пальцы Мастера Ли ножами впились в мои плечи, а морщинки на его лице настолько тесно окружили глаза, что я даже засомневался, может ли он вообще что-то видеть. Потом рот мандарина открылся и мы ясно услышали его голос.

— Уважаемые коллеги, произошло совершенно невероятное событие! Невероятное! — завизжал он, брызгая слюной, потом с огромным усилием воли успокоился. — Все наши планы и надежды, все высшие цели, к которым мы стремились, но уже отчаялись достичь, все стало достижимо! Я бы сам никогда не поверил самому себе, но сейчас я имею честь, с огромным уважением, передать вам послание от очень, очень уважаемого человека. Дальнейшие слова с моей стороны были бы огромной дерзостью.

Лицо заколебалось и исчезло, как будто облака разбежались в разные стороны, а потом куски собрались опять, и я опять проглотил рвущийся из горла крик, когда новое лицо заполнило клетку. Лицо Небесного Мастера.

— Ага, так это вы коллеги этой твари? — негромко сказал святой. Его лицо налилось краской, а голос перешел в рев. — Тупые ослы! Кастрированные уховертки! Обезьяны-идиоты, умеющие только жрать свое собственное гавно! Засуньте свои дерьмовые пальцы себя в уши и вытащите оттуда навозных жуков, потому что сейчас я покажу вам ошибку в ваших безумных планах.

Великий хранитель просто окаменел от удивления, но только не Кот Ли. Евнух схватил руку хранителя и указал на дверь. Только сейчас хранитель вспомнил, что дворец кишит подслушивающими ушами, как амбар крысами. Он схватил клетку, вместе с евнухом подбежал к южной стене и открыл маленькую дверь. Оба нырнули внутрь и, как только дверь за ними закрылась, яростный рев Небесного Мастера оборвался.

Мастер Ли, в свою очередь, облегчил душу примерно такими же словами, как и Небесный Мастер, выскользнул из-за экрана и подбежал к двери. Она не поддалась, я подошел и внимательно оглядел ее. Замок испорчен, и через тоненькую щель я заметил, что с другой стороны ее удерживает огромный засов. В такой ситуации мог помочь разве что таран.

— Мы обязаны услышать то, что скажет Небесный Мастер, — мрачно прошептал Мастер Ли. — Он слишком долго витал в облаках, высоко над нашей грешной землей, и не понимает, насколько опасно пытаться обмануть об-

манщиков, готовых в случае неудачи разрубить тебя на тысячу кусков. Бык, быстро в окно.

Он прыгнул ко мне на спину, я быстро вылез из окна и полез вниз по стене, пока не достиг уровня зала для приемов, больше походившего на тронный зал с высоким золотым стулом на маленьком возвышении. Я забыл упомянуть, что замок был выстроен в стиле «Сосна»: огромная каменная башня в центре поддерживала балки пола, которые, как ветки дерева, уходили, к наружным стенам, а возвышение являлось продолжением центральной башни.

— Бык, они пошли по проходу, который ведет в центральную башню, а в каждом «Сосновом» замке башня полна тайных комнат, и, следовательно, должен быть колодец для воздуха и света, — сказал мудрец.

Он приказал мне залезть внутрь, подбежать к возвышению и откинуть в сторону гобелены, висевшие за стулом. То, что он искал, я нашел за третьим гобеленом: маленькая лакированная дверь, за которой находилась винтовая лестница, вьющаяся среди круглых стен. Я побежал вверх, перепрыгивая по две ступеньки за раз, потому что верил, что рев Небесного Мастера должен заглушить любой звук, и уж тем более шлепки сандалий по камню, но, достигнув уровня кабинета хранителя, мы нашли не одну тайную комнату, а две, и чтобы добраться до второй, надо было пройти через первую. Когда же Мастер Ли соскользнул с моей спины и открыл отделанную золотыми пластинами дверь, я нутром ощутил, что мы идем прямо в ловушку. Мастер Ли указал на вторую золотую дверь и прошептал, — Если я правильно сориентировался, они должны быть там. — Мне показалось, что я действительно слышу слабый голос Небесного Мастера, но больше всего меня интересовала территория, которую нам надо было пересечь.

Мы осторожно ступили на толстый ковер из меха горностая. Все стены комнаты были затянуты бархатом, в центре стояла огромная кровать, накрывая атласным покрывалом, и повсюду были развешаны портреты одного и того создания. Портреты Змея, и я не собираюсь хвалить хранителя за поистине гениальное решение разместить комнату катамита[65] поблизости от своего рабочего кабинета и зала для приемов. Я нервно вздохнул и пошел на цыпочках за Мастером Ли, пытаясь вообразить себя невидимкой. Ничем хорошим это не могло кончиться.

Я шел мимо экрана с изображением дракона, когда меня ударил ствол летящего дерева или что-то в этом духе. Мне кажется, что я еще летел по воздуху, когда Змей схватил Мастера Ли и засунул его в большую малахитовую урну. Атлас на стенах смягчил удар, я поднялся с ковра и бросился на рептилию, которая довольно шипела. Я оказался настолько добр, что несся на него выставив

65 Катамит — мальчик, состоящий в половой связи со взрослым мужчиной.

голову вперед, так что он ударил меня в подбородок левой сандалией, потом правой, потом опять левой и опять правой, как ребенок, играющий в мяч, и когда я уже лежал на ковре, то увидел как ротовое отверстие его лица странно изогнулось. Да, Змей улыбался доброму мальчику Десятому Быку, который пришел, что развлечь его и умереть, очень медленно. Он бил меня почти дружески, чтобы не в коем случае не сломать мне шею и не закончить удовольствие. Я сумел перекатиться, дико брыкнул ногой, и Змей оказался настолько увлечен игрой, что даже разрешил мне подняться на ноги.

За спиной рептилии из урны поднялась старая морщинистая рука, державшая метательный нож. Мастер Ли смог высунуть руку только на несколько цзуней, так что о броске речь не шла, но он хотел, чтобы его взял я. Оставалась маленькая проблемка — пройти мимо Змея и добраться до ножа. Все, что я мог сделать — атаковать и молиться, и мне почти удалось поднять его в воздух. К сожалению я рассердил его, он зло зашипел и перестал играть. Руки Змея перехватили мой захват и без труда разорвали его. Потом тварь, в свою очередь, сдавила меня так, что я почувствовал, как мои кости превращаются в желе, и я сумел выдохнуть только, — Бросай! Бросай!

Я рассчитывал, что его это отвлечет. Так и произошло. Мастер Ли бросил нож так, как мог, лезвие лениво блеснуло в воздухе, прежде чем ударить в спину Змея. Он должен был почувствовать, что его укусил муравей. Тварь поглядела назад, увидела вытянутую руку и ей это сильно не понравилось. Довольно громко шипя, Змей повернулся, сильно ударил по урне ногой и стал смотреть, кто разлетелся на куски: урна или старик. При этом он отвлекся от меня. Я рванулся, разорвал захват, схватил его за пояс и, едва не сломав спину, поднял тварь в воздух. Его ноги совершенно точно оторвались от ковра. У меня осталось сила только для одной отчаянной попытки, и все, что я смог придумал — ударить его спиной о край большого мраморного стола. Увы, когда я опускал его, он сумел извернуться и вместо края ударился спиной о плоскую поверхность. Холодные глаза рептилии, не мигая, смотрели на меня, а у меня не было сил сломать ему шею. Руки налились тяжестью, ноги задрожали, я пытался удержать его, бесполезно, я поскользнулся, холодные бесстрастные глаза не отрываясь глядели на меня, я упал на пол и Змей упал рядом со мной.

Он лежал неподвижно, не сводя с меня холодных мертвых глаз, и только тогда я осознал, что произошло настоящее маленькое чудо. Нож Мастера Ли едва прорвал одежду Змея и чуть-чуть проник внутрь тела, совершенно безвредно для твари, но потом нож оказался в нужном месте в нужное время. Удар тяжеленного тела о плоский стол загнал его внутрь, в самое сердце. Змей был мертв и холоден как камень.

# ПДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

Глаза Мастера Ли расширились от изумления, когда я заглянул в его урну.

— Ты жив?

— Господин, — ответил я, — быть может нам покровительствует какое-то божество? Если нет, мы можем разориться, покупая благовония для всего пантеона.

Я сумел вытащить его наружу не разбив урны, и, помассировав ноги, он через какое-то время уже мог ходить, хотя и не слишком хорошо. Он оглядел тело Змея и с удивлением покрутил головой, когда я рассказал, что произошло. И тут же указал на неприятную особенность нашего положения, которая даже не пришла мне в голову.

— Совершенно невозможно выдать эту рану за несчастный случай, — сказал он. — Из-за этого происшествия у нас еще будет много неприятностей, но сейчас необходимо решить самую неотложную проблему. Тело должно исчезнуть.

Я открыл было рот, чтобы высказать пару предложений, и тут же закрыл его опять. Проклятый хранитель был способен разобрать замок на камни, перекопать каждый цзунь земли и осушить колодцы, лишь бы найти своего любимчика, и когда Мастер Ли сказал исчезнуть, он имел в виду исчезнуть без следа.

— Первый шаг — вынести его из этого любовного гнездышка, — с отвращением сказал мудрец. — Хоть это просто.

Просто сказать. Мне пришлось попотеть, пока я дважды пропутешествовал по внешней стене в сад: один раз вынес Мастера Ли, второй раз — Змея.

Я засунул труп в большую тачку (об этом изобретении я уже рассказывал раньше), а сверху накинул большой джутовый мешок из-под навоза. Мастер Ли с удобством расположился наверху, и я покатил тачку мимо стражников, пока мудрец икал, размахивал флягой с вином и орал непристойные песни. Капитан стражников только поклонился. После битвы, в которой старый шаман спас жену хранителя, никто и не ожидал увидеть его трезвым, и, конечно, даже помыслить не мог о чем-то его спрашивать. Я прикатил тачку к фургону кукольника и оставил снаружи, будучи уверен, что никто не собирается подходить к зловонному транспорту мудреца: нет ничего опаснее, чем пьяный шаман. Янь Ши пригласил нас в фургон, в котором было очень много кукольного оборудования и очень мало места.

— У нас неприятности, — сказал Мастер Ли. — Большие.

Янь Ши поднял одну бровь.

— Там в тачке труп.

Янь Ши поднял вторую бровь.

— Это тело той самой змееподобной твари, которая едва не убила Быка, и мы думаем, что великий хранитель перевернет небо и землю, пока не найдет проклятого сына змеи, — сухо сказал Мастер Ли.

Янь Ши кивнул.

— У меня есть ровно две мысли на этот счет, — сказал Мастер Ли. — Во первых, можно превратить труп в один из ваших больших манекенов.

Янь Ши указал на луну, имея в виду, что время идет, а потом сморщил нос — дурной запах.

— Есть и вторая: перевести тигра через ров и уговорить его съесть выблядка.

Янь Ши пожал плечами и широко развел руки — как?

— Надо подумать, — ответил Мастер Ли и его морщинки сомкнулись вокруг глаз, пока Янь Ши глядел на полотняную крышу фургона и негромко жужжал. Потом остановился.

— Завтра, — задумчиво сказал кукольник, — Великий Хранитель Гусиных Ворот устраивает грандиозный праздник в честь выздоровления жены.

— На котором тигр съест Змея? — спросил Мастер Ли.

— На котором Великий Хранитель Гусиных Ворот съест Змея, — ответил Янь Ши.

Я решил, что он неудачно пошутил, но Мастер Ли думал иначе. На самом деле он с восхищением посмотрел на кукольника. — Мой друг, вы действительно гений! — воскликнул он.

— Но вы же не говорите серьезно? — слабо пискнул я и посмотрел на Янь Ши, потом на Мастера Ли.

Откровенно говоря я бы не хотел описывать то, что последовало потом, но — нечего делать! — я взял на себя обязанность честно описывать приключения Мастера Ли, так что я обязан включить сюда детали, из-за которых я буду выглядеть еще глупее, чем обычно. В течении следующих ужасных часов мне в голову лезли только совершенно неподходящие картины. Например самая первая сцена, с которой начался мой рассказ, и у меня не было даже тени мысли, почему она впилась как заноза в мой мозг и не собиралась уходить. Я видел презренного варвара с каменным лицом и глазами-сосульками, ищущего на себе вшей и валяющегося в грязи в месте, которое называется Сабинские Холмы, но при этом опускающего свою кисть в яд, чтобы написать идиотские критические замечания и, сладостно хихикая, послать их в Китай.

«Все в порядке, Флакк», молча говорил я ему, пока вез тачку, нагруженную свежими овощами, на кухню замка, «Что ты от меня хочешь? Чтобы я сделал вид, будто под турнепсом нет никакого трупа, потому что трупы слишком напыщенны и мелодраматичны? Да ну, друг Флакк! Отстань!»

В любом большом замке всегда есть маленькая отдельная кухня, на которой готовятся особые блюда, предназначенные для духов или богов, и следовало ожидать, что шаман захочет почтить богов, помогавших ему вылечить больную, а также пригласит на пир уважаемого хозяина. Мастер Ли без проблем завладел кухней, а через несколько минут он и Янь Ши стояли рядом с телом, лежавшим на столе и срезали с него одежду. Честно говоря, я все еще не мог поверить своим глазам.

— Бык, взгляни, нет ли в кладовке желе из свиных ножек? — спросил кукольник и повернулся к Мастеру Ли. — Мне кажется, что бедра стоит замариновать в супе из свиных ножек, смешанных с медом и винным осадком, потом добавить толченых орехов и печь, пока не образуется хрустящая корочка.

— Знаток! — с восхищением сказал Мастер Ли.

— Гллгч! — меня едва не вырвало.

— Бык, уж коли ты там, взгляни, нет ли у них соленых медуз[66], — попросил Мастер Ли, когда я, шатаясь, добрался до кладовой. — Я обнаружил, что они замечательно сочетаются с медвежьими лапами, — продолжал он, обращаясь к Янь Ши. — Сами по себе медвежьи лапы на вкус почти как клей, но если ты добавляешь хрустящих медуз к вязким частям, получается совсем неплохо, так что стоит добавить их к ногам ублюдка и, быть может, к половым органам.

— Гллгч! — меня вырвало.

Тем не менее на одной из полок я нашел свиные ножки, а в шкафу стоял кувшин с солеными медузами. Когда я добрался до стола, Мастер Ли уже собирался отпилить макушку трупа, а Янь Ши прикидывал, как лучше разрубить берцовые кости.

«Видишь ли, Флакк, в этом мире больше нецивилизованных людей, чем ты можешь себе представить», молча сказал я далекому варвару. «Например...»

Вжик! Вжик! Вжик!

— Гллгч!

— Янь Ши, будем ли мы подавать мозги с обычным соусом из турнепса, или они будут вкуснее в устричном супе? — крикнул Мастер Ли, стараясь перекричать удары топора кукольника.

---

66 Далеко не все медузы съедобны, например, медуз из Черного моря вообще есть нельзя. Самая лучшая для еды – азиатская медуза – водится в Желтом море.

Используются только женские особи, потому что мужских очень мало и если их уничтожать, то медузы вообще вымрут. Для различных блюд подходят разные части медузы. Медуза состоит из головы, тела и ног (то, что похоже на шляпку гриба – тело, под ним находится голова, а от головы вниз растут ноги). На суп идет только свежевыловленная медуза целиком. Для салатов можно использовать и тело, и голову, но голова гораздо вкуснее. В Китае состоятельные люди употребляют только головы медуз, а те, кто беднее, довольствуются телом, оно намного дешевле. Тело подходит также и для приготовления горячего. Главное кулинарное качество медузы – то, что она хрустит, при этом голова хрустит больше всех прочих частей, тем и ценна.

— Вы знаете, я бы предпочел сварить их в кокосовом молоке, если, конечно, Бык его найдет, — подумав ответил Янь Ши.

— Чудесная мысль! — с восхищением сказал Мастер Ли. — Бык, посмотри, нет ли здесь кокосовых орехов. Кстати, а ты знаешь, у кого наш эрудированный друг почерпнул эту идею? Однажды, очень давно, на одного великого короля Нам Вьета напали убийцы. Когда он понял, что умирает, то приказал отрезать себе голову и насадить ее на сетку дерева, как прощальный дар своему народу. Голова превратилась в кокосовый орех, и, поскольку король никогда не был трезвым, жидкость внутри ореха стала самым подходящим для брожения продуктом.

Рип! Рип! Рип!

— Гллгч! — рвать было больше нечем.

— Я должен опять воспользоваться вашим бесценным советом, прежде чем что-то сделать, — сказал Мастер Ли. — Должны ли мы приготовить язык целиком, только обжарив вместе с орехами, или лучше его разрезать и поджарить вместе с маслом и чесноком?

— О, я человек масла-и-чеснока, — усмехнулся кукольник. — Почему бы нам не сохранить ореховую пасту для яиц негодяя?

— Превосходно! — сказал Мастер Ли.

— Гллгч!

Вжик! Рип! Вжик! Рип!

— Бык, ты можешь извлечь костный мозг?

— Гллгч-гллгч-гллгч.

— Не беспокойтесь, я сам. Как насчет этой кастрюли с ушами и пальцами?

— Может быть добавить немного грудинки, — сказал Мастер Ли. — Будем тушить на небольшом огне с фасолью, фарагой и красным перцем. А в конце добавим побольше грибов.

— Чудесная мысль, — согласился Янь Ши. — Нет ли у нас времени сделать несколько сосисок?

— Конечно есть. Вот его кишки.

— Гллгч.

— Бык, поищи южной горчицы, которая так хорошо идет с сосисками, — сказал Янь Ши. — Когда-то я знал парня по имени Мэн Гуань, который утверждал, что купил горчицу царства Тан, принес домой и забыл о ней. Горчица стала распухать, у нее появилась голова, потом тело, хвост и четыре ноги, и Мэн Гуань клялся, что однажды она укусила его и ускакала за дверь. Больше он никогда ее не видел.

— Что он пил?

— Пятновыводитель. Кстати, есть ли возможность так изменить черты лица, чтобы великий хранитель не узнал их, и подать лицо его любовника целиком?

— Гллгч.

Я отправился в кладовую и вернулся с кокосами и горчицей. «Понимаешь, Флакк», молча продолжал я рассказывать варвару, «бывают случаи, когда вполне уважаемые люди оказываются вынуждены заниматься делами, которые в обычное время —».

— Вы только посмотрите на почки и поджелудочную железу этого парня!

— Чудовищных размеров! И печень!

— Баклажаны! Бык, нам нужны баклажаны, помидоры, лук, зеленый перец и по меньшей мере два сорта кабачков!

Я положил кости в котлы, вскипятил их, потом размял в серую пыль, добавил мясо и черную патоку, и слепил маленькие яйца, которые бросил из дальнего окна кухни прямо в ров. Рыбы немедленно бросились на них. Одежда Змея пошла в огонь. То, что не могло сгореть, я размял так, чтобы вещи было невозможно узнать и бросил в ров, они присоединились к костяным яйцам и поплыли по воде в сопровождении рыбной чешуи и отбросов. От ужасной твари не осталось и следа, не считая множества блюд, которые должны были быть поданными на стол великого хранителя завтра вечером, во время банкета. Мы с Янь Ши принадлежали к низшим слоям общества, и, конечно, нас не пригласили, зато Мастер Ли и Юй Лань были почетными гостями, и — честное слово! — у меня стало легче на душе, когда я узнал, что Юй Лань вообще не ест мясо. Сам Мастер Ли ел все, в том числе и «Драгоценное Сокровище из Медового Рога Единорога», которое стало главным блюдом на пиру (Янь Ши и Мастер Ли сварили ягодицы Змея вместе с лепестками шиповника, и я должен согласиться, что они здорово раскраснелись). Да, меня не позвали, но я слышал довольные замечания уезжающий гостей, в числе которых были и два знаменитых настоятеля.

— Немного жирно, на мой вкус, но в целом великолепно, — сказал настоятель главного храма Янь-Меня, а его соперник-конфуцианец сказал, как отрезал: — Невероятно сочное мясо!

— Гллгч! — сказал я.

## ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мастер Ли сделал вид, что умирает от усталости, Юй Лань последовала его примеру, и оба сбежали еще до конца банкета, не став слушать скучных поздравительных речей. Юй Лань быстро переоделась в более удобную одежду мальчика и вычернила руки и лицо золой. Теперь она могла помочь отцу, а Мастер Ли и я забрались на маленький парапет замка и глядели вниз на двор замка и фургон Янь Ши, перед которым стоял трон. Мастер Ли рассказал мне, что великий хранитель ел, не обращая внимания на вкус, потому что постоянно получал сообщения от слуг, прочесывавших замок в поисках Змея. В конце концов

он не выдержал, собрал отряд и собирался сам отправиться на поиски. И это, сказал мудрец, дает нам шанс.

— Бык, мы должны добыть клетку хранителя, — твердо сказал Мастер Ли. — Эти невероятные штуки способны передавать звук и изображения через пол Китая, а может быть и дальше, и если мы заполучим ее, то сможем вовремя предупредить Небесного Мастера о грозящей ему опасности. Иначе они перережут ему горло.

— Неужели они осмелятся? — поразился я.

— Ты помнишь как был взволнован мандарин, лицо которого появилось первым? Я почти уверен, что Небесный Мастер играет с ними в какую-то игру, которая должна привести к их разоблачению, но я очень сомневаюсь, что он осознает грозящую ему опасность, — мрачно ответил мудрец. — Эти мандарины понимают, что могут потерять деньги, и поэтому готовы на все, хотя рискуют собственными шкурами.

Я представил себе что люди, вроде Кота Ли и его слуг, Шакала, Гиены и Кабана, как бешенные крысы шныряют рядом со старым святым, и содрогнулся.

— Достопочтенный господин, — спросил я, — вы когда-нибудь слышали о чем-либо похожим на эти клетки?

Мастер Ли задумчиво пожевал свою всклоченную бороду. — Не в точности, — наконец сказал он. — Су О в своей Ту Ян Цза Бянь описывает Зеркало Бессмертных, которое он видел в стране Линь. Он говорит, что этот кристалл обычно использовали врачи, и когда больной стоял перед таким зеркалом, его кожа как бы исчезала и можно было видеть внутренние органы или, скажем, искать сломанные кости. Конечно, нельзя слепо верить Су О, но вполне солидная Си Цзин Цза Чи повторяет его рассказ и добавляет, что кристалл был четыре чи в ширину и примерно шесть в высоту. Су О также пишет, что он видел и маленькие, переносные кристаллы, которые называли Проницательными Жемчужинами, и вот они ближе всего в нашим клеткам. Мне кажется, что принципы действия кристаллов и клеток не должны сильно отличаться друг от друга, хотя, конечно, я могу ошибаться.

Я уже говорил, что мы смотрели на двор и на фургон Янь Ши, перед которым собрались гости, но я еще не описывал сам фургон. Он был огромен, каждая сторона могла откидываться и превращаться в сцену, которая, если использовались выдвижные помосты, становилась еще больше. Парусиновый верх также мог расширяться и Янь Ши использовал его как галерею, бежавшую от одного конца сцены до другого. Кукольник находился на ней во время представления и то, что он проделывал, граничило с волшебством. Внутри галерея представляла из себя лабиринт натянутых проводов, тросов, колес, маятников и блоков, а кукольник с ловкостью кота прыгал с одного бамбукового стропила на другое, держась за них одной рукой, а второй управляя скопищем металлических про-

водов настолько тонких, что зрители их почти не видели. А видели они то, что происходило под ним, на сцене: кукла в великолепных одеждах порхала и прыгала, отплясывая Танец Дракона, на фоне целого кордебалета других кукол, поменьше, выделавших разные пируэты. (Замечу, кстати, что история о том, как один сумасшедший князь однажды арестовал Янь Ши за то, что его кукла как две капли воды походила на обольстительную Княгиню Ву — чистая правда, и потребовалось вмешательство матери князя, чтобы предотвратить грандиозный скандал). Целая батарея бамбуковых трубок вела к различным частям сцены: с их помощью Янь Ши говорил за своих персонажей. В более сложных пьесах за сценой пряталась Юй Лань, которая говорила женскими и детскими голосами, и меняла декорации. Задник сцены представлял из себя раздвижные панели, на которых были нарисованы четыре разные сцены, и Юй Лань виртуозно работала с разноцветными фонарями.

Мастер Ли совершенно серьезно говорил, что Янь Ши не только величайший кукольник нашего времени, но, возможно, величайший из всех, кто когда-либо жил. Я упоминаю об этом потому, что немного жалел сам себя. Сегодняшнее представление должно было стать украшением вечера, Янь Ши собирался показать все, на что он способен, но, увы, я его точно не увижу.

Звон цимбалов, зрители приветственно захлопали в ладоши, занавес пополз в сторону, стала видна ярко освещенная сцена. Слева находился дом и ямынь Судьи По, а справа Дом Радости Матушки Сянь, городской бордель. Низкий одобрительный гул приветствовал появление двух первых кукол: Фу-мо и Фу-цзин (комическая пара), которые должны были разогреть зрителей перед появление главных персонажей пьесы. По традиции вначале они высмеивали местных чиновников и намекали на самые громкие текущие скандалы, потом издевались друг над другом и в конце избивали друг друга свиными пузырями. Большинство диалогов я вообще не понял, но судя по взрывам смеха Янь Ши хорошо проделал домашнюю работу. Потом Фу-мо и Фу-цзин начали рассказывать о себе, жалуясь на то, что подозрительные домовладельцы поменяли замки, поставили железные засовы и завели злых сторожевых собак, владельцы игорных домов обирают всех подряд, а последний простак появился в городе больше месяца назад. Все это время я пытался заколдовать великого хранителя.

«Оставайся там, оставайся там», молча заклинал я. «Посмотри представление до конца перед тем, как начнешь искать».

Юй Лань заиграла на струнах па-па, и из моих глаз хлынули слезы, когда я услышал первые строчки самой знаменитой в цивилизованном мире песни, пропетой с таким чистым крестьянским произношением, что от нее пахло грязью и навозом.

*Я грязный крестьянин, я весел и горд,*
*Слизняк городской же — изнеженный жмот.*

*Не надо мне в Опере слушать звезду,*
*Милее мне песня лягушки в пруду.*

За песней появился певец, и, увидев куклу, я воскликнул от восторга. Это действительно был крестьянин, настолько простой и близкий к земле, что только один шаг отделял его от водяного буйвола. Любая интонация, любая царапина, любая вошь в волосах или грубый жест были невероятно естественны, и в тот момент я мог бы поклясться, что вернулся домой, в мою любимую деревню. Тоска по дому острым ножом резанула меня по сердцу. Крестьянин нес с собой свинью, которую собирался продать на рынке. Фу-мо и Фу-цзин были настолько потрясены даром богов, свалившимся на их головы, что полетели вверх тормашками.

В течении всей очень сложно построенной пьесы «Деревенщина Хун» простак-крестьянин пытается вырвать свинью из лап обеих жуликов, и это давало возможность Янь Ши использовать все свои куклы. Я устроился поудобнее и приготовился смотреть, когда Мастер Ли пихнул меня под ребра. — Пора.

Великий хранитель — что б он пропал! — встал с стула, собрал своих телохранителей и отправился прямо к нам. Мне не оставалось ничего другого, как нагнуться, давая возможность Мастеру Ли прыгнуть ко мне на спину. Потом я обогнул угол парапета и потерял из вида величайшую кукольную пьесу величайшего кукольника в мире. Да, жизнь умеет бывать совершенно несправедливой.

Великий хранитель и его стражники шарили по коридорам, комнатам и шкафам, а мы глядели на них с балконов. В проклятом замке было больше комнат, чем в муравейнике, и все происходило очень медленно, но мы должны были быть уверенны, что нас никто не потревожит, когда мы окажемся рядом с клеткой.

Время от времени, пересекая очередной балкон, я видел фургон — с моей точки зрения ничего более обидного и представить себе нельзя. Обрывки действия — вот что я видел, например как Фу-мо и Фу-цзин покупают великолепную свинью за бесценный алмаз с замерзшего севера (Деревенщина Хун пришел с юга и никогда не видел лед), потом нам пришлось перейти на следующий этаж, и когда я следующий раз взглянул на сцену, то увидел как по дороге домой простак-деревенщина решил взглянуть на свой алмаз и полюбоваться им.

— Аааааа! Сын шлюхи написал в мой карман и убежал!

Потом я опять пополз по стене и пропустил момент, когда жулики радостно встречают вернувшегося крестьянина, поят его вином со снотворным, а потом крадут его одежду, и увидел уже тот момент, когда Деревенщина Хун лезет в окно спальни жены Судьи По.

— Помогите! На меня напал голый демон!

В это мгновение сам Судья По наслаждается видом луны через соседнее окно, совершенно нео-конфуцианским способом.

— Замолчи, женщина! Высший человек не должен слышать твоих недостойных криков или глядеть на твои распутные фантазии.

Потом мы поднялись на несколько этажей, обогнули башню и я опять взглянул на сцену.

— На меня напал очень симпатичный голый демон!

— Женщина, мне нужна тишина! Уши высшего закрыты для неприятных звуков, так же как в его почки и печень не могут проникнуть лень, нерадивость, обман и фальшь.

Великий хранитель исчез, я влез в окно, на цыпочках пробежал через вестибюль и только тогда нашел его. Тут же пришлось бежать обратно и нырять в другое окно, чтобы меня не увидели его люди.

— На меня напал очень симпатичный голый демон, который собирается прыгать на мне, как лошадь!

— О боги, когда же ты замолчишь, женщина! Высший человек может слышать только правильные песни, в сопровождении лютни и цитры, а величие его добродетели устанавливает порядок смены четырех времен года и мировую гармонию.

И именно тогда произошло одно из тех событий, из-за которых человек вешает камень себе на шею и прыгает в колодец. Великий хранитель опять исчез и я опять полез в окно на его поиски. Оказалось, что он привел своих людей в зал для приемов, и Мастер Ли счастливо заурчал, когда увидел как хранитель открыл дверь за троноподобным стулом и повел своих людей вверх по лестнице. Теперь нам оставалось только забраться на балкон его кабинета и подождать, когда он пройдет через дверь, ведущую в главную башню. Потом он будет искать в других местах, сюда не вернется и у Мастера Ли будет время спокойно открыть дверь сейфа. А если почему-то клетки не будет в сейфе, значит она точно в комнате для приемов, находящейся в башне. Через боковое окно я выбрался на маленький парапет, разделенный пополам большой водопроводной трубой, легко обогнул трубу, добрался до другого окна, и только собрался прыгнуть внутрь, в темноту за трубой, как из окна высунулся солдат. Опершись локтем на подоконник, он не глядел в мою сторону, но я даже не мог пошевелиться.

— Ко всем чертям такую службу, — проворчал он.

— Чего жалуешься? Разве у нас бывает другая, провались она в ад, — прорычал другой голос, и еще одна солдатская голова появилась рядом с первой.

— Ты помнишь, нам обещали, что мы будем на хорошей стороне, — сказал первый.

— Точно, а в результате? Здесь мы видим эту проклятую луну, а что видят парни на другой стороне? Деревенщину Хуна, вот что, а мы даже не слышим ни одного слова.

— Ха, все что мы можем слышать — как они рассказывают об этом. И все повторяют, что это самая великолепная штука, которую они видели в жизни. — Второй солдат недовольно сплюнул и пошарил рукой в одежде. — Вот. Мы ее заслужили.

Я тяжело вздохнул. В его руке была фляжка с вином, и если они решили и дальше торчать у окна в свете луны...

Они так и сделали, и, как мне показалось, простояли там много часов. Луна двигалась не туда, тень от водосточной трубы становилась все уже и уже, и вскоре под моими сандалиями не осталось и клочка темноты. Еще несколько минут, и Мастеру Ли придется принимать очень тяжелое решение, потому что если солдаты увидят нас, придется их убить. К счастью, до этого не дошло. Они выбросили фляжку наружу, сами вернулись в коридор, и он с облегчением сказал, — Пошли. Если у сейфа не слишком мудреный замок, у нас есть немного времени.

Я быстро прыгнул внутрь, и когда я оказался на южной стороне, взрыв хохота едва не впечатал меня в стену. Посмотрев вниз, я ясно увидел фургон и сцену, и сообразил, что как раз сейчас заканчивается первое действие. Деревенщина Хун достаточно длинная пьеса, и кукольник разбил ее на два действия, чтобы дать себе отдохнуть. Конец первого действия — сама знаменитая сцена пьесы, и в ней вообще нет ни одной строчки диалога, хотя она занимает почти треть от первой половины.

Дело происходит в Доме Радости Матушки Сянь, куда Фу-мо и Фу-цзин принесли украденную свинью. Судья По, который слегка оторвался от конфуцианских стереотипов, сообразил, что с его женой что-то случилось и ищет ее именно там. А она преследует Деревенщину Хуна, который, в свою очередь, преследует свинью. Действие происходит в длинном коридоре, на обе стороны выходят множество дверей.

Судья По нагибается, смотрит в замочную скважину, потом с ужасом отпрыгивает назад, прижав одну руку к глазам, а второй махая в воздухе. В это мгновение открывается другая дверь и оттуда вылетают Фу-мо и Фу-цзин, неся на руках свинью. Они пересекают коридор и бросаются в дверь напротив, а Судья По склоняется перед другой замочной скважиной. Из комнаты, из которой выбежали жулики, появляется Деревенщина Хун, за ним жена Судьи По, а за ними клиент борделя, благочестивый бонза, в компании очаровательной юной девушки по имени Потерявшийся Цыпленок.

Ни на ком из них нет и клочка одежды, и последние двое глядят похожими на блюдца глазами, как женщина и Деревенщина Хун ныряют в противоположную дверь. Судья отшатывается от очередной замочной скважины, опять закрывает глаза рукой, дверь за ним открывается, появляются жулики, свинья, Деревенщина и жена судьи, за которыми идут благочестивый Дао-ши и другая

юная девушка, которую зовут Пио-Шень (нужно лишить девственности). На этих тоже нет одежды и их глаза тоже похожи на блюдца. Клиенты и женщины остаются в коридоре, судья нагибается к очередной замочной скважине, двери открываются и закрываются, люди мечутся взад и вперед, и постепенно коридор Дома Радости Матушки Сянь наполняется самыми напыщенными и самодовольными типами империи, голыми, которых можно различить только по шляпам и которые охотятся на свинью Деревенщины Хонга.

Я описал эту сцену в деталях для того, чтобы объяснить откуда взялся громовой хохот, впечатавший нас в стену и прокатившийся по всей башне. Потом хохот смешался со свистом и аплодисментами, и эхо от всей этой смеси пошло гулять по всему дворцу. И только тогда, когда я взобрался на уровень личных покоев великого хранителя, мы услышали что-то другое, и даже тогда мне потребовалось время чтобы сообразить, что это не было взрывами смеха. Мастер Ли сильно сжал мое плечо, я схватился за пару мраморных балясин[67], подтянулся на уровень балкона и через высокое окно взглянул в ту самую комнату, в которой мы подслушивали Кота Ли. И тут же прямо на нас вылетел великий хранитель, но нас он не видел. Он вообще ничего не видел, его глаза остекленели от удивления и ужаса, он кричал во весь голос и звал на помощь, и я тяжело сглотнул, когда увидел того, от кого он убегал.

На одной из картинок демонов-богов, которые показал нам Небесный Мастер, был нарисован Чу-Куан, «сумасшедшая собака», пес без головы, и именно он несся прямо на нас. В последний момент великий хранитель ухитрился отпрыгнуть в сторону, развернуться и броситься обратно в комнату. Промахнувшийся пес тоже развернулся, и в этот момент я его разглядел. Его голова не была обрублена, нет. Серые волосы падали с толстой шеи, которая кончалась ничем. Как если бы он появился на свет без головы, но я отчетливо слышал лай. Как можно лаять без головы?

И, кстати, как можно кусать, рвать или разрывать на части без зубов? Я поднялся немного повыше и увидел большую часть комнаты. Повсюду валялись остатки стражников, как если бы стая тигров разорвала их на куски. Кровь заливала пол, лужи крови, и, насколько я мог видеть, у большинства трупов было перегрызено горло. Лай стал громче. Безголовая тварь вовсе не охотилась на великого хранителя, внезапно сообразил я, она гнала его в совершенно определенное место, к тяжелым портьерам другого окна, и эти портьеры распахнулись. За ними находилась огромная собачья голова без тела, с зубов капала кровь, голова качнулась вперед, зубы сомкнулись и Великий Хранитель Гусиных Ворот превратился в беспорядочную груду кровавых остатков.

67 Балясины – вертикальные элементы лестницы, представляющие собой опорные стойки для крепления перил и поручней.

Но в комнате был кто-то еще. У дальнего окна стояла темная тень. Она шагнула вперед, встала на подоконник, потом внезапно повернулась и взглянула на нас. Тот самый человек-обезьяна, кошмар, превратившийся в реальность: серебряно-серый лоб, алый нос, блестящие голубые щеки и желтый подбородок. И конечно в руке он держал ту самую клетку, которую так страстно желал Мастер Ли. Одним быстрым движением тварь скользнула за окно и исчезла.

Меня ослепила яркая вспышка. Когда зрение прояснилось, в комнате не было ни тела собаки, ни головы, взрывы смеха по-прежнему поднимались в небо, а сквозь луну медленно летел большой белый журавль.

## ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мастер Ли приказал мне забраться на верх балюстрады, соскочил с моей спины и вошел в комнату, насколько возможно избегая ступать по крови.

— Господин, но клетки уже нет! — крикнул я, хотя мне хотелось шептать. Увы, но даже крик едва перекрывал смех, грохотавший на дворе. — Скорее всего я не смогу схватить этого монстра. Он бегает по стенам быстрее, чем я по полю, и разве я умею летать, чтобы схватить журавля?

— Бык, хватит молоть чепуху, — оборвал меня он. — Я прекрасно знаю, что он унес клетку, но осталось еще кое-что, до чего я хочу добраться.

Он оглядел комнату и оказалось, что он стоял на узком сухом пятачке, который выглядел маленьким островом в густом и липком красном море. Мастер Ли повернулся ко мне.

— Возьми все портьеры и брось их на пол, чтобы получилась дорожка к столу для совещаний. Я не собираюсь оставлять отпечатки наших следов.

— Да, господин.

Я так и сделал, и мудрец прошелся по зеленым дамасским драконам, которые выглядели еще красивее на кроваво-красном фоне. Потом внимательно осмотрел дальний конец низкого, отделанного нефритовом стола, там, где находилась жаровня, проверил каждый цунь мехового коврика и, наконец, урча от удовольствия, нашел что-то очень маленькое.

— Когда колокольчик зазвонил, объявляя о пришедшем сообщении, великий хранитель и Кот Ли подпрыгнули как зайцы, — объяснил он. — Я был почти уверен, что хранитель кое-что обронил. Так что поблагодарим богов за небрежных уборщиц.

Он показал мне несколько крошек от пирога и маленький обрезок чайного листа, потом аккуратно положил их в денежный пояс. Морщинки так плотно окружили его глаза, что скорее напоминали кончики пальцев, если на них смотреть через линзы Огненной Жемчужины: так обычно бывало, когда он обдумывал проблему, которую я вообще не видел, пока не было слишком поздно что-то предпринимать.

— Не так-то просто замолчать убийство, если жертва — Великий Хранитель Гусиных Ворот, — задумчиво сказал он, размышляя вслух. — Но у Кота Ли вопросов не будет. Убийца — какое-то чудовище, которое похитило и клетку. Он слишком хорошо знает, что двое мандаринов, участников заговора, зверски убиты совершенно невероятными способами и их клетки похищены, так что инстинкт должен требовать от него бросить все к черту и поторопиться домой, чтобы проверить собственную клетку и заодно убедиться, что остальные заговорщики живы и здоровы. Но еще есть старшие чиновники аппарата великого хранителя, которые, если надеются на повышение, должны доказать, что умеют работать. Вот они затеют расследование, которое может задержать нас здесь месяца на три, по меньшей мере. А если мы исчезнем до того, как тело будет найдено, нас обвинят в убийстве и пошлют по нашим следам целую армию.

Морщинки собрались еще плотнее, а потом расслабились, как если бы он нашел решение. — Здесь был тигр, вот и все. Возьми вот это, и будь повнимательнее: твои сандалии не должны измазаться в крови.

На стенах видели шкуры зверей. Одна из них, сохранившая голову и лапы, принадлежала великолепному тигру. Я снял ее и мудрец приказал аккуратно отрезать лапы, а потом повесить обратно так, чтобы повреждения были совершенно незаметны.

— Никто не всматривается пристально в такие вещи. Высшие классы говорят: «А, шкура тигра» и идут мимо, а на одного слугу, который скажет «Разве у него не было лап?» найдутся двое, которые воскликнут «Ты сошел с ума!», — уверенно сказал Мастер Ли.

Потом он покидал портьеры на пол и проложил дорогу к маленькой двери, которая вела в центральную башню — и с облегчением вздохнул, когда дверь оказалась незапертой и легко открылась.

— Бык, вымочи лапы в крови и оставь ясные следы разъяренного тигра, —приказал он. — Пускай все это выглядит так, как если бы тигр сорвал портьеры, гоняясь за людьми и, естественно, оставил на них следы. Не забудь кровавые следы на телах и на пути к этой двери. Я скоро вернусь.

Так я и сделал, мысленно спрашивая себя, как он собирается выпутаться из этого дела. Тигры не переплывают рвы и не взбираются по каменным стенам, и уже тем более не пробираются через заполненные людьми дворы и дворцы. Но во всяком случае мне хватило ума не задавать лишних вопросов. Если Мастер Ли думает, что это можно сделать, значит это можно сделать. Точка. Я поздравил сам себя с этой мыслью, но и помыслить не мог, что все произойдет так легко и какой невероятно счастливый оборот примет дело.

Я с восхищением глядел на плоды своих рук, когда дверь открылась и на пороге появился Мастер Ли, которого я ожидал, и еще кое-кто, кого я совсем не ожидал. Старый мудрец привел дочь главаря бандитов. Она еще не настолько

хорошо себя чувствовала, чтобы смотреть пьесу, которая должна была продлиться больше трех часов, и пришла сюда прямо из спальни. Увидев бойню, она зашипела, ее глаза расширились, она выхватила откуда-то очень острый кинжал и в следующее мгновение я почувствовал, как что-то острое уперлось мне в горло.

— Любовники не должны быть слишком самонадеянными, — рявкнула она. — Я разрешила тебе побыть несколько минут в моей кровати, но не обещала, что ты станешь хранителем Янь-Меня!

— Прошу прощения, Великая госпожа, но хотя Бык и силен, все-таки не настолько, — вмешался Мастер Ли. — Так получилось, что один монстр, наш друг, был в плохом настроении, и мы подумали, что стоит все свалить на тигра. Неплохие следы лап, не правда ли?

Острый кончик кинжала отодвинулся от моего горла, но недалеко. Вдова внимательно посмотрела на Мастера Ли. — Госпожа, мне кажется, что тигр будет нам полезен во многих отношениях, — продолжал Мастер Ли. — Во время лечения я обратил внимание на ваш амулет. Вы родились в Год Тигра, и боги совершенно не обязаны быть деликатными, когда объявляют о своих решениях. Очень возможно, что они желают, чтобы вы родили героев от другого мужа.

Он говорил голосом наполовину шамана, наполовину мудрого советника, и истерический смех снаружи делал его слова более весомыми.

— Вот все, что осталось от вашего мужа, — сказал он, — и теперь вы должны выбирать: остаться благочестивой конфуцианской вдовой или попросить монахов разрешения на второй брак, который, как и первый, будет политическим союзом, выгодным вашему отцу. Однако ничего плохого не будет и в том случае, если невеста сама выберет себе мужа из возможных женихов. Однако этот вариант возможен только в том случае, если мы сможем быстро и без препятствий уехать отсюда.

Когда она убрала кинжал обратно в ножны, я понял, что он победил, но я никак не ожидал следующих слов вдовы.

— Откровенно говоря я не ожидала увидеть убийство, но монстра я видела. Он лез вниз по стене и пронесся очень близко от моего окна. — А потом она еще подбросила охапку бамбука в огонь и отчеканила: — Лунный свет освещал его разноцветное лицо и я, конечно, не ошиблась. По моему очень опасно быть другом Завистника, но, во всяком случае, не бесчестно.

Я едва не ляпнул какую-то чушь, но Мастер Ли вовремя пнул меня ногой. — А, так вы знаете его, — сказал он с радостным удивлением. — Немногие могут похвастаться этим. За исключением, конечно, владельцев клеток.

Она не обратила внимания на приманку и только покачала головой. — Я не говорю, что знаю его. Просто дома, у отца, я видела древние картины и мне читали стихи, о нем. Вот и все. А теперь я хочу узнать побольше, — твердо сказала она.

Пока Мастер Ли рассказывал ей свой план, я делал липкие красные следы тигриных лап на ступеньках лестницы, ведущей вниз, и еще в некоторых местах, включая проход, известный только юной вдове и нескольким старшим министрам. Я надеюсь, что история, которую сочинил Мастер Ли, известна теперь всем, от наших деревень до Сабинских Холмов: как прекрасная принцесса была выдана замуж против своей воли и увезена в ужасную страну, как магический тигр обнаружил тайный проход, который вел в спальню новобрачного (позже нашли широко открытые двери, а на них следы кровавых лап), как он убил неудачливого жениха и его людей, и как принцесса, проснувшись, нашла под подушкой половину брачного контракта, с кровавым пятном на месте разрыва, и как потом великий шаман прочитал знаки на листьях тысячелетника и объяснил, что когда принцесса была еще девочкой, призрак дедушки помолвил ее с Духом Тигра, и ее краткое вдовство закончится, когда появится принц (могучую грудь которого не будет видно из-под медалей), который родился держа в руках кусок пергамента, являющийся половиной брачного контракта и разорванный так, что на месте обрыва остался след от лапы тигра...

Не имеет никакого значения, что дочь главаря разбойников до сих пор не нашла своего счастливчика, поскольку даже ее отец боится пересечь дорогу тигру. У нее было столько времени, сколько она хотела, чтобы поближе познакомиться с кандидатами. Я надеюсь, что она не теряла время зря, и деревенские рассказчики, которые изменяют настоящую историю как хотят, поступают очень мудро, не упоминая о головастиках.

У нас не возникло никаких проблем. Опечаленная вдова взяла дело в свои крепкие руки, выкрикивая приказы направо и налево, а когда нео-конфуцианцы попытались подвергнуть сомнению законность власти женщины, они получили белые дощечки со следами тигриных лап, и все протесты прекратились. На следующий день фургон Янь Ши прокатился по подъемному мосту, я сидел рядом с кукольником, а Мастер Ли и Юй Лань ехали за нами на мулах, нагруженных подарками, и очень скоро мы вернулись в ту местность, которой управлял предводитель разбойников, но на этот раз у нас были указания Великой Хранительницы Гусиных Ворот.

Мы спустились в узкую долину, и мне показалось, что длинный узкий рот проглотил яркий свет солнца. Цикады орали так, что становилось понятно, почему их называют «камнями точильщика ножей», а ящерицы с агатовыми, коралловыми и бирюзовыми глазами замерли от удивления, пока Юй Лань изучала местные фэн-шуй («ветер и вода»).

Было ясно, что она пришла в замешательство, изучив тотемы в виде двух куч гигантских камней.

— Судя по вашему описанию, существо по имени Завистник безусловно является мужчиной, но в этом месте правит сила инь, а не янь, — растерянно сказала она. — Эти вовсе не гордые фаллические тотемы, а женские, робкие и

сгорбленные, причем так и задумывались. Тогда для чего мужчина-обезьяна строит святилище и собирается на коленях заползать в окружение женщин?

Мастер Ли еще раз проверил карту, которую дала ему вдова великого хранителя.

— Это то самое место, — сказал он. — Никаких сомнений. Янь Ши?

Кукольник улыбнулся и сделал изящный жест, как будто передавал стакан. — Моя дочь — знаток в таких делах, а у меня только смутные ощущения. — Жест закончился большим пальцем, поднятым к тотемам. — Мне не кажется, что это только символы или, наоборот, просто две груды камней. Скорее они что-то среднее, вроде надписей дикарей.

Мастер Ли усмехнулся. — Мой друг, я начинаю думать, что наши умы шагают строем, как солдаты на параде, — сказал он. — Я считаю, что это пиктограмма: в данном случае пиктограмма плакальщика, который наклонил голову до земли и встал на колени перед трупом; эти две кучи представляют слово, которое умели писать уже в самое раннее время династии Шан[68]. Слово «смерть». Юй Лань?

— Да, может быть, — сказала она. — Множество богинь связано с Землей Теней, которая в геомансии считается воплощением женского начала. Тем не менее это ничего не говорит о мужчине с лицом раскрашенной обезьяны.

Хотел бы я знать, не смотрит ли на нас лицо смерти, но вовремя захлопнул рот. Мы рассыпались и начали искать ориентиры, которые нам дали, не забывая о том, что вдова не была здесь больше десяти лет, а за это время ветер и обвалы могли изменить местность до неузнаваемости. Тем не менее несколько рядом стоящих утесов с белым шрамом посреди не могли измениться слишком сильно, и когда я продрался через кусты чертополоха то обнаружил, что смотрю прямо на них. Лиловая полоса, образованная сланцем, выступавшим из красноватого камня, должна была указывать прямо на вход, я крикнул остальным, взял палку побольше и стал пробиваться сквозь камыши. Через десять минут мы нашли в стене ущелья небольшое отверстие, в точности такое, как нам и описали. Янь Ши и я приготовились зажечь принесенные факелы, но, как выяснилось, они нам не понадобились.

Пройдя несколько шагов по коридору мы оказались в маленькой пещере, свет в которую падал через большую трубу в потолке. Было светло, как в коридоре галереи богатого дома, на стенах вырезано множество рисунков и вдвое больше пиктограмм, и Мастер Ли замурлыкал от счастья.

---

68 Государство Шан.

Альтернативные названия государство Инь или государство Шан-Инь — государственное образование, существовавшее с 1600 по 1027 год до нашей эры в землях к северу от выхода р. Хуанхэ на Великую китайскую равнину. Государство Шан предшествовало государству Чжоу. Шан является первым государственным образованием, реальность существования которого подтверждена не только археологическими находками, но также нарративными и эпиграфическими письменными источниками.

— Это же Книга Од, первоначальный вариант! — радостно воскликнул он. — Очень близко к шаманскому варианту, который называется Девять Песен, и рассказывает ту же историю, хотя и подчеркивая совсем другие вещи, чем более поздние версии.

Мудрец перевел нам старый текст и получился вполне правдоподобный рассказ, по меньшей мере частично. Эту песню пела девушка, обольщенная богом:

*Его дух пришел, как будто спустилось густое облако,*
*Пылает его голос огнем:*
*«Красоте суждено найти пару.*
*Разве бывает красота без любви?»*
*Он пришел со сладкими словами, но не оставил слова уходя.*
*Умчался вверх, как чистая струя пара, оставив под собой*
*Грязную землю, всю в складках.*
*«О мой Господин, я полечу с тобой,*
*Разреши мне последовать за тобой на Гору Гун-сан,*
*Разреши мне увидеть прирученных людей Девяти Земель».*
*Но мой господин скачет на вихре, облака — знамя в его руке.*
*«Я вымою твои ноги в Небесном Источнике!*
*Я высушу твои волосы на Берегах Солнечного Света.*
*Я соберу сладкие цветы и совью венок для того, кого люблю».*
*Я кричу песню и ее уносит ветер,*
*И я вечно стою на одном месте, медленно выгибаясь как деревце ивы.*

Слова песни, глубоко врезанные в камень, сохранились очень хорошо, в отличии от рисунков. Время поработало над ними, но все-таки можно было разобрать, что у печальной певицы родились дети. Если конечно можно назвать их детьми, потому что это были те самые полубоги-полудемоны, описанные Небесным Мастером.

Я затаил дыхание и невольно отступил назад, когда увидел маленького старика, бросающего огненный шар, чудовищного музыканта и собачью голову без тела. Но в дальше песня описывала не восемь монстров, а девятого ребенка, божественно красивого, родившего обычным человеком. Глаза Мастера Ли сверкали, пока песня рассказывала о том, как мальчик рос, шел от триумфа к триумфу, и наконец стал помощником короля. Ни один герой не мог устоять против храбреца, ни одна женщина не могла сопротивляться красавчику. Однажды он поскакал на гору Кунь-лунь, где, как ему сказали, жила великая богиня, и вот как он рассказывает об этом в песне:

*Аромат бамбука наполняет уединенную гору*
*На длинных волосах травы сверкают капли росы*
*Высокие деревья образуют вьющийся тоннель.*
*Между ними растут красные розы, затмевающие солнце.*

*А их шипы пронзают облака.*
*Пьяные камыши пляшут в кристально чистых озерах,*
*Соревнуясь с тенями неба.*
*Драконьи яйца кипят и трескаются в воде.*
*Или это сверкает рыбья чешуя?*
*А дальше сама Госпожа лежит на изумрудно-зеленой подушке.*
*«Госпожа, наденьте наряд из фиговых листьев,*
*Повяжите ваш пояс из шелка и заячьей шерсти,*
*Взгляните на ваши владения с высоких каменных пиков,*
*Расчешите радугой волосы, пусть глаза наполнятся смехом,*
*Оторвитесь от лености, ищите мечту —*
*О Повелительница Озера, Хозяйка Гор и Равнин, ищите меня!»*

Изящный кавалер никогда не отступал, не отступил он и на этот раз. Ничем не занятое, скучающее, ищущее развлечений существо, которое могло послать более мудрого человека прямо в ад, не отвергло дерзкого смертного:

*В карете из цветущих магнолий и лилий,*
*Под флагом, сплетенным из роз стебельков,*
*И украшенных цветущими ирисами,*
*Она правит темно-коричневыми леопардами,*
*На поводу у нее свирепые рыси.*
*Грохочет гром и молнии раскалывают небо,*
*«Я воздвигну беседку на мягком камне,*
*Для прекрасного гордого юноши, сладкого как персик.*
*Со стенами из ирисов, с полом из мрамора.*
*Из цветущего перца я сделаю крышу,*
*Стропила из сливы, а окна из лилий,*
*Белый флаг из лотоса взовьется над домом.*
*Из донника сделаю экран от духов,*
*На полу разбросаю сладкие хризантемы,*
*Ароматный укроп и красную петрушку.*
*Осенние орхидеи с зелеными листьями и алыми стеблями,*
*И тысячью цветов наполню двор».*

Кавалер стал любимцем богини — он всегда становился любимцем, где бы он ни был — и в конце концов она доверила ему отвезти на своей карете Персики Бессмертия на пир богов. Управляя каретой с запряженными в нее драконами, он проскакал мимо Юпитера, вокруг которого безостановочно крутится пояс из черепов, измеряя Время.

*Драгоценные лунные семена вплетены в его волосы,*
*Его одежда-радуга сверкает в ночном небе.*
*В шапку вшиты кометы, пояс из упавших звезд,*
*Из его ножен рвется сияние солнца.*

*«Умирает тот, кто не рискует!» кричит он звезде-времени.*
*И его меч разрубает черепа. «Сгниет все, что не растет!»*
*Кавалер съедает Персики Богини,*
*И получает жизнь, вечную как Небо или Ад.*

Жажда бессмертия ослепила кавалера, и вселенная вздрогнула от ужаса, когда он заплясал от наслаждения. Его оглушило, и когда птичка Цзяо-мин закричала, предупреждая об опасности, он услышал только победную радостную песню. Он сошел с ума, и взмахнул кнутом, собираясь разнести в клочья любую звезду, оказавшуюся на его пути, и закричал драконам, чтобы они неслись еще быстрее.

*Одна стояла Госпожа Озер и Гор*
*На голой вершине, окидывая взглядом свое царство.*
*У ее ног клубились облака, мрачные и серые.*
*Погасли серебряные лучи луны*
*Когда Госпожа призвала гром,*
*Загрохотавший у ее ног.*
*Поднялись тигриные глаза*
*И небо перечеркнули горящие полосы.*
*Обнажились тигриные зубы, сверкнули тигриные когти,*
*И тигриный крик достиг нефритовых драконов.*
*Они встали на дыбы, подпрыгнули и заревели.*
*Тигриный смех окутал маленькую фигурку,*
*Которая слетела с колесницы, закружилась и полетела вниз,*
*Освещенная лучами звезд и луны.*
*Метеор пронесся сквозь небо и упал в земную грязь.*

Кавалер приземлился в болоте, совершенно невредимый, и отправился вниз, в одно из святилищ великой богини. Там он нашел плоды своей жизни с богиней: две корзинки с младенцами и два амулета с именами детей. Мальчик казался маленьким, сморщенным и несчастным, и на его амулете было написано Хуай-И «Зло». Зато девочка было невероятно красива, вот только в ее глазах навсегда застыл испуг, и на ее амулете стояло Фэн-Ло «Безумие». А маленькой шкатулке рядом с детьми кавалер нашел зеркало и третий амулет, на котором с ужасом прочитал Цзи-ту «Завистник». И когда он посмотрел в зеркало, то обнаружил, что богиня дала ему лицо Завистника. Он подхватил младенцев и с диким криком убежал в лес, и вот конец его истории, написанный исключительно странными стихами:

*Голубой енот уснул, обливаясь кровью,*
*Холод лисам протянул лапы к изголовью.*
*А столетняя сова дико засмеялась,*
*Смерть по лесу побрела, и в село забралась.*

*Пес залаял на луну, побелев от страха,*
*Гуси с утками легли, стали горстью праха.*
*Люди плачут и вопят — косит их холера.*
*Серый призрак песнь поет — песню Кавалера.*

В воздухе прозвучали последние слова, мы отступили назад и переглянулись.

— Великий Будда, это похоже на безумную колыбельную, — сказал Янь Ши.

— Или на самые мрачные стихи Ли Хэ[69], — заметил Мастер Ли.

Он аккуратно перевел каждое слово, прежде чем идти к артефакту, о котором рассказала нам дочь главаря бандитов. Мы протиснулись через узкую щель, повернули влево и оказались в еще одной пещере, также освещенной светом солнца из отверстия в потолке, и даже обычно невозмутимая Юй Лань вздрогнула, а я закричал.

Мы глядели на нашего грабителя, нарисованного на стене много столетий назад, и, тем не менее, можно было разобрать каждую деталь. На шеи человека-обезьяны висел амулет «Завистник», в руках он держал ужасных детей Зло и Безумие. Завистник склонил голову, и только теперь я понял, почему святилище было посвящено инь, а не янь. Мастер Ли взял у меня факел, зажег его, вошел в темноту, находившуюся напротив изменившегося кавалера и моя печень превратилась в ледышку. Никто не говорил и не двигался. Мы глядели на картину вдвое большую, чем изображение Завистника, и, могу сказать, не часто я видел что-нибудь более ужасное.

— Завистник, безусловно, был самым отчаянным парнем за всю историю Китая, — почтительно сказал Мастер Ли. — Это же Си Ван Му, великая и ужасная Королева-Правительница Запада, и слава о ней гремела задолго до того, как мы, китайцы, включили ее в свой пантеон. Ничего удивительного, что снаружи стояли тотемы смерти. Эта дама — покровительница чумы, а ее слуги — Демоны Разрушения.

Юй Лань уже стояла на коленях, кладя земные поклоны, Мастер Ли немедленно присоединился к ней, и мы с Янь Ши отстали не намного. Потом мы молча встали, замороженные богиней, глядевшей на нас со стены. Она была великолепна, если не считать тигриных зубов, торчащих из рта, руки заканчивались тигриными когтями, тело ниже пояса отражало водяной источник ее божественности и заканчивалось чем-то вроде хвоста дракона: огромного, чешуйчатого, сверкающего и извивающегося. В ее бессмертных глазах не было даже намека

69 Ли Хэ (791 – 817 гг), умер в 26 лет.

Начал писать стихи с семи лет. Блистательный поэт-экспромтист, отличался тонкою талией, сросшимися бровями и длинными ногтями. Писал стихи с такою стремительностью, что даже знатоки этого дела отказывались верить, пока не убеждались воочию в его исключительном даровании. Сюжеты брал из своей совершенно необузданной фантазии.

на слабость или жалость, и я думаю, что именно к ней относятся строчки знаменитого поэта Ли Хэ, о котором только что вспомнил Мастер Ли: «Если бы у Неба были чувства, оно бы состарилось».

Мастер Ли сбросил с себя оцепенение и опять повернулся к преобразованному кавалеру.

— Или это он бродит по земле через три тысячи лет после встречи с богиней, или мы с Быком видели самого великого подражателя в мире. И я не могу не спросить себя: что случилось с его очаровательными детьми, и чего он пытается добиться?

Янь Ши глядел на картину и его глаза горели. Горечью? Я не мог сказать, но на его месте я бы почувствовал то же самое. Великолепный кавалер получил лицо раскрашенной обезьяны, а Янь Ши по-видимому был красавцем, прежде чем оспа превратила его лицо в кошмар. Повелительница чумы изуродовала их обоих. Как только до меня дошла эта простая мысль, кукольник напомнил мне, что родился аристократом, а аристократы не тратят время, жалея самих себя. Внезапная солнечная улыбка осветила его разрушенное лицо.

— Не хочу говорить за других, но мне кажется, что это великолепно, — радостно сказал он. — Если теперь я начну жалеть сам себя, я должен буду подумать об этом счастливом парне и двух его отродьях, Зле и Безумии. А у меня есть Юй Лань! — Внезапно его улыбка исчезла. — Для нее это очень тяжело, — тихо сказал он. — Она жрица Ву, и, следовательно, служанка Королевы-Правительницы, а все служанки этой дамы живут в постоянном страхе перед своей повелительницей.

Только сейчас я сообразил, что Юй Лань так и не встала с колен, но продолжала стоять перед богиней, с бледным трясущимся лицом. Кукольник мягко поднял ее, ласково обнял и повел наружу, к свету солнца.

## ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Волны горячего воздуха искажали предметы, и я не понимал, где нахожусь. Вроде бы я рядом с нашим маленьким деревенским домом, за которым находилось озеро, но я знал, что мне все это снится, сжал глаза посильнее, потом открыл их: озеро исчезло, зато дом подпрыгнул в воздух и повис, его дно мерцало и переливалось.

— Что мы собираемся делать с этим, Десятый Бык? — спросил мама.

Отец молчал, но,как всегда, говорило его тяжелое тело. Я попытался вспомнить: делать с чем? Что-то не так, я точно знал, как знал и то, что родители умерли много лет назад, но что не так?

Отец держал в руке птичью клетку. Но не ту древнюю клетку, а современную, простую бамбуковую клетку с ласточками внутри, и он стоял на берегу

реки, которая бежала через нашу деревню. И теперь я знал, что именно не так. Я посмотрел на небо и не увидел облаков, подошел к отцу и взглянул на реку.

Река высохла. Я глядел на сухую треснувшую землю, на умирающие тростники и нескольких ящериц, но как мог мой отец предлагать в жертву ласточек и молиться о дожде? Каждый год ласточки превращаются в устриц, а потом обратно (точная дата записана в Императорском Альманахе), а устрицы — любимая еда драконов лунь, но драконы, управляющие водой, либо убежали, либо бродят глубоко под землей, и я точно знал, что колодцы тоже высохли.

— Что мы собираемся делать с этим, Десятый Бык? — опять спросил мама.

Позади меня кто-то тихо заплакал, я повернулся и увидел Тетушку Хуа, державшую в руке множество бумажных лодочек. Ну конечно, сегодня пятый день пятой луны, когда устраивают гонки на настоящих лодках и пускают на воду бумажные, сун вень, которые должны унести с собой чуму, появляющуюся в жару, но ведь воды нет. Как лодки смогут поплыть? Позади старухи стоял Дядюшка Нун, молитвенно сложив руки, с искаженным от страха лицом, и мне показалось, что я слышу тревожный звон колокольчиков из монастыря на холме, и я побежал туда. Жаркие волны густым облаком обволакивали меня. Звук изменился, стал громче и пронзительнее; это не колокольчики, а взволнованные дети.

Жаркие волны схлынули, и я увидел то, что не высохло: полоску зеленой травы, на которой играли дети. Семь детей схватились за руки и плясали вокруг восьмого, и все восемь были невероятно уродливы: приземистые тела, невероятно большие головы, непропорциональные черты лица. Кто-то играл на лютне, и они пели безумную считалку, высокими пронзительными голосами.

*Козлик, козлик, прыг на стенку,*
*Маме травки набери.*
*Мама в стойле или в поле —*
*Братьев бедных накорми.*
*Раз... два...три...четыре...пять...шесть...семь...восемь!*

На счет восемь ребенок в центре схватил пучок травы и бросился в атаку на стенку, которую образовали другие дети, и я решил, что это похоже на Свинью на Холме, игру не для трусов. Дети в стенке не могли бить ногами, головой или наваливаться на козлика массивными телами, а он мог использовать руки, ноги, зубы и вообще все, что угодно. Получилась огромная куча-мала.

Постепенно козлик пробился через стенку, и дети разбежались, громко смеясь. Козлик принялся гоняться за ними, и, как я понял, тот, кого он поймает, должен стать следующим козликом, но я забыл о них, когда увидел музыканта.

Юй Лань сидела с одной из древних клеток в руках, наигрывая на прутьях, как на струнах, что-то ярко блеснуло и ослепило меня, а когда зрение прояснилось, прекрасная шаманка подняла правую руку и одним плавным движением коснулась левой брови, правой и кончика носа, потом кивнула мне

и я сообразил, что должен сделать то же самое. Я повторил ее ритуальный жест, Юй Лань улыбнулась, открыла сжатые пальцы и показала мне сокровище: крошечный металлический предмет, похожий на вилку, но с двумя зубцами.

Я обнаружил, что подошел к ней и встал рядом. Она медленно подняла предмет к губам, дунула между зубцов, и порыв холодного ветра ударил по моему разгоряченному лицу. Нас окутал мягкий туман, пошел мелкий теплый дождь, над нами изогнулась радуга, а запах травы, земли и цветов сгустился в дорожку, по которой можно было идти. Сила инь обрушилась на меня, и мне не оставалось ничего другого, как подойти к Юй Лань и обнять ее, шепча ее имя; сначала дочка кукольника стояла неподвижно, но потом улыбнулась и подняла свои губы к моим.

— Ужасное унижение, — сказал я.

— Не уверен, — возразил Мастер Ли. — У тебя есть дополнительная пара штанов, а о мокрых снах написаны огромные тома. Многие мужчин встречают таких женщин, которые им совершенно не по карману, так что радуйся, что сумел сохранить свои деньги. И, самое главное, это хороший сон. Ты уверен, что никогда раньше не слышал эту детскую песню?

— Да, господин, — ответил я. — Я слышал множество считалок, но такую — ни разу.

— У тебя хорошая память на песни, — задумчиво сказал мудрец, констатируя факт. — Детские песни, изобретенные взрослыми, в подавляющем большинстве случаев говорят о драках и сражениях. В настоящих детских песнях ничего такого нет, в них говорится о том, что дети любят. Например о козлах, траве, маме и братьях. А ты понимал, что эти дети выглядят как статуи древних богов, которые ты видел на Острове Гортензий?

Я не понимал, и только сейчас сообразил, что он прав, но тогда почему мое спящее сознание преобразовало искаженные статуи в играющих детей?

— Нет никакой загадки в том, почему твой сон начался с засухи, но вот остальное я не могу понять, и это крайне интересно, — сказал мудрец. — Если ты опять отправишься в путешествие по стране снов, не забудь рассказать мне о нем.

Говоря о засухе он имел в виду стоявшую погоду. Крестьяне углубляли колодцы и пытались спасти каждую каплю воды в умирающих речках. На небе не было ни облачка, бонзы и даосы день и ночь молились о ниспослании дождя. Почти каждую ночь кто-нибудь звал Юй Лань, и всегда это был обряд вызывания дождя. От путешественников мы слышали, что так обстояли дела везде, а в Пекине нас вообще ждало настоящее пекло.

По дороге Мастер Ли купил каких-то алхимических снадобий, оборудование и целый тюк ужасного дешевого чая, после чего начал эксперименты, пытаясь превратить презренный та-ча в совершенный чжо-ча, который мог бы по-

радовать сердце императора, и однажды вечером, когда мы разбивали лагерь, он громко крикнул, — Дети, ко мне! Я покажу вам чудо!

Янь Ши, следуя указаниям Мастера Ли, поставил на огонь решетку, а Юй Лань водрузила на нее самую большую сковородку. Сам Мастер Ли выложил на импровизированный стол кучу чайных листов, больших, грубых и ужасно пахнувших. Потом он высыпал на стол немного какого-то желтого порошка.

— Тамаринд, — сказал он. — Это высокое дерево с коричневыми стручкообразными плодами. Его плоды состоят из мягкой пульпы и множества плотных семян. Порошок делают из этих семян, обогащенных винной кислотой и поташом, и он стоит безумно дорого. Нам, однако, надо совсем чуть-чуть. Слово «тамаринд» — арабское, и означает «индийский финик», что достаточно странно, потому что само дерево ни арабское и ни индейское, его привозят к нам из Египта.

Мастер Ли приказал Юй Лань положить тамаринд и листья на горячую сковородку, а сам достал две склянки и высыпал из них в ступку какие-то порошки.

— Цианид железа и сульфат окиси кальция, — объяснил он. — Видите, как цианид меняет цвет?

По мере того, как он толок массу пестиком, синий порошок становился все светлее, появились вкрапления зеленого и фиолетового. Тем временем листья на сковородке Юй Лань впитали в себя тамаринд и тоже поменяли цвет: из отвратительно черных стали великолепно золотистыми. Когда масса в ступке стала светло голубой, Мастер Ли вывалил ее на сковородку, прямо на листья, помешал, резко встряхнул, и тут случилось такое, что увидишь только в театре.

— Черт побери! — воскликнул Янь Ши.

Несчастные листья стали зелеными, как у самого настоящего хайсона[70]. Более того, из сковородки донесся восхитительный запах, а потом я увидел совершенно потрясающее зрелище. Настоящие «перед дождем», чайные листья высочайшего качества, собирают ранней весной, они очень нежны и не любят грубого обращения, их очень аккуратно скатывают и изгибают ловкие женские пальцы. А тут листья скатывались сами! Грубые формы превратились в изящные, листья скатались, стали толще, исчезли обожженные концы, и мы увидели самый лучший чай в мире, вполне достойный императора.

— Вид и запах в точности как у чая «Дань», — счастливо сказал Мастер Ли. — На самом деле есть и дефект: листья окрашены в идеальный сине-зеленый цвет, а у настоящего чая есть слабые желтые крапинки. Для транспортировки листья спрессовывают в плитки и ставят императорскую печать, как на обычные товары мандаринов, и за сумасшедшие деньги продают доверчивым

70 Хайсон – сорт китайского зеленого чая, само слово означает «перед дождем», потому что чайные листья собирают до периода весенних дождей.

варварам. Таким образом они могут произвести тысячи и десятки тысяч плиток. По моей оценке они получают примерно десять тысяч монет на каждую вложенную. Замечательное мошенничество!

Однако вкус — совсем другая песня. Мы вскипятили горшок воды, заварили чай и дружно выплюнули. Пить было невозможно, и Мастер Ли сказал, что для улучшения вкуса мандарины наверняка добавляют определенный процент настоящего чая.

Дым из моей тарелки свивался кругами, искажая все вокруг, и я подумал, что Янь Ши глядит на меня злыми глазами, но когда дым растаял оказалось, что на его изуродованном лице только недовольная гримаса: ужасный чай. Юй Лань начала мыть и убирать посуду: молчаливая, изящная, далекая, как пролетающее облако и втайне улыбающаяся.

Горячие волны воздуха перекосили всю деревню, как если бы она была сделана из мягкого воска, со всех сторон звучал смех — скрипучий смех, натужный смех, вынужденный смех — я посмотрел в щель между домами и увидел, что настоятель нашего монастыря куда-то внимательно смотрит. Глаза наполнены жалостью, на лице — печаль. Я побежал вперед, пока не увидел центральную улицу, и там была моя мать, и там был мой отец, и они оба пытались смеяться. Все пытались. Прямо передо мной прошла свадебная процессия, и мое сердце упало в сандалии. «Смех над собакой» — последнее средство от засухи. Если ласточки не могут долететь до водяных драконов, если все статуи богов уже вынесены на жаркое солнце и ничего не изменилось, тогда остается последняя возможность: свадебная процессия, в центре украшенная цветами карета, гонги, барабаны, все как обычно, вот только вместо невесты собака, одетая в подвенечное платье, все указывают на нее пальцами, смеются и надеются, что шум заставит Маленького Облачного Мальчика поглядеть вниз на это глупое зрелище и заплакать от смеха, а его слезы — дождь.

Я пошел было к родителем, но горячие волны опять обрушились на меня, как если бы на меня опустилось облако, и я почти ничего не видел. Смех стал пронзительнее, кто-то бегал по кругу, и я сообразил, что это совсем не похоже на натужный смех танцоров, пляшущих вокруг свадебной кареты.

*Козлик, козлик, прыг на стенку,*
*Маме травки набери.*
*Мама в стойле или в поле —*
*Братьев бедных накорми.*
*Раз... два...три...четыре...пять...шесть...семь...восемь!*

Я подошел ближе, протискиваясь через горячее облако, и увидел, как козлик прорывается через стенку и бежит за другими детьми. Лютня все еще играла. Я повернулся на звук и слепо пошел на него. Опять вспышка, опять я на ка-

кое-то мгновение ослеп, а когда зрение прояснилось, оказалось, как и в прошлый раз, что я смотрю на Юй Лань, держащую в руках древнюю клетку. Она подняла руки в ритуальном жесте, я повторил ее движение: левая бровь, правая бровь, нос. Пальцы шаманки открылись, внутри лежала крошечная двузубая вилка. На этот раз она не поднесла ее к губам, а угрюмо посмотрела на меня, повернулась, подошла к низкой каменной стене, окружавшей колодец, и повелительно указала на огромную корзину, привязанную к лебедке. Все ясно, она хочет, чтобы мы оба спустились в колодец.

Корзина оказалась достаточно большой. Я развязал веревку и медленно опустил нас в колодец. Лебедка жалобно кряхтела, но веревка оказалась толстой и надежной. На стенах колодца был вырезан странный узор: лягушки, прыгающие одна за другой, по кругу, голова к хвосту. Снизу поднимался ужасный запах. Зловоние гниющей плоти и негромкое рычание, похожее на раскаты приглушенного грома. Я попытался сказать Юй Лань, что мы должны вернуться, но она твердо указала вниз.

Я продолжал опускать корзину. Юй Лань внимательно глядела на стены, пытаясь что-то рассмотреть в слабом свете, падавшим сверху. Теперь снизу донеслось бульканье, и стало так жарко, как будто мы опускались в кратер огнедышащего вулкана. Опять низкий угрожающий рык, запах стал почти невыносимым.

Юй Лань коснулась моего плеча и указала на стену. Я увидел на стене большой черный круг, но никак не мог дотянуться до него. Тогда я начал раскачивать веревку взад и вперед, корзина завертелась. Все быстрее и быстрее. Руки вспотели и на мгновение я испугался, что веревка выскользнет из них и мы полетим к тому, кто ждал нас внизу. Я ухватился за веревку покрепче, но все равно продолжал раскачивать корзину, и, наконец, моя левая рука коснулась круга. Оказалось, что это дыра в стене колодца. Я ухватился за выступающий камень и подтянул корзину к самой стене. Юй Лань ловко перебралась в начало длинного туннеля, я последовал за ней, привязав корзину к камню.

Где-то далеко впереди мерцал неяркий огонек. Шаманка шла к нему, я за ней, и вскоре мы оказались в пещере, пол которой устилал толстый ковер из мха, а через дыры в высоком потолке лился солнечный свет. Дочка кукольника улыбнулась мне и подняла руки к губам. Она дунула через два зубца крошечной вилки, исцеляющая сила инь заполнила комнату, туман, капли дождя, радуга, и Юй Лань бросилась мне в объятья.

— Очень странное сладострастие, — весело усмехаясь сказал Мастер Ли, растягивая звуки в слове «сладострастие». — Мы подчеркиваем тот факт, что любовь — дело женщин, используя одну из метафор инь «облако и дождь», то есть туман и радуга из твоего сна, но потом ты просыпаешься — и моешься — и каждый раз краснеешь как помидор, когда Юй Лань проходит мимо. При этом твой язык завязывается на двойной узел, а из ушей идет пар.

— Господин, я ничего не могу с собой поделать, — сказал я. — Я знаю, что это смешно, но что я могу делать?

— А как насчет того, что ты подпрыгиваешь, как испуганный кролик, каждый раз, когда ее отец смотрит на тебя?

— Попробуйте влезть в мою шкуру! — не выдержал я.

— Как я могу? Я не играл в игру «облако и дождь» с того времени, когда мне исполнилось девяносто.

Мудрец отправился навестить кувшинки с вином, насвистывая «В юности искал я красавицы кровать, Но теперь милее мне с костями спать», я взбил охапку тростника, которую использовал как матрас, и опять улегся.

Вскоре мы добрались до Пекина, ужасная засуха и не думала проходить. Город плавился от жары и задыхался от едкой красной пыли, прославившей его, к тому же дул печально знаменитый Желтый Ветер и по небу неслись облака тонкого желтого песка, принесенного из Монгольской пустыни.

Обычно песчаные бури налетают на Пекин в четвертую луну, но когда фургон Янь Ши вкатился в ворота вечером второго дня пятой луны, его колеса оставляли борозды на твердом желтом одеяле, и ветер шипел, как разъяренный кот, раздувая парусиновый верх.

Мастер Ли договорился с Янь Ши встретиться завтра на острове Гортензий, и кукольник с дочкой отправились к себе домой. Я нанял паланкин и вместе с мудрецом отправился к дому Небесного Мастера, и мы прибыли как раз тогда, когда загремели барабаны, объявляя о закрытии ворот Запретного Города, который в свете заката сверкал как драгоценная корона. Нас пропустили, но у двери святого нам преградила путь старая служанка, с незапамятных времен служившая у Небесного Мастера.

— Он не слишком хорошо себя чувствует, — сказала она с озабоченным усталым лицом. — Он очень энергичен, но что-то не так, и я должна попросить вас вернуться завтра. Обычно после сна он чувствует себя лучше.

Дверь в дом была приоткрыта, и я слышал, как внутри Небесный Мастер о чем-то говорит — или скорее поет — используя древние слова, как будто священник читает проповедь. Хотя я очень мало знал о нем, но с нами он говорил совсем не так, это не его стиль.

— Если он опять восчувствует себя плохо, — звучно произнес он, — помажь его чистейшим жиром из ноги парда снежного. Предложи ему питие из скорлупы яиц дроздов певчих, смешанного с соком яблок сладких и добавь три щепоти рога единорога толченого. Поставь ему пиявок многоцветных, но ежели и это без помощи окажется, помни, что никакое творение не бессмертно и ты тоже должна умереть.

Дверь открылась. Я бросил быстрый взгляд на святого, стоявшего рядом со столом: глаза закрыты, руки сложены, как для молитвы, а потом дверь за-

крылась за молодой девушкой-служанкой, державшей в руках шелковую подушку, на которой лежала маленькая собака.

Собака явно чувствовала себя плохо, дышала с трудом, и девушка была настолько взволнована, что даже не заметила нас. У нее было простое честное лицо, и я мог бы поклясться, что она сама вышила узор на своих тапочках: розовый бурундук прыгает через желтые цветы.

— И часто твой хозяин ... ведет себя подобным образом? — спросил Мастер Ли у старой служанки.

— Нет, достопочтенный господин. Бывает, очень редко, но достаточно ему выспаться, и он опять становится самим собой.

— Хорошо, мы придем завтра, — сказал Мастер Ли, повернулся, и мы пошли обратно.

Мы возвращались обратно — все равно, что плыли в паланкине по фантастическому пыльному морю — на закате каждая пылинка сверкала своим светом, и постепенно лицо Мастера Ли из огненно-красного стало багровым, просто красным и, наконец, слегка красноватым, но глубокие черные морщины никак не уходили.

— Я боюсь за моего дорого старого учителя, — признался он. — Не забывай, что ему удалось каким-то образом обмануть мандарина, владельца клетки, и устроить словесную порку остальным. А эти ребята исключительно опасны. Теперь, когда его сознание куда-то улетело, на нас могут обрушиться самые разные неприятности, и нам надо как можно скорее засадить негодяев за решетку.

— Но, господин, разве у нас еще недостаточно фактов? — удивился я. — Мы с самого начала знали о пещере, а теперь вы знаете и то, как они подделывают чай Дань.

— А еще я знаю, что во главе стоит Кот Ли, и у этого человека достаточно власти, чтобы пещера под Угольным Холмом исчезла в течении дня, — мрачно ответил Мастер Ли. — Я уже не говорю о том, что он может растянуть расследование минимум на пол года, и за это время все свидетели против него, включая нас, умрут от неизвестной болезни. Нет, наш следующий шаг — вычислить всех мандаринов, участвующих в заговоре, найти слабое звено и заставить его дать показания против остальных.

Он взмахнул руками и уставился на звезды.

— Но, черт подери, все эти плутни мандаринов совершенно не важны, — расстроенным голосом сказал он. — Клетки — вот что важно, и демоны, связанные с ними, и этот взломщик, который может быть, а может и не быть кавалером, ставшим Завистником. Эх, если бы Небесный Мастер пришел в себя! Он — самый великий знаток богов и демонов за последние три тысячи лет, и единственный, кто может найти смысл во всей этой неразберихе.

Когда мы оказались на перекрестке Глазной Улицы и Мушиного Переулка, там, где начинается Мост на Небеса, Мастер Ли внезапно высунулся из паланкина и приказал носильщикам нести нас к Одноглазому Вонгу. Там он нанял несколько типов со скользкими глазами и приказал им узнать, где находиться мандарин Хэ Чан-Юй, тот самый, чье лицо появилось в клетке перед Небесным Мастером, и через два часа мы узнали, что мандарин уехал в императорский дворец в Чаньане, и уже несколько дней его никто не видел. Поужинав, мы вернулись в нашу хижину в переулке, и на этот раз Бабушка Минь не приветствовала нас криками о большой обезьяне. Мы оба улеглись спать и спали без задних ног, но я предпочел бы увидеть во сне Юй Лань.

## ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

На третий день пятой луны, сразу после восхода, когда Желтый Ветер на какое-то время стих, небо прояснилось, пальчики солнечного света дотянулись до воды Северного Озера и переползли через корму нашей лодки, на которой мы плыли к острову Гортензий, и я с удивлением увидел, что первые горячие волны уже струятся прозрачными ящерицами на вершине мрачного утеса, дома Юй. Сегодня будет очередной жаркий день, но, привязывая лодку, я немного приободрился. Янь Ши уже был на месте, а вместе с ним и груда факелов, как и просил Мастер Ли.

— Мне кажется, что мы тебя немного обманули, — весело сказал Мастер Ли кукольнику. — Пока Бык и я наслаждались представлением во дворце великого хранителя и даже немного поучаствовали в нем, тебе пришлось самому работать на сцене. Но ничего, если нам повезет, сегодня мы вместе кое-что сделаем.

— Как трогательно, — сказал Янь Ши, то ли всерьез, то ли слегка усмехаясь.

— Я должен был подумать об этом намного раньше, — с сожалением сказал Мастер Ли, — Мне надо составить список всех мандаринов, а также и других выдающихся людей, замешанных в историю с чаем. Кроме того мне нужна любая информация о странных клетках, тех самых, о которых Бык и я рассказывали тебе. Быть может ключом является человек, который скорее всего нашел клетки, покойный Ма Туань Линь.

Мы дошли до того места, где почтенный мандарин повстречался со смертью, и Мастер Ли указал на павильон.

— Бык и я узнали все, что только можно о том, как сбегать с этого острова, я обыскал рабочий кабинет Ма Туань Линя и его дом, и этот павильон, тоже. Я думал, что мы уперлись в стену, но сейчас я уже не уверен. Ты когда-нибудь слышал о Ма до всей этой кутерьмы?

— Не имел чести, — ответил Янь Ши.

— Тогда тебе повезло, — заметил Мастер Ли. — Знать Ма — все равно, что пригласить в гости язву. У него был удивительный талант — великолепная память на языки, но мозгов у него не было и он не мог разумно судить ни о чем. Умение говорить на всех языках Китая вознесло его во Внутреннее Министерство, где он стал экспертом по малым народам, и вскоре, без преувеличения, живой легендой.

Казалось, что Мастер Ли по-настоящему восхищается мандарином, который постоянно поднимался по карьерной лестнице.

— Сначала его назначили в Хубэй. Он прибыл туда в разгар эпидемии гриппа, поэтому все вокруг ходили в марлевых масках, — начал рассказывать Мастер Ли. — В первом же официальным отчете он сообщал, что его подчиненные очень похожи на людей, вот только между носом и подбородком у них белые пятна, а рты находятся на макушках. В результате его немедленно повысили, переведя в Гуандун. На их несчастье он прибыл туда во время празднования «Мифа Творения». Официальный отчет утверждал, что им не нужны ни пахотные земли, ни права на рыбную ловлю, потому что они едят только грязь.

— Очаровательно, — сухо заметил Янь Ши.

— Дальше больше, — продолжал Мастер Ли. — Его опять повысили, и перевели за море, в Цзяо, что привело к смерти бесчисленного числа изумленных бабушек, потому что он посчитал за чистую правду сказки, которые рассказывают детям, и сообщил, что туземные старые дамы по ночам превращаются в летучих мышей, летают вокруг и пожирают мозги китайских детей. Его перебросили в Хайнань, он оказался на острове во время полнолуния и можете себе представить, что с ним сделал лунный свет. Официальный отчет утверждал, что все девушки на острове — русалки, которые плачут жемчужинами, и почти немедленно легионы малоприятных господ высадились на Хайнане, собираясь схватить девушек и заставить их плакать. Дальнейшие подробности не слишком аппетитны.

Мастер Ли подошел к павильону и указал на него рукой. — Я считаю, что заговорщики скорее убили бы Ма, но никогда не доверили бы ни одного важного документа. Тем не менее они успешно использовали этого непроходимого тупицу, пока он делал то, что им было нужно в месте, которое было им по-настоящему важно. Они даже оставили ему одну клетку. Его павильон находится совсем рядом с туннелем, так что он мог в любой момент проникнуть в пещеру под Угольным холмом, и я готов поспорить, что они дали ему там кабинет и если от него остались какие-нибудь важные бумаги, то только там.

— То есть мы собирается проникнуть в пещеру, найти кабинет Ма и обыскать его? — спросил Янь Ши.

— В точности.

Больше кукольник не сказал ничего, но в его глазах заплясали знакомые огоньки. Я помог ему вновь открыть дыру в тростнике, закрывавшем вход в

туннель, мы вошли внутрь и зажгли факелы. Насколько я мог судить, с прошлого раза в туннеле никого не было: пыль, упавшая со стен, лежала на полу не потревоженная никем, никаких свежих отпечатков сандалий. Мы быстро шли под озером. Зловещее как-кап с крыши барабанило по моим мозгам и холодком заползало в сердце. Наконец туннель стал подниматься, скоро мы будем под Угольным Холмом. Подойдя поближе я услышал странный звук, быть может смех человека, победившего своего врага, но не просто человека, а человека-зверя. Я не могу подробно описать его. Кто такое слышал, тот поймет, что я имею в виду. Мы погасили факелы. Чем ближе мы подходили, тем громче становился смех, а когда мы оказались у входа в пещеру, то увидели десять мужчин, пирующих за длинным столом. Они если поджаренное собачье мясо, небрежно бросая кости на пол, с из челюстей капал жир, и они покатывались от смеха, рассказывая одну грязную историю за другой. Троих предводителей я знал: Кабан, Гиена и Шакал, те самые, которые зверски убили маленького клерка. Вся компания была вооружена ножами, а на столе перед предводителями лежали арбалеты.

Они были так заняты сальным собачьим мясом и еще более сальными шуточками, что не видели ничего, кроме самих себя. Мастер Ли быстро скользнул в пещеру и пополз между тюками с товарами. Янь Ши и я поползли за ним, держась поближе к стене. Мастер Ли несколько раз менял позицию, пытаясь по стенам и потолку определить, как будет распространяться звук, а потом прошептал нам с Янь Ши набрать мелких камешков и устроиться так, чтобы можно было кинуть камешки как можно глубже в туннель. По сигналу кукольник и я бросили первую порцию, и шуршащий звук заставил мужчин поднять головы и повернуться к туннелю. Мастер Ли сложил ладони чашечкой и поднес ко рту. Много раз он пытался научить меня этому трюку, но у меня нет таланта к такого рода делам, хотя я и понимаю, что на девяносто процентов успех обязан зависит от того, сумеет ли чревовещатель привлечь внимание слушателей к месту, откуда должен исходить звук. На этот раз результат превзошел все ожидания. Тонкий дрожащий голос донесся из тьмы тоннеля, голос, который я хорошо запомнил.

— Верни ... мне ... ушиииииииииии, — провыл призрачный голос убитого клерка.

Головорезы застыли, собачьи ноги и наполовину сгрызенные бедра застряли между зубов. Гиена выплюнул мясо на стол и повернулся к Кабану.

— Это же Кузнечик, век воли не видать, — прошептал он.

Один из бандитов прыгнул на ноги, пролив кувшин с вином. Большое блюдо с треском упало на пол.

— Кузнечик? Кузнечик? Но вы же сказали, что убили маленького ублюдка! — провизжал он.

— Верни ... мне ... нооооооооос.

Теперь встал и Шакал, с бледным лицом, сжимая в руке кинжал.

— Это его призрак, — тихо сказал он. — Проклятая тварь вернулась из Ада чтобы мучать нас.

Теперь уже вскочили все бандиты и с ужасом глядели друг на друга. Только Кабан остался сидеть во главе стола и задумчиво грыз кость.

— Призрак? Любая баба поднимет кого получше, — с издевкой сказал он. — Разве ты не знаешь, что мертвяк должен оставаться в Аду минимум три года, прежде чем вернуться призраком?

— Тогда что это за хрень! — крикнул Шакал.

— Верни ... мне ... глазаааааааааааааааа.

— Точно Кузнечик. Его высшая душа, хунь, заблудилась, — прошептал Гиена. — Ты что, глухой, не слышишь? Она ищет тело, а мы все это отрезали.

— Почему вы не задушили ублюдка! — крикнул один из бандитов.

— Душа хунь, душа хунь, — протянул Кабан. Он медленно, с достоинством встал на ноги и взял арбалет. — Послушайте вы, куски дерьма. Душа хунь живет в печени, ясно, а печени Кузнечика мы и пальцем не коснулись. Я сам вырезал легкие придурка, легкие, не печень, а в легких живет низшая душа, по, и если вы думаете, что я боюсь по твари вроде Кузнечика —

— Верни ... мне ... легкие.

Гиена и Шакал кинулись было прочь, но Кабан остановил их и приободрил свою армию. — Живой или мертвый, какая разница! В Кузнечике осталось кишок с гулькин хвост, — крикнул он. — Пошли, парни, вырежем у придурка горло, чтобы ему было нечем стонать!

Он бросился ко входу в туннель, схватил со стены факел и решительно пошел внутрь. Гиена, Шакал и остальные головорезы какое-то время колебались, глядя друг на друга, но потом побежали вслед за вожаком, ругаясь, плюясь и размахивая кинжалами. Через несколько мгновений они исчезли внутри, в воздухе раздалось: «Эй трус, покажись» и «Я буду гнаться за твоей съеденной червями душой до Тибета». Потом сухо треснула тетива арбалета, ударила тяжелая стрела — они быстро нашли в кого стрелять, и Мастер Ли радостно урчал, когда шел к двери в задней стене пещеры.

— Я очень сильно удивлюсь, — довольно сказал он, — если они не дойдут до острова и не перевернут его вверх дном. Два часа у нас есть.

В лаборатории алхимика не изменилось ничего, но она и не интересовала Мастера Ли. Он подошел к задней стене и открыл еще одну дверь, которая выводила в длинный коридор, по обе стороны которого шли небольшие помещения, похожие на кабинеты чиновников.

— Бык, Янь Ши, я знаю Ма Туань Линя, знаю, как он работает, так что без труда сам найду то, что ищу, — сказал Мастер Ли. — Возвращайтесь в главную пещеру и будьте настороже — хотя я думаю, что наши друзья вернутся нескоро.

Он был и прав, и не прав. Мы с кукольником минут пятнадцать стояли в центре пещеры, вглядываясь и вслушиваясь в туннель, и не видя и не слыша ничего, когда внезапно что-то щелкнуло, послышался топот множества ног и прежде, чем мы успели спрятаться, в дальнем углу пещеры открылась незаметная дверь, скрытая за ящиками, и через нее ввалилась новая банда. Бандиты с изумлением уставились на нас, а мы на них. Они были так же отвратительны, как и предыдущие, их вожак вспыхнул от гнева, смешанного с жаждой крови, и уже открыл рот, собираясь приказать своей банде напасть на нас, как что-то звякнуло, он схватился за горло и повалился на пол.

Янь Ши успел схватить стрелу со стола, взвести арбалет, нацелиться и выстрелить прежде, чем я успел пошевелиться. Увы, стрел больше не было, кукольник швырнул арбалет в какого-то бандита, схватил одной рукой факел, а другой выхватил нож. Только тут я схватил свой факел, собираясь действовать им как дубинкой, и в следующее мгновение бандиты накинулись на нас.

Вообще-то я люблю сражаться дубинкой, а не чем-нибудь другим, требующим определенного искусства, но врагов было столько, что меня бы смяли в несколько минут, если бы не Янь Ши. Кукольник крутился и извивался во все стороны, пробиваясь через центр банды, а за ним оставались только трупы. В какой-то момент он ударил по ящику, чтобы не дать на себя напасть сзади, ящик разбился и под ноги бандитам полетели тысячи плиток поддельного чая Дань. Бандиты скользили, Янь Ши изящно мелькал между ними, как Небесная Свинья на звездной пене, убивая, убивая и убивая, выжившие завизжали от страха и бросились в мою сторону. Я орудовал факелом, и сумел убить головореза, собиравшего воткнуть нож в спину Янь Ши, а его нож вонзился в горло человека, нацелившего кинжал мне в грудь, и внезапно все кончилось. Я не поверил своим глазам, но вокруг лежало множество тел, и ни одно из них не шевелилось.

Кукольник задумчиво оглядел пещеру. — Мне кажется, что нам будет не слишком просто спрятать тела и навести здесь порядок, — сказал он.

— Забудь, — сказал чей-то голос, я повернулся и увидел Мастера Ли, глядевшего на кровавую бойни и восхищенно махавшего головой. — Важно то, что я нашел бумаги Ма. Если мы попытаемся спрятать тела, возникнет слишком много вопросов, поэтому оставим все так, как есть. Почти.

Он быстро пробежался по карманам и денежным поясам трупов, и набрал кучку серебряных монет, которые кинул на стол, добавив колоду старых меченых карт. Моя дубинка пошла в руки одному трупу, дубинка Янь Ши — другому, арбалет лег под третьего.

— Опытный следователь за десять минут найдет в этой замечательной картине десять несообразностей, но вряд ли они позовут себя опытного следователя, — уверенно сказал мудрец. — Новые стражники обнаружили стол с вином и собачьим мясом, решили немного расслабиться и поиграть в карты, кто-то из

них сжульничал, другой на него набросился, началась потасовка, дураки вытащили кинжалы и поубивали друг друга. Деньги на месте, почему бы не принять самое простое объяснение?

Я не собирался спорить с ним, но как отсюда выбраться? О туннеле речь не шла. Мастер Ли стоял около двери, через которую вошли стражники, и она ему не слишком нравилась.

— Дверь ведет в подвал особняка, который принадлежит одному из мандаринов-заговорщиков, и пройти через его дом можно только чудом, — задумчиво сказал он.

— Сюда! — позвал нас Янь Ши.

Кукольник увидел то, что не увидели мы. Куча земли лежала на полу около западной стены, освещенная светом солнца, лившегося через дыру в потолке. Янь Ши и я расширили дыру, которая выводила к трубе, конец которой уходил в синеву. С мастером Ли на спине я залез в очень узкую трубу, сделанную из старого искривленного дерева, а потом я представил себе, что мне лет девять и, извиваясь как червяк, вытащил свое тело наружу. Янь Ши мгновенно присоединился к нам. Мы находились в очень знакомом месте. Кладбище семейства Линь на вершине Угольного Холма, совсем близко от могилы, в которой обитал вурдалак, а «труба» оказалась полым стволом старого дерева.

— Вот так! Чжи-мэй отдыхал в этом дереве после своих ночных прогулок, однажды упал вниз вместе с землей и его случайно увезли на Остров Гортензий, — счастливо сказал Мастер Ли. Он ненавидел загадки без разгадок. — Нет никаких сомнений, что мандарины решили не заделывать дыру, чтобы иметь запасной выход, на всякий случай.

За этим деревом не ухаживали садовники, и я только пожал плечами, внимательно разглядев его: перекошенное, сгорбившееся, могучее, угрожающее — и такое же опасное, как мертвые деревья на Холме Коршунов и Ворон. В конце концов его повалит ветер, но до тех пор никто не тронет его и пальцем.

## ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Как официальное лицо, назначенное расследовать все, касающееся смерти Ма Туань Линя, Мастер Ли имел полное право находиться на кладбище, на котором жил монстр. Так что он совершенно открыто спустился с холма. Внизу он порылся в одежде и вытащил целую кипу бумаг. Это оказались оттиски, взятые из стола умершего мандарина, и они были совершенно великолепны. Мастер Ли поклялся, что Ма уничтожил целый фриз в туннеле только для того, чтобы ни с кем не делиться своими сокровищами. И даже у Ма хватило ума чтобы понять, как использовать клетки для общения на расстоянии.

И даже у меня. Во первых на нас глядели те же самые фигуры в капюшонах, которые были вырезаны на стенах Юй, Восемь Умелых Мужчин. Но здесь было вырезано множество дополнительных деталей. Внутри каждой клетки, которую они держали в руках, находилось что-то, похожее на кисть для письма, ручка которой была вставлена в перекрестье прутьев на верхушке клетки. Рядом находилась последовательность картинок, практически лекция для придурков. (1) Шаман вынимает кисть из клетки. (2) Касается кистью одного из пяти символов, нарисованных на клетке. (3) Его изображение появляется внутри клетки. (4) Волнообразные линии символизируют передачу изображение вдаль при помощи воды. (5) Второй шаман глядит на изображение, появившееся в его клетке.

— Даже Чоу Голова-Горошиной из моей деревни может понять это! — воскликнул я.

— Обрати внимание, — резко сказал Мастер Ли. — Когда Ма обнаружил эти удивительные клетки, он понял, что нашел что-то очень важное, и, возможно, даже сумел сделать следующий шаг, который сделал бы любой ученый, достойный этого имени, и сообразить, что в его руках очутилось единственное настоящее свидетельство о событии, которое в ублюдочной форме празднуют Гонками Лодок-Драконов[IV] в пятый день пятой луны. — Он тряхнул головой, как будто пытался вырваться из черной патоки. — Праздник через два дня. Обычно считают, что гонки проводятся в честь великого государственного деятеля и поэта Цюй Юаня[71], который утопился в знак протеста против коррумпированного правительства, но на самом деле гонки проводились за тысячу лет до рождения Цюя, если не за две. Фриз, который нашел и уничтожил Ма, ясно рассказывал о том, что привело к возникновению этой замечательной традиции, хотя нам понадобился бы Небесный Мастер в свои лучшие дни, чтобы по-настоящему описать это.

Не слишком часто я видел древнего мудреца таким расстроенным. Пока его указательный палец плясал по отпечаткам, он быстро переводил древние символы, рассказывавшие о древних событиях, одновременно ругаясь и вспоминая лекции, которые святой читал ему бессчетное количество лет назад, лекции, которые Небесный Мастер уже никогда не сможет прочитать. Однако начал он не с пиктограмм. В самом начале фриза была древняя надпись, и Мастер Ли указал на нее.

---

71 Цюй Юань, ок. 340—278 до н. э. — первый среди великих китайских поэтов, историческая фигура эпохи Воюющих Царств. Его образ стал одним из самых выразительных символов патриотизма в конфуцианской идеологии.

День ритуального самоубийства Цюй Юаня (день Дуань-у по восточному календарю) отмечается как крупный праздник, известный на Западе под названием Праздник Драконьих Лодок.

— Вся эта история — не что иное, как солярный миф, основанный на некоторых вполне реальных событиях, и это замечание было добавлено ученым или священником через тысячу лет после того, как были вырезаны первоначальные картинки. — Он повернулся и подмигнул Янь Ши. — Немного вычурно, но в целом написано неплохо, как вы думаете?

Кукольник внимательно осмотрел надпись. Знание древних языков — привилегия знати, и никогда раньше Мастер Ли не намекал на то, что Янь Ши родился аристократом. Кукольник пожал плечами и, к моему удовольствию, перевел надпись вслух.

— «Огонь-Небо — Смерть, Призрак — Птица, Лодка-Дождь — Гонка», и единственный язык, кроме китайского, в котором можно писать стихи, не изменяя существительных, — усмехаясь заметил Янь Ши, искусстно имитируя голос напыщенного ученого, — это варварская латынь.

Мастер Ли перевел весь рассказ, и вот основа того солярного мифа, который он сумел выстроить из древних иероглифов и изображений.

Давным-давно, еще до изобретения письменности, на эту равнину вторглись варвары, которые впоследствии стали китайцами. Они сражались с аборигенами за господство на земле, но, одновременно, шла война и на небе, где местные боги сражались с богами пришельцев. Каким-то образом земные воины сумели привести в ярость обе небесные стороны. В результате боги, которые обычно занимались делами на земле, самоустранились и отправились на Небесную войну, оставив людей делать все, что они захотят, и очень быстро на земле воцарился хаос. Стало ясно, что если люди хотят выжить, им нужно восстановить гармонию с силами природы, поэтому воющие короли объединились и робко призвали величайших волшебников и шаманов, Ба Нен Чжи Ши, вернуться из-за пределов цивилизации и установить порядок.

— Восемь Умелых Мужчин начали с того, что приказали королям что-то построить, — сказал Мастер Ли. — Видите большой квадрат? Он означает «земля» или «на земле». Эта тильда, вырезанная внутри, указывает, что она полая — например пещера — а эти маленькие линии, выходящие из верхушки —

— Трубы! — воскликнул я. — Они потребовали, чтобы короли построили музыкальный инструмент в Юй!

— Во всяком случае я искренне надеюсь, что это так, потому что мне это нравится, — мягким голосом сказал Мастер Ли. — Потом шаманы изготовили две чудесные лодки, назвали их инь и янь, и подписали договор — это непонятно, но скорее всего они хотели внести гармонию в отношения между человеком и природой — и провели самые зрелищные гонки в истории Китая.

С самыми смертельными призами. Каким-то образом они использовали Юй, чтобы образовать магическую водную дорожку, на которой проходили гонки. Воздух вокруг лодок наполняли знаки пламени, указывая, что небо настоль-

ко раскалилось, что исторгало огонь, как в те дни, когда Лучник И сбил девять из десяти солнц[72]. По видимому влияние янь было слишком сильным, а когда природа несбалансирована, приходят болезни, и над лодками вились ужасные Вороны Чумы. Под Восемью Умелыми Мужчинами кипела вода, волны угрожали проглотить их, отвратительные монстры тянулись с берегов, морские змеи выскакивали из-под поверхности. Лодка янь нарисована далеко впереди, смертоносные птицы болезни ринулись на нее, и —

— И когда все стало исключительно интересным, рассказ оборвался, — с отвращением сказал Мастер Ли. Последние панели камня очень пострадали от времени. Настолько, что чернила, при помощи которых делались оттиски, образовали на их месте небольшие лужицы, а в некоторых местах остались только кряжи и выемки, и можно было только догадываться, что там находилось. Только в самом конце камень снова стал твердым, и можно было рассмотреть последние части фриза.

— Инь победил, — сказал Мастер Ли. — Видите эти наклонные линии? Это дождь, сила и символ обновления, но лодка стоит в доке, переполненном куи, призраками. Совершенно непонятно, чем все кончилось. Огни на небе погасли, смертоносные птицы улетели, так что можно предположить, что призраки объединили силы с Восемью Умелыми Господами и наступило равновесие. Неизвестный комментатор назвал все это «лодками призраков». Эх, если бы Небесный Мастер пришел в себя! — страстно крикнул Мастер Ли. — Он способен увязать все это с демонами-богами, клетками, и даже, может быть, с их братцем Завистником, и он, конечно, рассказал бы нам, почему часть солярного мифа, созданного три тысячи лет назад, выскочила из забвения, почему монстры перестали быть мифом и стали существами из плоти и крови, короче говоря, что происходит, черт побери.

— Удачи, — сказал кукольник.

Потом Янь Ши заявил, что он получил большое удовольствие от «интересного утра», и что Мастер Ли может обращаться к нему «днем и ночью», но сейчас он должен извиниться, потому что дома его ожидает неотложная работа. Очень тактично. Мастер Ли собирался к Небесному Мастеру, чтобы рассказать о

---

72 Лучник И. Бессмертный герой-лучник, спасший Землю от гибели.

Без него все живое сгорело бы дотла. В давние времена было десять солнц, всходивших по очереди день за днем. Но однажды это однообразие им надоело, и они решили подняться на небо все вместе. От жара десяти солнц камни начали плавиться, а растения засохли. Император Яо взмолился Ди-Цзюню, отцу солнц, и тот попытался унять своих огненных детей, но они его не послушались. Тогда-то Ди-Цзюнь послал на Землю лучника И, вооружив его волшебным луком и стрелами. Он надеялся, что И всего лишь припугнет непослушные светила, однако И сбил с неба стрелами девять солнц, оставив только одно, которое сияет нам и по сей день. Мстя за гибель своих сыновей, Ди-Цзюн навсегда изгнал стрелка И на землю, и тот стал простым смертным.

последних приключениях, и там были некоторые детали, о которых кукольнику лучше не знать, так что Янь Ши вежливо поклонился, не желая быть назойливым. Мастер Ли нанял для кукольника паланкин, мы взяли другой, и очень скоро оказались в Запретном Городе, у рабочего кабинета Небесного Мастера. Его там не было, но он оставил запечатанный конверт с запиской для Мастера Ли. Озадаченный мудрец вернулся в паланкин и приказал нести себя к Полуденным Воротам.

*«Као! Я устал, поглупел и одряхлел. Мне удалось перекинуться парой слов с мандарином, который должен был знать о пещере под Угольным Холмом. Я заставил его принести клетку и объяснить, как ею пользоваться. Я сам воспользовался ею, чтобы как следует наорать на них, но потом мой мозг перестал работать. Я могу думать только о том, как бы ударить ублюдка по голове этой самой клеткой. Более конструктивные подходы оставляю тебе. Я приказал проследить за тем, где Янь Чи-и хранит свою клетку. Она в его оранжерее на витрине, и если кто-нибудь сумеет справиться со стражниками, то только ты. Я напишу тебе еще, когда мои мозги смогут заниматься чем-нибудь более твердым, чем пережеванная детская еда. Чжан».*

— Как я выгляжу?

— Господин ... Господин...

— Бык, не на меня!

— О, простите, — сумел выговорить я между приступами рвоты.

Цивилизованные читатели конечно знакомы со знаменитым портретом Мастера Ли работы Чернильного Ваня, и я был там, когда Вань писал его. Посмотрев на лицо мудреца со всех сторон, художник поставил кисти в угол, высвободил свои длинные волосы, окунул их в чернила и запрыгал перед холстом, мотая головой во все стороны. Результатом стал узор из невероятно сложных изогнувшихся линий. Потом Чернильный Вань набросал силуэт головы, зачернил все за периметром, пририсовал пару блестящих глаз ... и на полотне возник Мастер Ли, такой же как и в жизни, и я почти ожидал, что он выйдет из картины и прикажет бежать за вином. Чернильный Вань сказал, что это был единственный способ воспроизвести ландшафт из морщинок, который и является лицом мудреца, и я упоминаю об этом только потому, что хочу провести мысленный эксперимент: попробуйте представить себе что получится, если эти морщинки вымазать зеленой светящейся глиной из Кантона. (Особенно я призываю подумать об этом нео-конфуцианцев: невероятный старик, кости, морщинки, собравшиеся в стаи и обмазанные светящейся в темноте глиной).

Мы ехали в запряженном ослом голубом фургоне. Светила яркая луна, на которую время от времени наползали песчаные облака. Желтый Ветер трепал полотняный верх фургона, летящий песок бился в металлические держатели для факелов, стоявшие вдоль всей элегантной главной улицы Угольного Холма — звук был такой, как если бы дрожала одна длинная струна от лютни. Около ворот особняка мандарина Янь Чи-и нам пришлось остановиться: стража требо-

вала пароль или приглашение. Шелковые занавески распахнулись и из окна, цунь за цунем, стала появляться голова шестимесячного трупа.

— Добрый вечер, — сказал Мастер Ли.

Стражников как ветром сдуло, хотя их крики еще некоторое время висели в воздухе, и мы спокойно поехали дальше. Во дворе стоял еще один ряд стражников, готовых напасть или поднять тревогу.

— Извините, — сказал я. — Нас пригласили забрать одного господина и кто из вас ... — я заглянул в список.

Голубые занавески разошлись опять, стал виден гроб, из него вытянулась рука, а за ней голова и лицо Мастера Ли.

— Добрый вечер.

Когда вблизи не осталось никого, мы вышли из фургона и пошли в особняк, где дворецкий не глядя принял плащ Мастера Ли и повернулся, чтобы взять деревянную дощечку-приглашение. В следующее мгновение он упал на спину и с громким ванг-ванг-ванг покатился по полу. Во всех дверях и на площадках лестниц появились стражники, слуги и лакеи.

— Эй, люди, не бойтесь! — с отчаянием в голосе крикнул я. — Мой любимый пра-пра-прадедушка просто слегка заболел, а эти неумелые врачи говорят, что у него какая-то чума, которая убивает любого, подошедшего к нему на пять шагов. Мы ищем —

— Добрый вечер, — сказал Мастер Ли.

Когда вокруг не осталось никого, мы прошли через внутренние дворики в главную башню и вошли в огромную комнату, накрытую гигантским стеклянным куполом. Комната, казалось, состояла только из окон. Снаружи жара мешала — здесь убивала. К тому же было влажно, как в южном лесу, и Мастер Ли объяснил, что Янь Чи-и является известным садоводом, специалистом по экзотическим тропическим цветам. Под полом находится большой бак с водой, под которым всегда горит огонь, вода кипит, образующийся пар проходит через тысячи очень узких трубок и конденсируется на относительно холодном потолке — и действительно, капли с негромким кап-кап-кап падали вниз. В комнате воняло навозом и плесенью, но самое сильное зловоние шло от огромных мясистых орхидей, липко-сладких снаружи, но гниющих изнутри.

— Янь очень гордится тем, что в знает все о артефактов аборигенов, и совершенно заслуженно, — сказал Мастер Ли. — Он один из тех немногих, кто по-настоящему уважает мастерство первых жителей этой равнины. Вот почему Небесный Мастер считает, что клетка выставлена на витрине в его доме: Янь Чи-и просто не в состоянии держать далеко от себя жемчужину своей коллекции.

Ряды между растениями отмечались стендами, в которых находились самые разные вещи: от украшенного изумрудами гребня для волос до куклы из де-

шевого тика, и я, наверно, чему-то уже научился, потому что заметил, что в лунном свете материал уходит на второй план и глаз восхищается великолепной работой. Ряды сходились к центру, где на круглом возвышении стоял один единственный стенд.

Здесь сходился горячий пар со всех сторон: очертания предметов расплывались, и то, что не было прямо перед глазами, казалось плавно взлетает вверх и падает вниз, как будто подхваченное морской волной. Луна стояла прямо над куполом. Пока я шел к центру, она меняла цвет и форму в зависимости от того, через какое стекло я на нее смотрел: то была круглой и золотой, как легендарный Самаркандский персик, а то продолговатой и желтой как кабачок — я думаю, что такую луну видит краб, когда смотрит на нее через воду, пробираясь через водоросли на мелководье.

Одно такое стекло должно было стоить как выкуп принца короны. Никогда я не видел такого большого великолепно сделанного стекла.

Наконец мы достигли середины и посмотрели на витрину, за которой, как и предсказывал Небесный Мастер, лежала древняя клетка. Мастер Ли нахмурился. — Проклятье, где же кисть? — выругался он, и действительно, никакой кисти не было. Клетка была как две капли воды похожа на ту, которую мы подобрали около павильона Ма Туань Линя, но на этот раз я заметил отверстие, из которого должна была торчать ручка кисти. Я протянул руку вперед, но Мастер Ли остановил меня.

— Осторожно.

Он проверил пол, подставку, витрину, потолок, и только тогда, когда удостоверился, что нет видимых или скрытых ловушек, аккуратно поднял стекло. В следующее мгновение нас с легким шипением окутало облако пара, я практически ослеп, а когда зрение прояснилось увидел, что Мастер Ли удовлетворенно кивнул. Я протянул руку, взял клетку и Мастер Ли поставил стекло на место.

— Давай посмотрим на нее повнимательнее, — сказал он.

В дальнем углу стояла скамья, над которой видел ярко светящий фонарь. Там, конечно, было светлее и мы отправились туда. Горло ужасно щекотало, я закашлялся, потом закашлялся и мудрец. Звук не торопясь поплыл по влажному воздуху. У фонаря Мастер Ли проверил верхнюю часть клетки и показал мне символы, нарисованные на решетке, те самые, которых Умелые Мужчины касались своей кистью. Потом он перевернул клетку и посмотрел на дно. И побледнел.

— Бык, — сказал он после долгого молчания, — ты видишь этот крошечный крестик на самом ободке?

— Да, господин, — ответил я.

— Это я его нарисовал.

— Господин?

— Я, по привычке, нарисовал его, чтобы отметить экземпляр. Это та самая клетка, которую мы нашли на острове, и которую человек-обезьяна украл из хижины, — сказал Мастер Ли.

Я глупо уставился на него. Это было невозможно, это было нелепо, и я уже собирался начать задавать глупые вопросы, когда в воздухе заиграла флейта. В ватной тишине оранжереи ее звук прогремел как удар грома, и я вскочил на ноги. В руке Мастера Ли из ниоткуда появился метательный нож, я повернулся на звук и пошел, прячась за огромными цветами. Странная негармоничная музыка, бессмысленно ритмичная, чем-то похожая монотонный бой барабана шамана, вгоняющий слушателей в транс, и мне было трудно найти музыканта: то мне казалось, что он слева, через мгновение — справа, потом впереди. Мне показалось, что я не иду, а ползу, невероятно медленно, мимо мясистых орхидей под опять изменившейся луной, и вообще превратился в краба и пробираюсь среди водорослей, растущих между ног утопленника.

Я остановился и поглядел вперед, сердце билось так, как будто пыталось выпрыгнуть из горла. Через щель в огромных листьях я увидел блестящую лунную дорожку, на которой стоял стул, а на стуле, скрестив ноги, сидел маленький мальчик. Красивый ребенок играл на флейте, но от него пахло злом, и я услышал в голове слабый голос Небесного Мастера. «Первый демон-божество, Фан-лян, напоминает трехлетнего ребенка с красными глазами, большими ушами и замечательными волосами; убивает, заставляя жертву задушить саму себя».

Щекотка в горле усиливалась с каждым мгновения, я попытался закашляться, но горло сжалось, я повернулся и посмотрел назад. Мастер Ли уронил нож и шел кругами: сжимая руками шею он душил сам себя.

Сначала я хотел вернуться к нему, но, подумав получше, решил напасть на ребенка с флейтой, шагнул вперед и упал. Дышать я уже не мог. Зуд в горле стал нестерпимым, я попытался добраться до него, и еще сильнее сжал шею. В глазах все помутилось и я с трудом увидел, что Мастер Ли сошел с ума и пытается взобраться на крошечное дерево, поднимавшееся над орхидеями и сверкающее, как маленький мальчик. Я перевернулся на спину и из последних сил вцепился себе в горло.

Внезапно флейта перестала играть. Луна исчезла. На меня, сверху вниз, глядел ребенок. Счастливая улыбка на невинном лице, красные глаза, огромные ушные раковины, касающиеся плечей. Замечательные волосы сверкнули в свете луны, прекрасный маленький язычок выскользнул из прекрасных маленьких губ. Потом, внезапно, темный ураган обрушился на ребенка и отбросил его в цветы, чьи-то руки схватили мою голову, открыли рот и горящая кислота прожгла дыру в горле. В легкие хлынул воздух, я вздохнул, сел и сообразил, что во

рту не кислота, а едкий лимонный сок, а темная фигура, наклонившаяся надо мной — Мастер Ли.

— Возьми его, Бык!

Странный ребенок уже выбрался из цветов, схватил клетку и ковылял к двери. Я никак не мог схватить его — ноги попытались двинуться и сдались — но рядом со мной стоял маленький, но увесистый горшок с землей. Я схватил его, бросил изо всех сил и немедленно пожалел об этом.

— Я хотел попасть ему в ноги, — выдохнул я.

— Хорошо, что ты вообще попал, — утешил меня мудрец.

На этот раз не нужно было никакой аутопсии, чтобы определить, что случилось с ребенком, когда ему в затылок ударил тяжелый горшок. Мы отчетливо услышали хруст костей, и раньше, чем тело упало на пол, я понял, что Мастер Ли не сумеет допросить странное создание. Я, шатаясь, встал на ноги и мы вместе подошли к трупу. Парик из замечательных волос отлетел на пять чи, одно из фальшивых ушей отвалилось. Красные глаза слепо глядели на нас.

— Какая-то мазь, дающая эффект красных глаз, — ученым тоном сказал Мастер Ли. — Но я узнал его. Это один из карликов, которые забавляют евнухов Запретного Города, и, кажется, как-то раз я видел его в компании Кота Ли.

Он поднял упавшую клетку и помахал ею в воздухе.

— Кое-кто очень постарался, — задумчиво сказал он. — Когда мы вынули клетку из витрины, скрытая пружина вбросила в воздух порошок, который казался обыкновенным паром. Но это кое-что совершенно другое. Толкут плоды юань ха, который варвары называют лиловый волчеягодник, добавляют листья лавра и кору волчьего лыка. Если его вдохнуть, гортань начинает чесаться в той точке, где воздух идет в легкие, жертва инстинктивно пытается избавиться от чесотки и в результате душит сама себя. Единственное противоядие — лимонная кислота, и, на наше счастье, среди орхидей растет лимонное дерево.

Мудрец посмотрел на крошечный труп.

— Но для чего такая абсурдно сложная ловушка? — риторически спросил он. — Есть тысячи простых и надежных способов нас убить, и, значит, у Кота Ли есть шпион в доме Небесного Мастера. Кто-то прочитал записку и успел подготовить ловушку до того, как мы появились здесь, и теперь надо проверить, не случилось ли чего с самим Небесным Мастером.

— Да, господин, — ответил я и привычно нагнулся, Мастер Ли прыгнул мне на спину и я помчался галопом.

# СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мы ненадолго остановились и Мастер Ли смыл глину с лица: теперь на него можно было смотреть. Я развернул фургон и мы помчались к дому Небесного Мастера. И мое сердце упало, когда я увидел, что внешний двор оцеплен солдатами Черной Стражи, обычно охраняющих важных евнухов из Запрещенного Города. Что-то случилось, очень плохое, и Мастер Ли не стал терять времени. Он просто вошел и зашагал вперед с видом генерала на завоеванной территории, раздавая приказы направо и налево, как если бы прибыл проводить расследование.

И дойдя до внутреннего дворика мы повстречали носилки с трупом. Из-под покрывала торчала нога. На ней была надет маленький тапочек с узором в виде прыгающих бурундуков, и я с облегчением сообразил, что это не Небесный Мастер, а женщина, та самая юная служанка, которая несла больную собачку на шелковой подушке. Мастер Ли поднял руку и процессия остановилась.

— Небесный Мастер?

— Его нет, господин. Он уехал и еще ничего не знает.

Из дома вышел елейный евнух и, увидев Мастера Ли, подошел к нему, а мудрец поднял накидку и внимательно оглядел тело. Спина Мастера Ли закрывала труп, но я видел, как он на мгновение окаменел, а потом опустил накидку. Затем его глаза поднялись на евнуха, который, похоже, возглавлял расследование.

— Кровь уже свернулась. Что произошло? — спокойным бесстрастным тоном спросил Мастер Ли.

Евнух нервно облизал губы. Мимо солдат прошла старуха, и я вспомнил, как в последний раз она дала нам от ворот поворот.

— Ее убили вчера, — хрипло сказала она, глядя на нас красными глазами. — Мы подумали, что она уехала домой, а сегодня, несколько часов назад, нашли ее тело, но люди, которые ее убили, приходили вчера. Я знаю. Я сама впустила их. У них была записка от Небесного Мастера.

— Приемная дочь, ты умеешь читать? — тихо спросил Мастер Ли.

— Нет, достопочтенный господин, но Небесный Мастер всегда рисует на письмах, адресованных домой, маленькую птичку, и я видела птицу, — сказала старая дама. — Они позвали бедную маленькую Глупышку из сада, но я была занята и забыла о них. А сегодня мы нашли ее тело в лодочном сарае около озера.

— Если бы ты увидела опять этих мужчин, ты бы узнала их? — спросил Мастер Ли.

— Да! — горячо сказала старая дама. — Я никогда не забуду их! Предводитель был похож на кабана, а остальные двое походили на гиену и шакала.

Я почувствовал, как мой желудок завязался в узел, когда вспомнил этих тварей, зверски убивших клерка. Вот они сидят в пещере, громко смеются над грязными историями, собачий жир течет из челюстей... Мастер Ли предположил, что в доме Небесного Мастера есть шпион — неужели эта маленькая служанка, которую называли Глупышкой, обнаружила его и получила смерть в награду? Мастер Ли задумчиво поглядел на евнуха.

— Дом Небесного Мастера попадает под юрисдикцию императора. Есть ли у вас необходимое разрешение на проведение расследования?

Евнух внезапно преисполнился чувством собственного достоинства. — Этот незначительный действительно удостоился такой чести, — сказал он, кланяясь чуть ли не до земли, и протянул Мастеру Ли свиток с императорской печатью.

Мудрец бросил взгляд на документ и отдал его евнуху. Лисы собирались расследовать смерть курицы, но что он мог сделать? — Очень хорошо. Расследуйте, — резко сказал он, повернулся и пошел к фургону, я за ним.

— Господин, неужели все так плохо? — спросил я, когда мы уже ехали обратно.

— Убийство? Они разрезали ее на части, — хрипло сказал мудрец.

— Ублюдки!

— Если ты имеешь в виду Кабана, Гиену и Шакала, я с тобой согласен, но девушку убили не они, — печально сказал Мастер Ли.

— Что? — крикнул я.

— Они схватили ее, может быть даже держали, но не убивали. Эти животные умеют только резать на части и рвать на куски, как мясники-любители, а человек, убивший Глупышку — мастер своего дела.

— Неужели после всех этих событий нам придется иметь дело еще и с безумным хирургом? — слабым голосом удивился я.

— Нет, совсем нет, — ответил мудрец. — Мы имеем дело с очень квалифицированным парнем, мастером-убийцей, со своим оригинальным почерком, но вначале мы должны побывать у кукольника. Бык, имей в виду, что шпион в доме Небесного Мастера мог узнать, что Янь Ши и его дочка помогают нам, а помогать нам — очень нездоровое развлечение.

Янь Ши преуспевал в своем деле, так что купил себе большой удобный дом, который, однако, находился по другую сторону Прудов Золотых Рыбок, на юго-восток от Моста на Небеса. Во дворе не было никого, и мое сердце начало стучать, когда никто не ответил на стук в дверь, но потом я услышал постукивание молотка и веселое посвистывание. Мы нашли Янь Ши в его фургоне за конюшней, в свете фонаря работающего над механизмом для новой куклы.

— Юй Лань нет, ее позвали по каким-то шаманским делами, а я не могу спать, — сказал он, сердечно поздоровавшись с нами. — Она ушла на всю ночь. Случилось что-нибудь интересное?

Мастер Ли сжато рассказал о том, что мы узнали, и Янь Ши, казалось, впитывал в себя каждое слово. Я уже как-то упоминал, что его разрушенное лице не отражало никаких эмоций, но глаза и тело были необычайно красноречивы. Он пришел в ярость, когда Мастер Ли рассказал о подстроенной нам смертельной ловушке, и едва смог сдержать свой гнев, когда услышал о судьбе маленькой Глупышки.

— Вы сказали, что эти трое тварей ее не убивали, — наконец сказал кукольник, достаточно спокойно, но его руки тряслись, как если хотели кого-то задушить. — А кто?

— Если вы, мой друг, пойдете со мной, мы сможем поговорить с ним, — сказал Мастер Ли. — Поскольку я здесь, я хотел бы кое-что сделать, хотя это и потребует некоторого времени.

— Хоть всю ночь, — мрачно ответил кукольник и сел в фургон рядом со мной.

Спустя полтора часа Мастер Ли, Янь Ши и я входили в самую мрачной комнату угрюмой башни, стоявшей в конце Стены Слез, сразу за плахами овощного рынка. Рука Дьявола, потный, с раскрасневшимся лицом и пьяный, сидел за большим деревянным столом и тянул вино из большого кувшина, который он толкнул к Мастеру Ли.

— Черт побери время в которое мы живем, Као! — проворчал он. — Весь мир сошел с ума. Монстры выскакивают из-под земли, чтобы помешать мне ударить, мечи не хотят простить неудачный удар, люди требуют, чтобы я выполнял их ужасные приказы и я должен — слушать! Слушать их! И все началось тогда, когда проклятый вурдалак помешал моему рекорду.

Он имел в виду слушать свои мечи, и у меня кровь застыла в жилах, когда я услышал насмешливый звон стали. Главный Палач Пекина владеет четырьмя величайшими мечами в мире: от Первого Властелина до Четвертого, все они дети кровосмесительного союза между мечом-мужчиной Гань-цзян и его сестрой-мечом Мо-е, которые были выкованы из почек и печени металлоядного зайца с горы Гуань-лунь. Обычно мечи висели на привязанных к их рукояткам бархатных веревках в маленькой круглой комнате, чье окно выходило на плахи, и в ветреные ночи те, кто шли мимо Стены Слез, часто слышали песнь четырех мечей об их кровавых триумфах. Пели они и сейчас, насмешливо, и палач спрятал голову в руках.

— Као, ты можешь их остановить? Скажи им, что я не виноват, я вовсе не хотел бесчестить их, — просипел Рука Дьявола.

— Ну конечно, — сказал Мастер Ли. — Но ты забыл, что к королям надо обращаться письменно; только равные по рангу могут разговаривать с принцами. Бык, вспомни хорошие манеры и попроси разрешения прочитать просьбу. Тогда, я уверен, мечи простят нашего друга.

Он написал что-то на бумаге, и протянул ее мне. Я поднялся по винтовой лестнице в маленькую комнату, где на колышках висели великие мечи и развернул письмо, где было написано:

— Закрой проклятое окно.

Сверкающие мечи слегка звенели, как если бы терлись о камень за моей спиной. Я пожал плечами, посмотрел на темнеющие внизу плахи и закрыл окно, которое было немного приоткрыто — и укоротил веревки. Мечи сразу перестали жаловаться.

— Ну как, Рука Дьявола прощен? — спросил Мастер Ли, когда я вернулся назад.

— Да, господин. Они говорят, что теперь понимают экстраординарные обстоятельства его промаха и больше не будут протестовать, — почтительно ответил я.

— Слава Будде! — выдохнул палач. Он допил то, что оставалось в кувшине и тут же открыл новый. — Хоть один демон убрался со спины. Но остались другие, — мрачно добавил он.

— Да. Вроде той маленькой девочки-служанки. Это же был приказ на Медленный Разрез, верно? — спросил Мастер Ли.

— Что за мир, Као, что за мир, — пробормотал Рука Дьявола. — С Медленным Разрезом не шутят, и, что хуже всего, эти три твари были свидетелями. Ублюдки хихикали и шутили, как если бы они были на базаре, но я все равно облапошил их. Уже через несколько секунд бедная девочка ничего не чувствовала, а они так и не поняли разницу.

До этого Янь Ши молча и неподвижно сидел за столом, но тут быстро взглянул на палача. — Мочевой пузырь? — спросил он.

— Дьявольски точно, приятель, — ответил палач.

— Ты хороший человек, — сказал ему Мастер Ли. — Объясни Быку, потому что у него не глаза, а вопросительные знаки.

— Я сделаю кое-что получше. — Рука Дьявола, шатаясь, встал на ноги, подошел к шкафу и вытащил из него что-то похожее на свиной мочевой пузырь со странными узлами, и надел его на левую руку. Потом махнул правой, и в ней, как по волшебству, появился узкий длинный клинок. Еще раз махнул, и меч исчез. — Палач отвлекает внимание зрителей на два удара сердца, и жертва больше не страдает, — запинающимся языком продолжал он свою мрачную лекцию. — А зрители ничего не знают, потому что у палача есть Пищалка, и когда он делает медленный разрез...

Даже Мастер Ли и кукольник подпрыгнули на чи в воздух, хотя и знали, что последует. А я едва не ударился головой о потолок, когда ужасный крик ударил мне по барабанным перепонкам, а потом и еще один.

— Быстрые и короткие для мужчины, медленные и длинные для женщины, — сказал Рука Дьявола. — А теперь открою вам тайну. Уже больше десяти лет я использую Пищалку для всякого Медленного Разреза, и плевать я хотел, платит мне семья жертвы или нет.

— Ты замечательно работаешь что с мечом, что с пузырем, что с ними обоими, — льстиво сказал Мастер Ли. — Я не хочу тебя обижать, но я хотел бы посмотреть на полученный тобой приказ, если ты не против.

— Против? Почему я должен быть против? Я же тебе говорил, Као, что мир сошел с ума. Все вокруг сумасшедшие, а этот приказ доказывает это еще раз.

Он порылся в другом ящике и протянул Мастеру Ли официальный документ. Мудрец взял его в руку и одно длинное мгновение держал возле света. Потом скатал и отдал плачу.

— Мой друг, пожалуй я присоединяюсь к твоему мнению, — сказал Мастер Ли. — Я хочу поговорить с этим выдающимся господином, и, кстати, я даже позаботился о том, чтобы он дал мне документ, подписанный им самим.. Ты можешь добавить его в свою коллекцию безумств.

Он вынул из одежды какую-то бумагу и передал ее палачу, который уставился на нее так, как если бы увидел кобру.

— Као, ты же шутишь!

— Я совершенно серьезен.

— Као, лучше бы ты пригласил на чай Черную Чуму. Или прыгнул в кипящее масло! Я убийца, Као. Это моя работа, и я хорошо ее выполняю, но я стал бледным и слабым, когда эта тварь —.

— Что ты имеешь в виду? — прервал его Мастер Ли, добавив официальности в свой голос.

Рука Дьявола повернулся, бросился к двери и, громко крича, «Сумасшествие! Весь мир сошел с ума!» скатился по лестнице вниз. Мастер Ли повернулся к кукольнику. — Янь Ши, я думаю, что вы должны разыскать свою дочь и остаться с ней, — спокойно сказал он. — Я не знаю, что они замышляют, но в одном уверен: дело приняло весьма скверный оборот.

Кукольник поднял бровь.

— Приказ о казни для этой маленькой служанки требует Медленный Разрез, — сказал Мастер Ли. — Я хорошо знаю подпись, и она настоящая. Приказ подписан Небесным Мастером.

Я уставился на него, потрясенный и сбитый с толку, а Янь Ши застыл на месте, как замороженный. Потом глубоко вздохнул и широко развел руки. — Палач прав. Весь мир действительно сошел с ума, — сказал он, повернулся, быстро вышел из двери и спустился вниз. Как только эхо его шагов затихло, я услышал, как его мягкий баритон поет освободившемуся от песка небу:

*Голубой енот уснул, обливаясь кровью,*
*Холод лисам протянул лапы к изголовью.*
*А столетняя сова дико засмеялась,*
*Смерть по лесу побрела, и в село забралась.*
*Пес залаял на луну, побелев от страха,*
*Гуси с утками легли, стали горстью праха.*
*Люди плачут и вопят — косит их холера.*
*Серый призрак песнь поет — песню Кавалера.*

Я подошел к столу, схватил один из кувшинов и глотнул чистый спирт, который Рука Дьявола и Мастер Ли называли вином, и только тогда, когда перестал кашлять, почувствовал себя немного лучше. Палач возвращался, и, судя по звуку, волок за собой пленника в цепях.

— Ты в десять раз безумнее, чем весь остальной мир, Као! — воскликнул Рука Дьявола.

— Почему? За то, что искал компанию замечательного парня, который так же тонок, как маленькая ножка и вдвое мягче? — ласково спросил Мастер Ли.

Палач и пленник ввалились в дверь, и у меня закружилась голова. Мягкое приземистое тело, осанка как у жабы, слюна, падавшая с отвислых губ...

— Втрое мягче, — сказал Трактирщик Шестого Ранга Ту.

## ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Каждый историк, хоть изредка, сталкивается материалом, которой он не может победить. Если он напишет правду, то заставит своих читателей кричать по ночам от ужаса, а если не напишет, то какой же он историк? Например ученые, которые сражаются с Войной Трех Царств, сжимают зубы и пишут комментарии к Семи Святотатствам Цао Цао, вот и я обязан записать слова ужасного трактирщика. Тот, кто впервые слышал его речь, немедленно решал, что это еще одно оружие в его богатом арсенале, но нет, это была его вторая страсть. Первая — убийства.

— Бык, — как-то сказал мне Мастер Ли, — никогда не забывай, что Трактирщик Шестого Ранга Ту — наполовину абориген. Наши предки украли эти плодородные поля у его народа, а их самих загнали в горы, где еды почти нет. Голод — вот наследство, которое они получают по праву рождения, и в физиологическом смысле Трактирщик Шестого Ранга Ту родился, чтобы голодать.

Сегодня, когда этого трактирщика-убийцу почитают как бога, даже легкое изменение его слов считается ересью. Я знаю, что если пропущу хотя бы одно прилагательное, меня растерзает воющая толпа, но я прошу вас учесть все обстоятельства дела. Когда я увидел его мертвенно бледное лицо в кабинете палача, в моих глазах все поплыло и какое-то время я не слышал ничего, кроме низкого гудения, и я пришел в себя только тогда, когда разговор был в самом разгаре.

— ...о да, о да, конечно, Восемь Умелых Мужчин построили Юй для того, чтобы превращать музыку в воду, «Вода Садящегося Солнца», так называла ее моя бабушка, хотя это имя скорее всего сбивает с толку, вроде названия супа — «Суп Трех Рыб и Барашка», хотя в нем нет ни одной рыбы. Как и барашка. Иероглифы для барашка и рыбы, если их написать вместе, дадут слово «деликатес», так что настоящее имя будет «Суп Трех Деликатесов», и он делается из цыплячьих грудок, устриц, ветчины, побегов бамбука, снежных горошин, семян сезама и рисового вина. Мне нравилось подавать его вместе с карпом Су Дун-по[73], потому что его чрезвычайно просто готовить, как и любое творение гения. Вы моете карпа в холодной воде, фаршируете капустой, натираете солью и —

— Трактирщик Ту, — прервал его Мастер Ли, — Восемь Умелых Мужчин несли —

— ...жарите с грибами и когда он уже наполовину готов добавляете несколько долек свежего имбиря, а в конце немного апельсиновой корки и соуса из репы. Су Дун-по также изобрел Суп Бедняка, который великолепно сочетается с карпом: берешь капусту сун, дайкон[74] и пастушью сумку . Добавляешь немного —

— Трактирщик Ту —

— ...риса, заливаешь все кипятком и получаешь великолепный суп, но самое главное — быть поосторожнее с водой. Вот что пишет великий Цзя Мин в «Основных Сведениях о Еде и Питье»: вода для Суп Бедняка должна быть из растопленного снега, который надо положить в горшок вместе с перьями цыпленка, а использование гусиных или утиных перьев вызовет колики в желудке. И он также говорит, что жарить поросенка, угрей или гольцов надо только на дровах из тутового дерева, после чего переходит к подробному изложению того, как надо делать шпинат.

---

73 Су Ши, выступавший под псевдонимом Су Дунпо (1037—1101), — знаменитый китайский поэт, эссеист, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи династии Сун.

Су Ши родился в Мэйчжоу у подножия горы Эмэйшань в семье известного учёного. При прохождении кэцзюя юный Су Ши поразил экзаменаторов своей мудростью. За свою долгую карьеру сменил немало сановнических постов, управлял различными провинциями, участвовал в обсуждении планов реформирования системы государственного управления.

Подобно многим другим современникам, Су Ши не принял «новый политический курс» министра Ван Аньши, за что в 1079 г. подвергся ссылке в деревню на 5 или 7 лет. Вместо того, чтобы горевать о нищете и забвении, Су Ши восхищался природой провинции Хэбэй и писал стихи, которые вошли в число жемчужин китайской поэзии. Их отличительные черты — оптимистическое мироощущение и формальное новаторство. По возвращении ко двору Су Ши примирился с Ван Аньши и даже обменивался с ним стихотворными посланиями. Вместе с Шэнь Ко он занимался составлением трактата о лечебных травах. В 1094 г. он был вновь удалён от двора, на этот раз в южную провинцию Гуандун, где поселился в местечке Дунпо («восточный склон»), ставшем его псевдонимом. Считался великим кулинаром.

74 Дайкон — японская белая редька.

— Трактирщик Ту! Восемь Умелых Мужчин несли клетки, которые они иногда использовали для связи между собой, но я думаю, что в них держали какие-то артефакты, которые охраняли восемь демонов-богов. Что твой народ говорит об этом? — спросил Мастер Ли.

— О да, о да, конечно, клетки. В них держали ключи.

— Ключи к чему?

— Ключи к музыке, той самой, которая превращалась в воду, и, надо сказать, эти стражи — ну очень странные и опасные, как шпинат, а ведь Цзя Мин всегда говорил, что это чужеземное растение, его привозят из Непала, где живут одни предатели, по характеру он скользкий и холодный, и у того, кто его ест, слабеют ноги и холодеет живот, а если собаки или кошки попробуют его, то их ноги так сгибаются, что они не могут бегать. Ничего не попишешь, но по меньшей мере из собак можно приготовить кэн сянь, собачье жаркое, которое Конфуций настолько любил, что поместил его рецепт к Книгу Ритуалов, а вот что делать с кошками не знает никто —

— Трактирщик Ту —

— если только кошка не кормит котят. Я читал, что когда нынешний император, Цзин Цзун, был мальчиком, он любил мармелад «Чистый Рисовой Ветер», который делают из риса, мозгов, глазных яблок дракона и кошачьего молока, но, откровенно говоря, я думаю, что «кошка» — ошибка, ведь это блюдо может быть очень опасным, если кошка белая, потому что белые кошки любят забираться на крышу и есть лучи луны, а если человек съест хотя бы один лучик, то сходит с ума. Конечно, на диком юге кошек едят, но там едят даже гигантских водяных ж —

— Трактирщик Ту! — во весь голос заорал Мастер Ли. — У этих восьми демонов-богов был брат, который родился человеком, а стал великим кавалером. Что твой народ знает о нем?

— Брат? Никогда не слышал о том, что у них был брат-человек. Они все очень странные, и их брат, наверно, похож на тех гигантских водяных жуков, которых едят на юге. Южане говорят, что на вкус эти жуки напоминают омаров, но на самом деле они похожи на мягкий перезрелый сыр, и эти сумасшедшие едят их с засушенными и подсоленными земляными червями, так что не чувствуют ничего, кроме соли. В южном Хубее едят жареных белогубых гадюк и тушеных сурков, а главный деликатес Линьяна — крысята. Их называют «Медовые Пискуны», потому что этих мелких тварей наполняют медом и живыми подают на стол, они ползают и пищат, а гости ловят их за хвост, опускают в рот и едят сырыми. В самых изысканных домах их слегка подкрашивают растительными красками — чтобы они соответствовали посуде: изумрудно-зеленые крысята бегают и пищат среди фиолетовых и пурпурно-красных фарфоровых тарелок, из которых доносится слабая икота.

— Трактирщик Ту —

— Икают крабы с мягким панцирем[75], плавающие в рисовом вине и посыпанные каменной солью, черным Сычуанским перцем[76] и анисом. От этого всего крабы так пьянеют, что не сопротивляются даже тогда, когда их вылавливают из тарелок и едят сырыми. Как и крысы. С другой стороны южане едят и кое-что побольше, например слонов, и жареная нога слона вообще является одним из самых великолепных деликатесов в мире, только надо брать ту, в которой нет желчи. Слоны хранят желчь именно в ногах, и с началом нового времени года она перетекает из одной ноги в другую, так что берут ту, в которой нет желчи, набивают финиками и жарят с кисло-сладкой смесью уксуса и меда. На юге едят все, за исключением —

— Трактирщик Шестого Ранга Ту! — проревел Мастер Ли. — Что ты знаешь о человеке-обезьяне с серебряно-серым лбом, алым носом и желтым подбородком, которого иногда называют Завистник?

— Завистник, о да, о да. Конечно, это он вызвал всю эту жару. Он убедил богов повернуться к земле спиной, и солнце уже готово поджечь небо, и птицы чумы готовы ударить, и все из-за солнцестояния. Если бы не было солнцестояния, солнце стало бы горячим и сожгло землю — но Восемь Умелых Мужчин взяли над ним верх, и когда они закончили с ним Завистник стал таким же безвредным, как ягненок — а ягненок и есть то единственное, что не едят на юге. Я думаю, что это недоразумение, и все из-за печени ягненка, которая страшно ядовита, если ее есть со свининой. Но даже и самым обыкновенным имбирем можно отравиться, если его есть с мясом зайца или лошади, хотя, по правде говоря, мясо лошади еще та отрава. Император Цзин клялся, почки лошади смертельны, а император Ву-ти как-то сказал Луань Та, придворному некроманту, что его предшественник умер, отравившись лошадиной печенью. И тем не менее, если сердце лошади высушить, истолочь и добавить в вино, оно восстановит вашу память, а если перед сном вы положите лошадиный череп под подушку, то заснете крепким здоровым сном —

— Трактирщик —

---

75 Крабы с мягким панцирем – сбросившие старый панцирь и еще не успевшие нарастить новый – большой деликатес.

76 Сычуаньский перец – плоды растения семейства цитрусовых, которое на самом деле никак не связано с настоящим перцем.

Вкус и аромат: древесно-пряный, умерено-острый. Приобретать следует раскрытые красно-коричневые ягоды, в которых не должно быть семян. Используется в китайских мясных блюдах и блюдах с птицей, особенно с уткой и свининой. Рекомендуется поджарить слегка в сухой сковороде на медленном огне перед использованием, снять с огня до того, как пойдет дым, и измельчить. Нельзя злоупотреблять этой пряностью, потому что в больших количествах сычуанский перец вызывает чувство онемения во рту.

— и еще лошадь используют для приготовления ягнят. В варварском Риме ягнята растут из земли, как турнепс, и когда они созревают, крестьяне строят вокруг них загородку, чтобы защитить от хищников. А ягнята еще привязаны к земле пуповиной, срезать их опасно, поэтому крестьяне садятся на лошадей и скачут вокруг загородки, —

— Трактирщик —

— ягнята волнуются, сами разрывают пуповину и бегают в поисках воды и травы, и когда я беру ягненка, я люблю сохранить немного мясо с ножки для блюда, которое называется «Восемь Изысканных Частей Головы Льва» и в котором, конечно, нет и намека на львиную голову: ягненок, личи[77], мидии, свинина, сосиски, ветчина и морские огурцы. Имя очень смешное, потому что в кулинарии «головой льва» называют большие сосиски, и, как мне кажется, когда подвыпивший ученый записывал рецепт, он услышал ши-цзы (лев) вместо ли-цзы (личи), вот так возникла ошибка, как и в случае рыбного стейка, который называют —

— Трактирщик Ту! — завопил Мастер Ли.

И здесь, должен признаться, я отключился. Я видел, как ужасный рот трактирщика открывается и закрывается, слышал, как в моей голове стрекочет маленький кузнечик, и не думайте, что я один был такой. Главный Палач Пекина сидел на скамье и глупо ухмылялся; судя по его остекленевшим глазам он находился где-нибудь в лесу и слушал щебетание птиц, и не слишком обрадовался, когда Мастер Ли вырвал его из оцепенения.

Больше ничего ценного Мастеру Ли узнать не удалось. Он и Рука Дьявола что-то тихо обсуждали, я по-прежнему ничего не слышал, кроме отдельных выкриков «Ты сумасшедший!» и «Весь мир сошел с ума», но, наконец, мы собрались уходить. Рука Дьявола, шурша цепями, потащил пленника обратно, и вот последние слова трактирщика Мастеру Ли, которые показались мне странно-патетическими:

— Подожди! Это очень важно! Я хочу сказать тебе, что лучшие лотосы растут в прудах Нанкина! А красные орехи бери только из-под Моста Та-Пан! Ююба[78] должна быть из Ворот Яо-фань, а вишни только из Храма Лин-Ку. Попробуй подать морского конька из Квантунга вместе с вином Лан-линь, сдобренным шафраном, и поросенком, обмазанным медом и приготовленным на кедровых дровах в стиле —

77 Личи — «китайская слива» — принадлежит к семейству Сапиндовые (Sapindaceae).
Родина личи — Китай, откуда оно распространилось во все страны Юго-Восточной Азии, а также во многие страны Африки и Америки. Наибольшие площади под личи, однако, до сих пор в Китае.

78 Ююба — китайский финик.

Железная дверь с грохотом захлопнулась за ним, и я горячо взмолился Небесам: прошу вас, сделайте так, чтобы никогда больше я не увидел и не услышал Трактирщика Шестого Ранга Ту.

## ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Четвертый день пятой луны начался с треска хлопушек. По моему даже слишком громкого треска. Праздник Ядовитых Насекомых отмечают перед великими Гонками Лодок-Драконов, и, обычно, очень веселятся, но не на этот раз. Солнце по-прежнему жгло землю, дождь и не думал идти, и все знали, что если в ближайшие дни погода не изменится, то среди людей, как саранча, распространятся болезни, созреют семена великой чумы и появятся страшные предзнаменования: с Небес начнут падать лягушки или курицы превратятся в петухов.

Но дети, конечно, радовались празднику. Несколько месяцев они старательно вышивали тигров на тапочках, мамы одели их рубашки с черно-белыми полосками полосками, и дети вопили от удовольствия, бегая по улицам и прыгая на воображаемых скорпионов, многоножек и пауков, или сражаясь с клоунами, одетыми жабами, змеями или ящерицами. Клоуны держали в руках длинные пучки травы чан-пу, которыми они орудовали как мечами или саблями.

Родители старательно взрывали хлопушки, заранее замазав себе уши и носы серой, чтобы защититься от ядовитых укусов, но глядели вокруг озабоченными глазами: волны горячего воздуха по-прежнему гуляли по городу. Все храмы были переполнены бабушками, молившимися Гуань-инь, Богине Милосердия.

Люди стали раздражительны, то там, то здесь вспыхивали ссоры. А возле Династических Ворот разгорелась настоящая кровавая битва, когда стадо овец с выкрашенными в красное хвостами, которое вели к Алтарю Неба, наткнулось на караван верблюдов, спокойно шедший к своей стоянке в другом конце города. Гуртовщики-монголы, которых обычай заставляет надевать тяжелые бараньи шкуры, смазанные жиром, накинулись на погонщиков верблюдов, турков, одетых в грязные халаты и войлочные сапоги. Два часа они ожесточенно дрались, злые на весь мир, и никто не мог пройти через ворота. Я упоминаю этот случай потому, что Мастер Ли и я оказались в центре заварухи, когда ранним утром направлялись к дому Небесного Мастера — пришлось бросить паланкин, кулаками проложить себе дорогу через ревущую толпу, нанять новый, и когда мы в конце концов очутились у цели, солдаты сказали нам, что святой действительно вернулся домой поздно вечером, но уже встал и уехал в Запретный Город.

Я не знал, что и подумать, а Мастер Ли как погрузился в свои мысли в тот момент, когда мы вышли от палача, так и молчал все это время.

Мы без всяких проблем вошли в Запретный Город, но вместо того, чтобы приказать нести себя к рабочему кабинету Небесного Мастера, мудрец приказал остановить паланкин около Министерства Импорта. Он очень быстро вернулся назад с довольным выражением лица, как если бы разрешил хоть одну загадку.

— Бык, — сказал он, забираясь в паланкин, — я уж давно должен был зайти сюда, но все время что-нибудь мешало. Ты помнишь компоненты смеси, при помощи которой я из дешевого чая получил чай Дань?

Я покраснел, но честно ответил. — Нет.

— Цианид железа, сульфат окиси кальция и порошок из плодов тамаринда, — терпеливо сказал мудрец. — Последний очень редкий. Мало кто импортирует его, потому что нужно купить лицензию. Законы в нашей стране еще никто не отменял, и компания, купившая лицензию, должна перечислить всех своих руководителей. Список хранится в папке компании, и любой, кто хочет добраться до него, должен узнать имя компании, а некоторые имена очень оригинальны. Предположим, что вы — группа мандаринов, замешанная в мошенничестве с поддельным чаем. Еще предположим, что вы способны общаться друг с другом благодаря старым клеткам, и не хотите, чтобы люди добрались до вашей папки. Как вы назовете свою компанию?

Он хорошо знал, что я не смогу ответить, подождал, давая мне время подумать о собственной глупости, и наконец показал мне листок, на которым клерк услужливо дописал имена владельцев компании прямо под названием, написанным почерком Мастера Ли: Огонь Небо Смерть Призрак Птица Лодка Дождь Гонка Чайная Компания Пекин.

— Вся банда? — с восхищением спросил я.

— Точно. Все ублюдки до последнего, во главе с Котом Ли и еще двумя евнухами, оба в ранге министра, — сказал Мастер Ли. — Теперь, если бы только —

Он дал фразе умереть естественной смертью. «Если бы только Небесный Мастер пришел в себя и смог бы помочь», вот что Мастер Ли имел в виду, тревога вернулась на его лицо и он молчал всю дорогу до Зала Литературной Глубины. Там нам сказали, что Небесный Мастер только что был, и мы безусловно найдем его на зеленой лужайке, ведущей к Дворцам Юных Принцев. Каждое утро он ходит по ней. Мастер Ли отпустил паланкин, мы пошли пешком к дорожке и, достигнув ее, облегченно вздохнули. Прямо перед нами, мучительно работая костылями, ковылял Небесный Мастер, фигура которого совершенно не изменилась с нашей последней встречи. Он шел к Девяти Драконьим Экранам.

— Я боялся пыток, — тихо сказал Мастер Ли.

Как и я. Либо пытки, либо безумие — ничем другим я не мог объяснить подпись святого на ужасном приказе. Мне стало ясно, что Мастер Ли ошибся, не распознал подделку, и должен как-то объяснить свою ошибку — но его это мало волновало. Он почти успокоился, пока мы шли коротким путем к Девяти Экра-

нам через Аллею Лучников, но там Небесного Мастера не оказалось. — Ха! Это была великолепная оптическая иллюзия, — сказал Мастер Ли. — Я бы поклялся, что он был здесь, но ты только посмотри.

Я посмотрел, и мои глаза едва не вылезли на лоб: влево, далеко впереди, опираясь на пару костылей, хромала маленькая фигурка. Медленно, как улитка, она проползла через Ворота Заслуженного Вознаграждения и направилась к Воротам Мирной Старости.

— Бык, неси меня. Наверно кто-то ему помогает, а сейчас слишком жарко для моих хилых ног.

Я посадил мудреца на спину и побежал, но, петляя в лабиринте высоких изгородей, очень скоро потерял святого из виду. Сады Запретного Города предназначены не для крестьян, а для аристократов, которые смотрят на мир с высоты паланкина. Пешеходы, пока не окажутся на открытом месте, видят только изгороди. Наконец я выбежал из лабиринта и так резко остановился, что мудрец едва не перелетел мне через голову. Когда он опять уселся, я почтительно спросил, — Господин, быть может здесь много Небесных Мастеров?

Святой так далеко ушел от Ворот Мирной Старости, что оказался рядом с Большим Театром. Даже мне пришлось бы здорово попотеть, чтобы пробежать такое расстояние за такое время.

— Давай сосредоточимся на этом, — мрачно сказал Мастер Ли. — Возьми его, Бык.

Я побежал прямиком к Театру, пытаясь опередить святого, и бежал между кустами олеандра и померанца до тех пор, пока не выбился из сил. Тяжело дыша, я остановился у Колодца Жемчужной Наложницы, повернулся и посмотрел туда, где должен был быть Небесный Мастер. Никакой медленно ковыляющей фигуры на костылях! Я посмотрел направо — никого. Прямо передо мной находилась внешняя стена Запретного Города, так что осталось одно единственное направление, налево, я повернулся туда и чуть не упал. Очень-очень далеко, между Залом Императорского Мира и Павильоном Десяти Тысяч Весен, тащилась крошечная сгорбленная фигурка.

Мастер Ли тихо сидел и молчал. Наконец он сильно сжал мои плечи. — Давай попробуем что-нибудь этакое, — спокойно сказал он. — Поверни и беги вон туда, к Западным Цветущим Воротам. Пускай они решат, что мы сдались.

Через несколько секунд я опять бежал через лабиринт деревьев и кустов, стараясь держаться между Дворцами Спокойной Земли и Божественной Гармонии, а еще через пару минут Мастер Ли приказал мне остановиться, вернуться обратно и повернуть влево на первой же прогалине. Я взобрался на маленьких холм, упал на живот и пополз среди низких кустов, а Мастер Ли потянулся и сорвал пару зеленых веток. Протиснувшись на край холма мы посмотрели на бархатную лужайку, протянувшуюся перед Дворцом Установившегося Счастья, и моя печенка покрылась льдом.

Небесный Мастер, низко пригнувшись, стелился по лужайке, чем-то похожий на грациозную пантеру. Препятствия он перепрыгивал. Его простая даосская одежда воздушным змеем развевалась за ним, а десять ленточек и концы кушака веяли в воздухе, похожие на смазанные крылья почтовых голубей. Вот он перепрыгнул через огромный камень, на который мне пришлось бы карабкаться, завис в воздухе, вытянув ноги как танцор, не опускаясь на землю оттолкнулся костылями и, сделав в воздухе изящное сальто, помчался дальше и остановился только около Зала Пищи для Ума. Если бы мы не забрались на холм, то только сейчас выбрались бы из кустов и увидели Небесного Мастера, слабого, скрученного, тяжело опирающегося на костыли старика, едва тащившегося по зеленой траве.

— Господин ... нет ... господин ...нет ...

— Почему ты удивляешься? Разве мы не видели собственными глазами настоящее чудо, когда собачья голова сжевала великого хранителя? — зло сказал Мастер Ли. — Бык, немедленно в Зал Литературной Глубины, и побыстрее.

У Зала он спрыгнул на землю, провел меня через лабиринт маленьких двориков, открыл боковое окно и мы забрались внутрь. Мастер Ли открыл замок отмычкой, прошел через пустой зал и, опять прыгнув мне на спину, приказал пронести его через боковое окно и балкон, мы забрались еще в одно окно и очутились в кабинете Небесного Мастера.

— Помнишь маленький предмет, похожий на щетку, при помощи которого Восемь Умелых Мужчин активировали клетку? Я думаю, что у Небесного Мастера тоже есть такой, иначе он не мог бы послать свое сообщение мандаринам. Ищи его, — приказал Мастер Ли.

Комната была захламлена сувенирами, собранными за время более чем столетней службы, и мне бы понадобился месяц, чтобы тщательно обыскать ее. К счастью Мастер Ли справился сам. Он перевернул кувшин с кисточками для письма, пошарил среди них и, внезапно, его рука остановилась. Медленно-медленно он поднял кисточку и внимательно поглядел на нее. Невероятно старая вещь, с каменной рукояткой и волосинками из хвоста мускусного оленя.

— Тот же самый период, то же самое мастерство и те же самые ощущения, — пробормотал Мастер Ли.

Мы вернулись обратно, в темный и молчаливый садик. Вокруг никого. Мастер Ли больше не расставался с клеткой, из-за которой нас чуть не убили в оранжерее, и, выходя из дома, надежно привязал ее к поясу под одеждой. Сейчас он достал клетку и испытующе оглядел ее.

— Мы знаем как надо посылать сообщение, — задумчиво сказал он. — Достаточно коснуться кисточкой символов пяти элементов. Я надеюсь, однако, что клетка помнит сообщения. Если так, то логично предположить, что здесь замешано Учение о Пяти: пять цветов, направлений, сезонов, небесных стволов, гор, планет, добродетелей, эмоций, животных, устьев, сетей и ароматов.

Мое знание о Пяти начинается и заканчивается одним единственным фактом: запах, связанный с планетой Меркурий, «гнилой», а звук — «стонущий», поэтому я держал рот на замке.

Потребовалось какое-то время чтобы разобраться во множестве символов, выгравированных на прутьях, но в конце концов Мастер Ли решил попробовать касаться символов животных, связанными с сезонами, в обратном порядке, и я подпрыгнул на чи в воздух, когда он коснулся головы черепахи. Клетка наполнилась светом и на меня взглянуло лицо незнакомого мандарина. Лицо, перекошенное страхом и яростью.

— Почему мы еще не убили старого идиота? — крикнул мандарин, безуспешно стараясь держать себя в руках. Его левая щека дергалась. — Я хочу знать, я должен знать, почему мы до сих пор не убили его? Неужели вы, дураки, не понимаете, что с того момента, как Кот убил клерка, у нас и так есть трупы. Если мы не перережем Ли Као глотку, он скормит собакам наши.

Кисточка коснулась головы тигра, и еще один мандарин потребовал голову Мастер Ли, водяной буйвол и феникс — скучные сообщения о дорогах и продажах. Потом Мастер Ли коснулся головы дракона, и клетку заполнило лицо Небесного Мастера. С первых же слов я понял, что это то самое послание, начало которого мы слышали во дворце Великого Хранителя Гусиных Ворот, начало, но не конец. Именно его и искал Мастер Ли.

*«Засуньте свои дерьмовые пальцы себя в уши и вытащите оттуда навозных жуков, потому что сейчас я покажу вам ошибку в ваших безумных планах».*

Да, он снял с них шкуру. И поставил с ног на голову. В воздух брызнула кислота, а он все расписывал и расписывал их полный идиотизм, их безумную затею с контрабандой, которая может привести к Тысяче Медленных Разрезов для них, конфискации имущества, потери всех привилегий и утраты всех имений для семьи. Потом он нарисовал жалостливую картину, как бедных вдов, наложниц и детей ведут на рынок и продают в рабство.

— Если уж вы, идиоты, решили что-нибудь украсть, почему бы не украсть что-нибудь действительно ценное? — проревел святой. — По дороге вы могли бы сделать хоть что-нибудь хорошее и способствовать восстановлению нравственности. Слушайте меня, вы, сбившиеся с пути дети, и я поведу вас к свету.

И он действительно повел их свету. Сначала с недоумением, потом с ужасом, а в конце с отчаянием я выслушал то, что предлагал Небесный Мастер: оживить идею Конфуция о призраках.

Даже варвары должны понимать, что в цивилизованной стране мертвые необычайно влиятельны. Живые слишком заняты борьбой за жизнь, и у них нет времени на что-то еще. «Шесть Зол» — так называют человеческие чувства, и не зря, потому что зрение, слух, вкус, осязание, обоняние и мышление — только ба-

рьеры на пути посланий Небес. Мертвые свободны от таких уз, и призрак предка, появившийся в свете луны или явившийся человеку во сне, чтобы передать зашифрованное послание, — самое важное событие в жизни семьи. Иногда это может быть последним предупреждением: Бог Черный Олень в ярости, и тебе лучше всего убежать со всех ног в деревню прежде, чем на тебя нападет грипп, и, будь уверен, десять из десяти не послушавшихся не доживут до следующей недели. Иногда во сне появляется бабушка и называет молочное имя только что родившегося ребенка, и, если уж я заговорил о детях, кто не слышал историй о ребенке-призраке, умершем сразу после рождения, который внезапно является своему старшему брату, заставляя того подпрыгнуть от страха и не наступить на ядовитую змею? Силы призраков неоспоримы, а их предсказания сбываются всегда.

Конфуций все это знал и разработал замечательную схему. Он рекомендовал своим клиентам-аристократам, желавшим раз и навсегда окунуть простолюдинов в грязь, принять строгие законы о призраках. Настоящими считаются только те призраки, которые чинно и мирно появляются в почтенных святилищах семейных храмов, а у кого, спрашивается, вообще есть святилища и семейные храмы? У аристократов, конечно, крестьянам не до них. Поэтому если любой человек, не обладающим наследственный имением, начнет утверждать, что он принадлежит к аристократии, его надлежит приветствовать хорошей поркой, во второй раз отрубить руку, а в третий — голову. А если простолюдин получает послание от призрака и кричит об этом на всех углах, его надо немедленно продать в рабство.

Идея Конфуция стала необычайно популярной, потому что аристократы с ее помощью делали все, что хотели. Какой-нибудь князь отбирал землю у крестьянина просто заявив, что ему приснился пра-пра-пра-дядя и открыл, что эта земля всегда принадлежала его семье, а документы на нее хранятся в медной шкатулке, зарытой в подвале. (Призрак охотно появлялся опять, если требовалось объяснить, почему документы написаны на бумаге, которую еще не изобрели во времена пра-пра-пра-дяди. Он объяснял, что бумагу изобрели на Небесах и Боги любезно предоставили ему несколько листиков.) Любое судебное разбирательство проходило в феодальном суде, все члены которого были аристократами-землевладельцами, и Конфуций замечательно характеризовал его суть: «Высший человек подобен ветру, а низший — траве. Когда ветер дует, трава пригибается».

Во времена Конфуция империя еще не существовала. Китай был скопищем вечно грызущихся между собой маленьких государств, и схема Конфуция проиграла в борьбе с даосизмом, который стал основой Поднебесной Империи. Все это время Даосы, стиснув зубы и навострив перья, боролись за права крестьян, и вот теперь Небесный Мастер, предводитель даосов и единственный живущий святой, предлагает мандаринам использовать их незаконные доходы для

подкупа судей. Нет сомнений, что с такими деньгами и при активной поддержке Небесного Мастера схема может быть принята во всем Китае. В результате только для аристократов будут существовать такие понятия как сила, собственность и право, а это, как полагал Небесный Мастер «очень улучшит мораль и общество».

Всю эту невероятную речь святой произнес на одном дыхании и ни разу не сбился — и ни единственного признака дряхлости! На самом деле я ни разу не слышал, чтобы он говорил так ярко и убедительно. Когда он закончил и клетка погасла, я безнадежно повернулся к Мастеру Ли.

— Господин, быть может у него какой-то удар?

Да, нечасто я видел мудреца настолько смущенным и растерянным. Он яростно пожевал кончик всклоченной бороды, сплюнул и ответил. — Я никогда не слышал об ударах, после которых столетний человек, страдающий артритом, начинает бегать по лужайке как Тибетский белый леопард. Нет Бык, здесь не проблемы с головой, а что-то совсем другое, намного более страшное, и я не в состоянии даже вообразить себе всех последствий.

Все это время он сидел перед клеткой, скрестив ноги. Но сейчас вскочил и посмотрел на раскаленное небо. Огромная рука Желтого Ветра поднялась над горизонтом; медные ищущие пальцы протянулись сквозь дымку к кроваво-красному солнцу, которое уже начало садиться — я даже не осознал, как прошло время — крошечные песчинки барабанили по веткам и листьям, шипя и царапаясь, как будто гигантский невидимый кот шаловливо скреб когтями по столбу.

— Быть может что-нибудь должно случиться во время завтрашнего солнцестояния? — задумчиво сказал Мастер Ли. — Мой мальчик, мало найдется наук настолько мрачных, как теология, но очень важно помнить о Концепции Катастрофы, которую развили во время династии Хань. Как И-цзин[79], так и Хуайнань-цзы[80] утверждают, что Небеса не вызывают, но разрешают природные

---

79 И-Цзин — один из наиболее известных и почитаемых трудов китайской философии.

За почти три тысячи лет её существования множество философов и мудрецов занимались толкованием и анализом афоризмов Книги, формировали её. Но, не смотря на исчитанность вдоль и поперек, она для каждого нового читателя открывает новые свои грани. Потому что она содержит не знания, а ключ к получению информации.

80 Хуайнань-цзы — Памятник 2 в. д. н. э., сост. при дворе Хуайнаньского князя Лю Аня.

Согласно источникам, включал три книги: «внутреннюю» (21 цзюань — «свиток»), «толковавшую о дао», «внешнюю» (33 цзюаня) — «о разном» и «среднюю» (8 тетрадей) — «о святых и искусстве алхимии». «Хуайнань-цзы» отличают образность, искусно построенная ораторская речь, сочетание различных стилей (от логизирующего до высокопоэтич.). В нем обрела завершенную форму мировоззренческая тенденция, восходящая к Конфуцию: человеч. измерение и человеч. деятельность воспринимаются как не менее важные атрибуты универсума, чем Небо и Земля. Об этом свидетельствуют высокий статус практики в доктрине «Хуайнань-цзы», признание «уместного» и «подходящего» эталоном прекрасного (Мэй) наряду с «мерой» и «гармонией». Тем не менее гл. мерилом истины и красоты остается космос. «Хуайнань-цзы» представлял собой вторую в ис-

катастрофы. Если люди умышленно нарушают порядок вещей, боги отказываются вмешиваться, природа исторгает из себя яд, обыкновенно с огромными жертвами, и если от этого пострадают невиновные — нечего делать, человек понимает хоть что-нибудь только тогда, когда его бьют топором по голове.

Он поднял клетку, привязал к поясу и закрыл одеждой.

— По словам Трактирщика Шестого Ранга Ту аборигены верят, что три тысячи лет назад Завистник почти вызвал несчастье во время солнцестояния, и только вмешательство Восьми Умелых Господ помешало катастрофе, — медленно сказал Мастер Ли. — Мы слишком хорошо знаем, что Завистник — или невероятно талантливый подражатель — все еще с нами и собирается что-то сделать. В китайской мифологии вообще очень трудно сказать, где кончается миф и где начинается реальность. Скорее всего Нефритовому Государю не понравится прошение, в которой его просят узаконить схему призраков на территории Китая, особенно подписанное ведущим даосом, но что если ...

Он замолчал, а потом приказал мне подставить спину.

— У нас есть список вовлеченных в это дело мандаринов. Мы должны найти слабое звено, а тебе, мой мальчик, придется переломать кости нескольким упрямым ублюдкам, но тем или иным способом мы должны отправить их всех в тюрьму, — мрачно сказал мудрец, залезая ко мне на спину — Давай быстро в город, к Одноглазому Вонгу.

— Да, господин, — ответил я и помчался галопом.

## ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА

В магазине Одноглазого Вонга Мастер Ли набрал несколько бездельников и послал их следить за каждым мандарином и евнухом из списка, потом мы вышли из задней двери и отправились в конец Мушиного Переулка, туда, где тесно сгрудившиеся домов, к тому же опиравшиеся друг на друга, образовывали настоящий лабиринт. Здесь из любой квартиры любого дома можно было выйти самым неожиданным способом, и пока судебные приставы добирались чьей-либо комнаты, жилец мог оказаться где угодно, даже в Тибете.

---

тории кит. мысли после «Люй-ши чунь цю» попытку глобального филос. обобщения. Инструментом философских построений для создателей памятника служили конфуцианский рационализм с его теорией обществ, устройства и даосский иррационализм, сочетающийся со склонностью к исследованию и наблюдению. В поисках аргументов в пользу правомерности соединения противоположностей составители «Хуайнань-цзы» привлекли беспрецедентно обширный материал мифов и преданий, исторические сведения, эмпирические данные из разных областей практики, комментарии к отдельным положениям и целым текстам философской классики. Противоречие между сознанием создателями «Хуайнань-цзы» правоты конфуцианских построений и их пристрастием к глубине даосистских спекуляций разрешилось обозначением двух путей человеческой мысли: один ведет к науке, другой – в религию и философский мистицизм.

— Этот Проныра тоже абориген, — сказал Мастер Ли. — Я очень сомневаюсь, что он может что-нибудь добавить к словам Трактирщика Ту, но хочу попробовать. Ты знаешь, где он живет?

Я был вне себя от счастья, потому что мог кое-что доказать. — Надо все время поворачивать влево, — сказал я. — Верите ли вы или нет, господин, но при этом вы не вернетесь назад!

Мы повернули налево, еще раз налево, еще и еще, и вернулись бы назад в конец переулка, если бы не узкий проход, который вел вверх и направо. Проныра жил на самом верхнем этаже, и мы остановились не доходя до его двери, когда увидели монахов, выходящих из его комнаты, почувствовали запах благовоний и услышали горестные вопли. Я толчком отворил дверь и понял, что здесь Мастеру Ли ничего не удастся узнать. Проныре было очень плохо, он лежал, скорчившись на матраце и бредил, а его юная жена не знала, что делать и вспыхнула от радости, увидев Мастера Ли.

— Спасите его, достопочтенный господин, — попросила она дрожащим голосом. — Если кто-нибудь и может спасти его, то только вы. Все боятся заразиться и сбежали, и я не знаю, что делать.

Мастер Ли приказал мне подержать Проныру, проверил красные глаза, сухой язык, плотно покрытый желтыми струпьями, аккуратно потрогал маленькие, похожие на нарывы вздутия в паху и подмышках.

— Он жаловался на головную боль и апатию?

— Да, достопочтенный господин.

— А потом у него начался жар и он не мог ни на что смотреть?

— Да, достопочтенный господин, он кричал, что свет выжигает ему глаза.

Мастер Ли выпрямился и расправил плечи. — Моя дорогая, я не обещаю ничего, — мягко сказал он. — Мы должны надеяться и молиться, и мне нужна еда, вино, немного бумажных денег, двенадцать красных ниточек и Белый Тигр Убийца Грома.

Все. Проныра, считай, покойник, понял я. Мастер Ли говорил о надежде только тогда, когда хотел чем-нибудь занять страдальцев. Он открыл крошечное окно, выходящее на бесконечный лабиринт крыш Пекина, и пробормотал, — Тут не хватит и сто тысяч Белых Тигров.

— Господин? — не понял я.

— Не хватит, Бык. Особенно если появится Завистник. — Мастер Ли отряхнулся по-собачьи, всем телом, и добавил, — Клянусь Адом, у меня, кажется, галлюцинации. Давай делать то, что мы можем.

То есть вырезать из бумаги фигурку тигра и написать на ней «Здесь Единорог!» Еще надо было призвать благоприятную звезду, которая уничтожит зловредное влияние демонов. Я надрезал руку больного и его кровью выкрасил тигра. Жена Проныры принесла все остальное, мы вместе с ней встали на коле-

ни и начали молиться, а Мастер Ли встал над пациентом и широко раскинул руки.

— Проныра, заболевший в день жэнь-сюй, на севере ты столкнешься с Божественным Убийцей, чьи Распушенные Волосы Парят в Небесах, — торжественно, как монах, запел мудрец. — На юге ты встретишься с Красной Птицей, на востоке тебя ждут Пять Призраков, но главная опасность лежит на западе, потому что ты разгневал Тигра, который соединяет в себе Край Осени, Край Металла, Траурную Белизну и Конец Великой Тайны.

Мастер Ли брызнул на больного водой, зажег благовония, потом воздел глаза и руки к западу.

— О Божественный Белый Тигр, ты, который прогоняет демонов Пяти Направлений, уничтожает Талисманы Болезни и Годовую Порчу, повелитель Ворот Скорби, Гостей на Похоронах и Духов Смерти, обитатель Небесных Палат и Земных Лесов, житель Земли и Неба, ты повелеваешь семьюдесятью двумя Хоу, Восемью Триграммами, Девятью Дворцами и Центральным Дворцом Грома, ты — Великий Повелитель, входящий в дома и уничтожающий в них все, ждущий за дорогой и колодцем, прячущийся за печкой и в зале, ты, исток всех судеб, о Белый Тигр, Великий Белый Тигр, твой скромный слуга Проныра тяжело оскорбил тебя, и мы принесли тебе его еду! Мы принесли его вино! Мы принесли его деньги! Мы принесли его кровь!

Мастер Ли кивнул, жена Проныры взяла еду, вино и деньги, и благоговейно коснулась ими запятнанного кровью бумажного тигра.

— О Тигр, съешь еду Проныры и прогони Божественного Убийцу Спусков и Подъемов, Начало и Конец всех Дорог! О Тигр, выпей вино Проныры и прогони Большого Короля Мертвых и Маленького Короля Мертвых, которые вытаскивают внутренности и осушают живот! О Тигр, возьми деньги Проныры и прогони Божественного Убийцу, которые двигает Кровати и заменяет Матрасы, вбивает Колья и ставит Изгороди! О Тигр, Великий Белый Тигр, слижи кровь с этого талисмана, твоего священного изображения. Это кровь оскорбившего тебя слуги, и если ты все равно хочешь его смерти, мы предлагаем тебе его тело.

Мастер Ли вытащил несколько соломинок из матраца больного, быстро сделал из них куклу и коснулся ею кровавых пятен на изображении тигра.

— Ты ничто, ты только солома, которой коснулся Великий Белый Тигр Убийца Грома, но ты станешь телом Проныры, — пропел Мастер Ли.

Он опять кивнул, жена Проныры привязала к соломенной кукле двенадцать красных ниток и опустила их концы на тело мужа. Мастер Ли, делая загадочные пассы руками, стал просить демонов болезни покинуть тело Проныры и по ниточным мостам перейти в куклу. Потом мудрец торжественно обрезал нити, поднял куклу, провел ею три раза над животом Проныры и четыре раза над спиной. Наконец он высоко поднял куклу и вонзил в нее нож.

— Ты, Начало всех Концов и Конец всех Начал, зри: тот, кто оскорбил тебя — мертв! Великий Белый Тигр, Повелитель Вселенной, ты победил! — выкрикнул мудрец заключительные слова ритуала.

Все это время Проныра метался в бреду, но сознание — странная штука. Что-то проникло в него, больной успокоился, задышал легче, а жар спал. Мы вышли, и Мастер Ли попросил соседей быть наготове и помочь, если случится самое худшее. Да, он очень верил в целебную силу убеждения, но всему есть пределы.

Мы прошли через лабиринт, вышли из Мушиного Переулка и внезапно остановились около омерзительно вонявшей горы отбросов магазина Одноглазого Вонга. Солнце уже садилось. Желтый Ветер разогнал все облака и взамен аляповато раскрасил небо. Все цвета радуги заиграли на морщинистой руке древнего мудреца, когда он отогнал мух и вытащил из кучи мертвую крысу, аккуратно держа ее за хвост.

— Ты видишь какие-нибудь раны? — спросил Мастер Ли, протягивая мне мерзкую тварь.

Я вгляделся. — Нет, господин.

Он отбросил крысу и поднял вторую. — А на этой?

— Никаких, — ответил я, тщательно изучив ее.

Мудрец порылся в куче и вытащил еще троих — точно таких же.

— Ну и что у нас есть? — спросил он. — Пять следующих один за другим сердечных приступов? Пять одновременных самоубийств? Пять смертельных укусов пчел? В том же переулке и в то же самое время?

Он подобрал еще какую-то грязь и мрачно посмотрел на нее.

— А как насчет первых жертв болезни, которая, судя по всему, очень быстро распространяется? Ты знаешь, Бык, мы любим поиздеваться над медицинскими познаниями предков. Конечно, во многих областях они достигли замечательных результатов, а в точных науках, как говорят наши ученые, остались детьми. Но вот тебе пример: когда они изобретали слово «чума», то взяли корень «крыса» и добавили прилагательное «больная». Очень по детски, а?

Он все еще глядел на то, что держал в руке. Я тоже взглянул. Остатки цилиндрического абажура, окружавшего масляную лампу. На нем были нарисованы восемь мчащихся лошадей, причем ноги всех находились в разных положениях. Свечу зажигали и абажур под действием тепла начинал вращаться. Потрясающее зрелище!

— Фонарь мчащихся лошадей, — пробормотал Мастер Ли. — Фонарь ... мчащихся ... лошадей ... — Какая-та мысль пыталась прорваться в его сознание, но не смогла, он пожал плечами и бросил абажур обратно в кучу. — Черт с ним. Я говорю о крысах, и если уж я вспомнил этих тварей, давай посмотрим, что удалось узнать о мандаринах.

Ничего хорошего. Все, за кем людям Вонга удалось проследить, скрылись в совершенно недоступном месте: казармах Черной Стражи. Они находятся внутри Запретного Города, окруженные еще одной стеной, через ворота которой солдаты всегда готовы выйти на помощь императору — или евнухам. Из Императорского Города проникнуть в казармы можно только через подземный туннель, идущий подо рвом, и в Пекине нет более охраняемого места.

— Кот Ли собрал своих котят, — пробормотал Мастер Ли. — Проклятье! Должно произойти что-то очень большое и очень скоро, а я все еще не знаю достаточно, чтобы задать правильные вопросы. Даже если бы у меня было кого спрашивать, — прорычал он. — О двух мандаринах вообще ничего не известно и люди Вонга не вернулись. Бык, пошли спать. Предстоит долгая ночь.

Янь Ши был одет в черное, на голове — княжеская шляпа с полями, вокруг талии — алый пояс. Желтый Ветер раздувал его черный плащ, а кукольник изящно скользил по треснувшей сухой земле, плавая на волнах жара.

— Этому кукольному спектаклю, Бык, требуется подходящее окружение, — сказал Янь Ши мягким печальным голосом. — Например вопящие фениксы, дрожащие зайцы, беззубые тигры, плачущие сверчки, полуголодные лошади, слюнявые драконы, слепые совы, рыдающие верблюды и старые больные черепахи, вечно умирающие в сухих колодцах.

Волна понесла Янь Ши вперед. Я попытался схватить его, но он растаял, как мираж, и я остановился перед старым заброшенным домом, окруженным потрескавшейся землей. Тупая игла вонзилась в сердце когда я понял, что это мой дом, и больше от деревни не осталось ничего. Слезы ослепили меня, но недалеко был кто-то живой. Я услышал песню и побежал на звук, пробиваясь через иллюзии, сотканные горячим воздухом. Пробившись через испарения, я оказался на зеленой лужайке, залитой ясным светом.

*Козлик, козлик, прыг на стенку,*
*Маме травки набери.*
*Мама в стойле или в поле —*
*Братьев бедных накорми.*
*Раз... два...три...четыре...пять...шесть...семь...восемь!*

Смеющиеся ребятишки убежали на вершину низкого холма, и с бьющимся сердцем я повернулся к Юй Лань. Прекрасная шаманка играла на прутьях клетки, внезапно блеснул свет, я закрыл глаза, а когда вновь открыл их, она сделала знакомый ритуальный жест. Я тоже коснулся бровей и носа, и Юй Лань открыла руку: еще одна крошечная двузубая вилка.

Я подошел ближе, увидел на ее лбу капельки пота и мог бы поклясться, что она в отчаянии. Юй Лань схватила мою руку, повернулась и потащила меня к колодцу. Опять мы опускались в корзине, внизу кто-то рычал, и я чувствовал

запах гнилой плоти. Я раскачал корзину и мы прыгнули в маленький туннель, но на этот раз Юй Лань не остановилась.

Шаманка крепко схватила меня за руку и побежала. Быстрее и быстрее. Мы промчались через извилистые проходы, от стен которых шел тускло-зеленый свет, выбежали на большую скальную полку и я посмотрел вниз на огромную пещеру. И испуганно отпрыгнул назад, потому что она была заполнена огромными свернувшимися в кольцо змеями. Юй Лань, не обращая внимания на змей, потащила меня вниз по каменным ступеням, и только тогда я разглядел, что это не змеи, а свернутые кольцом трубы, соединявшиеся с другими, поменьше, те с еще меньшими, и вся конструкция заканчивалась восемью крошечными трубочками, входившими в восемь маленьких ящиков, разбитых на две группы: четыре слева и четыре справа.

Юй Лань нагнулась и открыла крышку левого ящика. Внутри оказалась маленькая непонятная штука с отверстием внизу. Ее глаза поднялись к моим, она поднесла вилку к губам, тихонько дунула между зубцов и вставила вилку в отверстие. Затем закрыла крышку.

Сгустился туман. Холодные освежающие капли дождя начали падать на мое разгоряченное тело, нас окружила радуга и я обнял ее. Она улыбнулась, ее губы открылись, а глаза наполовину закрылись. Потом, внезапно, она глубоко вздохнула, широко открыла глаза и отпрыгнула в туман.

— Нет, нет! Пожалуйста, нет! — крикнула она голосом, наполненным болью, страхом и отчаянием.

На нее напало что-то ужасное. Серая пелена тумана не давала ничего разглядеть, но все-таки я увидел зубы-клыки, свернувшие возле головы, и когти на талии. Какая-то огромная склизкая тварь прыгнула ей на ноги, я попытался вытянуть шаманку из тумана, но не смог даже коснуться ее. Я слепо вбежал в горячие волны, все вокруг закружилось и исказилось. Издалека донесся голос Юй Лань:

— Бык, лодки! Обе лодки должны поплыть! Обе! Не бывает гонок одной лодки!

Потом исчез голос, исчезли шаманка и туман, а я оказался на матраце в Винном Магазине Одноглазого Вонга, рядом с Мастером Ли. Через окно лился яркий лунный свет и Желтый Ветер, как огромный кот, скреб когтями по крышам Пекина. Я перекатился на бок и потряс старика за плечо. Он мгновенно проснулся.

— Господин, с Юй Лань случилось что-то плохое, — взволнованно сказал я. — Я не знаю, где она, но с ней произошло несчастье, и если у вас нет мыслей получше, я бы предпочел отправиться к ней домой.

Мастер Ли какое-то время глядел на меня, потом прыгнул на ноги и приготовился забраться ко мне на спину. — Почему нет? — проворчал он. — Здесь мы ничего не забыли.

В доме Янь Ши было тихо и темно. Мы прошли через ворота, Мастер Ли соскользнул с моей спины и, вынув метательный нож, спрятался за столбом, а я, освещенный светом луны, забарабанил в дверь. Ответило мне только эхо.

— Янь Ши! — крикнул я. Эхо со всех сторон. — Юй Лань! Есть кто-нибудь в доме?

Что-то зашевелилось, я отпрыгнул назад, оглянулся и увидел любопытного кота, глядящего на меня с края крыши. Потом внезапная какофония звуков, грохот колес, копыта лошадей ударили по камням, как будто в лесу взорвались от огня стволы бамбука, и я едва успел отпрыгнуть в сторону, когда прямо на меня из конюшни вылетела черная карета, запряженная четверкой лошадей. За ней скакали десять всадников в черных плащах с шляпами, надвинутыми на глаза. В лунном свете сверкнули мечи, и я заметил, что по бокам кареты висят люди, держась за нее одной рукой, а во второй держа короткое копье: солдаты. В следующее мгновение вся кавалькада промчалась через ворота и умчалась прочь, а Мастер Ли подставил ножку и сбил меня на землю, когда я попытался побежать вслед за ними.

— Ты никогда не нагонишь их, Бык, и никогда не сможешь пройти туда, куда они скачут, — крикнул он, схватив меня за руку. — Тебя убьют, и чему это поможет? Все, что мы можем сделать — подождать до утра, когда откроются ворота Запретного Города.

Он был прав, как всегда. Я узнал значки. Солдаты Черной Стражи, их карета скоро проедет подо рвом и окажется в казармах, в которых прячутся мандарины. Попытаться проникнуть туда ночью — верное самоубийство.

— Но, господин ... господин...

Он сжал мне плечо. Когда карета полетала мимо, ветер на мгновение откинул занавеси, внутрь просочился лунный свет и мы оба увидели одно и тоже: в карете сидело четверо. Трое смеялись, как будто схватили добычу: Кабан, Шакал и Гиена. Четвертой была Юй Лань.

— Пошли. Быть может ее отец где-то здесь и ему нужна помощь, — сказал Мастер Ли. Мы поискали кукольника или его тело, но Янь Ши в доме не было.

Вместо него мы нашли запечатанное послание, лежавшее на самом видном месте: на столике в маленькой прихожей. К моему удивлению послание было адресовано не Янь Ши, а Мастеру Ли. Мудрец открыл письмо. Элегантные древние иероглифы, таких я не понимаю, поэтому Мастер Ли прочел письмо вслух.

— Мой дорогой Ли-Цзы, самый уважаемый из ученых, непревзойденный искатель правды. Этот ничтожный просит навестить его, чтобы обсудить будущее одной молодой дамы, которая решила немного изменить свое положение и войти в наш скромный дом. Если ваш юный помощник и наделенный множеством талантов отец дамы захотят присоединиться к вам, они будут приняты с надлежащим уважением. Я заранее наслаждаюсь светом истины, ведь каждый час темноты — смертная мука.

Мудрец посмотрел на меня снизу вверх. — Подпись Кота Ли, — сказал он. — И не обращай внимания на фразы вроде «каждый час темноты — смертная мука». Евнухи любят щеголять элегантными оборотами, а Юй Лань не просто шаманка, а одна из лучших, которых я встречал. Она ни в коем случае не беззащитна. Пошли на конюшню, быть может ее отец там, а если его там нет, я найму всех людей Вонга и мы обыщем весь город.

Конюшня была пуста и безмолвна. Луна светила потрясающе ярко, и я сообразил, что раньше ее частично заслоняла песчаная дымка. Большая ветка качалась под ветром взад и вперед, тень бегала по сверкающему полотну огромного фургона кукольника, и невероятно напоминала служанку, моющую пол. Взад и вперед, взад и вперед.

— Фонарь мчащихся лошадей, — пробормотал Мастер Ли, застывший на месте.

Потом он прыгнул в фургон. Я за ним, надеясь найти Янь Ши, но Мастер Ли искал кое-что другое. Он взобрался на галерею над сценой и стал тщательно проверять переплетение проводов, колес и зубчатых передач. Ветер шевелил куклы, свисавшие с галереи, и я сообразил, что это декорации для Деревенщины Хуна. Внезапно Мастер Ли повернул колесо и качнул маятник, в стене открылась дверь. Оттуда появилась два плута, несущие свинью, за ними сам Деревенщина Хун, за ним жена судья, потом обитатели спальней, все без одежды и с вытаращенными глазами. Мастер Ли толкнул еще один маятник, кукла судьи наклонилась к замочной скважине, отшатнулась в ужасе обратно, закрыла рукой глаза, а за ней сумасшедшая процессия двигалась из одной комнаты в другую. Непривычно и жутко было видеть кукол, двигающихся под завывание ветра, а не под взрывы хохота. Мудрец уже спустился вниз, а они еще какое-то время сновали по сцене и только потом опять успокоились и медленно закачались на своих веревках.

Мастер Ли глубоко вздохнул. — Ну, Бык, ты всегда знал, что тебя ждет ужасный конец, если будешь помогать мне, — сказал он.

— Да, господин, — равнодушно ответил я. Все мои мысли были настолько заняты Юй Лань, что мне было все равно, тем путем или этим, но потом мне стало интересно. — Какой конец вы имеете в виду? — спросил я.

— Встречу с Котом Ли, — ответил мудрец. — Я только что сообразил, что нам придется принять его любезное приглашение, так что готовься нырнуть в кипящее масло. Как только ворота Запретного Города откроются, мы нанесем ему визит, и если ты сможешь заснуть в оставшиеся до рассвета часы, Пу Сунлин, Регистратор Невиданных Дел, безусловно обессмертит твое имя.

# Двадцать первая глава

По традиции утро пятого дня пятой луны — самый занятый день в году. Уже перед рассветом улицы Пекина были заполнены людьми, и некоторых из них я знал.

Госпожа Ву, булочница, стояла в очереди в магазин персидского алхимика, собираясь купить лосьон от насекомых, сделанный из смеси мышьяка, серы и киновари. Потом она пойдет в будку переписчика и купит там бумажный трафарет со словом «король». Оттуда она поторопится домой, к спящим детям, и каждому из них поставит по три отпечатка на лбу. Они напоминают морщинки на лбу тигра. Все знают, что болезни и несчастья боятся приближаться к тиграм, а в двойную пятерку эти отпечатки особенно действенны.

Старая Пи Бао-ку, «Кожаный мешок с костями» и бабушка Госпожи Ву, ждала у лавки кондитера, собираясь купить пять сахарных ядовитых насекомых (многоножка, скорпион, ящерица, жаба, змея), чтобы украсить ими традиционный пирог ву-ту-по-по, который она изо всех сил делала несъедобным, хотя на самом деле он него еще никто не умер. Каждый член семьи был обязан съесть по куску в пятый день пятой луны, и демоны болезни, увидев людей, способных есть ву-ту-по-по, обычно походили мимо.

«Феникс» Фэн Эр, наложница бакалейщика, ждала первых солнечных лучей, чтобы войти на огороженную забором зеленую лужайку парка. Там она сорвет ровно сто травинок, положит в кувшин и отправится домой, глядя только вперед. Дома она добавит в кувшин воды, вскипятит его и приготовит Мазь Ста Трав, которой вся семья будет пользоваться до следующей двойной пятерки.

Хо Чень-эру всегда не везло. Его имя означает «Убегай от собаки», и он как дурак забрался на крышу, чтобы исправить дыру, образовавшуюся три дня назад. Сейчас он ждал, когда неряшливый шаман откроет свой магазин и пропоет «Расти, расти, расти!», но, как всегда у него не получится ничего хорошего: всякий знает, что если поработаешь на крыше в пятый день пятой луны, то очень скоро облысеешь.

Дянь-чи, «Полевой Цыпленок», был из тех, кого называют «Божественные Мальчики», имея в виду мужчин-проституток, не пропускавших ни одного мальчика. Он ждал вместе со своим лучшим другом, престарелым придворным Лан-Чу, «Ленивым Поросенком». Несколько лет они копили деньги, и вот теперь, переодевшись в лохмотья и крепко держа в руках мешки с золотом, ждали у дверей Цу Гу-и, «Призрака Смерти», загадочного мага, трижды встававшего из могилы, который должен быть продать им полые куски полированного кедра. Если взять двадцать четыре целебных ингредиента, смешать с восьмью ядовитыми, наполнить получившейся смесью кедровые бревна и ровно сто ночей под-

ряд класть их себе под голову, с лица исчезают морщины, а через четыре года возвращается юность. Эти ингредиенты жуткий секрет, но Мастер Ли однажды сказал мне, что в них входят кассия, женьшень, сухой имбирь, магнолия, заразиха, дудник, чертополох, корень кикио, китайский перец, камелия, корни и семена аконита, болотная трава и петушиный гребень.

Дорога Императора была запружена от Башни Феникса до Алтаря Земли и Зерна: люди ждали, когда откроют Полуденные Ворота и пустят их в Запретный Город. Кого там только не было: аристократы в роскошных паланкинах и голубых каретах; торговцы в тележках, запряженных ослами — парусиновый верх каждой тележки украшала розовая надпись, превозносящая до небес гений владельца; ученые, напоказ слушавшие только маленьких певчих птичек, которых они несли в бамбуковых клетках, надетых на длинные шесты; просители всех сортов, артистически носившие лохмотья и державшие в руках фонари из рога водяного буйвола — символы того, что они совершили опасное путешествие и путешествовали днем и ночью; легионы секретарей, батальоны чиновников, армия клерков. По толпе летали слухи, обильные, как стаи стервятников над мирной конференцией, и на первое место из длинного списка вышла новость, что впервые за тысячу лет может не быть Гонок Лодок-Драконов. Называли четыре основных причины:

1. Шесть добропорядочных членов Гильдии Дубильщиков видели как белая птица (белый — символ траура), летит над Северным Озером, держа в клюве горящий подсвечник. Птица летела точно по маршруту гонки.
2. В то же самое время огромная ящерица появилась у пирса Гильдии Пекарей, выдохнула пламя на Лодку-Дракон и сожгла ее дотла.
3. Призрак Императора Вена вышел в большой зал Соляной Гильдии и прошел прямо через корпус их Лодки-Дракона, завывая: «Берегись пятого дня пятой луны!»
4. Гильдия Целителей выпустила специальное воззвание, в котором говорилось, что первые три причины — глупые суеверия. Зато суеверием не были семнадцать смертей за последние девяносто шесть часов. Целители утверждали, что речь идет о болезни, подозрительно похожей на чуму, и со стороны властей было бы мудрым шагом отменить Гонки, потому что огромные массы народа соберутся на берегах озера и заразят друг друга.

И наконец, в противовес всем им, ждали мы с Мастером Ли, ждали когда ворота откроются, мы войдем и Кот Ли нас убьет, очень неприятным способом.

Не самый приятный момент. Физическую боль можно терпеть, потому что у нее есть пределы. Тело берет столько, сколько может, а потом человек отключается. У душевной боли предела нет — и у меня было вполне достаточно времени, чтобы подумать об умном евнухе и его маленьких игрушках. Не ду-

маю, что смогу пережить, если меня зашьют в мешок с кровавыми остатками Юй Лань. Мастер Ли, по своему обыкновению, держал совет сам с собой. По его лицу было совершенно невозможно понять, что он устал или страдает от боли, и когда ворота открылись и наш паланкин понесли ко Дворцу Евнухов, он решил развлечь меня маленькой лекцией, указывая на местные достопримечательности, которые может быть и заинтересовали бы меня, если бы я способен был увидеть что-нибудь. Должен допустить, что был слегка невнимателен, хотя запомнил «самую прекрасную и возвышенную тюрьму в мире», Сад Свергнутых Фавориток, куда посылали императорских наложниц, которым не хватило денег на подкуп евнухов. Там бывшие фаворитки, оболганные и лишенные милости императора, жили не зная мужчин. Одинокие дамы были обречены проводить всю оставшуюся жизнь в тени Башни Цветов Дождя, высокого белого цилиндра под розовым куполом, с вершины которого текла река из белых цветущих олеандров. «Деликатность кастратов весьма переоценена», закончил рассказ Мастер Ли.

Только когда показался Дворец Евнухов, я слегка пришел в себя. — Заметь, мой мальчик, как умно устроили евнухи, сделав свой дворец на добрых пятьдесят чи выше, чем соседний Дворец Южного Аромата, в котором собраны портреты всех императоров. То есть в Китае кастрированные выше позолоченных, — невесело пошутил Мастер Ли, но в моем настроении я даже не сумел хихикнуть.

Сомневаюсь, что даже императорская аудиенция может быть более впечатляющей. Множество горнов, бой барабанов, объявляющий об открытии огромных позолоченных ворот, великолепный горделивый дворецкий с золотым жезлом, шагавший перед нами по ковровой дорожке с изображениями драконов, вытянувшиеся по стойке смирно ряды солдат в украшенных жемчугом мундирах из красной парчи, тюрбаны с золотыми блестками, на них эмблемы двойного феникса. Стены зала для приемов, отделанные бирюзой, турмалином, аметистом, малахитом и опалом, еще больше солдат, замерших вдоль них: красное оружие и желтый флаг с зеленым драконом на западной стене, белый флаг с желтым драконом на восточной. Кот Ли — ну настоящий император! — сидел на троне лицом на юг, спинку трона украшал узор из семнадцати бриллиантов, а ручки напоминали пять когтей.

Сам евнух, на удивление, был одет довольно просто: красных халат, украшенный цветами и звездами, и шапка с одним прямым пером — символ высокопоставленного евнуха. Его лицо сверкало Протокольным Мылом, как во время императорской аудиенции, и от него пахло корицей, запах, который на выспреннем языке придворных именовался «Аромат Языка Цыпленка». Я заметил только одно украшение — хрустальный флакон, висевший на золотой цепочке вокруг шеи, и содержавший, конечно, отрезанные от тела части. (Замечание для варваров: в Китае кастрируют специальным инструментом, похожим

на маленький серп, и лишенные пола личности хранят эти органы с собой, чтобы снова соединиться с ними с Аду, после похорон.) Когда Мастер Ли подошел ближе, мелкие чиновники стали кланяться, как заведенные, а Кот Ли изящно сошел с трона и сердечно приветствовал мудреца, как равного. Было невозможно не поддаться очарованию улыбки евнуха, подчеркнутой замечательными ямочками на лице, но я заметил, что улыбка не дошла до глаз, оставшихся холодными и бесстрастными, как раковины при свете луны.

— Здравствуйте, самый достойный из министров — поздравляю, кстати, с недавним повышением — как проходит ваше научное исследование нового способа получения квадратных дыр? — спросил Мастер Ли, который, похоже, решил вести разговор тоном легкой придворной болтовни.

Квадратные дыры означают деньги, и евнух вытянул руку, показывая, что он из скромности не надел колец.

— Нищие и хвастуны исторгают облака и плюются туманом, а я, с тех пор как золото улетело с моих пальцев, делаю все, что в моих силах.

— И никто в империи не смог бы так затуманить дело, — тепло сказал Мастер Ли. — Меня, наверно, сбили с толку, когда сообщили, что вы хотите присоединиться ко мне в расследовании чайного дела.

— Неужели? И как далеко продвинулось ваше расследование? — вежливо поинтересовался евнух.

— О, достаточно далеко, — ответил Мастер Ли. — Я даже подумываю о том, чтобы обменять мою долю на равную долю в торговле цветами, хотя для того, чтобы исследовать цветы, придется исследовать тлей и пчел. Просто удивительно, что на рынке так много испорченного товара.

— Удивительно и глупо, — страстно сказал Кот Ли. — Я постоянно слышу об этом и считаю огромной глупостью обычных купцов. Я уже не говорю о том, что неповрежденные цветы стоят намного дороже. Сделка, о которой вы говорили, без всяких условий?

— При условии, что товар неповрежденный, да, — сказал Мастер Ли. — И я даже хотел бы попросить небольшую премию по той простой причине, что меня восхитили некоторые совершенно необычные сорта чая и у меня есть несколько идей, как улучшить их вкус.

— Все лучше и лучше, — тепло сказал евнух. — Мы способны получать только ужасный вкус, ненамного лучше совершенно невыносимого.

Я не знал, что и думать. Цветы, ясное дело, означали Юй Лань (Магнолия), и Кот Ли сказал, что она все еще из одного куска, и Мастер Ли предлагал отдать ее в обмен на то, что он забудет обо всем, связанном с подделкой чая — но неужели Мастер Ли собирался выполнять условия сделки? И можно ли доверять Коту Ли? Слишком много мыслей для моей бедной головы. Тем временем евнух предложил обсудить сделку без свидетелей и провел нас через дверь в бо-

ковой стене к лестнице. Спускаясь, он и Мастер Ли дружески обсуждали, как улучшить вкус поддельного чая Дань, который, откровенно говоря, напоминал вкус ослиной мочи.

— Сколько у вас времени на то, чтобы получить вкус, хоть отдаленно напоминающий настоящий хайсон? — спросил Мастер Ли.

— Очень и очень немного, иначе все пойдет прахом, — откровенно сказал Кот Ли. — Ли Као, вы должны помнить, что нам нужно получить огромный доход и как можно быстрее закончить дело. Иначе мы все будем цзан шень, — спокойно заметил евнух.

То есть «трупами в животах рыб», и Мастер Ли одобрительно кивнул. — Моя идея — не добавлять дорогого чжо-ча, а взять какой-нибудь кислый из Юньнаня, например Пьяную Наложницу Вань, и смешать с черным оолонгом, вроде Железной Богини Милосердия.

— Очень дорого, — поморщился Кот Ли.

— Нет, если использовать не слишком большие количества, и, как мне кажется, я смогу сделать то, что вам надо. Но да, вы правы, я выбрал самые тонкие из тех, что имел в виду, можно попробовать что-нибудь менее дорогое.

Они продолжали обсуждать поддельный чай как партнеры, рассматривая достоинства и недостатки Штанов, Бровей Старика, Фиолетовой Шерсти и Волосатого Краба, и что будет, если смешать их с тем же самым количеством Беловолосой Обезьяны, и на щеках Кота Ли играла очаровательная улыбка, когда он остановился, повернулся ко мне и сказал, как будто извиняясь, — Десятый Бык, не будешь ли так добр? Я совершенно не в состоянии отодвинуть эту штуку.

Он указал на тяжелую железную дверь. Даже я охнул, открывая ее, и мы пошли дальше вниз по крутой каменной лестнице.

— Извиняюсь за обстановку, но почему-то строители не сделали ничего другого для неожиданных гостей, — насмешливо сказал евнух.

Он имел в виду темницу, и я сообразил, что слишком хорошо знаком с сырыми каменными стенами, покрытыми гниющим лишайником, лязгающими металлическими дверями, стражниками, топающими тяжелыми сапогами, умоляющими криками из камер, и вообще всей этой атмосферой, так часто сопровождающей Мастера Ли. Кот Ли зажал пальцами нос. Я хотел бы спросить о Юй Лань, но что я мог сказать? Одним куском или многими, но она должна быть здесь. Мы достигли конца коридора, где два стражника охраняли железную дверь. Повинуясь жесту евнуха, они с трудом открыли ее и мы вошли в темноту.

Блеснул свет, зажегся фитиль свечи и мы увидели блестящие концы копий, нацеленные прямо на нас.

— Это еще что? — спросил Мастер Ли.

— Ли Као, как может человек, видевший столько лун, говорить как младенец, рот которого полон молока матери? — с презрением сказал евнух. — Неу-

жели вы серьезно думали, что я заключу сделку с древней развалиной? Откровенно говоря вы меня разочаровали. Я считал, что имею дело с серьезным соперником, а увидел дряхлого просителя, но, по меньшей мере, я отдал честь человеку, которым вы были когда-то.

Да, раковины при свете луны, подумал я, увидев глаза евнуха в свете лампы. Ровно столько же чувств как у морского чудовища, глядящего на свою добычу. Но, как оказалось, я ошибся.

— Вы помешали мне, и очень сильно, — тихо сказал Кот Ли. — На это способны очень мало людей, и поэтому я придумал для вас самые замечательные последние минуты, которые только может получить человек.

И это уже не были холодные ракушки при луне. Его щека задергалась, замечательные ямочки исчезли, потом евнух повернулся и вышел. Солдаты бросились на нас и за несколько секунд приковали к двум деревянным столбам в центре круглой камеры, потом вышли, с лязгом закрыв за собой дверь и забрав лампу. Вокруг сомкнулась смоляная тьма. Я слушал, как бьется сердце и как капли медленно падают на пол с покрытых лишайником мокрых стен.

— Что б я пропал, — наконец сказал Мастер Ли слегка недоверчивым голосом. — Я даже не осмелился мечтать, что нам так повезет. Быть может это какой-то трюк?

Что я мог сказать? Я попытался вытащить язык изо рта, но почувствовал, что для этого понадобится несколько дней.

— Я-то думал, что он по меньшей мере подвесит нас к потолку, хотя, быть может, он не хотел мешать нам насладиться последними мгновениями жизни, иначе, безусловно, обвязал бы проволоку вокруг наших яиц, — задумчиво сказал Мастер Ли. — Видимо, Бык, я недооценил эту тварь. Я никак не думал, что он художник, который должен понимать, что самая лучшая пытка — ожидание пыток, потому что боль творит свою собственную вселенную, уничтожая все остальные. А самая страшная боль опирается на мысль и воображение: каждое кап-кап с мокрой стены усиливает страшные ожидания, и потом, когда, наконец, появляется на самом деле что-то ужасное, что-то такое, что никакое воображение не может себе представить — ах, вот это действительно удар художника! Да, я недооценил Кота Ли, и, надеюсь, следующий раз этого не произойдет.

Следующий раз? Что он имел в виду, когда сказал «следующий раз»? Если он имел в виду переселение душ, то меня не интересует судьба комара, которым я стану, но меня действительно интересует, что может быть хуже, чем висеть на потолке, подвешенным за яйца.

Что же такое задумал этот проклятый евнух? Мне пришлось согласиться, что Мастер Ли имел все основания подозревать Кота Ли в утонченной жестокости. Действительно, чтобы передвинуть большой палец левой руки на три цуня и коснуться цепи, обвившей запястье, мне понадобилось ровно шесть с полови-

ной минут. Время я считал при помощи ударов сердца, и, похоже, скоро начну считать сколько месяцев протекло от одного кап-кап до другого.

Не могу даже вообразить, сколько все это продолжалось. Но мне еще не было 360 лет — хотя я бы не стал держать пари! — когда в мертвой тишине нашей камеры раздался один невероятный скрип, потом другой, а потом целая серия ужасных скрипов, воющих завываний, гадких сосущих звуков, и в конце концов настолько ужасный взрыв криков, что все мои кости задрожали, как трясущийся фарфор ... и опять тишина, еще более ужасная после скрипов. Наконец что-то поползло по коридору к двери нашей камеры, скрипя, хлюпая и скользя.

Скрип, дверь открылась. Низкая приземистая фигура, отчетливо видная даже в мутном свете, льющимся из коридора, потом дверь опять пискнула и закрылась. Темнота, тяжелая как бархатный саван, вымоченный в крови. Кто-то медленно скользнул к двум столбам, к которым нас приковали, и я услышал надрывное влажное дыхание. Слабая желтая полоска постепенно превратилась в пару крохотных светящихся глаз. К тяжелому дыханию присоединился какой-то слюнявый звук, потом шипение безумного возбуждения и, наконец, голос забрызгал слюной: — ... и я забыл сказать тебе о сушеных устрицах из Квантунга! Лягушки из Куйянга! Летний чеснок из южного Шенси и лимоны из долины Янь-цзу. Ракушки с побережья Шантунь и сахарные крабы из южного Кантона! Сушеный имбирь и колючий мед из Чекьяня! — завопил Трактирщик Шестого Ранга Ту.

## ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

Мой рот горел от желчи, кислота плескалось около зубов. Темнота превратилась в красный туман, монотонное жужжание наполнило уши. Потом простая мысль о том, что это самый обыкновенный ночной кошмар, в котором я — беспомощная жертва трактирщика, хлынула мне в голову и смыла ужас, и я почти облегченно засмеялся, когда, внезапно, красный туман растаял и жужжание прекратилось. Желтые светящиеся глаза пододвинулись еще ближе, мягкие пальцы, как черви, поползли по левой щеке, и возбужденный голос опять выплюнул океан слюны:

— Пироги с саго из центрального Хананя, пустынный колючий мед из —

— Трактирщик Шестого Ранга Ту!

— Но ты должен знать! Должна остаться запись! Самая лучшая икра добывается из осетра, выловленного в Ян-Цзы и сваренного вместе с семенами сладкой гледичии.

— Трактирщик Ту! — крикнул Мастер Ли. — Ты хорошо знаешь, что слишком быстро дышишь и испытываешь вкусовой оргазм после того, как убиваешь и калечишь в своей неподражаемой манере, и я сто раз говорил тебе, что это тебя убьет. А теперь возьми себя в руки прежде, чем тебя настиг удар, и отомкни эти гребаные цепи.

Наверно от ужаса я сошел с ума. Окончательно. И стал настолько безумным, что вообразил себе, будто слышу, как ключ поворачивается в одном замке, другом, третьем, как шуршат цепи, падая с Мастера Ли на каменный пол. Скользкие пальцы скользнули по моим лодыжкам к замкам на ногах, потом щелкнули замками на руках, и я перестал дышать.

— Прости, Бык, — сказал Мастер Ли извиняющимся тоном. — Я подумал, что тебе лучше не знать об этой маленькой предосторожности. Видишь ли, когда мы узнали о бедной маленькой служанке, то, прежде чем уйти из Дома Небесного Мастера, я спросил о собачке.

— Г-г-г-господин?

— Собачке, Бык. Ты помнишь, что когда мы в первый раз увидели девушку, она несла маленькую собачку? Так вот, собачка умерла.

— Умерла?

Старик раздраженно вздохнул, потом успокоился и добрым голосом сказал. —Да, мой мальчик: собачка умерла. У убийц девушки было письмо, предположительно написанное Небесным Мастером, и оно не выходило у меня из ума, пока мы шли к Руке Дьявола, чтобы найти приказ на казнь. Когда я опять увидел подпись Небесного Мастера, мне стало ясно, что лучше всего приготовиться к самому худшему.

Это, решил я, будет иметь смысл через пару месяцев, если мы проживем так долго.

— Евнухи, — сказал Мастер Ли, — всегда просят Руку Дьявола найти по настоящему ужасных плачей для своих темниц, так что я договорился с ним освободить Трактирщика Ту и перевести в тюрьму Дворца Евнухов. Я предполагал, что он мгновенно станет королем палачей и, похоже, не ошибся.

Смешки из темноты подтвердили, что Трактирщик Ту доволен сам собой. — Сначала остальные завидовали мне, но потом увидели, как хорошо работают мои маленькие штучки, — сказал он.

— И, без сомнения, почувствовали на себе, — усмехнулся Мастер Ли. — Я думаю, что это они кричали, когда их головы падали одна за другой?

— Да, но я могу делать еще лучше! — запротестовал трактирщик. Я услышал, как он причмокнул своим длинным, похожем на лягушку языком. — Просто нужно время, чтобы полностью освоить искусство.

— Трактирщик, ты проповедуешь обращенным, — сухо сказал Мастер Ли. — Разве ты не помнишь, что мы уже гостили в твоем весьма особом подвале? Бык, ты знаешь остальное. Трактирщик Шестого Ранга Ту поможет нам выбраться из темниц евнухов, мы поможем ему убежать от властей. Он получит три месяца на то, чтобы устроиться так, как ему нравиться и вернуться к своему любимому делу. А через три месяца появимся мы.

— О, нет, только не это, — простонал я.

— Но Бык, это же так волнующе! — прошипел трактирщик.

Волнующе? Он имеет в виду кошмарную охоту, в которой ему приходится постоянно бежать, скользить по ледяным склонам или мчаться на лошади? Внезапно я освободился от цепей и почувствовал себя как собака, которую спустили с привязи. Я едва не врезался головой в стену и тут в памяти вспыхнула картина: молоденькая девушка-служанка в глупых тапочках идет, держа в руках шелковую подушку, на которой лежит маленькая собачка, а голос Небесного Мастера выговаривает архаические слова:

«Если он опять восчувствует себя плохо, помажь его чистейшим жиром из ноги парда снежного. Предложи ему питие из скорлупы яиц дроздов певчих, смешанного с соком яблок сладких, и добавь три щепоти рога единорога толченого. Поставь ему пиявок многоцветных, но ежели и это без помощи окажется, помни, что никакое творение не бессмертно и ты тоже должна умереть».

Мастера Ли схватили. Собака умерла. «И ты тоже должна умереть,» сказал Небесный Мастер. «Ты тоже должна умереть ... ты тоже должна умереть».

Раздался скрип, и я вернулся к реальности. Трактирщик Шестого Ранга Ту распахнул дверь и дымный свет факела заиграл на его неприятном лице и на лице Мастера Ли, я затрусил за ними по коридору. Мастер Ли снял связку ключей с крюка на стене и начал открывать двери, но оттуда не вышел никто. Все пленники лежали в углах, свернувшись калачиком, с руками, прижатыми к ушам. По видимому они пытались не услышать истошные крики младших палачей, и я не сомневался, что все они боятся даже пошевелиться.

— Трактирщик, прошлой ночью Черные Стражники привезли еще одного пленника. Девушку по имени Юй Лань. Ты что-нибудь знаешь об этом? — спросил Мастер Ли.

— Нет, я не слышал ни о какой девушке.

— А что-нибудь необычное?

— Да, — ответил трактирщик немного подумав. — Некоторых пленников, осужденных на смерть, забрали из их камер в какое-то другое место, где их принесут в жертву на сегодняшней церемонии.

— Принесут в жертву? Как животных, ты не ошибся? — спросил мудрец.

— Так говорят, — пожал плечами трактирщик. — Ходят слухи, что церемония состоится во дворе евнухов точно в солнцестояние, — сказал Трактирщик Ту.

Мастер Ли какое-то время молчал. Потом прошептал. — Да, так и должно быть. Нефритовый Государь разгневан, и если Небеса отвернутся от нас... — Он с усилием оторвался от раздумий. — Быстрее, мы должны попасть во двор, в котором состоится церемония.

Трактирщик Ту знал часть подземного лабиринта, а то, что он не видел своими глазами, знал Мастер Ти, теоретически, потому что пятьдесят лет назад видел план архитектора и не забыл до сих пор. Ка к и все в Запретном Городе,

Золотая Речка была искусственным сооружением, и великолепно продуманная система позволяла воде красиво падать с высоты во много чи, потом взбираться на холм и опять падать со склона. Через трещины вода падала вниз в соединяющуюся систему пещер, а там огромные колеса поднимали ее на нужную высоту и выпускали на поверхность.

Мы проскользнули из темниц в пещеры, которые слегка напомнили мне Шестой Ад. Ругающиеся надсмотрщики стегали бичами длинные вереницы рабов, которые приводили в действие огромные горизонтальные колеса, связанные с вертикальными, и вода, которую постоянно черпали гигантские корзины, поднималась наверх и исчезла в трещинах потолка. Шум стоял такой, что никто не услышал, как мы пробирались по тропинке недалеко от надсмотрщиков, а водяная пыль, висящая в воздухе, спрятала нас от них. И только я подумал, что нам так везет, как один надсмотрщик повернулся к другому. — Ты слышал последние новости? — крикнул он. — Гильдии официально отказались участвовать в Гонках Лодок-Драконов! Они даже отказались от пира!

Мне захотелось задушить его.

— Да, настоящая трагедия, — пробормотал Трактирщик Шестого Ранга Ту, — хотя Гильдия Нищих всегда устраивала совершенно пресные пиры, без капли воображения. Жалкие одиннадцать блюд для нищих первого и второго ранга; два кувшина вина, коробка с соленым мясом домой и семь блюд для третьего; два кувшина вина, коробка с перезрелыми фруктами домой и пять блюд для четвертого, а с пятого по седьмой — один кувшин вина, три блюда и никакой коробки домой.

Его голос становился все громче и громче, по мере того, как он распалялся, и я попытался закрыть ему рот. Увы, мы должны были идти цепочкой и он легко сбросил мою руку. А если бы мы начали бороться, шуму было бы намного больше.

— С другой стороны Гильдия Купцов — опора цивилизации, и ее отказ от банкета — национальная трагедия, — достаточно громко продолжал трактирщик. — Даже купцы низших рангов, с седьмого по пятый, получают птичьи гнезда, поросячьи ножки, домашних уток, цыплят и три сорта свинины. Купцы пятого и четвертого ранга получают то же самое плюс акульи плавники, лосося и жареного барашка. Второй и первый ранг получает все эти блюда вместе с медвежьими лапами, оленьими хвостами, гусями, крабами и устрицами. Но, конечно, купцы Монгольской Гильдии —

— Трактирщик Ту! — прошипел Мастер Ли.

— Но ты должен знать! — завопил Трактирщик Шестого Ранга Ту. — Необходимо записать, что на пирах Гильдий можно есть местные деликатесы, и в Монголии добавляют ко всем рангам тонко нарезанные куски баранины, поджаренные вместе с имбирем и сырыми яйцами!

Вот так это и произошло. Надсмотрщики повернулись к нам, стали звать солдат, из ниоткуда появились офицер и десять его людей, засверкали копья, а потом дело приняло совершенно неожиданный оборот.

Мы отступили к стене, находившейся под одним из огромных колес, водяная пыль ослепляла и шум от колеса заглушал все. Кот Ли не позаботился отдать приказ обыскать Мастера Ли — зачем, все равно его приковали к столбу — так что мудрец выхватил метательный нож и мог защитить сам себя.

Я схватил одного из солдат и использовал его как таран против остальных, но большую часть работы оставил трактирщику, и охотно соглашусь, что из всех убийц, которые мне повстречались, мало кто сравнится с Трактирщиком Шестой Степени Ту. Длинные костлявые пальцы, острые зубы, рот, открывавшийся настолько широко, что мог проглотить дыню, толстые ноги, мягкое, не сопротивлявшееся тело, принимавшее в себя все удары как подушка с перьями, а потом, как жирное грязное чудовище, падавшее на жертву и душившее ее. Убивая, трактирщик хихикал, и его длинный язык рептилии счастливо метался среди толстых губ — но даже он не мог не обращать внимание на удары кинжалом.

В конце концов я выбрался из-под груды тел и осмотрелся. Мастер Ли, похоже, остался невредим, но трактирщик, сражавшийся с большей частью солдат, лежал на последнем, офицере, заключив его в свои медвежьи объятья. Офицер бил и бил трактирщика кинжалом в спину, потом они оба покатились по земле, рядом с водой, обнявшись как родные братья. Громкий вздох, отвратительный хлюпающий звук, и офицер замер, облитый кровью трактирщика Ту. Мастер Ли встал на колени рядом с ними и пощупал пульс.

— Что б я пропал! Ту еще жив.

Глаза трактирщика открылись. — Трактирщик Ту, я хочу спросить тебя об очень важном деле, — сказал Мастер Ли, говоря медленно и отчетливо. — У меня есть причина верить, что Десятый Бык постоянно получает послание, зашифрованное, потому что его значение — табу.

Я? Послание-табу?

— У меня есть причина верить, — продолжал Матер Ли, — что послание состоит из слов сленга первых Гонок Лодок-Драконов, которые твой народ сохранил до нашего времени. И первое слово — «мать».

Трактирщик Ту, частично бывший в нашем мире, а частично в следующем, внезапно сосредоточился на нашем. — Мать? Гонки Драконов? — прошептал он. — Мать — это то же самое, что т'у, голова, то есть капитан лодки. Мать стоит на высоком носу и отдает команды длинными шарфами, но ты должен понимать, что Купеческая Гильдия из Кантона предлагает всем рангам дополнительное блюдо фо си у, «зажаренная рыба-свинья», которое действительно имеет вкус молочного поросенка, но смертельно, если приготовить его с брокколи.

— Трактирщик Ту, следующее слово — «трава», — терпеливо сказал Мастер Ли.

— Трава — это к'и, шарфы, которые использует мать, чтобы подавать команды. Они зеленые, с белым кончиком, и похожи на высокую траву, веющую на ветру, и в Шанхае гильдии добавляют селедку, которая называется «самая старшая сестра маленького отца» и —

— «Братья», Трактирщик Ту, следующее слово — «братья».

— Братья, о, да. Их восемь. Четыре перед стеной, четыре за. Загребной устанавливает темп, на их головах банданы[81], на рукоятках весел — красные ленточки, и в Шанхае едят кефаль с длинными плавниками, называя ее «лошадь-друг-господин-рыба» и —

— Трактирщик Ту, ты говорил о стене. Что это? — спросил Мастер Ли.

— Стена — возвышение в центре лодки, где сидит барабанщик, который видит команды матери и передает их, ударяя в барабан, — прошептал трактирщик.

Он быстро слабел. Мастер Ли крикнул прямо ему в ухо. — Я думаю, что здесь используется географическая система у цзин, так что «поле» — это восток, «конюшня» — запад, но я ничего не знаю о козле! — проорал мудрец. — Что ... такое ... козел?

Я думал, что Трактирщик Ту мертв, но внезапно его глаза открылись. Глядя на небо ясным взором, он твердо, как будто читая лекцию, сказал.

— Шао, рулевого, всегда называли козлом по двум причинам. Во первых, сражаясь с рулевым веслом, он бьется головой чуть ли не о всю корму, а во вторых в случае неудачи на него обрушится весь позор. Козел — профессиональный гребец, которого нанимают на время гонок. Никакой любитель не в состоянии справиться с толстым куском дерева длиной в сорок чи и весом двадцать даней. Точно так же, как никакой любитель не в состоянии приготовить для Вьетнамской Гильдии дополнительное блюдо из губ сян-сяна, то есть гиббона, которого надо варить в пиве, сделанном из сока пальмовых орехов.

Его глаза широко раскрылись, как если бы он увидел что-то, невидимое живым. Тело выгнулось дугой, и Трактирщик Шестой Степени Ту скользнул в воду, не выпуская из рук мертвого офицера. Вода скрыла их с головой и они исчезли. На поверхности появилось несколько розовых пузырей, потом большое красное пятно, которое медленно расплылось; красная струйка потекла в сторону огромной корзины для подъема воды.

— Прощай, Трактирщик, — нежно сказал Мастер Ли и бурлящая вода ответила «Бурп ... Бурп ... Бурп».

---

81 Бандана (от bandhana – повязывать на хинди) – головной убор в виде косынки или платка большого размера. Традиционно банданы изготавливаются из разноцветной ткани с узорами. Банданы повязывают как на лоб, так и вокруг шеи.

# ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Больше солдат мы не повстречали, и Мастер Ли направился к одной из лестниц, которая должна была привести нас к сараю садовника. Я подхватил старика на спину и понес вверх, но когда мы оказались на поверхности, рядом с бассейном, в который колесо сбрасывало воду, то просто не поверили своим глазам. Лично мне показалось, что день прошел и уже вечер, но нет, был ранний полдень, но какой! Желтый Ветер, по видимому, решил стереть Пекин с лица земли: по улицам плясали вихри, поднимая в воздух тучи обломков. Разорванная парусина, вырванные тростники, расколотые стволы бамбука, грязь и мертвые крысы грязными снежинками кружились над домами, взвиваясь то вверх, то вниз. Песок бил в лицо. Ветер выл как стая волков и носился между элегантными дворцами, с шипением ударяя по ним сорванными с крыш черепицами и сухими листьями. Пена от ударов миллиардов крошечных песчинок покрыла всю Золотой Речку, а солнце, неясно видневшееся из-за дымки, распухло и стало красным, как кровь. Ряды стервятников сидели без движения на башнях и парапетах, их черные силуэты резко выделялись на фоне горящего неба.

— Огонь-небо, — пробормотал Мастер Ли мне на ухо. — То, что случилось однажды, произойдет дважды, даже если это Смерть Призрак Птица Лодка Дождь Гонка. Бык, Золотая Речка — быстрейшая дорога во двор евнухов, так что ищи плот и шест.

Я заострил садовыми ножницами конец длинного бамбукового шеста, сорвал большую деревянную дверь сарая и опустил ее на воду. Импровизированный плот легко выдержал наш вес, я оттолкнулся шестом и мы выплыли на середину потока.

Я ритмично греб шестом, сильными длинными движениями ударяя по дну, и вскоре мы набрали хорошую скорость. Несколько раз приходилось спускаться по красивым маленьким водопадам, чересчур изящным, чтобы быть опасными, и вскоре перед нами оказалась наша цель. И тут мое сердце тревожно сжалось: я сообразил, что огромная базилика перед нами— казармы Черной Стражи, те самые, куда Кабан, Гиена и Шакал увезли Юй Лань. Рядом с казармами находилась низкая стена, образовывавшая заднюю стену двора евнухов, находившегося между их изящным дворцом и Дворцом Южного Аромата. Мы глядели на все это сверху вниз. Золотая Речка принесла нас к водопаду, дальше пенистый поток красиво падал на низкий утес, один из естественных барьеров Запретного Города, и, одновременно, передней стены двора евнухов. Я хочу ясно описать всю картину так, как я видел ее с этого маленького утеса. В центре огромного круглого двора евнухов, вымощенного мрамором, возвышалась каменная платформа, окружая колодец, который когда-то использовался для жертвоприношений во время самых мрачных религиозных ритуалов. Вторая платфор-

ма стояла у подножия утеса, и на ней по самым торжественным случаям собирались высшие сановники, закованные в свою гордыню. Водопад служил им впечатляющим фоном. Слева находился Дворец Южного Аромата, справа — Дворец Евнухов, а сзади — базилика Черной Стражи.

Чем ближе мы подплывали, тем более ясно я видел, что каждое окно и каждый балкон усеяны людьми, глазеющими на двор, забитый до предела евнухами и солдатами. Когда мы приблизились настолько, что я увидел место, где река исчезает, падая с утеса, Мастер Ли приказал мне причаливать. Мы высадились на берег, пошли пешком и, осторожно высунув головы из тростника за водопадом, увидели, что находимся прямо над платформой с высшими чиновниками, которые сидели не на стульях а на тронах. В центре сидел Кот Ли, по бокам два влиятельных евнуха, чьи имена тоже были в списке чиновников чайной компании. Рядом сидели все остальные заговорщики, и пальцы Мастера Ли больно стиснули мое плечо, когда мы увидели пять старинных клеток, стоящих за тронами.

— Клетки, Бык, — тихо сказал Мастер Ли. — Наша единственная надежда — добраться до них раньше Завистника. Если я прав, ему надо всего одну, и этого нельзя допустить.

Скорее всего мы подошли в самый разгар церемонии. Я не понимал, почему толпа так неестественно молчит, но тут раздался дружный вздох тысяч людей и из-за экрана, украшенного различными священными символами, выступила главная фигура ритуала. Небесный Мастер, конечно! На нем была шапка, украшенная черепами, сзади верховный священник нес на отделанной золотыми нитями подушке древнюю каменную дубинку. Они медленно поднялись на возвышение вокруг каменного колодца. Последовала длинная молитва, которую я не услышал, и даже если бы услышал, все равно бы не понял, ряды солдат раздались в стороны и появились два младших монаха, ведущих цепочку скованных между собой пленников. Первого пленника отстегнули от цепочки и заставили подняться на возвышение. Потом он повалился на колени перед Небесным Мастером и замер, упираясь в камень скованными руками.

Верховный священник поднял руки к Небесам и что-то громко запел. Небесный Мастер взял в руки дубинку и поднял ее над головой. Я вздохнул, не веря собственным глазам, дубинка резко пошла вниз и с размаху ударила о череп пленника. Потом святой пренебрежительно спихнул тело в колодец, и оно полетело во тьму. Толпа одобрительно зашумела, мандарины зааплодировали. Я взглянул на Мастера Ли.

— Они пытаются привлечь внимание Небес, но не похоже, что Небесному Императору все это понравится, — сказал мудрец твердым голосом. — Если Нефритовый Государь не перестанет гневаться, нам лучше поторопиться, иначе мы почувствуем на собственной шкуре Концепцию Катастрофы. — Он несколько

раз резко ударил меня по руке. — Клетки, Бык. Мне нужны эти клетки. Забудь об опасности. Давай.

— Да, господин, — ответил я.

Монахи потянули второго человека под топор Небесного Мастера, и, значит, никто не глядел на утес, пока я нес Мастера Ли вниз. Я услышал громкий вздох — каменный топор сокрушил голову еще одной жертве — и я взмолился о помощи. Горячо, но не слепо. Перед моим мысленным взором стояла очень отчетливая картина. Где же кукольник? Вот бы появился Янь Ши, в глазах играют огоньки, в каждой руке по мечу, сверкающему быстрей, чем крылышки стрекозы ...

Мы спустились на землю рядом с неглубоким бассейном, находившимся за платформой и осторожно пошли вперед, но тут Мастер Ли тихонько вскрикнул и взглянул вверх и налево. Я невольно громко вздохнул, когда увидел фигуру, спускающуюся по стене Дворца Южного Аромата. Это был совсем не тот, кому я молился, но, увы, еще более сильный, и он направлялся прямо к платформе и клеткам. Голубые щеки, алый нос, желтый подбородок и серебряно-серый лоб очень подходили к окружающей нас сцене: вихри, носившие по воздуху темные облака пыли, шипящий Желтый Ветер и распухшее кроваво-красное солнце.

— Быстрее, Бык! — крикнул Мастер Ли. — Он не должен добраться до клетки!

С мудрецом на спине я помчался изо всех сил и подпрыгнул, ухватившись руками за край платформы. Быстро подтянувшись на руках, я встал на колени и уже собирался вскочить на ноги, когда, как лист упавший с дерева, между тронами приземлился человек-обезьяна.

Одним небрежным рубящим ударом руки он сломал шею одному из мандаринов и подхватил клетку. На какое-то мгновение глаза Завистника взглянули прямо на меня, потом на Мастера Ли, и мне показалось, что он улыбнулся. Два прыжка, и человек-обезьяна оказался у стены. Какой-то солдат сумел выйти из ступора и бросить в него копье, которое упало в пяти чи от стены, а Завистник уже карабкался вверх. Вряд ли я могу бежать по равнине с такой скоростью, с какой он взбирался по стене, и через несколько секунд он исчез, унеся с собой клетку.

Он-то исчез, а мы, к сожалению, остались. Мандарины завизжали, указывая на нас руками, взвод солдат бросился вперед, и мы не превратились в нашпигованную стрелами подушечку для булавок только потому, что рядом находились евнухи и высшие сановники. Но, увы, передышка оказалась недолгой. Кот Ли жаждал крови, вокруг нас сомкнулся отряд Черной Стражи и тут случилось кое-что, что заставило повернуться все головы. Откровенно говоря я думал, что услышал самые ужасные из всех возможных криков в тот момент, когда

Трактирщик Ту показывал свое искусство в подземной темнице, но, как оказалось, ошибся. Эти крики были намного хуже, они доносились из базилики Черной Стражи и я, как все остальные, невольно посмотрел туда.

Прямо над стеной, ограждавшей казармы, находился длинный балкон одной из квартир верхнего этажа, и вот на него вывалились Гиена и Шакал, совершенно голые. Они кричали от невообразимой боли, рвали на себе волосы и раздирали свою плоть. За ними появился Кабан, также голый, и на его спине сидела голая девушка. Юй Лань! Кабан заорал от ужаса и стал выцарапывать себе глаза, и я сообразил, что все трое сошли с ума, безнадежно и необратимо. Горячие волны воздуха закрутились вокруг них, рождая иллюзии и миражи, и мне показалось, что я увидел зубы-клыки, свернувшие возле прекрасной головы, ужасные когти на талии и что-то чешуйчатое, свернувшиеся у ее ног. Мираж заставил прекрасную шаманку скакать на голой спине сумасшедшего и громко смеяться от удовольствия — но Мастер Ли ударил меня по руке, я пришел в себя и почувствовал, что он спрыгнул с моей спины и бросился к клеткам.

Кот Ли и солдаты стояли как завороженные, глядя на балкон, а Мастер Ли схватил клетку, стоявшую под его троном и выдернул из нее кисточку. Прищурившись, он быстро осмотрел все символы, выгравированные на прутьях клетки, и дважды коснулся кончиком кисточки фигуры человека с веслом.

— Козлик, козлик, прыг на стенку, — пропел он и коснулся символа барабана, — маме травки набери, — кисточка коснулась шарфа и головы, — мама в стойле или в поле, — кисточка перешла на голубого дракона востока и белого тигра запада, — братьев бедных накорми, — кисточка быстро пробежалась по ряду гребцов, — раз... два ... три ... четыре ... пять ... шесть ... семь ... восемь!

Блестящая вспышка, я на мгновение ослеп, а когда зрение прояснилось, я увидел Дуань ху, гигантскую тварь, похожую на жабу, присевшую в центре платформы. Ужасные глаза уставились на меня, бездонный рот начал открываться.

— Бык!

Мастер Ли коснулся правым указательным пальцем левой брови, правой брови и кончика носа, я поторопился повторить последовательность жестов, которую видел во сне, и ужасные глаза сдвинулись в сторону. Рот открылся до конца, сверкнул огромный язык и потоки кислоты хлынули на солдат и мандаринов, сжигая плоть и одежду.

— Бык, вот то, что хранят в клетках — и то, что нам надо! — крикнул Мастер Ли.

Во дне клетки открылось маленькое потайное отделение, пальцы Мастера Ли скользнули через решетку и вытащили маленький предмет, который я хорошо знал по своим снам: крошечную двузубую вилку. Он мгновенно сунул ее

в денежный пояс, бросился за другой клеткой и тут нас с головой накрыла волна одновременных событий.

Мандарины и солдаты кричали, кислота лилась на платформу, а рычащий разъяренный святой прыгал среди корчащихся тел. Небесный Мастер настолько разъярился, что совершенно сошел с ума. Не обращая внимания на огромного демона-бога, он, размахивая каменной дубиной, бросился на Мастера Ли, по дороге размозжив голову какому-то мандарину. Я прыгнул в ноги святому в тот момент, когда его дубина уже поднялась над головой Мастера Ли, и мы, все трое, сцепившись в клубок, покатились к краю платформы и упали в бассейн, тот самый, в который стекал водопад. К счастью, когда я ударился головой о подводный камень, вода уже замедлила мое падение. Сознание я не потерял, но какое-то время мог только беспомощно смотреть, как Небесный Мастер убивает Мастера Ли. Падая, святой потерял свой каменный топор, но могучие руки сомкнулись вокруг горла мудреца и я точно знал, что Мастеру Ли осталось жить считанные мгновения. Водяные колеса непрерывно выплескивали корзины с водой в Золотую Речку, вода бурлила и пенилась вокруг нас, и что-то ударило мне в ноги. Это было тело офицера со сломанной спиной. Потом из водяной пыли высунулась пара рук, протянулась мимо меня, схватила руки Небесного Мастера и оторвала их от шеи Мастера Ли.

— В Сингапуре Гильдия Торговцев предлагает замечательное блюдо, которое называется «девять каменных герцогов», то есть маленьких морских окуньков, — прошептал мне в левое ухо сдавленный булькающий голос Трактирщика Шестого Ранга Ту. — И не забудь записать: морского окуня надо готовить на пару вместе с рыбой-попугаем, желтым горбылем и темно-коричневой масляной рыбой, хотя некоторые авторитеты утверждают, что если съесть слишком «каменных герцогов», то начинают выпадать волосы, гнить кости и наступает слепота. Но я уверен, что это — самое обыкновенное недоразумение, вызванное тем, что иероглифы слова «морской окунь» очень похожи на иероглифы слова «абрикос», а все знают, как опасно переедать абрикосы.

Мастер Ли, который опять мог дышать, сумел выхватить нож и вонзил его в грудь Небесному Мастеру. В теле появился разрез ... и все. Он вытащил клинок и вонзил его опять, на этой раз по диагонали от первой раны. И опять ни капли крови. Ни капли. И я с ужасом увидел, как из разреза высунулись две маленькие зеленоватые лапы, ребра раздвинулись, и из груди святого высунулась обезьянья голова. Глаза сверкнули ненавистью. Обезьяна что-то пробормотала, сплюнула, полностью выбралась из пустой оболочки, которая была Небесным Мастером, махнула из воды на берег, оттуда на стену утеса и мгновенно исчезла. И только тогда я сообразил, где видел ее раньше: та самая прелестная маленькая обезьянка, подарок Янь Ши, которая так забавно кланялась Небесному Мастеру и привела в восторг старую служанку.

Мудрец стоял на коленях в бассейне, держа в руках тело старого друга и учителя, и плакал, не скрывая слез. Я посмотрел наверх и увидел Кота Ли, глядящего на нас с платформы, потом евнух повернулся и позвал солдат. Я выхватил клетку из рук Мастера Ли и достал кисточку из дыры в верхушке.

— Козлик, козлик, прыг на стенку ..., — с трудом выдохнул я, — маме травки набери... мама в стойле или в поле ... братьев бедных накорми ... раз... два ... три ... четыре ... пять ... шесть ... семь ... восемь!

Я ожидаемо ослеп от вспышки и быстро сделал шаманские жесты, а надо мной Кот Ли и солдаты заорали от ужаса и бросились наутек. Передо мной появился ужасный, но трогательный Змей Вэй, с двумя человеческими головами, на каждой голове сидела маленькая глупая шляпа, а на теле — маленький фиолетовый кафтан. Тем не менее сам Змей был огромен, изо рта каждой головы торчали страшные клыки, огромные блестящие кольца возбужденно скользили по земле. А из воды за мной с громким всплеском вынырнул Трактирщик Шестого Ранга Ту, который, не обращая внимания на боль встал, повернулся к демону-богу и широко раскинул руки. Глаза трактирщика наполнились экстазом, в голосе зазвучало почтение.

— О легендарный Вкусный Змей из Серендипа! Ты, которого надлежит омыть вином и умастить медом, подогретым детским дыханием! Тебя надлежит начинить трюфелями и сварить в молоке морских змеев. В твоем бульоне надо растворить жемчужины, в которые превращаются слезы единорога! Тебе надлежит поклоняться! Поклоняться и молиться!

Трактирщик Шестого Ранга Ту раскрыл руки так широко, как только возможно и в любовном экстазе обнял Змея Вей, кольца которого сомкнулись вокруг тела трактирщика, и на мгновение оба замерли, поглощенные друг другом. Потом меня ослепила очередная вспышка, а когда зрение прояснилось я увидел, как большой белый журавль обогнул вихрь и летит прямо через распухшее кроваво-красное солнце. (Никто из живых больше не видел Трактирщика Шестого Ранга Ту. Три месяца спустя, когда по приказу суда вырыли тела, зарытые в подвале его трактира, нашли 214 записных книжек с рецептами, кулинарными замечаниями и философскими эссе, которые, вместе взятые, образовали стержень второй из самых великих кухонь в мире. Через год образовалась могущественная партия, заставившая провести дополнительное расследование преступлений трактирщика, в результате чего из официальных документов исчезли все обвинения против безумного владельца гостиницы. Трактирщик Шестого Ранга Ту был возвышен в пантеон богов, и ныне общепризнанно, что в своей божественной форме он является самой яркой звездой созвездия Гиад. Почти во всем Китае ему поклоняются как Ту Гану, Покровителю Поваров и Ресторанов).

— Бык!

Я оторвал глаза от журавля и увидел, как Мастер Ли искал взглядом клетку. Я опустил на землю ту, которую все еще держал в руках, загоготал как гусь, перевернул ее и вытащил маленькую двузубую вилку. Я прыгнул за следующей, и тут оказалось, что на меня навались оба оставшихся в живых мандарина и Кот Ли, к тому же позвавшие на помощь нескольких солдат. В результате меня зажали между двумя троноподобными стульями, а я защищался копьем, которое подобрал около мертвого солдата.

Похожий на жабу демон все еще извергал кислоту, но тщательно заботился о том, чтобы не попасть на друзей, то есть тех, кто сделал нужный жест. Я старался изо всех сил, чтобы у меня не появилась дополнительная кость-копье, и тут услышал «четыре ... пять ... шесть ... семь ... восемь!»

На этот раз я вовремя закрыл глаза, сделал защищающий жест, опять открыл и увидел единственную женщину среди демонов, Ну Ба, которая выглядела как низкое облако, не больше двух чи в высоту. Потом облако превратилось в бесконечные руки из крутящегося тумана, которые стали вытягиваться, все дальше и дальше, пальцы хватали кричащих солдат и плачущих евнухов, на их лицах и телах немедленно вспухали ужасные черные пузыри, люди убегали, разрывая ногтями нарывы, падали, какое-то время дергались в конвульсиях и умирали.

Покрытый черными нарывами евнух покатился под ноги людей, окружавших меня, они отшатнулись и я выхватил кисточку из последней клетки. — Козлик, козлик, прыг на стенку, маме травки набери, мама в стойле или в поле — братьев бедных накорми, раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь!

Я крепко закрыл глаза, сделал жест и открыл их только для того, чтобы увидеть конец Кота Ли.

Вообще Чи-и самый странный из всех демонов-богов. Он него пахнет плесенью, он серовато-белого траурного цвета, говорит — как будто вздыхает и жалуется, а по форме напоминает развевающийся саван трупа. Куча одежды змеей проползла по платформе, достигла двух ног и обвилась вокруг них. Кот Ли перестал орать на меня, посмотрел вниз, махнул мечом и отрубил себе левое бедро. Завопив, он отбросил клинок и обеими руками ухватился за кучу тряпок. Та не сопротивлялась. Он отбросил ее в сторону, но, освободившись, она вытянулась в воздухе. Один конец скользнул на спину евнуху, серовато-белый и отвратительно пахнувший; завиток обвился вокруг груди, примотав руки к бокам. Евнух завопил, его глаза от ужаса вылезли на лоб. Саван продолжал наматываться на тело Кота Ли, все быстрее и быстрее, взбираясь все выше и выше. Колени, талия, грудь, плечи и, наконец, он сомкнулся на шее и подбородке. Хрустальный флакон, содержавший части тела, которые Кот Ли отрезал, стремясь достичь успеха в жизни, вдавился ему в лицо, крики евнуха прекратились, саван продолжал наматываться, закрыл рот и наполненные ужасом глаза. Только затылок, намазанный Протокольным Мылом, какое-то время еще торчал из-

под ужасной одежды, но вскоре исчез. Серо-белый кокон упал, какое-то время извивался на платформе, все медленнее и медленнее, и больше я никогда не видел Кота Ли.

Я подобрал последнюю маленькую вилку. Мастер Ли с разгона прыгнул мне на спину и заорал прямо в ухо, — Колодец! К колодцу!

Я спрыгнул на каменный пол, промчался над извивающимися телами и прыгнул на платформу, в центре которой чернел колодец и Мастер Ли соскользнул с моей спины.

— Бык, посмотри внутрь и скажи, что ты видишь!

Я лег на живот, перегнулся через край, насколько мог, и мои глаза расширились от удивления. Я отполз назад и крикнул, — Лягушки! Тот самый узор из лягушек, который я видел во сне!

— Вниз! Быстрее! — скомандовал мудрец.

В отличии от сна здесь не было ни корзины, ни ворота. Я посмотрел кругом и увидел, что солдаты убежали, но пленники, скованные цепью, убежать не могли. Ключ от замка лежал на мраморном полу, я отомкнул замок, дал им всем убежать, потом перетащил тяжеленную цепь к колодцу и закрепил один конец на железном столбе, к которому когда-то крепился ворот.

Спускаться по цепи конечно потруднее, чем в корзине, но в одном смысле мне было легче чем во сне. Не было ужасного запаха гниющего мяса — хотя будет, когда трупы жертв ритуала начнут гнить — и не было ужасного рычания снизу.

— Там!

Сверху в колодец падал свет, и мы оба одновременно увидели круглое пятно на стене. Я стал раскачивать цепь, все шире и шире, отталкиваясь ногой об боковых стенок, и в конце концов мне удалось зацепиться за что-то ногой. Мы оказались у края узкого тоннеля, и я, на всякий случай, обвязал цепь вокруг камня — а вдруг мы будем возвращаться тем же путем. Потом мы пошли по низкому туннелю, освещенному только зелеными гниющими водорослями.

Стены туннеля слегка подрагивали, и с потолка время от времени слетали маленькие камешки. Постепенно стало трясти все сильнее и сильнее, а потом воздух бросился на нас, как будто хотел ударить. Удар грома, мои кости превратились в желе, и все закончилось музыкальной нотой, которая буквально впечатала меня в стену. И хотя меня как следует ударило, я узнал ее. Тот самый загадочный звук, объявлявший о солнцестоянии, значит заработал великий музыкальный инструмент, построенный Восемью Умелыми Мужчинами, и только тогда я вспомнил, что сегодня день солнцестояния, и с ужасом сообразил, что мы находимся внутри Юй. Этот туннель — одна из труб, а далекий звук — только разогрев, инструмент прочищает горло, но что будет этом узком туннеле, если на нас обрушится полный звук?

— Это Завистник! Он уже вставил первый ключ янь, — прокричал Мастер Ли. — Быстрее, Бык!

И я побежал изо всех сил, неся старого мудреца на спине, хотя даже не представлял, что лежит впереди. Я слепо бежал вперед, второй звуковой удар закрутил меня и я едва не упал.

— Будет еще два. Быстрее, быстрее, — голосил Мастер Ли.

Действительно, следующие две ноты были еще хуже, потому что мы были ближе к источнику звука, но, к счастью, мои барабанные перепонки не лопнули. Все это время я бежал вниз, но сейчас туннель выровнялся. Стены засветились ярче, и это очень сильно помогло, потому что я смог увидеть заранее и вовремя остановиться прямо на краю утеса, нависавшего над огромной пещерой. Все оказалось в точности как во сне: огромные свернувшиеся предметы оказались не змеями, а свернутыми кольцом трубами, соединявшиеся с другими, поменьше, а те с еще меньшими. Я нашел ступеньки и сбежал вниз, и, наконец-то, мы оказались около восьми крошечных трубочек, входивших в восемь маленьких ящиков: четыре слева и четыре справа.

Мастер Ли спрыгнул на пол. — Левые ящики — янь, мужские, и их необходимо заполнить, — пробормотал он и попытался открыть крышки, но они как будто слились с пазами. — Инь ждет, — разочарованно сказал он, подбежал к первому правому ящичку и легко открыл его.

Как и во сне внутри оказалась маленькая непонятная штука, во дне которой было отверстие, скорее всего ведущее в меха огромного органа. Мастер Ли вынул две своих вилки, я добавил обе моих.

— Что-то вроде ключей для тонкой настройки звука, — объяснил он. — Но результатом будут очень необычные звуковые волны. Хотел бы я поговорить в Восемью Умелыми Мужчинами и задать им пару вопросов.

Он вставил первую вилку в отверстие. Как и следовало ожидать, вилка идеально подошла. Мастер Ли закрыл крышку и она мгновенно слилась с ящиком. Затем мудрец быстро повторил процедуру для трех оставшихся вилок, повернулся и быстро зашагал в темноту. Я пошел вслед за ним и увидел ворота. Две пары огромных железных ворот. Левые были открыты, правые закрыты, и Мастер Ли подошел к закрытым, женским. Пещера затряслась, первые ноты инь обрушились на нас. Я схватил Мастера Ли, опасаясь, как бы его не унесло, и вот огромные ворота начали медленно открываться.

Мы вошли внутрь и я огляделся. Мы стояли на каменной дорожке, бежавшей между двух широких каналов. Левый канал наполняла вода, и какая! Казалось, что она вся состояла из колебаний переливающего воздуха, сшитого многоцветной радугой, и Мастер Ли воскликнул от восхищения, увидев ее.

— Бык, ты помнишь, что говорил Трактирщик Шестого Ранга Ту? «Восемь Умелых Мужчин построили Юй для того, чтобы превращать музыку в воду». Это она и есть, и скоро ее будет намного больше.

В правом канале воды еще не было, но вокруг все дрожало, и над ним уже появилась сияющая радуга.

— Быстрее.

Мы побежали вперед, ко второй паре ворот, левые были открыты, правые закрыты («Заперты?», мысленно удивился я. «Как и канал?»), прозвучала нота от второго ключа, огромные ворота распахнулись, и в правом канале появилась точно такая же музыкальная вода, как и в левом. Ворота открылись еще шире, вода появилась прямо перед нами, и, наконец, сияющая полоска протянулась к правым докам, как две капли воды похожим на левые. Там ждали две одинаковые Лодки-Драконы, на левой был нарисован символ янь, на правой — инь.

Каждая лодка была не меньше ста пятидесяти чи в длину, но очень узкой: единственный коридор бежал между сидениями, предназначенными для одного гребца. На возвышении в центре ждали барабаны и литавры, на высоких носах лежали бело-зеленые шарфы, которыми подавали команды. Каждое огромное рулевое весло было в сорок чи длиной, и я заметил, что хотя нос каждой лодки был сделан в виде головы дракона, как и требовала традиция, но длинные заостренные рога торчали прямо из центра лба.

Команды ждали в доках, по восемь гребцов на лодку, вокруг головы каждого гребца, «брата», была повязана пестрая бандана. Рядом находились и другие фигуры, непонятно кто, но когда мы подошли поближе вперед вышел мужчина в простой белой одежде и глубоко поклонился. На этот раз голубые щеки, алый нос и серебристый лоб очень соответствовали всей обстановке, и он заговорил ясным звучным голосом.

— Верите или нет, Ли Као, но я молился, чтобы вы совершили невозможное и сделали мне честь, оказавшись здесь в солнцестояние.

Несмотря на утверждения критиков, я не полный идиот. Поэтому я совершенно не удивился — скорее опечалился, и что-то заболело внутри — да, совершенно не удивился, когда Завистник заговорил голосом кукольника.

## ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Мастер Ли какое-то время иронически разглядывал Янь Ши, потом поклонился, почти так же изящно. — И я имею честь приветствовать самого элегантного и самого опасного из кавалеров, — сказал он. — С моей стороны был совершенно непростительно с самого начала не увидеть под маской настоящее лицо.

Завистник пожал плечами. — Непростительно? Уже одна природа человека служит достаточным прощением. — Он поднял кусок маски и прижал его к левой стороне лица. Кусок прилип, как свежая глина, и я опять увидел ужасное лицо, разрушенное оспой. — Никто не всматривается пристально в такое уродство, — тихо сказал он.

— Исключительно храбрый поступок для самого изящного кавалера в мире, — с неподдельным уважением сказал Мастер Ли. — И еще более храбро путешествовать через мир под видом кукольника, чей социальный статус мало чем отличается от проститутки или актера. Ведь вы могли выбрать роль величайшего учителя фехтования в Империи, или самого мудрого из императорских советников. Но, кстати, кавалеры отлично умеют тянуть за нити, и, насколько я могу судить, власть была одной из ваших марионеток. — Мастер Ли еще раз поклонился.

— Не очень долго, Ли Као, не очень долго, — сказал Завистник и пренебрежительно махнул рукой, как-то по особому изогнув запястье: я не смог бы так и после тысячи лет тренировок. На его лице появилась лучезарная улыбка, осветившая гротескно раскрашенное лицо, которое подарила ему богиня. — Вам понадобилась бы сверхъестественная проницательность, чтобы с самого начала догадаться, кто я такой и кем был, а когда я вспоминаю невероятное количество чудес и монстров, бросавшихся на вас со всех сторон, меня охватывает глубочайшее уважение к вам, не говоря уже о том, что вы ухитрились оказаться здесь во время. Экстраординарное представление, и вы простите меня, если я признаюсь, что иногда не понимал, где кукловод, а где кукла.

Янь Ши подошел поближе к Мастеру Ли и улыбнулся, я невольно прыгнул к мудрецу, пытаясь защитить его.

— Не беспокойся, Бык, если бы я хотел убить вас обоих, я бы сделал это тогда, когда Мастер Ли нашел последних мандаринов, то есть последние клетки, а мои эксцентричные родственники занимались стражниками. Мастер Ли заработал право на соревнование, и каким бы я был кавалером, если бы не принял вызов. Мы будем гоняться, я и он. Лодки ждут, как они ждали и три тысячи лет назад, ждут экипажи, и сейчас самое время познакомится с ними, — закончил Завистник.

Мы пошли вперед к фигурам, неясно темневшим сквозь туман, поднимавшийся над двойным каналом, смешанный с дымом от факелов. Когда мы подошли поближе, я сообразил, что фигуры расплывались не только из-за дыма и тумана. Они сами были как восковые куклы, поставленные слишком близко к огню — частично растаяли, изогнулись и выщербились за то время, что были древними статуями умирающих богов вокруг верхней пещеры Ю. На них все еще лежала аура силы, но пахло от них как от заброшенной могилы, высохшей, пыльной и разрушенной временем, и я невольно спросил себя, сколько же времени они смогут оставаться живыми в древних Лодках-Драконах.

Шестнадцать фигур шагнули вперед и поклонились, восемь на каждую лодку, на головах гребцов сверкнули красные повязки.

— Разрешите мне представить тех, кто будет грести за лодку янь, — сказал Завистник. — Это восемь слева от меня, четверо из них, Юй-куан, Бродячие Огоньки, а эти четверо, Е-чжун, Младшие Братья из Пустоши, и их всех совершенно несправедливо обвиняют в бесчисленных случаях распространения чумы. Уверяю вас, они этим не занимаются. Они только гребут, но если за их победой следует чума, их это не волнует.

Восемь гребцов поклонились и шагнули обратно. Завистник махнул восьми фигурам справа, которые один за другим подняли голову.

— Вот ваш экипаж, Ба-лин, «Восемь Призрачных Сил», и все они великие гребцы инь, — сказал, как будто пропел Завистник. — Слева направо: Первый Деятель, Легкие-Живот, Мудрость Предков, Парить-Витать, Ловец Всего, Остряк-Расчленитель, Здоровенный Малый и, наконец, Невероятный Особый, о котором даже упомянули в «Священной Книге Гор и Морей»[82]. «На горе Ченси обитает странное создание, имеющее тело быка и щетину дикобраза. Оно воет как собака и ест людей».

Гребцы поклонились и отступили назад. На их место шагнули четверо, по два с каждой стороны.

— Это барабанщики, они будут получать команды от шарфов и передавать их остальному экипажу, — сказал Завистник. — За янь: Старейший Муж слева и Старейший Особый справа. За инь: Прыгать-Бросать слева, Скользить-Летать справа.

Все четверо поклонились и шагнули назад. А вперед вышла новая очень худая фигура, и на мгновение мое сердце стукнуло, потому что я решил, что это Юй Лань, но, присмотревшись, понял, что у девушки такое же расплывающееся лицо, как и у остальных, холодные глубокие глаза и устрашающий вид. Человек-обезьяна, которого я все еще любил под именем Янь Ши, повернулся ко мне.

— Обрати внимание, Десятый Бык, — спокойно сказал он. — В древней «Белой Схеме Болот» есть чарующе-невинное описание: «Сущность старых колодцев иногда принимает форму девушки по имени Гуань, которая любит сидеть на камнях и играть на флейте. Если вы позовете ее по имени, она немедленно исчезнет». Это и есть Гуань, Сущность Старых Колодцев, и ты должен знать две важные вещи. Во первых нет никого, кто мог бы сравняться с ней по силе, потому что она черпает ее из воды и земли. И второе — в течении всей

82 Шань хай цзин, то есть «Книга гор и морей» или «Каталог гор и морей».

Древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель, и обитающие там создания. Авторство произведения традиционно приписывается легендарному Великому Юю; в реальности, создан в течение последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры (период Сражающихся царств – династия Хань).

ссылки на земле она была моим верным друг. И она будет использовать всю свою силу, правя рулевым веслом лодки янь, а ты, друг Мастера Ли, будешь править рулевым веслом лодки инь, а роль того, кого называют козлом, очень тяжела и опасна. Ты понимаешь меня?

— Да, господин, — прошептал я.

Мастер Ли и Завистник пошли вперед к левой лодке, янь, и пока я помогал им зажечь очищающий огонь на платформе в центре лодки, они пели древний гимн солнцестояния: «Искры солнца жгут небо! Огонь земли сжигает Пять Областей! Пусть пламя уничтожит все неблагоприятное!» Потом мы перешли по трапу на лодку инь, и повторили ритуал. Было еще много всяческих церемоний, священных гимнов, которых я никогда не слышал и не понимал из них ни одного слова, и, наконец, Завистник вернулся в лодку янь. Трап убрали. Мастер Ли, расслабленный и довольный тем, что вопрос прояснился, испытывающе посмотрел на своего оппонента.

— Из чисто академического интереса: прав ли я предполагая, что появление вурдалака — не более, чем странное совпадение?

— Я искренне надеюсь на это, потому что иначе мы утонем в болоте метафизических рассуждений, — так же беззаботно ответил Завистник. — Я думаю, что тварь упала на кучу земли, которую потом привезли на остров Гортензий, а вскоре после этого Ма Туань Линь совершенно случайно установил бусину на клетке в правильное положение и вызвал первого из моих братьев. Монстры поклоняются демонам-богам. Чжи-мэй выполз из кучи и, хотя было слишком поздно приветствовать моего брата, по меньшей мере нашел себе еду.

— А вы в этом не участвовали? — спросил Мастер Ли.

— Я ничего не знал, в точности как чжи-мэй, — ответил Завистник. — Я даже не подозревал, что клетки уцелели, пока не услышал крик «Би-фан» и не увидел, как белый журавль пролетает сквозь луну. Волшебное мгновение! Если один брат выжил и клетка, которую он охранял, уцелела, почему бы не выжить остальным? Когда-то, давным-давно, я чуть не совершил совершенно невероятный подвиг, и мне помешали только эти упрямые шаманы. О, подумал я, если ко мне в руки попадут все клетки, я смогу завершить работу. Только как заполучить их?

— Использовать куклу, — кисло сказал Мастер Ли.

— Вы появились как посланник богов! Невиданная удача! Великий Мастер Ли разыскивает для меня мандаринов и клетки, — восхищенно воскликнул Завистник, без малейшей иронии. — Я был уверен, что вы обнаружите мой маленький секрет: с минимальной помощью Юй Лань механизмы могут сами управлять куклами, и я могу свободно путешествовать во время представления, но я был также уверен, что вы обнаружите его слишком поздно.

Мастер Ли встал на высоком носу и приготовил шарфы, на левой лодке Завистник сделал то же самое, а меня едва не задушил комок в горле, когда я подошел к возвышению на корме и длинной рукоятке чудовищного рулевого весла, идеально сбалансированного. Я попробовал его и оказалось, что, налегая всем телом, я легко поднимаю его из воды, но плавно опустить его довольно трудно. Отдали швартовые, лодка слегка шевельнулась и отдача едва не сбросила меня за борт. Малейшее уклонение весла в сторону едва не убивало меня, и я с ужасом подумал о том, что произойдет, когда в лодку ударят волны и ее начнет подбрасывать вверх-вниз.

Лодки-близнецы шли по каналам бок о бок, постепенно набирая скорость, хотя гребцы еще не взялись за весла, и вскоре через туман я увидел совершенно прямую линию, острой блестящей кромкой перерезавшую наш путь.

«Стартовая линия», решил я и тут же почувствовал сильные толчки: один ... два ... три ... четыре ... пять ... шесть ... семь ... восемь...

Восемь ключей, инь и янь, настроили Юй на песню, которую не слышали ровно три тысячи лет. Громкие бурлящие аккорды — и, одновременно, мягкие, несмотря на всю свою силу — вода и воздух замерцали, расплылись, смешиваясь друг с другом, а потом выделилась одна длинная дрожащая нота и поглотила все остальные. Ровная, спокойная, невероятной силы. Песня Юй, вся, целиком, и волны музыки превратились в огромную водяную поверхность, вытянувшуюся до горизонта перпендикулярно лодкам и превратившую оба канала в реку, пригодную для гонок, и в глазах Мастера Ли сверкнуло удивление, смешанное с восхищением, когда он повернулся к кукольнику.

— Неужели эти замечательные мужчины сотворили трассу для гонок, которая одновременно измеряет длительность солнцестояния? — спросил он.

— Да, дорога все время идет как бы в тени гигантского гномона[83], — сказал Завистник. — Я понятия не имею, как им удалось это сделать, хотя когда-то читал, что похожий феномен изобрел один варвар, Энопид Хиосский[V]. Нечего и говорить, что гномон измеряет длину солнцестояние с точностью до секунды.

Мастер Ли тяжело вздохнул.

— Как жалко. Только один человек в империи мог бы объяснить все это нам, в свои лучшие дни, конечно, и его здесь нет, — печально сказал он. — Я много могу вам простить, но только не судьбу Небесного Мастера.

— Ли Као, он умирал! И уже почти ничего не соображал, — запротестовал Завистник. — Мне надо было заставить богов рассердиться на человечество. Вы обнаружили контрабанду, убийство и подделку, но всего этого было явно недостаточно. Однако вы подали мне идею: надо использовать жадность аристократов. Мы все знаем горячий характер Нефритового Государя. Я был полностью

83 Гномон древний астрономический инструмент – столбик-указатель солнечных часов.

уверен, что, не дожидаясь результатов расследования, он перестанет защищать людей и землю, как только увидит Небесного Мастера, оскорбляющего Небеса человеческими жертвоприношениями во имя религии и добродетели. И все было бы замечательно, но Зло, завладевший телом Небесного Мастера, полностью испортил дело.

В первый раз на лице Завистника я увидел что-то похожее на сильные эмоции: ко всем его разнообразным цветам добавилась краска гнева.

— Мой идиот-сын и его жалкий замысел убить вас в оранжерее, — сказал он ядовитым голосом. — Убить вас? Когда вы еще не нашли оставшихся мандаринов и их клетки! А потом он еще убил маленькую служанку. «Она дала умереть собачке», вот что он сказал, но я то знаю настоящую причину: он так обрадовался новому телу, что хотел дать появившейся силе излиться, выйти на поверхность, а для этого, по его мнению, что может быть лучше убийства? Как он радовался, переполошив половину Запретного Города. Вот что я вам скажу, Ли Као: мой сын Зло — лучший аргумент за целибат!

— Да, но вы отказались от целибата ради дочери, — тихо сказал Мастер Ли. — Такая девушка способна вознаградить за все.

— Да, вы правы, — мягко сказал Завистник. — Никогда мужчина не имел более любящей и преданной дочери, но много ли дочерей родились, неся на себе такое проклятье?

Разноцветное лицо повернулось ко мне, и я до сих пор уверен, что не ошибся, почувствовав в наклоне его головы определенное уважение.

— Я бы сказал, что моя дочурка выбрала не самое удачное время для поисков любви, если бы не знал, что такие вещи не выбирают, — сказал он. — Мое сердце разрывается от боли, бедная девочка. Она улетает в мир снов от своей разбитой любви — единственный мир, в котором Безумие движется более свободно, чем ее мать, и в котором она может не слушаться матери — но даже во сне ее настигает преображение. По утрам она долго плачет и никогда не говорит о том, что произошло, но я знаю: даже во сне она больше не может приближаться к Десятому Быку, иначе клыки вонзятся в его мозг, а когти — в сердце. От божественности так просто не откажешься, — сказал Завистник, и, судя по кривой улыбке и взволнованному тону, он говорил не о Юй Лань, когда добавил, — и не нужно даже пытаться.

Какое-то долгое мгновение Мастер Ли глядел на Завистника.

— Вы знаете величие и низость так, как не знает ни один человек, — сказал Мастер Ли. — И я не понимаю, что вы надеетесь получить, обманывая Небеса и пытаясь вызвать массовую смерть на земле. Как вы сами знаете, Боги спишут все на Судьбу и с удовольствием будут строить все заново. А что касается массовых убийств... Неужели вы спуститесь на уровень легендарного короля, ко-

торый призвал всех слонов в мире чтобы раздавить муравья, который укусил королевский палец?

Завистник со слабой улыбкой взглянул на него. Сияющая линия старта была совсем рядом, лодки пошли быстрее, гребцы уже поплевали на руки и поправили банданы на голове. Вода била о корпус, а рукоятка рулевого весла — о мои ребра.

— Ли Као, вы все прекрасно понимаете — я делаю то, что должен, — сказал Завистник.

Его глаза повернулись ко мне и в них вспыхнул тот самый загадочный свет, чем-то похожий на лунный блеск глаз Гуань, которая стояла напротив меня с рукояткой рулевого весла в руках. Она легко, даже играючи управляла лодкой, но в ее глазах залегли тени долгих медленных дум колодца.

— Десятый Бык, — спокойно сказал Завистник, — однажды один великий король посмотрел вниз со своей башни на садовника, который работал и пел. «Ах, если бы у меня была такая же беззаботная жизнь!», воскликнул король. «Если бы я мог стать садовником!» Его голос донесся до Нефритового Государя и тот сказал «Пусть так и будет». В то же мгновение король стал садовником и запел гимн солнцу. В полдень солнце раскалило все вокруг и садовник перестал петь, потом появилось черное облако и принесло с собой прохладу. Вскоре оно улетело, опять стало жарко, у садовника был непочатый край работы и он крикнул «Ах, если бы я мог беззаботно приносить холод повсюду! Если бы я мог стать облаком!» Сверху донесся голос Нефритового Государя «Пусть так и будет». В то же мгновение садовник превратился в облако, носящееся по небу. Подул ветер, на небе стало холодно и облако захотело спрятаться за горой, но, как бы оно не пыталось, могло лететь только туда, куда его нес ветер, а над ним сияло яркое солнце. «Ах, если бы я мог беззаботно летать над облаками и мне всегда было бы тепло! Если бы я мог стать солнцем!» Сверху донесся голос Нефритового Государя «Пусть так и будет». В то же мгновение садовник превратился в солнце и какое-то время наслаждался тем, что посылал на землю лучи, которые грели одних и сжигали других, но потом почувствовал себя так, как если надел одежду, сделанную из огня: еще немного, и он спечется, как хлеб. Над ним в бездонном небе сияли холодные боги-звезды и солнце крикнуло «Ах, если бы я мог беззаботно светить в чистом небе! Если бы я мог стать богом!» И опять сверху донесся голос Нефритового Государя «Пусть так и будет», солнце превратилось в бога, который уже три столетия сражался с Каменной Обезьяной, превратившей себя монстра длиной в сто тысяч чи. Чудовище держало в руках каменный трезубец, сделанный из верхушки горы Хуа и изо всех сил колотило им бога, который уклонялся от ударов или плакал. Как-то раз бог посмотрел вниз, увидел мирную зеленую землю и крикнул «Ох, если бы я только мог стать беззаботным человеком, мирно живущим на земле!» Сверху донесся голос Нефритового Государя «Пусть так и будет», и в то же мгновение бог стал великим королем, смотревшим вниз со своей башни на садовника, который работал и пел.

Завистник приподнял плечо и отвернулся, но я уже успел сообразить, что он рассказал эту сказку не для развлечения. В свете его глаз была не холодная мудрость глубокой воды, как у Гуань, но жестокий холод ненависти, потому что Завистник никогда не отдыхал, никогда не расслаблялся, никогда не радовался, никогда не получал то, что хотел, никогда не переставал хотеть и никогда не мог удовлетворить ужасный голод, терзавший его ум и тело. Великая благородная натура, он был осужден вечно завидовать — завидовать не только облакам, солнцу и богам, но и безголовым садовникам, вроде Десятого Быка. Десятый Бык оскорбил его, и за это должен был умереть весь мир.

## ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА

Линия старта была совсем близко. Мастер Ли резко поднял левую руку, хлопнул белый кончик зеленого шелкового шарфа и огромный перекошенный Прыгать-Бросать вытянул обернутые материей палочки над поверхностью огромного тимпана, стоявшего в центре платформы, и начал выбивать дробь. Старейший Муж сделал то же самое на лодке янь, отделенной от нашей водой и радугой. Со всех четырех сторон обеих лодок в воздух поднялись сто семьдесят шесть весел. Темная прямая тень коснулась кончиков рогов, торчавших прямо из головы дракона, скользнула назад и коснулась столбиков, к которым капитаны привязали себя. Мастер Ли и Завистник одновременно махнули правыми шарфами. Скользить-Летать поднял литавры и ударил в них — раздался резкий грохочущий звук, то же самое сделал и Старейший Особый напротив нас, каждая команда длинным плавным движением опустила в воду восемьдесят восемь весел, и лодка под моими ногами резко прыгнула вперед. Литавры и барабаны работали ровно и не торопясь, в определенном темпе: креш, тра-та-та, креш, тра-та-та, креш ...

Мне все время приходилось летать по воздуху, прижавшись телом к рукоятке и не давая веслу коснуться воды: если огромное рулевое весло, лопасть которого походила на ключ, ударялось об воду, лодка приостанавливалась, как фургон, у которого перестали крутиться колеса. Но когда шарф командовал поворот или надо было исправить курс, козел получал свое. Вниз, удар, вверх! Самая крошечная задержка весла в воде — и лодка теряет скорость. Потерянные доли секунды в начале могли обернуться множеством чи в конце, а странная сверхъестественная девушка напротив меня управляла огромным веслом слегка касаясь его пальцем. Своего весла я уже почти боялся и точно знал, что нет никакой возможности соревноваться с духом колодца, который живет в полной гармонии с природой, бессмертным кавалером и древними полубогами, ткавшими воду из музыки. Я мог только делать все, что в моих силах и верить в Мастера Ли.

Прыгать-Бросать продолжал равномерно бить в барабан, но литавры Скользить-Летать зазвучали иначе. Сначала я не мог понять почему, но потом я увидел, как длинный летящий конец левого шарфа Мастера Ли мечется вверх и вниз, почти одновременно мое весло встало на дыбы и я понял, что отныне литавры будут передавать предупреждения и команды. Мы выплыли из спокойного бассейна и литавры предупредили о появившихся волнах, нас подняло вверх и швырнуло вниз, потом мы снова поднялись, барабанная дробь на обоих лодках стала чаще, и весла забили быстрее.

Я увидел как правый шарф мелькнул в воздухе за мгновение до того, литавры повторили команду. Ждем ... ждем ... сейчас! Я опустил лопасть в воду и наклонился налево: один ... два ... три ... вверх! Плавно поднять весло вверх совсем не просто, но я сумел ничего себе не повредить, если не считать разбитого носа, когда рукоятка ударила мне в лицо. Ждем ... ждем ... вниз! Наклониться вправо. Один ... два ... три ... вверх! Не слишком красиво, но мы сделали поворот и вернулись обратно на правильный курс. Я посмотрел на торчащий из радужных волн огромный черный камень, который обе лодки обогнули с разных сторон. На нем были выгравированы символы солнца и луны, янь и инь, и я спросил себя, не может ли камень быть чем-то вроде указателя, который подчеркивает настоящую, гномоническую, сущность курса.

Мастер Ли взмахнул шарфами, литавры повторили команду, и плавные, гладкие взмахи весел стали еще немного длиннее: бум, тра-та-та, бум, тра-та-та. Одновременно напротив нас Завистник отдал ту же самую команду, лодки шли вровень.

Капитан, конечно, самый важный член команды. Козел находится далеко сзади и не видит всех опасностей впереди, мир гребца начинается и заканчивается веслом, а барабанщики устанавливают ритм, подбадривают, передают команды, но не изобретают их. Капитан, стоящий на носу — глаза и мозг лодки, одно неверное движение его шарфа — и гонка закончилась. Я безгранично верил в Мастера Ли, но понимал, что его положение мало чем отличается от моего. Напротив него стоял кавалер, который осмелился любить и предать самую могущественную и опасную из всех богинь, который однажды уже сражался с Восемью Умелыми Мужчинами, хотя и проиграл ту гонку, и который, выражаясь поэтическим языком, прокладывал путь среди звезд на упряжке, запряженной божественными драконами. Кукольник стоял, даже не держась руками за столб, его тело, казалось, само повторяло все движения лодки.

Бум, тра-та-та, бум, тра-та-та. Лодки сражались с волнами, прыгая вверх и вниз, и я понял первую причину, почему рулевого называют козлом. На бурной воде рулевой должен постоянно махать веслом, обеспечивая равновесие лодки, и использовать ветер, чтобы исправить боковое смещение не зачерпывая слишком много воды. В результате я либо летал по воздуху, либо боролся с

огромной тяжелой штукой, а когда успевал бросить взгляд налево, через водяную пыль, видел Гуань, управлявшую веслом едва прикасаясь к нему. Как ей это удавалось? Одной силы тут мало. Каким-то образом она предвидела каждую волну, каждый удар воды и каждый прыжок лодки, и всегда находилась в нужном положении, когда приходило время исправить курс. Тем временем колебания музыки Юй становились все сильнее и сильнее. Пещера исчезла из виду. Небо (если это было настоящее небо) потемнело, радуга, связывавшая волны, сверкала как огонь. Мне показалось, что по обе стороны от нас находятся берега с деревьями и спутанными кустами, и, действительно, приглядевшись, я разобрал людей на правом берегу и огромных ужасных тварей на левом.

Шарфы взлетели в воздух, барабаны забили быстрее, восемь первых весел каждой лодки зачастили. Лодки помчались вперед, похожие на скользящие по волнам стрелы, водяная пыль взлетела в воздух, когда нос прорезал волны. Требовательно забили литавры. Ждать ... ждать ... вниз, удар, вверх ... ждать ... ждать ... вниз, удар, вверх! Мы благополучно обогнули второй торчащий из воды камень со знаками солнцестояния, но на тот раз я на мгновение позже поднял весло. Сомневаюсь, что кто-нибудь кроме меня заметил это, но Гуань безупречно выполнила поворот и лодка янь оказалась впереди нас на несколько цуней. Если эти остроконечные камни действительно являются гномоническими символами, то осталось еще четыре, вместе шесть, полгода, и я даже не хотел думать, насколько она обгонит меня, когда мы пройдем мимо последнего. В воздухе мелькнули шарфы, ударили литавры, барабаны ускорили темп, весла ускорились: бум, тра-та-та, бум, тра-та-та, и я сосредоточился на своем весле. Слева, на берегу, ужасные твари ревели, сражались и убивали, вулканы извергали пламя и лаву, земля трескалась и качалась. Справа появились мужчина и женщина, скорчившиеся и напуганные, одетые в меха, за ними монахи в медвежьих шкурах с вышитыми на шкурах четырьмя золотыми глазами, молитвенно поднявшие руки к небу, а еще дальше девушка, как и Небесный Мастер взмахнувшая каменным топором: топор упал, и душа улетела к богам.

Ждать ... ждать ... вниз, удар, вверх ... ждать ... ждать ... вниз, удар, вверх!

Лодка янь уже обогнала нас на чи. Камень остался позади, и я увидел, как люди в испуге глядели на крошечное солнце, похожее на гаснувшую свечу, вытаскивали детей из-под укрытья, бегали кругами и играли с особыми шапочками на своих головах, как и в моей деревне во время первой луны: ярко окрашенные шапки, сделанные в виде цветов и кузнечиков, такие яркие на белом снегу, что должны были привлечь глаза богов, глядевших вниз. Все очаги погасили, чтобы сохранить огонь для солнца. Сваренные яйца раскрасили так же ярко, как весенние цветы, вынесли под темное холодное небо, торжественно разбили скорлупу и подняли желток высоко вверх.

Быстрее, просигналили шарфы и цимбалы, весла замахали еще быстрее, лодки с зубодробительными толчками прыгали с волны на волну, одна за другой, и пока узкие корпуса неслись вперед, корма каждой лодки раскачивалась из стороны в сторону. Меня мотало как тряпичную куклу, привязанную к рукоятке рулевого весла, я старался как можно больше использовать воздух и как можно меньше воду, но Гуань все равно опережала меня, все предвидя, уравновешенная и спокойная. Лодка янь была впереди уже на три чи.

Несмотря на водяную пыль я увидел на берегах смазанные фигуры. Справа была деревня, очень похожая на мою, и с болью в сердце я увидел, как молодые люди подкинули в воздух прекрасных девушек, надевших самые лучшие одежды; те взлетели все выше и выше в небо, как лепестки цветов, уносимых ветром. Женщины постарше, тоже одетые в яркие одежды, держали в руках цветные ленточки и танцевали вокруг столба. Отцы требовали, чтобы их сыновья сохраняли воланчики в небе как можно дольше, и каждый волан стал желто-красным, как солнце. Торжественно раскололи последний лед, почистили могилы и пригласили духов мертвых присоединиться к празднику начала весны, чашки с вином пошли из рук в руки.

След гномонических указателей пропал. Юй тряслось с невероятной силой, и внезапно я понял, как дух колодца угадывает каждую команду. Гуань не глядела на воду, она слушала звуки, которые творили ее, и я обнаружил, что если перестану думать и дам моему телу самому реагировать на музыку Юй, то оказываюсь на нужном месте в то мгновение, когда шарф и цимбалы передают мне команду. Но было слишком поздно. Разрыв между нами достиг десяти чи и будет расти, если только Завистник не ошибется. Изредка далеко впереди мелькала его спина, но даже на таком расстоянии он казался человеком, спокойно плывущим по пруду в своем родовом имении.

Мастеру Ли оставалось только молиться. Он стоял на носу, подняв голову к небу, и ветер доносил до меня отдельные слова: — Госпожа Загадок ... Проводница Потерянных Душ... Ты, которая смешивает горячее и холодное, мокрое и сухое, сделанное и несделанное ... — Правая рука поднялась к небу, шарф отдал очередную команду. Но я уже услышал что-то впереди, музыка зазвучала немного иначе, и приготовился: вниз, удар, вверх, ждать ... ждать ... вниз, удар, вверх! Я едва не заплакал от разочарования: на этот раз Гуань не опередила меня ни на цунь, мы одновременно обогнули камень, но поздно, слишком поздно. Разрыв в десять чи не сократился и не сократится.

— Госпожа Рассвета и Заката ... Страж Величайшего Жертвоприношения ... Утешительница всех, кто болеет и умирает ...

Мы проскочили мимо камня и оказались под обжигающими лучами солнца, которые зажгли небо над нами. Черные воронки смерчей поднялись из пенистых радужных волн, и я увидел как над поверхностью воды появился дракон,

один из тех ужасных цзяо лунь[84] — противников благословенных водяных драконов. Ужасные твари на левом берегу радостно закричали. На правом берегу непрекращающийся Желтый Ветер разодрал на куски стены домов, песок покрыл равнину, урожай сгорел.

— Госпожа, которая утешает ... Госпожа, которая поддерживает ... Госпожа, которая охраняет всех живых ... — продолжал петь Мастер Ли.

Крик над головой заставил меня поднять голову, и я увидел самых страшных чудовищ, трехкрылых слуг Повелительницы Чумы, которая когда-то разрешила кавалеру полюбить себя, Королевы-Матери Запада. Те, кто знают эту Богиню, могли бы сказать, что ее когти когда-то коснулись кавалера, но слегка. А сейчас от горы Трех Опасностей прилетел Большой Пеликан, на спине которого ехала Чумная Ведьма, Юй Хуа Лан, и Малый Пеликан, с Доу Шень Нян-Нян, Королевой Чумы, и Зеленая Птица, на спине которой сидела Ма Шень, Покровительница Прыщиков и Фурункулов. Три Птицы Смерти кружили низко над нашими головами, и у меня на мгновение остановилось сердце, когда мне показалась, что огромная тигриная лапа протянулась по небу от горизонта до горизонта, но потом я сообразил, что это коготь Желтого Ветра.

Шарф отдал сигнал, литавры повторили. Вниз, удар, вверх ... ждать ... ждать ... вниз, удар, вверх, обе лодки одновременно повернули, янь по-прежнему впереди на десять чи, и моя печень заледенела. Последний камень украшали символы янь от одного края до другого. Последний гномонический символ, полгода, и именно здесь сила янь должна уступить место силе инь, иначе земля сгорит и чума обрушится на всех живых. Наша лодка слегка отошла в сторону и я поглядел вперед. Белая полоска солнечного света перерезала наш путь через музыкальную воду, трасса гонки сузилась, как если бы мы приближались к финишу, и прямо в центре, подвешенное в воздухе, висело мерцающее кольцо Би — символ гармонии Небес, круг, в котором слились янь и инь, и концы длинных рогов драконов, торчащих из носа лодок, замерцали тем же светом. Мастер Ли и Завистник одновременно взмахнули шарфами, бой барабанов и литавр, как удары гигантского сердца, и гребцы громко выдохнули, как бы вкладывая всю силу в удары весел.

— Повелительница Солнцестояния, Госпожа Освобождения —

К какой бы богине не обращался Мастер Ли, ей надо поторопиться, подумал я, потому что гребцы на обеих лодках были равны друг другу, и просвет между нами не сокращался. Я летал вокруг своего весла, пытаясь достичь идеального равновесия лодки, подпрыгивавшей и скользившей на бурных волнах, так что когда вода забурлила и что-то поднялось из глубины, я был настолько занят, что ничего не увидел. Только тогда, когда сверкнула молния, я понял,

84 Цзяо лунь – драконы, покрытые рыбьей чешуей.

что Мастер Ли молился совсем не богине. С самого начала он молился шаманке и целительнице, так что поднявшаяся голова принадлежала Юй Лань.

Долгое мгновение прекрасная дочка кукольника глядела на меня. Потом ее губы раскрылись, блеснули клыки, одна из ее когтистых рук поднялась из воды и упала обратно. Две капли воды, медленно скатились по ее прекрасным щекам, и это не была вода-музыка. Потом она нырнула. Юй Лань исчезла под волнами и больше никогда я не видел ее лицо, зато я увидел кое-что другое. Впереди и слева от нас, прямо перед лодкой янь, вода забурлила и в воздух поднялся сияющий хвост огромной рыбы. Солнечный свет горел на чешуйках, хвост с огромной силой бил по сторонам и ударил прямо по носу лодки.

На мгновение лодка янь остановилась, как если бы на нее накинули узду, и когда она опять рванулась вперед, разрыв между нами исчез. Лодки шли наравне друг с другом, или даже наша на долю цуня впереди, и мы должны были победить, но слаженный хор ударов весел внезапно распался.

— Первый Деятель, Легкие-Живот, Мудрость Предков, Парить-Витать, Ловец Всего, Остряк-Расчленитель! Здоровенный Малый! Невероятный Особый! Хао! Хао! Хао! — заорал Мастер Ли, как будто вулкан взорвался.

Прыгать-Бросать изо всех сил ударил в барабан, Скользить-Летать трях-нул литаврами, и гребцы опять подстроились под загребного. Мастер Ли взмах-нул правой рукой, и я ожидал, что шарф размотается и вытянется назад. Так и произошло. Вниз, удар, застыть, поднять ... повернуть весло влево ... ждать шарф ... Вниз, резко влево, вверх ... Вниз, слегка вправо, вверх ...

Мы были слегка впереди и перерезали путь лодке янь, весла заскрежета-ли по веслам, дерево столкнулось с деревом, длинные светящиеся рога нашей лодки вытянулись и вонзились прямо в центр кольца Би. В то же мгновение финишная линия исчезла, берега исчезли, гребцы устало откинулись назад и отпустили весла, две великие Лодки-Драконы плыли рядом с друг другом в мягком тумане.

Мастер Ли медленно повернулся к кукольнику. Одновременно Завист-ник повернулся к нему, какое-то время они молча глядели друг на друга, и по-том — не для моего слабого ума! — раскрашенное лицо человека-обезьяны озари-ла торжествующая улыбка.

— На мой вкус поэтическая справедливость — что-то чересчур чистое, но, как я должен согласиться, эффективное, — сказал Завистник. Я сообразил, что его лодка и экипаж стали прозрачными, быстро растворяясь в тумане. Только кукольник остался таким же, как и был. Он наклонился и поднял последнюю клетку, которая стояла на дне лодки. — Вы же знаете, есть способ добыть ключ, не освобождая демона внутри, — сказал он, констатируя факт. — Пришло вре-мя, и вы должны повстречаться с моим последним братом, но не бойтесь. Я

всего-навсего бедный кавалер, который бросил вызов и был вынужден убивать только тогда, когда потерпел поражение.

Левой рукой он сделал знакомый жест, яркая вспышка и я увидел последнего из демонов-богов. Как мне позже сказал Мастер Ли, Бог Мешков безусловно был последним творением умирающей расы и самым ясным признаком смерти всей предыдущей культуры. Бесформенный мешок, вот и все. Отец — хаос, мать — пустота, никаких причин для существования, ни начала, ни конца.

Великий кавалер, которого я знал под именем Янь Ши, протянул руки и нежно обнял своего брата, мешок открылся, они вместе поднялись в воздух и улетели, похожие на слепого мотылька, мечущегося из стороны в сторону. Зависть и Анархия, бесцельные и неразделимые, улетели прочь, чтобы найти ничто в нигде.

Лодка янь и экипаж полностью исчезли. Лодка инь тоже начала просвечивать, но я почему-то не боялся, что мы сами растаем. Я отпустил весло и мимо отдыхающих гребцов подошел к Мастеру Ли.

— Взгляни, Бык, — устало сказал он.

Туман впереди нас рассеялся, мы плавно плыли вперед и с легким толчком остановились в длинном сером доке, где нас ждали призраки.

Мертвые, взбиравшиеся на борт, находились в праздничном настроении. И им не было тесно, хотя все новые и новые шли по трапу, который установили Прыгать-Бросать и Скользить-Летать, и тут я сообразил, что моя работа закончена, как и Мастера Ли — мы можем положиться на опытный экипаж. Наконец док опустел. Загребной ударил веслом и лодка медленно поплыла сквозь туман. Я и Мастер Ли стояли на высоком носу. Повернувшись назад, я увидел, что на корме призраки перегнулись через борт и зовут кого-то. Я вопросительно повернулся к Мастеру Ли.

— Мертвые пытаются уговорить драконов лунь. Они просят их последовать за лодкой и принести дождь, — тихо сказал он. — Бык, ты же понимаешь, что договор был заключен много лет назад. Во время Праздника Могил[85] мы приносим мертвым летнюю одежду, еду и вино, а также чистим могилы, чтобы сделать их существование более удобным. Во время Праздника Голодных Духов мы кормим потерявших семью несчастливых духов, о которых некому заботиться, и молимся об их душах. А на Празднике Всех Душ мы приносим мертвым

85 После зимнего солнцестояния наступал праздник могил.

Название (бай шань – буквально поклоняться горам) объясняется тем, что во многих районах Китая покойников предпочитали хоронить в горах. Этот праздник называли также «приведение в порядок могильных курганов». Праздник могил связан с наступлением ясных и светлых дней весны. Борьба зимы и весны, воспринимавшаяся как противоборство светлого начала «Ян» с темным началом «Инь», заканчивалась в пользу весны. Считалось, что «Ян» и «Инь» приходят в равновесие: небо оплодотворяет землю и зарождается новая жизнь.

бумажные деньги для того, чтобы они выкупили свои зимние одежды из ломбардов Земли Теней, и еще мы приносим новую одежду и еду тем, кто кому она может понадобиться зимой. Взамен призраки помогают вызвать дождь, победить болезни и несчастья, которым больше не подвержены сами.

Мы выплыли из тумана и очутились на Северном Озере. Из-за страха перед эпидемией на берегу не было почти никого, кроме старухи по имени Няодун, «Ночной Горшок», и старика, которого называли Е-Лай Сян, «Благовоние, Появляющееся Ночью», имея в виду запах, который появлялся, когда он снимал сандалии. Эта парочка не собиралась отказываться от ритуала, который они выполняли с детского возраста, и мучительно доковыляла до края воды. Оба изумленно взмахнули руками, когда протерли глаза и посмотрели на нас, а потом через нас. Власти объявили, что в этом году гонки не будет, но инстинкт подсказал двум трясущимся развалинам, что гонка уже прошла и они, держась друг за друга, поставили на воду маленькие бумажные сун вень. Лодки должны были унести прочь болезни их семей, по меньшей мере на ближайшие полгода, и «Благовоние, Появляющееся Ночью» коснулся глиняной фигурки собаки, которую он держал в кармане. Эта собака должна была загрызть любую болезнь, которой удастся убежать с лодки.

Бумажные лодки поднялись на волнах, которые шли от нашей Лодки-Дракона, призраки закричали, приветствуя их, и маленькие бумажные вещички послушно поплыли за нами.

Наша лодка затряслась, как настроечный ключ. Я увидел, как здания на берегу затряслись и упали. Зазвучали последние ноты Юй, объявляя точную секунду солнцестояния, и просвечивающие струи воды взметнулись в воздух с левой стороны, поднялись выше, еще выше, расправили драконьи крылья, на небе появилось облако. Еще один водяной дракон, и еще, они повернулись к грязным пальцам Желтого Ветра и напали на него, загоняя обратно в Монголию. Облака распространились на пол неба, как раз вовремя, чтобы захватить свет садящего солнца, пошел дождь, холодный ветер омыл город, люди выскочили наружу, держа в руках бумажные семейные лодки.

— Бык ...

Я повернулся и закричал, когда через толпу мертвых протиснулись два призрака. Мать обняла меня, отец улыбнулся и неуклюже сцепил руки.

Сотни призраков кланялись Мастеру Ли. За нами уже плыла огромная флотилия лодок с болезнями, колеблясь на тихих волнах и сверкая в свете заката, и когда, оторвав взгляд от родителей, я посмотрел вперед, то увидел темный барьер, похожий на стену низкого тумана, в середине которого открылась сияющая арка, в которую вливалась вода, сшитая из цветов неба.

— Но, мама, на самом деле Пекин не слишком отличается от нашей деревни, — сказал я. — Ты вовсе не должна верить всему, что слышишь ...

Призраки отступили от Мастера Ли, непрерывно кланяясь лодке, и мудрец пошел вперед, широко улыбаясь восьми мужчинам с капюшонами на лицах, которые приветствовали его; руки всех девяти замелькали, оживленно переговариваясь между собой.

Я засмеялся и показал родителям на него. — Смотрите, это Мастер Ли. Разве можно угодить в переплет, когда работаешь на такого обаятельного старого господина?

Лодка медленно скользнула через сияющую арку. Впереди замаячил силуэт дерева Жо, где богиня Гань-шуй поймает солнце, вымоет его и по подземному каналу отошлет на другую сторону мира; там оно заберется на ветки дерева Фусан и опять окажется в небе. Цветы на дереве Жо начали открываться и образовывать первые ночные звезды, вода вокруг нас казалось сплетенной из сияния заката.

— Бык! — крикнул Мастер Ли. — Приведи твоих уважаемых родителей и приветствуй новых друзей!

— Да, господин, — ответил я.

КОНЕЦ КНИГИ

# ИНТЕРВЬЮ Б. ХЬЮАРТА ДЖ. КУНЦУ

*(в сокращении)*

Дж. К.: Все фаны Мастера Ли хотели бы знать, почему вы остановились после «Восьми Умелых Господ».

Б. Х.: Писать Мастера Ли было не так-то просто, как будто идешь по туго натянутому канату. А денег это принесло не слишком много. Тем не менее я собирался продолжать, как планировал, если бы издатели меня поддержали: планировалось семь романов, и последний должен был закончиться смертью героев в битве с Большим Белым Змеем, после чего они должны были подняться в Великую Звездную Реку и стать младшими божествами, потому что причинили Нефритовому Императору не меньше неприятностей, чем Каменная Обезьяна. К сожалению, у меня был Св. Мартин (St. Martin's Press, известное издательство со штаб. квартирой в Нью-Йорке), которое даже не позаботилось поздравить меня с получением Мифопоэтической Премии, и Баллантайн (Ballantine), с которым все было великолепно, пока мой выпускающий редактор не умер, а его наследники не забыли о моем существовании, и был Даблдей (Doubleday), который выпустил «Историю с Камнем» за три месяца до назначенного срока, в результате чего когда книга появилась на полках, еще не было ни одной рецензии. Это же издательство выпустило «Восемь Умелых Мужчин» в твердом и мягком переплете одновременно, а потом известило меня, что дальше будут выпускать только в мягком, и, конечно, значительно уменьшило аванс.

Дж. К.: Когда у вас появился интерес к Китаю? Во время службы в ВВС?

Б. Х.: Когда Военно-Воздушные Силы послали меня в Японию, я предвкушал отдых в Гонконге, потому что к тому времени я уже очень много читал о Китае. Но посетить Гонконг чтобы на мне потренировались расщеплять атом? С Мингом Безжалостным (персонаж известного комикса) за окном? Идиотская мысль! В результате мне пришлось изучать Китай в библиотеке.

Дж. К.: Как к вам пришла идея написать о воображаемом Китае?

Б. Х.: Пока я работал на ВВС, китайская история и литература лежала во мне и спала мертвым сном. Но потом мне захотелось написать что-то интересное для всех, что-то необычное, что-то такое, что никто не писал. Что для меня самого самое интересное? Ну, скажем, Остров Сокровищ, Три Мушкетера, Приключения Шерлока Холмса, История Инвалида Марка Твена, Сатирикон и арабские «1001 ночь». А все эти китайцы опять послали меня в библиотеку. Так, постепенно, появился Мастер Ли.

Дж. К.: Как к вам отнеслись профессиональные синологи? Понравилось ли им книга, или их ужаснула такое невероятная смесь времен и мест?

Б. Х.: Я думаю, что синологи избегают таких материалов, в которых текст занимает больше места, чем комментарии, и только одна академическая задница из Стэнфорда обвинила меня в плагиате. В Птицах я описываю танец с мечами, и это одна из немногих вещей, которые полностью вымышлены. Мой ответ -- молчание. К счастью для нее.

Дж. К.: Что вы скажите об экранизации Мастера Ли?

Б. Х.: Все отвернулись, кроме Парамаунта, а там я постепенно шагал со ступеньки на ступеньку и добрался до кабинета старшего вице-президента, который воскликнул: — Китаезы? Вы предлагаете мне сделать фильм о китаезах? И даже не о современных китаезах? — Занавес.

Дж. К.: Действительно ли вы писали фантастику или фэнтези и считаете ли они романы для любителей этого жанра?

Б. Х.: Черт побери, мне очень не нравится, когда на мои книги лепят наклейку «Фэнтези», но я должен согласиться, что ничего более подходящего просто нет. По своей наивности я думал — и все еще думаю — что сотворил новую форму, и когда Даблдей решил распространять мои книги как Фантастику/фэнтези, это была последняя соломинка.

*Интервью дано Джерри Кунцу по электронной почте (Январь-Февраль 2000 г.)*

# ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА
## К РОМАНУ «ИСТОРИЯ КАМНЯ»

Китай Барри Хьарта — это Китай, которого не было. Однако он довольно тесно связан с Китаем, который был. Поэтому я решил прокомментировать некоторые понятия, которые могут вызвать трудность у русского читателя. Конечно не у китайского.

Несколько замечаний:

1. Автор в оригинале использует футы, дюймы, тонны, мили и т. д. Ни в реальном средневековом Китае, ни в вымышленном этого не может быть. Прямо глаз цепляет, как заноза. Насколько я понимаю, это сделано ради американского читателя, который не в состоянии мыслить другими мерами. При переводе я использовал китайские. Таблица приведена в примечаниях. Кроме того, также поступил и переводчик 1-ой части (Н. Кудрявцев).
2. В тексте полным полно стихов, которые играют достаточно важную роль в сюжете. Некоторые очень длинные, караул! К счастью выяснилось, что самые сложные являются переводом отрывков «Песен Северной Вей» из знаменитой антологии старой китайской поэзии «Шицзин». В сети есть несколько переводов, я выбрал классический перевод А. А. Штукина.
3. В случае «Гильгамеша» я взял перевод не Дьяконова, а Гумилева, как более поэтический (но менее точный). Остальные перевел сам, в отдельных моментах использовав стихи Ли Бо и классическую русскую поэзия (для стихов варваров).
4. Иероглиф 十 означает «10»: логотип серии о приключениях Мастера Ли и Десятого Быка.

# ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

[I] Сыма Цянь (около 145 или 135 — около 86 до н. э.).

Древнекитайский историк (рис. Д), автор первой сводной истории Китая «Ши цзи» («Исторические запис-ки»). Сын главного историографа ханьского двора Сыма Таня, Сыма Цянь в 108 наследовал должность отца и собранные им материалы, много и упорно работал и, несмотря на опалу, в 90-х гг. 1 в. до н. э. завершил свой грандиозный труд, послуживший образцом для последующих династийных историй.

В 99 до н. э. Сыма Цянь оказался замешан в деле Ли Лина и Ли Гуанли, двух полководцев, обвинявшихся в провале кампании против хунну. В качестве обвинителя выступил сам государь, а Сыма Цянь, единственный во всём чиновничьем корпусе, осмелился подать голос в защиту обвиняемых. Император приговорил Сыма к смертной казни. В качестве альтернативы, согласно законам того времени, приговорённому предлагались откуп или кастрация. За неимением денег, мучась позором и связанный долгом перед отцом, Сыма Цянь выбрал последнее.

[II] Император Шунь.

Легендарный китайский император, живший согласно преданиям, в XXIII веке д. н. э., последний из «Пяти Древних Императоров». Шунь в Китае считается реформатором музыки и календаря, символом сыновней любви, преданности и почтительности. Конфуций считал Шуня, наравне с Яо и Юем, тремя жившими на Земле «совершенными людьми». Как и своему предшественнику Яо, Шуню пришлось вести длительные и кровопролитные войны с племенами мяо и кунг, постоянно нападавшими на Китай. Согласно легенде, в этих войнах (с племенами кунг) китайцы впервые использовали оружие из железа.

Как и Яо, Шунь оставил престол не собственному сыну Шанц-кюню, а герою Юю, который посредством строительства дамб и каналов усмирил потоп. Юй стал основателем первой китайской императорской династии Ся (легендарной). Умер Шунь в возрасте около 100 лет, из которых несколько десятилетий мудро правил страной. Любитель путешествий по стране, он скончался во время поездки на Юг. Согласно легенде, верные жёны Шуня, узнав о его смерти, тоже отправились на Юг. При переправе через реку Сян лодка перевернулась, женщины утонули и превратились в фей этой реки.

[III] Ад (Диюй).

Диюй (букв. «подземное судилище»), в поздней китайской мифологии ад (рис. К). Представления о Д. сложились под влиянием буддизма, проникшего в Китай в начале нашей эры. Согласно поздним представлениям о шести формах перерождения, которые назначаются в Д. умершему, те, кто творили только добро, рождаются вновь в облике князей, полководцев и сановников; менее добродетельные — в облике купцов, учёных, ремесленников и земледельцев либо вдовцов, бездетных, сирот. Затем следует наказание в виде рождения в облике животных, птиц и насекомых или пресмыкающихся.

По древнекитайским представлениям, души умерших отправляются к Жёлтому подземному источнику или в местность Хаоли, или на гору Тайшань, а их дальнейшую судьбу вершат духи земли и гор. В IV—VI вв. у даосов упоминается Лофэн — столица подземного царства, находящаяся на горе на крайнем севере, позднее 6 небесных дворцов, по которым распределялись души умерших. К IX в. появилось описание 24 подземных судилищ на горе Фэнду. В это время у китайских буддистов появляется представление о десяти залах Д. Примерно в XIII—XV вв., когда складывалась народная синкретическая религия, была установлена и иерархия божеств загробного мира во главе с Юй-хуаном («Нефритовый император»), которому подчинён бог мёртвых Дицзан-ван. Кроме этого, ещё существует Дунъюэ-дади («великий император восточной горы»), которому подчинены десять князей Д., в просторечье именовавшиеся яньванами (от санскр. yama, Яма). По поздним сочинениям, Д. локализован в уезде Фэнду провинции Сычуань. Д. состоит из 10 судилищ, каждое из которых имеет 16 залов для наказаний. В первом судилище над большим морем на Чёрной дороге у Жёлтого источника судья Циньгуан-ван, который является начальником остальных десяти судей, допросив души умерших, безгрешные отправляет в 10-е судилище, где они получают право родиться вновь, грешные — к «зеркалу зла» (Нецзинтай) на террасе, обращённой к

востоку, в котором они видят отражение своих дурных дел (на раме зеркала надпись — «на террасе перед зеркалом зла нет хороших людей»). В судилище расположены «двор голода» (Цзичан), «двор жажды» (Кэчан), «камера восполнения священных текстов» (Буцзинсо), в неё попадают монахи, которые взимают плату за прочтение молитв по покойникам, не читая их до конца. Души самоубийц Циньгуан-ван отправляет (кроме случаев, когда причиной самоубийства была верность долгу, сыновняя почтительность или стремление сохранить целомудрие) обратно на землю в облике голодных демонов (эгуй), после истечения срока жизни, отпущенного им небом, они попадают в «город напрасно умерших» Вансычэн, откуда нет пути к иному рождению. Существовало поверье, что они могут вернуться на землю и возродиться вновь, если им удастся вселиться в чужую телесную оболочку, поэтому души умерших преследуют живых, стараясь извести их до смерти. Празднование в честь Циньгуан-вана, когда соблюдали пост, каялись и не грешили, совершалось 1-го дня 2-й луны.

Вторым (на юге под морем) судилищем управляет Чуцзян-ван. В сопровождении двух духов Чжэн-нин («мохнатая собака») и Чи-фа («красноволосый») сюда отправляются души мужчин и женщин, вступавших в недозволенную связь, души воров, дурных лекарей, обманщиков и т. п. Здесь грешники живут в нечистотах, их колют вилами. Чуцзян-вана чествовали в 1-й день 3-й луны.

В залах третьего судилища Хэйшэн («чёрная верёвка»), на юго-востоке под морем, куда после допроса судьи Сунди-вана грешников приводит чёрт Далигуй («силач»), им перевязывают пеньковой верёвкой горло, руки и ноги; колют бока, клещами сжимают сердце и печень, строгают сердце, бьют по коленям, выкалывают глаза и сдирают кожу. В это судилище попадают те, кто думал, что император не заботится о подданных, чиновники, пренебрегавшие своими обязанностями, жёны, обманывающие мужей, и т. п. Сунди-вана чествовали на 8-й день 2-й луны.

В четвёртом судилище владычествует Угуан-ван. К нему идут грешники, не уплатившие налогов, обвешивавшие людей, продававшие поддельные лекарства или рис, смоченный водой, расплачивавшиеся фальшивым серебром, кто жульничал при продаже материи, крал камни из мостовой и масло из уличных фонарей; кто завидовал богатству чужих; не выполнял обещаний дать деньги или лекарства взаймы, выбрасывал на улицу битое стекло, бранил злых духов, лгал и запугивал других и т. д. При 4-м судилище есть река Найхэ («река нечистот»), мост через неё охраняют ядовитая змея и злой пёс. Там же сбрасывают в Сюэучи («кровяной пруд») души грешников-убийц, запятнавших кровью кухню, очаг либо храмы божеств или будды, их загоняют в пруд и не разрешают высовывать голову. Угуан-вана чествовали на 8-й день 2-й луны.

Глава пятого судилища (на северо-востоке под морем) — Яньло-ван или Сэньло-ван, который прежде заведовал первым судилищем, но был переведён в пятое за то, что отпускал на землю души грешников, умерших от несчастных случаев. Здесь вынимают сердце у душ. Яньло-вану помогают Воловья башка и Лошадиная морда, сопровождающие души грешников на Вансянтай («террасу, откуда смотрят на родной дом») по лестнице из 63 ступеней-ножей. С террасы грешники видят свой дом, слышат речь близких. На эту лестницу поднимаются те, кто не исполнил последней воли родителей, не выполнял государственных законов, не помогал деньгами, имея их, жёны (или мужья), которые при живом супруге мечтали о другом, и т. д. День рождения Яньло-вана отмечался на 8-й день 1-й луны.

Шестым судилищем (на севере, под морем) ведает Бяньчэн-ван. В него попадают люди, непочтительно называвшие богов по именам, укравшие позолоту или драгоценности с изображений божеств, непочтительно обращавшиеся с исписанной бумагой и книгами и т. п. В этом судилище вырезают сердца и бросают на съедение псам. Днём рождения Бяньчэн-вана считался 8-й день 3-й луны.

Седьмым судилищем (под морем на северо-западе) управляет Тайшань-ван. Сюда попадают те, кто грабил, кто бросил новорождённого, играл на деньги, ел человечье мясо. За клевету наказывают в зале Ба-шэ («вырывание языков»), тех, кто ел человечье мясо, записывали в Шэнсы-бу («книгу живота и смерти»), обрекая тем самым их на вечный голод, если они родятся вновь. День рождения Тайшань-вана — 27-й день 3-й луны.

Восьмое судилище (на западе, под морем) возглавляет Души-ван. Считалось, что сюда попадают те, кто непочтителен к родителям и не похоронил их, за что им укорачивалась жизнь в следующем рождении (часто в образе животного). Если же грешник исправлялся, то

бог очага Цзао-ван писал на его лбу иероглифы цзунь («исполнил»), шунь («подчинился»), гай («исправился»).

В девятом судилище (на юго-западе, под морем) Пиндэн-вана, обнесённом железной сетью, казнят грешников, совершавших поджоги, изготавливавших яды, дурные книги и неприличные картины, изгонявших плод с помощью снадобий. Им отсекают голову, разрезают на мелкие части или удавливают верёвкой. День рождения Пиндэн-вана 8-го дня 4-й луны.

В десятом судилище (на востоке, под морем) 6 мостов — золотой, серебряный, нефритовый, каменный и два деревянных соединяют ад и мир живых. Судья Чжуаньлунь-ван решает, кто в кого должен переродиться, и каждый месяц списки душ отправляются в первое судилище, а затем духу Фэнду-шэню, на границу между адом и землёй. Здесь души попадают в павильон богини Мэн-по («тётушка Мэн»), где им дают выпить напиток забвения. Некоторые девицы-грешницы, желающие мстить своим обидчикам-соблазнителям, возвращаются на землю духами. День рождения Чжуаньлунь-вана 17-го дня 4-й луны.

Изображения отдельных сцен Д. (рис. Е) были чрезвычайно популярны в храмах Чэн-хуана. Путешествия в Д. неоднократно описывались в китайской литературе, начиная от религиозного сказа VIII—X вв. и кончая средневековой литературной новеллой и фантастической эпопеей У Чэн-зня «Си ю цзи» («Путешествие на Запад») (XVI в.) и традиционными драмами (XIII—XX вв.).

*Источник: Энциклопедия «Мифы народов мира»*

IV Праздник драконовых лодок.

На 5 день 5-го месяца по лунному календарю отмечают праздник Дуаньу, что переводится как истинная середина.

Кроме официального названия, праздник имеет второе название — праздник драконовых лодок. Это название ему дала древняя легенда, дошедшая до наших дней с 470-х годов до н. э., со времен Воюющих царств. Жил в то время поэт, который являлся патриотом своей страны и ради общего блага пытался донести до царя свои идеи по поводу реформ, призванных уничтожить коррупцию в царстве. Однако, кроме него, у царя было еще много советчиков, которые в итоге оговорили поэта и царь выслал его из столицы. Немного позднее войска соседнего царства ворвались в столицу царства Чу и поэт, узнав об этом бросился в реку. Люди, почитающие его талант, охваченные скорбью сели в лодки и долго искали тело утопшего поэта в реке, чтобы предать его земле. Чуть позднее появилась традиция в день гибели поэта, а именно 5-го числа 5-го месяца спускать на воду лодки в виде драконов и устраивать соревнования.

Кроме того, этот день с астрономической точки зрения является своеобразной серединой года и соответствует дню летнего солнцестояния и является некой границей между двумя половинами года. Можно также сказать, что этот день является определенным экватором, когда весеннее цветение сменяется осенним увяданием.

Также этот день обладает большим значением с космологической точки зрения. В этот день сила светлого начала Ян достигает своего апогея, после чего идет на убыль, уступая смертоносной силе начала Инь...

Праздник Истинной середины знаменовал начало летней жары, когда воздух полон пряных испарений, ароматов травы и цветения деревьев, но также он наполнен и запахами разложения и отмирания. Кроме того, начинают появляться ядовитые насекомые, а палящие лучи солнца грозят спалить все живое. Именно поэтому 5-е число 5-го месяца довольно-таки долго считалось несчастливым днем в году, когда люди старались не делать ничего важного, сидеть дома с семьей, поменьше общаться с другими людьми и уж тем более подниматься на любые высоты, будь то холм, дерево или расположенная высоко над полом кровать. Потому что в этом случае человек мог встретить своего духовного двойника, что согласно поверьям многих стран Азии является причиной внезапной смерти. Даже ребенок, который рождался в этот день считался несчастливым и приносил несчастья свои родителям. В 5-й месяц не заключаются браки, которые обязательно будут несчастливыми. Но эти поверья остались в далеком прошлом и сейчас этот день приносит только позитивные эмоции, особенно этому способствуют устраиваемые гонки на лодках.

Гонки на лодках проводились не только в память о погибшем поэте, они также были призваны тому, чтобы вызвать обильные дожди и богатый урожай, изгнать нечисть, почтить

богов. Строительство лодки тоже большое и важное действо, на которое ни в коем случае не допускают женщин, потому что считается, что ее взгляд может заставить лодку перевернуться в воде или даже утонуть.

Длина каждой лодки составляет 10 метров и вмещает в себя 20-22 гребца. Гребцы рассаживаются по двое в ряд, на носу сидит рулевой, а сзади барабанщик. Гонки проходят под оглушительный гром барабаном, которым после смерти поэта местные жители старались отогнать рыб и прочую живность, обитающую в реке от тела поэта, чтобы они его не съели. Также они бросали в воду клецки с мясом, чтобы отвлечь рыбу. Эти традиции дошли и до наших дней. Также многие китайцы с нетерпением ждут этого дня, чтобы открыть купальный сезон, но те, кто не отваживается окунуться в воду просто опускают руки в воду, отдавая дань традиции, которая появилась благодаря желанию людей спасти поэта Чу Юаня.

Ранее на этих соревнованиях проводилась церемония освящения лодок, когда зрители бросали камни в лодки и если кто-то из гребцов тонул, то это считалось признаком большой удачей. Позднее эту традицию отменили. В этот же день проводятся Гонки Ванн — забавные соревнования, когда до 2 гребца располагаются в ванне и пускаются в плавание по реке. В награду победители получают призы.

Гонки лодок-драконов устраиваются также в честь водного дракона. В Китае драконов почитают уже несколько тысячелетий, их считают существами очень необычными и способными влиять на погоду, количество осадков, благосклонностью моря к мореплавателям. Поэтому древняя традиция, когда в лодки кидали камни, была призвана также почтить морского дракона, а утонувшие гребцы предназначались ему в качестве жертвоприношения.

Лодка-дракон получила свое название потому, что нос ее сделан в виде головы дракона, а по бокам развешиваются различные гирлянды-украшения, символизирующие чешую дракона. Участвовать в этих соревнованиях не так просто, как может показаться на первый взгляд. Барабанщик, сидящий на носу лодки, задает ритм гребцам, и корректирует его в зависимости от силы и направления ветра, поведения других лодок и силы течения в той или иной части реки. Задача же гребцов состоит в том, чтобы сквозь какофонию барабанным ударов услышать именно свой барабан и суметь синхронизировать свои взмахи весел с движениями, сидящими рядом гребцов.

[v] Энопид Хиосский — греческий геометр и астроном.

Жил в VI—V вв. до Р. Х. Стоял вне современных ему философских школ — ионийской и пифагорейской. Научные сведения по геометрии и астрономии приобрел в Египте. Прокл, основываясь на данных «Истории геометрии» Эвдема, приписывает Э. решения задач: 1) о проведении перпендикуляра к неограниченной прямой линии из точки, лежащей вне ее, и 2) о построении на данной прямой, при данной точке, угла равного данному. Так как трудно допустить, чтобы Фалес и Анаксимандр при тех работах в теоретической и практической геометрии, которые им приписываются, могли не знать решений этих основных в искусстве черчения задач, то в утверждении Прокла едва ли следует видеть что-нибудь другое, кроме указания на найденные Э. или, вернее, вынесенные им из Египта новые приемы решения этих задач. Имеются основания предположить, что кроме новых приемов решения задач Э. принес из Египта еще и некоторые другие новые для греков геометрические знания. Э. приписывал себе открытие наклонения плоскости эклиптики к плоскости экватора и даже вступил по этому поводу в спор с пифагорейцами; а между тем еще до Э. наклонение плоскости эклиптики к плоскости экватора было известно Пифагору и даже Фалесу. В астрономии Э. принадлежит только установление так называемого великого года, состоящего из 59 лет. Вырезанный на медной доске календарь для этого периода времени, по свидетельству Айлианоса, был выставлен Э. в Олимпии. В этом открытии Э., требовавшем многолетних наблюдений, которые он мог найти только в Египте, едва ли можно видеть что-нибудь другое, кроме одной из многочисленных, простиравшихся от Фалеса до Калиппа попыток уравнивания солнечного года с движением Луны при помощи многолетних циклов времени.

# ОБ АВТОРЕ

Барри Хьюарт (1934) — американский автор, работающий в жанре ориентального фэнтези. О его биографии известно очень немного. Родился в городке Пеория, штат Иллинойс. Обучался в элитной частной школе — Академия Филлипса. После окончания старших классов оказался в психиатрической клинике из-за депрессивного расстройства, которое было диагностировано как шизофрения. Высшее образование после выписки получал в Колумбийском университете, который окончил со степенью бакалавра в 1956 году.

После завершения образования вступил в ряды военно-воздушных сил США. Военную службу (1956-1960 гг) проходил в Южной Корее, участвовал в минировании демилитаризированной зоны безопасности между КНДР и Республикой Корея . Во время службы на Дальнем Востоке заинтересовался историей Китая. Именно в этот период он задумал написать серию романов о «древнем Китае, которого никогда не существовало».

Связи автора с Китаем не прервалась и с окончанием военной службы. В течении пяти лет (до 1965 года) он работал в компании TechTop, базирующейся в Азии. Следующие пять лет Хьюарт провел в качестве менеджера книжного магазина в Нью-Йорке. Первый роман задуманной серии «Мост птиц» вышел в 1984 году и сразу же принес автору известность. Впоследствии вышли два романа-продолжения.

Барри Хьюарт участвовал в написании диалогов для нескольких фильмов: «Devil's Bride» (1968), «Honeymoon with a Stranger» (1969), «Man on the Move» («Jigsaw», 1972), «Welcome Home Johnny Bristol» (1972), «The Other Side of Hell» (1978), «Special Effects» (1984), «Snow Job» (1983-1985) и «When the Bough Breaks» (1986).

© fantlab.ru

2

Барри Хьюарт

# История камня
# Восемь умелых мужчин

Романы

Статьи

Приложения

Пер. с английского и примечания
Александр Вироховский

Некоммерческий
ПРОЕКТ
САМИЗДАТ

Иваново, 2011

Рис. А. Куан Ин

Рис. Б. Сыма Цянь

Рис. В. Чернильный камень

Рис. Г. Нюйва

Рис. Д. Ди-санг Ван-пуса

Рис. Е. Сунь У-кун. Царь обезьян

Рис. Ж. Бог экзаменов Куй Син

Рис. 3. Желтый император

Рис. И. Монастырь Юн-Тай

Рис. К. Диюй

Рис. Л. Ли Тай-Бо

Рис. М. Кхен (шен), музыкальный инструмент

БАРРИ ХЬЮАРТ

# ХРОНИКИ МАСТЕРА ЛИ И ДЕСЯТОГО БЫКА

В следующих выпусках:

**Джордж Макдональд**
«Донал Грант. Сказки»
**Лорд Дансени**
«Рассказы»
**Татьяна Тайганова**
«Роман. Повести. Рассказы»
**Михаил Пухов**
«Рассказы»
**Вальтер Моэрс**
«Румо и чудеса в темноте»
**Мирча Элиаде**
«Шаманизм»

и многое др.

Иваново, 2011